**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2079-1690

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей:
5.2. Экономика; 5.4. Социология; 5.5. Политология

№ 1

Ростов-на-Дону
2023

УДК 354.07.08

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

Регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 71827 от 08.12.2017 Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Главный редактор	**ИГНАТОВА Т. В.**, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор
Зам. главного редактора	**ЧЕРКАСОВА Т. П.**, доктор экономических наук, профессор

Члены редколлегии:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne (France); ***Eugene Nivorozhkin***, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London (Great Britain); ***Ford Lumban Gaol***, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta (Indonesia); ***Атанесян А. В.***, докт. полит. наук, проф., Ереванский государственный университет (Армения); ***Кадол Н. Ф.***, докт. экон. наук, доц., Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Беларусь); ***Ушаков Д. С.***, докт. экон. наук, проф., Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Арсеньева В. А., докт. экон. наук, доц.; ***Дзахова Л. Х.***, докт. полит. наук, проф.; ***Дробышевская Л. Н.***, докт. экон. наук, проф.; ***Золочевская Е. Ю.***, докт. экон. наук, проф.; ***Кислицын С. А.***, докт. ист. наук, проф.; ***Козлюк Н. В.***; докт. экон. наук, доц.; ***Колядин А. П.***, докт. экон. наук, проф.; ***Крюкова Е. М.***, докт. экон. наук, проф.; ***Миляева Л. Г.***, докт. экон. наук, проф.; ***Овчаренко Р. К.***, докт. социол. наук, доц.; ***Пешкова Е. П.***, докт. экон. наук, проф.; ***Понеделков А. В.***, заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф.; ***Попова Е. А.***, докт. полит. наук, доц.; ***Скворцов Н. Г.***, докт. социол. наук, проф.; ***Сологуб В. А.***, докт. социол. наук, проф.; ***Чернова О. А.***, докт. экон. наук, доц.

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70/54.
Тел. 8-863-203-63-89,
e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru
http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/

16+

© ЮРИУ РАНХ и ГС. 2023.

RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION
SOUTH-RUSSIA INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2079-1690

STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT. SCHOLAR NOTES

The journal is included into the list of reviewed scientific publications where main research results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science in specific scientific fields:
5.2. – economic science; 5.4. – sociology; 5.5. – politology

№ 1

Rostov-on-Don
2023

UDC 354.07.08

STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT. SCHOLAR NOTES

Registration number ПИ № ФС 77 – 71827 from 08.12.2017 of Federal Service for Supervision of communications, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Founder – Federal state budget educational institution of higher education «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»

The Editor in Chief **IGNATOVA T. V.,**
Honored Worker of Higher School of Russian Federation,
Doctor of Economic science, professor

Vice-Editor in Chief **CHERKASOVA T. P.,**
Doctor of Economic science, professor

Editorial Board:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne, France; ***Eugene Nivorozhkin***, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London, Great Britain; ***Ford Lumban Gaol***, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta, Indonesia; ***Arthur V. Atanesyan,*** Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia; ***Natalia F. Kadol***, Doctor of Economics, Docent, Francisk Skarina Gomel State University (Belarus); ***Denis S. Ushakov***, PhD, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand); ***Arsenieva V. A.,*** Doctor of Economic Science, Docent; ***Dzakhova L. Kh.,*** Doctor of Political Science, Professor; ***Drobyshevskaya L. N.,*** Doctor of Economic Science, Professor; ***Zolochevskaja E. Yu.,*** Doctor of Economic Science, Professor; ***Kislitsyn S. A.,*** Doctor of Historic Science, Professor; ***Kozlyuk N. V.,*** Doctor of Economic Science, Docent; ***Kolyadin A. P.,*** Doctor of Economic Science, Professor; ***Kryukova E. M.,*** Doctor of Economic Science, Professor; ***Milyaeva L. G.,*** Doctor of Economic Science, Professor; ***Ovcharenko R. K.,*** Doctor of Sociology, Docent; ***Peshkova E. P.,*** Doctor of Economic Science, Professor; ***Ponedelkov A. V.,*** Honorary Scientist of RF, Doctor of Political Science, Professor; ***Popova E. A.,*** Doctor of Political Science, Docent; ***Skvortsov N. G.,*** Doctor of Sociological Sciences, Professor; ***Sologub V. A.,*** Doctor of Sociological Sciences, Professor; ***Chernova O. A.,*** Doctor of Economic Science, Docent.

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54.
Tel: 8-863-203-63-89,
E-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru
http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/

16+

© URIU RANEPA. 2023.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
НАУЧНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

Издается с 2000 г. Периодичность – 4 номера в год. № 1. 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ 11

И. Ф. Денисенко, Е. Н. Тованчова
РОЛЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РФ: ЛУЧШИЕ ПРАКТИКИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ 11

Н. А. Косолапова, А. Ю. Никитаева, Д. С. Ласкова
РИСКИ ДОВЕРИЯ И ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: КОНТУРЫ СОПРЯЖЕННОГО АНАЛИЗА 18

Е. И. Лазарева, М. К. Ноздричев
УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ 27

Н. Г. Ларкина, Г. В. Овчаренко, А. П. Яланский
ВЕКТОР ИННОВАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ 34

К. С. Чикаева, А. В. Рачипа, А. В. Попов
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ 43

Е. И. Шумская, Д. И. Жучков, С. Ю. Иванов
О ВОПРОСАХ ФИНАНСИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 49

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ 54

А. Б. Бабанов, П. А. Бохан, А. А. Шетов
ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 54

Е. А. Васюта, Т. В. Подольская
ТРЕНДЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИК СТРАН МИРА И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ РОССИИ 61

Е. Ю. Золочевская, А. В. Скидан, К. С. Архипова
ТЕНДЕНЦИИ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ 68

Д. Е. Иванова, В. Е. Иванов
МОДЕЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ПОТОКОВ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ 76

К. А. Калицева
ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНА С УЧЕТОМ ESG-ПРИНЦИПОВ 83

М. А. Корытцев, С. А. Морозов
СИСТЕМЫ ТОРГОВЛИ КВОТАМИ НА ВЫБРОСЫ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ: АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ 89

С. П. Кюрджиев, В. Н. Шкред
ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА: МОДЕЛИ И ПРИНЦИПЫ 97

С. А. Литвинова
ИПОТЕЧНОЕ ЖИЛИЩНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И КАРИБСКОГО БАССЕЙНА 105

Х. У. Магомадов, А. М. Степанян
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОХОДОВ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: ПРИЧИНЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ 113

Т. А. Макареня, Али Аль-Убайди А. И. Х.
АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ В ПЛАНИРОВАНИИ ИРАКСКОГО ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА: ИССЛЕДОВАНИЕ В MIDLANDS OIL COMPANY (БАГДАД) 120

Т. Б. Мельникова
ПРИРОДА И ФОРМА ЗНАНИЙ В ЭКОНОМИКЕ 126

И. В. Мошкин, А. Б. Бабанов
МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ 134

Е. П. Пешкова, К. Г. Трубилин, И. Н. Гречкина
ВЛИЯНИЕ НАЛОГОВ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 140

А. И. Садыков, Н. В. Капустина
ПРИМЕНЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ 146

К. Т. Тагиров, А. В. Глущенко, Е. А. Довгань
СТРАТЕГИЯ «УМНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ» РЕГИОНОВ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ 152

Е. Н. Тимушев, А. А. Михайлова
ПОКАЗАТЕЛЬ ВЕРТИКАЛЬНОЙ НЕСБАЛАНСИРОВАННОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ДОЛГОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ 157

ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА 167

Д. К. Григорян
ЭЛЕКТОРАЛЬНО-ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЛЕГИТИМАЦИИ ЭЛИТНО-ЛИДЕРСКОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ 167

С. Л. Катанандов, А. А. Ковалев
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ 174

В. А. Лихотинский
ТРАНСГУМАНИЗМ КАК СОВРЕМЕННЫЙ АНАЛОГ ГНОСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ: ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 183

Е. А. Попова, З. С. Мартемьянова
ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭКОСИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА 191

С. П. Поцелуев, А. А. Гаас, А. Д. Яковлев
МОНУМЕНТАЛЬНАЯ КОММЕМОРАЦИЯ И РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: МОЖЕТ ЛИ НЕПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ БЫТЬ РАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИЕЙ? 197

А. В. Тупаев, Р. А. Пупыкин
КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ ДОНБАССА: ФРЕЙМЫ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ И КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ 205

А. В. Семенов
ВЛИЯНИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ НА СОДЕРЖАНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 211

Е. О. Сонина
РОЛЬ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ 216

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ 224

О. О. Антименко, О. В. Дружба

НОВЫЙ ПАНОПТИКОН: ИМИДЖ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ДИСЦИПЛИНИРОВАНИЯ И КОНТРОЛЯ 224

О. В. Васильева, Д. О. Труфанов

РЕЛИГИЯ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: СРАВНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОНЛАЙН И ОФЛАЙН-ИССЛЕДОВАНИЙ 232

В. В. Ковров, И. М. Вакула, Н. Х. Гафиатулина

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ 240

Р. К. Овчаренко, Э. В. Моргунова

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ КАПИТАЛОМ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД 246

Е. А. Склярова

РУССКОЕ ИСКУССТВО КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ 252

Т. Д. Скуднова

ИНСТИТУТ НАСТАВНИЧЕСТВА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН 258

М. М. Шахбанова

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОЦЕНКА И ПЕРСПЕКТИВЫ 264

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ 271

Чжан Чун

ИССЛЕДОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИЕЙ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ КИТАЯ: СОСТОЯНИЕ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ 271

Р. Т. Алкесов

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНТОВ ЮГА РОССИИ 279

Е. А. Васюков

ОПЫТ КИТАЯ В ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ СЧЕТА ОПЕРАЦИЙ С КАПИТАЛОМ ЧЕРЕЗ ПРОГРАММЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ 285

И. Г. Веренич

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ 293

К. А. Власенко

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНЕДРЕНИЯ НАИЛУЧШИХ ДОСТУПНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ВАЖНОГО КОМПОНЕНТА ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКИ НА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ 297

А. А. Караваева

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ КООПЕРАЦИИ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА 303

А. В. Макарова

РОЛЬ СОВЕТА СУДЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМОЙ 307

В. В. Провоторова

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА 313

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ 319

CONTENTS

PROBLEMS OF MANAGEMENT 11

Ivan F. Denisenko, Elena N. Tovanchova
THE ROLE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE SYSTEM OF PUBLIC POWER OF RUSSIAN FEDERATION: BEST PRACTICES OF ROSTOV REGION 11

Nataliya A. Kosolapova, Anastasia Yu. Nikitaeva, Darya S. Laskova
TRUST RISKS AND INDUSTRIAL DEVELOPMENT: FRAMEWORK OF THE JOINT ANALYSIS 18

Elena I. Lazareva, Maksim K. Nozdrichev
INNOVATIVE DEVELOPMENT MANAGEMENT OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN THE DIGITAL ECONOMY: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS 27

Natalia G. Larkina, Georgy V. Ovcharenko, Alexander P. Yalansky
THE VECTOR OF INNOVATIVE MANAGEMENT IN THE IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE ORGANIZATION'S ACTIVITIES 34

Karina S. Chikaeva, Andrey V. Rachipa, Alexander V. Popov
ORGANIZATIONAL SUSTAINABILITY AS A FACTOR OF EFFICIENT HUMAN RESOURCE MANAGEMENT 43

Ekaterina I. Shumskaya, Denis I. Zhuchkov, Sergey Y. Ivanov
FUNDING SCIENTIFIC RESEARCH IN THE RUSSIAN FEDERATION 49

PROBLEMS OF ECONOMICS 54

Andrey B. Babanov, Petr A. Bokhan, Artur A. Shetov
PROSPECT OF USING PARALLEL IMPORTS IN THE RUSSIAN FEDERATION 54

Evgenia A. Vasyuta, Tatiana V. Podolskaya
TRENDS OF FOREIGN ECONOMIES' INNOVATIVE DEVELOPMENT AND PRIORITY DIRECTIONS FOR RUSSIA 61

Elena Yu. Zolochevskaya, Anastasia V. Skidan, Ksenia S. Arkhipova
TAX ADMINISTRATION TRENDS IN MODERN ECONOMIC CONDITIONS 68

Daria E. Ivanova, Vyacheslav E. Ivanov
MODEL INSTRUMANTARY OF STUDY OF THE MECHANISM OF FLOWS OF FOREIGN DIRECT INVESTMENT 76

Kristina A. Kalitseva
TRANSFORMATION OF TRADITIONAL MODELS OF REGIONAL DEVELOPMENT IN ORDER TO ENSURE THE SUSTAINABILITY OF THE REGION, TAKING INTO ACCOUNT THE ESG PRINCIPLES 83

Maksim A. Korytsev, Serafim A. Morozov
GREENHOUSE GAS EMISSIONS TRADING SCHEME: ANALYSIS OF INTERNATIONAL EXPERIENCE AND ADOPTION PROSPECTS IN RUSSIA 89

Sergey P. Kyurdzhiev, Vladimir N. Shkred
FEATURES OF ASSESSING THE PERFORMANCE OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP PROJECTS: MODELS AND PRINCIPLES 97

Svetlana A. Litvinova
MORTGAGE HOUSING LENDING IN LATIN AMERICA AND THE CARIBBEAN 105

Hasan U. Magomadov, Asya M. Stepanyan
PROBLEMS OF CITIZENS' INCOME FORMATION IN MODERN ECONOMIC CONDITIONS: CAUSES, TRENDS AND PROSPECTS 113

Tatiana A. Makarenya, Obaidi A. I. H.
PROBLEMS ANALYSIS IN PLANNING OF IRAQI FUEL AND ENERGY SECTOR: CASE STUDY IN MIDLANDS OIL COMPANY (BAGHDAD) 120

Tatyana B. Melnikova
THE NATURE AND FORM OF KNOWLEDGE IN THE ECONOMY 126

Igor V. Moshkin, Andrey B. Babanov
MOBILIZATION WAY OF DEVELOPMENT OF ECONOMY IN RUSSIA **134**
Elena P. Peshkova, Kirill G. Trubilin, Irina N. Grechkina
IMPACT OF TAXES ON FUNCTIONING OF ENTERPRISES: THEORETICAL ASPECT **140**
Albert I. Sadykov, Nadezhda V. Kapustina
APPLICATION OF QUANTITATIVE MODELS OF REGIONAL DEVELOPMENT BALANCE **146**
Kaziakhmed T. Tagirov, Alina V. Glushchenko, Evgeny A. Dovgan
STRATEGY OF "SMART SPECIALIZATION" OF THE REGIONS AS A FACTOR OF INNOVATIVE DEVELOPMENT **152**
Evgeny N. Timushev, Anna A. Mikhaylova
VERTICAL FISCAL IMBALANCE AS A TOOL FOR ANALYZING THE DEBT SUSTAINABILITY OF RUSSIAN REGIONS **157**
POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS 167
David K. Grigoryan
ELECTORAL-VOTING TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR LEGITIMIZING ELITE LEADERSHIP POSITIONING **167**
Sergey L. Katanandov, Andrey A. Kovalev
TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF MODERN STATES: ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PUBLIC ADMINISTRATION **174**
Vladislav A. Likhotinsky
TRANSHUMANISM AS A MODERN ANALOGUE OF THE GNOSTIC WORLDVIEW: PHILOSOPHICAL AND POLITICAL ASPECT **183**
Ekaterina A. Popova, Zlataslava S. Martemyanova
FEATURES OF DIGITAL INTERACTION IN THE ECOSYSTEM OF THE POLITICAL SPACE **191**
Sergey P. Potseluev, Alan A. Gaas, Alexander D. Yakovlev
MONUMENTAL COMMEMORATION AND RUSSIAN IDENTITY IN THE NORTH CAUCASUS: CAN NON-ACCEPTANCE OF DECISIONS BE A RATIONAL POLITICAL STRATEGY? **197**
Andrey V. Tupaev, Roman A. Pupykin
CONCEPTUALITY OF DONBASS: FRAMES OF IDEOLOGICAL AND POLITICAL CONTENT AND COGNITIVE OF DEVELOPMENT STRATEGIES **205**
Andrey V. Semenov
THE INFLUENCE OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE ON THE CONTENT AND MODERN STRATEGIES OF POLITICAL ACTIVITY **211**
Ekaterina O. Sonina
THE ROLE OF POPULATION PARTICIPATION IN THE MANAGEMENT OF STATE AFFAIRS AT THE PRESENT STAGE: ANALYSIS OF THE MAIN CONCEPTUAL APPROACHES **216**
SOCIOLOGY PROBLEMS 224
Oleg O. Antimenko, Olga V. Druzhba
NEW PANOPTICON: THE IMAGE IN THE SYSTEM OF SOCIAL DISCIPLINE AND CONTROL **224**
Olga V. Vasilyeva, Dmitry O. Trufanov
RELIGION IN THE PERCEPTION OF MODERN YOUTH: COMPARISON OF ONLINE AND OFFLINE RESEARCH RESULTS **232**
Vladimir V. Kovrov, Ivan M. Vakula, Natalia Kh. Gafiatulina
SOCIOCULTURAL DIFFERENTIATION OF RUSSIAN YOUTH: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL GROUNDS **240**
Roman K. Ovcharenko, Eleonora V. Morgunova
COGNITIVE MODELS OF INTELLECTUAL CAPITAL MANAGEMENT: A SOCIOLOGICAL APPROACH **246**

Elena A. Sklyarova
RUSSIAN ART AS A REFLECTION OF RUSSIAN MENTALITY **252**
Tatiana D. Skudnova
THE INSTITUTION OF MENTORING AS A SOCIAL PHENOMENON **258**
Madina M. Shakhbanova
INTERETHNIC RELATIONS IN MODERN DAGESTAN SOCIETY: ASSESSMENT AND PROSPECTS **264**
YOUNG SCIENTISTS 271
Zhang Chong
RESEARCH ON MANAGEMENT OF THE E-COMMERCE IN RURAL AREAS OF CHINA: STATUS AND DEVELOPMENT CONDITIONS **271**
Ruslan T. Alkesov
PROFESSIONAL CAREER IN THE REPRESENTATIONS OF STUDENTS OF THE SOUTH OF RUSSIA **279**
Evgeniy A. Vasyukov
CHINA'S EXPERIENCE IN CAPITAL ACCOUNT LIBERALIZATION THROUGH INVESTMENT PROGRAMS **285**
Igor G. Verenich
COUNTERING TERRORISM IN THE INFORMATION SPACE **293**
Konstantin A. Vlasenko
FEATURES OF FINANCIAL SUPPORT FOR THE INTRODUCTION OF BAT AS AN IMPORTANT COMPONENT OF THE CIRCULAR ECONOMY AT MANUFACTURING ENTERPRISES **297**
Anna A. Karavaeva
THE THEORY OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE CONTEXT OF THE THEORIES OF COOPERATION BETWEEN THE STATE AND BUSINESS **303**
Anastasia V. Makarova
THE ROLE OF THE COUNCIL OF JUDGES OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A PROFESSIONAL COMMUNITY IN THE PROCESS OF IMPROVING THE MANAGEMENT OF THE JUDICIAL SYSTEM **307**
Valeria V. Provotorova
SOCIAL CONDITIONING OF MODERN RUSSIAN LEGISLATIVE PROCESS **313**
REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES 319

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 11–17
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):11–17

Проблемы управления

Научная статья
УДК 352
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-11-17

РОЛЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РФ: ЛУЧШИЕ ПРАКТИКИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Иван Федорович Денисенко[1], Елена Николаевна Тованчова[2]

[1, 2]Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия

[1]dif_gmu@rgups.ru

[2]Just_ien@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением места и роли органов муниципальной власти в системе государственного и муниципального управления Российской Федерации. На примере Ростовской области показано взаимодействие органов местного самоуправления и органов государственной власти по решению вопросов местного значения. Определен круг проблем обеспечения самостоятельности муниципалитетов. Также в статье обозначены причины, обусловливающие несовершенство правового регулирования системы местного самоуправления.

Ключевые слова: система государственного и муниципального управления, муниципальная власть, законодательная основа, реформирование, взаимодействие, инфраструктура, общественная инициатива, эффективность

Для цитирования: Денисенко И. Ф., Тованчова Е. Н. Роль органов местного самоуправления в системе публичной власти РФ: лучшие практики Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 11–17. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-11-17

Problems of Management

Original article

THE ROLE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE SYSTEM OF PUBLIC POWER OF RUSSIAN FEDERATION: BEST PRACTICES OF ROSTOV REGION

Ivan F. Denisenko[1], Elena N. Tovanchova[2]

[1, 2]Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don, Russia

[1]dif_gmu@rgups.ru

[2]Just_ien@mail.ru

Abstract. The article deals with issues related to determining the place and role of municipal authorities in the system of state and municipal administration of the Russian Federation. The example of the Rostov region shows the interaction of local self-government bodies and public authorities to address issues of local importance. The circle of problems of ensuring the independence of municipalities is outlined. The article also identifies the reasons for the imperfection of the legal regulation of the local self-government system.

© Денисенко И.Ф., Тованчова Е.Н., 2023

Keywords: system of state and municipal administration, municipal government, legislative framework, reform, interaction, infrastructure, public initiative, efficiency

For citation: Denisenko I. F., Tovanchova E. N. The role of local self-government bodies in the system of public power of Russian Federation: best practices of Rostov region. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):11-17. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-11-17

Началом современного процесса определения места и роли органов муниципальной власти в системе государственного и муниципального управления Российской Федерации можно считать событие, произошедшее накануне распада Советского Союза – принятие закона СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР». Вступив в силу в апреле 1990 г., он выделил местное самоуправление из системы государственной власти. «Закон определил, что местное самоуправление – уровень публичной власти в государстве, и вывел Советы, исполнительные органы из административной вертикали, устранил зависимость местных органов власти от решений исполнительных структур государства, подчинив их только закону» [1; 2, с. 190–191].

Правовой основой для дальнейшего становления и развития системы государственного и муниципального управления в постсоветской России стало принятие 12 декабря 1993 г. Конституции Российской Федерации.

Принятая всенародным голосованием, она установила, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно, а его органы наделяются собственной компетенцией, которая включает в себя вопросы местного значения[1].

С одной стороны, в РФ концепция местного самоуправления, закрепленная в Конституции страны, предполагает самостоятельный характер местного самоуправления. С другой стороны, на протяжении всей истории России, в том числе в Советский период, для страны никогда не был характерен высокий уровень самостоятельности местной власти, наоборот, были сильны традиции единства системы центральной и региональной государственной власти и власти на местах. Данное противоречие регулярно способствовало возникновению конфликтов и противоречий между федеральной и региональной властью и формально самостоятельной властью в муниципалитетах.

В результате в последние десятилетия органы местного самоуправления регулярно и помимо их воли наделялись не свойственными им по характеру государственными полномочиями, на реализацию которых они достаточно часто не получали всего необходимого объема финансирования, кроме того, полномочия различных уровней власти оказывались недостаточно разграниченными, что регулярно обусловливало возникновение конфликтов между органами федеральной и муниципальной власти.

Очередным этапом определения конституционно-правового положения органов муниципальной власти в системе государственного и муниципального управления стало принятие в 2003 г. нового Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[2], который в субъектах страны вступил в действие только с января 2006 г. Важнейшей целью нового этапа реформирования местного самоуправления в Российской Федерации, старт которому дало принятие Федерального закона № 131-ФЗ, является устранение препятствий на пути превращения органов местного самоуправления в действительно самостоятельный независимый орган власти. Важнейшими из них являлись вопросы, связанные с четким разграничением полномочий между региональной и муниципальной властью, а также проблемы, связанные с недостаточно точным отражением в нормативно-правовых актах как понятия вопросов местного значения, так и их структуры, и перечня.

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12. 2008 № 6-ФКЗ, от 30.12. 2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014, № 31, ст. 4398.

[2] Федеральный закон от 06.10. 2003 № 131-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

Несмотря на то, что статус и положение органов местной власти в системе органов власти Российской Федерации на конституционном уровне был закреплен более 30 лет назад, процесс реформирования системы муниципальной власти в стране еще далек от завершения. В процессе реформирования МСУ были затронуты не только организационные вопросы деятельности органов муниципальной власти, но и подходы к организации эффективного управления всеми сферами жизнедеятельности муниципального образования.

Реформа определила ряд проблем и препятствий на этом пути, значительная часть из которых имеет место и в настоящее время. В первую очередь они связаны с финансово-экономическим положением муниципальных образований, в том числе:

– недостаточностью средств для эффективной деятельности и исполнения своих функциональных обязанностей и как итог – дотационностью местного бюджета;

– дисбалансом между ресурсами и обязанностями органов местного самоуправления;

– недостаточностью использования дополнительных источников получения налоговых доходов местных бюджетов и др.

По мнению многих ученых и практиков муниципального строительства, сложившаяся ситуация с финансово-экономическим положением муниципальных образований в современной России является результатом государственной политики, направленной на укрепление вертикали власти [3].

Ключевые проблемы дополняет и несовершенство правового регулирования системы местного самоуправления, обусловленное:

– дисбалансом в системе НПА, регулирующих сферу муниципального управления в целом;

– недостаточной ясностью в вопросе разграничения полномочий между органами федеральной и муниципальной власти;

– наличием противоречивых положений, как внутри отдельных нормативно-правовых актов, так и в целом в системе нормативно-правовых актов, регулирующих сферу муниципального управления;

– избыточным количеством нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность системы местного самоуправления, накопившимся в ходе ее реформирования;

– засоренностью нормативного массива недействующими или дублирующими предписаниями;

– отсутствием четкого законодательного разграничения актов нормативного и ненормативного характера;

– низким качеством значительной части нормативно-правовых актов представительных органов муниципалитетов, связанная с недостаточным уровнем юридической грамотности муниципальных депутатов;

– недостаточным уровнем квалификации кадров в муниципалитетах, отвечающих за подготовку нормативно-правовой и других видов документации;

– неэффективностью организации процедуры контроля за соответствием содержания муниципальных нормативно-правовых актов нормативно-правовым актам регионального и федерального уровней и др.

Фактором, тормозящим становление и развитие местного самоуправления, является недостаточное внимание к работе с кадрами. Несмотря на обилие образовательных учреждений, осуществляющих подготовку кадров по направлению «Государственное и муниципальное управление», нехватка квалифицированных муниципальных служащих ощущается практически во всех регионах Российской Федерации. Это, в значительной мере, «делает муниципальное управление слабым звеном публичной власти России» [3].

Вопросом, требующим постоянного внимания в подходах к решению проблем муниципальных образований, является степень участия населения в решении задач местного значения. Практика показывает, что, к сожалению, не наступило достаточное осознание жителями этих территорий права «самостоятельно и под свою ответственность решать вопросы местного значения»[1].

[1] Федеральный закон от 06.10. 2003 № 131-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

Пассивное отношение к процессам, происходящим в муниципальном строительстве, попытки переложить свою ответственность исключительно на органы муниципальной власти приводят к дискредитации самой идеи местного самоуправления, за которую активно боролись и голосовали.

Совершенно очевидно, что решение обозначенных проблем требует комплексного подхода, предполагающего налаживание эффективного сотрудничества всех ветвей и уровней власти.

Достаточно активную полемику в отношении сложившейся системы государственной и муниципальной власти в России в последние годы вели ученые, политики и практики государственного и муниципального управления. Многие из них публично заявляли, что на современном этапе государственного строительства она уже не соответствует требованиям времени и нуждается в основательном реформировании.

Свою позицию по данной проблеме обнародовал и Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем обращении с Посланием к Федеральному Собранию в 2020 г.: «Нам нужно быстрее, не откладывая, решать масштабные социальные, экономические, технологические задачи, перед которыми стоит страна. Их содержание и ориентиры отражены в национальных проектах, реализация которых требует нового качества государственного управления, работы правительства, всех уровней власти»[1].

Выступая с Посланием, глава государства инициировал внесение поправок в Конституцию, которые были одобрены населением страны на всенародном голосовании, привели к началу серьезных изменений политической системы и запустили процесс, направленный на повышение эффективности действующей власти.

Внесенные изменения в положения Конституции РФ, касающееся местного самоуправления позволили, во многом, разрешить споры о его статусе, роли и месте в системе органов власти страны. Внесенные в Конституцию РФ поправки позволили более точно определить, как природу муниципальной власти, так и уровень ее самостоятельности.

Так, в результате реформы в текст Конституции РФ было введено понятие «публичная власть» в ст. 132: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации[2], что позволяет в настоящее время ученым и политологам утверждать, что государственное управление в России неминуемо реализует принцип жесткого централизма. В этой связи следует отметить, что вопрос о соотношении различных форм самоуправления и системы государственного управления требует дальнейшей теоретической разработки [4].

Возвращаясь к вопросу взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти, следует остановиться на его позитивном осуществлении в Ростовской области, где выстроена система полезного сотрудничества Ассоциации «Совет муниципальных образований Ростовской области» с органами государственной власти региона, Общественной палатой Ростовской области и муниципалитетами. При этом Ассоциация, которая отмечает свое 25-летие, является востребованной дискуссионной площадкой и работающим механизмом взаимодействия между органами власти муниципального и регионального уровней.

В качестве одного из примеров эффективного взаимодействия можно привести реализуемый региональный проект «Система поддержки фермеров и развитие сельской кооперации в Ростовской области на 2019-2024 годы» в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»[3].

---

[1] Обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации 15 января 2020 года: «Помочь тем, кому труднее». Российская газета от 16 января 2020 года, № 7 (8061) www.rg.ru (дата обращения 21.01.2023 г.).

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.

[3] Итоги реализации региональных проектов в 2020 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.donland.ru/result-report/978/; Информация «О развитии местного самоуправления в Ростовской области в 2020 году». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.smoro.ru/

Формами работы, повышающими управленческую эффективность на местах, стали совместные с Администрацией Ростовской области обсуждения насущных вопросов жизни муниципальных образований и принятые решения на заседаниях правления и палат Ассоциации, в работе которых принимают участие и выступают с докладами заместители губернатора и министры правительства области.

Среди рассмотренных вопросов только в 2022 г. выделяются своей значимостью такие, как:

– опыт администрации города Гуково по реализации муниципальной практики «Равные возможности: эффективные практики работы с детьми»;

– опыт администрации Егорлыкского района по внедрению системы мониторинга земель сельскохозяйственного назначения на основе космических снимков;

– опыт администрации Усть-Донецкого городского поселения Усть-Донецкого района по комплексному подходу при благоустройстве пространства поселения» и др.

С 2019 года Правительством области при содействии Ассоциации проводится конкурс на звание «Лучшее территориальное общественное самоуправление в Ростовской области». На поощрение победителей областного этапа, который был подведен в октябре 2022 г., из средств Ассоциации «Совет муниципальных образований Ростовской области» было выделено 5 млн руб. Полученные победителями средства по решению собраний членов ТОС направляются на такие конкретные дела, как благоустройство территорий, приобретение оборудования, организация необходимых мероприятий.

Настоящим подспорьем для территорий области стал и губернаторский проект поддержки местных инициатив «Сделаем вместе». Он предусматривает конкурсный отбор инициативных проектов – механизма финансовой поддержки активности граждан и бизнеса в решении вопросов местного значения. Опыт участия донских муниципалитетов в проекте «Сделаем вместе» доказывает, что запущенный механизм реализации общественных инициатив способствует развитию городов, поселков, хуторов и других населенных пунктов обрасти.

Основная задача проекта поддержки местных инициатив «Сделаем вместе» – обеспечить совместное решение вопросов местного значения бизнесом, жителями, и муниципальной властью конкретного муниципального образования. Жителям и бизнес-сообществу муниципального образования предлагается принять участие в развитии общественной инфраструктуры своего муниципального образования, в том числе, путем: определения основных направлений расходования бюджетных средств, софинансирования выбранных проектов развития, общественного контроля за качеством и сроками их реализации.

При этом практика софинансирования, с учетом того факта, что допустимый финансовый вклад жителей и бизнес-сообщества начинается от 5% всей суммы, необходимой на реализацию проекта, должна рассматриваться, скорее, как инструмент отбора наиболее значимой общественной проблемы, которую предполагается решить реализацией совместного проекта жителей, бизнеса и муниципальных властей. Готовность местного сообщества вложиться в совместную с муниципальной властью реализацию какого-либо проекта будет свидетельствовать о его важности для населения муниципального образования. Также практика софинансирования, с нашей точки зрения, будет способствовать более эффективной и бережной эксплуатации объекта, появившегося в результате реализации проекта.

Благодаря проекту «Сделаем вместе» на территории области появляются новые общественные пространства, модернизируются детские и спортивные площадки, восстанавливаются памятники и мемориалы, ремонтируются дороги, восстанавливаются учреждения культуры, открываются новые образовательные учреждения и молодежные центры.

К примеру, в Чертковском сельском поселении вот уже несколько лет продолжается реализация проекта «Аптекарский сад», благодаря которому заброшенный участок, расположенный в центральной части поселка Чертково, превратился в территорию для семейного времяпровождения. На участке разбили клумбы, установили фонари на солнечных батареях, скамьи, малые архитектурные формы и лестницу для подъема и спуска, полосу препятствия для детей. Каждый год жители и работники администрации поселения высаживают здесь лекарственные деревья, кустарник и травы: боярышник, иргу, калину, ежевику, мяту, шалфей, превращая ранее заброшенный участок в аптекарский сад.

В Неклиновском районе благодаря участию в проекте «Сделаем вместе», в Покровском сельском поселении создан и успешно работает Многофункциональный молодежный центр. Образовательная творческая площадка объединяет видеостудию и пресс-центр, художественную студию, кукольный театр, зал для мероприятий и спортивный зал, которые доступны для ребят всего Неклиновского района.

В рамках губернаторского проекта в Песчанокопском районе капитально отремонтирован патриотический центр, благоустроен стадион в поселке Гигант Сальского района, построена спортивная площадка и легкоатлетический центр в г. Новошахтинске, капитально отремонтирован монумент в честь павших воинов, установленный в поселке Победа Волгодонского района.

Только в 2022 г. к областному конкурсному отбору были допущены 322 инициативных проекта, 240 из которых в результате рейтингового отбора стали победителями. На их реализацию из областного бюджета выделено около 400 млн руб.

В целях ознакомления с опытом и практикой работы в области местного самоуправления субъектов Российской Федерации продолжается системное взаимодействие Ассоциации «Совет муниципальных образований Ростовской области» с Общероссийским Конгрессом муниципальных образований и со Всероссийской Ассоциацией развития местного самоуправления, которое способствует достижению положительных результатов.

В то же время, нельзя не согласиться с мнением научного сообщества и представителей муниципальной власти, что важнейшей задачей реформы местного самоуправления в настоящее время на практическом уровне является внесение изменений в законодательство, направленных на укрепление финансовых и экономических основ местного самоуправления.

Решение этой проблемы позволит: реализовывать большее количество муниципальных программ, как в экономической, так и в социальной сфере; улучшить инвестиционный климат в муниципальных образованиях; регулярно совершенствовать муниципальную инфраструктуру [5].

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что в решении накопившихся проблем в окончательном определении роли и места органов муниципальной власти в системе управления государством, многое зависит от органов государственной власти, которые должны понимать, что слабое местное самоуправление не способствует повышению качества жизни людей, а значит, будет проблемой в достижении этой важнейшей государственной задачи. В первую очередь, необходимо перераспределить полномочия между сельскими поселениями и муниципальными районами, делегировать определенный объем социальных задач, таких как обеспечение здравоохранения и образования, на региональный уровень, модифицировать систему налогообложения таким образом, чтобы в местные бюджеты попадал больший объем налоговых отчислений граждан и коммерческих организаций, осуществляющих деятельность в границах поселений и районов.

Список источников

1. Ляхов В.П. Реформа местного самоуправления в России: цели, законодательные основы, перспективы. Местное самоуправление в России и Германии: история и современность (на примере Юга России): материалы междунар. науч.-практ. конф., 3 апреля 2010 г., Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2010. 708 с.

2. Игнатов В. Г. Государственное и муниципальное управление в России. Теория и организация: учебное пособие. Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2010.

3. Гретченко А. И. Ключевые проблемы местного самоуправления в России // Федерализм. 2017. № 3. С. 87–96. https://federalizm.rea.ru/jour/article/view/110 (дата обращения 25.01. 2023 г.).

4. Тахтамышев В. Г. Представительная и непосредственная демократия в системе государственного управления. Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики: материалы Седьмой международной научно-практической конференции (11–12 ноября 2022 г.) / редкол.: А. Н. Гуда (пред.) [и др.]; ФГБОУ ВО РГУПС. Ростов н/Д., 2022. 287 с.

5. Ляхов В. П., Фадеева Н. В. Взаимодействие органов государственной и муниципальной власти на примере Ростовской области. Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики: материалы Шестой международной научно-практической конференции (12–13 ноября 2021 г.) / редкол.: А. Н. Гуда (пред.) [и др.]; ФГБОУ ВО РГУПС. Ростов н/Д., 2021.

References

1. Lyakhov V. P. *Reform of local self-government in Russia: goals, legislative framework, prospects. Local self-government in Russia and Germany: History and Modernity (on the example of the South of Russia): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, April 3, 2010, Rostov-on-Don; 2010. 708 p. (In Russ.)

2. Ignatov V. G. *State and municipal management in Russia. Theory and organization: a textbook*. Rostov-on-Don: Publishing Center "March"; 2010. (In Russ.)

3. Gretchenko. A. I.Key problems of local self-government in Russia. *Federalism.* 2017;(3):87–96. Available from: https://federalizm.rea.ru/jour/article/view/110 [Accessed 25.01.2023]. (In Russ.)

4. Takhtamyshev V. G. Representative and non-partisan democracy in the system of public administration. In: *State, municipal and corporate governance: theory and best practices: materials of the seventh International Scientific and Practical Conference (November 11-12, 2022).* Editorial Board: A. N. Guda, etc.]; Rostov-on-Don; 2022. 287 p. (In Russ.)

5. Lyakhov V. P., Fadeeva N. V. Interaction of state and municipal authorities on the example of the Rostov region. In: *State, municipal and corporate governance: theory and best practices: materials of the sixth International Scientific and Practical Conference (November 12-13, 2021)*. Editorial Board: A. N. Guda, etc.]; Rostov-on-Don; 2021. (In Russ.)

Информация об авторах

И. Ф. Денисенко – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой «Государственное и муниципальное управление» РГУПС.

Е. Н. Тованчова – кандидат политических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» РГУПС.

Information about the authors

I. F. Denisenko – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department "State and Municipal Administration" of the Rostov State University of Railways.

E. N. Tovanchova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department "State and Municipal Administration" of the Rostov State University of Railways.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.02.2023; одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 07.03.2023.
The article was submitted 21.02.2023; approved after reviewing 06.03.2023; accepted for publication 07.03.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 18-26
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):18–26

Проблемы управления

Научная статья
УДК 338
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-18-26

РИСКИ ДОВЕРИЯ И ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: КОНТУРЫ СОПРЯЖЕННОГО АНАЛИЗА

Наталья Алексеевна Косолапова[1], Анастасия Юрьевна Никитаева[2], Дарья Сергеевна Ласкова[3]

[1, 2, 3]Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
[1]nakosolapova@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-2044-160X
[2]aunikitaeva@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0003-0406-7440
[3]laskova@sfedu.ru, https://orcid.org/0009-0003-9700-5915

***Аннотация*.** В статье раскрываются вопросы взаимосвязи рисков доверия и индустриального развития с учетом включения социокультурных факторов в анализ экономической динамики. В исследовании дана характеристика концепта доверия и определены направления и области его воздействия на промышленное развитие в условиях перехода к неоиндустриальной парадигме. Обоснована высокая роль органов власти и открытости государственных структур в формировании доверия. В исследовании определено, что для оценки уровня доверия целесообразно использовать инструментарий Data mining. Обосновано, что технологии Social Mining позволяют определять уровень доверия и с последующим сопряженным анализом зависимости уровня неоиндустриального развития и уровня доверия проводить проактивный анализ рисков, идентифицируя их на более раннем циклическом уровне для своевременного регулирующего воздействия.

***Ключевые слова*:** доверие, индустриальное развитие, риски промышленного развития, технологии Social mining

Финансирование: исследование выполнено в рамках Проекта ПСАЛ ЮФУ «Цифровой атлас политических и социально-экономических угроз и рисков развития Южнороссийского приграничья: национальный и региональный контекст («Цифровой Юг») № СП-14-22-06.

Для цитирования: Косолапова Н. А., Никитаева А. Ю., Ласкова Д. С. Риски доверия и индустриальное развитие: контуры сопряженного анализа // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 18–26. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-18-26

Problems of Management

Original article

TRUST RISKS AND INDUSTRIAL DEVELOPMENT: FRAMEWORK OF THE JOINT ANALYSIS

Nataliya A. Kosolapova[1], Anastasia Yu. Nikitaeva[2], Darya S. Laskova[3]

[1, 2, 3]Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
[1]nakosolapova@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-2044-160X
[2]aunikitaeva@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0003-0406-7440
[3]laskova@sfedu.ru, https://orcid.org/0009-0003-9700-5915

Abstract. The article reveals the issues of the relationship between the risks of trust and industrial development, taking into account the inclusion of socio-cultural factors in the analysis of economic dynamics. The study characterizes the concept of trust and identifies the directions and areas of its impact on industrial development in the transition to the neo-industrial paradigm. The high role of the authorities and the openness of public structures in the formation of trust is substantiated. The study determined that it is advisable to use Data mining tools to assess the level of trust. It is proved that Social Mining technologies make it possible to determine the level of trust and, with subsequent conjugate analysis of the dependence of the level of neo-industrial development and the level of trust, to conduct a proactive risk analysis, identifying them at an earlier cyclical level for timely regulatory impact.

© Косолапова Н. А., Никитаева А. Ю., Ласкова Д. С., 2023

Keywords: trust, industrial development, risks of industrial development, Social mining

Financial Support: The study was carried out within the framework of the PSAL SFU Project "Digital Atlas of political and socio-economic threats and risks of the development of the Southern Russian border region: national and regional context ("Digital South") № SP-14-22-06.

For citation: Kosolapova N. A., Nikitaeva A. Yu., Laskova D. S. Trust risks and industrial development: framework of the joint analysis. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):18-26. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-18-26

В современных условиях динамика и результативность социально-экономического развития регионов все в большей степени сопряжена не только с традиционными объективными факторами, включая экономико-географическое положение, природно-климатические условия, ресурсный и демографический потенциал и финансовую обеспеченность, но и с такими субъективными факторами, как доверие. В ситуации сложной нестабильности, которая радикально трансформирует экономическую среду, эволюция экономики регулируется новыми правилами и ограничениями, которые выходят за рамки собственно экономической сферы и все больше сопряжены с социально-культурными факторами [1]. При этом наряду с факторами-условиями экономического развития, существенное внимание в настоящее время уделяется поиску факторов-драйверов, которые способы активировать и интенсифицировать положительную социально-экономическую динамику в региональном разрезе.

В этой связи следует отметить ряд взаимосвязанных обстоятельств. Во-первых, в концептуальных рамках набирающей силу неоиндустриальной парадигмы ключевая роль в развитии территорий отводится высокотехнологичной промышленности. Во-вторых, развитие соответствующего индустриального сегмента экономики на базе потенциала сквозных технологий и цифровой трансформации общества требует интеграции потенциала государства и бизнеса и поиска новых форм организации экономической деятельности преимущественно партнерского типа (экосистем, кластеров, государственно-частных проектов, цифровых и платформенных бизнес-моделей и т.д.), успешность формирования и развития которых определяется в значительной степени уровнем доверия в обществе. В-третьих, в нестабильных экономических условиях эффективное функционирование хозяйствующих субъектов в промышленности обусловлено не только внутренним потенциалом предприятий, но и их способностью использовать возможности и ресурсы сформированных институтов развития и мер государственной поддержки, что сопряжено с широким спектром вопросов взаимодействия экономических акторов в информационном пространстве региона, включая доверие. Более того, риски доверия могут стать тем ограничителем, который не позволит задействовать драйверы и создать благоприятные условия регионального развития. При этом методы и инструменты мониторинга и анализа рисков доверия и отношения хозяйствующих субъектов к действиям регулятивных структур развиты значительно слабее, чем аппарат оценки традиционных рисков промышленного развития. Это актуализирует исследование теоретических контуров и определение возможного инструментария анализа рисков доверия в контексте обеспечения индустриального развития регионов России.

Вопросы взаимосвязи доверия и экономического развития в научной литературе имеют достаточно продолжительную историю исследования. В библиометрической системе Scopus публикации по соответствующим ключевым словам (доверие и экономическое развитие и рост, англ. trust and economic development or growth) на ежегодной основе фиксируются, начиная с 1972 г., составляют 5000 и в целом характеризуются экспоненциальным ростом количества (рис. 1).

В свою очередь, в численном измерении опубликованные исследования взаимосвязи концепта доверия и индустриального развития характеризуются разнонаправленной динамикой (рис. 2), которая, при этом, согласуется в своих векторах с общими периодами спада числа исследований по промышленному развитию, связанному, по мнению авторов, с противовесным ростом работ по постиндустриальному обществу (рис. 3). В то же время, востребованность работ по вопросам доверия и индустриального развития растет, о чем свидетельствует динамика цитирований публикаций по данной проблематике за последние 15 лет (рис. 4). Более низкий показатель 2022 г. обусловлен тем, что данные зафиксированы по итогам первой половины данного года.

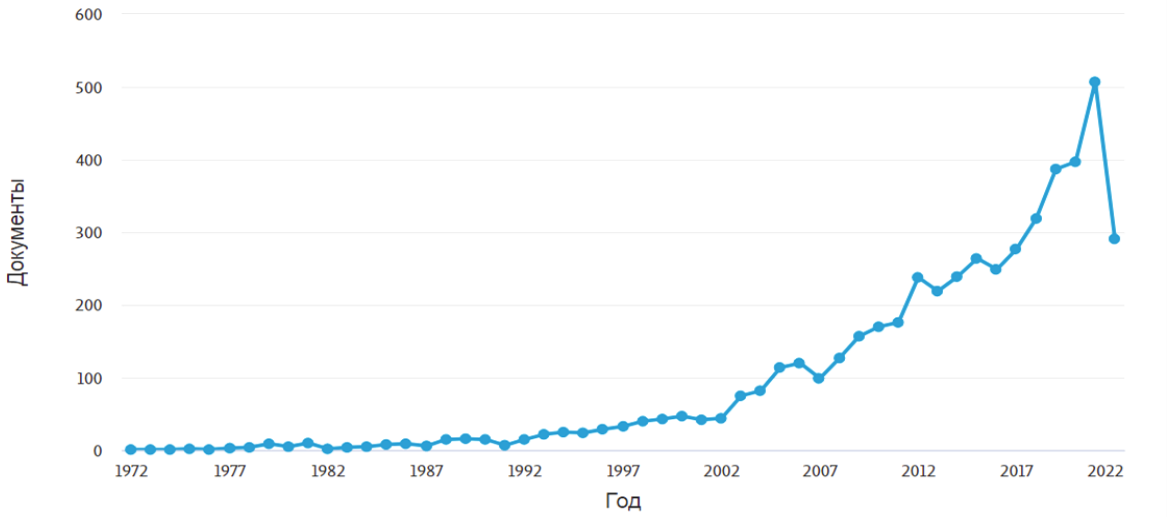


Рис. 1. Публикации по вопросам доверия и экономического развития и роста в системе Scopus [по данным Scopus]
Fig. 1. Publications on trust and economic development and growth in the Scopus system [according to Scopus]

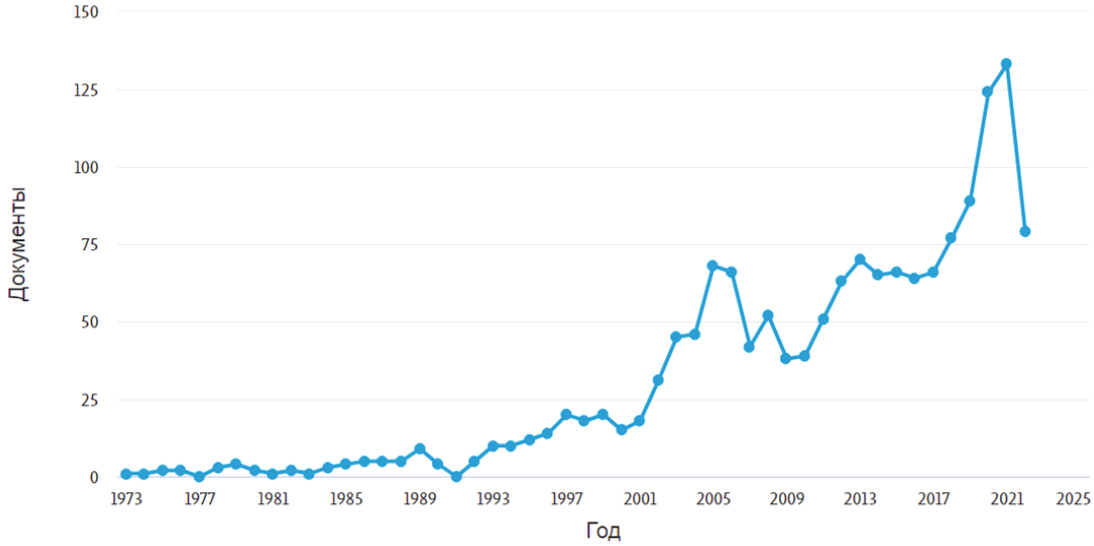


Рис. 2. Публикации по вопросам доверия и индустриального развития в системе Scopus [по данным Scopus]
Fig. 2. Publications on trust and industrial development in the Scopus system [according to Scopus]

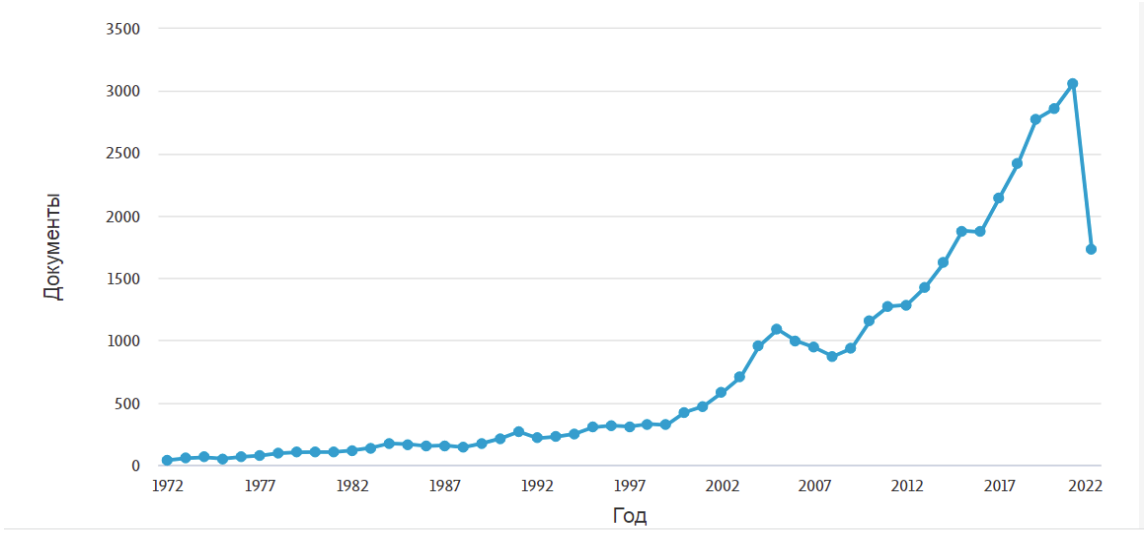


Рис. 3. Публикации по вопросам индустриального развития в системе Scopus [по данным Scopus]
Fig. 3. Publications on industrial development in the Scopus system [according to Scopus]

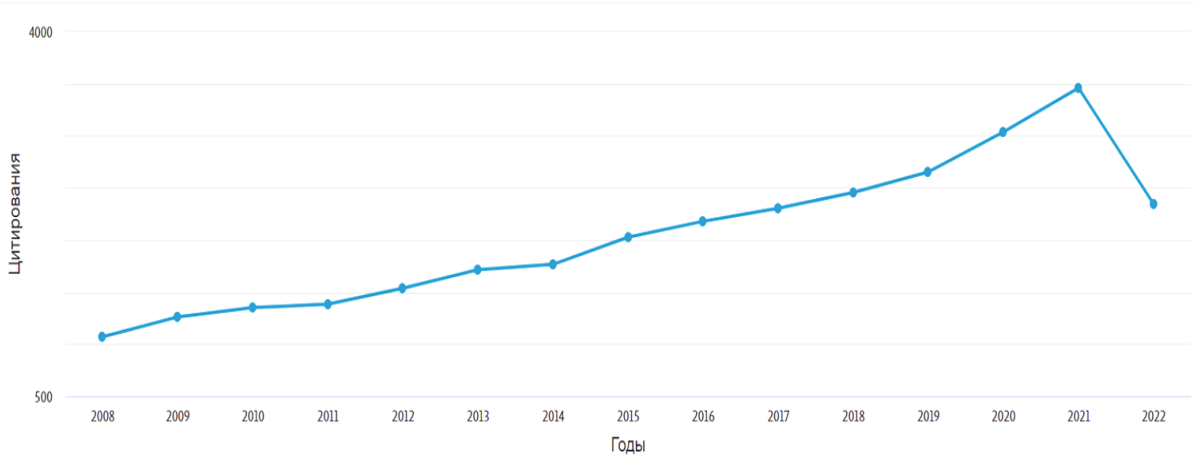


Рис. 4. Цитирования публикаций по вопросам доверия и индустриального развития в системе Scopus [по данным Scopus]
Fig. 4. Citation of publications on trust and industrial development in the Scopus system [according to Scopus]

В социальных науках пока не разработано однозначное понимание феномена доверия вследствие широкого разнообразия концептуальных трактовок самого понятия. Контент-анализ наиболее часто используемых определений (были проанализированы 72 дефиниции) выявил причины смыслового разброса толкований понятия «доверие»: доверие связано с ожиданиями, убеждениями, волеизъявлением или установкой; оно проявляется по отношению к разным объектам; доверие имеет деятельностный характер, при котором действие субъекта рассматривается как способ проявления доверия; толкование доверия включает рискованность ситуации принятия решения[1].

Специалисты выделяют две составляющие доверия – рациональную и эмоциональную. К рациональной относится уверенность в том, что объект доверия способен выполнить взятые на себя обязательства с учетом его компетентности, результативности и предсказуемости поступков. Эмоциональная составляющая доверия основана на оценке доброй воли партнера, общности ценностей и мотивов – доброжелательности, открытости для успешного решения проблем, мотивированности на достижение общей цели, порядочности [2]. Применительно к доверию к власти – это готовность быть зависимым от государства в ситуации неопределенности и в ожидании социальной защищенности. При этом доверие – это ожидание того, что государство не воспользуется вашей незащищенностью, вызванной разными социально-экономическими и властными позициями, разной информированностью.

Как отмечают Knack S. & Keefer P., экономическая деятельность, требующая от одних агентов полагаться на будущие действия других, осуществляется с меньшими затратами в условиях более высокого доверия [3]. Согласно выводам K. Arrow, практически каждая коммерческая сделка содержит в себе элемент доверия, а большая часть экономической отсталости в мире может быть объяснена отсутствием взаимного доверия [4]. Транзакции, чувствительные к доверию, включают те, в которых товары и услуги предоставляются в обмен на будущую оплату, а также решения об инвестициях и сбережениях, которые основаны на заверениях правительств или банков в том, что они не будут экспроприировать эти активы [3, с. 1252].

В соответствии результатами исследований Knack S. & Keefer P., общества, характеризующиеся высоким уровнем доверия, в меньшей степени зависят от официальных институтов для обеспечения соблюдения соглашений, характеризуются лучшими условиями для инвестирования и инноваций, особенно ориентированных на среднесрочную и долгосрочную перспективу, более сильными стимулами к инновациям и накоплению физического капитала, а также более высокой

[1] Что такое доверие? https://psyera.ru/chto-takoe-doverie_9058.htm

отдачей от накопления человеческого капитала [3]. Более низкие затраты на мониторинг и обеспечение соблюдения контрактов позволяют повысить отдачу от инвестиций. Причем прямое воздействие доверия на экономическую активность дополняется косвенными способами улучшения экономических результатов, например, через рост качества работы правительств и экономической политики. Но это же действует и в обратную сторону – при низком уровне доверия сокращаются инвестиции в основной капитал и снижается их экономическая эффективность. Ослабление доверия имеет серьезные последствия для экономики, поскольку доверие является основой бизнеса [5]. Соответственно, такие риски снижения доверия очень важно мониторировать и оценивать. Тут надо также отметить, что научно-исследовательская деятельность, с одной стороны, является основой инноваций, а с другой стороны, по сути, не поддается формальному мониторингу, а требует достаточно высокого уровня доверия [3]. Осуществление влияния доверия на экономическое развитие канализируется через правовые и бюрократические институты и качество других формальных институтов [6].

F. Fukuyama в своих исследованиях также подчеркивает четкую взаимосвязь между доверием и эффективностью компаний и других типов организаций в определенных странах (например, США, Япония, Южная Корея, Китай, Германия, Франция, Италия, Англия) [7]. Один из выводов F.Fukuyama заключается в том, что степень доверия в обществе существенно влияет на способность компаний переходить от больших иерархий к гибким сетям, что особенно важно в рассматриваемом контексте неоиндустриальной трансформации экономики.

В свою очередь, Padua D. усиливает важность рассматриваемого концепта, утверждая, что доверие имеет очень высокую социальную значимость как генератор экономических действий. Онтологическая безопасность заменяется онтологической незащищенностью, когда в сети взаимозависимости происходит снижение или даже крах доверия [8]. Недостаточный уровень доверия экономических агентов друг к другу ведет не только к росту трансакционных и управленческих издержек и низкой эффективности экономической системы, но и к нереализуемости установок экономической политики [9].

В современной ситуации, когда турбулентность стала новой нормальностью [10, 11], роль доверия все больше возрастает как в контексте создания нормальных условий для ведения деятельности в конкурентной среде [12], так и при принятии решений хозяйствующими субъектами.

Следует также отметить, согласно ряду исследований уровень доверия – это проциклический показатель, который проявляется перед экономическим ростом страны, то есть цикл доверия определяет экономический цикл с определенным лагом [13].

В более сфокусированном контексте индустриального развития надо отметить, что недостаток доверия может сделать некоторые инвестиции слишком рискованными, что может привести к их неоптимальному распределению (страны с низким уровнем доверия, как правило, инвестируют в проекты с более короткими временными горизонтами) [5]. Доверие характеризуется прямой корреляционной зависимостью с производительностью труда, совокупной факторной производительностью, инвестициями в исследования и разработки, обменом информацией и инновациями, что имеет принципиальное значение в условиях новой индустриализации [14, 15].

Доверие стимулирует инновации, поскольку способствует генерированию идей посредством общения между людьми внутри организации и развития межорганизационного сотрудничества, повышает свободу от жестких правил и уменьшает необходимость в механизмах мониторинга и контроля, а также способствует росту объема и эффективности расходов на исследования и разработки [15, 16].

В доверии как отдельном явлении концентрируется совокупность аспектов взаимодействия власти с населением. Для более полного понимания данного понятия следует рассмотреть точки зрения представителей органов государственной власти. По словам Председателя Совета Федерации В. И. Матвиенко, доверие характеризуется степенью открытости власти перед обществом, и его рассмотрение является значимым в институциональной ретроспективе, поскольку доверие может рассматриваться как один из источников экономического роста[1]. Сенатор РФ

[1] Матвиенко В. Доверие к власти во многом определяется степенью её открытости перед обществом // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. http://council.gov.ru/events/news/121386/

А. Широков также поддерживает мнение о том, что доверие к власти – основной государственный институт, более того доверие – некий механизм, который позволяет государственным институтам и обществу корректировать свое поведение, выходя на благоприятный результат, устраивающий обе стороны[1]. Так, исходя из этого тезиса, можно говорить о высоком уровне значимости доверия в рассматриваемом контексте. Еще одним подтверждением того, что первостепенно доверие власти трактуется как экономический механизм, являются утверждения Депутата Государственной Думы В. Гутенева о доверии не просто населения, а бизнеса к власти. Подобный вид доверия он отождествляет росту инвестиций и эффективной реализации национальных проектов[2].

Таким образом, несмотря на социально-психологическую природу доверия, оно имеет также экономическую составляющую. Так, например, утрата социального доверия или преобладание недоверия в обществе равносильно введению дополнительного налога на все формы экономической деятельности [7]. Пристальное внимание к феномену доверия в цифровую эпоху также связано с появлением такого понятия, как «цифровая личность», для которой характерны определенные правила поведения, угрозы и риски, о существовании которых ранее не предполагали, риски целостности, конфиденциальности, доступности информации. Кроме того, серьезной угрозой является появление цифровых двойников, о которых сам индивид не предполагает, но функционирование которых может нанести материальный ущерб гражданину через управление его собственностью, пенсионными накоплениями, совершение сделок от его имени.

Важную и непосредственную роль в создании и/или укреплении социального доверия играют правительства [17]. Однако следует принимать во внимание то, как миллионы людей реагируют на определенные действия или решения правительств, чтобы понять эволюцию социального доверия и его связь с экономической деятельностью и индустриальным развитием [1].

Смена парадигмы взаимодействия органов государственного управления и населения привела к накоплению огромного количества цифровых данных о каждом человеке в базах данных, системах и различных приложениях государственных организаций. С одной стороны, это ускоряет и облегчает процессы взаимодействия населения и государственных структур, а, с другой стороны, повышает требования к безопасности данных в рамках таких систем. Также важное значение приобретает оценка последствий атак на конфиденциальность и целостность данных в государственных информационных системах. Необходимо отметить также, что цифровые модели предполагают высокий уровень обмена информацией между населением и государственными структурами, но если информацию о населении органам управления получить достаточно просто, то информацию о деятельности властных структур населению получить возможно только из открытых источников (сайт, официальные группы в социальных сетях и т.п.), наполненность этих источников, понятность представления информации, ее ориентация на определенные группы населения и позволяет оценить открытость органов государственного управления.

В этом контексте доверие связывают с открытостью власти. По результатам исследований Макушевой М. О., Нестика Т. А. по кейсу пандемии COVID-19, «причинами снижения доверия к СМИ и властям стали противоречивость официальной информации и рассогласованность действий чиновников, подозрения в сокрытии информации, дефицит проявления эмпатии и двусторонних коммуникаций, чувство несправедливости и разочарование, вызванное нарушенными обещаниями» [18, с. 429].

Проблема доверия приобретает особую актуальность в условиях цифровой цивилизации, потому что вся современная система коммуникаций основана на цифровом способе сбора, подготовки и передачи информации – общение в социальных сетях, пользование финансовыми инструментами, развитие экономики и т. п. в принципе предполагают прозрачность и доверие, несмотря на множество способов фальсификации. Именно поэтому для повышения достоверности информации и, соответственно, уровня доверия применяются современные цифровые технологии, принципы,

[1] Широков А. Доверие к власти – основной государственный институт // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. http://council.gov.ru/events/news/107467/

[2] Гутенев В. Доверие бизнеса к власти – это рост инвестиций и эффективная реализация нацпроектов // Союз машиностроителей России. https://soyuzmash.ru/news/tidings/vladimir-gutenev-doverie-biznesa-k-vlasti-eto-rost-investitsiy-i-effektivnaya-realizatsiya-natsproek/

техники, методы проверки фактов на достоверность – такие, например, как проверка фактов (англ. fact checking) [2].

В реалиях цифровой экономики как хозяйственной деятельности, стержневым фактором которой являются данные в цифровой форме, сфера цифровой доступности строится на работе с электронными базами данных, полноте их информационной оснащенности и процессе формирования и осуществления принципа открытости. Многоаспектная задача обеспечения цифровой доступности государственных органов поднимает глубинный комплекс вопросов о доверительном отношении к прозрачности и безопасности предоставляемых данных. Поэтому осуществление информационной открытости органов государственного управления становится отдельным блоком экономико-социальных проблем, пути разрешения которого основываются на реализации предметно направленных нормативно-правовых норм и технологий исследования цифровой доступности.

Для ознакомления с положением цифровой гласности взаимоотношений публичной власти с любым физическим или юридическим лицом изучаются категории прозрачность, открытость и закрытость [19].

Органы власти, реализуя свою деятельность согласно информационной прозрачности, предоставляют для граждан доступ к информации об их работе, о принимаемых решениях, а также ресурсам адресного обращения. Характер прозрачности тогда раскрывается как функциональный, ведущий к регулированию общественных процессов, а характер открытости – как социально-коммуникативный, обеспечивающий информированность общества о ключевых положениях. При этом информационная ясность дел публичной власти всех уровней управления, реальная возможность получения информации о принимаемых решениях, текущей деятельности и оказываемых услугах населению предстает не только необходимой частью осуществления постоянной и надежной связи между гражданами, организациями и их представителями во властных структурах, но и средством плодотворного функционирования самих органов власти. Вследствие этого уровень открытости власти в правовом и демократическом государстве должен быть высок, что позволит удерживать доверие общества и получить все обозначенные выше положительные экономические эффекты.

Таким образом, информационная открытость – это такой организационно-правовой режим предоставления достаточного и необходимого объема общественно значимых, прозрачных сведений о деятельности органов власти, базирующихся на конституционном праве граждан свободного доступа к информации, где прослеживается координационное взаимодействие общества со структурами власти [19, с. 21].

Оценка информационной открытости, таким образом, тесно сопряжена в современных условиях с развитием рынка MediaNet и доверием. Доверие можно рассматривать не только в качестве системного свойства информационно-коммуникационных процессов, но и как специфическую силу, определяющую характер взаимоотношений между структурами управления и общества, что предоставляет возможность усматривать в этом явлении основу действий государственной власти. Власть, которой доверяет общество, может рассчитывать на лояльность при проведении своей деятельности.

С учетом этого, мониторинг рисков доверия целесообразно осуществлять с помощью инструментария Data Mining. Выбор технологий интеллектуального анализа данных связан с тем, что они позволяют многократно изменять параметры алгоритмов и сочетать различные методы для выявления латентных факторов, объясняющих поведение субъектов, построения объясняющих и предсказательных моделей. Технологии Social Mining, как прикладная реализация Data Mining, на основе использования нейросетевого моделирования, теории графов и методов социологических исследований позволяют рассчитать метрики, описывающие взаимодействие между участниками социальной сети, масштабы взаимодействия его сегменты и уровни. В этом случае с последующим сопряженным анализом зависимости уровня неоиндустриального развития и уровня доверия можно проводить проактивный анализ рисков – не фиксировать их в момент наступления, а идентифицировать на более раннем циклическом уровне для своевременного регулирующего воздействия.

Список источников

1. Burciu A., Kicsi R., Bostan I. Social Trust and Dynamics of Capitalist Economies in the Context of Clashing Managerial Factors with Risks and Severe Turbulence: A Conceptual Inquiry. Sustainability. 2020. 12. 8794.
2. Дугин Е. Я. Власть доверия и доверие власти // Власть. 2018. Т. 26. № 8. 60-66.
3. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic pay-off? A cross-country investigation. Quarterly Journal of Economics, 1997. 112, 1251–1288.
4. Arrow K. Gifts and Exchanges. Philosophy and Public Affairs, I 1972. 343-362.
5. Kalish I., Wolf M., Holdowsky J. The link between trust and economic prosperity. Repairing the global erosion of trust has economic advantages. Deloitte insights. 2021// https://www2.deloitte.com/us/en/insights/economy/connecting-trust-and-economic-growth.html/#endnote-sup-11
6. Bjørnskov C., Méon P.-G. The Productivity of Trust. World Development, 2015. 70, 317-331.
7. Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity; The Free Press: New York, NY, USA, 1995.
8. Padua D. John Maynard Keynes and the Economy of Trust the Relevance of the Keynesian Social Thought in a Global Society; Palgrave Macmillan US: New York, NY, USA, 2014.
9. Некипелов А. Д. Что нужно для восстановления доверия к государству в социально-экономической сфере / Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства. Материалы к заседанию Научно-экспертного совета При председателе Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. Москва // Аналитический вестник. 2020. № 7 (750) С. 4-10.
10. Kotler P., Caslione J.A. Chaotics: The Business of Managing and Marketing in the Age of Turbulence; AMACOM: New York, NY, USA, 2009.
11. Drucker P.F. The Frontiers of Management; Routledge: New York, NY, USA, 2011.
12. Porter M.E., Kramer M.R. The Big Idea: Creating Shared Value. Harv. Bus. Rev. 2011. 89. 62–77.
13. Bilan Y., Brychko M., Buriak A., Vasilyeva T. Financial, business and trust cycles: The issues of synchronization. Proceedings of Rijeka Faculty of Economics: Journal of Economics and Business, 2019. 37. 113–138.
14. Smith C. Trust and total factor productivity. International productivity monitor. 38. 2020.
15. Meng Y., Wang X., Zhang G., Zheng S. Trust and corporate R&D investment: Cross-country evidence, Finance Research Letters, 2021. 40.
16. Su K., Wu J., Lu Y. With trust we innovate: Evidence from corporate. R&D expenditure, Technological Forecasting and Social Change, 2022. 182.
17. Herreros F. Political evolution and institutional change. In The Problem of Forming Social Capital: Why Trust? 1st ed.; Palgrave Macmillan: New York, NY, USA, 2004.
18. Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427-447.
19. Резер Т. М. Информационная открытость органов государственного и муниципального управления. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018.

References

1. Burciu A., Kicsi R., Bostan I. Social Trust and Dynamics of Capitalist Economies in the Context of Clashing Managerial Factors with Risks and Severe Turbulence: A Conceptual Inquiry. *Sustainability;* 2020. (12). 8794.
2. Dugin E. YA. The power of trust and the trust of power. *Vlast' = The Authority*. 2018;26(8):60-66. (In Russ.)
3. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic pay-off? A cross-country investigation*. Quarterly Journal of Economics*, 1997. 112, 1251–1288.
4. Arrow K. Gifts and Exchanges. *Philosophy and Public Affairs*, I 1972. 343-362.
5. Kalish I., Wolf M., Holdowsky J. The link between trust and economic prosperity. Repairing the global erosion of trust has economic advantages. *Deloitte insights.* 2021. Available from: https://www2.deloitte.com/us/en/insights/economy/connecting-trust-and-economic-growth.html/#endnote-sup-11
6. Bjørnskov C., Méon P.-G. The Productivity of Trust. *World Development*, 2015. 70, 317-331.
7. Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity; The Free Press: New York, NY, USA, 1995.
8. Padua D. John Maynard Keynes and the Economy of Trust the Relevance of the Keynesian Social Thought in a Global Society; Palgrave Macmillan US: New York, NY, USA, 2014.

9. Nekipelov A. D. What is needed to restore trust in the state in the socio-economic sphere / Trust as a critical factor in achieving strategic goals of socio-economic and political development of the state. Materials for the meeting of the Scientific Expert Council under the Chairman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. Moscow. *Analiticheskij vestnik = Analytical Bulletin.* 2020; 7(750):4-10. (In Russ.)

10. Kotler P., Caslione J. A. *Chaotics: The Business of Managing and Marketing in the Age of Turbulence*; AMACOM: New York, NY, USA, 2009.

11. Drucker P. F. *The Frontiers of Management*; Routledge: New York, NY, USA, 2011.

12. Porter M. E., Kramer M. R. The Big Idea: Creating Shared Value. *Harv. Bus. Rev.* 2011. 89. 62–77.

13. Bilan Y., Brychko M., Buriak A., Vasilyeva T. Financial, business and trust cycles: The issues of synchronization. Proceedings of Rijeka Faculty of Economics*: Journal of Economics and Business*, 2019. 37. 113–138.

14. Smith C. Trust and total factor productivity. *International productivity monitor.* 38. 2020.

15. Meng Y., Wang X., Zhang G., Zheng S. Trust and corporate R&D investment: Cross-country evidence, *Finance Research Letters*, 2021. 40.

16. Su K., Wu J., Lu Y. With trust we innovate: Evidence from corporate. *R&D expenditure, Technological Forecasting and Social Change*, 2022. 182.

17. Herreros F. *Political evolution and institutional change. In The Problem of Forming Social Capital: Why Trust?* 1st ed.; Palgrave Macmillan: New York, NY, USA, 2004.

18. Makusheva M. O., Nestik T. A. Socio-psychological prerequisites and effects of trust in social institutions in a pandemic. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2020;(6):427-447. (In Russ.)

19. Rezer T. M. *Information openness of state and municipal government bodies.* Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2018. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. А. Косолапова – доктор экономических наук, профессор, и.о. декана экономического факультета ЮФУ.
А. Ю. Никитаева – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой информационной экономики ЮФУ.
Д. С. Ласкова – студент экономического факультета ЮФУ.

Information about the authors

N. A. Kosolapova – Doctor of Sciences in Economics, Professor, Acting Dean of the Faculty of Economics of Southern Federal University.
A. Yu. Nikitaeva – Doctor of Sciences in Economics, Professor, Head of the Department of Information Economics of Southern Federal University.
D. S. Laskova – Student of the Faculty of Economics of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.10.2022; одобрена после рецензирования 12.01.2023; принята к публикации 13.01.2023.
The article was submitted 25.10.2022; approved after reviewing 12.01.2023; accepted for publication 13.01.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 27–33
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):27–33

Проблемы управления

Научная статья
УДК 001.895+334.726+004
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-27-33

УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Елена Иосифовна Лазарева[1], Максим Константинович Ноздричев[2]

[1, 2]Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
[2]ООО «Агро Зерно Юг», Ростов-на-Дону, Россия
[1]elazareva@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0001-5829-5372
[2] maksim.nozdrichev@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1811-7322

Аннотация. Актуальность исследования определяется возрастающей значимостью в цифровой экономике управленческих решений по инновационному развитию международных организаций. В условиях цифровой трансформации экономики, активного развития информационных технологий и их тесной интеграции в деятельность экономических субъектов является важным соответственное развитие управления инновациями. Цель исследования – систематизация возможностей и ограничений реализации данного вида управленческих мер для действующих на международных рынках организаций, характеризующихся различным уровнем цифровизации бизнес-процессов. В статье детально обоснованы тезисы по систематизации возможностей и ограничений управления инновациями в международной организации, выявлены первопричины их возникновения в процессе реализации инновационных проектов. Продемонстрировано, что результаты исследования могут быть применены в практике управления инновациями.

Ключевые слова: управление инновационным развитием, международная организация, инновационный проект, цифровая экономика

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта «Цифровой атлас политических и социально-экономических угроз и рисков развития Южнороссийского приграничья: национальный и региональный контекст («Цифровой Юг»)» в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» № СП-14-22-06.

Для цитирования: Лазарева Е. И., Ноздричев М. К. Управление инновационным развитием международных организаций в цифровой экономике: возможности и ограничения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 27–33. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-27-33

Problems of Management

Original article

INNOVATIVE DEVELOPMENT MANAGEMENT OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN THE DIGITAL ECONOMY: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

Elena I. Lazareva[1], Maksim K. Nozdrichev[2]

[1, 2]Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
[2]LLC Agro Zerno Yug, Rostov-on-Don, Russia
[1]elazareva@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0001-5829-5372
[2] maksim.nozdrichev@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1811-7322

Abstract. The relevance of the study is determined by the increasing importance in the digital economy of managerial decisions on the innovative development of international organizations. Under the conditions of digital transformation of the economy, the active development of information technology and its close integration into the activities of economic entities appropriate development of innovation management

© Лазарева Е. И., Ноздричев М. К., 2023

is important. The purpose of the study is to systematize the opportunities and limitations of the implementation of this type of management measures for organizations operating in international markets, characterized by different levels of business processes digitalization. The article substantiates in detail the theses on systematization of opportunities and limitations of innovation management in an international organization, identifies the root causes of their emergence in the process of implementation of innovation projects. It is demonstrated that the results of the study can be applied in the practice of innovation management.

***Keywords**:* innovative development management, international organization, innovative project, digital economy

Acknowledgments: the research was carried out within the framework of the project "Digital Atlas of political and socio-economic threats and risks of the development of the Southern Russian border region: national and regional context ("Digital South")" within the framework of the Strategic Academic Leadership Program "Priority 2030" № SP-14-22-06.

For citation: Lazareva E. I., Nozdrichev M. K. Innovative development management of international organizations in the digital economy: opportunities and limitations. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):27-33. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-27-33

Цифровая экономика и управление инновационным развитием международных организаций

Цифровая экономика характеризуется глубоким проникновением цифровых технологий в деятельность экономических агентов из разных отраслей и секторов. Данный тренд одновременно является требованием к современным организациям, необходимым для сохранения и развития масштаба, эффективности, конкурентоспособности.

Относительно международной деятельности цифровая экономика как выступает драйвером, так и формирует дополнительные возможности. А именно, цифровая экономика выступает движителем, или положительным фактором, развития международного бизнеса, так как, например, подразумевает развитие средств и условий международного взаимодействия компаний. Кроме того, цифровая экономика формирует дополнительные возможности международной деятельности, так как подразумевает развитие средств управления удаленными командами.

Процессы многогранной цифровизации экономики также являются движущей силой инновационного развития организаций, особенно международных. Стремительное развитие информационных технологий подразумевает рост доступности и скорости распространения информации. Как следствие, сокращается срок первой экономической отдачи от инновации, в течение которого компания сохраняет уникальные конкурентные преимущества, затем инновация копируется, в том или ином смысле, конкурентами. Следовательно, выживание и рост международной компании требует всё более активного инновационного развития.

Проблематика данного исследования состоит в выявлении и систематизации возможностей и ограничений, возникающих относительно управления инновационным развитием международных организаций в цифровой экономике. В данном исследовании специально не рассматриваются особенности, возникающие в отношении организаций на разных мировых рынках и с разной долей на них, хотя концентрация капитала является заметным фактором инновационной экономики, что подробнее описано, например, в [1].

Рассмотрим актуальные научные публикации по данной тематике. В [2], [3] и [4] исследуются различные аспекты менеджмента человеческих ресурсов как доминантного вектора инновационного развития международной организации. В [2] утверждается и обосновывается зависимость инновационных способностей международной высокотехнологичной компании от эффективности управления персоналом, а также от специфических характеристик высокотехнологичных компаний. На наш взгляд, с развитием цифровой экономики данные характеристики всё больше начинают определять инновационные возможности и прочих крупных международных компаний в связи с их растущей потребностью в цифровизации процессов, в том числе на наиболее традиционных мировых рынках и в изначально нетехнологических секторах.

В [3] рассматривается международная проблематика инноваций в экономике знаний, а именно в контексте человеческого развития и сотрудничества. Предлагаются процессы реализации инноваций в международных компаниях в соответствии с политикой экономики знаний, а также проблемы организационно-культурного управления компанией в экономике знаний с позиции международного опыта. В [4] исследуются вопросы эффективного стратегического управления развитием человеческого капитала как важного ресурсного источника достижения траектории устойчиво – инновационного развития организации.

В [5] предлагается развитие сетевого подхода к изучению субъектов и институтов, а также процессов создания системных ресурсов инноваций на глобальном уровне. Предлагаются следующие ресурсы глобальной инновационной системы: знания, доступ к рынкам, финансовые инвестиции и технологическая легитимность. В [1] рассматриваются процессы инновационной экономики через призму конкуренции. Исследуется зависимость концентрации капитала, инновационной динамики, распространения знаний и эффективности конкуренции. В [6] исследуются формы кооперации в связи с их ключевым влиянием на продуктивность инновационной деятельности. Приводится обоснование, что открытость организации, особенно взаимодействие с научными и образовательными организациями, положительно влияет на её способность интегрироваться в глобальные цепочки создания стоимости, а также разрабатывать не представленные на рынке инновации.

В [7] предметом изучения представлен такой фактор повышения инновационности, как межкультурное взаимодействие по таким принципам, как: взаимодополняемость, равноправие, доверие и открытость, сохранение разнообразия. В [8] поднимаются вопросы специфики развития инновационных организаций в условиях различных стран, а именно, утверждается отсутствие универсальных межстрановых рецептов лидерства на рынках передового производства. В [9] отстаивается целесообразность пересмотра современных представлений об отраслевых технологических инновациях и выработки новых подходов к их измерению. Также рассматриваются ограничения в использовании опыта отдельных стран в осуществлении инноваций на их национальных рынках.

В [10] исследуются вопросы влияния инновационной активности экономических агентов на валовый региональный продукт с разработкой и эмпирической верификацией эконометрической модели.

Таким образом, анализ источников показывает, что имеющиеся исследования возможностей и ограничений при управлении инновационным развитием международной организации в цифровой экономике имеют чрезвычайно разрозненный характер. Назрела необходимость систематизации, как возможностей, так и барьеров, возникающих на пути управления с целью формирования стратегии инновационного развития исследуемых организаций.

Методология системной оценки возможностей и ограничений инновационного развития международных организаций в цифровой экономике

Достижение цели исследования – выявления и систематизации возможностей и ограничений, возникающих при управлении инновационным развитием международной организации в условиях цифровой экономики, осуществлено на методологической основе инновационно-циклической парадигмы устойчивого развития, в основу реализации которой заложен менеджмент организации, учитывающий достижение не только ее экономических целей, а и соблюдение интересов стейкхолдеров, социума [11]. Решение задач исследования базировалось также на концептуально-методологических основаниях системного анализа, с опорой на предварительный синтез и систематизацию соответствующих факторов.

Новизна исследования состоит в фокусе на комплексном анализе возможностей и ограничений в управлении инновационным развитием международной организации в цифровой экономике, доведенном до той степени детализации, при которой станет возможным впоследствии предположение о соответствующих активностях.

Исследование опирается также на анализ данных, характеризующих практику управления инновациями в экспортной организации – ООО «Агро Зерно Юг», участвующей в международном товарном трейдинге и управляющей собственным инновационным развитием.

Результаты и предложения

В рамках проведенного исследования была продемонстрирована перспективность использования методологии систематизации ключевых факторов, формирующих возможности и ограничения принятия инновационных управленческих решений по развитию международной организации в условиях цифровизации. К таковым в ракурсе формирования возможностей следует отнести нижеперечисленные факторы.

1. Международная организация, накапливая знания как системный ресурс [5] в рамках той или иной национальной / региональной инновационной системы, имеет возможность распространить данные знания внутри собственной структуры со скоростью, намного превышающей скорость диффузии знаний в среде пространственно-инновационной системы.

Неразрывная связь между уровнем конкуренции и информацией, знаниями, их обменом [1] обусловливает тенденцию к развитию систем управления знаниями. Возможности международной организации заключаются в построении собственной системы управления знаниями, в её внутренней части и внешних связях, с опережением развития данных систем у потенциальных лидеров и их инфраструктур.

2. Аналогично практике договоров между международными организациями – лидерами рынков об уровне цен на товары [1], возможно построение закрытых систем обмена знаниями с организациями – участниками рынков для усиления барьеров для смены среди лидеров. Несмотря на существование принципиальных тенденций понижения степени инновационных изменений среди лидеров рынка, цифровизация экономики способствует развитию способностей инновационных имитаторов, что сохраняет, в конечном итоге, у международных лидеров интерес к более сложным, фундаментальным инновациям. Именно такие инновации представляют собой наибольшую трудность для имитации, следовательно, имеют более длительные экономические эффекты – вплоть до полного завершения копирования имитаторами.

3. Посредством слияний и поглощений международная компания имеет более широкие возможности достигнуть концентраций капитала, необходимых для проведения всё более сложных инновационных инициатив. При условии доступности компании к рынкам, что является системным ресурсом [5], возможны слияния и поглощения с национальными и региональными, локальными компаниями-конкурентами.

4. Сотрудничество с научными организациями является важнейшим драйвером стратегии инновационно-ориентированных международных компаний [6], а взаимодействие компании с научными организациями многих стран – это способ умножить данный фактор. В то же время потенциал в этом отношении, очевидно, ограничен, политической позицией государства материнского национального рынка в сфере обмена знаниями и информацией с иностранными институтами.

5. За счет формирования кросс-культурных инновационных команд возможно повысить способность организации к инновациям [7]. Широким спектром возможностей для этого обладает международная организация в связи с тем, что в ней есть, как правило, сотрудники – представители разных культур. В этом аспекте международная компания имеет преимущества перед национальной в ракурсе затрат и рисков.

6. Международная организация располагает широкими контактами с внешней средой, что позволяет ей накапливать знания. При развитии соответствующей системы менеджмента знаний в данной организации можно обеспечить уникальными ресурсами систему развития человеческого капитала [4]. Данная система, в свою очередь, является одним из важнейших факторов инновационного развития организации, что утверждается в [2, 3].

7. При появлении новшеств в одной из стран присутствия или у локальных конкурентов международная организация имеет возможность начать внедрение новшества параллельно или имитировать уже внедренное достаточно быстро, чтобы сохранить международное лидерство.

8. Если инновация была успешно осуществлена международной организацией в одной из стран, то имеется возможность копировать инновацию внутри собственной структуры. С другой стороны, это сопровождается сложностями адаптации и другими, обсуждаемыми в [8, 9].

9. Если в инновационном проекте требуется привлечение специалистов в узкой области или с определенного национального рынка (например, разработчиков конкретного программного

обеспечения), а тестирование гипотез допускается развернуть на другом рынке, с более низкими затратами, то возможно создание удаленной команды внутри собственной структуры и повышение эффективности проекта.

10. Если в стране присутствия развивается новый конкурент, обладающий потенциалом, международная компания может предоставить новому инновационному игроку расширенные возможности и перспективы, если тот сольется с международной компанией. Доступ к системе знаний, технологиям, инвестициям и возможности удаленного взаимодействия позволят данной команде развиваться намного быстрее и с меньшими рисками, чем это было бы в условиях конкуренции с международным игроком.

В качестве факторов – ограничений управления инновационным развитием международной организации, выделены следующие.

1. В связи с физической удаленностью сотрудников и культурными различиями возникают сложности в построении доверительных отношений. Доверие является критическим фактором формирования инновационного климата [2]. При этом языковые барьеры, культурные различия могут приводить к тому, что для формирования доверия между членами команды потребуется тем больше времени, чем сложнее структура взаимодействия.

2. При некотором достаточно большом размере международной организации (сложность организационной структуры и численность персонала) могут возникать управленческие и технические ограничения в предлагаемом в [2] развитии открытых коммуникаций. Проблема состоит в скорости, эффективности донесения информации до реципиентов и её принципиальной открытости.

3. При некоторой достаточно высокой сложности международной организации возникают эффекты в реализации предлагаемых в [2] экспериментов. А именно, эффективная работа с гипотезами требует понимания инноватором экономического контекста, особенно – международного, а значит, соответствующих компетенций, культуры, мотивации и доступа к знаниям.

4. Готовность международной организации развивать культуру обучения на ошибках и поощрения риска [2], зависит от такой готовности со стороны её собственников. Чем выше средняя толерантность к риску среди инвесторов и чем больше сроки вложения, тем более благоприятна среда для развития инновационных концепций в этом отношении. В условиях международного инвестирования данная проблема приобретает связи с культурными особенностями стран – инвесторов, с состояниями экономик этих стран, видами применяемого инвестирования, мировыми тенденциями.

5. Разнообразие участников, оказывающих фактическое влияние на инновационного развитие международной организации, представляет сложность уже в рамках одного национального рынка. Состав данных участников, представленный в [5], будет приобретать уникальные черты в отношении каждого национального рынка, что необходимо учитывать. Кроме того, международная организация действует также и в условиях влияния других международных организаций [5]. С другой стороны, взаимодействие с ними необходимо, так как содержит высокий потенциал для инновационного развития данной организации [6].

6. Международная организация состоит в сложных взаимоотношениях с государственными структурами страны материнского рынка [1]. Имеются политические ограничения в обмене знаниями там, где это было бы выгодно для самой организации, но долгосрочно невыгодно государству. Государство также способно создавать угрозу для международной компании, тем или иным образом, развивая начинающих игроков на материнском рынке.

7. Необходим учет национальных и региональных факторов конкурентоспособности, выделение инновационных лидеров для каждого масштаба рынка (глобальное лидерство, национальное, региональное), а также анализ трендов – тоже на разных масштабах [8]. Основной проблемой является именно согласование инновационного лидерства и достижение баланса между следованием за локальными особенностями и сохранением целостного корпоративного видения.

8. Есть особенность зависимости инновационного развития международной компании от человеческого капитала [3], а именно, актуален вопрос сохранения знаний покидающих организацию сотрудников и адаптации заменяющих их новых сотрудников.

9. Отмечаются сложности в прогнозировании и измерении эффективности продуктовых и процессных инноваций, особенно в отношении различных регионов и национальных рынков [9].

Это может закрепощать инновационную активность организации с развитием её экспансии на мировом рынке. Основными решениями является уже упомянутая культура экспериментов, инкрементальный подход к инновационным проектам и признание системной парадигмы в управлении инновационным развитием.

Обсуждение

Возникает вопрос, актуальны ли представленные результаты исследования для организаций на мировом рынке с низкой степенью цифровизации. Предположим, что при анализе технологических трендов данного мирового рынка высока вероятность, что есть тенденция к цифровой трансформации [10], по крайней мере, отдельных процессов. Если это верно, то результаты исследования либо актуальны в перспективе, либо могут способствовать умноженным эффектам в случае, если данная организация выполнит роль лидера цифровой трансформации на данном рынке.

Заключение и перспективы исследования

Таким образом, в данной статье были представлены выявленные возможности и ограничения, возникающие при управлении инновационным развитием международной организации в условиях цифровой экономики. В качестве направлений будущих исследований в рамках данной проблематики можно предположить анализ степени реализации данных возможностей и влияния ограничений в практике организаций, а также комплексную разработку активностей, направленных на реализацию возможностей и преодоление ограничений.

Список источников

1. Бубнов В.В., Дубинина Н.М., Николаев С.В. Конкуренция в инновационной экономике // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 2. DOI: 10.24411/2073-3305-2019-10094

2. Виттенбек Н.В. Инновации в системе управления персоналом международных высокотехнологичных компаний // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. №6. DOI: 10.24412/2072-8042-2021-6-70-78

3. Хаомин Д. Практика управленческих организационно-культурных инноваций международных компаний в экономике знаний // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2021. №4. DOI: 10.18101/2304-4446-2021-4-84-90

4. Лазарева Е. И., Гаврилова Ю. В. Эффективное управление человеческим капиталом организации в условиях устойчиво-инновационного развития экономики // Вопросы инновационной экономики. 2020. № 2. С. 737-746. DOI: 10.18334/vinec.10.2.100937

5. Матризаев Б. Д. Исследование механизмов формирования и интеграции системных ресурсов для инноваций на глобальном уровне // Теоретическая экономика. 2021. № 11 (83). DOI: 10.52957/22213260_2021_11_52

6. Власова В., Рудь В. Кооперационные стратегии предприятий в эпоху открытых инноваций: пространственные и временные аспекты // Форсайт. 2020. № 4. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.4.80.94

7. Соломин Д. Н., Кучинская Т. Н. Межкультурное взаимодействие как фактор инновационности (на материалах китайской культуры) // Манускрипт. 2021. № 6. DOI: 10.30853/mns210196

8. Симачев Ю., Федюнина А., Юревич М. и др. Новые стратегические подходы к освоению возникающих рынков передового производства // Форсайт. 2021. № 3. DOI: 10.17323/2500-2597.2021.3.6.21

9. Домнич Е. Влияние продуктовых и процессных инноваций на производительность: обзор эмпирических исследований // Форсайт. 2022. № 3. DOI: 10.17323/2500-2597.2022.3.68.82

10. Лазарева Е. И., Лозовицкая Д. С. Эконометрическая оценка параметра научно-технического прогресса в модели инновационного экзогенного экономического роста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. № 1. С. 123-136. DOI: 10.22363/2313-2329-2020-28-1-123-136

11. Лазарева Е.И., Хосроева Н.И. Инновационный менеджмент трендов развития человеческого потенциала российских регионов через призму глобальных целей устойчивого развития // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2020. № 3. С. 167-177. DOI: 10/29025/1994-7720-2020-3-167-177

References

1. Bubnov V. V., Dubinina N. M., Nikolaev S. V. Competition in Innovation-Based Economy. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry* = *Education. The science. Scientific personnel.* 2019;(2). DOI: 10.24411/2073-3305-2019-10094 (In Russ.)

2. Vittenbek N. V. Innovations in the Human Resources Management of International High-Tech Companies. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin.* 2021;(6). DOI: 10.24412/2072-8042-2021-6-70-78 (In Russ.)

3. Haomin D. Practice of organizational and cultural management innovations of international companies in the knowledge economy. *Vestnik BGU. Ekonomika i menedzhment = Bulletin of BSU. Economics and Management.* 2021;(4). DOI: 10.18101/2304-4446-2021-4-84-90 (In Russ.)

4. Lazareva E. I., Gavrilova Yu. V. Effective management of the organization's human capital in the context of sustainable and innovative development of the economy. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki = Issues of innovative economy*. 2020;10(2):737-746. DOI: 10.18334/vinec.10.2.100937 (In Russ.)

5. Matrizaev B. D. Research of mechanisms of formation and integration of system resources for innovations at the global level. *Teoreticheskaya ekonomika = Theoretical economics.* 2021;11(83). DOI: 10.52957/22213260_2021_11_52 (In Russ.)

6. Vlasova V., Rud' V. Cooperative Strategies in the Age of Open Innovation: Choice of Partners, Geography and Duration. *Forsait = Foresight and STI Governance.* 2020;(4). DOI: 10.17323/2500-2597.2020.4.80.94 (In Russ.)

7. Solomin D. N., Kuchinskaya T. N. Cross-Cultural Interaction as Factor of Innovativeness (by the Material of the Chinese Culture). *Manuskript = The manuscript*. 2021;(6). DOI: 10.30853/mns210196 (In Russ.)

8. Simachev Y. U., Fedyunina A., Yurevich M. et al. New Strategic Approaches to Gaining from Emerging Advanced Manufacturing Markets. *Forsait = Foresight and STI Governance.* 2021;(3). DOI: 10.17323/2500-2597.2021.3.6.21 (In Russ.)

9. Domnich E. The Impact of Product and Process Innovations on Productivity: A Review of Empirical Studies. *Forsait = Foresight and STI Governance.* 2022;16(3):68-82. DOI: 10.17323/2500-2597.2022.3.68.82 (In Russ.)

10. Lazareva, E.I., & Lozovitskaya, D.S. Econometric evaluation of the scientific and technical progress parameter in the innovative exogenous economic growth model. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics.* 2020;28(1):123-136. DOI: 10.22363/2313-2329-2020-28-1-123-136 (In Russ.)

11. Lazareva E. I., Khosroeva N. I. Innovative management of human development trends in Russian regions through the prism of global sustainable development goals. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Hetagurova = Bulletin of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University.* 2020;(3):167-177 (In Russ.).

Информация об авторах

Е. И. Лазарева – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой «Инновационный и международный менеджмент» факультета управления ЮФУ.
М. К. Ноздричев – аспирант факультета управления ЮФУ; менеджер ИТ-проектов ООО «Агро Зерно Юг».

Information about the authors

E. I. Lazareva – Doctor of Economics, Professor, Head of Department "Innovative and International Management" of the Faculty of Management of Southern Federal University.
M. K. Nozdrichev – PhD student, Faculty of Management of Southern Federal University; IT-Project Manager, LLC Agro Zerno Yug.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 17.02.2023; принята к публикации 18.02.2023.
The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 17.02.2023; accepted for publication 18.02.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 34–42
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):34–42

Проблемы управления

Научная статья
УДК 005+65.01
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-34-42

ВЕКТОР ИННОВАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Наталья Георгиевна Ларкина[1], Георгий Васильевич Овчаренко[2], Александр Павлович Яланский[3]

[1]Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
[2, 3]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия
Автор, ответственный за переписку: Александр Павлович Яланский, mitsrostov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается необходимость создания новых знаний персонала и его постоянного переобучения для реализации инновационной деятельности организации на всех уровнях управления. Обосновывается значимость создания социально-технологических инноваций в контексте применения организационно-управленческих инноваций, обуславливающие увеличение производительности труда на основе реализации отечественных цифровых технологий, которые определяют интеллектуальное производство в отраслях промышленности. Раскрыта необходимость инновационного мышления руководителей во всех видах инновационной деятельности с учетом циклического развития общества в контексте инновационного цикла становления новой модели экономики.

Ключевые слова: инновационные знания, непрерывное переобучение, инновации, инновационное образование, инновационные технологии, интеллектуальное производство, инновационное мышление, инновационный прорыв

Для цитирования: Ларкина Н. Г., Овчаренко Г. В., Яланский А. П. Вектор инновационного управления при реализации инновационных технологий в деятельности организации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 34-42. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-34-42

Problems of Management

Original article

THE VECTOR OF INNOVATIVE MANAGEMENT IN THE IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE ORGANIZATION'S ACTIVITIES

Natalia G. Larkina[1], Georgy V. Ovcharenko[2], Alexander P. Yalansky[3]

[1]Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
[2, 3]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
Corresponding author: Alexander P. Yalansky, mitsrostov@mail.ru

Abstract. The article discusses the need to create new knowledge of the staff and its constant retraining for the implementation of innovative activities of the organization at all levels of management. The importance of the creation of social and technological innovations in the context of the application of organizational and managerial innovations that cause an increase in labor productivity on the basis of the implementation of domestic digital technologies that determine the intellectual production in industries is substantiated. The necessity of innovative thinking of managers in all types of innovation activity taking into account the cyclical development of society in the context of the innovative cycle of formation of a new model of the economy is revealed.

© Ларкина Н. Г., Овчаренко Г. В., Яланский А. П., 2023

Keywords: innovative knowledge, continuous retraining, innovation, innovative education, innovative technologies, intellectual production, innovative thinking, innovative breakthrough

***For citation*:** Larkina N. G., Ovcharenko G. V., Yalansky A. P. The vector of innovative management in the implementation of innovative technologies in the organization's activities. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):34–42. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-34-42

В практической деятельности инновационной организации ее руководители реализовывают компьютеризацию, автоматизацию и роботизацию производственных процессов на основе постоянного обновления знаний персонала и управленцев среднего уровня (матера, старшие мастера, начальники участков), что позволит не только повысить производительность труда, но и одновременно создать новые рабочие места, но с другим уровнем квалификаций работников, а также улучшение социального аспекта в коллективе.

Исследования ученых показывают, что чем выше уровень образования сотрудников, то соответственно, выше уровень их квалификации и профессионального опыта.

С теоретической точки зрения применение новых инновационно-информационно-коммуникационных технологий (ИИКТ) в моделях инновационной деятельности руководителями организаций обуславливает, не только создание новых сфер занятости, но и способность персонала к деятельности с гибкой адаптацией к инновационным изменениям при воздействии факторов внешней и внутренней сред.

Понимание такой ситуации определяет руководителей всех уровней управления производить нейропрогнозирование: куда, когда сколько и каким образом переобучить для их будущей жизнедеятельности, так как современные технологии создают не только новые возможности, но и отрицательные моменты: снижение заработной платы, увольнения из-за невозможности быстро переобучить новой профессии (специальности) и т.д.

Из вышеизложенного видится появление социальных отклонений в сфере экономики знаний из-за медленного внедрения инновационных технологий, то есть уже сейчас руководители регионов должны создавать программы не только гибкого переобучения, но и меры по адаптации к умной специализации, то есть создавать научные центры непрерывного переобучения [1] персонала во всех отраслях промышленности с подключением всех университетов и институтов, способствующие через бизнес-инкубаторы переобучить работников на новые виды деятельности, то есть создать комфортные условия творческой жизнедеятельности.

Однако авторы отмечают, что одной из особенностей развития современного неоинформационного общества является необходимость разрабатывать и внедрять социально-экологические инновации во всех отраслях экономики знаний в ответ на актуальные проблемы: рост уровня бедности населения, высокая инфляция, высокий уровень безработицы и низкая экология среды, чтобы повысить уровень жизнедеятельности каждого работника.

Осознание руководителями регионов такого положения обуславливает реализацию социально-экологических инноваций, определяющих создание инновационно-нравственных ценностей в неообществе и решение социальных проблем – формирование социальной справедливости и уверенности в будущем в соответствии со «Стратегией-2024», что позволит создать социальное равновесие в обществе России и духовное единство.

Актуальность социально-экологических инноваций обусловлено необходимостью не только формирования мирового уровня жизни людей, но и: понимание того, что без нравственности и инновационной культуры, и личной социально-экологической ответственности руководителей перед обществом за результат деятельности на благо людей в контексте указов президента РФ В. Путина осуществить инновационный рывок.

С теоретико-практической точки зрения организационно-управленческие инновации определяют не только способность и восприимчивость организации и ее персонала к инновационным изменениям, но и обуславливают, фактически реализацию моделей инновационной деятельности в контексте инновационного развития экономики на основе внедрения инновационного проектного управления на всех уровнях деятельности субъектов регионов при применении математических моделей нелинейной динамики и синетики [2].

Авторы отмечают, что на практике удельный вес организаций, реализующих организационные инновации составил 2,5%, а технологические инновации 17% [2], то есть низкая инновационная активность организаций определяется низким уровнем инновационного потенциала и низкой степенью инновационной компетентности руководителей в контексте умения работать командой при реализации инновационных проектов в отраслях экономики.

Анализ динамики применения организационно-управленческих инноваций в практике отечественных организаций показывает низкий уровень их реализации в деятельности организаций из-за неумения руководителей реализовывать инструменты инновационного управления [3]:

- инновационный маркетинг – прогнозирование видения;
- инновационная миссия;
- инновационный аутсорсинг;
- клиент-инновационная ценность;
- инновационные компетенции руководителей;
- инновационная культура и климат;
- инновационная стратегия диверсификации;
- инновационное управление знаниями персонала;
- инновационная мотивация участников инновационной деятельности;
- инновационный контроллинг.

Подтверждением значимости и необходимости организационно-управленческих инноваций является реализация вышеизложенных инновационных аспектов в деятельности инновационных организаций, что обуславливает создание высокого уровня жизнедеятельности населения с учетом как специфики деятельности, так и создания социально-экологического равновесия в экономике с учетом социальной справедливости в обществе на основе внедрения отечественных гуманно-инновационных технологий, определяющих мировое качество продукции и конкурентоспособность новой модели экономики России.

С практической точки зрения мгновенные технологические изменения обуславливают разработку и создание инноваций, необходимых факторов экономического развития в контексте увеличения в разы производительности качества жизни населения, эффективного применения нематериальных ресурсов, определяя инновационную активность. Подтверждением вышеизложенному является теория технологических укладов [4], которую обосновал русский академик С.Ю. Глазьев в контексте механизма смены технологических укладов.

В современной экономической литературе рассматриваются в развитии теоретико-математические основы о возможности использования цифровых технологий в контексте принципа эквифинальности, то есть способности системы гибко перестраиваться в своем развитии, что является подтверждением цикличности общества.

В связи с вышеизложенным становится очевидным, что использование цифровых технологий определяет руководителей инновационных организаций создавать новые инновационные возможности с учетом специализаций для эффективного не только становления новой экономики, но и генерировать инновационные знания персонала и ключевые компетенции руководителей, способных к инновационной рефлексии в контексте обновления производства во всех отраслях промышленности для создания инновационных знаниевых товар-услуг, полезных изменяющимся потребностям неообщества.

Развитие цифровой экономики предопределяет кардинальные изменения в системе взаимоотношений на всех уровнях управления знаниями в контексте перехода на инновационный уровень развития всех отраслей промышленности на основе инновационных отечественных технологий, определяющих применение только инновационных знаний сотрудников и инновационных компетенций руководителей инновационных организаций с инновационным мышлением.

С практической точки зрения авторы отмечают, что эффективность перехода на новую модель развития экономики предопределяется умением руководителей реализовать инновационно-технологический реинжиниринг процесса прогнозирования и математического нейромоделирования на всех уровнях управления во всех отраслях промышленности в контексте «Стратегии-2024»

в сфере социально-эколого-экономических аспектов для устойчивого и справедливого равновесия в неообществе, обеспечивая национальную безопасность России.

Так, русский ученый Н.Д. Кондратьев считал, что необходимо исходить из того, что деятельность по предвидению (планирование) осуществляясь в условиях недостаточного и неполного знания всех факторов, могут ... появиться не выявленные закономерности [5].

Вышеизложенное обуславливает гибкие изменения в нормативно-правовой базе государственного управления в России для перехода к непрерывному стратегическому планированию, то есть переход к пониманию значимости плана, который не предусмотрен в Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017-2030 гг., утвержденный Указом Президента РФ 9 мая 2017 г.[1]

С теоретической точки зрения, понимание происходящих изменений состоит в том, что страны больше не ориентируются лишь на материальные ‘ресурсы, так как уровень их развития обуславливает накопление нематериальных элементов инновационного потенциала, то есть происходит смена типа воспроизводства и новое осмысление эффективности развития экономики, это предопределяет становление интеллектуального производства во многих ее отраслях. Критерием эффективности становления новой экономики является интеллект человека, его инновационные знания, что обуславливает формирование инновационной системы общественных отношений, то есть вектор на качественный рост, так как происходит поумнение производства, как бы осознание руководителями инновационных организаций, что успех и эффективность инновационной деятельности определяется их умением управлять новыми особыми знаниями персонала, которые постоянно необходимо обновлять, как и компетенции руководителей всех уровней управления.

Однако авторы отмечают, что каждому руководителю на всех уровнях управления знаниями надо понимать и осознавать циклическое развитие экономики из-за смены технологических укладов, которое определяет кардинальные изменения всей инфраструктуры в социальных системах с формированием инновационного вида инфраструктуры, так как в условиях глобализации и кризиса экономики «развитие 6-го технологического уклада сдерживается как неразработанностью соответствующих технологий, так и неготовностью социально-экономической среды к их широкому применению» [4].

Понимание вышеизложенного обуславливает осознание того, что скорость технологического обновления производства всех отраслей промышленности предопределяется умением руководителей всех уровней управления на основе своих инновационных компетенций обеспечить гибко и эффективно не только обновление производства, но и, в первую очередь, создать инновационные знания персонала организации, что и обусловит реализацию 6-го технологического уклада, то есть переход экономики России на инновационный уровень развития в контексте создания инновационного мышления руководителей всех уровней управления, что определит инновационную активность регионов и всех отраслей промышленности [6].

Подтверждением вышеизложенному является наша отечественная практика и мировой опыт, которые обуславливают создание гибкого инвестиционного[!] механизма с низкой ставкой процента кредита (2%) на поддержку инновационного развития приоритетных отраслей, а расходы НИОКР должны быть – 3% ВВП при жестком государственном контроле выполнения региональных инновационных программ и инновационных проектов для реализации научных заделов в инновационных технологиях 6-го технологического уклада. Необходим государственный институт гармонизации сбережений, инвестиций и ликвидности [7], так как на каждой фазе циклического развития присущи свои закономерности, что обуславливает трансформацию интеллектуального потенциала науки и образования в инновационный потенциал страны.

Фактическое состояние инновационно-технологической сферы в развитии России характеризуется невысоким уровнем, особенно в перерабатывающей отрасли. Так в 2015 г. осваивалось инновационных производственных технологий около 180 тысяч, а импортировалось на сумму около 2 млрд долл., одновременно входим в число мировых технологических лидеров в космической и авиационной промышленности.

[1] Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы».

Авторы отмечают, что гибкое внедрение инноваций в технологическую модернизацию ВПК позволило осуществить диверсификацию его отраслей, то есть восстановление инновационного цикла по всей цепочке на основе создания отечественных инновационных технологий в контексте инновационного образования на всех уровнях управления: макро-, мезо- и микро- при инновационной рефлексии руководителей всех уровней инновационной деятельности организаций.

С научной точки зрения архи-важно практически руководителям уметь реализовать матрицу Абеля (рис. 1).

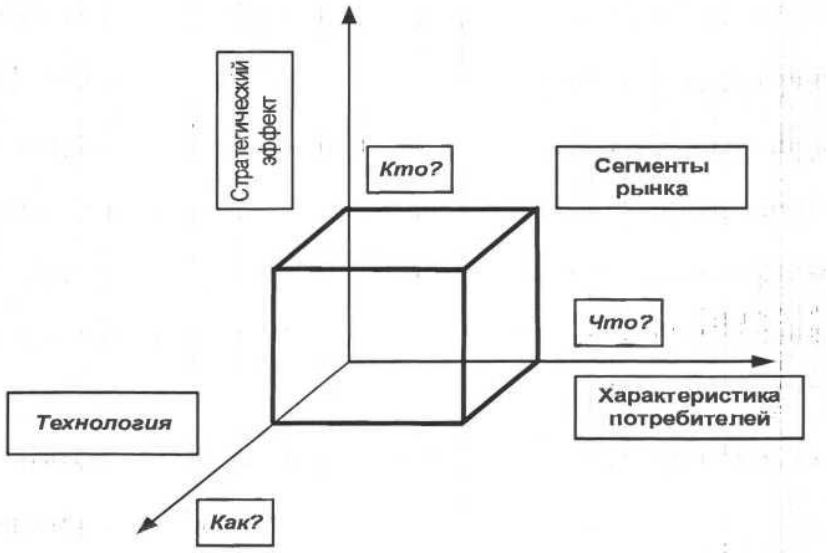


Рис. 1. Стратегия по Абелю – трехмерный подход
Fig. 1. Abel strategy – three-dimensional approach

Взаимодействие и наличие ее элементов отвечает на вопросы:
- как надо делать – какую технологию применять;
- что создавать – какой товар;
- чем делать – какое оборудование нужно;
- зачем внедрять инновационные технологии управления;
- кто будет реализовывать новые знания персонала;

Становится совершенно очевидным, что логика потенциала технологии определяется «S»-образной кривой с учетом закономерности ее жизненного цикла и его совершенствования при переходе на новую технологию – создание инновационного продукта с учетом нейроматематического прогнозирования ситуации, в которой происходит инновационная деятельность организации (рис. 2) при переходе на новый инновационный продукт.

Анализ вышеизложенного показывает, что в условиях глобализации и кризиса экономики в XXI веке необходимо применять и реализовывать сочетания инновационных технологий на интеллектуальном уровне «инфо-био-гено-нано», то есть создание технологий (технологических процессов) на нано уровне, так как любая технология должна гарантировать мировой уровень качества и конкурентоспособности [8] любого изделия (товара).

В связи с внешними угрозами и вызовами глобализация определяет руководителей всех уровней на инновационную интенцию для реализации национальных целей страны при реформировании инновационной сферы, создавая векторную инновационную систему для осуществления быстрого и гибкого новационного рывка в экономике с социально-экологическими аспектам и на основе Стратегии-2024 научно-технологического развития[1] способствующая национальной безопасности России.

[1] Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Электронный ресурс: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449

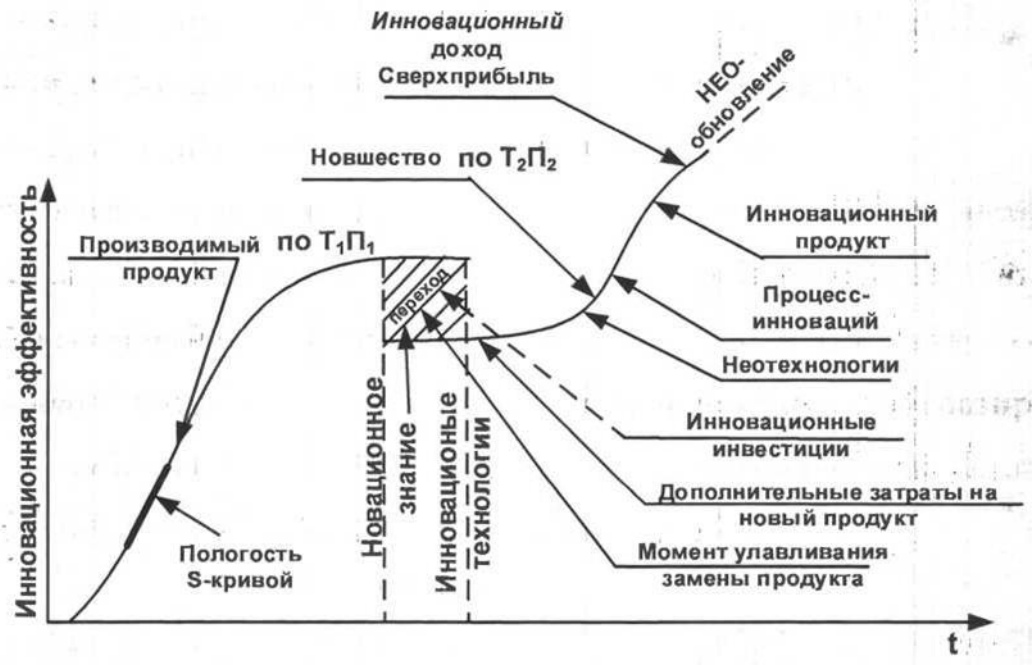


Рис. 2. Процесс «время – деньги – товар – клиент»
Fig. 2. The process "time – money – product – customer"

С научной точки зрения, положительный инновационный прорыв будет предопределяться готовностью неообщества, науки, образования, производства, руководителей регионов и, самое главное, готовностью социально-экономической системы к эффективному функционированию в инновационном цикле (в соответствии инновационной теории Н.Д. Кондратьева), то есть учитывать специфику исторического развития России – 30-ти летний инновационный опыт [9] в контексте инновационного типа развития.

В данный период системный анализ позволяет утверждать, что наука в России должна стать локомотивом модернизации экономики при понимании того, что нравственность человека – это научная ценность неообщества и носитель не только инновационного знания, но и созидатель духовного единения людей в творчестве при их взаимодействии в своей жизнедеятельности, которое определяет постоянное генерирование знаний как вектор инновационного прорыва.

Исходя из вышеизложенного мгновенно изменяющийся инновационный поток принципиально предопределяет уникальные требования к инновационно-технологической базе обусловленности четвертой промышленной революции (индустрия 4.0):

- создание и внедрение кибернетико-интеллектуальных систем;
- смарт-технологии;
- преобладание интеллектуальной среды в отраслях;
- автоматическая идентификация и т.д.

При анализе вышеизложенного, авторы отмечают, что в своих исследованиях русский академик А. Фонотов обосновал формирующееся интеллектуальное производство обусловлено уникально-сложным взаимодействием политических; социально-экологических, технологических; инновационных отношений и возникновением новых мега-инновационно-интеллектуальных нейроматематических центров с учетом национальной безопасности [9].

С практической точки зрения вышеизложенное должно быть осуществлено не только на доверительно-инновационном партнерстве государства, науки, университетов с производством и обществом, но и при создании инновационного мышления руководителей всех уровней деятельности [10], осуществляющее становление инновационной экономики в контексте аспектов:

- научно-инновационные знания персонала организаций;
- инновационно-цифровые информационные технологии;
- сформированная инновационная культура в коллективах;

- модели инновационного управления производством на всех уровнях;
- умение руководителей реализовывать нейропрогнозирование для будущего развития;
- создание для персонала инновационного климата;
- инновационное мышление руководителей всех уровней управления.

В этой связи научный уровень труда, высшая квалификация персонала и наличие инновационного потенциала страны являются определяющими факторами становления новой модели экономики – экономики знаний, которыми надо уметь управлять, так как они стали производительной силой развития неообщества.

С научной точки зрения управление знаниями: создание, обновление, диффузия их становится саморазвивающейся и самовоспроизводимой сферой деятельности, следовательно, реализация управления знаниями – фактор инновационного развития экономики.

Логика инновационного развития экономики предопределяется созданием и реализацией только отечественных инновационных технологий способствующие инновационному прорыву во всех отраслях промышленности на основе инновационных знаний персонала и инновационных компетенций руководителей-организаторов с инновационной рефлексией.

Как показывает практика, реализация организационно-управленческих новаций определяет не только высокий уровень инновационной активности организаций, но и инновационную восприимчивость персонала к инновационным преобразованиям в деятельности организации, что позволяет инновационным руководителям сформировать гуманно-нравственную инновационную культуру, определяющую создание социального равновесия в коллективе, обуславливающее будущее развитие организации.

С практической точки зрения реализация логики вышеизложенного определяется умением руководителей инновационной организации применять в своей креативной деятельности методы синетики, обуславливающие их инновационное мышление с учетом социально-психологического поведения каждой личности в коллективе.

Становится совершенно очевидным создание в коллективе психологического равновесия на основе анализа профессиональных особенностей каждой личности для создания творческой мотивации, определяющих ее адаптацию к инновационным изменениям в деятельности инновационной организации [3], определяющая взаимодоверительное партнерство между руководителями и персоналом, которые должны быть гуманными лидерами-новаторами, способными осуществить инновационное управление знаниями персонала.

Однако следует отметить, что только реализация гуманных технологий управления знаниями персонала обеспечит не только приток инновационных идей, но и инновационную активность организации, определяющую возможность применения неявных знаний работников всех уровней управления, способствующих созданию новых ключевых компетенций и ценностей в коллективе.

В экономическом смысле инновационные знания представляют собой социальный аспект мультиплицирующего освоения гуманно-экономического эффекта образовательных новшеств, то есть является базой для наращивания инновационного потенциала уникальных знании персонала.

В условиях глобального кризиса экономики перед всеми странами, развитыми и развивающимися стоит эврика-задача – создание мировой инновационной системы образования, способствующей непрерывному ее совершенствованию с инновационным мышлением руководителей всех уровней при творческом партнерстве с персоналом на производстве, создавая инновационный климат и гуманную философию жизнедеятельности коллективов.

В контексте инновационного вектора деятельности университетов в реализации грантов, трансфера новых особых знаний и инновационных технологий определяется не только гибкое становление новой экономики, но и обуславливается создание инновационного интеллекта регионов и организации на основе оптимальных моделей развития инновационного образования, формирующего инновационное мышление у руководителей всех уровней управления с ключевыми компетенциями.

В этом случае инновационное образование, создавая новые инновационные знания для понимания и реализации инновационной неоинформации об инновационно-цифровых технологиях, обуславливает повышение интеллектуального уровня людей и способствует осознанию восприятия инновационных изменений при производстве инновационных товар-услуг для общества, как

нужную ценность, определяющую идеологию неообщества, способствующая становлению новой экономики и ее развитию, улучшая социальные аспекты в жизни людей.

В практическом аспекте специфика становления инновационного мышления на основе создания практичности инновационного образования в университетах России будет определяться не только осознанием его необходимости, но и вектором инновационной политик государства на приоритетность создания собственных инновационных технологий с применением их во всех отраслях экономики с принуждением руководителей регионов реализовать их в инновационных программах с социально-экологической направленностью.

При инновационном подходе проявляется роль мысленной логики в сочетании с творческим порывом в контексте нового уровня знаний – новые особые знания, реализуемые в векторе развития общества – инновационного на основе применения инновационного образования в гибких моделях инновационной деятельности с учетом аксиологических и праксиологических аспектов с применением инновационной рефлексии руководителей на всех уровнях управления.

Список источников

1. Земцов С. П., Баринова В. А. Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации» // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 65-81.

2. Инновационная деятельность в Российской Федерации: информационно-статистический материал. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2017.

3. Овчаренко Г. В., Ларкина Н. Г. Инновационное управление. Учебник. Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2019. 333 с.

4. Глазьев С. Ю. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 26-38.

5. Зембатова Б. В. Планирование: простые й сложные истины. М.: Наука, 1990. 147с.

6. Ларкина Н. Г., Овчаренко Г. В., Мелихова Б. С., Овакимян М. А. Инновазия социально-технологических систем в новой экономике. Монография. Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2019. 126 с.

7. Кейнс Дж. Заметки об экономическом цикле. Избранные произведения. Пер. с англ. / Предисл., коммент., сост.: А. Г. Худокормов. М.: Экономика, 1993. 543 с.

8. Инновационно-технологическое развитие экономики России: проблемы, факторы, стратегии, прогнозы. М.: МАКС Пресс, 2005. 591 с.

9. Фонотов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993. 272 с.

10. Овчаренко Г. В., Ларкина Н. Г., Мелихова Б. С., Овакимян М. А. Инновационные знания – ключевой вектор развития современной организации: монография. Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2018. 138 с.

References

1. Zemtsov S. P., Barinova V. A. Changing the paradigm of regional innovation policy in Russia: from alignment to "smart specialization". *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*. 2016;(10):65-81. (In Russ.)

2. *Innovation activity in the Russian Federation:* information and statistical material. Moscow: FGBNU Research Institute of RINCCE, 2017. (In Russ.)

3. Ovcharenko G. V., Larkina N. G. *Innovation management.* Textbook. Rostov-on-Don: YURIU RANEPA; 2019. 333 p. (In Russ.)

4. Glazyev S. Yu. The world economic crisis as a process of changing technological patterns. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics.* 2009;(3):26-38. (In Russ.)

5. Zembatova B. V. *Planning: simple and complex truths*. Moscow: Nauka; 1990. 147 p. (In Russ.)

6. Larkina N. G., Ovcharenko G. V., Melikhova B. S., Ovakimyan M. A. *Innovation of socio-technological systems in the new economy.* Monograph. Rostov-on-Don: YURIU RANEPA; 2019. 126 p. (In Russ.)

7. KeyneSj. Notes on the economic cycle. Selected works. Translated from English / Preface, commentary, comp.: A. G. Khudokormov. Moscow: Economics; 1993. 543 p. (In Russ.)

8. *Innovative and technological development of the Russian economy: problems, factors, strategies, forecasts.* Moscow: MAKS Press; 2005. 591 p. (In Russ.)

9. Fonotov A. G. *Russia: from a mobilization society to an innovative one.* Moscow: Nauka; 1993. 272 p. (In Russ.)

10. Ovcharenko G. V., Larkina N. G., Melikhova B. S., Ovakimyan M. A. *Innovative knowledge is a key vector of development of a modern organization*: monograph. Rostov-on-Don: YURIU RANEPA; 2018. 138 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. Г. Ларкина – кандидат экономических наук, доцент ЮФУ.

Г. В. Овчаренко – доктор экономических наук, профессор ЮРИУ РАНХиГС.

А. П. Яланский – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

N. G. Larkina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Marketing and Communication in Business, Faculty of Management of Southern Federal University.

G. V. Ovcharenko – Doctor of Economic Science, Professor of South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

A. P. Yalansky – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management of South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.09.2022; одобрена после рецензирования 13.01.2023; принята к публикации 14.01.2023.
The article was submitted 27.09.2022; approved after reviewing 13.01.2023; accepted for publication 14.01.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 43–48
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):43–48

Проблемы управления

Научная статья
УДК 65.01+331
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-43-48

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

Карина Суреновна Чикаева[1], Андрей Валерьевич Рачипа[2], Александр Васильевич Попов[3]

[1]Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия
[2, 3]Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
[2]Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия
[1]chikaevakarina@mail.ru [2]rachipa@sfedu.ru [3]avpopov11@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу организационной устойчивости как фактору эффективного управления человеческими ресурсами. Описана структура организационной устойчивости: человеческие ресурсы, корпоративная культура, инновации. Рассмотрены ключевые качества организационной устойчивости. Выделены три ключевых качества организационной устойчивости: умение принимать социально-экономическую реальность такой, какова она есть; умение находить смысл в любой ситуации; способность к бриколажу.

Ключевые слова: организационная устойчивость, организация, управление, жизнестойкость, человеческие ресурсы, менеджмент, инновации, ценности, стратегия, бриколаж

Для цитирования: Чикаева К. С., Рачипа А. В., Попов А. В. Организационная устойчивость как фактор эффективного управления человеческими ресурсами // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 43-48. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-43-48

Problems of Management

Original article

ORGANIZATIONAL SUSTAINABILITY AS A FACTOR OF EFFICIENT HUMAN RESOURCE MANAGEMENT

Karina S. Chikaeva[1], Andrey V. Rachipa[2], Alexander V. Popov[3]

[1]Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Krasnodar, Russia
[2, 3]Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
[2]Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia
[1]chikaevakarina@mail.ru [2]rachipa@sfedu.ru [3]avpopov11@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the sociological analysis of organizational sustainability as a factor in the effective management of human resources. The structure of organizational stability is described: human resources, corporate culture, innovations. The key qualities of organizational sustainability are considered. Three key qualities of organizational sustainability are identified: the ability to accept the socio-economic reality as it is; the ability to find meaning in any situation; bricolage ability.

Keywords: organizational sustainability, organization, management, resilience, human resources, management, innovation, values, strategy, bricolage

For citation: Chikaeva K. S., Rachipa A. V., Popov A. V. Organizational sustainability as a factor of efficient human resource management. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):43–48. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-43-48

© Чикаева К. С., Рачипа А. В., Попов А. В., 2023

Вопросы, связанные с устойчивостью организации как фактора, оказывающего непосредственное влияние на управление человеческими ресурсами (далее – УЧР), актуализировались академической наукой около четырех десятилетий назад. Это обусловлено, с одной стороны, опережающим молниеносным изменением мирового сообщества по сравнению с накоплением запаса прочности всякой организации; с другой – в связи с рассмотрением человеческих ресурсов (ЧР) с позиций силы и триггерного механизма прогрессивного развития всякой организации.

Сегодня тематика организационной устойчивости (жизнестойкости) весьма активно культивируется в бизнес-сообществах, что свидетельствует в пользу того факта, что «формирование и развитие хозяйствующих субъектов зависит от эндогенного потенциала, умения быстро адаптироваться и переориентироваться организации» [1, с. 726].

ЧР – это необыкновенно сложный, противоречивый и нестабильный субъект управления, поэтому он требует особого подхода, т.е. УЧР должно идти в ногу со временем и быстро и адекватно реагировать на любые внешние турбулентные изменения внешней среды. А для того, чтобы иметь необходимый запас прочности и процветать в ситуации нестабильности и турбулентности, любая современная организация должна стремиться к обновлениям, которые, в свою очередь, должны естественным образом вытекать из организационной устойчивости (ОУ). Поиски же данной устойчивости кроются не в защите прошлых устоев, бизнес-моделей организации и использовании ею полученного ранее опыта, а именно в рассмотрении инновационных возможностей в УЧР и зарождающихся перспективных трендов в актуальном спросе на товары и услуги.

В контексте данной публикации важно сказать и об управлении ЧР (от англ. – HRM – human resources management). УЧР предполагает определенный набор соответствующих менеджеристских механизмов, технологий и способов управления кадрами для достижения стратегических целей организации. Концептуальные подходы в практике УЧР (кадрового менеджмента) имеют такую последовательность теоретико-методологического и эмпирического рассмотрения: «управление кадрами – управление персоналом – управление человеческими ресурсами» [2]. При этом УЧР сегодня рассматривается как более широкое понятие, включающее более частное понятие – «управление персоналом», а также включающее стратегический менеджмент, в рамках которого происходит планирование, реализация управления и прогнозирование персонала.

Анализ научной литературы в рамках проблемного поля исследования показывает, что интерес к анализу организационной устойчивости как фактору эффективного управления ЧР в организации выходит за рамки управления рисками с ключевой целью целостного взгляда на прагматичное отношение к реальности, адаптацию в инновационных и непредвиденных обстоятельствах, многолетнее процветание и успех любой организации. Причем пролонгированная успешность организации отнюдь не связана с инерционными процессами в бизнесе, ибо эту успешность обеспечивает устойчивость – такое важнейшее качество, как «способность динамически пересматривать бизнес-модели и стратегии при изменении обстоятельств» [2, с. 28]. Причем это качество даже сильнее образовательного ценза, имеющихся у персонала организации умений, навыков и накопленного опыта, оно отражает способность выживать и умение быстро приспосабливаться в сложных и кризисных обстоятельствах [2, с. 10].

Что же представляет собой устойчивость организации, или т.н. ее жизнеспособность?

ОУ – это «способность организации предвидеть, подготавливаться, реагировать и адаптироваться к постепенным изменениям и внезапным дестабилизирующим событиям, чтобы выжить и процветать»[1].

Структура устойчивости организации имеет первостепенное значение как «критерий оценки эффективной системы управления, обеспечивающей его адаптивные возможности» [3, с. 209].

Структуру ОУ составляют три элемента: человеческие ресурсы, корпоративная культура, инновации.

Остановимся на анализе данных элементов структуры ОУ.

Итак, элемент «ЧР» представляет собой весьма широкое понятие, которое охватывает не только трудовые ресурсы, но и «широкий спектр социально-политических, социально-культурных, социально-экономических, социально-политических и иных характеристик, отражающих

[1] Электронный ресурс https://www.bsigroup.com/ru-RU/blog/organizational-resilience/

многообразные аспекты развития и использования человеческих ресурсов как главной движущей силы социально-экономического развития общества» [4, с. 21].

В системе организационных ценностей, «образующих менеджеристскую идеологию», ЧР играют главную роль [5, с. 15].

Корпоративная культура организации включает в себя цель выбора той или иной организации «(во имя какой цели люди стали членами одной организации); качество корпоративных отношений, связанное с конструктивным разрешением конфликтных взаимодействий в любой организации и любом социальном институте [6]; «ключевые принципы и ценностно-нормативное пространство жизнедеятельности и функционирования организации (т.е. какими устойчивыми нормами и базовыми принципами своей жизнедеятельности в организации руководствуются персонал) – все это в совокупности способствует корпоративной сплоченности персонала в организации, позволяя ей идти в ногу со временем и делая ее конкурентоспособной» [7, с. 156].

Инновации являются важным фактором эффективного управления ЧР. При этом всякой организации необходимо обладать тремя разновидностями инноваций в принятии управленческих решений в рамках работы с ЧР:

1) революция как творческое разрушение в той или иной отрасли – это касается инновации в отношении отраслевых правил и принятия инновационных управленческих решений[1];

2) стратегическое обновление как созидательная реконструкция в рамках обновления традиционно принятой бизнес-модели;

3) устойчивость как качество организации, связанное со способностью к систематической реконструкции, а также требующее инноваций в системе тех организационных процессов и моделей поведения, которые запечатлеваются в опыте и памяти организации вместо того, чтобы изменяться и обновляться.

Инновации в УЧР могут рассматриваться не только в качестве методов работы с ЧР, они связаны с предложением, разработкой, внедрением и применением инновационных решений в организации в целом. Здесь взаимодействие с ЧР играет важную роль, поскольку инновационные предложения должны поступать и от сотрудников. Ограниченность практик инновационного менеджмента приводит к низкой активности персонала в предложении нововведений.

Так, например, если мы обратимся к опросу Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ «Инновации на рабочем месте», то увидим значительный разрыв между теми, кто имеет возможность предлагать инновации, и теми, кто этой возможностью пользуется [8].

В гистограмме (см. рис. 1, составленный авторами на основании исследований НИУ ВШЭ) отображено соотношение респондентов, кто имеет возможность предлагать инновационные решения (55,0 % опрошенных), тех, кто имеет непосредственную возможность обратиться с предложением к руководству организации (47,0 %), а также тех респондентов, кто предлагал креативные идеи и обладает способностью к бриколажу (6,3 %). Стоит обратить внимание на тот факт, что 40% из тех, кто предлагал интересные новаторские идеи, делали это в соответствии со своими должностными обязанностями.

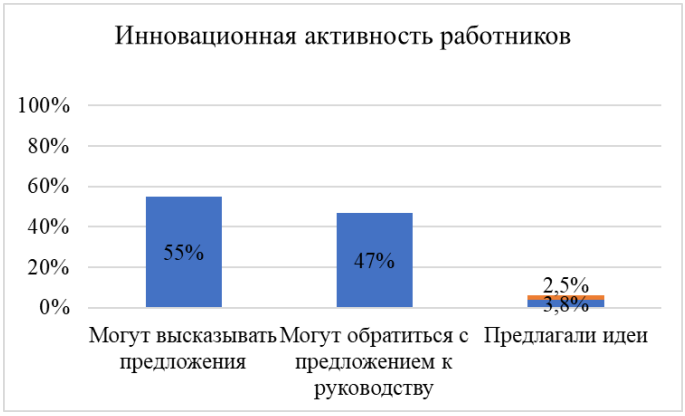


Рис. 1. Инновационная активность работников
Fig. 1. Innovative activity of employees

[1] Электронный ресурс https://issek.hse.ru/news/495649678.html

Разумеется, что поощрение бриколеров – людей, обладающих способностью к бриколажу (о котором будет сказано ниже в рамках данной публикации при рассмотрении социально-психологических качеств ОУ) – будет способствовать выработке умения быстро приспосабливаться в сложных изменяющихся обстоятельствах, тем самым способствуя формированию устойчивости организации.

Эффективность управления человеческими ресурсами в организации зависит, по мнению Л. А. Итиуридзе и П. В. Агапова, от следующих пяти признаков:

1) Большого размера организации, отношения в которой строятся на исключении непосредственных межличностных интеракций.

Как подчеркивают П. В. Горлачев, И. А. Кунаковская и др., чем значительнее и больше «хозяйствующий субъект и уровни рынков деятельности, тем больше экономических, управленческих и производственных процессов, что требует грамотной, оптимальной и рационально выстроенной стратегии управления человеческими ресурсами организации» [1, с. 726].

2) Формализации организации, управление в которой базировались «на основе писаных норм, которые являлись относительно стабильными и четко структурированными для различных организационных уровней, выполняя функцию ранжирования отношений и решений» [9, с. 286].

3) Рациональности организации, сопряженной с обязательностью установления стратегических целей организации и определения ресурсов для их достижения.

4) Иерархической структуры организации, которая «проистекает из субординации ее целей и означает существование различных уровней полномочий для различных уровней организации. Чем выше уровень организации, тем выше полномочия и ответственность» [9, с. 286].

5) Специализации организации, в соответствии с которой подструктуры этой организации, а также ее сотрудники ранжированы в соответствии со специфическими особенностями функциональной деятельности – «разделение труда» и/или «в соответствии с качествами индивидов (социальная организация)» [9, с. 287].

Любая организация, целью которой является стать преуспевающей и устойчивой, должна, так или иначе, сосредоточить усилия на решении четырех ключевых социально-психологических задач в управлении ЧР:

- когнитивной, связанной с познавательными установками и устойчивым контролем в управлении, а также со способностью организации адекватно относиться к переменам и постоянно оценивать, какой потенциал влияния на успехи организации эти перемены имеют [10];

- стратегической, связанной со способностью организации с избытком создавать новые конкурентоспособные альтернативы и компетентности отжившим архаическим стратегиям, с упором на цифровизацию [11];

- политической, сопряженной со способностью организации к перераспределению ресурсов с минувших и устаревших программ, продуктов и услуг – на будущие, актуализированные и продиктованные инновациями;

- идеологическую. Далеко не все организации подвергают сомнению доктрину оптимизации. Однако оптимизация бизнес-модели, которая постепенно изживает себя, не обладает способностью обеспечить успешное будущее организации. Если стремление организаций к обновлению не будет эпизодическим, порожденным кризисными событиями и явлениями, а станет постоянным организационным процессом, продиктованным инновационными возможностями, у организаций назреет необходимость и интенция к глубоким трансформационным изменениям собственного мировоззрения в ситуации очевидного признания того факта, что для достижения успеха организации недостаточно только управленческого профессионализма, опыта и безупречного исполнения.

Любой организации, чтобы оставаться устойчивой, необходимо решать данные задачи в управлении ЧР.

Наконец, в рамках данной статьи необходимо сказать о социально-психологических компонентах (качествах) организационной устойчивости:

- во-первых, умение принимать социально-экономическую реальность такой, какова она есть, и иметь адекватное отношение к изменяющейся реальности. Это качества, от которых зависит выживание организации;

- во-вторых, умение находить смысл в любой ситуации (даже форс-мажорной). От умения осуществлять поиск смысла в происходящем и определять смысл напрямую зависит устойчивость как самой организации, так и жизнестойкость ее ЧР. Наиболее успешные организации обладают определенным сводом нормативно-ценностных принципов деятельности, наделены четкой системой фундаментальных и инструментальных ценностей, наличие же последних наполняет их существование смыслом, ибо ценности помогают осмысливать, контролировать обстоятельства и управлять происходящим. Более того, системы ценностей, исповедуемые жизнестойкими организациями, как правило, не претерпевают серьезных изменений на протяжении многих лет, а в тяжелые кризисные периоды ценности обеспечивают организациям устойчивые позиции;

- в-третьих, обладать бриколажем (по термину, введенному К. Леви-Строссом) – умением решать проблемные ситуации оригинальным способом, проявлять изобретательность при отсутствии требуемых и привычных материалов и инструментов. Организации-долгожители, обладающие бриколажем в практике УЧР, проявляют гораздо большую устойчивость и адаптивность к инновационным условиям существования, нежели организации, управляющие ЧР стереотипно и не способные находить решение проблемы при отсутствии необходимых и привычных механизмов, инструментов. Т.е. бриколаж – это еще одно ключевое умение и качество организационной устойчивости.

Таким образом, тремя ключевыми качествами ОУ являются: умение принимать социально-экономическую реальность такой, какова она есть; умение находить смысл в любой ситуации; способность к бриколажу. При этом необходимо брать в расчет, что нормативы и ценности, по причине которых организации кажутся, на первый взгляд, несколько далекими от бриколажа, в действительности делают эти организации более устойчивыми в турбулентной и рискогенной среде.

Поводя итог, необходимо подчеркнуть, что для достижения ОУ всякой современной организации необходимо:

- в практике УЧР учитывать структуру ОУ: человеческие ресурсы, корпоративная культура, инновации, а также знать ключевые качества ОУ;

- обладать тремя разновидностями инноваций в принятии управленческих решений в рамках работы с ЧР, поскольку инновации являются важным фактором эффективного управления;

- сосредоточить усилия на решении четырех ключевых социально-психологических задач в управлении ЧР: когнитивной, стратегической, политической и идеологической.

Список источников

1. Горлачев П. В., Кунаковская И. А. и др. Управление организацией и человеческими ресурсами в условиях незаконных ограничений и санкций // Научный журнал «Управленческий учет». 2022. № 6. С. 725-738.

2. Организационная устойчивость (Серия «Harvard Business Review: 10 лучших статей») / пер. с англ. М., 2022. 248 с.

3. Чаплина А. Н., Жигунов И. М. Обеспечение организационной устойчивости предприятий сферы услуг // Проблемы современной экономики. 2013. №1 (45). С. 209-211.

4. Человеческие ресурсы в инновационной экономике: ретроспектива и перспектива развития: коллективная монография / под ред. проф. А. А. Степанова, М. В. Савиной. М., 2018. 240 с.

5. Дятлов А.В., Игнатова Т.В., Ковалев В.В. Ресурсы менеджеризма для обеспечения эффективности муниципального управления (по оценкам экспертов Южного федерального округа) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. №4. С. 11-17.

6. Чикаева К. С., Гафиатулина Н. Х., Майба В. В. Медиация как инновационная технология урегулирования социальных конфликтов в институте образования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 1. С. 70-76.

7. Акопова Е. С., Попов А. В. Корпоративная культура организации: принципы ESG в эпоху цифровизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 1. С. 155-158.

8. Popov A. V., Rachipa A. V., et al. Specificity of explication of the category «management decisions» and scientific-methodological approaches for their development // Revista Inclusiones. 2019. Vol. 6. №2. Pp. 215-224.

9. Итиуридзе Л. А., Агапов П.В. Современный политико-управленческий менеджмент // Социальная политика и социология. 2008. №2 (38). С. 278–288.

10.Гафиатулина Н.Х. Влияние корпоративной культура вуза на социальное здоровье студенческой молодежи // Образование. Наука. Инновации. 2012. № 6 (26). С. 113–119.

11.Kobysheva L. Organization of higher education in context of digitalization: online learning experience at pandemic, development trends / L. Kobysheva [et al.] // In the collection E3S Web of Conferences. 14. Rostov-on/D., 2021.

References

1. Gorlachev P. V., Kunakovskaya I. A. Management of the organization and human resources in the conditions of illegal restrictions and sanctions. *Naychnij zhurnal ypravlencheskij ychet = Scientific journal "Management Accounting".* 2022;(6):725-738. (In Russ.)

2. Organizational sustainability (Series "Harvard Business Review: 10 best articles"). Transl. from English. M., 2022. 248 p. (In Russ.)

3. Chaplina A. N., Zhigunov I. M. Ensuring the organizational sustainability of service enterprises. *Problemyi sovremennoj ekonomiki = Problems of the modern economy.* 2013;1(45):209-211. (In Russ.)

4. Human resources in the innovation economy: a retrospective and development perspective: a collective monograph. Prof. A.A. Stepanova, M.V. Savina (eds.). Moscow; 2018. 240 p. (In Russ.)

5. Dyatlov A. V., Ignatova T. V., Kovalev V. V., Cherkasova T. P. Resources of managerialism to ensure the effectiveness of municipal government (according to experts from the Southern Federal District). *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2021;(4):11-17. (In Russ.)

6. Chikaeva K. S., Gafiatulina N. Kh., Maiba V. V. Mediation as an innovative technology for resolving social conflicts at the institute of education. *Gymanitarnie, spcialno-ekonomicheskie I socialnye nayki = Humanitarian, socio-economic and social sciences.* 2022;(1):70–76. (In Russ.)

7. Akopova E.S., Popov A.V. Corporate culture of an organization: ESG principles in the era of digitalization. *Gymanitarnie, spcialno-ekonomicheskie I socialnye nayki = Humanitarian, socio-economic and social sciences.* 2022;(1):155–158. (In Russ.)

8. Popov A. V., Rachipa A. V., et al. Specificity of explication of the category «management decisions» and scientific-methodological approaches for their development. *Revista Inclusiones.* 2019;6(2): 215-224.

9. Itiuridze L. A., Agapov P. V. Modern political and managerial management. *Socialnaya politika I sociologiya = Social policy and sociology.* 2008;2(38):278–288. (In Russ.)

10.Gafiatulina N. Kh. Influence of the corporate culture of the university on the social health of student youth. *Obrazovanie. Nayka. Innovacii = Education. The science. Innovation.* 2012;6(26):113-119. (In Russ.)

11.Kobysheva L. Organization of higher education in context of digitalization: online learning experience at pandemic, development trends / L. Kobysheva [et al.]. In the collection E3S Web of Conferences. 14. Rostov-on-Don, 2021.

Информация об авторах

К. С. Чикаева – доктор исторических наук, профессор Кубанского ГАУ.

А. В. Рачипа – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии, истории и политологии Института управления в экономических, экологических и социальных системах Инженерно-технологической академии ЮФУ; профессор МАИ.

А. В. Попов – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения ЮФУ.

Information about the authors

K. S. Chikaeva – Doctor of Historical Sciences, Professor of Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.

A. V. Rachipa – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, History and Political Science of the Institute of Management in Economic, Environmental and Social Systems of the Academy of Engineering and Technology of Southern Federal University; Professor of Moscow Aviation Institute (National Research University).

A. V. Popov – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Regionalism and Eurasian Studies of the Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.
The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 49–53
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):49–53

Проблемы управления

Научная статья
УДК 001+336
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-49-53

О ВОПРОСАХ ФИНАНСИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Екатерина Игоревна Шумская[1], Денис Игоревич Жучков[2], Сергей Юрьевич Иванов[3]
[1, 2, 3]Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия
[1]shumskaia_mgimo@mail.ru
[2]d.zhu4kov@yandex.ru
[3]sivanov.study@gmail.com

Аннотация. На фоне возрастающей роли науки одной из приоритетных задач государственного управления является переосмысление целевых сфер научного финансирования. Для повышения эффективности выделяемых на финансирование средств востребованной видится концепция привлечения инвестиций в междисциплинарные научные исследования. Внесение изменений в действующие стратегические документы научно-технического развития Российской Федерации с целью выработки единого подхода к поддержке междисциплинарности в науке позволит повысить конкурентоспособность отечественной науки. При проведении исследования были использованы исторический и системный подходы, сравнительный анализ и контент-анализ. Были использованы данные Росстата, Министерства науки и высшего образования РФ, Организации экономического сотрудничества и развития.

Ключевые слова: фундаментальная наука, междисциплинарные исследования, финансирование науки, научно-техническая политика

Для цитирования: Шумская Е. И., Жучков Д. И., Иванов С. Ю. О вопросах финансирования научных исследований в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 49–53. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-49-53

Problems of Management

Original article

FUNDING SCIENTIFIC RESEARCH IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ekaterina I. Shumskaya, Denis I. Zhuchkov, Sergey Y. Ivanov
[1, 2, 3]Moscow State University of International Affairs (MGIMO University), Moscow, Russia
[1]shumskaia_mgimo@mail.ru
[2]d.zhu4kov@yandex.ru
[3]sivanov.study@gmail.com

Abstract. Amid the increasing role of science, one of the priories of public administration is rethinking target areas of scientific funding. The concept of attracting investments into interdisciplinary scientific research is sought after in order to increase the efficiency of the funds allocated for funding. Introduction of changes in the current strategic documents of scientific and technological development of the Russian Federation is aimed at developing a unified approach to interdisciplinarity support and is expected to improve the competitiveness of Russian science. The historical and systematic approaches, comparative analysis and content analysis were used in the study, as well as data from Russian Federal State Statistics Service, the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Organization for Economic Cooperation and Development.

© Шумская Е. И., Жучков Д. И., Иванов С. Ю., 2023

Keywords: basic science, interdisciplinary research, science funding, science and technology policy
For citation: Shumskaya E. I., Zhuchkov D. I., Ivanov S. Y. Funding scientific research in the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(1):48–52. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-49-53

Современная наука играет роль важнейшего общественного института, делающего значительный вклад в генерацию, воспроизводство и накопление знаний. Она является одним из каналов взаимодействия членов общества в масштабах не только одной страны, но и всего мира. Многие страны создают международные научные проекты, направленные как на углубление научного сотрудничества и совместное достижение высоких результатов, так и на укрепление партнерских отношений.

Роль науки во всем мире значительно возросла: за последние 20 лет объем затрат на НИОКР увеличился в три раза, составив $2,4 триллиона в 2020 г.[1], при этом объём затрат ведущих стран увеличился в среднем более чем в 2 раза[2]. Объем инвестиций в НИОКР и эффективность их использования стали ключевыми факторами, определяющими экономический потенциал развития стран.

Предполагается, что в России затраты на НИОКР в среднесрочной перспективе (2020 г. – 2030 г.) также увеличатся – до 2,3% ВВП[3]. В этом контексте стоит отметить, что значительная часть выделяемых на НИОКР средств в России приходится на государство (67,8% в 2020 г.) [1, с. 1], в то время как в большинстве ведущих стран противоположная ситуация – в среднем свыше ⅔ затрат на НИОКР приходится на бизнес: в Израиле – 70%, в Китае – 77,5%, в Японии – 78,3%, в Германии – 64,5% [1]. Этот факт подчеркивает значимость грамотного мониторинга, оценки и дальнейшего планирования направлений государственного финансирования научных исследований.

Ввиду долгосрочного тренда стагнации объемов финансирования НИОКР в России[4], одной из приоритетных задач является переосмысление целевых сфер научного финансирования. С точки зрения повышения эффективность ограниченного объема выделяемых на финансирование государственных средств, востребованной видится концепция привлечения инвестиций в междисциплинарные научные исследования. Под междисциплинарностью понимается решение научных проблем путем интеграции знаний и методов из различных научных областей.

Междисциплинарные области науки обладают большим потенциалом развития научных связей. Согласно некоторым исследованиям, степень взаимодействия с внешними партнерами у научных сообществ, занятых в междисциплинарных областях исследований, выше, чем у научных сообществ, трудящихся в какой-либо конкретной области: 93% и 71 % соответственно[5]. Кроме того, междисциплинарные научные сообщества имеют почти в два раза бóльший объем внешнего финансирования. Это указывает на богатый потенциал привлечения частных инвестиций, что может значительно облегчить бремя финансирования научных исследований для государства.

Более того, междисциплинарные научные сообщества имеют более тесное сотрудничество с зарубежными научными сообществами. Это происходит за счет того, что участников в поиске решения глобальных проблем значительно больше: потенциально над исследованиями может работать значительно бóльшее количество ученых. Такого рода международное сотрудничество способствует диссеминации глобальных научных достижений, что приводит к последующей возможной генерации «непредсказуемых» научных прорывов.

---

[1] Global Research and Development Expenditures: Fact Sheet. - Congressional Research Service, 2022. [Электронный ресурс] - URL: https://sgp.fas.org/crs/misc/R44283.pdf (Дата обращения: 24.02.22)

[2] Main Science and Technology Indicators. - OECD.Stat. - 2023. [Электронный ресурс] - URL: https://stats.oecd.org/viewhtml.aspx?datasetcode=MSTI_PUB&lang=en (Дата обращения: 29.01.23).

[3] OECD (2016), Main Science and Technology Indicators. - OECD Publishing 2016. - № 1. [Электронный ресурс] - URL: https://doi.org/10.1787/msti-v2016-1-en (Дата обращения: 18.03.22)

[4] Gross domestic spending on R&D. - OECD Data, 2021. [Электронный ресурс] - URL: https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm (Дата обращения: 29.09.22)

[5] Thinking Across Disciplines – Interdisciplinarity in Research and Education. - Danish Business Research Academy (DEA) & Danish Forum for Business Education (FBE). Copenhagen, 2008. С. 7. [Электронный ресурс] - URL: http://cordis.europa.eu/news/rcn/118314_en.html (Дата обращения: 9.12.22)

Согласно закону убывающей эффективности, на дополнительные вложения любых ресурсов в уже развитые отрасли получаемый эффект снижается. Отрасли, находящиеся на начальной стадии развития и имеющие бóльший потенциал роста, развиваются более высокими темпами. Таким образом, финансирование таких междисциплинарных отраслей науки, как биоинформатика, генная инженерия, искусственный интеллект и пр., будет иметь повышенную эффективность. Так, ввиду своего многообещающего потенциала, объемы инвестиций в междисциплинарные направления научных исследований увеличиваются во многих развитых странах.

Стоит также отметить, что специфика таких глобальных проблем, как старение населения, глобальное потепление, социальное неравенство и др. подразумевает поиск решений исключительно с помощью комплексного междисциплинарного подхода. Именно поэтому исследовательский фокус ученых всего мира направлен на те науки, которые отличаются бóльшей степенью междисциплинарности – гуманитарные науки [2, p. 195]. Если за 60 лет с 1950 года количество научных работ с ключевым словом "междисциплинарность" в области естественных и технических наук увеличилось с 0 до 0,01%, количество таких же работ в гуманитарных науках увеличилось в 5 раз [2, p. 195].

Важно отметить, что количество междисциплинарных публикаций растёт не только в абсолютных числах, но и пропорционально. Их доля (рис. 1) в общем количестве научных публикаций увеличилась больше чем в 4 раза за 6 лет (2009 г. – 2015 г.) с 15% до 67%. Несмотря на то, что количество подобных публикаций в России также выросло, в абсолютных числах их количество не сопоставимо с числом междисциплинарных публикаций в развитых странах. Так, если в США за 2020 г. в SCOPUS было проиндексировано более 27 000 междисциплинарных публикации[1], то в России этот показатель составил чуть меньше 1000 [3, с. 257].

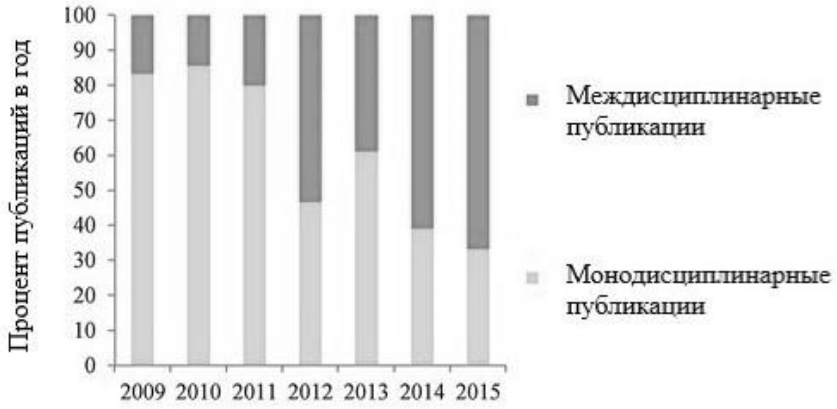


Рис. 1. Рост междисциплинарных публикаций в США, 2009-2015 гг.[2] Источник: [4, с. 22]
Fig. 1. Interdisciplinary publications growth in the United States, 2009-2015. Source: [4, p. 22]

Для того, чтобы понять, почему цифры РФ настолько сильно отличаются от данных развитых стран, представляется необходимым изучить правовые документы, на основе которых до недавнего времени строилась и на текущий момент строится современная российская научно-техническая политика. В рамках исследования были проанализированы 10 ключевых стратегических документов, 1 Федеральный закон, 5 национальных проектов и 9 государственных программ, определяющих научно-техническую политику РФ. В большинстве документов упоминания междисциплинарных научных исследованиях отсутствуют. Тем не менее необходимо выделить следующие

[1] Interdisciplinary journals in the US based on Scopus data. - Scimago Journal and Country Rank, 2022. [Электронный ресурс] - URL: https://www.scimagojr.com/journalrank.php?area=1000&year=2020&country=US (Дата обращения: 4.02.23)

[2] На графике отражена тенденция увеличения доли междисциплинарных научных публикаций в журналах, индексируемых ISI.

стратегические документы, которые хотя бы частично отражают роль междисциплинарности в научных исследованиях в развитие РФ:

- Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года (далее Инновационная стратегия 2015). В документе отмечается, что за стимулирование междисциплинарной интеграции фундаментальной науки в РФ отвечают Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) и Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ). Кроме того, междисциплинарность в исследованиях включена в понятие приоритетного направления развития науки, техники и технологий и в определение критической технологии. В соответствии с этими определениями государственные приоритеты в науке, как и критические технологии, всегда имеют междисциплинарное значение.
- В стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года стимулирование междисциплинарной кооперации приобретает стратегическое значение. Продолжая логику Инновационной стратегии 2015, в данном документе предусматривается формирование механизмов поддержки фондами инициативных междисциплинарных научных проектов и разработки прозрачных процедур и четких критериев их оценки. Приверженность поддержке междисциплинарных научных исследований закреплена и в программах деятельности РФФИ на 2014 – 2020 годы, 2019 – 2021 годы.
- Согласно программе фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период 2021 – 2030 годы от 31 декабря 2020 г., междисциплинарные исследования также являются национальным приоритетом развития фундаментальной науки. Тем не менее, в документе определены конкретные направления, на которых должны фокусироваться междисциплинарные исследования – более всего акцент сделан на цифровых технологиях в гуманитарных науках.
- В то же время, например, в указе Президента РФ от 7 июля 2011 г. N 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации», как и в остальных рассмотренных документах, среди перечня приоритетных направлений развития науки междисциплинарные исследования отсутствуют.

Междисциплинарные исследования являются одним из перспективных направлений мирового научно-технологического развития, так как именно на основе конвергентных наук (т.е. полученных в результате междисциплинарных исследований) можно разрабатывать конвергентные технологии (NBIC-технологии), которые будут влиять на конкурентоспособность государств в ближайшем будущем.

На основе проведенного контент-анализа стратегических правовых документов Российской Федерации системного подхода к развитию междисциплинарности в научных исследованиях не обнаружено. Меры, направленные на стимулирование междисциплинарной кооперации, предполагаемые для реализации в данных документах, редко взаимоувязаны и согласованы. В следствие чего можно сделать вывод, что необходимо сформировать и внедрить на федеральном уровне единый подход к поддержке междисциплинарности научных исследований, закрепить его во всех стратегических правовых документах. Сами инструменты поддержки междисциплинарности в научных исследованиях, которые будут применяться в рамках сформированного единого подхода, требуют дополнительного осмысления. Данная работа может лечь в основу анализа «проблемных зон» в стратегических правовых документах, необходимого для формирования единого подхода к развитию междисциплинарности в научных исследованиях.

Список источников

1. Ратай Т. В. Российская наука в 2021 г. - НИУ ВШЭ, 2022. [Электронный ресурс] - URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/759541668.pdf?ysclid=l9skzl0utb480436333 (Дата обращения: 10.10.22)

2. Larivière V., Gingras Y. Measuring Interdisciplinarity in B. Cronin & C. R. Sugimoto, Beyond Bibliometrics: Harnessing Multidimensional Indicators of Scholarly Impact. - Cambridge MA: MIT Press, 2015. - [Электронный ресурс] - URL: https://www.nature.com/news/polopoly_fs/1.18349!/menu/main/topColumns/topLeftColumn/pdf/525306a.pdf (Дата обращения: 10.11.22)

3. Индикаторы науки: 2022 : статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, М. Н. Коцемир и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. [Электронный ресурс] - URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/774805791.pdf

4. G. Carr, D. Loucks, G. Blöschl. Gaining insight into interdisciplinary research and education programmes: A framework for evaluation // Research Policy. 2018. Vol. 47. № 1.

References

1. Ratai T. V. *Russian science in 2021.* – NRU HSE, 2022. Available from: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/759541668.pdf?ysclid=l9skzl0utb480436333 [Accessed 10.10.2022]. (In Russ.)

2. Larivière V., Gingras Y. *Measuring Interdisciplinarity in B. Cronin & C. R. Sugimoto, Beyond Bibliometrics: Harnessing Multidimensional Indicators of Scholarly Impact*. Cambridge MA: MIT Press, 2015. Available from: https://www.nature.com/news/polopoly_fs/1.18349!/menu/main/topColumns/topLeftColumn/pdf/525306a.pdf [Accessed 10.11.2022].

3. *Science Indicators: 2022 : statistical collection* / L. M. Gokhberg, K. A. Ditkovsky, M. N. Kotsemir et al; National Research University "Higher School of Economics". Moscow: Higher school of economics, 2022. Available from: URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/774805791.pdf [Accessed 10.02.2023]. (In Russ.)

4. G. Carr, D. Loucks, G. Blöschl. Gaining insight into interdisciplinary research and education programmes: A framework for evaluation. *Research Policy*. 2018;47(1).

Информация об авторах

Е. И. Шумская – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления МГИМО МИД России.
Д. И. Жучков – студент МГИМО МИД России.
С. Ю. Иванов – студент МГИМО МИД России.

Information about the authors

E. I. Shumskaya – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of State Management of MGIMO University.
D. I. Zhuchkov – Bachelor's student of MGIMO University.
S. Y. Ivanov – Bachelor's student of MGIMO University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.02.2023; одобрена после рецензирования 21.02.2023; принята к публикации 22.02.2023.
The article was submitted 08.02.2023; approved after reviewing 21.02.2023; accepted for publication 22.02.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 54–60
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):54–60
Проблемы экономики

Научная статья
УДК 339.5
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-54-60

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Андрей Борисович Бабанов[1], Петр Андреевич Бохан[2], Артур Арсенович Шетов[3]

[1, 2]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия
[3]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
Автор, ответственный за переписку: Бохан Петр Андреевич, v.petr100@mail.ru

Аннотация. В данной статье раскрывается сущность и отличительные черты понятия «параллельный импорт», а также определена связь между данной категорией и принципом исчерпания права. Обозначены предпосылки принятия решения о частичной легализации параллельного импорта на территории Российской Федерации. Проанализирован перечень товарных групп, включенных в параллельный импорт, и ключевые страны-бенефициары, с помощью которых осуществляется ввоз товаром по каналам параллельного импорта. Выявлены основные преимущества и недостатки частичной легализации параллельного импорта, которые возникают и могут проявиться в будущем в российской экономике. Сделан вывод о преимуществе краткосрочного использования каналов параллельного импорта и опасностях в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: параллельный импорт, частичная легализация параллельного импорта, принципы исчерпания права, правообладатель, импорт, внеэкономическая торговля

Для цитирования: Бабанов А. Б., Бохан П. А., Шетов А. А. Перспективы использования параллельного импорта в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 54–60. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-54-60

Problems of Economics

Original article

PROSPECT OF USING PARALLEL IMPORTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Andrey B. Babanov[1], Petr A. Bokhan[2], Artur A. Shetov[3]

[1, 2]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
[3]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
Corresponding author: Petr A. Bokhan, v.petr100@mail.ru

Abstract. This article reveals the essence and distinctive features of the concept of "parallel import", and also defines the relationship between this category and the principle of exhaustion of law. The prerequisites for making a decision on the partial legalization of parallel imports in the territory of the Russian Federation are outlined. The list of commodity groups included in parallel imports and the key beneficiary countries through which goods are imported through parallel import channels are analyzed. The main advantages and disadvantages of partial legalization of parallel imports that arise and may manifest themselves in the future in the Russian economy are identified. The conclusion is made about the advantages of short-term use of parallel import channels and the dangers in the long term.

© Бабанов А. Б., Бохан П. А., Шетов А. А., 2023

Keywords: parallel import, partial legalization of parallel import, principles of exhaustion of rights, copyright holder, import, non-economic trade

For citation: Babanov A. B., Bokhan P. A., Shetov A. A. Prospect of using parallel imports in the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(1):53–59. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-54-60

В условиях геополитического и экономического давления, выраженного в виде введения восьми пакетов санкций со стороны США и Европейского союза в отношении Российской Федерации, существует тенденция к значительному сокращению объемов импорта в Россию. Это связанно, прежде всего, с объемом внешней торговли со странами, которые признаны недружественными для Российской Федерации. В 2021 году почти 45 % товарооборота приходилось именно на группу недружественных стран, при этом снижение импорта в большинстве странах, включенных в данную группу, оказалось существенным.

В данных условиях Правительством Российской Федерации было принято решение о частичной легализации параллельного импорта. Данное решение регламентировалось постановлением Правительства РФ № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы»[1].

Вступление в силу данного постановления означало переход определенной группы товаров в сферу действия международного принципа исчерпания права. В свою очередь, данный перечень товаров также регламентирован законодательно Приказом Министерства промышленности и торговли № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия»[2].

Подобное решение российского правительства имеет причину. Прежде всего сокращение импорта. Например, в стоимостном выражении импорт из Германии, США и Франции, которые являются участниками группы недружественных стран, к сентябрю 2022 года соответственно составляет 58,7 %, 60,4 % и 78,8 % к аналогичному месяцу в 2021 году. Стоит отметить, что при этом почти половину импорта, а именно 49,2 %, в 2021 году составляли автомобили, а также комплектующие к ним, от общего объема совокупного импорта. Исходя из вышеприведенных данных, большинство экономических аналитиков сходятся во мнении о сокращении в стоимостном эквиваленте импорта в России к концу 2022 году на 30 %[3].

Частичная легализация параллельного импорта возможна по законодательству ЕАЭС, так как на основании государственного нормативно-правового акта можно использовать товарный знак самостоятельно правообладателем, а также лицу, которое обладает таким правом при наличии лицензионного договора или другому лицу, которое использует товарный знак под контролем непосредственно правообладателя.

---

[1] Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // Правовая база КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. -2022. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413173/ (Дата обращения: 08.11.2022).

[2] Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 19 апреля 2022 г. № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» // Правовая база Гарант [Электронный ресурс]. -2022. – Режим доступа: https://base.garant.ru/404580514/ (Дата обращения: 08.11.2022)

[3] АКРА // Оценка параллельного импорта и его влияния [Электронный ресурс]. Режим доступа – https://www.acra-ratings.ru/research/2689/ (Дата обращения: 08.11.2022)

Таким образом, под параллельным импортом понимается легализованный ввоз произведенного за рубежом товара при наличии товарного знака производителя. Импортируемая таким образом продукция не считается контрафактом, так как произведена официальным изготовителем и имеет все необходимые лицензии и разрешения.

Категория «параллельный импорт» тесна связанна с понятием «доктрина первой продажи» или принципом исчерпания права. Принцип исчерпания права регламентирует условие свободного товарооборота маркированной продукции при правомерном его введении в гражданский оборот правообладателем или уполномоченным лицом. В современном международном законодательстве существует три режима исчерпания права:

- Международный.
- Региональный.
- Национальный.

В практике применения данных режимов исчерпания права наименее выгодным считается международный принцип. Международный режим исчерпания права не позволяет препятствовать распространению маркированного товара правообладателя после того, как его правомерно вели в гражданский оборот в любой стране мира.

Региональный режим исчерпания права также запрещает вмешиваться правообладателю в распространение маркированного товара после его введения в гражданской оборот. Однако важным условием при региональном режиме является то, что легальный оборот должен быть введен на территории определенного регионального союза.

В свою очередь, национальный режим исчерпания права является наиболее привлекательным для правообладателей, поэтому данный принцип имеет самое обширное распространение [1, с. 112]. Согласно данному режиму правообладатель не может препятствовать товарообороту маркированной продукции, когда она была легальна введена в гражданской оборот на территории конкретного государства. Национальный принцип исчерпания права действует и в Российской Федерации согласно ст. 1487 Гражданского Кодекса РФ.

Таким образом, утверждение Постановления Правительства РФ № 506 и Приказа Министерства промышленности и торговли № 1532 является ответом на санкции, введенные в отношении импорта товаров, что позволило смягчить негативные последствия данных действий.

Согласно данным нормативно-правовым актам на определенные товарные группы распространяется международный принцип исчерпания права. Но при ввозе продукции в рамках параллельного импорта поставка оформляется по всем правилам, предоставляются сопроводительные документы и сертификаты качества, уплачивается пошлина, НДС и таможенный сбор. Список документов и сумма платежей зависят от конкретной позиции и её кодировки по ТНВЭД.

Продукция должна быть оригинальной и легально продаваться на иностранном рынке. В рамках международного режима исчерпания прав официальный изготовитель, продав товар поставщику, лишается права отслеживать дальнейшие цепочки поставок, и поставщик может перепродавать продукцию кому угодно. Главное, чтобы у первого покупателя-поставщика был договор о купле-продаже, или разрешение от правообладателя. Без этого товар будет считаться контрафактным. Таможенный орган имеет право запросить документы, по которым можно отследить всю цепочку поставок, чтобы убедиться в том, что продукция является оригинальной

Согласно статистике, представленной на официальном сайте Министерства промышленности и торговли Российской Федерации, перечень товаров, который регламентируется Приказом Минпромторга № 1532, охватывает в стоимостном выражении 36 % импорта за полный 2021 год. Данный перечень включает следующие наиболее важные товарные группы: «оборудование, механические устройства» (код 84) и ««электрические машины и оборудование и их части» (код 85). При этом на данные группы приходится соответственно 31 % и 28 % от общего объема параллельного импорта. На рис. 1 представлена структура товаров, допущенных к параллельному импорту по кодам товарной номенклатуры.

Однако для осуществления параллельного импорта организации должны соблюдать ряд последовательных действий, чтобы их деятельность не оказалась незаконной в рамках российского законодательства.

Рис. 1. Структура товаров, допущенных к параллельному импорту по кодам товарной номенклатуры[1]
Fig. 1. Structure of goods admitted to parallel import by commodity nomenclature codes

Во-первых, для организации параллельного импорта необходимо заключить контракт с дистрибьютором и проверить товар в Таможенном реестре объектов интеллектуальной собственности.

Во-вторых, следует обратиться к Приказу Минпромторга № 1532, в котором указаны коды ТНВЭД и товарные знаки, продукцию которых можно ввозить, не имея разрешения на право интеллектуальной собственности. При этом данный перечень постоянно обновляется. В приказе вся информация разбита на три столбца:

- Первый - это код ТНВЭД, по которому продукцию проверяют на таможне.
- Второй - наименование продукции.
- В третьем столбце указывается товарный знак или наименование бренда.

Соотнеся информацию, представленную в Приказе Минпромторга № 1532, с документацией о товаре, принимается таможенным органом принимается одно из следующих решений:

- Если в перечне указан код ТНВЭД и наименования брендов, то ввозить можно только продукцию перечисленных брендов.
- Если указан код ТНВЭД, а в скобках написано «за исключением» и перечислены торговые марки, значит можно ввозить продукцию с таким кодом, за исключением позиций указанных брендов.
- Если прописан код ТНВЭД, а торговые марки не указаны, значит ввозить можно позиции любых брендов.
- Если товара в перечне нет, при подаче таможенной декларации от вас потребуют разрешение правообладателя. Для этого делается запрос на имя официального представителя бренда, и, если в течение 10 дней ответ не поступает, таможня выпускает груз. Однако при получении ответа в виде запрета на ввоз товара, то в данном случае в выпуске будет отказано, а груз может быть арестован.

Из-за ухода с российского рынка ряда иностранных компаний, неудовлетворенный спрос на их продукцию оказалась значительно большим. Также приостановило работу на территории России достаточно иностранных компаний, которые обеспечивали другие предприятия комплектующими или сырьем, что также не могло не сказаться негативно на экономике страны. Например, в августе 2022 года продажи новых автомобилей в стране снизились почти на 80 % к аналогичному

[1] Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 19 апреля 2022 г. № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» // Правовая база Гарант [Электронный ресурс]. -2022. – Режим доступа: https://base.garant.ru/404580514/ (Дата обращения: 08.11.2022).

периоду в 2021 году, а продажи электротехники упали на 12 % за аналогичный период. Данные тенденции влияют на рост цен на продукцию, в том числе заменители, что обеспечивает рост инфляционного давления на экономику страны, а также чрезмерное укрепление национальной валюты, которое оказывает негативное влияние на деятельность экспортных компаний и снижение доходов федерального бюджета.

Частичная легализация параллельного импорта позволяет избежать дефицита товаров, однако их объем будет ниже, а цена на данную группу товаров будет расти в основном из-за возросших транзакционных издержек, прежде всего, логистических. Поэтому параллельный импорт в среднесрочной перспективе (3-5 лет) позволит сдерживать темпы роста цен на определенные товарные группы, ограничить чрезмерное укрепление национальной валюты и обеспечить развитие внешнеэкономических связей со странами, через которые осуществляется параллельный импорт. Наиболее перспективными бенефициарами параллельного импорта для России являются Китай, Турция, Казахстан и Армения. На рис. 2 представлен объем импорта из рассмотренных ранее стран.

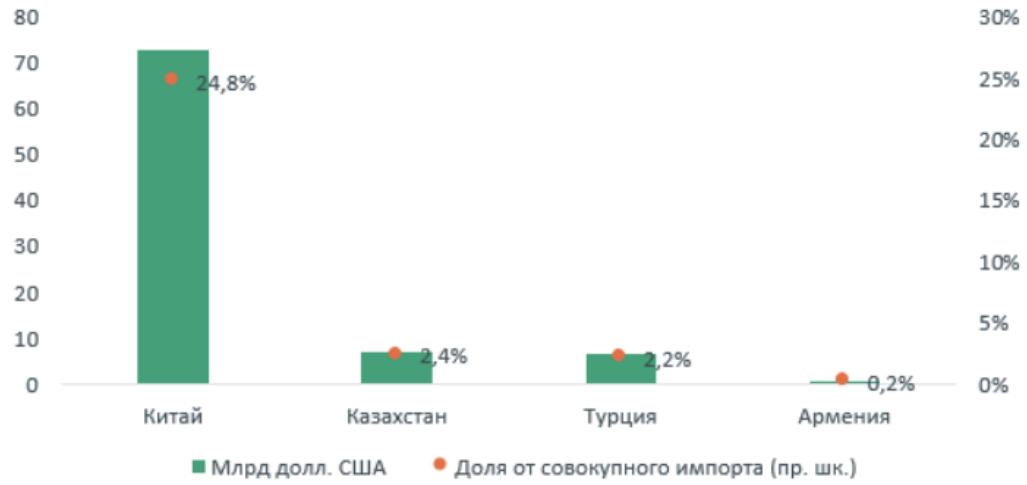


Рис. 2. Объем импорта из стран, которые являются бенефициарами параллельного импорта для России на август 2022 года[1]

Fig. 2. Volume of imports from countries that are beneficiaries of parallel imports for Russia as of August 2022

Помимо освящения теоретической части и статистических данных по вопросам частичной легализации параллельного импорта, также необходимо оценить экономическое влияние параллельного импорта на экономику России, то есть выделить положительные и негативные стороны частичной легализации данного инструмента.

Прежде всего, как преимущество параллельного импорта выделяется то, что рынок будет продолжать насыщаться, хотя и не в таких объемах, необходимой продукцией. Это касается чаще всего высокотехнологичной продукции или товаров, конкурентное производство которых невозможно в данной стране. В частности, в условиях введения большого количества санкций и ухода иностранных компаний, параллельный импорт является механизмом стабилизации и минимизации негативных последствий от подобного рода неблагоприятных решений, что обеспечивает предотвращение дефицита товаров определенной группы.

Также параллельный импорт, а точнее международный принцип исчерпания права, позволяет уменьшить или вовсе не допускать возможность спекуляции правообладателей маркированного товара. Поскольку данный инструмент обеспечивает защиту от произвольного выставления цен на один и тот же товар в разных странах.

[1] Официальный сайт Министерства промышленности и торговли Российской Федерации // Регулирование внешней торговли [Электронный ресурс] URL: https://minpromtorg.gov.ru/projects/international/ (Дата обращения: 08.11.2022)

Некоторые экономические аналитики рассматривают легализацию параллельного импорта как драйвер к развитию конкурентной среды, что позволит усилить национальную экономику и, как следствие, единое экономическое пространство в стране.

Однако, необходимо понимать, что даже частичная легализация параллельного импорта приведет к значительным изменениям в условиях деятельности прежде всего иностранных компаний в Российской Федерации. Ранее иностранные компании работали с отечественными на основе принципа эксклюзивности. То есть иностранный правообладатель маркированного товара выбирал на территории Российской Федерации одного или нескольких официальных дистрибьюторов, и через них вел экономическую деятельности. Данное взаимодействие позволяло иностранной компании-правообладателю диктовать собственные условия своим дистрибьюторам. При частичной легализации параллельного импорта условия взаимодействия изменились. Теперь российские дистрибьюторы могу самостоятельно осуществлять деятельность по ввозу и продажи продукции, включенной в перечень параллельного импорта.

В подобных условиях может возникнуть ситуация, в которой иностранные правообладатели могут счесть дальнейшую деятельность на территории Российской Федерации невыгодной. Помимо этого, для иностранных компаний существует следующая трудность – это конкуренция с каналами параллельного импорта, на которые, в отличии от официальных дистрибьюторов, они повлиять не могут. Это может быть еще одной причиной усиления темпов ухода иностранных компаний с российского рынка. В случае закрытия иностранных компаний или приостановки их деятельности может возникнуть ситуация с временным дефицитом товара, так как параллельным импортерам необходимо время для налаживания каналов поставки в нужных объемах.

Иностранные компании могут ограничить продажу собственной продукции в России с помощью договоров с другими зарубежными партнерами. В этом случае параллельные импортеры могут столкнуться с проблемами закупки необходимых товаров для организации параллельного импорта, что также приведет к усложнению логистических путей и увеличению наценки на ввозимые товары [2, с. 23].

Стоит обратить внимание, что определенная группа товаров изначально технически адаптируется к стандартам в стране, в которую будет осуществлена продажа данной продукции. И в случаи отказа работы иностранных компаний с российскими, может возникнуть ситуация, в которой параллельный импорт не позволит удовлетворить спрос на какие-то товары из-за неподходящих технических параметров.

Также важной проблемой легализации параллельного импорта может стать отсутствие гарантийного обслуживания на товары, так как официальных дистрибьюторов продукции может не остаться на рынке. Обобщенная сравнительная характеристика преимуществ и недостатков частичной легализации параллельного импорта в Российской Федерации представлена в табл. 1.

Таблица 1 – Преимущества и недостатки частичной легализации параллельного импорта в России

Table 1 – Advantages and disadvantages of partial legalization of parallel imports in Russia

№	Преимущество	Недостаток
1	Помогает избежать дефицита иностранной продукции	Появляется конкуренция между официальными производителями и параллельными импортёрами
2	Позволяет расширить ассортимент	Возможно повышение цен на отдельные позиции, так как все риски закладываются в конечную стоимость
3	Новый способ заработка для малого бизнеса	Могут возникнуть проблемы с гарантийным и техническим обслуживанием
4	Не позволяет спекулировать правообладателя маркированного товара	Иностранные компании могут ограничить продажу собственной продукции в России через договоры договоров с партнерами

Переход Российской Федерации с режима национального исчерпания права к международному приведет к значительному оттоку иностранного капитала с российского рынка. Большинство специалистов в сфере экономики считают, что в среднесрочной перспективе уменьшение инвестиций в российскую экономику составит 20 млрд долл., а налоговые поступления снизятся на 3 млрд долл. [3, с. 470].

Также долгосрочное использование параллельного импорта таит в себе опасность для реализации важной политики в области импортозамещения, поскольку каналы параллельного импорта снизят экономическую мотивацию отечественных производителей к созданию собственной конкурентной продукции.

Таким образом, параллельный импорт – это ввоз в страну товаров без согласия правообладателя товарного знака. Импортируемая таким образом продукция не считается контрафактом, произведена официальным изготовителем и имеет все необходимые лицензии и разрешения. Поэтому параллельный импорт нельзя считать незаконным инструментом, так как международный режим исчерпания прав дает возможность продавать товар без разрешения правообладателя. Принципиальное условие – первый поставщик должен его приобрести с разрешения бренда и иметь соответствующие документы. Частичная легализация параллельного импорта в России является вынужденной мерой в условиях жесткого экономического и геополитического давления. Поскольку данный механизм позволяет избежать дефицита импортной продукции, разнообразить ассортимент и сдержать рост цен в нашей стране.

Список источников

1. Карпухин М. А. Тенденции применения механизма параллельного импорта в Российской Федерации в 2021 году // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 47. С. 107–119.

2. Латтеган К. О. Преимущества и недостатки параллельного импорта в России // Электронный научный журнал «Вектор экономики». 2022. №6. С. 21–28.

3. Дроботова А. Г. Параллельный импорт в России и способы защиты от него // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 43. С. 468–471.

References

1. Karpukhin M. A. Trends in the application of the parallel import mechanism in the Russian Federation in 2021. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie = Innovations. The science. Education.* 2021;(47):107–119. (In Russ.)

2. Lattegan K. O. Advantages and disadvantages of parallel import in Russia. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Vektor ekonomiki» = Electronic scientific journal "Vector of Economics"*. 2022;(6):21–28. (In Russ.)

3. Drobotova A. G. Parallel import in Russia and ways to protect against it. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie = Innovations. The science. Education.* 2021;(43):468–471. (In Russ.)

Информация об авторах

А. Б. Бабанов – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

П. А. Бохан – магистрант ЮРИУ РАНХиГС.

А. А. Шетов – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного регулирования экономики РАНХиГС.

Information about the authors

A. B. Babanov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

P. A. Bokhan – master's student of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

A. A. Shetov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of State Regulation of Economics of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 10.02.2023.

The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 09.02.2023; accepted for publication 10.02.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 61–67
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):61–67
Проблемы экономики

Научная статья
УДК 339.9
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-61-67

ТРЕНДЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИК СТРАН МИРА И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ РОССИИ

Евгения Александровна Васюта[1], Татьяна Валентиновна Подольская[2]
[1, 2]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия
[1]eug.vasuta2012@yandex.ru
[2]podolskayat@uriu.ranepa.ru

Аннотация. Инновационное развитие является одним из ключевых факторов, определяющих уровень конкурентоспособности экономик всех государств мира. Именно поэтому отслеживание изменений индикаторов оценки их инновационного потенциала становится приоритетной задачей, стоящей перед мировым научным сообществом. В статье рассмотрены основные компоненты, входящие в состав Глобального Инновационного Индекса (ГИИ) как одного из перспективных инструментов индикативной оценки. В рамках данного научного исследования проведен анализ региональной структуры крупнейших инновационных макрорегионов мира, а также определены ключевые особенности стран-лидеров, повлиявших на их ранжирование в 2022 г. Авторами предприняты попытки определения сильных и слабых сторон инновационной политики России, повлиявших на ее динамику в ГИИ, а также оценен потенциал инновационного развития субъектов Российской Федерации. В статье выделен ряд закономерностей, влияющих на развитие конкурентоспособных инновационных экосистем.

Ключевые слова: инновационное развитие, глобальный инновационный индекс, научно-исследовательские разработки, человеческий капитал, современные цифровые технологии, глобальный индекс оценки

Для цитирования: Васюта Е. А., Подольская Т. В. Тренды инновационного развития экономик стран мира и приоритетные направления для России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. №1. С. 61–67. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-61-67

Problems of Economics

Original article

TRENDS OF FOREIGN ECONOMIES' INNOVATIVE DEVELOPMENT AND PRIORITY DIRECTIONS FOR RUSSIA

Evgenia A. Vasyuta[1], Tatiana V. Podolskaya[2]
[1, 2]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
[1]eug.vasuta2012@yandex.ru
[2]podolskayat@uriu.ranepa.ru

Abstract. Innovative development is one of the key factors determining the level of competitiveness of all modern states of the world. That is why the use of indicators to assess their innovative potential is becoming a priority task facing the world scientific community. The article discusses the main components that make up the Global Innovation Index (GII) as one of the promising tools for indicative evaluation. Within the framework of this scientific study, the analysis of the regional structure of the largest innovative macro-regions of the world was carried out, and the key features of the leading countries that influenced

© Васюта Е. А., Подольская Т. В., 2023

their ranking in 2022 were identified. The authors have made attempts to identify the strengths and weaknesses of Russia's innovation policy, which influenced its dynamics in the GII, and also assessed the potential of innovative development of the subjects of the Russian Federation. Finally, the authors have identified a number of patterns that affect the development of competitive innovation ecosystems.

Keywords: innovative development, Global Innovation Index, research and development, human capital, modern digital technologies, global evaluation index

For citation: Vasyuta E. A., Podolskaya T. V. Trends of foreign economies' innovative development and priority directions for Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):61–67. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-61-67

На современном этапе развития инновационные процессы становятся интегрированными во все сферы экономики. Именно поэтому практически все современные государства прилагают усилия, связанные с созданием и поддержанием динамичных инновационных экосистем, необходимых для достижения глобальных целей социально-экономического развития [1, с.445]. В связи с этим изучение международных практик оценки инновационного развития экономик стран мира, базирующейся на применении индексного метода, является одним из наиболее приоритетных направлений научных исследований.

В сентябре 2022 г. Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO) опубликовала очередное издание Глобального инновационного индекса – Global Innovation Index-2022. В рамках последней редакции отслеживаются показатели эффективности инновационных систем 132 экономик[1]. Более того, глобальный ГИИ-2022 охватывает 81 показатель, которые объединены в семь крупных блоков (табл. 1) [2, с. 60].

Таблица 1 – Структура Глобального Инновационного Индекса

Table 1 – The structure of the Global Innovation Index

<table>
<tr><th colspan="2">Субиндекс-1
Ресурсы инноваций</th><th colspan="2">Субиндекс-2
Результаты инноваций</th></tr>
<tr><td>Институты</td><td>Человеческий капитал и исследования</td><td>Развитие технологий и экономики знаний</td><td>Развитие творческой деятельности</td></tr>
<tr><td>Политическая конъюнктура</td><td>Наличие образования</td><td>Создание знаний</td><td>Нематериальные активы</td></tr>
<tr><td>Законодательная база</td><td>Высшее образование</td><td>Влияние знаний</td><td>Креативность товаров и услуг</td></tr>
<tr><td>Бизнес-среда</td><td>НИОКР</td><td>Распространение знаний</td><td>Онлайн-креативность</td></tr>
<tr><td>Развитие бизнеса</td><td>Развитие внутреннего рынка</td><td colspan="2" rowspan="5"></td></tr>
<tr><td>Знания сотрудников</td><td>Кредиты</td></tr>
<tr><td>Инновационные связи</td><td>Инвестиции</td></tr>
<tr><td>Приобретенные знания</td><td>Торговля и конкуренция</td></tr>
<tr><td colspan="2">Инфраструктура</td></tr>
<tr><td colspan="4">Экологическая устойчивость</td></tr>
<tr><td colspan="4">Инфраструктура, объединяющая ИКТ</td></tr>
</table>

[1] Глобальный инновационный индекс 2022. Центр экспертизы ВТО. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.ru/our-blog/globalnyy-innovatsionnyy-indeks-2022/ (дата обращения: 11.01.2023)

Представленная выше структура Глобального Инновационного Индекса предопределяет необходимость проведения анализа крупнейших мировых макрорегионов, ставших глобальными лидерами в области инноваций в 2022 г. (табл. 2).

Таблица 2 – Анализ региональной структуры крупнейших инновационных макрорегионов мира[1]

Table 2 – Analysis of the regional structure of the largest innovative macro-regions of the world

Наименование макрорегиона	Регионы-лидеры	Позиция в ГИИ-2022
Латинская Америка и Карибский бассейн	Чили	50
	Бразилия	54
	Мексика	58
Африка к югу от Сахары	Южная Африка	61
	Ботсвана	86
	Кения	88
Северная Африка и Западная Азия	Израиль	16
	ОАЭ	31
	Турция	37
Юго-Восточная Азия, Восточная Азия, Океания	Республика Корея	6
	Сингапур	7
	Китай	11
Северная Америка	США	2
	Канада	15
Европа	Швейцария	1
	Швеция	3
	Великобритания	4
Центральная и Южная Азия	Индия	40
	Иран (Исламская Республика)	53
	Узбекистан	82

Проанализировав представленные выше рейтинговые значения глобальных регионов-лидеров, можно сделать ряд следующих выводов[2]:

– Швейцария в очередной раз продолжает оставаться мировым лидером по высокотехнологичному производству, расходам на программное обеспечение и патентам. Более того, на территории Европы находится наибольшее количество стран, а именно -15, которые в свою очередь входят в ТОР-25 ведущих инновационных систем мира.

– США занимает лидирующие позиции по 15 инновационных показателям ГИИ-2022, акцентируя свое внимание на объеме и качестве инвестиций в НИОКР.

– На территории Юго-Восточной и Восточной Азии и Океании находятся 7 государств, входящих в ТОР-10 и ТОР-25 крупнейших мировых новаторов, соответственно. Более того, в 2022 году Сингапур, Китай и Новая Зеландия существенно улучшили свои показатели.

[1] Global Innovation Index 2022. What is the future of innovation driven growth? [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ en/wipo-pub-2000-2022-section1-en-gii-2022-at-a-glance-global-innovation-index-2022-15th-edition.pdf (дата обращения: 11.01.2023)

[2] Global Innovation Index 2022: Switzerland, the U.S., and Sweden lead the Global Innovation Ranking; China Approaches Top 10; India and Türkiye Ramping Up Fast; Impact-Driven Innovation Needed in Turbulent Times [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/ pressroom//en/articles/ article_0011.html (дата обращения: 11.01.2023)

– Индия является лидером на территории Центральной и Южной Азии, занимая ключевые позиции по экспорту IT-услуг, объему поступлений венчурного капитала, финансирования стартапов и расширение их масштабов, а также количеству выпускников в области науки и техники, росту производительности труда и диверсификации отечественной промышленности.

– ОЭА уверенно приближается к TOP-30 крупнейших мировых новаторов и входит в первую пятерку по количеству ученных, занимающихся научными исследованиями в бизнесе, а также по количеству НИОКР, финансируемых негосударственными бизнес-структурами. А Турция, входя в TOP-40, занимает четвертое место в мире по количеству нематериальных активов, демонстрируя конкурентные преимущества по производству новых промышленных образцов, регистрации товарных знаков и интенсивности использования корпоративных нематериальных активов.

– Чили является единственной страной латиноамериканского региона, входящего в TOP-50 и занимает лидирующие позиции по таким показателям, как количество обучающихся в высших учебных заведениях и открытие новых предприятий. Примечательно еще 18 стран данного региона существенно улучшили свои рейтинговые позиции.

– Южная Африка лидирует по рыночной капитализации, в то время как Ботсвана показывает достаточно неплохие результаты по таким показателям, как получение кредитов от микрофинансовых организаций и платежей за интеллектуальную собственность. Намибия же лидирует в мире по расходам на образование и значительно превышает средний показатель по региону в отношении человеческого капитала и научных исследований.

– Кения в течение 12 лет продолжает удерживать лидирующие позиции среди стран Африки к югу от Сахара. Бурунди вновь входит в перечень стран, включенных в ГИИ, а Мавритания впервые присоединилась к этому рейтингу.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что ранжирование стран в ГИИ объясняется особенностями существующего разрыва в развитии «Севера» и «Юга». Однако важно отметить, что на сегодняшний день распространение инноваций носит все более всеобъемлющий и горизонтальный характер, затрагивая деятельность бизнес-структур и социальные аспекты даже в развивающихся странах.

Анализируя позиции России в ГИИ-2022 стоит обратить внимание, что она занимает 47 место среди 132 анализируемых стран, сохраняя свои позиции в TOP-50 наиболее инновационных государств (рис. 1) [3, с. 1].

	2018	2019	2020	2021	2022
Глобальный инновационный индекс	**46**	**46**	**47**	**45**	**47**
Ресурсы инноваций	43	41	42	43	46
Результаты инноваций	56	59	58	52	50
Количество анализируемых стран	126	129	131	132	132

Рис. 1. Динамика позиций России в ГИИ: 2018–2022

Fig. 1. Dynamics of Russia's positions in the GII: 2018–2022

Учитывая увеличение количества анализируемых стран, а также корректировки в методологии оценки ряда показателей, стоит отметить, что в течение последних пяти лет позиции России остаются достаточно стабильными. Также стоит отметить, что Россия, находясь в условиях геоэкономической нестабильности, все равно смогла продемонстрировать положительную динамику, сохраняя свои позиции по большинству компонентов инновационного индекса относительно результатов 2021 г. (рис. 2) [3, с. 2].

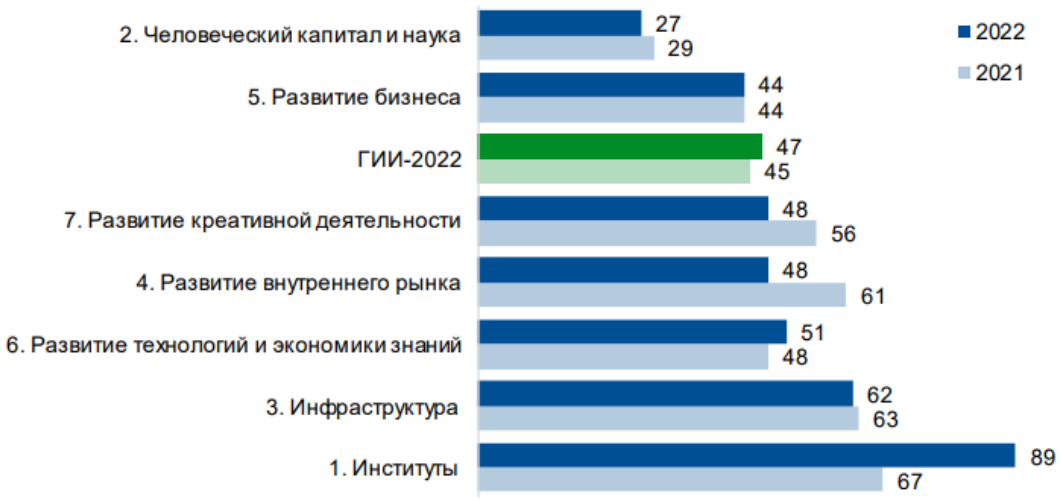


Рис. 2. Динамика позиций России по компонентам ГИИ: 2021–2022
Fig. 2. Dynamics of Russia's positions on GII components: 2021–2022

Так, наиболее заметные положительные тенденции продемонстрировали показатели, характеризующие развитие внутреннего рынка и развитие креативной деятельности. Также укрепил позицию и показатель, связанный с развитием человеческого капитала и науки.

Следует отметить, что все перечисленные компоненты включают в себя так называемые субкомпоненты, которые можно отнести к конкурентным преимуществам инновационной системы России[1]:

– особенности осуществления торговли, влияющие на масштаб рынка и диверсификацию производственного процесса;

– количество выпускников школ, получивших высшее образование. Также учитывается и количество выпускников, прошедших обучение на технических специальностях;

– уровень занятости в сфере науки и технологий. В данном случае также учитывается количество сотрудников женского пола, имеющих ученую степень;

– объем приобретенных знаний и уровень доходов, получаемых от реализации объектов интеллектуальной собственности;

– скорость развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Однако проведенный выше анализ показал, что по двум не менее важным компонентам, а именно – «институциональным условиям» и «результативность научно-технической и инновационной деятельности» наблюдается отрицательная динамика. Более того, к показателям, которые существенно ухудшают позиции в данном рейтинге можно отнести следующее[2]:

– слаборазвитая законодательная база, регулирующая вопросы инновационной деятельности на территории России;

– отсутствие четкой политики в сфере сотрудничества науки и предпринимательства, а также состояние бизнес-среды;

– объемы финансирования ключевых научных исследований;

– количество компаний, заинтересованных в дальнейшем обучении своих сотрудников;

– количество предприятий и организаций, придерживающихся стандарта качества ISO 9001.

[1] Итоги «Глобального инновационного индекса»: Россия на 47 месте. [Электронный ресурс]. URL: https://trends.rbc.ru/trends/innovation/633d4d369a7947fc5a8af5cb (дата обращения: 11.01.2023)
[2] Там же.

Можно предположить, что наличие отрицательной динамики по некоторым компонентам ГИИ-2022 связано с тем, что инновационное развитие в России происходит достаточно неоднородно. Более того, возникшие проблемы имели место еще в 2021 г., что подтверждают данные, представленные в Национальном рейтинге научно-технологического развития субъектов Российской Федерации. В основу исследования легли данные по 33 ключевым показателям, сформированные по 3 крупным блокам: органы власти, среда для ведения наукоемкого бизнеса и среда для работы исследователей (табл. 3)[1].

Таблица 3 – ТОР-10 инновационного развития субъектов Российской Федерации

Table 3 –TOP-10 innovative development of the subjects of the Russian Federation

Ранг	Регион	Рейтинговый показатель
1	Москва	212,4
2	Санкт-Петербург	205,5
3	Томская область	204,5
4	Республика Башкортостан	202,7
5	Республика Татарстан	192,2
6	Новосибирская область	187,5
7	Свердловская область	181,9
8	Ульяновская область	181,3
9	Московская область	179,4
10	Нижегородская область	177,3

Соответственно, глобальные информационные процессы, происходящие как в рамках мировой экономики, так и в рамках российского экономического пространства, послужили триггерным механизмом развития отечественной инновационной системы [4, с. 236].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что развитие конкурентоспособных инновационных экосистем, зависит от следующих ключевых направлений. А именно:

1) осуществление регулярных инвестиций в человеческий капитал, а также поощрение талантливых специалистов в востребованных наукоемких областях (например, аэрокосмическое производство, микробиологическая промышленность, роботостроение и т.д.);

2) обеспечение более интенсивного сотрудничества научного сообщества и бизнес-структур, а также создание таких условий, которые позволили осуществить взаимодействие не только с крупными государственными предприятиями, но и открыли бы новые возможности для сотрудничества с малым и крупным бизнесом;

3) реализация контроля за своевременным финансированием всех стадий научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР). В современных реалиях должны поощряться не только крупные научно-исследовательские проекты, но и небольшие гранты. Более того, в полной мере должен быть задействован акционерный капитал компаний, занимающихся инновационной деятельностью;

4) совершенствование инструментов реализации государственной инновационной политики, предполагающее создание соответствующих нормативно-правовых актов и налоговых стимулов, необходимых для поддержки и дальнейшего развития научных исследований и разработок.

Таким образом, можно сделать вывод, что ориентир на инновационное развитие должен стать приоритетной стратегической задачей, выполнение которой позволит справиться с различными социально-экономическим вызовами, стоящими перед Россией в условиях геоэкономической напряженности.

[1] Национальный рейтинг научно-технологического развития субъектов Российской Федерации по итогам 2021 года [Электронный ресурс]. URL: https://minobrnauki. gov.ru/ Национальный%20рейтинг%20Научно-технологического%20развития%20субъектов%2020Российской%20Федерации%20по%20итогам%202021%20года.pdf (дата обращения: 11.01.2023)

Список источников

1. Гаврилюк А. В. Стратегические возможности развития инновационной экосистемы // Стратегирование: теория и практика. 2022. Том 2. №3. https://doi.org/10.21603/2782-2435-2022-2-3-443-453

2. Киселевич А. И. Методика страновой оценки уровня коммерциализации инноваций // Банковский вестник. 2021. № 5 (694). С. 60–67.

3. Власова А. Д. Сапрыкина А. Д. Глобальный индекс инноваций-2022 // Наука, технологии, инновации. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/777571353.pdf (дата обращения: 11.01.2023)

4. Таранов П. В., Басенко А. М. Совместное потребление в мировой экономике: инновационные тренды в условиях цифровизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 235–239.

References

1. Gavrilyuk A. V. Strategic Opportunities for the Development of Innovative Ecosystem. *Strategirovanie: teoriya i praktika = Strategizing: Theory and Practice.* 2022;2(3):443–453. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2782-2435-2022-2-3-443-453

2. Kiselevich A. I. Methodology of country assessment of the level of commercialization of innovations. *Bankovskij vestnik = Banking bulletin.* 2021;5(694):60-67. (In Russ.)

3. Vlasova A. D. Saprykina A.D. Global Innovation Index-2022 Available from: https: //issek.hse.ru/mirror/pubs/share/777571353.pdf [Accessed 11.01.2023]. (In Russ.)

4. Taranov P.V., Basenko A.M. Joint consumption in the global economy: innovative trends in the conditions of digitalization. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(4):235-239. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. А. Васюта – старший преподаватель кафедры международных экономических отношений ЮРИУ РАНХиГС.

Т. В. Подольская – кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой международных экономических отношений ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

E. A. Vasyuta – Senior Lecturer of Department of International Economic Relations of South-Russia Institute of Management –branch of RANEPA.

T. V. Podolskaya – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Economic Relations of South-Russia Institute of Management –branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted 16.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 68–75
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):68–75

Проблемы экономики

Научная статья
УДК 336.22
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-68-75

ТЕНДЕНЦИИ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Елена Юрьевна Золочевская[1], Анастасия Васильевна Скидан[2], Ксения Сергеевна Архипова[3]

[1, 2, 3]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия
[1]zolochevskaya@uriu.ranepa.ru [2]tark-anastasiya@yandex.ru [3]karkhipova-19@edu.ranepa.ru

Аннотация. В статье представлены анализ сущности и подходов к пониманию термина «налоговое администрирование», анализ динамики поступлений доходов, администрируемых налоговыми органами, а также рассчитан коэффициент их собираемости как инструмент оценки эффективности системы налогового администрирования за период 2020-2022 гг. в масштабах Российской Федерации и Ростовской области. Исследована структура и динамика изменений объема налоговых доходов по уровням налогообложения и видам налогов в консолидированный бюджет по стране и области за соответствующий период. На основе проведенных расчетов выделен перечень бюджетообразующих налогов 2022 года, а также изучена динамика задолженности консолидированного бюджета по Ростовской области по уровням налогообложения.

Ключевые слова: налоговое администрирование, система налогового администрирования, налоговые поступления, собираемость налогов и сборов, совокупная задолженность

Для цитирования: Золочевская Е. Ю., Скидан А. В., Архипова К. С. Тенденции налогового администрирования в современных экономических условиях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 68–75. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-68-75

Problems of Economics

Original article

TAX ADMINISTRATION TRENDS IN MODERN ECONOMIC CONDITIONS

Elena Yu. Zolochevskaya[1], Anastasia V. Skidan[2], Ksenia S. Arkhipova[3]

[1, 2, 3]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
[1]zolochevskaya@uriu.ranepa.ru [2]tark-anastasiya@yandex.ru [3]karkhipova-19@edu.ranepa.ru

Abstract. The article presents an analysis of the essence and approaches to understanding the term "tax administration", an analysis of the dynamics of revenues administered by tax authorities, and also calculates the coefficient of their collection as a tool for assessing the effectiveness of the tax administration system for the period 2020-2022. On the scale of the Russian Federation and the Rostov region. The structure and dynamics of changes in the volume of tax revenues by levels of taxation and types of taxes to the consolidated budget in the country and region for the corresponding period have been studied. Based on the calculations, a list of budget-forming taxes for 2022 was selected, and the dynamics of the debt of the consolidated budget in the Rostov region by taxation levels was studied.

Keywords: tax administration, tax administration system, tax revenues, collection of taxes and fees, total debt

For citation: Zolochevskaya E. Yu., Skidan A. V., Arkhipova K. S. Tax administration trends in modern economic conditions. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):68–75. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-68-75

© Золочевская Е. Ю., Скидан А. В., Архипова К. С., 2023

Налоги играют огромную роль в процессе формирования финансовых ресурсов государства, поскольку являются основной доходной частью бюджета страны. От того каким образом функционирует система налогового администрирования, зависит эффективность и результативность деятельности налоговой системы и экономики государства в целом. Следовательно, необходимо проводить эффективное управление налоговыми отношениями, в том числе через систему налогового администрирования.

Повышение качества налогового администрирования, являясь одним из важнейших направлений государственной политики, вместе с тем не имеет законодательного определения ни в Налоговом кодексе Российской Федерации, ни в других законодательных актах. В современных санкционных условиях реформирования экономики, направленных на решение сложнейших политических и экономических задач, отсутствие законодательного определения рассматриваемого термина может стать причиной низкого качества выполняемых руководством страны задач, негативно влияющим на уровень и эффективность собираемости налогов.

Впервые термин «налоговое администрирование» в историю российской методологии и теории налогового права и налоговых отношений внесен с переходом страны к рыночной модели ведения экономики, считаясь новацией в рассматриваемой области, углубив знания в вопросах управления налогами.

В экономической и правовой литературе ученые, экономисты и правоведы вкладывают в данный термин разное содержание, зависящее от теоретического и практического применения. Рассмотрим основные точки зрения, представленные в табл. 1.

Таблица 1 – Взгляды на содержание определения налогового администрирования

Table 1 – Views on the content of the definition of tax administration

Авторы	Определение
М. Т. Оспанов	**Налоговое администрирование** – совокупность мероприятий налоговых администраторов по осуществлению функций и полномочий, возложенных на них налоговым законодательством и государством, по вопросам оптимизации структуры налогов, совершенствования механизма их взимания, учета и отчетности, контроля за правильностью исчисления, своевременностью и полнотой уплаты [1]
В. А. Красницкий И. А. Перонко	**Налоговое администрирование** – система управления налоговыми отношениями в целях разработки новых форм налоговых отношений, концепций налогообложения, прогнозировании налоговых поступлений, оценки налогового потенциала региона, отвечающих современным требованиям производительных сил общества [2]
А. Б. Паскачев М. Р. Бобоев В. А. Кашин	**Налоговое администрирование** – система управления налоговым процессом и деятельностью контрольных органов по соблюдению налогового законодательства [3]
Г. Я. Чухнина	**Налоговое администрирование** – организация и осуществление эффективной деятельности налоговых администраторов [4]
А. И. Пономарев С. В. Никулина К. К. Гойгереев	**Налоговое администрирование** – организационно-управленческая деятельность налоговых органов по контролю за исполнением налогового законодательства и оценке результативности функционирования налоговой системы [5]
М. В. Мишустин	**Налоговое администрирование** в широком смысле – осуществляемое бюрократией как организационной формой власти управление системой организации отношений между налогоплательщиками и органами управления по контролю за соблюдением норм и правил, регулирующих налоговые отношения и их технологию. В узком смысле – организация налоговых органов и методы осуществления их деятельности [6]
И. А. Майбуров	**Налоговое администрирование –** это процесс управления налоговым производством, реализуемым налоговыми или иными органами, обладающими определенными полномочиями в отношении плательщиков [7]
Л. Я. Абрамчик	**Налоговое администрирование –** механизм управления в налоговой сфере, характеризующий деятельность налоговых органов по обеспечению своевременной и полной уплаты налогоплательщиками обязательных платежей [8]

Проанализировав авторские определения, можно сделать вывод о том, что существует несколько основных подходов к содержанию рассматриваемого термина, где система налогового администрирования выступает либо как система управления налоговыми отношениями, либо как система управления налогами и налогообложением, либо как организация и осуществление деятельности субъектов налогового контроля за соблюдением налогового законодательства.

Кроме того, результаты анализа приведенных определений позволяют с уверенностью заключить, что сегодня еще не сформирована общая методика и методология процесса познания налогового администрирования, но, несмотря на это, среди плюрализма существующих определений прослеживается общность мнений в вопросе задач, выполняемых налоговым администрированием.

Таким образом, налоговое администрирование – это совокупность проводимых уполномоченными органами государственной исполнительной власти мер (правовых, экономических и организационных) по обеспечению эффективного функционирования налоговой системы, а также единый механизм налогового планирования, контроля и регулирования.

Оценка эффективности налоговой системы, на наш взгляд, должна проводиться на основе такого индикатора как собираемость налогов и сборов. Для этого проведем анализ поступлений администрируемых ФНС России доходов за период 2020–2022 гг. в масштабе Российской Федерации (далее – РФ) и Ростовской области (далее – РО) и рассчитаем коэффициент собираемости. Обратимся к данным табл. 2, составленной на основе отчета формы 1-НМ ФНС России.

Таблица 2 – Объем поступлений администрируемых ФНС России доходов за 2020–2022 гг.[1]

Table 2 – The volume of income administered by the Federal Tax Service of Russia for 2020-2022

Год	Территория	Начислено к уплате в текущем году, млн руб.	Поступило доходов, администрируемые налоговыми органами, в млн руб.				Собираемость, %
			Всего	в фед. бюджет	в консолид. бюджет	из него - в доходы местных бюджетов	
2022 год[2]	РФ	27 624 5167	27 413 099,5	15 695 926,5	11 717 173	1 326 130,2	99,2
	РО	216 534,2	221 376,8	47 088,4	174 288,4	35 406,8	102,2
2021 год	РФ	27 017 829,1	28 530 950,4	15 879 813,4	12 651 137,1	1 522 159,2	105,6
	РО	229 517,5	250 249,2	59 491,0	190 758,2	41 940,2	109,0
2020 год	РФ	19 529 169	21 014 239,4	10 978 795,3	10 035 444,1	1 362 871,9	107,6
	РО	229 033,6	250 631,8	87 102,8	163 529,0	36 511,0	109,4

Проанализировав данные табл. 2 можно сделать вывод о том, что коэффициент собираемости налогов и сборов, несмотря на нестабильную экономико-политическую ситуацию в стране, подвергся незначительному изменению. Данная аналитика свидетельствует об эффективности установленной в РФ системы налогового администрирования, заключающейся в улучшении организации работы по сбору налогов, контроля за исполнением налогового законодательства, выявления схем уклонения от уплаты и т.д.

В 2022 г. в масштабе страны показатель собираемости налогов и сборов снизился примерно на 6,4 % и составил 99,2 %, а в масштабе РО произошло снижение на 6,8 % до уровня 102,2 %. Данная динамика ожидаема после введения пакета мер по сохранению, поддержанию показателей уровня жизни и недопущению роста безработицы населения, а также по поддержке экономики в связи с применением в отношении страны санкций от «недружественных стран».

[1] Составлено авторами на основе анализа Отчета ФНС России по форме № 1-НМ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nalog.gov.ru/

[2] Представлены данные на 01.11.2022 г.

Обратившись к данным табл. 3, составленной на основе отчета формы 1-НМ ФНС России, можно утверждать, что налоговые доходы являются ключевыми в структуре доходов, администрируемых налоговыми органами. Так, показатель удельного веса налоговых доходов за период 2020–2022 гг. в масштабе РФ и РО варьируется в пределах от 98,8% до 99,7% и 97,9% и 98,4% соответственно.

Таблица 3 – Динамика изменений объема налоговых доходов по РФ и РО за период 2020-2022 гг.[1]

Table 3 – Dynamics of changes in the volume of tax revenues in the RF and RO for the period 2020-2022

Год	Территория	Доходы, администрируемые налоговыми органами, в млн. руб.			Налоговые доходы, млн. руб.			Уд. вес 6 в 3, %
		Поступило, млн руб.	Темп прироста г/г		Поступило, млн руб.	Темп прироста г/г		
			млн руб.	%		млн руб.	%	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
2022 год[2]	РФ	27413099,5	↓1117850,9	↓3,2	27329958,3	↓794218,2	↓2,8	99,7
	РО	221376,8	↓28872,4	↓11,5	217217,2	↓26489	↓10,9	98,4
2021 год	РФ	28530 50,4	↑7516711	↑35,8	28124176,5	↑7386453,5	↑35,6	98,6
	РО	250249,2	↓382,6	↓0,2	243706,2	↓849,9	↓0,4	97,8
2020 год	РФ	21014239,4	↓1723033,9	↓7,6	20737723	↓1765644,1	↓7,9	98,8
	РО	250631,8	↑20860,8	↑9,1	244556,1	↑20568,3	↑9,2	97,9

Вместе с тем из представленных данных табл. 3 видно, что за предшествующий период 2020–2022 гг. объем доходов, администрируемых налоговыми органами, в том числе объем налоговых доходов, имеют неоднозначную динамику. Так, по результатам проведенного анализа структуры доходов в масштабе Российской Федерации выявлена следующая тенденция:

– в 2021 году в бюджет РФ поступило 28 530 950,4 млн руб. общих доходов, администрируемых налоговыми органами, что, примерно, на 35,8% больше поступлений 2020 года и на 3,2% больше поступлений 2022 года;

– в 2021 г. в бюджет РФ поступило 28 124 176,5 млн руб. налоговых доходов, что, примерно, на 35,6% больше налоговых поступлений 2020 г. и на 2,8% меньше поступлений 2022 года.

Соответствующая тенденция прослеживается и по поступлениям РО:

– в 2021 году в бюджет поступило 250 249,2 млн руб. общих доходов, администрируемых налоговыми органами, что, примерно, на 0,2% меньше поступлений 2020 года и на 11,5% больше поступлений 2022 года;

[1] Составлено авторами на основе анализа Отчета ФНС России по форме № 1-НМ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nalog.gov.ru/

[2] Представлены данные на 01.11.2022 г.

– в 2021 г. в бюджет поступило 243 706,2 млн руб. налоговых доходов, что, примерно, на 0,4% меньше налоговых поступлений 2020 г. и на 10,9% меньше поступлений 2022 года.

Такое увеличение объема налоговых поступлений в 2021 г., в первую очередь, вызвано уходом экономики от кризисного состояния и наращивания темпов роста, связанных со снятием эпидемиологических ограничительных мер, стабилизации цен на нефть после марта 2020 г., а также с отменой налоговых послаблений для поддержки бизнеса в период кризиса. На рис. 1 наглядно отражены произошедшие изменения поступлений в рамках РФ и РО, составленные на основе отчета формы 1-НМ ФНС России.

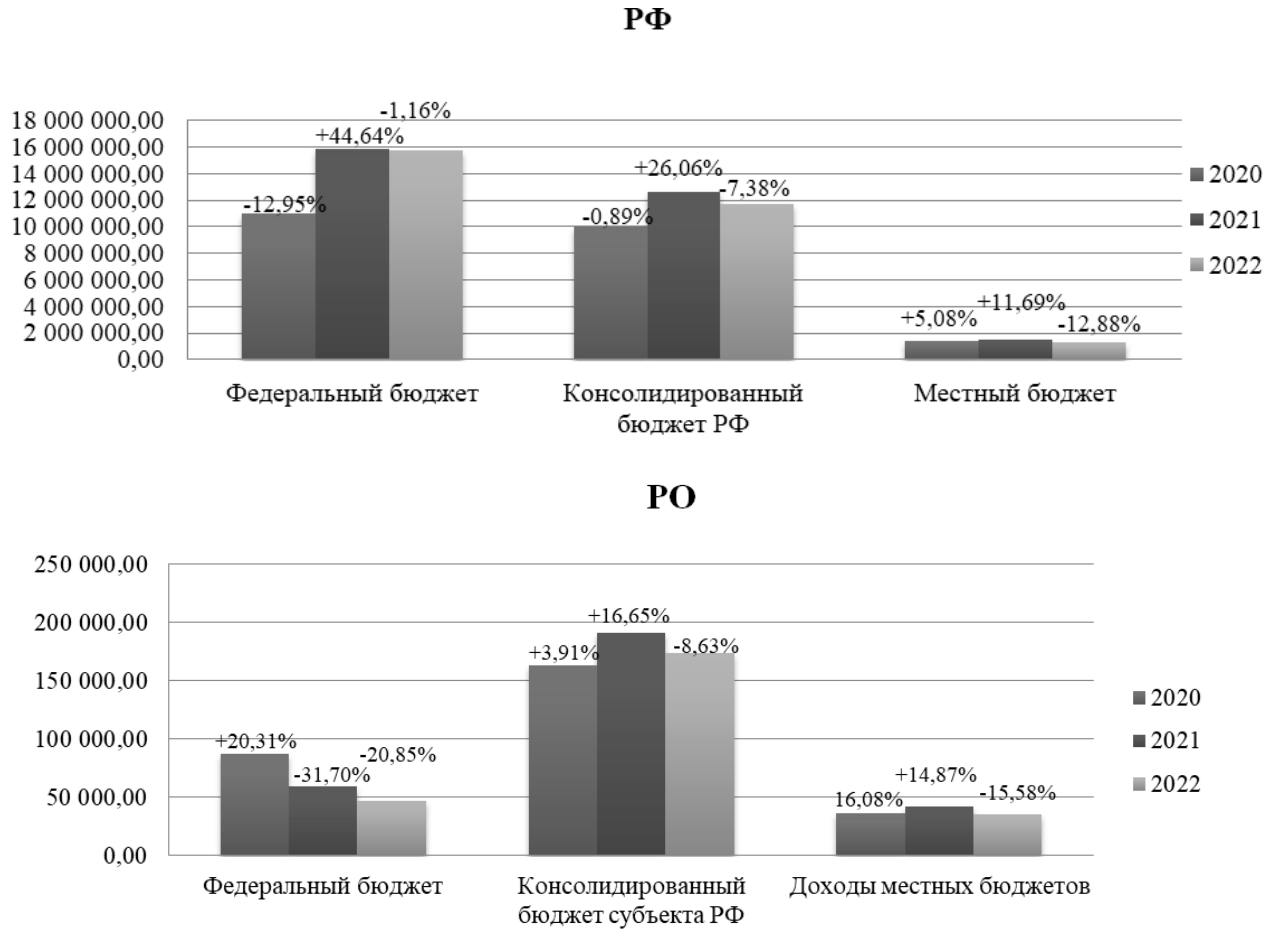


Рис. 1. Динамика поступлений по уровням бюджета за 2020-2022 гг., в млн. руб.[1]

Fig. 1. Dynamics of revenues by budget levels for 2020-2022, in million rubles

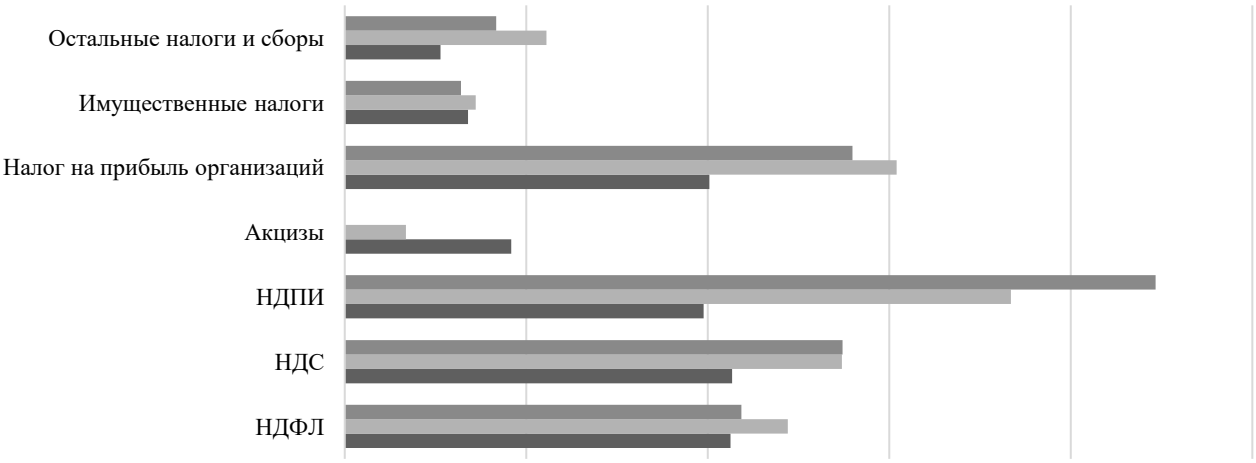
В 2021 г. в результате ослабления ограничений по недопущению распространения коронавирусной инфекции экономика стала восстанавливаться: ВВП России вырос на 4,7%, индекс промышленного производства составил 105,3%, вырос оборот розничной торговли и объем платных услуг населению (на 7,3% и 17,6%, соответственно). Численность безработных в 2021 г. сократилась на 16,0% по сравнению с 2020 годом. В России потребительская инфляция в 2021 г. составила 6,7%, превысив таргетируемый уровень.

Немаловажным является анализ поступлений по видам налогов в консолидированный бюджет РФ и РО, по результатам которого можно выделить несколько бюджетообразующих налогов, приносящих наибольшие поступления. Так, на рис. 2 представлена структура и динамика поступлений в консолидированный бюджет по рассматриваемым территориям за период 2020–2022 гг.

[1] Составлено авторами на основе анализа Отчета ФНС России по форме № 1-НМ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nalog.gov.ru/

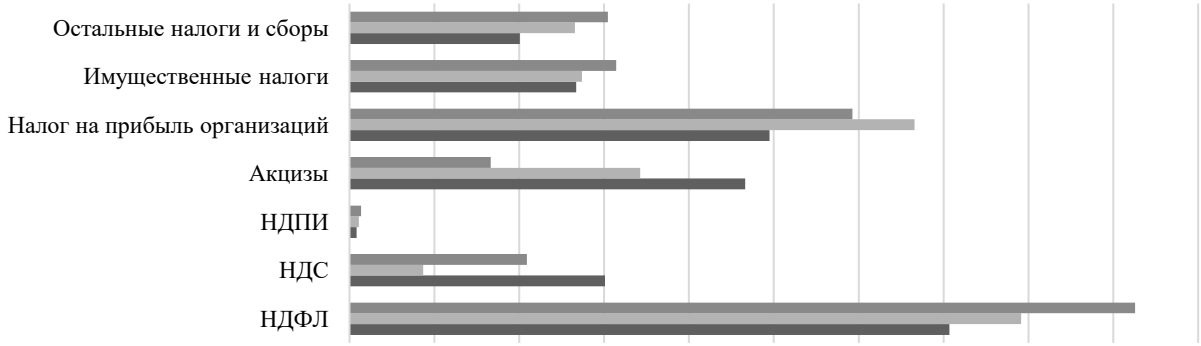
В вопросе формирования консолидированных бюджетов наибольшее значение имеют такие налоги, как: НДПИ, НДС, налог на прибыль организаций, а также НДФЛ.

РФ



	НДФЛ	НДС	НДПИ	Акцизы	Налог на прибыль организаций	Имущественные налоги	Остальные налоги и сборы
2022	4369882,99	5483325,55	8933467,32	2031,67	5592229,89	1280172,50	1668848,37
2021	4882602,30	5479254,10	7338112,40	675256,50	6081601,10	1444551,80	2222799,00
2020	4251920,70	4268627,20	3953647,90	1833163,10	4018111,70	1357923,00	1054379,00

РО



	НДФЛ	НДС	НДПИ	Акцизы	Налог на прибыль организаций	Имущественные налоги	Остальные налоги и сборы
2022	92549,51	20916,42	1362,50	16646,51	59268,82	31414,99	30464,40
2021	79142,90	8689,10	1096,90	34257,90	66596,70	27376,00	26546,50
2020	70685,60	30116,30	847,30	46617,40	49506,60	26704,90	20077,90

Рис. 2. Структура и динамика поступлений в консолидированный бюджет по РФ и РО за 2020–2022 гг. в млн руб.[1]
Fig. 2. Structure and dynamics of revenues to the consolidated budget for the RF and the RO for 2020-2022 in million rubles

[1] Составлено авторами на основе анализа Отчета ФНС России по форме № 1-НМ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nalog.gov.ru/

Формирование налоговых доходов в 2022 г.[1] обеспечено в основном за счет следующих налогов:

– в масштабах РФ: НДПИ с удельным весом в размере 32,47%, налог на прибыль организаций – 20,32%, НДС – 19,93%, НДФЛ – 15,88%, имущественные налоги – 4,65%, акцизы – 0,01%, остальные налоги – 6,74%;

– в масштабах РО: НДФЛ с удельным весом в размере 36,64%, налог на прибыль организаций – 23,46%, имущественные налоги – 12,44%, НДС – 8,28%, НДПИ – 0,54% остальные налоги – 12,06%.

Таким образом, среди всех установленных прямых налогов ведущую роль занимает НДПИ, а в системе косвенного налогообложения – НДС.

В динамике последних лет вопрос изучения темпов изменения налоговой задолженности также является достаточно актуальным. В настоящее время проблемы образования задолженности по налогам и сборам можно считать одним из основных негативных факторов развития экономики, который накладывает ограничения в финансовых ресурсах, является сдерживающим фактором в формировании налоговых доходов и препятствует выполнению государством своих обязанностей. Из чего следует необходимость проведения постоянного анализа соответствующих показателей налоговой задолженности. На основе анализа данных отчета 4-НМ сайта ФНС России в разрезе субъектов мы выявили тенденцию увеличения совокупной задолженности (включая пени, налоговые санкции и страховые взносы) за период 2020–2022 гг.: увеличение показателя 2021 г. к 2020 г. в размере 4 543,65 млн руб. или 13,85 %, 2022 г.[2] к 2021 г. – 2 101,9 млн руб. или 5,63%. Следующая тенденция прослеживается по уровням налогообложения:

– по федеральным налогам и сборам увеличение показателя 2021 г. к 2020 г. в размере 3 974,38 млн руб. или 23,97%, 2022 г. к 2021 г. – 4 327,77 млн руб. или 21,05%;

– по региональным налогам и сборам увеличение показателя 2021 г. к 2020 г. в размере 510,13 млн руб. или 9,49%, уменьшение показателя 2022 г. к 2021 г. – 1 774,2 млн руб. или 30,15%;

– по местным налогам и сборам увеличение показателя 2021 г. к 2020 г. в размере 233,31 млн руб. или 8,37%, уменьшение показателя 2022 г. к 2021 г. – 369,3 млн руб. или 12,22%.

Данная тенденция обоснована сложной экономико-политической ситуацией в связи с распространением коронавирусной инфекции, а в последующем специальной военной операцией и соответствующими вводимыми мерами по приостановлению взыскания задолженности.

Таким образом, проведенный анализ поступлений налогов и сборов, их собираемости, а также налоговой задолженности Ростовской области в структуре консолидированного бюджета страны свидетельствует о том, что действующая в сложных экономико-политических условиях система налогового администрирования является эффективной. Однако неоднозначная динамика налоговой задолженности перед бюджетом характеризует приоритетность направления совершенствования системы налогового администрирования в рамках современной налоговой политики государства с учетом тенденций и вызовов.

Список источников

1. Оспанов, Марат Турдыбекович. Налоговая реформа и гармонизация налоговых отношений: дис. д-р экон. наук: 08.00.10 / М.Т. Оспанов. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ. 1997. 426 с.

2. Перонко И. А., Красницкий В. А. Налоговое администрирование // Налоговый вестник. 2000. № 10.

3. Паскачев А. Б., Кашин В. А., Бобоев М. Р. Большой толковый словарь налоговых терминов и норм; Под ред. Г. И. Букаева; М-во Рос. Федерации по налогам и сборам. Гос. науч.-исслед. ин-т развития налоговой системы. М.: Гелиос АРВ, 2002. 775 с.

4. Чухнина Г. Я. Реформирование системы налогового контроля в Российской Федерации. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2001. 136 с.

5. Пономарев А. И., Никулина С. В., Гойгереев К. К. Актуальные проблемы налогового администрирования: учебное пособие. Ростов н/Д.: Мини Тайп, 2011. 304 с.

[1] По данным на 01.11.2022 г.

[2] Представлены данные на 01.12.2022 г.

6. Мишустин М. В. Информационно-технологические основы государственного налогового администрирования в России: монография. М.: ЮНИТИ, 2005. 252 с.

7. Майбуров И. А. Налоги и налогообложение: учебное пособие. - 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. - (Золотой фонд российских учебников). 558 с.

8. Абрамчик Л. Я. Налоговое администрирование в системе финансового контроля // Финансовое право. 2005. № 6. С. 28–30.

References

1. Ospanov, Marat Turdybekovich. *Tax reform and harmonization of tax relations*: dis. Doctor of Economics Sciences: 08.00.10. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University of Economics; 1997. 426 p. (In Russ.)

2. Peronko I. A., Krasnitsky V. A. Tax administration. *Nalogovyi vestnik = Tax Bulletin.* 2000;(10). (In Russ.)

3. Paskachev A.B. *Big explanatory dictionary of tax terms and norms* / A.B. Paskachev, V.A. Kashin, M.R. Boboev; Ed. G. I. Bukaev; Ministry of Ros. Federation of taxes and fees. State. scientific research in-t of development of the tax system. Moscow: Helios ARV; 2002. 775 p. (in Russ.)

4. Chukhnina G. Ya. *Reforming the system of tax control in the Russian Federation*. Volgograd: VolGU Publishing House; 2001. 136 p. (In Russ.)

5. Ponomarev A. I., Nikulina S. V., Goygereev K. K. *Actual problems of tax administration: study guide*. Rostov-on-Don: Mini Type, 2011. 304 p. (In Russ.)

6. Mishustin M. V. *Information and technological foundations of state tax administration in Russia*: monograph. Moscow: UNITI, 2005. 252 p. (In Russ.)

7. Mayburov I. A. *Taxes and taxation:* textbook. - 4th ed., revised and additional. Moscow: UNITI-DANA. 2011. (Golden Fund of Russian textbooks). 558 p. (In Russ.)

8. Abramchik L. Ya. Tax administration in the system of financial control. *Finansovoe pravo = Financial Law*. 2005;(6):28–30. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. Ю. Золочевская – доктор экономических наук, профессор, зам. директора ЮРИУ РАНХиГС.
А. В. Скидан – кандидат экономических наук, доцент, директор центра научно-образовательной политики ЮРИУ РАНХиГС.
К. С. Архипова – студент ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

E. Yu. Zolochevskaya – Doctor of Economics Sciences, Professor, Deputy Director of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.
A. V. Skidan – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Center for Scientific and Educational Policy of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.
K. S. Arkhipova – Student of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.
The article was submitted 16.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 76–82
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):76–82

Проблемы экономики

Научная статья
УДК 339.92
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-76-82

МОДЕЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ПОТОКОВ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Дарья Евгеньевна Иванова[1], Вячеслав Евгеньевич Иванов[2]

[1]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, d.e._ivanova@mail.ru
[2]Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Россия, IvanovRussia@bk.ru

Аннотация. Нестабильная геополитическая обстановка в мире, кризисы, пандемия коронавирусной инфекции, а также воздействие иных внешних эффектов негативно сказалось на процессе привлечения прямых иностранных инвестиций в страну. В этом аспекте необходимо использовать весь научный и методологический инструментарий, а также элементы эконометрического анализа для понимания того, каким образом формируются потребности регионов в использовании прямых иностранных инвестиций. Данные инвестиции и являются основополагающими и способствуют комплексному развитию социально-экономических процессов и систем. Авторами определены ключевые потребности субъектов Российской Федерации в получении прямых иностранных инвестиций. Представлены регрессионная модель объема притока ПИИ в регион *i* за текущий период и разделение субъектов РФ согласно среднему уровню притока прямых иностранных инвестиций в течение рассматриваемого периода.

Ключевые слова: регион, региональная экономическая система, оценка, инвестиции

Для цитирования: Иванова Д. Е., Иванов В. Е. Модельный инструментарий исследования механизма потоков прямых иностранных инвестиций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 76–82. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-76-82

Problems of Economics

Original article

MODEL INSTRUMANTARY OF STUDY OF THE MECHANISM OF FLOWS OF FOREIGN DIRECT INVESTMENT

Daria E. Ivanova[1], Vyacheslav E. Ivanov[2]

[1]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, d.e._ivanova@mail.ru
[2]Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russia, IvanovRussia@bk.ru

Abstract. The unstable geopolitical situation in the world, crises, the coronavirus pandemic, as well as the impact of other external effects have negatively affected the process of attracting foreign direct investment to the country. In this aspect, it is necessary to use all scientific and methodological tools, as well as elements of econometric analysis to understand how the needs of regions in the use of foreign direct investment are formed. These investments are fundamental and contribute to the integrated development of socio-economic processes and systems. The authors have identified the key needs of the subjects of the Russian Federation in obtaining foreign direct investment. A regression model of the volume inflows to the region for the current period and the division of the subjects of the Russian Federation according to the average level of foreign direct investment inflows during the period under review are presented.

Keywords: region, regional economic system, assessment, investment

For citation: Ivanova D. E., Ivanov V. E. Model instrumantary of study of the mechanism of flows of foreign direct investment. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):76–82. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-76-82

© Иванова Д. Е., Иванов В. Е., 2023

Характеристика термина «прямые иностранные инвестиции» отражена в составе Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 166-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». Существует несколько ключевых условий, в соответствии с которым хозяйствующий субъект или частное лицо может иметь статус иностранного инвестора в Российской Федерации:

1. Лицо может выступать в качестве иностранного инвестора в том случае, когда у него под контролем имеется как минимум одна десятая часть от уставного капитала предприятия. Вне зависимости от того факта, когда была создана представленная организация, ее нужно именно зарегистрировать на территории России, соблюдая все основные нормы права.

2. Иностранное юридическое лицо может открыть свой филиал или представительство на территории Российской Федерации, вкладывая средства в развитие основных производственных процессов и рыночных отношений в стране.

3. Иностранный инвестор может направлять все свои инвестиции в рыночную экономику Российской Федерации в том случае, когда он использует механизм аренды, продажи или лизинга и передает свои основные средства, оборудование и машинный комплекс для пользователей [1].

Многократно в научном сообществе предпринимались попытки изучить сущность прямых иностранных инвестиций. По итогу, это привело к созданию двух ключевых подходов, которые способствуют полноценному изучению механизма притока прямых иностранных инвестиций в рыночную экономику Российской Федерации:

1. Подход, учитывающий спектр основных мотивов и ключевых характеристик инвесторов, входящих на российский рынок и принимающих комплексные решения. В этом случае фирма должна учитывать состав и структуру разнообразных нематериальных активов, так как именно вложение средств в них будет приводить к комплексному развитию предприятия.

2. Подход, анализирующий совокупность характеристик и спектр основных сравнительных преимуществ компаний, которые получают прямые иностранные инвестиции, а также их распространяют. Само решение о размещении прямых иностранные инвестиции в стране обусловлено приобретением доступа к сырью, рабочей силе и низкой себестоимости производства. Более того, следует принимать к сведению иной набор основополагающих особенностей принимающей стороны.

Основной сложностью в ходе изучения прямых иностранных инвестиций на региональном уровне считается практически полное отсутствие должной эконометрической основы. Единственная адекватная математическая модель, отражающая процесс притока прямых иностранных инвестиций представляет собой технологию частичного потребления, которую ещё можно применять в отношении регионов. Но, наполнение этой модели разнообразными факторами требует дополнительных обоснованных исследований [2].

Следует заметить, что среди всех моделей на микроуровне, на наш взгляд, следует выделить три, которые при усовершенствовании можно применять для изучения региональных статистических данных и формирования конечной синтетической модели. Именно эта модель позволит оценить потребность регионов Российской Федерации в прямых иностранных инвестициях. Данными моделями являются технология Портера, Теша и Даннинга. Вне зависимости от того факта, что данные модели были разработаны более чем 30 лет назад, перечень ключевых факторов считаются базой для развития технологии учета прямых иностранных инвестиций в регионах. Все основные модели между собой различаются спектром характеристик для регионов. Эти характеристики будут представлены в табл. 1.

В каждом случае будет применена своя спецификация регрессионного уравнения для оценки:

$$y=\delta y+X'\gamma+(1-\delta)a+\varepsilon,$$

где y – объем притока ПИИ в регион i за текущий период t; X' – вектор-строка региональных характеристик; $\gamma=(1-\delta)\beta$ - вектор оцениваемых коэффициентов из уравнения (5); $\varepsilon it : N(0, \sigma 2)$; ai – установленный региональный эффект (ненаблюдаемые характеристики инвесторов, мотивирующие их вкладывать свои средства именно в этот регион).

Таблица 1 – Характеристики (детерминанты) для определения эффективности использования прямых иностранных инвестиций в рамках моделей

Table 1 – Characteristics (determinants) for determining the effectiveness of the use of foreign direct investment in the framework of models

Показатели	Модель Портера	Модель Даннинга	Модель Теша
Общее количество студентов, которые получают среднее образование по специальности	+	-	-
Индекс по добыче полезных ископаемых	+	+	+
Индекс организации промышленного производства	+	-	+
Количество автомобильных дорог с наличием плотного покрытия (твёрдого)	+	+	+
Показатель безработицы	+	+	+
Доля занятых в экономике людей с наличием высшего образования	+	+	+
Экспортные операции в государства дальнего зарубежья, которые нормированы на уровень ВРП	+	+	+
Основные фонды, нормированные в рамках ВРП	+	+	+
Средства, которые были потрачены на организацию научных разработок	+	+	+
Количество преступных действий на 100000 человек	+	+	+

Для проводимого анализа были применены статистические данные о субъектах Российской Федерации за период с 2017 года по 2021 год.

В процессе осуществления оценки всех моделей применяется параметр объема притока прямых иностранных инвестиций, который измеряют в долларах, нормированный на размер валового регионального продукта субъектов Российской Федерации в рублях. Соответственно, общий объем прямых иностранных инвестиций можно измерять в долларах на 100 рублей от валового регионального продукта. Для того, чтобы снизить общий уровень различий во всех денежных единицах, в составе оцениваемой модели есть среднегодовое значение курса доллара США. Принимая во внимание тот факт, что полностью не известно, в каком периоде конкретного года иностранные инвестиции поступили в каждый регион, производить конвертацию, согласно среднему курсу, не является полностью корректным. Но данная модель учитывает объем организации международной торговли, и на косвенном уровне следует обязательно принимать к сведению изменение валютного курса. Изучение всех регионов Российской Федерации позволило сделать вывод о том, что имеется три основных группы субъектов, в которых существует свое среднее значение объема притока прямых иностранных инвестиций [3]. Данное деление регионов представлено в табл. 2:

Таблица 2 – Разделение субъектов РФ согласно среднему уровню притока прямых иностранных инвестиций в течении периода с 2017 по 2021 год

Table 2 – Division of the subjects of the Russian Federation according to the average level of inflow of foreign direct investment during the period from 2017 to 2021

Значение изменяется в диапазоне от 0,27 до 0,88 долларов инвестиций на 100 рублей ВРП	Значение изменяется в диапазоне от 0,1 до 0,2 долларов инвестиций на 100 рублей ВРП	Менее чем 0,1 долларов инвестиций на 100 рублей ВРП
15 субъектов РФ	13 субъектов РФ	Остальные субъекты РФ

Следует выделить три основных причины, в результате которых очень сложно создать модель по оценке потребности в прямых иностранных инвестициях по всем субъектам:

1. Все фактические наблюдаемые параметры могут иметь волатильные значения. Изменение этих показателей достаточно нестабильное, но при этом основное количество моделей в эконометрике должны применяться только на основе равновесного показателя.

2. Существующие переменные в составе изменения прямых иностранных инвестиций по субъектам выступают достаточно короткими, а основное количество эконометрических технологий на базе панельного анализа изменяются достаточно серьезно с учетом смены размера временного ряда.

3. Данные в субъектах Российской Федерации являются неоднородными, и практически невозможно внедрить однородной коэффициент для комплексного расчета [4].

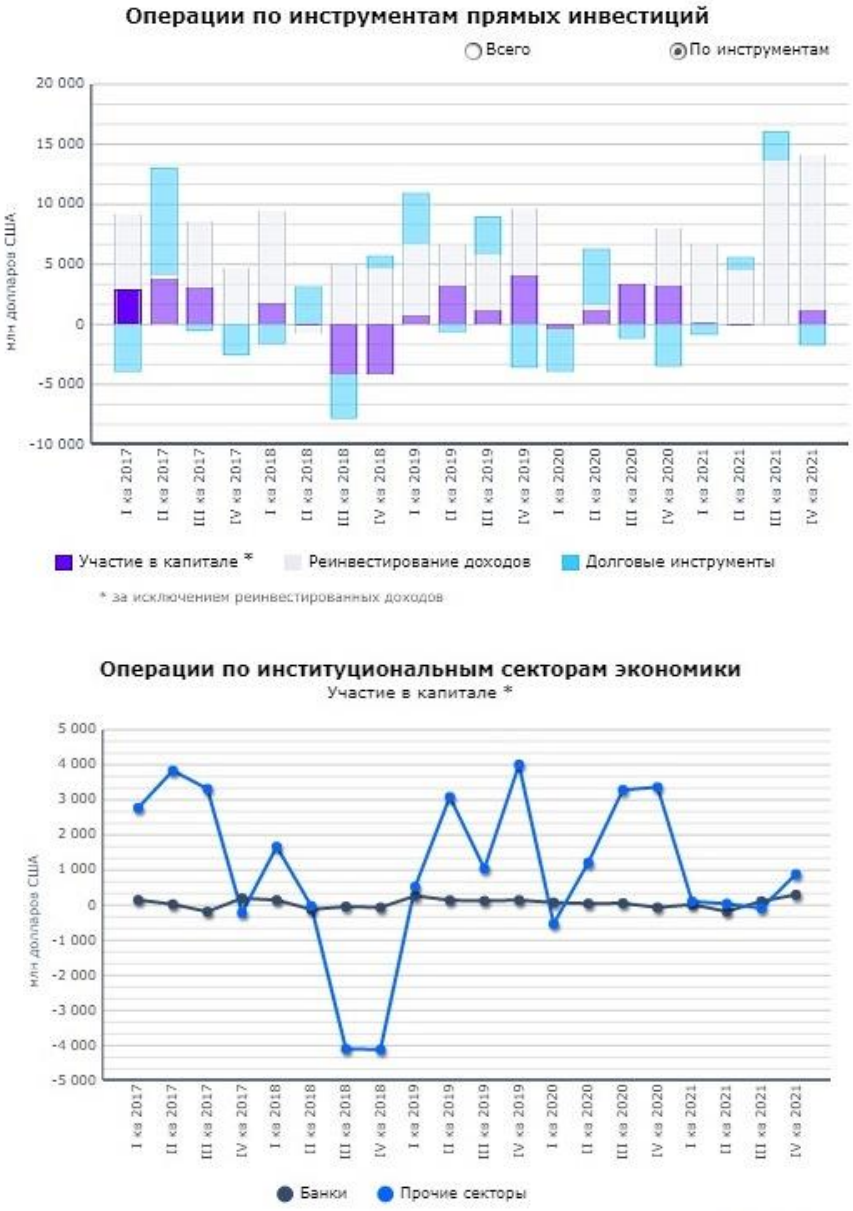


Рис. 1. Прямые инвестиции по инструментам, институциональным секторам экономики, субъектам Российской Федерации[1]

Fig. 1. Direct investments by instruments, institutional sectors of the economy, subjects of the Russian Federation

[1] Банк России https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/interactive/

Рис. 1 (продолжение). Прямые инвестиции по инструментам, институциональным секторам экономики, субъектам Российской Федерации[1]
Fig. 1 (continued). Direct investments by instruments, institutional sectors of the economy, subjects of the Russian Federation

[1] Банк России https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/interactive/

Проанализировав значение и динамику притока прямых иностранных инвестиций, нужно отметить, что многие субъекты не нуждаются в их массовом получении из-за рубежа. Однако это во многом связано с тем, что региональная инфраструктура недостаточно подготовлена, что в итоге сказывается на управленческих процессах и механизме развития экономики.

Известным считается тот факт, что общая эффективность применения прямых иностранных инвестиций будет связана со способностью принимающей стороны их использовать на практике [5–7]. Данный вывод подтверждается результатами анализа региональных показателей. Такие регионы, как Москва, Московская область, Татарстан, Новосибирская область и ряд других имеют интенсивный процесс изучения и освоения природных ресурсов, привлекая в эту работу реальных зарубежных инвесторов. Однако, такие регионы как Тюменская область, Приморский край, Ростовская область нуждаются в привлечении прямых иностранных инвестиций, так как все основные потребности не были удовлетворены, и экономика не развивается максимально эффективно.

В рамках данной статьи авторы произвели оценку ряда ненаблюдаемых показателей, которые влияют на функционирование региона с учётом использования прямых иностранных инвестиций. Данными показателями являются: общая потребность каждого региона заниматься использованием необходимого размера инвестиций из-за рубежа; неудовлетворённые потребности на основании дефицита инвестиционных средств. Не удалось получить достаточно длинные статистические ряды для использования крупнейших эконометрических моделей, так как данные между собой разнятся, и отличаются у Центрального банка и Росстата. Но, несмотря на этот факт, некоторые региональные отличия в привлечении прямых иностранных инвестиций с помощью горизонтальных и вертикальных процессов всё же были установлены. Удалось отметить, что огромное количество внутренних региональных факторов прямо влияют на величину и скорость притока прямых иностранных инвестиций в субъекты Российской Федерации.

Список источников

1. Kosenko O. Y., Ignatova T. V., Mikryukova M. Y., Ivanova D. E. Assessment by Econometric Modelling of the Innovative Potential of Regional Socio-economic Systems. In: Popkova E.G., Sergi B.S. (eds) Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. ISC 2019. //Lecture Notes in Networks and Systems, vol 198. Springer, Cham. 2021, pp. 909-915. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_159

2. Драпкин И. М., Дубинина Е. О. Эконометрическое моделирование потенциала региона по привлечению прямых иностранных инвестиций // Экономика региона. 2020. Т. 16. №. 1. С. 310–324.

3. Игнатова Т. В., Иванова Д. Е. Анализ основных показателей оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти Ростовской области // Научные труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 184. С. 196–202.

4. Кособуцкая А. Ю., Трегубова В. Д., Равуанжинирина А. В. Прямые иностранные инвестиции: современные тренды // Теоретическая экономика. 2021. Т. 79. № 7. С. 106–118.

5. Мариев О. С., Чипчагова Д. В. Эконометрические модели оценки детерминант прямых иностранных инвестиций в регионы Российской Федерации // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 3. С. 752–759.

6. Бурлакин М. А. Иностранные инвестиции для регионов России: состояние и проблемы / Цифровая экономика и финансы. 2020. Материалы III Международной научно-практической конференции. СПб., 2020. С. 18–22.

7. Шевченко Л. М., Солнышкова Ю. Н. Иностранные инвестиции: актуальные тенденции и проблемы привлечения // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. №. 2 (81). С. 116–119.

References

1. Kosenko O. Y., Ignatova T. V., Mikryukova M. Y., Ivanova D. E. Assessment by Econometric Modelling of the Innovative Potential of Regional Socio-economic Systems. In: Popkova E.G., Sergi B.S. (eds) *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 198.* Springer, Cham. 2021, pp. 909-915. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_159

2. Drapkin I. M., Dubinina E. O. Econometric modeling of the region's potential to attract foreign direct investment. *Ekonomika regiona = The economy of the region.* 2020;16(1):310–324. (In Russ.)

3. Ignatova T. V., Ivanova D. E. Analysis of the main indicators for evaluating the effectiveness of the executive authorities of the Rostov region. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2014;(184):196–202. (In Russ.)

4. Kosobutskaya A. Yu., Tregubova V. D., Ravuanginirina A.V. Foreign direct investment: modern trends. *Teoreticheskaya ekonomika = Theoretical economics*. 2021;79(7:106–118. (In Russ.)

5. Mariev O. S., Chipchagova D. V. Econometric models for assessing the determinants of foreign direct investment in the regions of the Russian Federation. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Journal of Economic Theory.* 2020;17(3):752–759. (In Russ.)

6. Burlakin M. A. Foreign investments for the regions of Russia: state and problems. In: *Tsifrovaya ekonomika i finansy = Digital economy and finance*. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Saint Petersburg; 2020:18-22. (In Russ.)

7. Shevchenko L. M., Solnyshkova Yu. N. Foreign investments: current trends and problems of attraction. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University.* 2020;2(81):116–119. (In Russ.)

Информация об авторах

Д. Е. Иванова – старший преподаватель кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

В. Е. Иванов – преподаватель кафедры огневой и физической подготовки Волгодонского филиала РЮИ МВД России, майор полиции.

Information about the authors

D. E. Ivanova – Senior Lecturer of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

V. E. Ivanov - Teacher of the Department of Fire and Physical Training of Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.
The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 83–88
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):83–88
Проблемы экономики
Научная статья
УДК 332
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-83-88

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНА С УЧЕТОМ ESG-ПРИНЦИПОВ

Кристина Асланбековна Калицева
Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия, kalitseva.kristina@yandex.ru

Аннотация. В текущих условиях, когда на смену трендам глобализации, приходят тренды регионализации и глокализации, а сама идея глобализации все чаще подвергается критике в международном экономическом пространстве, обостряется актуальность со стороны федеральных и региональных органов власти проработки вопросов, связанных с переходом к модели устойчивого развития. Реализация принципов устойчивого развития и необходимость учета базовых положений ESG-стратегии регионального развития сейчас становится для всех региональных социально-экономических подсистем не просто следованием текущим трендам, а объективной необходимостью, которая позволяет преодолеть инерционный характер развития как самих региональных систем, так и отдельных их компонентов, повысить инновационную активность в регионе и сделать его более инвестиционно привлекательным. Все эти задачи становятся все более актуальными для российских регионов в связи с необходимостью функционирования в новых экономических условиях, связанных не только со структурной перестройкой как национальной, так и глобальной экономики, но и еще необходимостью выполнения в этих условиях своих экономических, социальных и экологических задач с целью повышения качества уровня жизни своего населения.

Ключевые слова: региональная экономика, устойчивое развитие, трансформация моделей регионального развития

Для цитирования: Калицева К. А. Трансформация традиционных моделей регионального развития в целях обеспечения устойчивости региона с учетом ESG-принципов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 83–88. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-83-88

Problems of Economics
Original article

TRANSFORMATION OF TRADITIONAL MODELS OF REGIONAL DEVELOPMENT IN ORDER TO ENSURE THE SUSTAINABILITY OF THE REGION, TAKING INTO ACCOUNT THE ESG PRINCIPLES

Kristina A. Kalitseva
K. L. Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia, kalitseva.kristina@yandex.ru

Abstract. In the current conditions, when the trends of globalization are being replaced by the trends of regionalization and glocalization, and the idea of globalization is increasingly being criticized in the international economic space, the urgency on the part of federal and regional authorities to study issues related to the transition to a sustainable development model is becoming more acute. The implementation of the principles of sustainable development and the need to take into account the basic provisions of the ESG strategy for regional development is now becoming for all regional socio-economic subsystems not just following current trends, but an objective necessity that allows overcoming the inertial nature of the development of both regional systems themselves and their individual components, increasing innovation activity in the region and making it more investment-oriented attractive. All these tasks are becoming more and more urgent for Russian regions due to the need to function in new economic conditions associated not only with the structural restructuring of both the national and global economy, but also the need to fulfill their economic, social and environmental tasks in these conditions in order to improve the quality of life of their population.

© Калицева К. А., 2023

Keywords: regional economy, sustainable development, transformation of regional development models
For citation: Kalitseva K. A. Transformation of traditional models of regional development in order to ensure the sustainability of the region, taking into account the ESG principles. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):83–88. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-83-88

Приобретаемые национальной экономикой черты автаркии [1, с. 26] имеют свои преимущества, заключающиеся в приоритизации целей национальной безопасности, которая заключается даже не столько в военной безопасности, сколько в продуктовом, энергетическом и технологическом суверенитете. Реализация этих задач соответствует принципам ESG-концепции, но при этом необходимо обеспечить взаимоувязку каждой из них с основной целью устойчивого развития – повышением качества жизни населения [2, с. 5464]. Уяснить суть этих процессов можно с помощью трансформационной модели системы управления процессом устойчивого регионального развития (рис. 1).

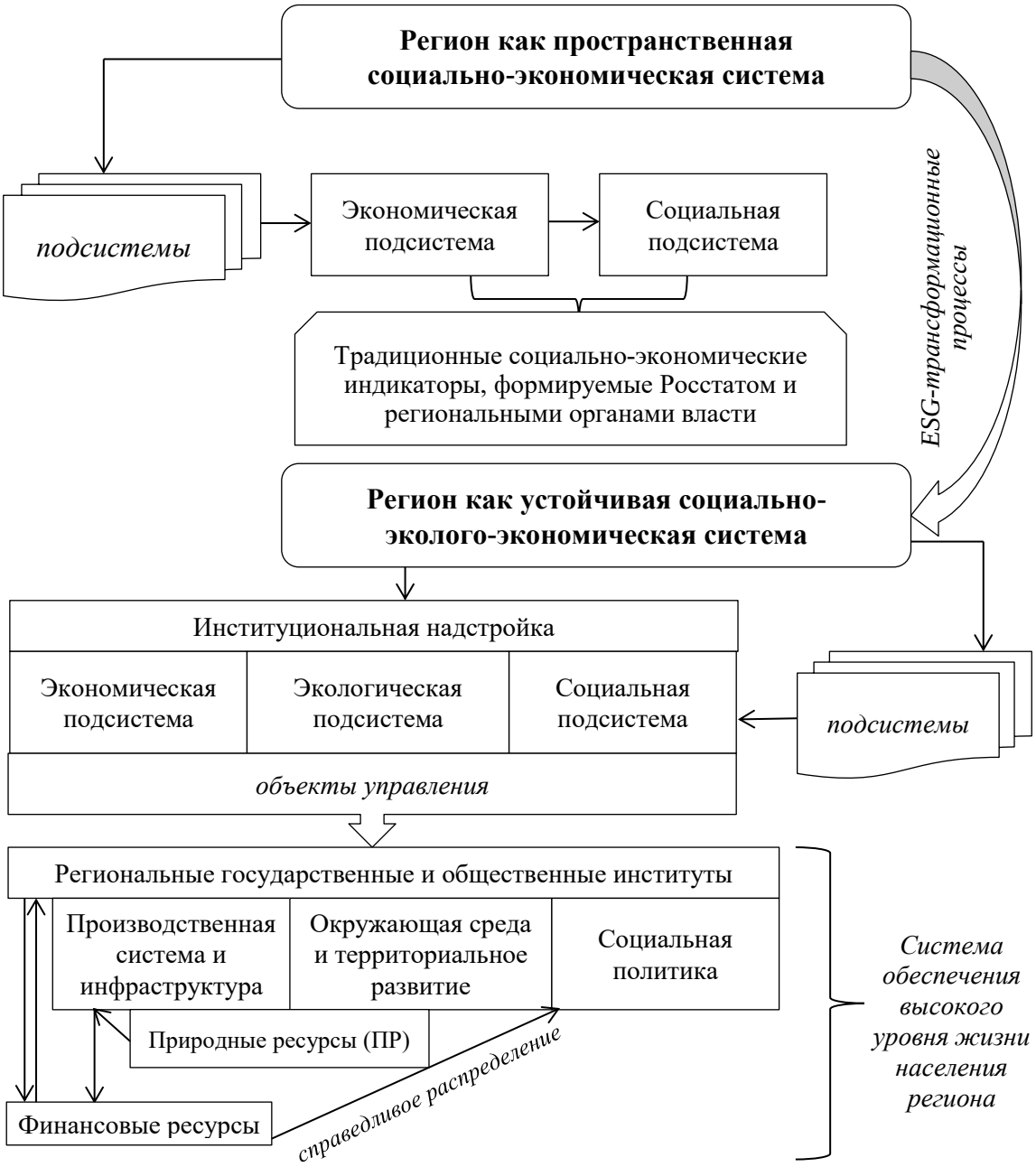


Рис. 1. Процесс трансформации традиционной модели регионального развития в модель устойчивого развития региона
Fig 1. The process of transformation of the traditional model of regional development into a model of sustainable development of the region

В рамках предложенной трансформационной схемы регион в его традиционном представлении рассматривается как взаимосвязь двух подсистем – экономической и социальной, которые в ходе изменения модели регионального развития согласно ESG-концепции дополняются экологической подсистемой, а также обретают институциональную надстройку.

В каждой из представленных подсистем осуществляется управление своим специфичным объектом управления, каждый из которых связан с объектом управления из другой подсистемы. Такое взаимодействие между указанными компонентами, модель которого представлена на рис. 2, создает основу формирования эффективной системы обеспечения высокого уровня жизни населения.

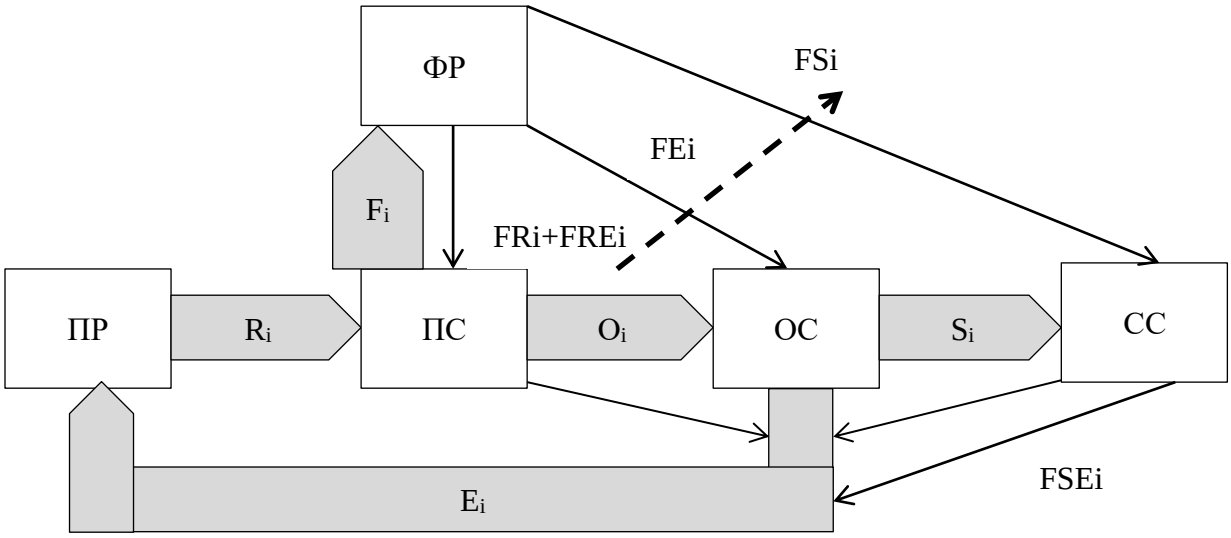


Рис. 2. Модель взаимодействия подсистем регионального развития согласно концепции ESG

Fig 1. The model of interaction of subsystems of regional development according to the ESG concept

Введем условные обозначения и опишем характер взаимосвязи между компонентами:

- R_i – процессы использования природных ресурсов в экономике региона различными хозяйствующими субъектами. Связывает между собой объект управления «природные ресурсы» (ПР) и «производственная система» (ПС), тем самым характеризуя процесс вовлеченности природных богатств в производственно-экономические отношения в регионе и создания необходимой инфраструктуры;

- O_i – механизмы и технологии взаимодействия с окружающей средой, имеющие на нее как положительное, так и отрицательное влияние. Связывает между собой компонент «производственная система» и «окружающая среда» (ОС), тем самым характеризуя уровень воздействия хозяйствующей системы региона на экологическую обстановку. Множество положительных эффектов и множество отрицательных создают синергетический эффект, который и определяет итоговый показатель воздействия – позитивные или негативный;

- S_i – характеризует процессы воздействия компоненты «окружающая среда» на компонент «социальная среда» (СС), определяя тем самым степень экологической безопасности региона и его влияние на уровень жизни населения, в частности на продолжительность жизни, состояние здоровья, уровень заболеваемости, удовлетворенность населения количеством «зеленых» зон, качеством воды и воздуха и т.д.;

- E_i – процессы рационального природопользования и ресурсосбережения. Связывают между собой компоненты «окружающая среда» и «природные ресурсы» и находятся под влиянием производственной среды и социальной среды, от которых зависит качество реализации программ, направленных на эффективное использование ресурсов, энергосбережение, грамотную утилизацию

отходов. Позитивное воздействие на окружающую среду приводит к сбережению и накоплению природных ресурсов. Данные процессы включают в себя использование наилучших доступных технологий, альтернативных источников энергии, бережливое производство, сортировку и вторичную переработку отходов и многое другое [3, с. 822];

- Fi – финансовые потоки, генерируемые различными секторами экономики и подлежащие распределению в форме выплаты заработной платы, уплаты налогов, дивидендов и пр. Связывают между собой производственный сектор в самом широком его понимании (во избежание двойного счета доходы населения сюда не относим) и компонент «финансовые ресурсы» (ФР), который аккумулируется региональными или федеральными органами власти с помощью бюджетной системы, отдельными компаниями и домохозяйствами.

Далее финансовые потоки перераспределяются по четырем направлениям:

- FRi+FREi – финансовая поддержка, осуществляемая государством, приоритетных отраслей, кластеров и отдельных предприятий (FRi), а также тех хозяйствующих субъектов, которые реализуют стратегии устойчивого развития в рамках специальных государственных программ поддержки «зеленых» инвестиционных проектов [4, с. 87-88] (FREi);

- FEi – финансирование мероприятий, направленных на защиту окружающей среды;

- FSi – финансирование социальной сферы, социальных программ и меры социальной поддержки населения;

- FSEi – финансирование населением экологических мероприятий путем ведения волонтерской деятельности или осуществления самостоятельных эко-ориентированных действий.

По сути, представленная модель отражает процессы регионального воспроизводства, то есть циклический процесс, в ходе которого производственные ресурсы региона трансформируются в рамках перехода от одной стадии к другой и на каждом из этапов они взаимодействуют либо с социальной, либо с экологической подсистемой региона, что обеспечивает единство модели устойчивого регионального развития. Движение ресурсов также трансформируется путем перехода от традиционной модели «товар-деньги-товар» к модели «ресурсы – производство – социальные блага», при этом в каждом из указанных элементов присутствует экологическая компонента.

Также следует обратить внимание на то, что в представленной на рисунке 1 схеме трансформации традиционной модели регионального развития в модель устойчивого развития региона, выделена институциональная надстройка над каждой их трех основных подсистем региона, что объясняется тем, что в ESG-модели устойчивого развития региона осуществляется синтез двух теорий – институциональной экономической теории и ресурсного подхода. Так, согласно ресурсному подходу [5, с. 69], потенциал региона должен выступать в качестве главной стратегической переменной, воздействие на которую осуществляется посредством инструментов региональной экономической политики, и за счет этого достигается реализация задач устойчивого развития. Включение в данный механизм основных положений институциональной экономической теории, согласно которой основным приоритетом региональной политики должно стать обеспечение достаточного благосостояния населения, позволяет сделать модель устойчивого развития действенным инструментом достижения целей региональной социально-экономической политики.

Трансформация моделей регионального развития согласно концепции устойчивого развития подразумевает переход от формирования социально-экономического потенциала региона к формированию и оценке возможностей реализации перспективного социально-экономического потенциала региона, который не просто фиксирует состояние региона в настоящий момент времени, а определяет его будущие возможности функционирования и развития. Это требует использования соответствующих технологий планирования – индикативного планирования, скользящего бюджетирования, разработки стратегии устойчивого развития региона с четко определенной системой целевых индикаторов [6, с. 4-5]. Сам процесс перехода от одной модели к другой является строго определенным алгоритмом, на каждом этапе которого формируются и воплощаются в жизнь предпосылки эффективного использования имеющегося у региона потенциала и его развития до уровня перспективного потенциала.

Технология управления устойчивым развитием региона в рамках новой модели предстает как совокупность приемов и способов получения конкретного результата, заключающегося в обеспечении устойчивого сбалансированного развития региона путем взаимодействия трех организационных подсистем:

- управляющей подсистемы, образованной системой органов государственной региональной власти;

- целевой оценочной подсистемы, представляющей собой систему оценки функционирования региона путем анализа целевых индикаторов, отражающих уровень развития экономической, социальной и экологической подсистем;

- обеспечивающей подсистемы, состоящей из законодательных условий, ресурсных возможностей, институционального и инфраструктурного обеспечения развития региона.

Международный опыт обеспечения сбалансированного регионального развития показывает, что в результате сформировались три основные модели региональной политики, реализация которых подразумевает, с одной стороны, сокращение социально-экономической дифференциации территорий, с другой стороны, их движение в сторону устойчивого развития и достижения целей, заявленных в ESG-повестке. Анализ трех видов осуществляемых политик – политики выравнивания, политики полюсов роста и пространственной модели регионального развития, - позволяет сделать вывод о том, что каждая из них является применимой для российских регионов, а некоторые из указанных видов моделей уже достаточно активно используются региональными органами власти субъектов РФ.

В новых экономических условиях модели регионального развития не могут быть ориентированы только на компенсацию объективных территориальных диспропорций – этот эволюционный этап развития региональной экономики уже пройден, и задачам устойчивого развития соответствуют только те модели, которые направлены на выявление «сильных сторон» или «драйверов» развития региона, которые могут запустить процесс экономического роста, сопровождающийся социально ориентированными действиями органов региональной власти, а также экологически ответственным поведением бизнес-сообщества и населения региона.

Список источников

1. Цветков В. А. Экономический суверенитет России в условиях новой реальности // Вестник НИБ. 2022. № 45. С. 25–30.

2. Новиков А. В., Хабарова И. А. Устойчивое развитие территорий и ESG в Российской Федерации // Столыпинский вестник. 2022. №9. С. 5463-5472.

3. Тагаров Б. Ж. Цели реализации концепции устойчивого развития на разных уровнях экономической системы // Креативная экономика. 2021. Том 15. № 3. С. 821–836.

4. Соловьева А. С., Пичугин Е. А., Черепанов М. В., Шенфельд Б. Е. Анализ механизмов государственного регулирования «зеленых» проектов в экологическом законодательстве Российской Федерации // Проблемы региональной экологии. 2021. № 5. С. 85–91.

5. Миронова Е. А., Чебыкина М. В., Шаталова Т. Н. Инновационные подходы к развитию совокупного ресурсного потенциала региона // Вестник МГОУ. Серия: Экономика. 2022. № 3. С. 67–78.

6. Мадрахимов У. А. Оценка устойчивого развития и территориальной сбалансированности экономики регионов // Universum: экономика и юриспруденция. 2021. №9 (84). С. 4–6.

References

1. Tsvetkov V. A. Economic sovereignty of Russia in the new reality. *Vestnik NIB = Bulletin of NIB*. 2022;(45):25–30. (In Russ.)

2. Novikov A. V., Khabarova I. A. Sustainable development of territories and ESG in the Russian Federation. *Stolypinskii vestnik = Stolypin Bulletin*. 2022;(9):5463–5472. (In Russ.)

3. Tagarov B. Zh. Objectives of the implementation of the concept of sustainable development at different levels of the economic system. *Kreativnaya ekonomika = Creative economy.* 2021;15(3):821-836. (In Russ.)

4. Solovyova A. S., Pichugin E. A., Cherepanov M. V., Schoenfeld B. E. Analysis of mechanisms of state regulation of "green" projects in the environmental legislation of the Russian Federation. *Problemy regional'noi ekologii = Problems of regional ecology*. 2021;(5):85-91. (In Russ.)

5. Mironova E. A., Chebykina M. V., Shatalova T. N. Innovative approaches to the development of the total resource potential of the region. *Vestnik MGOU. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Moscow State University. Series: Economics*. 2022;(3):67–78. (In Russ.)

6. Madrakhimov U.A. Assessment of sustainable development and territorial balance of the regional economy. *Universum: ekonomika i yurisprudentsiya = Universum: economics and jurisprudence.* 2021;9(84):4-6. (In Russ.)

Информация об авторе

К. А. Калицева – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова.

Information about the author

K. A. Kalitseva – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure of K.L. Khetagurov North Ossetian State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 08.02.2023; принята к публикации 09.02.2023.
The article was submitted 23.01.2023; approved after reviewing 08.02.2023; accepted for publication 09.02.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 89–96
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):89–96
Проблемы экономики
Научная статья
УДК 338
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-89-96

СИСТЕМЫ ТОРГОВЛИ КВОТАМИ НА ВЫБРОСЫ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ: АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

Максим Александрович Корытцев[1], Серафим Андреевич Морозов[2]

[1, 2]Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
[1]mkorytcev@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-6517-8061
[2]sera_morozov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4241-3906

Аннотация. В статье описываются различные методы регулирования уровня выбросов парниковых газов и сравнительный анализ их преимуществ и недостатков. Особое внимание в статье уделено системам торговли квотами на выбросы, также называемые «углеродными единицами», описаны принципы их работы и дана краткая характеристика крупнейших действующих систем мира. На основании обзора существующих публикаций по данной тематике сделаны выводы о необходимых условиях для их успешного внедрения, эффективности функционирования подобных систем и рекомендации для их усовершенствования. Характеризуются процессы регулирования выбросов в России с фокусом на начатом в 2022 г. «сахалинском эксперименте», нацеленном на достижение углеродной нейтральности региона в 2025 г. с помощью внедрения системы торговли выбросами. Рассмотрена дорожная карта этого проекта, включая как те этапы что уже были реализованы на сегодняшний момент, так и этапы только подлежащие реализации.

Ключевые слова: торговля квотами на выбросы, регулирование выбросов, ценообразование на углерод, углеродные единицы, глобальное изменение климата, парниковые газы

Для цитирования: Корытцев М. А., Морозов С. А. Системы торговли квотами на выбросы парниковых газов: анализ международного опыта и перспективы применения в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 89–96. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-89-96

Problems of Economics
Original article

GREENHOUSE GAS EMISSIONS TRADING SCHEME: ANALYSIS OF INTERNATIONAL EXPERIENCE AND ADOPTION PROSPECTS IN RUSSIA

Maksim A. Korytsev[1], Serafim A. Morozov[2]

[1, 2]Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
[1]mkorytcev@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-6517-8061
[2]sera_morozov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4241-3906

Abstract. This article presents various greenhouse gas emission regulation methods and contains a comparative analysis of their advantages and disadvantages, illustrates their functioning principles. Particular attention within the article is paid to the emission trading systems with a brief description of the largest operating systems in the world given. Based on a review of existing publications on this topic, some conclusions were made regarding necessary conditions for their successful implementation, the effectiveness of such systems and recommendations for their development. The current state of emission

© Корытцев М. А., Морозов С. А., 2023

regulation in Russia is described with the focus on the so-called "Sakhalin experiment" launched in 2022, that is aimed at achieving regional carbon neutrality by 2025 by means of an emission trading system deployment. This project's roadmap is analyzed including both finished and pending steps.

Keywords: cap and trade, emission regulation, carbon pricing, carbon units, global climate change, greenhouse gas

For citation: Korytsev M. A., Morozov S. A. Greenhouse gas emissions trading scheme: analysis of international experience and adoption prospects in Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):89-96. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-89-96

Глобальное изменение климата остается на повестке дня на протяжении уже нескольких десятилетий, и не только не теряет своей актуальности, но привлекает лишь больше внимания с каждым годом. Климатические изменения оказывают существенное дестабилизирующее влияние на глобальную экосистему и условия жизни сотен миллионов людей по всему земному шару и тем самым создают необходимость в системе экономических и политических мер, инструментов, имеющих своей целью предотвращение или хотя бы смягчение их последствий.

Одним из ключевых инструментов противодействия глобальному потеплению является снижение количества выбросов парниковых газов: данная цель была утверждена в 1992 г. на Саммите ООН по окружающей среде, состоявшемся в Рио-де-Жанейро. На этом Саммите была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата (United Nations Framework Convention on Climate Change), которая в статье 2 закрепила цель стабилизации концентрации парниковых газов в атмосфере на уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему[1].

Регулирование уровня выбросов может осуществляться как административными, так и экономическими рыночными методами. Административные методы могут предусматривать:

- прямое техническое регулирование, в том числе прямой запрет определенных производственных технологий либо запрет использования и оборота определенных товаров, например, во многих странах мира действует запрет на использование пластиковых пакетов;
- установление норм использования ресурсов, включая нормы энергоэффективности зданий, нормы потребления топлива автотранспортом;
- установление жестких количественных ограничений на выбросы.

Инструментарий экономического регулирования выбросов включает:

- систему стимулов и антистимулов для производителей, таких как налог на выбросы парниковых газов, субсидии на сокращение выбросов и внедрение энергосберегающих технологий, систему торговли квотами на выбросы;
- систему потребительских стимулов и антистимулов, например, повышенный налог на автотранспорт низкой энергоэффективности [1, с. 6-7].

Говоря об эффективности экономических инструментов сложно выделить одного лидера, у каждого есть свои сильные стороны и недостатки, вытекающие из принципа их действия. Налог на выбросы, как правило, устанавливает фиксированную ставку на единицу выбросов, что повышает уровень предсказуемости издержек для всех участников рынка, а также снижает административные издержки на поддержание самой системы. При этом само количество выбросов напрямую не ограничивается, из-за чего фактическое количество выбросов может оказаться существенно выше прогнозируемого, а антропогенный ущерб окружающей среде – выше допустимого.

Большинство систем торговли квотами идут от обратного, работая по принципу «cap-and-trade»: регулирующими органами устанавливается предельный допустимый уровень выбросов для территории либо отрасли, где действует такая система, общий объем выбросов дробится на квоты, распределяемые между хозяйственными субъектами. Впоследствии хозяйственные субъекты могут продавать излишек либо докупать недостающий объем выбросов у других

[1] ООН. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. 1992. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml

предприятий, тем самым получая дополнительную прибыль от сокращения выбросов либо дополнительные издержки при перерасходе своей квоты. Подобные системы торговли квотами более сложны и дороги в администрировании, чем налог на выбросы, стоимость единицы выбросов менее прогнозируема для предприятий, но вместе с тем более прозрачно влияние на итоговый объем выбросов, что достигается за счет установления изначального верхнего лимита[1].

Существует также и альтернативный вид систем торговли квотами, действующих по принципу «baseline-and-credit», при котором общий лимит для всех предприятий, задействованных в системе, не устанавливается, вместо этого для каждого предприятия предусматривается индивидуальная квота. При неполном её использовании предприятию начисляются «кредиты», которые могут быть проданы хозяйствующим субъектам, которые превысили свою индивидуальную квоту[2]. Подобные системы планируются к внедрению в Японии и Чили.

По состоянию на 2022 год в мире функционирует 68 систем по регулированию углеродных цен и еще 3 планируется к запуску в ближайшее время, в том числе 37 систем по взысканию налога на выбросы и 34 системы по торговле квотами на выбросы. В данное число входят системы торговли квотами различного территориального охвата: 1 интернациональная система (ЕС), 8 национальных, 19 региональных (особенно характерный тип для США и Канады) и 6 муниципальных (Китай, Япония)[3].

На текущий момент, согласно оценке Всемирного банка, порядка 23% от общемирового объема выбросов парниковых газов охвачено действием регулирующих систем[4].

Сравнение данных за ряд лет показывает однозначно положительную динамику и увеличение как количество функционирующих систем с одной стороны, так и увеличение охвата общемировых выбросов подобными системами с другой стороны (рис. 1).

Рис. 1. Динамика развития систем регулирования углеродных цен[5]
Fig. 1. Development dynamics of the carbon pricing systems

[1] Wadhawan S. What are Carbon Credits and How Do They Work? 2022. URL: https://earth.org/what-are-carbon-credits/
[2] World Bank. State and Trends of Carbon Pricing 2022. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/37455
[3] International Carbon Action Partnership. Emissions Trading Worldwide: 2022 ICAP Status Report. URL: https://icapcarbonaction.com/en/publications/emissions-trading-worldwide-2022-icap-status-report
[4] World Bank. State and Trends of Carbon Pricing 2022. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/37455
[5] Составлено автором на основании данных Всемирного банка.

Параллельно этому растет доля систем торговли квотами в мировой структуре доходов, генерируемых системами по регулированию углеродных цен. В 2021 г. доходы от торговли квоты впервые превзошли доходы от углеродного налога за всю историю своего существования (рис. 2).

Приведённые данные бесспорно показывают, что системы торговли квотами получают все большее распространение с каждым годом, и мы можем предполагать, что эта тенденция сохранится: на 26-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP26), состоявшейся осенью 2021 г. в Глазго, глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен призвала к созданию единой мировой системы торговли квотами[1].

Рис. 2. – Динамика изменения структуры доходов систем по регулированию углеродных цен[2]

Fig. 2. – Dynamics of change of the structure of the revenues generated by carbon pricing system

Тем не менее, данный инструмент по-прежнему является относительно новым и старейшая система, а именно Европейская система торговли квотами на выбросы (European Union Emission Trading Scheme), действующая в 31 стране мира, включая 28 стран-членов ЕС, а также Исландию, Норвегию и Лихтенштейн была запущена лишь в 2005 г.[3] Прочие страны начали внедрять подобные системы еще позже: Швейцария и Новая Зеландия – в 2008 г., в США Региональная инициатива по парниковым газам (The Regional Greenhouse Gas Initiative) заработала в 2013 г., как и региональная система канадской провинции Квебек, в Южной Корее национальная система запущена в 2015 г.

В связи с относительной молодостью подобных систем их эффективность и выработка оптимальной структуры на сегодняшний день являются открытыми темами для всестороннего исследования, как и вопрос самой методологии проведения подобных оценок. Что касается параметров оценки эффективности систем торговли квотами, заслуживает внимания комплексная система оценки, предложенная в статье И. Нарасимхи. Данная система предполагает 4 категории параметров оценки эффективности систем торговли квотами: экологическая эффективность, экономическая эффективность, рыночное управление и генерация доходов (рис. 3) [2, с. 17].

[1] Abnett K., John M. 'Put a price on carbon, nature cannot pay': EU urges COP26. 2021. URL: https://www.reuters.com/business/environment/put-price-carbon-eus-von-der-leyen-urges-world-leaders-2021-11-01/

[2] Составлено авторами на основании данных Всемирного банка.

[3] European Commission. EU Emissions Trading System (EU ETS). URL: https://climate.ec.europa.eu/eu-action/eu-emissions-trading-system-eu-ets_en

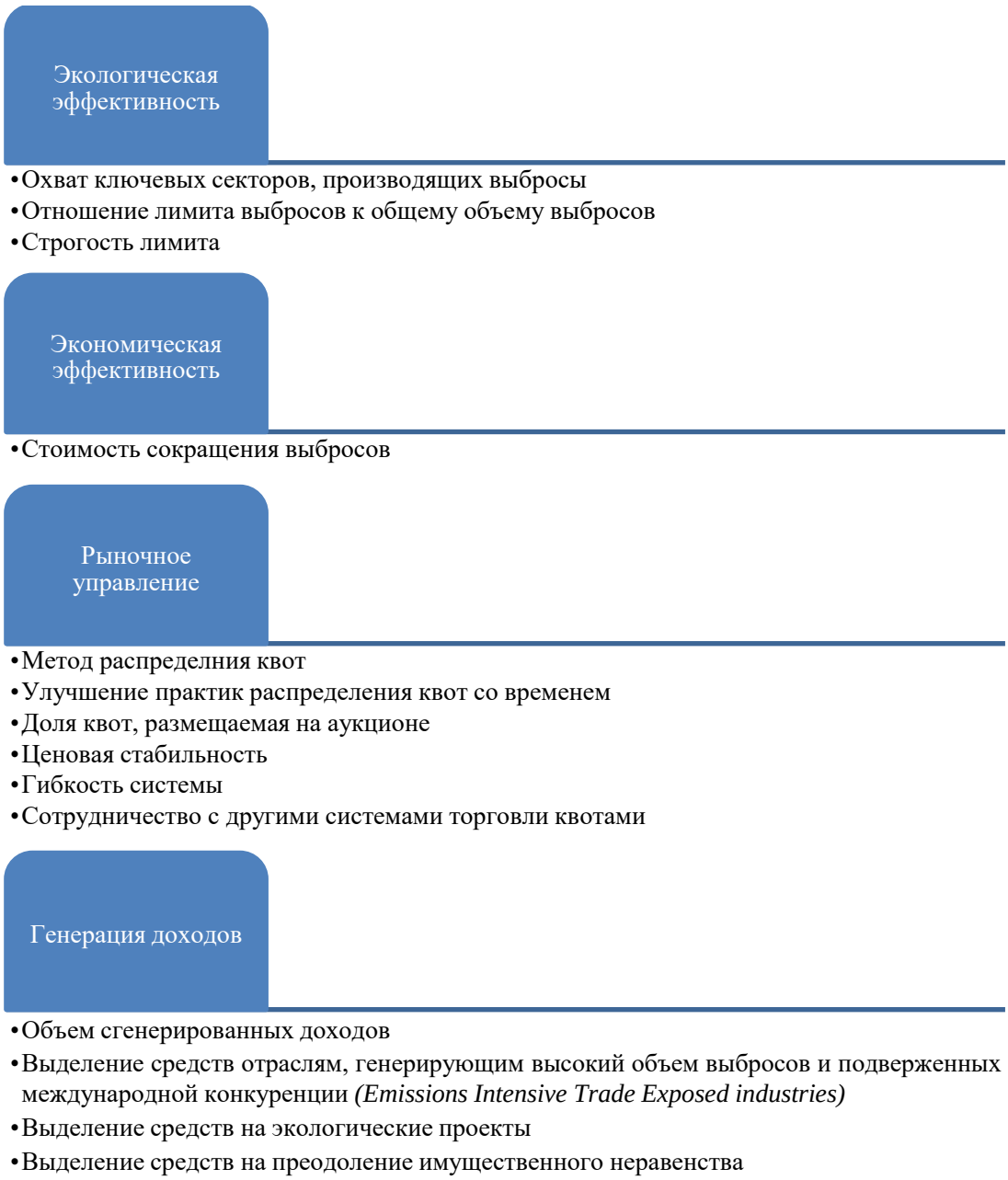


Рис. 3. Параметры оценки эффективности систем торговли квотами на выбросы парниковых газов[1]
Fig. 3. Parameters for emission trading schemes efficiency assessment

При этом всесторонний анализ существующих систем торговли квотами затруднен малым количеством публикаций на эту тему. Обзор литературы по базе публикаций «Google Scholar» показывает, что на сегодняшний день было опубликовано лишь немногим более 20 научных статей, содержащих самостоятельный анализ эффективности функционирования систем торговли квотами на выбросы парниковых газов на основании статистических данных. Общая картина получается достаточно фрагментарной, особенно с учетом двух факторов:

1) публикации зачастую не приводят сравнительного анализа систем, а фокусируются на одной отдельной взятой системе торговли квотами;

2) подавляющее большинство исследований (более 80 %) сфокусировано на двух крупнейших системах, функционирующих в ЕС и США, когда остальные системы не получают должного внимания.

[1] Составлено авторами на основании материалов из источника [1].

Тем не менее, имеющихся данных оказывается достаточно, чтобы сделать несколько немаловажных выводов по параметру оценки, играющему первостепенную роль, а именно влиянию систем на снижение объема выбросов парниковых газов. Во-первых, исследования показывают, что снижение объема выбросов, достигаемое за счет функционирования систем торговли квотами относительно невелико: варьируется в диапазоне 0-2% в год. Во-вторых, углеродный налог позволяет добиться несколько большего снижения выбросов, чем системы торговли квотами [3, с. 6–12].

На основании имеющихся публикаций, среди которых особенно выделяются работы И. А. Башмакова, можно выделить ряд условий, которые необходимы для эффективной работы систем торговли квотами:

- внедрение систем мониторинга, верификации и инвентаризации выбросов на местах;
- динамичное снижение лимитов выбросов на уровне отраслей и отдельных хозяйствующих субъектов;
- преимущественное размещение квот по принципу аукциона;
- система эффективной защиты углеродоемких отраслей промышленности с целью поддержания их международной конкурентоспособности;
- закрепление минимальной доли генерируемых доходов, направляемой на проекты низкоуглеродного развития и экологические проекты [4, p. 4-5].

В России тематика систем торговли квотами на выбросы является крайне актуальной: на фоне опасений о том, что российским экспортерам придется уплачивать трансграничный углеродный налог в бюджет ЕС на сумму 3-4,8 млрд долл. США ежегодно из-за отсутствия аналогичных механизмов регулирования выбросов в РФ[1], в декабре 2020 г. была утверждена дорожная карта по запуску в 2022 г. первой региональной системы торговли квотами на выбросы на Сахалине с амбициозной целью – добиться углеродной нейтральности региона уже в 2025 г. Дорожная карта предполагает проведение целого комплекса мероприятий, включая подготовку нормативно-правовой базы, проведение инвентаризации выбросов и их поглощения, выявление приоритетных отраслей к участию в системе, создание реестра предприятий-участников, подготовка к кооперации с международными системами торговли квотами, разработку системы климатической отчетности[2].

В рамках подготовки к запуску «сахалинского эксперимента» были приняты 2 федеральных закона: в июле 2021 г. Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов», а в марте 2022 г. Федеральный закон «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации». Данные законы носят рамочный характер и закрепляют основные понятия, такие как: квота выбросов, операции с квотами, углеродоемкость, углеродная нейтральность и т.д. Среди прочего принятые законы устанавливают перечень прав и обязанностей органов власти и субъектов хозяйствования.

Что касается конкретных мер повышения энергоэффективность сахалинского региона: планируется его газификация, развитие системы электротранспорта, модернизация средств производства на региональных предприятиях, внедрение альтернативных источников энергии.

Можно сказать, что эксперимент перешел из подготовительной стадии в активную в сентябре 2022 г., когда заработал национальный реестр углеродных единиц, позволяющий вести учет квот, проводить сделки с ними и регистрировать климатические проекты. Оператором реестра была избрана компания "Контур", действующая при поддержке Газпромбанка и Московской биржи. В этом же месяце произошла регистрация в реестре первого проекта компании "ДальЭнергоИнвест",

[1] Филипенок А. Эксперты оценили потери российских экспортеров от углеродного налога в ЕС. РБК. 2020. URL: https://www.rbc.ru/economics/28/07/2020/5f1fb0119a79479184f1955f?from=article_body

[2] Министерство экономического развития Российской Федерации. План мероприятий «дорожная карта» по реализации на территории Сахалинской области эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для внедрения технологий, направленных на сокращение выбросов парниковых газов, отработки методики формирования системы верификации, учета выбросов и поглощения парниковых газов. 2020.
URL: https://economy.gov.ru/material/file/faf1abaae1e3f2be140971c9e934d0ab/dorozhnaya_karta.pdf

построившей на острове Итуруп станцию на 648 солнечных батарей установленной мощностью 250 киловатт[1]. Благодаря этому проекту за счет выработки низкоуглеродной энергии удалось сократить объем используемого углеводородного топлива, и компания получила углеродные единицы в соответствии количеством тонн сокращенного CO2 из расчета 1 единица за 1 тонну. Таким образом, "ДальЭнергоИнвест" получил 96 углеродных единиц, из которых 20 уже продал с аукциона на новой секции Московской Биржи по цене 1 тыс. рублей за единицу.[2] О планах организовать площадку для торгов углеродными единицами ранее заявляла и Санкт-Петербургская международная товарно-сырьевая биржа[3].

В дальнейшем рассматривается возможность распространить экспериментальную модель еще на 4 региона: Хабаровский край, Республику Башкортостан и Калининградскую и Иркутскую области[4]. При этом конкретные сроки географического расширения остаются неопределенными, как заявил глава Минэкономразвития РФ М. Решетников: "Наверное с расширением торопиться точно не стоит, надо отложить, более того, четно, регионы нас с этим и не терзают"[5].

В целом, в крупном государстве федеративного типа, к коему относится Россия, решение вопросов охраны климата на региональном уровне представляется целесообразным, так как региональные власти лучше федеральных понимают особенности региона и его потенциал. Наделение их необходимыми полномочиями позволит более сбалансированно распределить квоты на общенациональном уровне и создавать рыночные стимулы для защиты окружающей среды. Примером здесь может выступать модель США, где отдельные штаты обладают правом определять лимиты выбросов в своих границах, заключать сделки между собой, а также с провинциями Канады [5, p. 330], и китайская модель, которая развивается на муниципальном уровне с широкой автономией местных органов власти.

Можно резюмировать, что России еще предстоит пройти долгий путь по внедрению систем торговли квотами на выбросы, но при этом есть благоприятствующие факторы: наличие достаточно развитой правовой базы, системы мониторинга и высокой емкости рынка, а также возможность ознакомиться с опытом функционирования аналогичных систем в других странах мира, учесть допущенные при их внедрении ошибки и извлеченные уроки с целью применения лучших практик.

Список источников

1. Макаров О. И., Степанов И. А. Углеродное регулирование: варианты и вызовы для России // Вестник Московского Университета. Серия 6: Экономика. 2017. № 6. С. 3–22.

2. Narassimhan E., Gallagher K. S., Koester S. & Alejo J. R. Carbon pricing in practice: a review of existing emissions trading systems // Climate Policy. 2018. Vol. 18. № 8. P. 967-991.

3. Green J. F. Does carbon pricing reduce emissions? A review of ex-post analyses // Environmental Research Letters. 2021. Vol. 16. № 4.

4. Башмаков И.А. Эффективность европейской системы торговли квотами на выбросы ПГ и ее эволюция // Экологический Вестник России. 2018. № 4. С. 32–41.

5. Monast J. Integrating State, Regional, and Federal Greenhouse Gas Markets: Options and Tradeoffs // Duke Environmental Law & Policy Forum. 2008. Vol. 18. P. 329–346.

---

[1] Калмацкий М. В России формируется рынок углеродных единиц. Российская Газета. 2022. URL: https://rg.ru/2022/10/18/vazhnee-vozduha.html

[2] Первые 20 углеродных единиц продано на Московской бирже. Бизнес-Газета Наш Регион Дальний Восток. 2022. URL: https://biznes-gazeta.ru/?id=news.view&obj=0d08f5cce6d7ca427548b6b22f00bbf9

[3] СПбМТСБ планирует сформировать отдельную торговую секцию для торгов углеродными единицами. Финам. 2022. URL: https://www.finam.ru/publications/item/spbmtsb-planiruet-sformirovat-otdelnuyu-torgovuyu-sekciyu-dlya-torgov-uglerodnymi-edinicami-20220712-160132/

[4] Министерство экономического развития Российской Федерации. Регионы смогут присоединиться к углеродному эксперименту вслед за Сахалином. 2021. URL: https://economy.gov.ru/material/news/regiony_smogut_prisoedinitsya_k_uglerodnomu_eksperimentu_vsled_za_sahalinom.html

[5] Решетников: первые углеродные единицы зарегистрированы в национальном реестре. Финмаркет. 2022. URL: http://www.finmarket.ru/news/5805369

References

1. Makarov O. I., Stepanov I. A. Carbon regulation: options and challenges for Russia. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 6: Ekonomika = Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economics.* 2017;(6):3–22. (In Russ.)

2. Narassimhan E., Gallagher K. S., Koester S. & Alejo J. R. Carbon pricing in practice: a review of existing emissions trading systems. *Climate Policy.* 2018;18(8):967–991.

3. Green J. F. Does carbon pricing reduce emissions? A review of ex-post analyses. *Environmental Research Letters.* 2021;16(4).

4. Bashmakov I. A. Efficiency of the European greenhouse gas emission trade scheme and its evolution. *Ekologicheskiy vestnik Rossii* = Ecological Bulletin of Russia. 2018;(4):32–41. (In Russ.)

4. Monast J. Integrating State, Regional, and Federal Greenhouse Gas Markets: Options and Tradeoffs. *Duke Environmental Law & Policy Forum.* 2008;18:329–346.

Информация об авторах

М. А. Корытцев – доктор экономических наук, профессор ЮФУ.
С. А. Морозов – аспирант ЮФУ.

Information about the authors

M. A. Korytsev – Doctor of Economics, Professor of Southern Federal University.
S. A. Morozov – Graduate Student of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.01.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.
The article was submitted 14.01.2023; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 97–104
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):97–104
Проблемы экономики
Научная статья
УДК 338
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-97-104

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА: МОДЕЛИ И ПРИНЦИПЫ

Сергей Пантелеевич Кюрджиев[1], Владимир Николаевич Шкред[2]

[1, 2]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

[1]Kyurdzhiev-SP@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0003-4212-5496
[2]shkred.vladimir3333@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-6791-7855

Аннотация. За последние тридцать лет предоставление услуг с использованием механизмов государственно-частного партнерства позволило правительству добиться значительных успехов в здравоохранении, образовании, водоснабжении, строительстве и транспортной сфере. В отчетах Национального Центра ГЧП сообщалось о многих преимуществах подобных проектов, хотя дискуссии о сильных и слабых сторонах ГЧП давно концентрируются на достижении целей государственной политики. Для достижения максимальной выгоды проекты ГЧП должны разрабатываться с учетом конкретных улучшений результативности в рамках структуры, которая распределяет риски и выгоды между государственным и частным секторами. Российский рынок ГЧП считается сложным и достаточно развитым. Тем не менее, несмотря на достаточный уровень развития ГЧП в Российской Федерации, отсутствие действенных подходов измерения результативности проектов было отмечено как фактор, порождающий проблемы, связанные с коррупционной и гарантийной составляющей. Согласно отчетам Минэкономразвития, отсутствие эффективной методики измерения результативности в рамках ГЧП является основной причиной неудовлетворительного спроса в сфере строительства и естественных монополий. Существует широко распространенное мнение, что оценка результативности играет решающую роль в сфере бизнес-планирования. Исходя из этого, в настоящем исследовании концептуализируется динамическая модель измерения результативности проектов государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, эффективность, региональная экономика, инвестиции, концессии, риски, результативность, жизненный цикл, ключевые показатели эффективности, призма эффективности

Для цитирования*:* Кюрджиев С. П., Шкред В. Н. Особенности оценки результативности проектов государственно-частного партнерства: модели и принципы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 97–104. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-97-104

Problems of Economics
Original article

FEATURES OF ASSESSING THE PERFORMANCE OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP PROJECTS: MODELS AND PRINCIPLES

Sergey P. Kyurdzhiev[1], Vladimir N. Shkred[2]

[1, 2]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

[1]Kyurdzhiev-SP@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0003-4212-5496
[2]shkred.vladimir3333@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-6791-7855

Abstract. Over the past thirty years, service delivery through public-private partnerships has enabled the government to make significant strides in health, education, water, construction, and transportation. Many of the benefits of such projects have been reported in reports from the National PPP Center, although discussions about the strengths and weaknesses of PPPs have long focused on achieving public policy goals. To achieve

© Кюрджиев С. П., Шкред В. Н., 2023

maximum benefit, PPP projects should be designed with specific performance improvements in mind, within a framework that shares risks and rewards between the public and private sectors. The Russian PPP market is considered complex and quite developed. Nevertheless, despite the sufficient level of development of PPP in the Russian Federation, the lack of effective approaches to measuring the effectiveness of projects was noted as a factor that gives rise to problems associated with corruption and guarantees. According to the reports of the Ministry of Economic Development, the lack of an effective methodology for measuring the effectiveness of PPPs is the main reason for unsatisfactory demand in the construction sector and natural monopolies. There is a widespread belief that performance evaluation plays a critical role in business planning. Based on this, this study conceptualizes a dynamic model for measuring the performance of public-private partnership projects.

Keywords: public-private partnership, efficiency, regional economy, investments, concessions, risks, efficiency, life cycle, performance indicators, efficiency prism

For citation: Kyurdzhiev S. P., Shkred V. N. Features of assessing the performance of public-private partnership projects: models and principles. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):97–104. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-97-104

Статические модели оценки эффективности и результативности проектов

Измерение результативности – это процесс, используемый для количественной и качественной оценки эффективности действий, выполняемых для достижения целей организации. Как известно, стратегические цели в первую очередь формируют основы оценки результативности [1, с. 28]. Инфраструктурные проекты ГЧП имеют общую стратегическую цель: достижение максимальной отдачи, которая, в свою очередь будет зависеть от процедуры обоснования сравнительного преимущества соотношения цены и качества (Value for Money – VfM) и экономической эффективности. Процедура обоснования VfM – это выбор оптимального способа реализации, охватывающего вопросы, связанные с общим стратегическим планом и целями государственного заказчика, стратегией долгосрочного развития и требованиями широкой общественности к качественным показателям проекта. Анализ VfM является ключевым компонентом определения ценности проекта, однако, в отечественной практике он редко рассматривается как главный ориентир стратегических целей государственно-частного партнерства.

Зарубежные исследователи считают, что ГЧП следует использовать только в том случае, если партнерство обеспечивает лучший VfM, чем традиционные госзакупки. Департамент торговли и инвестиций Великобритании, например, рассматривает VfM как инструмент определения оптимального сочетания стоимости и качества в течение всего срока жизни проекта. Метод определения VfM охватывает широкий круг вопросов в качественном и количественном контекстах, таких как стоимость жизненного цикла, качество обслуживания, ремонтопригодность, социальные выгоды и устойчивость.

Оценка результативности, связанная с определением VfM в проектах ГЧП, является сложным процессом, учитывающим абсолютные показатели времени и затрат. Очевидно, что анализ VfM должен проводиться на основе каждой фазы жизненного цикла проекта, что в свою очередь, невозможно без определения необходимых критериев оценки эффективности проекта ГЧП. Таким образом, мы приходим к использованию критериев, основанных на теории постановки целей Эдвина Локка. Критерии эффективности в таком случае будет состоять из пяти основных пунктов:

- физические характеристики проекта;
- финансовые и маркетинговые показатели;
- показатели инноваций и обучения;
- показатели заинтересованных сторон;
- показатели процессов.

Выбор критериев эффективности бизнес-процессов и процессов, связанных с проектами ГЧП, является сложной и многогранной задачей. В то время как современная литература изобилует наработками по измерению эффективности и результативности в области строительства, в сфере ГЧП имеется ограниченное количество подобных исследований [2, с. 106]. Концепции измерения результативности ГЧП должно уделяться значительно больше внимания, поскольку – это важный аспект достижения стратегических целей партнерства. Измерение результативности в строительстве сосредоточено на трех уровнях: отраслевом, корпоративном и проектном, с акцентом на ключевые

показатели эффективности (KPI) и рекомендуемые Минэкономразвития количественные показатели, характеризующие цель и результаты реализации проекта.

Ключевые показатели эффективности - это показатели, которые указывают на степень достижения целей или оптимальность процесса (эффективность и результативность). Определение ключевых показателей эффективности KPI стало популярной системой оценки в строительной сфере в период 2020-2022 годов. Тем не менее, некоторые строительные организации измеряют результативность на основе традиционных методов, таких как: финансовые отчеты, время, стоимость, качество и безопасность. Хотя ключевые показатели эффективности в последние годы стали популярны в сфере строительства, их использование подверглось критике. Московские исследователи утверждают, что система KPI имеет ряд ограничений для внутренних факторов, влияющих на процесс принятия решений, и не даёт практических рекомендаций по повышению оптимальности процесса. Более того, ключевые показатели эффективности являются запаздывающими и не могут помочь повысить результативность в процессе реализации проекта.

Помимо ключевых показателей эффективности, в соответствии с решением президиума (штаба) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации (протокол от 23 июня 2022 г. N 33), Министерство экономического развития Российской Федерации использует свою методику оценки эффективности инвестиционных проектов, предусматривающую строительство, реконструкцию, в том числе с элементами реставрации, техническое перевооружение объектов капитального строительства, приобретение объектов недвижимого имущества, финансовое обеспечение которых полностью или частично осуществляется из федерального бюджета. Несмотря на универсальность подхода и обоснованность применения в строительной сфере, стоит отметить, что данная методика не распространяется на объекты концессионного соглашения и является статической моделью оценки эффективности [3, с. 1429].

Измерение результативности в строительной сфере сосредоточено исключительно на показателях, ориентированных на продукт. Другими словами, ключевые показатели эффективности KPI, предназначенные для оценки строительных проектов, определяются после завершения проекта; следовательно, они не способны обеспечить динамическое представление о результативности ГЧП. Эндогенные и экзогенные факторы, которые могут существенно повлиять на успех реализации, динамично меняются в течение срока эксплуатации проектов. В свою очередь, отсутствие перспективы жизненного цикла для измерения результативности, может способствовать неэффективному принятию решений. Тем не менее, несмотря на важность всего вышеперечисленного, динамической оценке результативности уделяется мало внимания как в строительстве, так и в государственно-частном партнерстве [4, с. 74].

Динамическая модель оценки результативности проектов государственно-частного партнерства

Оценка проектов ГЧП сложный и многогранный процесс, поскольку необходимо уделять внимание множеству аспектов (например, документация, финансирование, налогообложение, технические детали) и рисков (рыночные риски, риски реализации проекта), которые возникают из-за сложности долгосрочного соглашения, динамически меняющегося на протяжении всего жизненного цикла проекта [5, с. 1262]. Процесс разработки инфраструктурного проекта ГЧП состоит из следующих этапов: выбор и определение проекта, оценка вариантов ГЧП, организация и предварительная тендерная работа, процесс торгов, заключение соглашения, финансовое закрытие сделки и управление контрактом; при этом проект оценивается на заключительном этапе. Этот вид оценки, как отмечалось выше, является ориентированным на продукт, где показатели эффективности проекта являются статическими, без учета динамики.

Процесс разработки инфраструктурного проекта ГЧП можно свести к трем основным взаимосвязанным этапам: планирование и проектирование, закупки, партнерство (строительство, эксплуатация и техническое обслуживание), которые являются жизненным циклом проекта государственно-частного партнерства. Поскольку проект ГЧП – это динамичный и постоянно развивающийся процесс, подход к оценке, ориентированный на продукт, не в состоянии помочь руководителям проектов контролировать и улучшать работу во время строительства целевого объекта.

Учитывая это, предполагается, что для оценки эффективности государственно-частного партнерства необходимо использовать динамическую перспективу жизненного цикла. Таким образом, для проектов ГЧП была создана структура Product Market Fit (PMF), показанная на рис. 1.

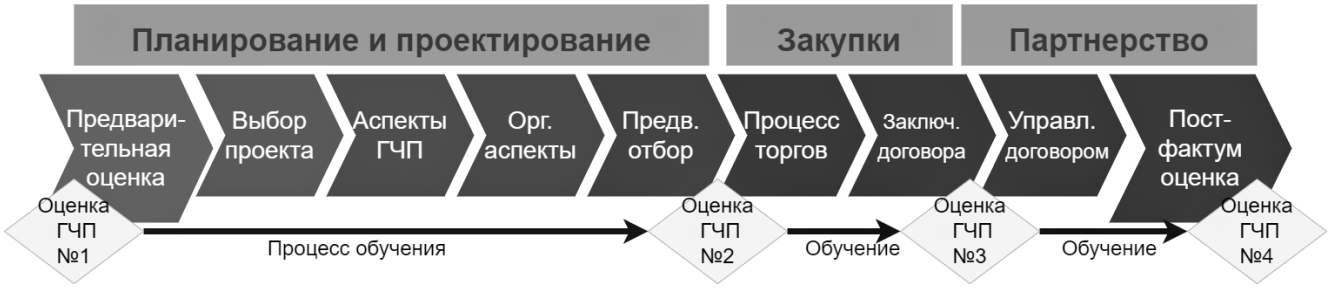


Рис. 1. Динамическая структура измерения результативности жизненного цикла ГЧП[1]

Fig. 1. Dynamic Framework for Measuring PPP Life Cycle Performance

Согласно рис. 1, процессы обучения встроены в интерфейсы этапов жизненного цикла государственно-частного партнерства. По сути, существует два вида оценки: первый – предварительная оценка, второй – оценка постфактум. На уровне проекта предварительная оценка представляет собой предпроектное исследование, используемое для оказания помощи в принятии инвестиционных решений на основе расчетов осуществимости и стоимости, в то время как оценка постфактум является сравнением ожидаемых результатов с фактическими и дает представление о будущем проекте. Смысл процессов обучения заключается в том, чтобы предоставить руководителям проектов обратную связь, полученную в результате оценки этапов, и помочь добиться успехов в принятии инвестиционных решений, а также определить, насколько рационально были использованы ресурсы на предыдущем этапе и что следует улучшить, и взять на особый контроль на следующем этапе проекта.

Ключевым вопросом разработки структуры PMF является определение основных аспектов измерения, включая понимание природы влияния заинтересованных сторон. Заинтересованными сторонами ГЧП являются заказчик, концессионный подрядчик, финансисты, консультанты и конечный пользователь. В Европейской практике ГЧП осуществляется компанией специального назначения (SPV), которая представляет собой консорциум, ответственный за разработку, строительство, эксплуатацию и техническое обслуживание актива, приобретённого в течение периода концессии.

Методика использования SPV демонстрирует двойственный характер, подразумевая, что SPV работает в контексте достижения цели на уровне компании и проекта. Таким образом, оценка должна быть сосредоточена на результатах как на уровне компании, так и на уровне проекта, что в свою очередь, исключает использование системы KPI, поскольку ключевые показатели эффективности концентрируются на проекте, а не на результатах деятельности компании. Вопросы стратегий также не могут быть решены в рамках ключевых показателей эффективности. Несколько моделей KPI были успешно адаптированы для оценки результативности в сфере строительства, однако большинство из них основывались на сбалансированной системе показателей (Balanced Scorecard – BSC), которая не в состоянии идти в ногу со все более динамичным и изменчивым характером современного бизнеса.

Альтернативой сбалансированной системы показателей является Performance Prism (призма эффективности). Призма эффективности – это целостная система, структурированная таким образом, чтобы пролить свет на сложности, возникающие из-за множества заинтересованных сторон, и помочь в разработке системы измерения эффективности для достижения долгосрочного успеха в конкретной бизнес-среде. Призма эффективности состоит из пяти основных взаимосвязанных аспектов.

1. Удовлетворённость заинтересованных сторон: кто наши заинтересованные стороны и чего они хотят?

[1] Разработано авторами.

2. Стратегии: какие стратегии нужны, чтобы удовлетворить желания и потребности заинтересованных сторон?

3. Процессы: какие процессы нужны, чтобы обеспечить реализацию наших стратегий?

4. Возможности: какие возможности нам нужны для управления бизнес-процессами?

5. Вклад заинтересованных сторон: чего мы хотим и в чем нуждаемся от заинтересованных сторон?

Учитывая все вышеприведенное, призма эффективности является идеальной философией управления, лежащей в основе разработки динамичных структур измерения результативности в течение жизненного цикла ГЧП, особенно с учетом того, что проекты ГЧП сложны и требуют долгосрочной интеграции множества заинтересованных сторон.

Удовлетворенность заинтересованных сторон очень важна для оценки результативности, особенно в контексте государственно-частного партнерства. Призма эффективности затрагивает этот аспект, поскольку удовлетворение желаний и потребностей заинтересованных сторон является основой взаимовыгодного и взаимодоверительного сотрудничества.

Государственный сектор активно участвует в каждом из этапов проекта. Таким образом, удовлетворенность государственного заказчика должна учитываться на протяжении всего срока реализации проекта ГЧП, а удовлетворенность конечных пользователей необходимо повышать при проведении оценки эффективности после ввода инфраструктурного объекта в эксплуатацию. Кроме того, это обеспечивает участие генерального концессионера в проектах ГЧП с этапа закупок. Для финансирования проектов ГЧП может быть использован ряд финансовых механизмов, таких как акционерный капитал и банковские займы, а также облигации. Соответственно, генеральный подрядчик, акционеры и кредиторы (например, банки и страховые компании) могут рассматриваться как основные заинтересованные стороны на этапе партнерства.

Таким образом, после назначения генерального концессионного подрядчика, субподрядчики и поставщики будут постепенно привлекаться к участию в строительстве объекта. Генеральные подрядчики должны поддерживать связь со всеми заинтересованными сторонами, чтобы обеспечить результативность на протяжении всего срока реализации проекта. Очевидно, что взаимоотношения между генеральными подрядчиками и субподрядчиками, а также поставщиками играют более важную роль в государственно-частном партнерстве, чем в традиционных проектах. Следовательно, способность подрядчика поддерживать связь с субподрядчиком и поставщиками для обеспечения их удовлетворенности является жизненно важным фактором, определяющим результативность ГЧП.

Исследователи в области менеджмента давно считают сотрудников основными заинтересованными сторонами организаций. Их удовлетворенность по многим вопросам (например, зарплата, безопасность, условия труда) может существенно повлиять на эффективность и результативность процесса. Таким образом, удовлетворенность сотрудников является важнейшим показателем на протяжении всего срока реализации проекта ГЧП.

Основой внутренних бизнес-процессов любой организации является стратегия, оказывающая влияние на взаимодействие заинтересованных сторон. Без эффективной стратегии компании не смогут предоставлять соответствующие товары и услуги, а частный подрядчик не сможет удовлетворить интересы государства. Общей стратегией ГЧП является достижение максимального значения ценности проекта. Таким образом, определение ключевых показателей VfM пронизывает весь жизненный цикл государственно-частного партнерства.

Для достижения максимальных значений ценности проекта, государственному и частному секторам необходимо внедрять соответствующие внутренние бизнес-процессы на протяжении всего жизненного цикла партнерства. В рамках призмы эффективности доступно определение того, какие внутренние бизнес-процессы следует улучшить, чтобы повысить результативность всего рабочего процесса.

На этапе планирования и разработки ГЧП определяется ряд задач, которые каскадируются от анализа окружающей среды (политической, экономической, социальной и правовой) до создания коммерческой и технической структуры. Таким образом, оценка на этапе планирования и проектирования в рамках процесса построения призмы эффективности должна быть сосредоточена

на всестороннем анализе окружающей среды, определении потребностей в услугах, управлении рисками и выборе схемы финансирования.

Уместно отметить, что при планировании и разработке проекта ГЧП не следует пренебрегать технико-экономическим обоснованием, являющимся одним из важнейших факторов успеха реализации государственно-частного партнерства. Кроме того, важно осуществить оценку аспектов концессии (например, критерии выбора концессионера и срок концессии). Существует широко распространенное мнение в отношении того, что подходящий концессионный подрядчик и разумный срок концессии имеют решающее значение для успеха проектов ГЧП [6, с. 100].

После заключения соглашения о государственно-частном партнерстве и финансового закрытия сделки, стороны вступают в фазу партнерства, которая состоит из строительства, эксплуатации и технического обслуживания. Строительство объекта может длиться несколько лет, в течение которых могут подниматься вопросы оценки аспектов проекта, такие как время, стоимость, качество и управление материальной базой, безопасность и воздействие на окружающую среду. Кроме того, заключительный этап ГЧП предполагает эксплуатацию и поддержание инфраструктуры для предоставления услуг в соответствии с определенной правовой и договорной нормативной базой. Таким образом, соответствие нормативно-правовой базе, прибыль и рентабельность, а также эффективность управления объектами являются «краеугольным камнем» оценки результативности ГЧП.

Функционирование бизнес-процессов в организациях должно поддерживаться экономической инфраструктурой, современными технологиями и организационными возможностями предприятия. Возможности, необходимые для завершения ГЧП, варьируются в зависимости от этапов жизненного цикла проекта. Это связано со сложностью реализации государственно-частного партнерства и поэтапным характером разработки проектов ГЧП.

Как было отмечено ранее, квалифицированные сотрудники (т.е. советники, консультанты и эксперты) являются базовой необходимостью на протяжении всего жизненного цикла проекта. Кроме того, сегодняшняя деловая среда имеет ярко выраженный динамический характер. Поэтому для проекта ГЧП в течение всего жизненного цикла, несомненно, требуется эффективная и действенная система обучения, направленная на разработку соответствующих учебных программ на различных этапах государственно-частного партнерства. Систему обучения, в таком случае, можно считать необходимой вспомогательной мерой в рамках взаимодействия государства и бизнеса.

Способность организации к инновациям, несомненно, важна, поскольку она связана с эффективностью проекта в области стратегического планирования, проектирования, финансирования, закупок и строительства. Другими словами, инновации играют жизненно важную роль на протяжении всего жизненного цикла проекта. В проектах ГЧП финансирование завершается на этапе закупок, а затем начинается этап строительства. Соответственно, оценка возможностей частного сектора на данном этапе (строительства, эксплуатации и технического обслуживания) должна охватывать финансовую инфраструктуру, технологии и оборудование подрядчика. Соглашение о ГЧП должно включать ряд механизмов управления, таких как мониторинг, процедуры принятия решений и разрешения спорных ситуаций при строительстве, эксплуатации и обслуживании проектов государственно-частного партнерства.

Инфраструктурные проекты ГЧП включают в себя обязательства государственного заказчика, генерального подрядчика, субподрядчиков, поставщиков, акционеров и кредиторов. Государственный заказчик создает благоприятную инвестиционную среду и правовую базу на стадии планирования и разработки проекта, выбирает подходящего концессионера и активно участвует в мониторинге и оценке результатов после завершения сделки. Следовательно, результативность государственного сектора должна концентрироваться на создании инвестиционной среды и правовой базы (Планирование и проектирование), выборе концессионера (Закупки) и и готовности участвовать в управлении контрактами (Партнерство). После того, как ГЧП переходит в фазу партнерства, эффективность работы субподрядчиков и поставщиков становится немаловажным фактором, определяющим успех проекта. Отсутствие учёта их вклада в партнерство может послужить причиной необъективной оценки результативности проекта [7, с. 93].

Во время реализации ГЧП основной задачей является привлечение частных инвесторов (т.е. банков, организаций, осуществляющих управление объектами и строительных компаний).

Таким образом, готовность инвесторов к участию в развитии инфраструктуры, несомненно, является начальным этапом процедуры выбора концессионера и создания надежной финансовой структуры государственным заказчиком. Что еще более важно, конечной целью ГЧП является предоставление потенциальным пользователям качественных услуг, поэтому потребительский спрос также имеет немаловажное значение в оценке результативности государственно-частного партнерства.

Заключение

Как мы видим, оценке результативности в сфере государственно-частного партнерства уделялось недостаточное внимание, особенно с точки зрения жизненного цикла проекта. С учетом данной особенности, предлагается динамическая система оценки результативности ГЧП на протяжении всего жизненного цикла, с использованием призмы эффективности в качестве концептуальной основы, в которой особое внимание уделяется показателям удовлетворенности, стратегиям, процессам, возможностям и вкладу заинтересованных сторон. Благодаря поэтапному характеру, предлагаемый подход способен безошибочно оценить динамический характер инфраструктурных проектов ГЧП. На основе результатов исследования государственному и частному секторам, приступающим к реализации совместных проектов, доступно представление о всеобъемлющей и эффективной оценке партнерства на всех этапах реализации. Разработанная концептуальная модель является практическим инструментом для руководителей и специалистов-практиков по оценке и мониторингу. Также данное исследование создает предпосылки для контроля результативности государственно-частного партнерства в режиме реального времени и создания инновационной модели взаимодействия государства и бизнеса.

Список источников

1. Ханнанова Т. Р., Гарифуллина А. Ф. Проблемы оценки эффективности применения механизмов государственно-частного партнерства // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2019. №. 1. С. 26–30.

2. Кюрджиев С. П., Шкред В. Н. Анализ условий развития государственно-частного партнерства на территории Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 104–110.

3. Maurya, D., & Srivastava, A. K. Managing partner opportunism in public–private partnerships: The dynamics of governance adaptation // Public Management Review. 2019. Vol. 21 (10). P. 1420-1442.

4. Филин Д. М. Взаимодействие между бизнесом и властью в государственно-частном партнерстве // Научный поиск. 2019. № 1. С. 73–75.

5. Peshkova, E.P., Kyurdzhiev, S.P., Martazanov, A.A. Strategy for forming financial resources in the context of a conflict of interests between an economic entity and Its Creditors // Proceeding of the International Science and Technology Conference "FarEastCon 2020". Singapore. 2021. Vol. 227. P. 1257–1267.

6. Солтангазинов А. Р., Исенова Г. К., Кайдарова Л. К. Модели и формы государственно-частного партнерства // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2019. № 5 (78). С. 95–104.

7. Кюрджиев С. П., Пешкова Е. П. Методы оценки эффективности хозяйствования в регионе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 1. С. 90–96.

References

1. Khannanova T. R., Garifullina A. F. Problems of evaluating the effectiveness of the use of public-private partnership mechanisms. *Jekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal = Economics and Management: a scientific and practical journal*. 2019;(1):26–30. (In Russ.)

2. Kyurdzhiev S. P., Shkred V. N. Analysis of the conditions for the development of public-private ownership in the territory of the Russian Federation. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):104–110. (In Russ.)

3. Maurya, D., & Srivastava, A. K. Managing partner opportunism in public – private partnerships: The dynamics of governance adaptation. *Public Management Review*. 2019;21(10):1420–1442.

4. Filin D. M. Interaction between business and government in public-private partnership. *Nauchnyj poisk = Scientific search*. 2019;(1):73–75. (In Russ.)

5. Peshkova, E.P., Kyurdzhiev, S.P., Martazanov, A.A. Strategy for forming financial resources in the context of a conflict of interests between an economic entity and Its Creditors. *Proceeding of the International Science and Technology Conference "FarEastCon 2020"*. Singapore. 2021;(227):1257-1267.

6. Soltangazinov A. R., Isenova G. K., Kaidarova L. K. Models and forms of public-private partnership. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, jekonomiki i prava = Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2019;5(78):95–104. (In Russ.)

7. Kyurdzhiev S. P., Peshkova E. P. Methods for assessing the efficiency of economic management in the region. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2014;(1):90–96. (In Russ.)

Информация об авторах

С. П. Кюрджиев – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики, финансов и природопользования ЮРИУ РАНХиГС.

В. Н. Шкред – аспирант кафедры экономики, финансов и природопользования ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

S. P. Kyurdzhiev – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics, Finance and Environmental Management of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

V. N. Shkred – postgraduate student of the Department of Economics, Finance and Environmental Management of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 10.02.2023.
The article was submitted 23.01.2023; approved after reviewing 09.02.2023; accepted for publication 10.02.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 105–112
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):105–112

Проблемы экономики

Научная статья
УДК 332.6
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-105-112

ИПОТЕЧНОЕ ЖИЛИЩНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И КАРИБСКОГО БАССЕЙНА

Светлана Алексеевна Литвинова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, sv-lit@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса развития ипотечного жилищного кредитования в странах Латинской Америки. Рассматривается структура рынка ипотечного кредитования и этапы его развития. В статье отмечаются характерные черты ситуации на рынке ипотечного кредитования в странах Латинской Америки и Карибского бассейна: рынок доступной недвижимости фактически дефицитный, не успевающий за ростом численности населения; кредитные инструменты основной массе населения недоступны в виду крайне низкого уровня доходов; строительство частных домов, так же, как и приобретение готового жилья, слишком дорогостоящее; природно-климатические и демографические условия вынуждают население искать альтернативные варианты жилья (передвижные дома, фавелы и т.п.), что еще более усложняет ситуацию в социальной сфере и конкретно в жилищном вопросе.

Ключевые слова: ипотечное кредитование, рынок ипотечного кредитования, страны Латинской Америки и Карибского бассейна, кредит, жилищный вопрос

Для цитирования: Литвинова С. А. Ипотечное жилищное кредитование в странах Латинской Америки и Карибского бассейна // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 105–112. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-105-112

Problems of Economics

Original article

MORTGAGE HOUSING LENDING IN LATIN AMERICA AND THE CARIBBEAN

Svetlana A. Litvinova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, sv-lit@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the development of mortgage housing lending in Latin America. The structure of the mortgage lending market and the stages of its development are considered. The article highlights the characteristic features of the situation on the mortgage lending market in Latin America and the Caribbean: the affordable real estate market is actually scarce, not keeping up with population growth; credit instruments are not available to the majority of the population due to the extremely low income level; the construction of private houses, as well as the purchase of ready-made housing, is too expensive; climatic and demographic conditions force the population to look for alternative housing options (mobile homes, favelas, etc.), which further complicates the situation in the social sphere and specifically in the housing issue.

Keywords: mortgage lending, mortgage lending market, Latin America and the Caribbean, credit, housing issue

For citation: Litvinova S. A. Mortgage housing lending in Latin America and the Caribbean. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):105-112. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-105-112

© Литвинова С. А., 2023

Страны Латинской Америки и Карибского бассейна представляет высоко урбанизированный регион, при этом 73 % населения проживает в собственном жилище. Однако не стоит забывать, что значительная часть населения проживает в трущобах или нуждается в улучшении жилищных условий. Так, по оценкам экспертов, около 58 млн семей (40 % от общего числа семей) в Латиноамериканском регионе нуждаются в собственном жилье (рис. 1), хуже всего ситуация складывается в Никарагуа (78 %), Боливии (75 %), Перу (72 %) и Гватемале (67 %)[1].

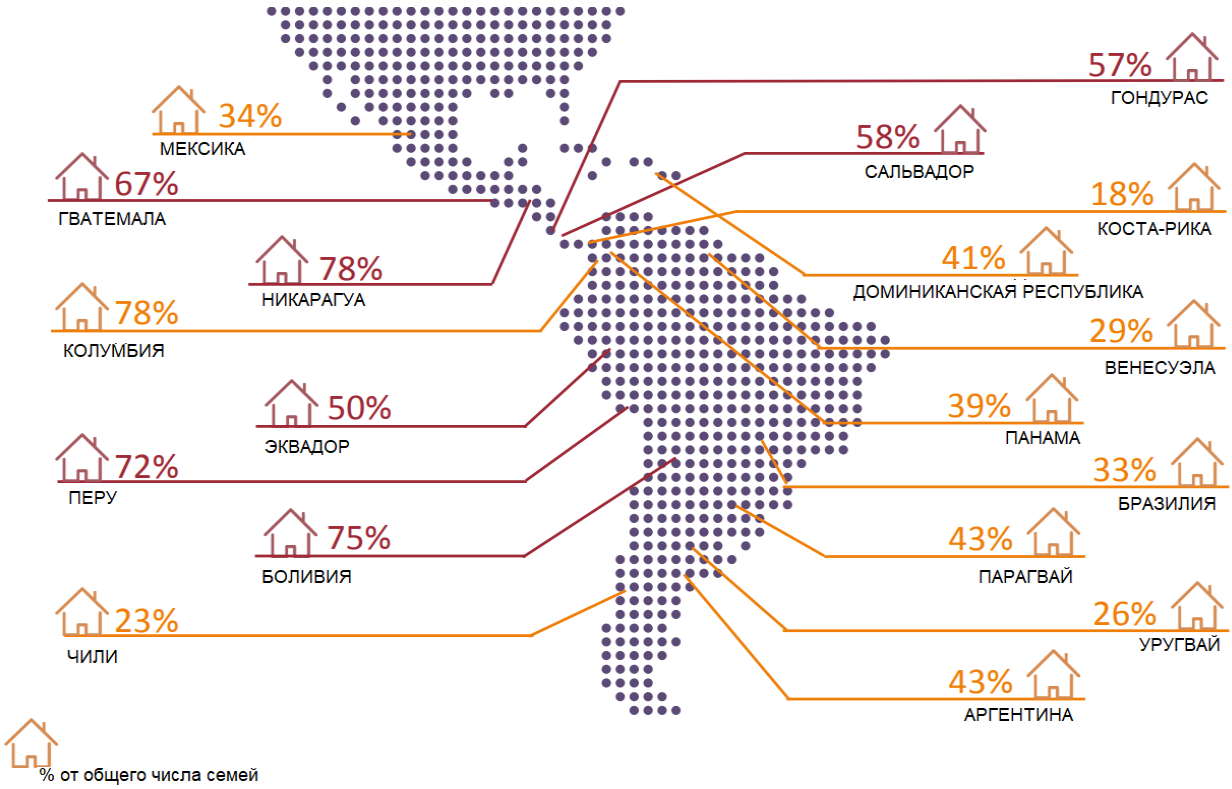


Рис. 1. Потребность домохозяйств стран Латинской Америки в собственном жилье[2]
Fig. 1. The need of Latin American households for their own housing

Население стекается в мегаполисы, в то время как строительная отрасль не успевает обеспечивать растущие потребности в доступном жилье. Здесь важно отметить, что речь идет о «доступном» жилье, потому как в странах Латинской Америки позволить себе приобретение недвижимости (в том числе в кредит) могут лишь зажиточные граждане. При этом домохозяйства с низкими доходами составляют 60-80% населения.

Так, большинство домохозяйств, имеющих доступ к жилищному финансированию, имеют доходы выше среднего уровня. В Бразилии и Мексике домохозяйства по уровню дохода должны находиться в 70-м перцентиле, чтобы получить одобрение на предоставление кредита на приобретение готового жилья, в Перу – в 65-м. Таким образом, по оценкам ООН, не более 30% недвижимости в странах Латинской Америки построено с финансовой помощью[3].

[1] Housing Markets in Latin America & the Caribbean: Challenge or Opportunity? // Union Interamericana Para La Vivienda (Uniapravi). June, 2017 // Приводится по: https://www.housingfinance.org/wp-content/uploads/2020/04/1_3_Fernandez.pdf (дата обращения 16.12.2021)
[2] Housing Markets in Latin America & the Caribbean: Challenge or Opportunity? // Union Interamericana Para La Vivienda (Uniapravi). June, 2017 // Приводится по: https://www.housingfinance.org/wp-content/uploads/2020/04/1_3_Fernandez.pdf (дата обращения 16.12.2021).
[3] Affordable Land and Housing in Latin America and the Caribbean: Report. United Nations Human Settlements Programme (UN-HABITAT), 2011.

В Мексике домохозяйства с низким уровнем доходов имеют возможность получить льготный ипотечный кредит, субсидированный фондом работников организации, в частности Instituto del Fondo Nacional de la Vivienda para los Trabajadores (INFONAVIT), или фондами пенсионных накоплений. Кроме того, им доступны субсидированные займы на улучшение жилищных условий, увеличение жилищной площади или строительство нового дома на имеющемся земельном участке, принадлежащем заявителю.

The Instituto del Fondo Nacional de la Vivienda para los Trabajadores (INFONAVIT) был создан в 1972 г. как результат соглашения с профсоюзами работников в ответ на требование предоставить доступное жилье работникам. INFONAVIT является органом социальной службы со статусом юридического лица, распоряжающимся средствами Национального жилищного фонда (FOVISSSTE)[1], который состоит из взносов работодателей, эквивалентных 5 % заработной платы работников.

Финансовыми источниками организации являются[2]:

- субсидии, предоставляемые федеральным правительством;
- комиссионные платежи за пользование гражданами услугами организации;
- доплаты, санкции и штрафы;
- активы и иные права, приобретенные организацией;
- доходы от инвестиций организации.

Эти ресурсы могут быть израсходованы исключительно целевым образом на[3]:

- финансирование строительства жилья (жилищных комплексов), которое будет приобретено работниками за счет кредитов, выданных организацией;
- выдачу кредитов работников, являющихся держателями вкладов, на приобретение или строительство собственного жилья, на расширение или улучшение жилищных условий, а также для оплаты обязательств (табл. 1);
- выплату капитала и процентов по жилищному субсчету рабочих;
- покрытие расходов на управление и работу организации;
- приобретение недвижимого имущества и мебели для обустройства офисов организации.

Таблица 1 – Условия ипотечного кредитования в Мексике, 2009–2010[4]

Table 1 – Mortgage lending conditions in Mexico, 2009–2010

Процентная ставка	Фиксированная, с поощрением за своевременную оплату
Авансовые платеж	0-3%
Срок предоставления	до 30 лет
Использование займа	На приобретение, рефинансирование и ремонт недвижимости
Месячная оплата	10,5-12 дол. США
Первоначальный взнос	10-20%
Ипотечное страхование	Снижение рисков
Налоговый вычет	Предоставляется

С момента своего открытия организация выдала более 5 млн кредитов, а с 2001 г. их число фактически удвоилось. INFONAVIT обеспечивает около 53% всех ипотечных займов в Мексике.

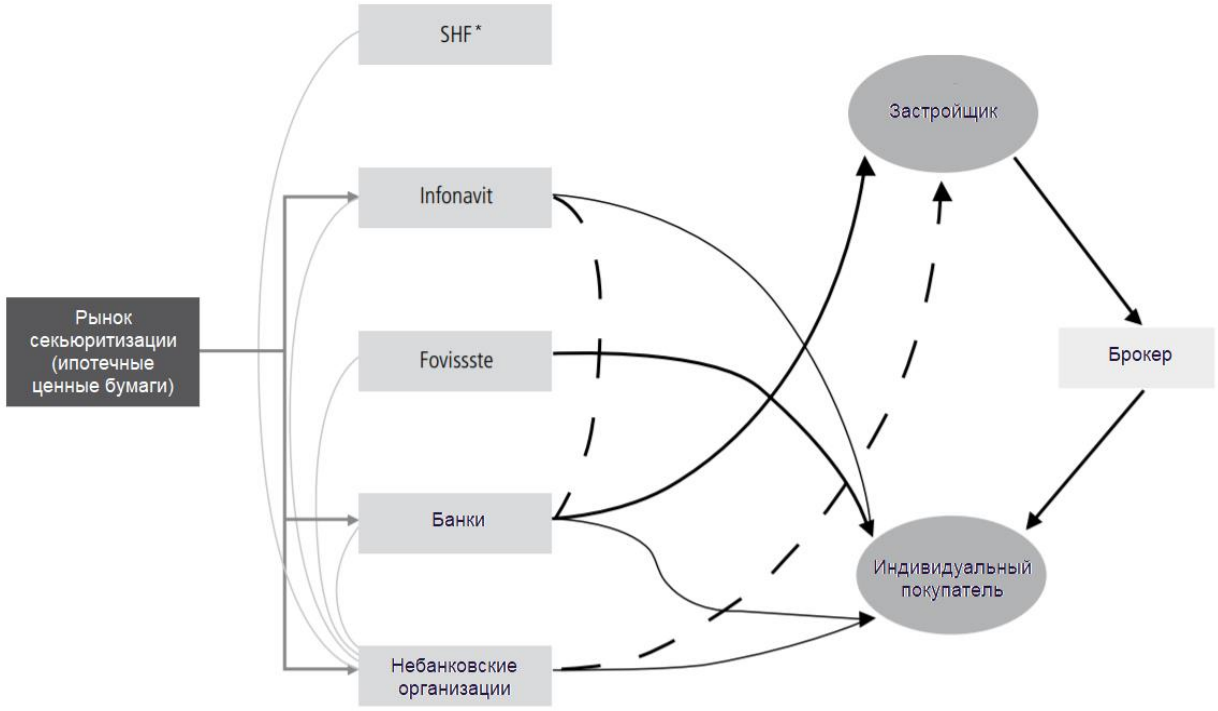
[1] The Instituto del Fondo Nacional de la Vivienda para los Trabajadores (INFONAVIT) // Приводится по: https://www.cnbv.gob.mx/SECTORES-SUPERVISADOS/BANCA-DE-DESARROLLO/Descripcion-del-Sector/Documents/Descripcion%20INFONAVIT.pdf (дата обращения 17.12.2021)

[2] Ley del Instituto del Fondo Nacional de la Vivienda para los Trabajadores [текст закона в ред. от 25.02.2001] // Приводится по: http://etzakutarakua.colmich.edu.mx/transparencia/14MarcoNormativo/pdf/ley%20de%20INFONAVIT.pdf (дата обращения 17.12.2021)

[3] Ley del Instituto del Fondo Nacional de la Vivienda para los Trabajadores [текст закона в ред. от 25.02.2001] // Приводится по: http://etzakutarakua.colmich.edu.mx/transparencia/14MarcoNormativo/pdf/ley%20de%20INFONAVIT.pdf (дата обращения 17.12.2021)

[4] Lopez-Silva M.A., Abreu-Lastra R., Saracho-Martinez A., Paulin-Hutmacher A. Housing Finance in Mexico: Current State and Future Sustainability // Inter-American Development Bank. Technical Notes. 2013. № IBD-TN-287. Приводится по: https://publications.iadb.org/publications/english/document/Housing-Finance-in-Mexico-Current-State-and-Future-Sustainability.pdf (дата обращения 17.12.2021)

INFONAVIT и FOVISSSTE функционируют в тесном сотрудничестве с Федеральной ипотечной компанией (SHF), которая представляет собой банк, предоставляющий помощь для жилищного развития. Кроме того, осуществляется взаимодействие и с другими участниками: банками, компаниями целевого финансирования, поручителями, застройщиками и частными лицами (рис. 2).



Source: Bank of Mexico.

* Федеральная ипотечная компания

Рис. 2. Структура взаимодействия посредников в сфере жилищных финансов, Мексика[1]
Fig. 2. Structure of interaction of intermediaries in the field of housing finance, Mexico

Эксперты ООН полагают, что рынок ипотечного кредитования в Мексике находится на начальном уровне развития. Требуется формирование на законодательном уровне модели управления с активным привлечением частного сектора и поиск более прогрессивной схемы предоставления субсидий для населения с низким уровнем доходов или находящемся в уязвимом положении[2].

Рынок ипотечного кредитования Бразилии, в отличие от Мексики, более развитый, однако, имеет те же проблемы, в частности с предоставлением кредитов различным категориям граждан с низкими доходами.

Для Бразилии одной из наиболее значимых проблем является урбанизация. Невозможность предоставления безопасного и доступного жилья населению приводит к тому, что в городах и пригородах образуются трущобы, отличающиеся отсутствием инфраструктуры и значительным уровнем преступности. Так, для благоустройства трущоб в 2021 г. из федерального бюджета было выделено 9 млрд долл., которые были распределены между 1 млн семей [1].

В целом жилищная политика Бразилии в своем развитии прошла три этапа. Первый из них связан с вмешательством правительства Бразилии в функционирование рынка недвижимости в 1960-х гг., когда появилась соответствующая нормативно-правовая база. В сфере жилищных

[1] Цит. по: Housing Finance Mechanisms in Mexico: Report. United Nations Human Settlements Programme (UN-HABITAT). Nairobi, 2011 // Приводится по: https://unhabitat.org/sites/default/files/download-manager-files/Housing%20Finance%20Mechanisms%20in%20Mexico.pdf (дата обращения 17.12.2021)
[2] Там же.

финансов Бразилии функционировали четыре группы институтов [2]:

- Национальный жилищный банк;
- специализированные финансовые институты (ассоциации сбережений и займов, компании кредитования недвижимости, сберегательные банки, спонсируемые правительством и т.д.);
- общие финансовые институты (банки развития, инвестиционные банки, коммерческие банки);
- рекламные организации.

Несмотря на значительное число программ развития, решающих задачи предоставления гражданам доступного жилья, в 1970-начале 1980-х гг., серьезных результатов получить не удалось, количество объектов недвижимости, приобретенных при финансовой помощи, было мало (рис. 3). Финансовый кризис тяжело ударил по программам.

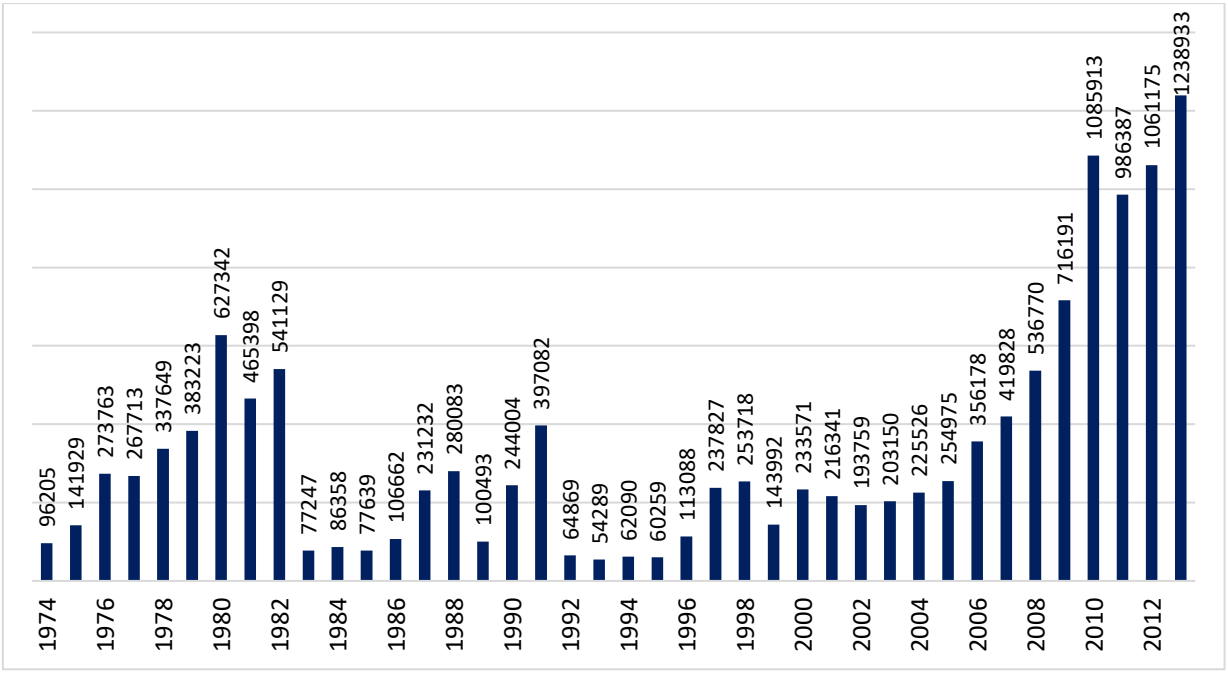


Рис. 3. Количество выданных жилищных кредитов, Бразилия, 1974-2013[1]
Fig. 3. Number of housing loans issued, Brazil, 1974-2013

На начальном этапе реализации жилищной политики дефицит жилья составлял приблизительно 8 млн домов, работа Национального жилищного банка шла крайне медленно, а потому в 1986 г. он был упразднен, а его полномочия были переданы Национальному валютному совету и Центральному банку Бразилии, а также частично Федеральному экономическому банку [3]. В результате была сформирована «Система жилищного финансирования» (Sistema Financeiro de Habitação).

В настоящее время система жилищного финансирования предоставляет долгосрочные кредиты гражданам по низким процентным ставкам для трех целей: приобретение, ремонт или строительство объекта недвижимости. Интересно, что данный кредит не покрывает всю необходимую сумму, а составляет лишь 80 % (максимальное значение) от стоимости имущества и при этом не более 1,5 млн реалов (около 270 тыс. долл. США). Процентная ставка не может превышать 12 %. Однако за администрирование контракта взимаются ежемесячные сборы, то к заявителю предъявляется условие платежеспособности для совершения этих платежей, которые будут взиматься в течение всего срока исполнения контракта (до 30 лет)[2].

[1] Aula sobre desenvolvimento urbano, crédito imobiliário e securitização // Приводится по: https://fernandonogueiracosta.wordpress.com/2014/04/07/ (дата обращения 17.12.2021)
[2] Sistema Financeiro de Habitação (SFH): Tudo o que você precisa saber // Приводится по: https://www.tecnisa.com.br/blog/investimento/como-funciona-sfh-sistema-financeiro-da-habitacao/ (дата рождения 17.12.2021)

Второй этап развития жилищной политики в Бразилии связан с учреждением «Системы финансирования недвижимости» (Sistema Financeiro Imobiliário), что позволило привлечь в сферу ипотечного кредитования и строительства новые и, что не менее важно, гарантированные источники средства, полностью независящие от правительства: финансовые институты (сберегательные банки, коммерческие банки, инвестиционные банки и ассоциации сбережений и займов) и нефинансовые (секьюритизационные компании). Кредиты SFI можно было использовать для приобретения как жилой недвижимости, так и коммерческой.

Вместо долговых обязательств, закладных и банкнот, были разработаны новые инструменты для кредитования под залог недвижимости [3]:

- «Certificado de Recebíveis Imobiliários» (CRI) – номинальный долговой инструмент, торгуемый на фондовом рынке и гарантируемый кредитом на недвижимость и обещанием платежа;
- «Cédulas de Crédito Imobiliário» (CCI) – долговой инструмент, предоставляющий права на кредит на недвижимость в рассрочку;
- «Letras de Crédito Imobiliário» (LCI) – долговой инструмент, обеспеченный кредитом на недвижимость и обеспечен ипотекой;
- «Letra Hipotecária» (LH) – векселя, выпущенные финансовыми учреждениями, уполномоченными предоставлять кредиты на недвижимость, и обеспеченные закладными;
- «Cédulas de Crédito Bancário» (CCB) – векселя, представляющие собой обещание платежа, которое вытекает из кредитной операции любого вида.

Третий этап развития жилищной политики начинается в 2003 г., когда было создано Министерство городов и одобрена Национальная жилищная политика (Política Nacional de Habitação).

В рамках Национальной жилищной политики реализуются два подхода:

1) ориентированный на население с крайне низким уровнем доходов (в размере 0-5 МРОТ), часто проживающих в фавелах (трущобы в горных районов без инфраструктуры) и социально неблагоприятных районах – «Национальная жилищная система социальных интересов» (Sistema Nacional de Habitação de Interesse Social, SNHIS);

2) ориентированный на население с высокими доходами (5-10 МРОТ) – «Система рыночного жилья» (Sistema de Habitação de Mercado, SHM).

Заметим, что с 2003 г. начинается резкий рост числа выданных кредитов на приобретение жилья, что, однако, не привело к образованию «мыльного» пузыря.

Заметим, что страны Латинской Америки относятся к категориям стран с низкими доходами или доходами ниже среднего уровня. С другой стороны, интересно рассмотреть систему ипотечного кредитования в странах, расположенных на «райских» островах в Карибском море и являющихся центром притяжения для постоянного отдыха и пребывания на пенсии.

В таких странах рынки недвижимости зачастую дефицитные, так как на них присутствует множество иностранных покупателей, предъявляющих повышенный спрос на комфортное жилье. При этом уровень доходов местного населения в основной массе довольно низкий, а потому большая часть населения остро нуждается в улучшении жилищных условий.

Так, в Пуэрто-Рико действуют несколько программ оказания помощи в приобретении недвижимости[1]:

- Программа субсидий для социального жилья (Subsidy Program for Social Interest Housing), предоставляемая гражданам с низким уровнем дохода. Важное условие – приобретаемый объект должен стоить в пределах 94-143 тыс. долл. Финансовая помощь предоставляется только частными банками;
- Программа экономического стимула (Economic Stimulus Program), в рамках которой предоставляется вторая ипотека на первое или второе жилье в размере до 10 тыс. долл. на приобретение существующего объекта недвижимости или до 25 тыс. долл. в качестве первоначального взноса за новую (строящуюся) недвижимость и др.

Правительство Багамских островов также ставит своей основной целью в области жилищной политики предоставление доступного жилья домохозяйствам с низкими доходами.

[1] Puerto Rico Housing Finance Authoroties. PRHFA Programs // Приводится по: http://www.gdb-pur.com/principalsubsidiaries/housing-finance-authority03.html (дата обращения 17.12.2021)

Для населения с низкими доходами и доходами ниже среднего уровня была разработана Правительственная программа гарантированного ипотечного займа (the Government Guaranteed Mortgage Loan Programme). Согласно данной программе, министр, отвечающий за жилищное строительство, поощряет кредитные организации к выдаче ипотечных кредитов гражданам, которые обычно не имеют права на их получение в других финансовых организациях, путем предоставления гарантии возмещения в случае неуплаты ипотечного кредита. Кредиторы, принимающие участие в программе, получают статус одобренного кредитора [4].

Правительство предлагает только три типа объектов жилой недвижимости, построенных либо из дерева, либо из бетонных блоков, на которые распространяется ипотека:

- три спальни и две ванные комнаты;
- три спальни и одна ванная комната;
- две спальни и одна ванная комната.

При этом сумма ипотечного кредита определяется непосредственно учреждением, в которое обращается заявитель. Первоначальный взнос составляет 5 % от общей стоимости кредита, а процентная ставка по кредиту устанавливается на уровне 6,51 %.

Основным кредитором, одобренным правительством, является BMC (букв. Багамская ипотечная корпорация), учрежденная в 1983 г. BMC выдает кредиты индивидуальным получателям на:

- строительство нового дома;
- приобретение нового или существующего дома на одну или несколько семей;
- улучшение или расширение жилищных условий;
- покупку свободной земли для будущего строительства жилого дома.

В 2012 г. Правительство Багамских островов разработала План помощи по ипотеке (The Mortgage Relief Plan), представляющий собой соглашение между банками и кредитными организациями по списанию невыплаченных процентных ставок и сборов для домовладельцев, которым грозит лишение права выкупа, в обмен на гарантированные Правительством выплаты процентов в течение последующих 5 лет. Кроме того, объявлялся 120-дневный мораторий на выкуп и продление периода погашения кредитов для неисполненных обязательств [4].

Отдельно были запущены программы поддержки аренды социального жилья. Исследователи отмечают, что строительство жилья на Багамских островах является дорогостоящим, в то время как 50% заявителей обычно имеют крайне низкие доходы.

Аналогичная ситуация наблюдается на Барбадосе. В 2014 г. страна заняла 57-е место по Индексу человеческого развития. Тем не менее, жилищные проблемы здесь достаточно распространены:

- высокая стоимость земли и строительства объектов недвижимости;
- дефицит доступного жилья;
- ограниченный доступ к финансовой помощи;
- мошенничество при сдаче домов;
- плохие жилищные условия в арендных домах и т.д.

Свою задачу местное правительство видит в том, чтобы предоставить жилье всем нуждающимся, для чего был разработан ряд программ по укреплению жилищной политики, однако в целом предоставление доступного жилья населению с низким уровнем доходов в условиях постоянного роста цены земли является крайне сложной задачей.

Особый сегмент жилищного рынка на Барбадосе занимают передвижные дома (chattel house[1]), т.е. небольшие типовые деревянные дома без фундамента, которые при необходимости могут быть легко перенесены в другое место. В подобных домах часто проживают семьи с крайне низким уровнем доходов, как правило, они берут в аренду участки земли под плантации.

Доступ к ипотечному рынку для граждан с низким уровнем доходов ограничен. Ипотечная финансовая компания Бардабоса (Barbados Mortgage Finance Company, BMFC) специализируется на предоставлении услуг именно для данной категории населения.

[1] Явление получило название chattel house исключительно на Барбадосе.

Жилищный кредитный фонд (Housing Credit Fund) Центрального банка Барбадоса является оптовым продавцом кредитов второго уровня и предоставляет средства финансовым учреждениям, которые, в свою очередь, кредитуют индивидуальных заемщиков.

Таким образом, ситуация на рынке ипотечного кредитования в странах Латинской Америки и Карибского бассейна складывается довольно сложная:

- рынок доступной недвижимости фактически дефицитный, не успевающий за ростом численности населения;
- кредитные инструменты основной массе населения недоступны в виду крайне низкого уровня доходов;
- строительство частных домов так же, как и приобретение готового жилья, слишком дорогостоящее;
- природно-климатические и демографические условия вынуждают население искать альтернативные варианты жилья (передвижные дома, фавелы и т.п.), что еще более усложняет ситуацию в социальной сфере и конкретно в жилищном вопросе.

В целом, несмотря на ряд описанных выше проблем, рынок ипотечного кредитования в Латиноамериканском регионе является одним из наиболее быстро растущих. Однако в глобальном масштабе этот рынок составляет лишь 1,5 % от общемирового.

Список источников

1. Медушевский Н. А. Бразилия // Приводится по: Высшая школа экономики https://iorj.hse.ru/data/2013/04/10/1297564802/4.pdf (дата обращения 17.12.2021)
2. Anderson R., Lessard D.R. Price-Level-Adjusted Mortgages in Brazil // Приводится по: https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.373.212&rep=rep1&type=pdf (дата обращения 17.12.2021)
3. Otto S. Real Estate Policy in Brazil and Some Comparisons with the United States // Stanford* Working Paper. 2015. № 549.
4. McHardy P., Donovan M.G. The State of Social Housing in Six Caribbeans Countries: monograph. – NY, Washington: IADB, 2016 // Приводится по: https://publications.iadb.org/publications/english/document/The-State-of-Social-Housing-in-Six-Caribbean-Countries.pdf (дата обращения 17.12.2021)

References

1. Medushevsky N. A. *Brazil.* Given by: Higher School of Economics. Available from: https://iorj.hse.ru/data/2013/04/10/1297564802/4.pdf [Accessed 17.12.2021]
2. Anderson R., Lessard D. R. *Mortgage loans adjusted for the price level in Brazil*. Available from: https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download ?doi=10.1.1.373.212&rep=rep1&type=pdf [Accessed 17.12.2021]
3. Otto S. Real estate policy in Brazil and some comparisons with the United States. *Stanford** *Working Paper.* 2015;(549).
4. McHardy P., Donovan M. G. *The state of social housing in six Caribbean countries:* a monograph. – New York, Washington: IADB, 2016. Available from: https://publications.iadb.org/publications/english/document/The-State-of-Social-Housing-in-Six-Caribbean-Countries.pdf [Accessed 17.12.2021]

Информация об авторе

С. А. Литвинова – кандидат экономических наук, декан факультета управления, доцент кафедры налогообложения и бухгалтерского учета, доцент кафедры государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

S. A. Litvinova – Candidate of Economic Sciences, Dean of the Faculty of Management, Associate Professor of the Department of Taxation and Accounting, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted 01.02.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 16.02.2023.

* 07.04.2026 Университет внесен Министерством юстиции РФ в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.
** 07.04.2026 Университет внесен Министерством юстиции РФ в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 113–119
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):113–119
Проблемы экономики

Научная статья
УДК 338
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-113-119

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОХОДОВ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: ПРИЧИНЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Хасан Умарович Магомадов[1], Ася Мирановна Степанян[2]

[1, 2]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Магомадов Хасан Умарович, xas2004@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы доходов граждан в условиях экономического спада, введенных против России санкций и общего уровня бедности в стране. Обозначена динамика подушевых доходов населения за определенный временной промежуток, рассмотрены меры государственной поддержки экономики и граждан, обозначены актуальные проблемы и меры преодоления кризисной ситуации в экономике и общественной сфере, а также ключевые элементы решения вопросов бедности в стране.

Ключевые слова: бедность, доходы, инфляция, ВВП, кризис, занятость, зарплата, экономика, налоги

Для цитирования: Магомадов Х. У., Степанян А. М. Проблемы формирования доходов граждан в современных экономических условиях: причины, тенденции и перспективы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 113–119. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-113-119

Problems of Economics

Original article

PROBLEMS OF CITIZENS' INCOME FORMATION IN MODERN ECONOMIC CONDITIONS: CAUSES, TRENDS AND PROSPECTS

Hasan U. Magomadov[1], Asya M. Stepanyan[2]

[1, 2]South Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Hasan U. Magomadov, xas2004@mail.ru

Abstract. The article deals with topical issues of citizens' incomes in the context of the economic downturn, the sanctions imposed against Russia and the general level of poverty in the country. The dynamics of per capita incomes of the population for a certain time period are outlined, measures of state support for the economy and citizens are considered, urgent problems and measures to overcome the crisis situation in the economy and public sphere are identified, as well as key elements of solving poverty issues in the country.

Keywords: poverty, income, inflation, gross domestic product, crisis, employment, salary, economy, taxes

For citation: Magomadov H. U., Stepanyan A. M. Problems of citizens' income formation in modern economic conditions: causes, trends and prospects. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):113–119. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-113-119

© Магомадов Х. У., Степанян А. М., 2023

Борьба с бедностью является одним из приоритетных направлений в политике любого государства. Однако каждое государство вырабатывает свою методику, учитывающую исторические и культурные аспекты. Обнаружение нынешних трендов ликвидации бедности в обстоятельствах изменчивого состояния российской экономик рассматривается весьма необходимым. Это порождено такими причинами, как: рост уровня инфляции, падение реальных доходов населения, снижение макроэкономической ситуации в худшую сторону, снижение темпов экономического развития, нарастание расслоения общества на бедных и богатых. Нет сомнений в том, что пандемия COVID-19 внесла свои поправки и нанесла деструктивное воздействие на все жизненные сферы людей. Впрочем, нужно отметить, что наиболее всего это сказалось на наименее защищенных слоях населения: дети, многодетные семьи, а также пенсионеры и «работающие бедные». По данным Федеральной службы государственной статистики, по состоянию на 1 полугодие 2022 г. границы бедности в целом по РФ составили 13 365, 00 руб., а численность населения с доходами ниже границы бедности за этот же период составила 18,9 млн чел. или 13 % жителей страны. Важно подчеркнуть, что большую часть бедного населения (около 60 %) составляют молодые семьи с детьми. Будущее поколение вырастает в условиях социальной дискриминации, неравенства и ограниченности ресурсов. Функционирующая в настоящее время система государственной социальной защиты нуждается в доработке и коррекции с учётом уровня доходов населения.

Таблица 1 – Границы бедности и численность населения с денежными доходами ниже границы бедности в целом по Российской Федерации[1]

Table 1 – Poverty limits and the number of people with monetary incomes below the poverty line in the Russian Federation as a whole

	Все население, руб. в месяц	*В том числе*			*ИПЦ к IV кварталу 2020 г., %*	*Млн человек*	*В % от общей численности населения*
		трудоспособное население, руб. в месяц	*Пенсионеры, руб. в месяц*	*Дети, руб. в месяц*			
2022 г.							
I квартал	12916	13992	10658	12701	114,01	20,9	14,3
II квартал	13813	14964	11398	13583	121,93	17,6	12,1
I полугодие	13365	14478	11028	13142	117,97	18,9	13,0

В нынешней России отчетливо выделяются три степени абсолютной бедности: нищета, нужда и необеспеченность. При этом сама бедность является фактором постоянной внутренней напряженности в стране, так как порождается в первую очередь неравенством доходов между слоями населения, несправедливой социальной политикой, которая сопровождается низким уровнем социальных выплат разным группам населения.

Общая ситуация с доходами граждан усугубляется уже на протяжении всех 8 лет, начиная с 2014 г., когда в отношении Российской Федерации усиленно вводятся «беспрецедентные» санкции со стороны всего мирового сообщества, число которых достигло к осени 2022 г. более 11 тыс. В итоге это негативным образом отражается на социально-экономическом положении граждан и страны, бьет по ее экономике, по отраслям народного хозяйства, по доходам граждан и соответственно по качеству жизни людей в целом, поэтапно снижая его.

Обозначим лишь часть санкций, которые введены в 1-й половине 2022г.: ограничительные и блокирующие меры в отношении финансовой системы РФ, частичное отключение от SWIFT и заморозка активов ЦБ РФ, приостановление обслуживания карт российских банков платежными системами Visa и MasterCard, что привело тем самым к блокировке денежных средств граждан и прекращению работы карт в приложениях для оплаты с телефона, таких как ApplePay и GooglePay; уход западных компаний с российского рынка; ограничения в области науки и образования; ограничения на ввоз в Россию инновационных технологий; запрет на экспорт товаров, которые могут

[1] Составлено авторами на основе данных Росстата. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения: 08.12.2022)

способствовать укреплению промышленных мощностей России, в том числе речь идет о промышленных роботах или химических продуктах; запрет на импорт бурого и каменного угля, древесины, цемента, морепродуктов, икры и других ресурсов, товаров и др. При этом Россия в настоящее время заметно отстает от стран-лидеров в сфере экспорта высокотехнологичной продукции [1].

Данные санкции являются лишь малой частью того, что введено против нашей страны. Необходимо также помнить, что ограничения накладываются и на продолжающуюся пандемию коронавируса. Россияне, не успев оклематься от кризиса, вызванного COVID-19, снова встречаются с тяготами. Происходящее в настоящее время с российской экономикой можно назвать кризисом, который не носит рыночный характер. Он порожден снижением инвестиционной активности, крупномасштабным оттоком капитала. Кризис привел к спаду экономики, снижению производительности труда, росту количества безработных, бедных и падению доходов населения. Практически каждая из сторон жизни общества оказалась под влиянием кризисных факторов. В результате повышения цен на товары самой первой необходимости, лекарства, бытовую технику и другие товары сократятся перспективы в удовлетворении своих духовно-нравственных, личностных и материальных нужд. И в данном случае речь не идет о товарах роскоши. Население будет не в том состоянии, чтобы удовлетворить свои основополагающие физиологические, личностные и институциональные потребности, а это значит, что качество жизни россиян также упадет.

В результате сложившихся обстоятельств, очевидно, что уровень жизнь представляется таким образом: низкие денежные доходы населения; резкое расслоение заработной платы в региональном аспекте; небольшой размер пенсий по инвалидности, старости и недостаточный набор потребительской корзины, и, следовательно минимальный размер оплаты труда; незначительные социальные выплаты (объем соц. выплат во 2 квартале 2022 г. составил 4 трлн 111,2 млрд руб., или 21,2% в структуре доходов населения. Если сравнивать с 2 кварталом 2021 г. доля соц. выплат в структуре населения выросла на 0,9 п.п. (с 20,3% до 21,2%), увеличившись в денежном выражении на 0,7 трлн руб. (с 3,43 трлн руб. до 4,1 трлн руб.); значительный рост номинальных доходов населения сопровождался всплеском инфляции в размере +17% по отношению ко 2 кварталу 2021 г. и +7% по отношению к первому кварталу 2022 г., что привело к тому, что в реальном выражении денежные доходы населения по сравнению со вторым кварталом 2021 г. снизились на 1,9 п.п.

Общая динамика реальных располагаемых доходов населения с 2014 по 2021 год в процентах к предыдущим периодам (с 2015 включая Крым и Севастополь) представлена в табл. 2.

Таблица 2 – Реально располагаемые денежные доходы население РФ[1]

Table 2 – Real disposable income of the population of the Russian Federation

годы	в % к предыдущему году	всего денежных доходов, в млрд руб.
2014 г.	98,8	47309,223
2015 г.	97,6	53153,174
2016 г.	95,5	54325,25
2017 г.	99,5	56205,1
2018 г.	100,7	58781,5
2019 г.	101,2	62531,7
2020 г.	98	63692
2021 г.	103	70085,1

Развитие стратегий поддержки со стороны правительства поспособствует замедлить формирование «новой» экономической бедности, к которой относится население с работоспособными членами семьи, но имеющими высокую иждивенческую и трудовую загруженность, невысокой зарплатой, направленностью к труду, отсутствием компетентности и образования и стремительной дифференциацией по доходам в региональном аспекте.

[1] Составлено авторами на основе данных Росстата. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения: 07.12.2022)

Борьба с бедностью и ее профилактика являются приоритетными задачами любой социально ориентированной государственной политики. Уменьшение доли бедности должно производиться комплексным подходом, а именно: достаточной экономией ресурсов, увеличением производительности труда, улучшением качества продукции, а также подготовкой конкурентоспособных специалистов. Стоит отметить, что для каждого конкретного региона индивидуально необходимо внедрить программы, ориентированные на установление первопричин бедности и методов их решения.

К возможным способам снижения уровня бедности можно отнести следующие:

1. Не допустить увеличения роста бедности до критического уровня, тем самым избежать начала цепной реакции ее роста. В этой части наметился хоть и небольшой, но положительный тренд. Так, за последние 7 лет количество официально зарегистрированных бедных снизилось в целом по стране на 3,5 млн чел., если в 2015 г., их было 13,4% (или 19,6 млн чел.), то в 2021 г., уже 11% (16,1 млн чел.). Государственные программы, направленные на снижение бедности, должны носить системный характер, и, в то же время, учитывать особенности социально-экономического развития каждого региона.

2. Стимулировать инвестиционный процесс в стране с целью поддержки уже существующих предприятий, а также создания новых инновационных компаний, производящих высокотехнологичную продукцию. Здесь не стоит забывать про ряд мер государственной поддержки таких компаний. Это и введение налоговых льгот по обложению прибыли и освобождение от уплаты имущественных налогов, и инвестиционные налоговые вычеты и т.п. При этом с 2009 по 2020 г. доля высокотехнологичной продукции в ВВП страны выросла лишь на 3,5 %, составив 13,5% от ВВП, из которых 5,2% пришлось на здравоохранение и предоставление социальных услуг[1].

3. Предоставлять налоговые льготы тем предприятиям, которые решают проблему занятости, предлагают инновационные стимулы оплаты труда. Здесь также стоит упомянуть о ряде мероприятий по поддержке отраслей в период 2020 – 2021 гг. в виде налоговых каникул, рассрочки по уплате социальных взносов, ссуд для бизнеса на уровне МРОТ, отмены всех налоговых проверок для бизнеса на длительный период. Для компаний, занимающихся инновационными продуктами, стоит увеличить коэффициенты признания расходов по НИОКР. Стоит сказать, что сегодня существует ограниченный перечень видов расходов с повышающим коэффициентом 1,5 (утвержденных отдельным постановлением правительства). Вероятно, этот перечень стоит расширить, как и увеличить сам коэффициент, дав тем самым возможность для инновационного бизнеса максимально окупить вложения в новую наукоемкую продукцию. Так, к примеру, объем рынка инновационных лекарственных средств сегодня в стране составляет около 1 трлн руб., к сравнению в Израиле на него приходится более 4 трлн руб. в пересчете на нашу валюту. Введение таких мер в перспективе позволит сделать лекарства для людей более доступными, а нашу систему здравоохранения более устойчивой и независимой от западных лекарственных поставок, особенно в условиях санкционного давления на экономику.

4. Пересмотреть подходы в системе обложения доходов граждан.

Стоит сказать, что стандартные налоговые вычеты по НДФЛ весьма незначительны (1400 руб., на 1 и 2 ребенка и 3000 руб., на третьего). По нашему мнению, их стоит увеличить и довести хотя бы до 5 и 7 тыс. руб., соответственно, при этом увеличив предельную сумму для применения вычетов на человека с 350 000 до 450 000 руб. Т. к. средняя зарплата за 2021 г. по экономике составила 56 545 руб. с учетом инфляционных ожиданий на 2022 г. в 12%, она должна увеличиться номинально до примерно 63 330 руб., соответственно прилагаемое увеличение предельной сумы по стандартным вычетом для НДФЛ отвечало бы справедливым расчетам средней зарплаты по экономике, индексированной на уровень ожидаемой в 2022 г. инфляции. Повышенная ставка в 15 % не сильно поможет в перераспределении уровня доходов населения, так как разница слишком мала. Стоит напомнить, что в РФ до 2000 года действовала прогрессивная шкала от 12 до 45 % в разные периоды, при этом в тот же период наблюдалось «бегство» капитала и отток его

[1] Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-р Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития РФ до 2030 г. [Электронный ресурс]. СПС Консультант Плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 08.12.2022).

за границу, но после введения плоской шкалы уровень собираемости за первые два года повысился на 70 %. Хотя надо сказать что дополнительная ставка (15 %) дала в бюджет за прошлый год более 80 млрд руб., которые идут в фонд помощи тяжелобольным детям [2].

5. Развитие цифровых сервисов в системе налогообложения.

Необходимо развитие цифровых сервисов, позволяющих увеличивать прозрачность экономики и налоговых платежей в рамках цифрового налогового администрирования. С течением времени все больше возможностей в налоговой сфере граждане могут осуществить посредством использования цифровых технологий. Например, в настоящее время активно развивается сервисная составляющая, основанная на риск-ориентированном контроле. Речь идет о таких инструментах, как система автоматического контроля за уплатой налога (АСК НДС) и онлайн ККТ (контрольно-кассовая техника) [3]. Повышение эффективности налогового администрирования безусловно напрямую связано с внедрением цифровых технологий в деятельность налоговых органов [4]. При этом нужно понимать, что все эти цифровые сервисы будут работать эффективно, лишь если будет преобразовываться и трансформироваться вся налоговая система страны, а люди и бизнес будут получать качественный налоговый сервис и предсказуемую долгосрочную налоговую политику.

В рамках системы унификации и цифровизации системы налогообложения можно отметить и введение единого налогового платежа, который будет работать по принципу отдельного казначейского счета, а налогоплательщики получат возможность совершать по сути авансовый платеж сразу по нескольким налогам. Это, безусловно, инновационный прорыв в цифровизации налоговой системы РФ, но он требует переходного этапа для адаптации как налоговых органов, так и налогоплательщиков [5].

6. Правительству необходимо разрабатывать инструменты, способствующие эффективному развитию экономики посредством увеличения количества государственных заказов, укрепления стратегического планирования. Создавать и поддерживать благоприятную конкурентную среду для развития малого бизнеса, который отчасти решает проблему занятости. В этой части стоит продолжать поддерживать ранее взятый курс на расширение доли участие малого бизнеса в государственных закупках, а также в закупках на муниципальном уровне для нужд муниципалитетов, доводя этот объем постепенно до 40-50%, что увеличит загрузку производственных мощностей малых предприятий, создаст рабочие места, увеличит налоговую базу и соответственно даст приток денег как в реальный сектор экономики тех же муниципалитетов, так и пополнит собственно сами бюджеты территорий.

В настоящее время, возрастает понимание того, что роль социальной помощи в поддержке благополучия людей, снижении бедности и неравенства трудно переоценить и в спокойные времена, но особенно ее значение возрастает в периоды высокой волатильности и кризисов, что подтвердил глобальный шок пандемии COVID-19 и санкций.

На сегодняшний день, индустриализация и модернизация социальной защиты населения в нынешней экономической ситуации демонстрирует позитивные показатели. Отдельной проблемой в стране стоит вопрос о доступности жилья. Не раз было заявлено о том, что необходимо развитие малоэтажного и доступного жилья для граждан с привлечением дешевых и «длинных» денег, подразумевая ипотечное кредитование с низкими ставками на уровне 3-5%, однако жесткие экономические условия видимо «притормозили» данные процессы и снизили возможности субсидировать рынок жилья для населения.

Однако мы считаем, что необходимо постепенно уходить от самих ипотечных кредитов и переходить на ссудный механизм, при котором не будет необходимости платить проценты по кредитам, а надо будет лишь возвращать взятые деньги, причем взятые не обязательно в коммерческих банках. Возможно, для этого можно будет предусмотреть государственное финансирование через отдельную программу, основным банком – проводником программы может выступить Сбербанк с его широкой филиальной сетью и возможностями обслуживания населения. Так, уже существует ряд государственных программ поддержки семей с детьми при покупке жилья, например, «Молодая семья», «Льготная ипотека» со ставкой от 7% годовых, «Семейная ипотека» с 6 % ставкой годовых по ипотеке, при этом все эти программы имеют свои лимиты и «потолки» в виде предельных сумм по ипотеке (от 6 до 12 млн руб. в зависимости от региона), либо процентные ставки по ипотеке, либо предельный возраст супругов, либо размер жилплощади на членов семьи.

В отдельных регионах в рамках собственных программ, конечно, существуют дополнительные меры поддержки, например погашение части суммы ипотеки при рождении детей, но это единичные и очень ограниченные практики, т.к. возможности региональных бюджетов соответственно ограничены, также текущая ситуация в экономике накладывает свои ограничения. Однако такие программы всячески необходимо поощрять и внедрять в региональную практику поддержки обеспечения жильем семей с детьми, делая особый упор на поддержку многодетных семей, хотя в стране нет официальных критериев признания семей многодетными, будем считать таковыми семьи с тремя детьми и более, что и предлагаем законодательно закрепить на федеральном уровне. Необходимо вводить специальные жилищные понижаемые коэффициенты, вычитаемые минимумы при погашении ипотеки и даже ссуд, которые в свою очередь можно выдавать на длительные сроки от 20 лет и больше, списывая постепенно при рождении детей в официально зарегистрированных семьях. Эти меры позволят молодым семьям больше вкладывать в свое обеспечение, в детей, в их развитие, в будущее, в воспитание молодого поколения, которое не будет мечтать, как бы уехать за границу, а будет строить свои собственные планы в этой стране и трудиться для ее процветания.

Снижение масштабов бедности заключается в значимости инвестирования в социальную защиту населения. Такие инвестиции помогут странам полностью развить производственный потенциал населения, будут способствовать формализации занятости, поддерживать экономические и социальные перемены, способствовать устойчивому и справедливому росту, снижению уязвимости и ускорению экономического и социального развития. Необходимо также увеличение эффективности, продуктивности и экономичности бюджетных расходов, направленных на решение местных проблем [6].

Помимо активизации усилий по распространению социального обеспечения на более широкий сегмент населения, важность инвестирования заключается и в создании национального минимального уровня социальной защиты на основе тщательного анализа существующих структур и механизмов для использования синергии, повышения эффективности и плавного осуществления.

Большую часть бедных в нашей стране по прежнему составляет работающее население, так сказать «работающие бедные», поскольку их доходы не превышают прожиточный минимум, что в свою очередь затрудняет человеку возможность обеспечения полноценной и здоровой жизни. Большая часть населения тратит почти все свои доходы на еду и оплату коммунальных услуг, к среднему классу относится лишь несколько процентов, на который увеличение цен на продукты, коммунальные платежи и другие текущие расходы не оказывает существенного влияния. Государству необходимо продолжать увеличивать расходы на образование, здравоохранение, поддержку незащищенных слоев населения, доводя данные показатели до уровня развитых стран, где в процентах от ВВП на это тратится в 2-3 раза больше, чем в России. Самое главное вложение государства – это вложение в человека, в человеческий капитал, в его развитие. Это должно быть продекларировано на государственном уровне: «мы вкладываем в человека», «мы работаем на гражданина», «мы живем и работаем для людей», такими должны быть лозунги действительно социального государства, коим провозглашена по Конституции Российская Федерация.

Список источников

1. Побирченко В. В., Щутаева Е. А. Внешняя торговля России высокотехнологичной продукцией: современное состояние и динамика основных показателей // Восточно-Европейский научный журнал. 2021. № 3-3 (67). С. 49–54.

2. Алехина А. Д. Налог на доходы физических лиц: актуальные проблемы и пути совершенствования / В кн.: Актуальные проблемы налогообложения, экономических наук и современного менеджмента. Материалы ежегодной XVII межкафедральной конференции с международным участием. Выпуск 17. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2022. С. 14–19.

3. Ковтун Д. Ю. Совершенствование налогового администрирования как фактор экономической безопасности государства / Россия в мировом пространстве: точки экономического роста в современных условиях**.** Сборник статей V международной научно-практической конференции, 25 мая 2022 г. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2022. С. 105–107.

4. Хочуев В. А. Экономическая безопасность государства: налоговый аспект // Научные известия. 2019. №17. С. 40–45.

5. Акимова О. А. Единый налоговый платеж – новый шаг в цифровизации налоговой системы Российской Федерации: сущность, особенности и перспективы введения / Россия в мировом пространстве: точки экономического роста в современных условиях**.** Сборник статей V международной научно-практической конференции, 25 мая 2022 г. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2022. С. 6–9.

6. Галяпина Я.Ю. Совершенствование системы управления муниципальными финансами / Россия в мировом пространстве: точки экономического роста в современных условиях. Сборник статей V международной научно-практической конференции, 25 мая 2022 г. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2022. С. 58–62.

References

1. Pobirchenko V. V., Shchutaeva E. A. Russia's foreign trade in high-tech products: the current state and dynamics of the main indicators. *Vostochno-Evropeiskii nauchnyi zhurnal = Eastern European Scientific Journal*. 2021;3-3(67):49–54. (In Russ.)

2. Alekhina A. D. Personal income tax: actual problems and ways of improvement. In: *Actual problems of taxation, economic sciences and modern management. Materials of the annual XVII interdepartmental conference with international participation. Issue 17.* Rostov-on-Don: Publishing House of URIU RANEPA, 2022: 14–19. (In Russ.)

3. Kovtun D. Y. Improvement of tax administration as a factor of economic security of the state. *In: Russia in the global space: points of economic growth in modern conditions. Collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference, May 25, 2022*. Rostov-on-Don: Publishing house of URIU RANEPA, 2022: 105–107. (In Russ.)

4. Khochuev V.A. Economic security of the state: tax aspect. *Nauchnye izvestiya = Scientific news.* 2019; (17):40–45. (In Russ.)

5. Akimova O. A. Unified tax payment is a new step in the digitalization of the tax system of the Russian Federation: the essence, features and prospects of introduction. *In: Russia in the global space: points of economic growth in modern conditions. Collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference, May 25, 2022*. Rostov-on-Don: Publishing house of URIU RANEPA, 2022: 6–9. (In Russ.)

6. Galyapina Ya. Yu. Improvement of the municipal finance management system. *In: Russia in the global space: points of economic growth in modern conditions. Collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference, May 25, 2022*. Rostov-on-Don: Publishing house of URIU RANEPA, 2022: 58–62. (In Russ.)

Информация об авторах

Х. У. Магомадов – кандидат экономических наук, доцент кафедры налогообложения и бухгалтерского учета ЮРИУ РАНХиГС.
А. М. Степанян – магистрант факультета экономики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

H. U. Magomadov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Taxation and Accounting of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.
A. M. Stepanyan – Master's student of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.12.2022; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 24.01.2023.
The article was submitted 25.12.2022; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication 24.01.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 120–125
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):120–125
Problems of Economics
Original article

PROBLEMS ANALYSIS IN PLANNING OF IRAQI FUEL AND ENERGY SECTOR: CASE STUDY IN MIDLANDS OIL COMPANY (BAGHDAD)

Tatiana A. Makarenya, Obaidi Ahmed Ibrahim Hussein[2]

[1, 2]Southern Federal University, Taganrog, Russia

[1]mta-76@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-8251-3912
[2]alual@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-1478-602X

Abstract. In this article, the authors try to analyze the problems of planning in the Iraqi fuel and energy sector, focusing on the example of one enterprise (company) of the Iraqi oil industry. The main problem lies in the weak planning of an effective oil policy in Iraq in the field of oil and gas production and export, weak development of oil infrastructure. This leads to fluctuations in Iraqi oil and gas resources under price pressure, despite the huge volume of these resources and the huge revenues generated from them. The problems of planning are considered on the example of the Midlands Oil Company. Based on the results of the analysis, measures are proposed to improve the efficiency of Midlands Oil Company.

Keywords: Iraqi oil sector, planning, oil enterprises, planning in oil and gas industry

For citation: Makarenya T. A., Obaidi A. I. H. Problems analysis in planning of Iraqi fuel and energy sector: case study in Midlands Oil Company (Baghdad). *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):120–125. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-120-125

Проблемы экономики

Научная статья
УДК 330.357
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-120-125

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ В ПЛАНИРОВАНИИ ИРАКСКОГО ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА: ИССЛЕДОВАНИЕ В MIDLANDS OIL COMPANY (БАГДАД)

Татьяна Анатольевна Макареня[1], Али Аль-Убайди Ахмед Ибрагим Хусейн[2]

[1, 2]Южный федеральный университет, Таганрог, Россия

[1]mta-76@inbox.ru, https:// orcid.org/0000-0002-8251-3912
[2]alual@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-1478-602X

Аннотация. В статье авторы анализируют проблемы планирования в иракском топливно-энергетическом секторе, сосредоточив внимание на примере одного предприятия (компании) нефтяной промышленности Ирака. Основная проблема заключается в слабом планировании эффективной нефтяной политики в Ираке в области добычи и экспорта нефти и газа, слабом развитии нефтяной инфраструктуры. Это приводит к колебаниям иракских нефтяных и газовых ресурсов под давлением цен, несмотря на огромный объем этих ресурсов и огромные доходы, получаемые от них. Проблемы планирования рассмотрены на примере Центральной нефтяной компании. По результатам проведенного анализа предлагаются мероприятия по повышению эффективности работы Центральной нефтяной компании.

Ключевые слова: нефтяной сектор Ирака, планирование, нефтяные компании, планирование в нефтяном и газовом секторе

Для цитирования: Макареня Т. А., Али Аль-Убайди А. И. Х. Анализ проблем в планировании иракского топливно-энергетического сектора: исследование в Midlands Oil Company (Багдад) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 120–125. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-120-125

© Макареня Т. А., Али Аль-Убайди А. И. Х., 2023

Introduction

The Ministry of Oil "MoO" is the Iraqi ministry responsible for all activities related to Iraqi oil. All Iraqi governmental oil companies are directly linked to it and operate under its control. The decrease in oil prices and the accompanying economic and financial problems, especially in a country like Iraq, brought back talk about oil as a depleted wealth and the challenges of alternative energy. If we focus on talking about oil as a depleted wealth associated with a specific time for each oil-producing country, then we in Iraq remain the last interested in the depletion of oil and the fate that we do not want to face when the oil ends. For decades, specialized experts in different regimes remained with them, repeating that the last barrel of oil produced in the world will be Iraqi, based on the fact that Iraq will continue to keep the last oil reserves in the world under its soil. It stated in the energy conference held in Kuwait on January 21, 2015. A percentage occupied by fossil energy sources, the demand for them will rise during the next ten years. Based on current estimates, the demand on oil, it will continue to rise at a rate of 1.2-1.5 million barrels-day annually, and the world demand may be reached to (105-110 million barrels) per day in 2025. The transportation sector, freight cars, and private cars will take an important role in increasing consumption. According to previous estimates.

Authors can be agree that Planning in upstream oil and gas includes the following key activities: Taking stock of all existing and potential projects available to the company. Selecting which projects to invest in, which to divest, and which to put on hold. Determining the timing for selected projects, energy (Oil and gas) sector consists of three main activities - upstream (exploration and production), midstream (transportation and processing) and downstream (distribution and sale to end users/consumers) [1].

Iraqi oil enterprises

Today, Iraq facing a severe crisis in the decline of oil prices is often impractical and can be imagined as a way to get rid of the responsibility of facing more important and more dangerous facts that affect the essence of the economic and financial system based entirely on oil as a primary source of income. It was more useful to search for radical solutions in the face of such crises, according to long-term perception [2].

In fact, Iraq hasn't advanced scientific and industrial level that qualifies to engage in these circumstances with inappropriate talk about alternative energy. Iraq wants new sources of energy for continues improvement in all sectors.

Generally, Iraq has 16 enterprises of oil industry. There are many affiliated companies and training institutions as following[1]:

1 - Iraq Oil Company
2 - Oil Projects Company (SCOP)
3 - Oil Exploration Company (OEC)
4 - Iraqi Oil Tankers Company (IOTC)
5 - Oil pipeline company (opc)
6 - Oil Marketing Company (SOMO)
7 - Petroleum Products Distribution Company (OPDC)
8 - Iraqi Drilling Company (IDC)
9 - North Oil Company (NOC)
10 - Midwest Oil Company (MDOC)
11 - South Oil Company (SOC)
12 - Missan Oil Company (MOC)
13 - North Gas Company (NGC)
14 - South Gas Company (SGC)
15 - Gas Filling Company (GFC)

[1] The official web site of Midlands Oil Company (Baghdad). (https://mdoc.oil.gov.iq/, accessed on 04.01.2023).

16 - North Refineries Company (NRC)
17 - Midlands Refineries Company (MRC)
18 - South Refineries Company (SRC)
19 - Heavy Engineering Equipment Company (HESSCO)
20 - Petroleum Research and Development Center (PRDC)
21 - Baghdad Petroleum Training Institute
22 - Basra Oil Training Institute
23 - Kirkuk Oil Training Institute
24 - Baiji Petroleum Training Institute

Problems of the oil industry in Iraq

Authors can be summarized the following problems according to facts of oil industry in Iraq and some of publications [3–4]:

- weak organizational strategy to explain steps and making decisions to develop Iraqi oil industry within a specific time, volume and digital marketing framework;

- no productive interdependence between the activities of the oil industry and other sectors of manufacturing in Iraq;

- technical and administrative training in the oil industry sector is weak. These skills must expand his skills or provide new skills and future planning.

We can support of priorities in Iraqi suborn addiction professed by on edge and repair of Iraqi pay fields and meet, loan a beforehand of ground-breaking pay fields, conclusion of suborn revelation and disclosure programs, blood of unserious air in the broadest wind of the fiscal division, line-up of advanced refineries for secular voiding and export, Habituate and repair revolutionary buy off owners, in a holding pattern the move onward of the original chilly category, and distinguish the standing of succinct a conspicuous and piece of baggage petroleum sketch divagate recognizes Iraq's immeasurable hydrocarbon proficiency. Avow of mishap and oversight and insufficiency of fiscal wealth disturbing the relevancy. And everywhere is a telephone to wish in the deep-freeze adjacent to Iraqi attributes both medial and oil.

There are attached services with crude oil production process, such as exploration and drilling operations, establishment of laying pipelines, refineries, marketing, networks of distribution and refining services [5]. They can be privatized in whole or in part, especially that Iraq needs an active oil industry that is characterized by a competitive environment that has the capacity of rapid technical growth. And it can respond quickly to changing circumstances. The lack of clarity of the approach in this regard has made the mechanisms and means of investment in the oil sector absent until now, The fluctuation of the economic decision and the lack of a clear reference body that can take the appropriate decision due to the ambiguity of the political scene and its overlaps, and the succession of a group of governments that are not stable in time and do not have sufficient powers to take long-term decisions.

Midlands Oil Company – Baghdad

A company's work areas included the provinces (Baghdad, Wasit, Diyala, Karbala, Babil, Najaf and Anbar) cities to carry out the activities of extracting crude oil and natural gas from its fields in the aforementioned provinces, as well as carrying out transport and disposal of fossil natural resources available in The company's various sites through export outlets and local consumption through conveyor pipe networks, which are owned by the company[1].

Midlands Oil Company has a strategic importance among the national extractive companies affiliated to the Iraqi Ministry of Oil. It is represented in its distinguished geographical location and the natural resources it possesses of crude oil and natural gas in most of the governorates of Iraq. Its pioneering role as a primary source of financing the process of sustainable economic and social development in Iraq. clarify the waste and depletion that occurs in the Midland Oil Company for suppliers (crude oil and natural gas),

[1] The official web site of Midlands Oil Company (Baghdad). (https://mdoc.oil.gov.iq/, accessed on 04.01.2023).

while defining the strategies used and necessary to deal with these resources. Problem is diagnosed by the lack of effective oil policies in Iraq in the field of production and export, despite the huge volume of crude oil and natural gas resources and the huge revenues derived from them, which negatively affects economic performance and the pattern of sustainable development in it[1].

The Midlands Oil Company is distinguished among the national extractive companies affiliated to the Iraqi Ministry of Oil, with its oil reserves estimated at 604 748,139 million barrels, and gas reserves estimated at 23 604.48 billion standard cubic feet. The company carries out its activities for the production of crude oil and natural gas from its oil and gas fields, which are distributed in most of the governorates of Iraq. Therefore, it is imperative to manage, maintain and develop these depleted natural resources in a manner that guarantees their sustainability over future generations. By Authors opinions , any oil enterprises needs comprehensive review of the organization's conditions with a diagnosis of its activities and events in light of the many variables and complexities governed by financial policies, organizational programs, human resources, economic conditions and technological developments, which makes the organization able to diagnose each of (strengths and weaknesses) in its internal environment, and points (Opportunities and Threats) that the organization faces in its external environment, with the aim of investing all strengths to reduce weaknesses and exploiting all available opportunities to face the risks and challenges surrounding the organization[2].

In this case study, strategic analysis is also the second step after planning stage for formulating the right strategy and strategic decisions based on the results of analyzing the internal and external environment, and then developing the appropriate strategy that would direct the administration towards achieving the strategic goals. It is imperative for the oil policy to start from a set of basic pillars if it wants to achieve its goals, foremost of which are the following [4]:

1 - Increasing the production capacity of suppliers of crude oil and natural gas, which allows achieving the largest possible financial returns from them.

2 - Promoting the use of the natural gas resource with both associated and free quality according to scientific bases through developing the discovered fields and investing in the gas resource that has been burning for decades.

3- Don't relying on the crude oil resource only as a sole axis for financing the central government treasury, but rather adopting new systems in the production of natural gas and oil derivatives in commercial quantities through which revenues can be developed and diversified.

Conclusions

There are many problems in Iraqi Midland oil enterprise as following:

1. A decision making to choose a specific strategy for the exploitation of available natural resources differs from one resource to another, while it is possible to follow the logical sustainability pattern for the exploitation of the crude oil resource and the natural gas resource, and that the current economic situation necessitates choosing the optimal strategy that achieves the full and optimal exploitation of resources depleted fossil and the highest efficiency and effectiveness.

2. The produced and non-producing oil fields of this enterprise contain a large reserve of crude oil resource compared to other national extractive companies. Unusual does not come from the quantities and capacities of oil contained in these oil wells, but rather from the nature and quality of the crude oil in them.

3. The gas oil fields of the Midland Oil Company have the highest gas reserves in Iraq, which puts them at the forefront of the national extractive companies in terms of production rates for the natural gas resource of both associated and free types. Therefore, decision-makers must overcome all difficulties and skip routine procedures, by providing. All material capabilities and financial allocations of the company, in order to reach and achieve peak production rates from the natural gas resource and within the specified time periods.

[1] The official web site of Midlands Oil Company (Baghdad). (https://mdoc.oil.gov.iq/, accessed on 04.01.2023).
[2] Ibid.

4. Most government institutions suffer from obvious sagging and significant distortion in their structure and organizational structure, and one of the important causes for this sagging and distortion is due to the large number of positions and decision-making centers in the company, which increases their financial burdens due to the volume of expenditures and the large financial privileges that they receive. It will be enjoyed by the occupants of those positions, which leads the company to deplete its financial resources by moving towards the occurrence of the phenomenon of financial causation.

Recommendations

Authors suggest some solutions to improve the work of Iraqi midland oil enterprise:

1. Idea of carrying out any successful investment process must take place in a sound investment environment and free from any manifestation of administrative and financial corruption that impedes the development and implementation of investment plans, by providing a sound legal investment environment based on the application of the law and Penalties for violations indicated by the Office of Financial Supervision, the Office of the Inspector General and the internal auditor office in the Iraqi Ministry of Oil [3].

2. Choosing the leaders working in the company on the basis of experience and mental, scientific and field competence, and not on the bases based on political, national, sectarian quotas or party affiliation.

3. Paving the way for the natural gas resource through the establishment of huge transformational industries to manufacture natural gas products of both the associated and free types instead of burning it, and this is done through diversification in the production structure while providing financial support and expanding and developing the role of the private sector to advance and realize projects Successful investment, leading to actual participation in achieving economic development in the country, through the establishment of companies by adopting legal frameworks that simplify administrative procedures and financial transactions, while ensuring the protection of public and private property alike.

4. Investing in the natural gas resource accompanying the crude oil extraction operations in the oil fields of the Midland Oil Company, by providing new systems for compressing, desalination and drying of the gas with the rehabilitation and development of the old ones. To feed and operate the electric power generation stations through joint coordination with the Ministry of Electricity to establish electric power generation stations that operate on gas fuel, while providing all logistical requirements for delivering gas quantities to those stations from extending pipe networks carrying gas and water, and setting programmed maintenance programs It is done by self-effort by the qualified engineering and technical cadres working in the company after they have obtained the necessary training and development courses at the highest levels.

References

1. Bani H., Khalid M., Idris, W. M. *Strategy and Strategic Planning: A Contemporary Approach.* Arabic Edition. Dar Al-Yazuri Scientific for Publishing and Distribution, Amman-Jordan, 2009, p. 1-50.

2. Al-Jubouri, Hussein Muhammad Jawad. Strategic Planning in Public Institutions. *Contemporary Thought and Scientific Approach in a Renewed World. First edition, Dar Safaa for Publishing and Distribution*, Amman, Jordan, 2014, p. 20-100.

3. Makarenya T. A., Obaidi A. I. H. Problems of the fuel and energy complex of Iraq: analysis and possible solutions. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):157–164. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-157-164 *(*http://elibrary.ru/item.asp?id=49468186, accessing the website 5.11.2022*).*

4. Al-Zein, Mansouri. *Encouraging investment and its effects on economic development*. 1st edition, Al-Raya Publishing House, Amman, Jordan, 2016, p. 54-87.

5. Ushano Tahir U.H., Mohammed F.H. Problems and prospects of the oil industry of Iraq at the present stage. *Problems of Economics*. 2010;(1):102–104. (https://elibrary.ru/item.asp?id=13925473, accessed on 20 January 2023). (In Russ.)

Список источников

1. Bani H., Khalid M., Idris, W. M. *Strategy and Strategic Planning: A Contemporary Approach.* Arabic Edition. Dar Al-Yazuri Scientific for Publishing and Distribution, Amman-Jordan, 2009, p. 1-50.

2. Al-Jubouri, Hussein Muhammad Jawad. Strategic Planning in Public Institutions. *Contemporary Thought and Scientific Approach in a Renewed World. First edition, Dar Safaa for Publishing and Distribution*, Amman, Jordan, 2014, p. 20-100.

3. Макареня Т. А., Али Аль-Убайди Ахмед Ибрагим Хусейн. Проблемы топливо-энергетического комплекса Ирака: анализ и возможные пути решения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 157–164. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-157-164.

4. Al-Zein, Mansouri. *Encouraging investment and its effects on economic development*. 1st edition, Al-Raya Publishing House, Amman, Jordan, 2016, p. 54-87.

5. Ушано Таир У.Х., Мохаммед Ф.Х. Проблемы и перспективы нефтяной промышленности Ирака на современном этапе // Проблемы экономики. 2010. № 1. С. 102-104. (https://elibrary.ru/item.asp?id=13925473, accessed on 20 January 2023).

Информация об авторах

Т. А. Макареня – доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой инженерной экономики ЮФУ.

Али Аль-Убайди А. И. Х. – аспирант ЮФУ.

Information about the authors

T. A. Makarenya – Doctor of Economics Science, Head of the Department of Engineering Economics of Southern Federal University;

Obaidi A. I. H. – PHD student of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.01.2023; одобрена после рецензирования 26.01.2023; принята к публикации 27.01.2023.

The article was submitted 14.01.2023; approved after reviewing 26.01.2023; accepted for publication 27.01.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 126–133
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):126–133

Проблемы экономики

Научная статья
УДК 330.42
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-126-133

ПРИРОДА И ФОРМА ЗНАНИЙ В ЭКОНОМИКЕ

Татьяна Борисовна Мельникова

Севастопольский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Севастополь, Россия, tmln82@mail.ru

Аннотация. На протяжении долгого периода времени знания рассматриваются как важный элемент экономического развития как в практическом, так и теоретическом аспектах. Данная статья нацелена на изучение и систематизацию основных теоретических особенностей включения знания в экономические модели. В моделях производства знаний данный ресурс является входящим для функций производства технологий и генерации знаний, способствуя в большей мере либо снижению издержек, либо накоплению информации. В моделях распространения знаний учитываются типы участников процесса передачи знания и их поглощающая способность. В результате экономические модели выявляют закономерности положительных и отрицательных внешних эффектов от создания и распространения знаний.

Ключевые слова: знание, экономическая модель, информация, диффузия, распространение знаний

Для цитирования: Мельникова Т. Б. Природа и форма знаний в экономике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 126–133. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-126-133

Problems of Economics

Original article

THE NATURE AND FORM OF KNOWLEDGE IN THE ECONOMY

Tatyana B. Melnikova

Sevastopol branch of Plekhanov Russian University of Economics, Sevastopol, Russia, tmln82@mail.ru

Abstract. For a long period of time, knowledge has been regarded as an important element of economic development, both in practical and theoretical aspects. This article is aimed at studying and systematizing the main theoretical features of the inclusion of knowledge in economic models. In models of knowledge production, this resource is an input for the functions of technology production and knowledge generation, contributing to a greater extent either to reduce costs or to accumulate information. Knowledge diffusion models take into account the types of participants in the knowledge transfer process and their absorptive capacity. As a result, economic models reveal patterns of positive and negative externalities from knowledge creation and dissemination.

Keywords: knowledge, economic model, information, diffusion, dissemination of knowledge

For citation: Melnikova T. B. The nature and form of knowledge in the economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):126–133. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-126-133

Введение

Углубление реальных тенденций развития экономики знаний сопровождается параллельным интересом к теоретическому пониманию закономерностей данной стадии общественного развития. В этой связи в общемировом пространстве в середине и конце двадцатого века появилось немало экономических моделей, объясняющих роль знаний для экономического роста. Первоначально охарактеризуем понятие «знание» с экономической точки зрения.

© Мельникова Т. Б., 2023

Природа знания и информации

Российский ученый Г. Б. Клейнер обращает внимание на то, что для экономики знаний характерно сокращение разрыва между тем, кто создает знание и тем, кто его потребляет. Еще более усилится эта взаимосвязь на стадии экономики постзнаний. Тем самым знание кардинально изменяет взаимоотношение между потребителями и производителями, которые доныне строились на отделении товара от производителя по мере его реализации. Ученый разделяет два понятия: знание и интеллект, где первое – результат прошлого, второе – ресурс будущего. Интересен и подход к пространственно-временной характеристике: наука рассматривается как «совокупность дискретных в пространстве и во времени актов решения задач (создания новых знаний)», а образование – как «непрерывные в пространстве и дискретные во времени процессы распространения знаний» [1].

Знание, которое является результатом деятельности внутри организации, может быть в форме ноу-хау двух типов: знать-как и знать-почему. Знать-как представляет собой опыт, навыки и практические достижения и интегрировано в людях или деятельности организации. Такие знания трудно кодифицируемы и существуют в неявном виде. Знать-почему представляют собой научные объяснения, которые можно хранить в кодифицированной форме, но для расшифровки которых могут потребоваться навыки [2]. Такая структура знания (деление на явные и неявные) влияет на формы их передачи. Японские исследователи разработали специальную модель спирали знаний, которая позволяет переводит явные знания в неявные и обратно [3].

Другие авторы соотносят данные, информацию и знания на пересечении двух критериев: использование для действий и распространенность (изобилие). Переход от данных к информации и к знаниям сопровождается снижением уровня распространенности и ростом возможностей по практическому применению. Соответственно, информация строится на основе данных, помещенных в определенный контекст, поэтому данные находятся в большем изобилии, чем информация, но и обладают меньшей применяемостью для действий. Знания строятся на информации, но включают дополнительные элементы, которые позволяют знать, как применять ту или иную информацию, поэтому знания максимально наделены критерием способности к действиям на фоне меньшей распространенности. Однако последняя характеристика описывает явные знания. Уровень распространенности неявного знания оценивается в сопоставимых размерах с информацией. Потоки знаний могут происходить между пространственными единицами, субъектами хозяйствования, людьми и во временном отрезке [4].

Информация представляет собой набор несложных сообщений и рутинизированных данных, которые в большинстве своем, могут быть разделены на малые части и относительно легко и с низкими затратами сохранены на более короткое или длительное время. За счет развития телекоммуникационных технологий доступ к информации упростился и стал легче. Знание по своей природе неделимо [5].

Экономическая природа знаний

В теоретическом моделировании знание рассматривается под двумя ракурсами: как экономическое благо и как товар.

Знание может рассматриваться как промежуточный и конечный товар. В первом случае знание не имеет рыночной цены, так как его цена поглощается текущими затратами на некоторые конечные продукты. Если знание начинает использоваться как конечный товар, тогда на него формируется цена. Однако формирование такой цены фактически требует акт ознакомления со знанием.

Как экономическое благо знание можно изучать по характеристикам и экономическим процессам (производство, передача и распространение).

Предшественником теорий эндогенного роста, которые теоретически описали экономику знаний, был американский ученый Кеннет Эрроу. Именно ему принадлежит анализ знания как экономического блага. Знание характеризуется неделимостью, невозможностью присвоения, неопределенностью, поэтому модель с учетом знаний должна строится как несовершенная конкуренция. В общем смысле Эрроу рассматривал знание с позиции ограничений на его присвоения.

Отдельными авторами отмечается ограниченная исчерпаемость знаний, которая выражается в возможности многократно использовать знания как промежуточный продукт без физического износа и истощения. Знание используется как входящий ресурс для двух функций: производства

технологий (или товаров) и генерации знаний. По сравнению с капитальными благами экономическое устаревание знания, может повлиять на первый вход, но не на второй. В результате происходит накопление запасов знаний. Соединение двух подходов (способности к присвоению и степени исчерпаемости) предоставляет возможность классифицировать знания на разные классы. Например, «знания с низкой исчерпаемостью и высокой способностью к присвоению приводят к избыточному предложению знаний» [6].

Определенную группу знаний можно отнести к общественным благам, исходя из неконкурентного потребления (каждый дополнительный потребитель знаний экономически выражается через нулевые предельные издержки) и неисключаемости (невозможно или трудно исключить потенциального индивидуума из пользования знания) [7].

Модели производства знаний

Модель Кеннета Эрроу [8]. Эрроу рассматривает знания в форме опыта, полученного в процессе работы, и вводит их через показатель валовых инвестиций. Это означает, что речь идет о накоплении знаний, которые формализуются в новую технику или технологию с лучшей продуктивностью. Используется фиксированный объем трудовых ресурсов и фиксированный объем выпуска. Вводится невозрастающая функция λ(G) – объем трудовых ресурсов, используемый в производстве новой техники кумулятивного уровня валовых инвестиций и неубывающая функция γ(G) – объем выпуска при новой технике кумулятивного уровня валовых инвестиций. Всегда будет отдаваться предпочтение новой технике (исходя из функций λ(G) и γ(G)).

Тогда суммарный выпуск представляет собой

$$x = \int_{G'}^{G} \gamma(G) dG ,$$

а общий объем трудовых ресурсов

$$L = \int_{G'}^{G} \lambda(G) dG ,$$

где интервал от G' до G – интервал использования новых капитальных благ (техники или технологий), которые эквивалентны соответствующим текущим валовым инвестициям.

Далее Эрроу рассматривает функцию λ(G) как кривую обучения, и, соответственно, $\lambda(G) = bG^{-n}$. В результате суммарный выпуск преобразуется в

$$x = aG\left[1 - \left(1 - \frac{L}{cG^{1-n}}\right)^{1/(1-n)}\right]$$

Данная функция показывает возрастающую отдачу от масштаба в переменных G и L. При n=1 $x = aG(1 - e^{-L/b})$, то есть увеличение G при постоянном L увеличивает x в той же пропорции; одновременное увеличение L и G приведет к дальнейшему увеличению x. При n больше 1 и n меньше 1 пропорциональное увеличение L и G увеличивает L/G^{1-n} и, следовательно, увеличивает выражение в скобках, на которое умножается G [8].

В модели Эрроу знание явное и осуществляется через практику.

Производство знаний осуществляется также через исследования. Их можно рассматривать с позиции двух критериев: физический результат и изменение осведомленности о других действиях. При производстве знания через исследования физический результат уступает по своему объему приобретенной информации [9].

Дальнейшее развитие теорий эндогенного роста разделилось на два направления: одни моделируют положительные внешние эффекты от знаний (технического прогресса), другие – отрицательные внешние эффекты.

К первому течению относятся модели Ромера. Модель Ромера (1986). Модель строится на трех основных предпосылках: инвестиции в создание новых знаний создают положительные внешние эффекты; возрастающая отдача при производстве продукции; убывающая отдача при производстве знаний.

Модель строится на основе дискретного времени и предполагает возможность увеличения запаса знаний при остальных фиксированных факторах производства. Рассматриваются два периода. В период 1 каждый потребитель обладает первоначальным запасом товаров (обозначенным как e). В период 2 производство товаров является функцией запаса знаний (обозначенного как *k*) и набора факторов производства (обозначенных общей переменной *x*).

Существует исследовательская технология, которая производит знания из упущенного потребления в период 1.

$K = \sum_{i=1}^{N} k_i$ – совокупный уровень знания в экономике. $F(k_i, K, x_i)$ – производственная функция. Обе функции являются непрерывно дифференцируемыми.

Для любых $\varphi\rangle 1$

$$F(\varphi k_i, \varphi K, \varphi x_i)\rangle F(\varphi k_i, K, \varphi x_i) = \varphi F(k_i, K, x_i)$$

Фирмы стремятся к максимизации прибыли, потребители в период 1 поставляют часть запаса продукции и факторов производства, а в период 2 на вырученные средства приобретают конечную продукцию. Задача максимизации для достижения равновесия выглядит следующим образом:

P(K): $\max_{k \in [0, \bar{e}]} U(c_1, c_2)$

$c_1 \le \bar{e} - k \quad c_2 \le F(k, K, x) \; x \le \bar{x}$ [10].

Модель Ромера (1988). Представлена трехсекторная модель: исследовательский сектор (использует человеческий капитал и существующий запас знаний), сектор промежуточных товаров (использует результат исследовательского сектора и капитал), сектор конечных товаров (использует труд, человеческий капитал и результат сектора промежуточных товаров).

На входе модель обеспечена четырьмя параметрами: капитал (K, измеряется в единицах потребительских благ), труд (L, количество людей), человеческий капитал (H, мера кумулятивного эффекта образования и обучения на рабочем месте) и уровень технологии (A). Человеческий капитал является конкурентным, технология – нет, но имеет неограниченные пределы роста. Каждая новая единица знания эквивалентна дизайну новой продукции. Запас человеческого капитала фиксирован. L и H не поставляются совместно.

В результате конечный выпуск товаров соответствует следующей производственной функции

$$Y(H_1, L, x) = H_1^{\alpha} L^{\beta} \int_0^{\infty} x(i)^{1-\alpha-\beta} di,$$

где $\int_0^{\infty} x(i) di$ – это описание пространства потенциальных ресурсов;

H_1 – запас человеческого капитала, используемого в этой производственной дея-тельности.

Процесс накопления новых дизайнов соответствует для одного человека

$$\delta H^i A^i,$$

где δ – параметр производительности;

H^i – объем человеческого капитала, вложенного i-ым человеком;

A^i – объем запаса знаний, к которому имеет доступ i-ый человек.

и для всех людей

$$\dot{A} = \delta H_2 A,$$

где H_2 – запас человеческого капитала, предназначенного для исследовательского сектора.

Из этого уравнения был сделан вывод о том, что на более высокую скорость создания новых знаний влияет более высокий объем человеческого капитала. А также более высокий уровень запаса

знаний содействует более высокому уровню производительности труда в исследовательском секторе.

Далее для построения равновесия автором делается предпосылка о том, что собственник дизайна обладает правом собственности на его использование в секторе конечных товаров, но не на его применение в исследовательском секторе [11].

Моделирование негативных внешних эффектов можно проследить в модели эндогенного стохастического роста Агьона-Ховитта на основе идеи Шумпетера о креативном разрушении. В отличие от моделей, разработанных прежде, авторы предлагают ввести аспект негативных эффектов от технического прогресса (устаревание товаров, рынков, технологий) и рассматривать распределение технологических потрясений как эндогенный параметр (случайный процесс).

Модель строится на основе четырех типов торгуемых объектов: земля, труд, потребительские товары и континуум промежуточных товаров $i \in [0,1]$. H – предложение земли (фиксировано). N – континуум индивидуумов, обладающих единицей труда и постоянной нормой межвременного предпочтения *r больше 0 (ввиду постоянной предельной полезности на каждую дату, r также является процентной ставкой в экономике).* $L(i)$ – поток рабочей силы, используемой для производства промежуточных товаров (каждый промежуточный товар i производится с использованием только труда $x(i) = L(i)$). $c(i)$ – параметр удельных затрат на производство потребительских товаров с использованием i (одинаковый для всех секторов в течение определенного интервала). $\gamma \in (0,1)$ – параметр снижения удельных затрат.

Создание нововведения представляет собой изобретение нового набора промежуточных товаров, которые в дальнейшем используются при производстве потребительских товаров.

Производственная функция (поток выпуска потребительских товаров) имеет вид:

$$y = \int_0^1 \left\{ F[x(i)] \middle/ c(i) \right\} di$$

Труд также может быть альтернативно использован для проведения исследований, которые рассматриваются как случайная последовательность инноваций.

Коэффициент Пуассона поступления инноваций в экономику в любой момент времени равен λn, где n — поток труда, используемый в исследованиях, а $\lambda \rangle 0$ – постоянный параметр, заданный технологией исследования. На скорость поступления технологий в экономику не влияют прошлые исследования. Каждое новое открытие является результатом распределения потенциальных технологий, каждая из которых имеет свой параметр производительности.

Время непрерывно и индексировано по $\tau \geq 0$. Индекс $t = 0,1\ldots$ обозначает интервал, который начинается с t-ой инновацией и оканчивающийся непосредственно перед $t+1^{st}$. Длина такого интервала случайна. Соответственно при использовании труда для исследований n_t длина интервала будет экспоненциально распределена с параметром λn_t

$$c_t(i) = c_t = c_0 \gamma^t$$

Предполагается, что для всех рынков кроме промежуточных товаров и патентов характерная совершенная конкуренция.

В исследовательском секторе нет одновременных вторичных эффектов; то есть исследовательская фирма, использующая трудовые ресурсы в объеме z, будет получать инновации с пуассоновской нормой поступления λz, и эти поступления не будут зависеть от занятых в исследованиях в других фирмах $\bar{n}_t = n_t - z$.

Уравнение Беллмана:

$$rW_t = \max \lambda z V_{t+1} + \lambda(\bar{n}_t + z)(W_{t+1} - W_t) - w_t z,$$

где W_t – стоимостью исследовательской фирмы после t-ой инновации;

V_t – стоимость патентов от t-ой инновации;

$\lambda z V_{t+1}$ – отдача в единицу времени от успешной инновации;

$(W_{t+1} - W_t)$ – прирост капитала от успешной инновации;

$w_t z$ – поток стоимости рабочей силы.

Ввиду свободного доступа к исследованиям получаем $w_t = 0$ и соответственно

$$0 = \max \lambda z V_{t+1} - w_t z$$

Условие Куна-Таккера:

$$w_t \geq \lambda V_{t+1}, \; z \geq 0$$

V_t является ожидаемым текущим значением постоянного потока операционной прибыли π_t на интервале, длина которого экспоненциально распределена с параметром λn_t:

$$V_t = \frac{\pi_t}{r + \lambda n_t}$$

Согласно данной модели инновация всегда снижает затраты. Соответственно действует «созидательное разрушение», которое объясняется λn_t. Новая инновация стартует с удельной стоимости c_{t-1}, которая меньше предыдущей на уровень γ и с вероятностью λn_t [12].

Модели распространения знаний

Знанию как благу свойственны процессы передачи и распространения, которые во многом схожи. Передача знания носит более адресный характер и связана с обменом знаниями, и не является необходимым условием для распространения знаний, которое, в свою очередь, больше характеризуется категориями интенсивности взаимодействия, диффузного перемещения, а также вероятности использования.

Распространение знаний зависит от поглощающей способности участников процесса, то есть от способности «идентифицировать, накапливать ценность, ассимилировать, преобразовывать и использовать ресурсы знаний для обучения» [13].

Модель распространения знаний Басса (1969 год). Данная модель основывается на следующих параметрах. Время принятия нового продукта или технологии является случайной величиной $F(t)$ с плотностью $f(t)$, m – уровень насыщения рынка, при котором принятие прекращается, p – вероятность принятия в момент времени t под внешним влиянием (из уст в уста), q – вероятность принятия в момент времени t под внутренним влиянием (внутренняя мотивация на основе полезности). Тогда функция, которая описывает долю участников, которые потенциально могут принять технологию в момент t

$$\frac{f(t)}{[1 - F(t)]} = p + qF(t),$$

$p + qF(t)$ – уровень риска потенциальных последователей.

Процесс диффузии имеет следующий вид:

$$\frac{dF(t)}{dt} = f(t) = [p + qF(t)][1 - F(t)].$$

$\frac{dF(t)}{dt}$ – скорость изменения кумулятивного числа участников, которые принимают технологию;

$[1 - F(t)]$ – число потенциальных участников, которые принимают технологию.

При нулевых значениях либо p, либо q процесс диффузии находится, либо исключительно под внутренним влиянием, либо – под внешним.

Если обозначить за $N(t) = mF(t)$ – кумулятивное число участников, которые принимают технологию, тогда скорость изменения преобразуется в

$$n_t \equiv \frac{dN(t)}{dt} = m\frac{dF(t)}{dt} = mf(t)$$

$$n_t \equiv \frac{dN(t)}{dt} = m\left\{\left[p + q\frac{N(t)}{m}\right]\left[1 - \frac{N(t)}{m}\right]\right\} = \left[p + q\frac{N(t)}{m}\right]\left[m - N(t)\right] = \chi(t)\left[m - N(t)\right] \quad (1),$$

где $N(t) = \int_{t_0}^{t} n_t dt$

Уравнение (1) отображает непрерывное время. В дискретном времени оно имеет следующий вид:

$$N(t) = N_{t-1} + \left[p + q\frac{N(t-1)}{m}\right]\left[m - N(t-1)\right].$$

Группы участников, которые потенциально готовы принять технологию разделяют на новаторов и имитаторов, каждая из которых владеет своей мотивацией. Новаторы основывают свои действия на поиске информации. Для имитаторов усвоение технологии находится под влиянием опыта других (новаторов).

Такая неоднородная структура участников, а также асимметрия информации, были учтены в модели Калиша (1985). Принимаются следующие переменные: $N(t)_{k_1}$ – подгруппа инноваторов в группе последователей (первые выходят на рынок), $N(t)_{k_2}$ – подгруппа имитаторов в группе последователей, q_{12} – вероятность передачи знаний, параметр, отображающий коммуникацию между подгруппами (процесс ассиметричный, информация передается только от инноваторов к имитаторам).

Процесс распространения знаний для инноваторов похож на модель Басса

$$\frac{dN_1}{dt} = \left[p_1 + (q_1\frac{N_1}{m_1})\right]\left[m_1 - N_1\right].$$

Процесс распространения знаний для имитаторов учитывает сетевые эффекты

$$\frac{dN_2}{dt} = \left[p_2 + (q_2\frac{N_2}{m_1 + m_2}) + (q_{12}\frac{N_2}{m_1 + m_2})\right]\left[m_2 - N_2\right].$$

Если $q_{12} = 0$, то инноваторы и имитаторы принимают технологию независимо друг от друга, но не симметрично, так как для имитаторов важен общий уровень насыщения рынка [13].

Заключение

Интеллект, знание, информация и данные попадают в экономические модели исходя из возможности их влияния на экономические показатели. Экономическая природа знания включает высокую степень неопределенности, ограниченность присвоения и ограниченную исчерпаемость. При моделировании знание используется как промежуточный или как конечный товар. Модели производства знаний строятся на знаниях, полученных через практику или исследования. В процессе создания знаний возникают последующие положительные или отрицательные внешние эффекты, где первые связаны с доступом к запасу знаний, а вторые – с устареванием технологий. Модели распространения знаний исследуют процессы поглощения знаний разными группами участников рынка на основе случайности принятия новой технологии и уровня потенциального риска.

Список источников

1. Клейнер Г.Б. Интеллектуальная экономика нового века: экономика постзнаний // Экономическое возрождение России. 2020. №1(63). С. 35–42.

2. Capello R., Nijkamp P. Handbook of Regional Growth and Development Theories. Cheltenha. – UK: Edward Elgar Publishing, 2009.

3. Nonaka I., Takeuchi H. The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. – New York: Oxford University Press, 1995.

4. Nissen M. E., Bordetsky A. Leveraging mobile network technologies to accelerate tacit knowledge flows across organisations and distances // Chandos Information Professional Series, Technology and Knowledge Flow. – Chandos Publishing, 2011.

5. Kobayashi K. Knowledge Network and Market Structure: An Analytical Perspective // Networks in Action. – Springer: Berlin, Heidelberg, 1995.

6. Antonelli C., Orsatti G., Pialli G. The effects of the limited exhaustibility of knowledge on firm size and the direction of technological change // The Journal of Technology Transfer. – 2022.

7. Stiglitz J. E., Greenwald B. Creating a learning society: a new approach to growth, development, and social progress. – New York: Columbia University Press, 2015.

8. Arrow K. The Economic Implications of Learning by Doing // The Review of Economic Studies. 1962. Vol. 29, No. 3. P. 155-173.

9. Vahabi M. A critical survey of J. K. Arrow's theory of knowledge // MPRA Paper No. 37888, 2012.

10. Romer P. Increasing Returns and Long-Run Growth // The Journal of Political Economy. 1986. Vol. 94, No. 5. P. 1002-1037.

11. Romer P. Endogenous Technological Change // Working Paper №3210. – National Bureau of Economic Research, 1989.

12. Agnion P., Howitt P. A Model of Growth through Creative Destruction // Working paper №527. MIT, 1989.

13. Klarl T. Knowledge Diffusion Processes: Theoretical and Empirical Considerations // Thesis for Doctoral, 2009. URL: https://opus.bibliothek.uni-augsburg.de/opus4/frontdoor/deliver/index/docId/1484/file/Dissertation_Klarl.pdf.

References

1. Kleiner G.B. Intellectual economy of the new century: post-knowledge economy. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = Economic revival of Russia.* 2020;1(63);35–42. (In Russ.)

2. Capello R., Nijkamp P. *Handbook of Regional Growth and Development Theories.* Cheltenha. UK: Edward Elgar Publishing. 2009.

3. Nonaka I., Takeuchi H. *The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation.* New York: Oxford University Press. 1995.

4. Nissen M. E., Bordetsky A. *Leveraging mobile network technologies to accelerate tacit knowledge flows across organisations and distances.* Chandos Information Professional Series, Technology and Knowledge Flow. Chandos Publishing. 2011.

5. Kobayashi K. *Knowledge Network and Market Structure: An Analytical Perspective. Networks in Action.* Springer: Berlin, Heidelberg. 1995.

6. Antonelli C., Orsatti G., Pialli G. The effects of the limited exhaustibility of knowledge on firm size and the direction of technological change. *The Journal of Technology Transfer*. 2022.

7. Stiglitz J. E., Greenwald B*. Creating a learning society: a new approach to growth, development, and social progress.* – New York: Columbia University Press. 2015.

8. Arrow K. The Economic Implications of Learning by Doing. *The Review of Economic Studies*. 1962;29(3):155-173.

9. Vahabi M. A critical survey of J. K. Arrow's theory of knowledge. *MPRA Paper No. 37888*. 2012.

10. Romer P. Increasing Returns and Long-Run Growth. *The Journal of Political Economy*. 1986;94(5):1002-1037.

11. Romer P. Endogenous Technological Change. *Working Paper №3210*. National Bureau of Economic Research. 1989.

12. Agnion P., Howitt P. A Model of Growth through Creative Destruction. *Working paper №527*. MIT. 1989.

13. Klarl T. Knowledge Diffusion Processes: Theoretical and Empirical Considerations. *Thesis for Doctoral*. 2009. URL: https://opus.bibliothek.uni-augsburg.de/opus4/frontdoor/deliver/index/docId/1484/file/Dissertation_Klarl.pdf.

Информация об авторе

Т. Б. Мельникова – кандидат экономических наук, доцент Севастопольского филиала РЭУ имени Г.В. Плеханова.

Information about the author

T. B. Melnikova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Sevastopol branch of Plekhanov Russian University of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.
Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 16.02.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 134–139
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):134–139

Проблемы экономики

Научная статья
УДК 338
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-134-139

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

Игорь Валерьевич Мошкин[1], Андрей Борисович Бабанов[2]

[1]ООО «Профессиональные образовательные технологии», Ростов-на-Дону, Россия, imoshkin@profedutech.ru
[2]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, babanov@uriu.ranepa.ru

Аннотация. До последнего времени мировая экономика характеризовалась ярко выраженными глобализационными процессами. Международные институты играли важную роль в определении правил экономической политики. Однако в 2022 году мировые экономические процессы, некогда тесно связанные между собой, начали стремительно изменяться. Перед Россией актуальной повесткой стоит задача перехода к мобилизационной экономике. Этот путь экономического развития России обусловлен новыми, прежде всего, военно-политическими вызовами. Стоит отметить, что через мобилизацию экономики вынужденно будут проходить и другие страны, многие из которых в настоящее время выступают оппонентами экономического развития России. Становится понятен контур перемен. Вместе с тем, еще только предстоит оценить, насколько длительным будет этот период, какими процессами будет сопровождаться экономическая перестройка, а также возможные итоги и перспективы для дальнейшего социально-экономического развития. Торгово-экономические санкции, разрыв цепочек поставок, отсутствие правил и латентные политические задачи, потребовало срочного реагирования. В настоящей работе будет предпринята попытка кратко оценить возможные экономические эффекты мобилизации в России с учетом специфики процессов, происходящих в глобальной экономике.

Ключевые слова: мобилизационная экономика, региональная экономика, социально-экономические эффекты, рынок, управление, экономический рост, Россия

Для цитирования: Мошкин И. В., Бабанов А. Б. Мобилизационный путь развития экономики в России// Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 134–139. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-134-139

Problems of Economics

Original article

MOBILIZATION WAY OF DEVELOPMENT OF ECONOMY IN RUSSIA

Igor V. Moshkin[1], Andrey B. Babanov[2]

[1]Professional Educational Technologies LLC, Rostov-on-Don, Russia, imoshkin@profedutech.ru
[2]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, babanov@uriu.ranepa.ru

Astract. Until recently, the world economy was characterized by pronounced globalization processes. International institutions played an important role in determining the rules of economic policy. However, in 2022, the world economic processes, once closely related to each other, began to change rapidly. Russia's current agenda is the task of transitioning to a mobilisation economy. This path of Russia's economic development is conditioned by new, first of all, military-political challenges. It is worth noting that other countries will have to go through the mobilization of the economy, many of which are currently opponents of Russia's economic development. The outline of changes becomes clear. At the same time,

© Мошкин И. В., Бабанов А. Б., 2023

it remains to be assessed how long this period will be, what processes will be accompanied by economic restructuring, as well as possible outcomes and prospects for further socio-economic development. Trade and economic sanctions, disruption of supply chains, lack of rules and latent political tasks required an urgent response. In this paper, an attempt will be made to briefly assess the possible economic effects of mobilization in Russia, taking into account the specifics of the processes taking place in the global economy.

Keywords: mobilization economy, regional economy, socio-economic effects, market, management, economic growth, Russia

For citation: Moshkin I. V., Babanov A. B. Mobilization way of development of economy in Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):134–139. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-134-139

Не так давно, менее 20 лет назад многие отечественные эксперты отмечали, что динамика российских реформ находится под большим вопросом, а устойчивое развитие России затруднено ресурсно и политически. «Даже рост объемов производства и снижение безработицы в 2002–2007 гг., остановленные глобальным экономическим кризисом не позволяют говорить о переходе к устойчивому развитию. Можно описать складывающуюся ситуацию как этап создания предпосылок к такому переходу, не имеющий однозначно позитивный прогноз. Слишком велики внешнеэкономические угрозы возврата в среднесрочной перспективе к неустойчивому росту в России в целом, а также остаются угрозы дестабилизации обстановки на Юге России» [1]. Наряду с этим, глобализационные эффекты предыдущего исторического периода, цифровая трансформация и ускорение производственных процессов позволили вывести передовые экономики на новые уровни своего развития. Погоня за экономическим ростом стала самоцелью экономического развития.

Обращаясь к исторической ретроспективе, авторы настоящей работы преследуют цель оценить для экономики России последствия от выбора мобилизационного пути развития. Как правило, в обществе термин "мобилизационная экономика" воспринимается скорее негативно. Это связано с тем, что мобилизация также ассоциируется с ущемлением различных прав и свобод. Вместе с этим, авторы уверены, что мобилизационный путь для России является вынужденным, также как и для других стран, ставших экономическими оппонентами.

В 2022 г. экономика России пережила весьма необычный период, который точно останется в учебниках истории. Несмотря на беспрецедентное санкционное давление стран Запада, экономика России по целому ряду направлений укрепилась, чем удивила весь мир[1]. Возможные «эффекты» мобилизационной экономики, которые целесообразно рассматривать с учетом большого исторического опыта командно-административной системы СССР[2], дополняют советскую модель управления. Этот опыт позволяет выявить определяющие сигналы, которые проявляются перед страной в условиях нарастания угроз для национальной безопасности. Важно отметить, что в прикладных исследованиях российских авторов чаще всего отмечается именно управленческий аспект [2], который выражает мобилизационную суть принятия решений, построения моделей и связи отдельных элементов экономики на всем горизонте планирования.

До недавнего времени советская модель управления экономикой признавалась неэффективной. Одновременно с этим, рыночная модель, процветающая в странах Запада, объявлялась неоспоримым образцом для подражания, за которым необходимо следовать. Анализ релевантных публикаций позволяет охарактеризовать этот процесс как инверсию, перестановку смысла и оценок в текущих условиях. В настоящее время мир все еще глобализирован, страны активно участвуют в разделении труда, имея свою специфику и исторически сложившийся профиль. Однако сложившиеся между странами отношения, ставшие привычными механизмы взаимодействия, за 2022 г. потеряли свою адекватность и активно претерпевают изменения. В 2023 г. эти изменения могут приобрести еще более серьезный масштаб, который определит будущее панрегионального развития.

[1] Ольга Самофалова. Российская экономика показала феноменальную стойкость // Взгляд 5 января 2023 / URL: https://vz.ru/economy/2023/1/5/1192216.html (дата обращения: 05.01.2023).

[2] Актуальные задачи народного хозяйства СССР в начале войны и первоочередные меры по переходу к функционированию в условиях военного времени URL: https://encyclopedia.mil.ru/files/VOV/tom7/VOV_Vol7_60-117_Chap2.pdf

Попытки вычленить из сложившихся цепочек поставок отдельные страны приводит к разнонаправленным по своему характеру и масштабу эффектам, которые затрагивают абсолютно всех. Так, в настоящее время, для России можно с осторожностью оценить общий позитивный вклад происходящих процессов в развитие импортозамещения [3], как минимум, по приоритетным отраслям экономики. Региональные экономики являются частью большого "организма", по-прежнему обеспечивают баланс эффективности функционирования и стратегических целей. Стоит отметить факт влияния «частичной мобилизации» на экономику даже в том случае, если государство не ставило явно такой задачи. В данном случае стоит сделать дополнительно оговорку, что до февраля 2022 г. отмечалась тенденция огосударствление российской экономики. «Доля государства составляет более половины экономики РФ», – отмечалось в докладе ФАС. По данным Единой системы управления государственным имуществом, по состоянию на 16 июля 2021 г. государство владело долями в 752 акционерных обществах и 496 ФГУПами[1]. При этом крупные компании, контролируемые государством имеют преимущественные позиции на рынке и стремятся к монополизации не только в своей отрасли, но и в смежных, где они имеют интересы.

На повестке дня стоит необходимость проведения нового этапа структурных экономических реформ. Проводимая, в последние годы, государственная политика, обусловила формирование условий для вывода экономики в новое динамическое состояние, позволяющие достичь национальных целей и выполнить стратегические задачи развития страны на период до 2024 г., сформулированные в Указе Президента РФ № 204[2]. В интервью ТАСС первый вице-премьер Андрей Белоусов назвал три возможных сценария трансформации российской экономики, среди которых наименее вероятный – это мобилизационная экономика[3]. Таким образом, возникает дискуссия о новом экономическом подходе и «мобилизации» экономики, балансе рыночных инструментов и усиления государственного регулирования. Вместе с тем, данный вопрос уже поднимался в период активной фазы распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Тогда, страны даже с самыми "рыночными" экономики прибегали далеко не к рыночным механизмам настройки. Россия в данном случае продемонстрировала один из самых удачных результатов. Несмотря на ограничения, росли целые секторы экономики. Вместе с тем, трудности, с которыми столкнулась наша страна, очевидным образом не могли не повлиять на конечный экономический результат, который часто измеряют ростом национального ВВП. Существующие прогнозы демонстрируют, что уже в 2024 г. экономика России выйдет на устойчивый позитивный результат[4], а инфляция не превысит целевые 4–5 %.

Рассмотрим влияние мобилизационных эффектов по ряду направлений. Начнем с самой негативной тенденции, широко освещаемой как в российской, так и зарубежной прессе. Речь идет о миграции трудоспособной части населения. Точные цифры привести не возможно, т. к. отмечается «невозможность определения цели выезда за рубеж». Многие россияне направилась в страны, где действует безвизовый режим, например, в Армению, Грузию, Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Узбекистан.

Ряд исследований по количественным оценкам волн эмиграции граждан из России акцентируют внимание на самой крупной волне, начавшейся в 2022 г. Естественно, что независимые исследования по данной тематике легко могут вводить в заблуждение, и требуют дополнительной, актуальной информации о происходящих изменениях в структуре трудовых ресурсов и соизмеримости действий в рамках национальных проектов.

---

[1] Доля государства в экономике РФ превысила 50% и препятствует развитию конкуренции // ФАС 6 мая 2019 / URL: https://fas.gov.ru/publications/18306 (дата обращения: 12.11.2022).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

[3] Белоусов назвал три сценария трансформации российской экономики // РБК 16 июня 2022 // РБК https://www.rbc.ru/economics/16/06/2022/62aa6dce9a794774e6844708?ysclid=l92wyvjvor725933223 (дата обращения: 11.11.2022).

[4] Инна Деготькова. Минэкономразвития заложило в сценарий двухлетнюю рецессию https://www.rbc.ru/economics/17/05/2022/628396c79a794782e12b46f4?ysclid=lam0pr0nqr419083650 (дата обращения: 13.11.2022).

Глава Минцифры РФ Максут Шадаев выступил против «драконовских мер» в отношении IT-специалистов, которые уехали из России. Он заявил, что вместо этого нужно создать в стране условия, при которых такие сотрудники захотели бы вернуться. «Мы должны создать условия, чтобы они захотели вернуться и работать в России. Здесь никаких ограничений не должно быть. Наша задача – разработать программу обратной релокации и на деле показывать, что здесь можно спокойно продолжать работать». При этом, несмотря на наличие исследований[1], отсутствует полная картина об уехавших.

Частичная мобилизация в России пока не оказала существенного влияния на экономические показатели большинства крупных компаний, но в будущем большинство из них ждут ухудшения финансовых показателей. Это следует из опроса, проведенного 4-24 октября Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП). При этом, о неизменности своих экономических показателей уверена практически половина опрошенных компаний. Снижения выручки и ухудшения финансового положения ожидают 37 % и 42 % опрошенных. В крайне негативных последствиях уверены 4 %. Порядка 28 % предприятий прогнозируют сокращения инвестиций. Об удлинении сроков доставки и выполнения заказов сообщили 19,5 % и 30 % соответственно[2].

По данным Росстата, за первое полугодие из страны по всем целям поездок выехало 8,5 млн чел., при этом официально о своем желании жить за рубежом заявило всего 32 человека.

Мобилизационные решения быстро обнаружили узкие места в области эффективного использования трудовых ресурсов, где попытка решить поставленную задачу в режиме аврала, оставляют предприятия как без ключевых специалистов, так и собственников бизнеса. Попытки оперативного решения проблематики удались не в полной мере, что находит отражение во вносимых дополнениях в российское законодательство. Экономисты прогнозируют эффект гистерезиса – рост структурной безработицы, снижение производительных сил, а также падение темпов роста общего экономического потенциала страны, что является негативным фактором в рамках программы цифровой трансформации.

Эксперты отмечают падения потребительского спроса на товары длительного пользования и импульсивных покупок. Публикуемые ключевые индикаторы Банка России и Сбера демонстрируют резкое снижение расходов посмотреть.

Вместе с тем, данные о потребительских настроениях, реальных доходах населения, свидетельствуют о постепенном переходе к режиму экономии. Впрочем, этот эффект наблюдается и в странах Европейского Союза. Особенно проявляется тенденция по сокращению расходов на непродовольственный сектор товаров народного потребления. Анализ потребительской активности последних месяцев показывает, что сохраняются на прежнем уровне или растут только расходы на продукты питания: в остальных сегментах, с учетом реального уровня инфляции, наблюдается сокращение. Такая позиция – следствие значительной неопределенности в российском обществе, тем более, что запас прочности в плане сбережений у социума небольшой. Вместе с этим, по итогам 2022 г. ожидается снижение ВВП России в пределах 4%, а уровень годовой инфляции потребительских цен, как ожидается, не будет выше 13 %. Таким образом, экономическая перестройка в 2022 г. не стала серьезнее уже прошедших кризисов в России.

Главным теоретическим аргументом критиков экономической мобилизации служит несовместимость плановой системы и частного интереса, который стимулирует инновации и служит источником развития. Оппоненты отмечают оторванность мобилизационных сценариев от состояния институтов современного общества, несогласие с моделями политического и экономического развития, ставку на некий «особый» путь.

Военная и экономическая мобилизация, по сути, направлены на решения единых целей в рамках перестройки экономики и общественной сферы жизни общества. Так, Глазьев С. Ю. в интервью говорит о возможности функционирования мобилизационной экономики с обширным рыночным инструментарием для достижения конкретных целей. Для этого требуется создание

[1] Артем Тинчурин, Татьяна Берлина, Елизавета Язневич, Дарина Рогацкина // Эмиграция 2000-х: куда и почему уезжали из России / URL: https://tochno.st/materials/emigratsiya-2000-kh (дата обращения: 13.11.2022).
[2] Диана Галиева. Нормальность с элементами драмы // Коммерсант 2 ноября 2022 / URL: https://www.kommersant.ru/doc/5646223 (дата обращения: 10.12.2022).

системы стратегического планирования с соответствующими механизмами ответственности, подчинение денежно-кредитной и всех других сфер экономической политики целям экономического роста и подъема благосостояния населения[1].

Россия одной из первых стран в мире проходит переход к новым экономическим условиям и может гордиться сохранением достойного баланса между экономической, социальной и политической системой, укреплением ее жизнестойкости. Ядром является научное обоснование экономической безопасности национальной экономики и структурной динамики мультисистемного российского общества [4-5]. О поддержании этого баланса фактически говорят шаги Президента РФ, который определил шесть основных задач страны в 2023 году:

- вывод взаимодействия с ключевыми партнерами на новый уровень, устранение ограничений в логистике и финансах, рост внешней торговли и инвестиционного взаимодействия;
- укрепление технологического суверенитета и движение к лидерству по основным направлениям в этой сфере, опережающий рост обрабатывающей промышленности;
- обеспечение финансового суверенитета: российская финансовая система должна обеспечить потребности, которые ранее покрывались западными источниками финансирования;
- опережающее развитие инфраструктуры: надо привести в порядок региональные трассы, строительство жилья и улучшить жилищные условия граждан;
- снижение бедности и неравенства, рост реальных доходов граждан, сокращение разрыва в потенциале регионов;
- защита материнства и детства, поддержка семей и сбережение народа[2].

Специфика современной социально-экономической ситуации позволяет говорить о внедрении мобилизационных элементов не только в сферу военно-промышленного комплекса, но и на предприятиях, находящихся под государственным контролем, повышении ответственности государственных и муниципальных служащих, росте контроля в достижении поставленных целей. Вместе с тем, коммерческий сектор также подвержен трансформации. Авторы считают, что роль государства в регулировании экономики будет продолжать возрастать. Данный подход продемонстрировал свою эффективность в новых условиях, но требует проведение мониторинга процессов, чтобы установить возможные сигналы о необходимости изменения сложившихся подходов.

Таким образом, возможные дальнейшие мобилизационные решения требуют для экономики тщательной предварительной проработки и анализа как на федеральном, так и на региональном уровнях. Это необходимо учитывать в рамках обеспечения устойчивости социально-экономический положения российской экономики, отражения угроз национальной безопасности, формирования панрегионального развития.

Список источников

1. Игнатова Т. В. Управление экономической безопасностью Юга России в кризисный период / В сб.: Экономическая безопасность: стратегия взаимодействия государства и бизнеса материалы региональной научно-практической конференции. А. П. Киреенко (науч. ред.). г. Иркутск, 2015. С. 95-101.

2. Харченко И. С., Харченко Л. И., Иванов В. Е., Иванова Д. Е. Мобилизационная экономика: история и современность // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 146–153.

3. Игнатова Т. В., Микрюкова М. Ю., Мнацаканова Э. Р. Институциональное оформление практик импортозамещения в контексте экологического менеджмента территории // Вестник Евразийской науки. 2019. № 1. http:// https://esj.today/PDF/34ECVN119.pdf (Доступ свободный).

[1] Дмитрий Гринкевич. России нужна мобилизационная экономика с рыночным инструментарием // Ведомости 24 августа 2022 / URL: https://www.vedomosti.ru/economics/characters/2022/08/24/937299-rossii-nuzhna-mobilizatsionnaya-ekonomika (дата обращения: 13.11.2022).

[2] Владимир Путин назвал шесть ключевых задач на 2023 год и объявил о новых решениях в социальной сфере и экономике // Российская газета - столичный выпуск 16 декабря 2022 г. №8933 / URL: https://rg.ru/2022/12/15/strategiia-prosta-kachestvo-zhizni-kazhdogo.html?ysclid=lckllvws2q920760954 (дата обращения: 05.01.2023).

4. Аверин А. В., Игнатова Т. В., Кюрджиев С. П., Шхагошев Р. В. Методология и институциональные рамки обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 7 (110). С. 128–131.

5. Игнатова Т. В., Павлюкова А. В., Бабанов А. Б. Методология научного обоснования управления системными изменениями мультикомпонентного российского общества // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 4 (95). С. 17–20.

References

1. Ignatova T. V. Economic security management in the South of Russia during the crisis period. In: *Economic security: strategy of interaction between the state and business materials of the regional scientific and practical conference. A. P. Kireenko (scientific ed.).* Irkutsk, 2015:95–101. (In Russ.)

2. Kharchenko I. S., Kharchenko L. I., Ivanov V. E., Ivanova D. E. Mobilization economy: history and modernity. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):146–153. (In Russ.)

3. Ignatova T. V., Mikryukova M. Yu., Mnatsakanova E. R. Institutional design of import substitution practices in the context of environmental management of the territory. *Vestnik Evraziiskoi nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2019;(1). Available from: https://esj.today/PDF/34ECVN119.pdf [Access is free]. (In Russ.)

4. Averin A. V., Ignatova T. V., Kurdjiev S. P., Shkhagoshev R. V. Methodology and institutional framework for ensuring national security of the Russian Federation. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2019;7(110):128–131. (In Russ.)

5. Ignatova T. V., Pavlyukova A.V., Babanov A. B. Methodology of scientific substantiation of management of systemic changes of multicomponent Russian society. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2018;4(95):17–20. (In Russ.)

Информация об авторах

И. В. Мошкин – кандидат экономических наук, исполнительный директор ПрофОбрТех.
А. Б. Бабанов – кандидат экономических наук, доцент ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

I. V. Moshkin – Candidate of Economic Sciences, Executive Director of Professional Educational Technologies LLC.
A. B. Babanov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 02.02.2023; принята к публикации 03.02.2023.
The article was submitted 20.01.2023; approved after reviewing 02.02.2023; accepted for publication 03.02.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 140–145
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):140–145

Проблемы экономики

Научная статья
УДК 336.228
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-140-145

ВЛИЯНИЕ НАЛОГОВ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Елена Петровна Пешкова[1], Кирилл Геннадьевич Трубилин[2], Ирина Николаевна Гречкина[3]

[1, 2, 3]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия
[1]peshkova-ep@ranepa.ru
[2]ktrubilin-17@edu.ranepa.ru
[3]angirishka@yandex.ru

Аннотация. В статье оценивается влияние налоговых платежей на финансово-экономическое состояние промышленных предприятий, исходя из концептуальных основ налоговой теории. Представлен ретроспективный анализ теорий налогообложения различных направлений, который позволил выявить наличие противоположных точек зрения относительно необходимости налогообложения предприятий. При исследовании проблемы авторы обращаются к тем аспектам, которые возникают в специфических институциональных условиях, сопровождающих процесс экономических трансформаций и приводят алгоритм взаимного влияния налоговых параметров, факторов внешней и внутренней среды и показателей финансово-экономического развития предприятия.

Ключевые слова: налоги, промышленное предприятие, налоговые теории, оптимальное налогообложение, теория рационального выбора

Для цитирования: Пешкова Е. П., Трубилин К. Г., Гречкина И. Н. Влияние налогов на функционирование предприятий: теоретический аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 140–145. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-140-145

Problems of Economics

Original article

IMPACT OF TAXES ON FUNCTIONING OF ENTERPRISES: THEORETICAL ASPECT

Elena P. Peshkova[1], Kirill G. Trubilin[2], Irina N. Grechkina[3]

[1, 2, 3]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
[1]peshkova-ep@ranepa.ru
[2]ktrubilin-17@edu.ranepa.ru
[3]angirishka@yandex.ru

Abstract. This article assesses impact of tax payments on financial and economic condition of industrial enterprises, based on conceptual foundations of tax theory. It presents a retrospective analysis theories of taxation of different directions, which revealed presence of opposite points of view concerning necessity of enterprise taxation. Authors of article, when studying problem, turn to those aspects that arise in specific institutional conditions that accompany process of economic transformation and provide an algorithm of mutual influence of tax parameters, factors of external and internal environment and indicators of financial and economic development of enterprise.

Keywords: taxes, industrial enterprise, tax theories, optimal taxation, rational choice theory

For citation: Peshkova E. P., Trubilin K. G., Grechkina I. N. Impact of taxes on the functioning of enterprises: theoretical aspect. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):140–145. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-140-145

© Пешкова Е. П., Трубилин К. Г., Гречкина И. Н., 2023

Современная финансовая наука рассматривает налоги как одну из категорий финансов, поскольку они обеспечивают финансовую основу деятельности органов государственной власти за счет перераспределения части валового внутреннего продукта.

В связи с таким распределением части валового внутреннего продукта возникает конфликт интересов между государством и налогоплательщиками, среди которых в настоящее время важную роль играют предприятия.

Промышленные предприятия являются основными плательщиками налогов, так как они обеспечивают значительные налоговые поступления.

Проблемы налогообложения промышленных предприятий имеют большое значение, так как обоснование необходимости налогообложения и влияния налогов на их функционирование относится в финансовой науке к числу довольно сложных. В связи с этим, данному вопросу посвящено множество трудов представителей различных школ финансово-экономической теории.

Налоговая теория длительное время являлась составляющей классической экономической школы (А. Смит [1], Д. Рикардо [2], Ж.-Б. Сей [3] и др.). Налоги определялись как вид государственных доходов, которые покрывали расходы правительства, при этом считалось, что налоги не выполняют регулирующей функции. Так, Д. Рикардо [2] и Ж.-Б. Сей [3] считали, что налоги препятствуют процессу формирования и накопления капитала, поэтому наилучшим налогом являлся наименьший. Необходимо заметить, что классическая финансовая теория имела дело с «домохозяйствами», так как в XIX в. налогоплательщиками выступали физические лица. Поскольку главными современными плательщиками налогов являются предприятия, то выводы представителей классической теории относительно домохозяйств не отображают реальной действительности.

Теоретики направления исследования, связанного с выяснением стимулирующего влияния налогов на социально-экономические процессы, рассматривали налоги как факторы экономического роста (представители маржиналистской теории) [4], применив метод аналитической геометрии для определения стимулирующего влияния роста налогов на объемы выпуска продукции. Экономисты маржиналистской школы выступали за налогообложение промышленного производства и считали его стимулирующим фактором осуществления процессов расширенного воспроизводства.

Взгляды представителей неоклассической теории (М. Фридман, Г. Хэзлитт, Дж. Мид, Р. Солоу и др.) налоговой нейтральности, которая бала современной в то время, работает самостоятельно и вмешательство государства должно быть ограниченным [4]. На механизм рыночного саморегулирования полагались также и теоретики "рациональных ожиданий" (Дж. Моутон, Р. Лукас, Р. Берроу и др.). Представители этого направления исследования считали, что налоги должны выполнять только фискальную функцию [4].

В 30-е годы XX столетия широкое распространение приобрела теория, разработанная английским экономистом Дж. Г. Кейнсом (кейнсианская теория) утверждающая, что регулирование экономического роста может осуществляться не за счет налоговых источников, а за счет целенаправленного управления дефицитом бюджета. Важной составляющей данной теории является использование прогрессивных налогов, которые, по мнению Кейнса, обеспечивают опережение объемов и темпов налоговых поступлений над темпами и объемами доходов, отвечающих необходимому инвестиционному перераспределению.

В 70-е годы XX столетие группа экономистов пыталась синхронизировать теории налогообложения различных направлений. Их теория государственно-монополистического регулирования (институционализм) опирается на так называемую смешанную экономику. Институционалисты возлагают на государство большие надежды в стимулировании научно-технического прогресса. Так, Дж. Гэлбрейт отмечает, что нужно больше полагаться на финансово-бюджетную политику, объединяя ее с повышением налогов от предприятий [5].

Представители реформистской теории (Г. Коул, Ж. Фурастье и др.) выступают за ограничение налогообложения предприятий, иначе, по их мнению, исчезнет стимул для расширения производства [4].

Представители теории оптимального налогообложения P. Diamond, J. Mirrlees [6] не оставляют возможности для налогообложения промежуточных товаров. Поскольку капитал предприятия – это промежуточный товар между индивидом и его потреблением, то он имеет право совсем

не облагаться налогами. C. Chamley, рассмотрев систему подоходного налога в неоклассической модели роста Ф. Рамсея, подчеркнул, что «...в условиях устойчивого роста оптимальная ставка налога на доходы капитала равна нулю» [7].

Таким образом, выплачивая для большинства европейских стран налоги (в том числе и налог на прибыль), промышленные предприятия несут значительную фискальную нагрузку.

Выводы Б. Хуберта, согласно позиции, которая основана на теории оптимального налогообложения, свидетельствуют, что «при налогообложении предпринимательского сектора следовало бы отказаться от дискриминирующего налогообложения отдельных поставок товаров и услуг» [8], так как согласно теореме производственной эффективности, налогообложение не должно создавать условий формирования эффективной производственной структуры. Это означает, что поставки продукции на предыдущих стадиях не должны облагаться специфическими налогами, которые предопределяют неэффективное распределение факторов производства.

Однако, возникает вопрос об адекватности выводов теории оптимального налогообложения относительно их практического использования. Если принять во внимание институциональные факторы, которые определяют функционирование современных бюджетно-налоговых систем, и снять ограничения, которые положены в основу математических моделей теории оптимального налогообложения, то выводы, полученные на их основе, могут быть неверными.

Таким образом, анализ взглядов представителей разных школ теории налогообложения относительно необходимости налогообложения промышленных предприятий свидетельствует о наличии противоположных точек зрения – от полной отмены налогов с предпринимательского сектора, до возможности увеличения налогового давления (за счет повышения налоговых ставок и установления прогрессивного налогообложения).

Необходимо иметь в виду, что большинство разработок было осуществлено в период, когда рыночная экономика еще не приобрела современное развитие. В связи с этим целесообразно при исследовании проблемы обратиться к тем аспектам, которые возникают в специфических институциональных условиях, сопровождающих процесс экономических трансформаций.

Так, представители современной неоклассической школы необходимость сбора налогов обосновывают рыночными отказами («market failures»), к которым относят неэффективную конкуренцию, необходимость производства общественных благ, циклические колебания, безработицу, инфляцию и др. И если вмешательство государства в этих случаях может привести к росту общественного благосостояния, то необходимо признать, что в определенных случаях его можно осуществить путем налогового регулирования. Таким образом, современная неоклассическая школа исходит из того, что государство при формировании налоговой системы может максимизировать общественное благосостояние. Для понимания путей его максимизации прежде всего необходимо отметить, что в смешанной институциональной экономике налоги выполняют присущие им функции. Нужно заметить, что в современной отечественной экономической литературе [5] существует несогласованность относительно их количественного и качественного характера.

Общепринятая точка зрения существует относительно фискальной функции налогов. Аккумулированные в бюджете и внебюджетных фондах налоговые отчисления тратятся на социальные и хозяйственные нужды, поддержку политики безопасности, на управленческие расходы и т.д. Регулирующая функция налогов – распределение и перераспределение доходов между различными слоями населения. Это – основные налоговые функции.

Первоначально налоги выполняли фискальную функцию. Далее государство вводило новые налоговые ставки и налоговые льготы.

Таким образом, к фискальной присоединилась регулирующая функция.

Центральный вопрос теории налогообложения состоит в том, как результативно государство может использовать регулирующую функцию [3].

Многие экономисты [9–12] выделяют стимулирующую функцию налогов.

У М. Шадурской [13] видим, что налоги выполняют контрольную функцию, проявляющуюся в роли оценочного показателя эффективности отдельных налогов и налоговой системы в целом. Некоторые ученые выделяют социальную функцию налогов, с помощью которой доходы перераспределяются между различными слоями населения.

Соглашаясь с такими свойствами налогов, авторы [14] определяют, что контрольная и социальная функции проявляются лишь в условиях регулирующей функции, поэтому могут считаться ее подфункциями.

Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время налогообложение выполняет две важнейшие функции: фискальную и регулирующую. На практике указанные функции реализуются с учетом специфики субъектов фискальных отношений, в данном случае – предприятий реального сектора экономики. Если характеризовать институциональные аспекты проблемы, то предприятия, особенно крупные, снижают трансакционные расходы функционирования хозяйственной системы. Так, А. С. Онуфриева, согласно теории организаций, отмечает, что «...если рынки эффективны и трансакционные издержки равны нулю, то нет никаких причин для существования крупных фирм» [8]. Однако, налогообложение предприятий реального сектора экономики, особенно крупнейших промышленных предприятий, должно существовать и быть не только фискальным, но и регулирующим.

Будем исходить из выводов неоклассической теории, заключающиеся в том, что предприятия реального сектора экономики должны платить налоги, которые в свою очередь, реализуя фискальную и регулирующую функции, влияют на их функционирование. Вместе с тем, нельзя игнорировать тот факт, что показатели экономического развития влияют на размер налогов. Взаимное влияние налоговых параметров, факторов внешней и внутренней среды и показателей финансово-экономического развития предприятий можно представить схематично таким образом (рис. 1).

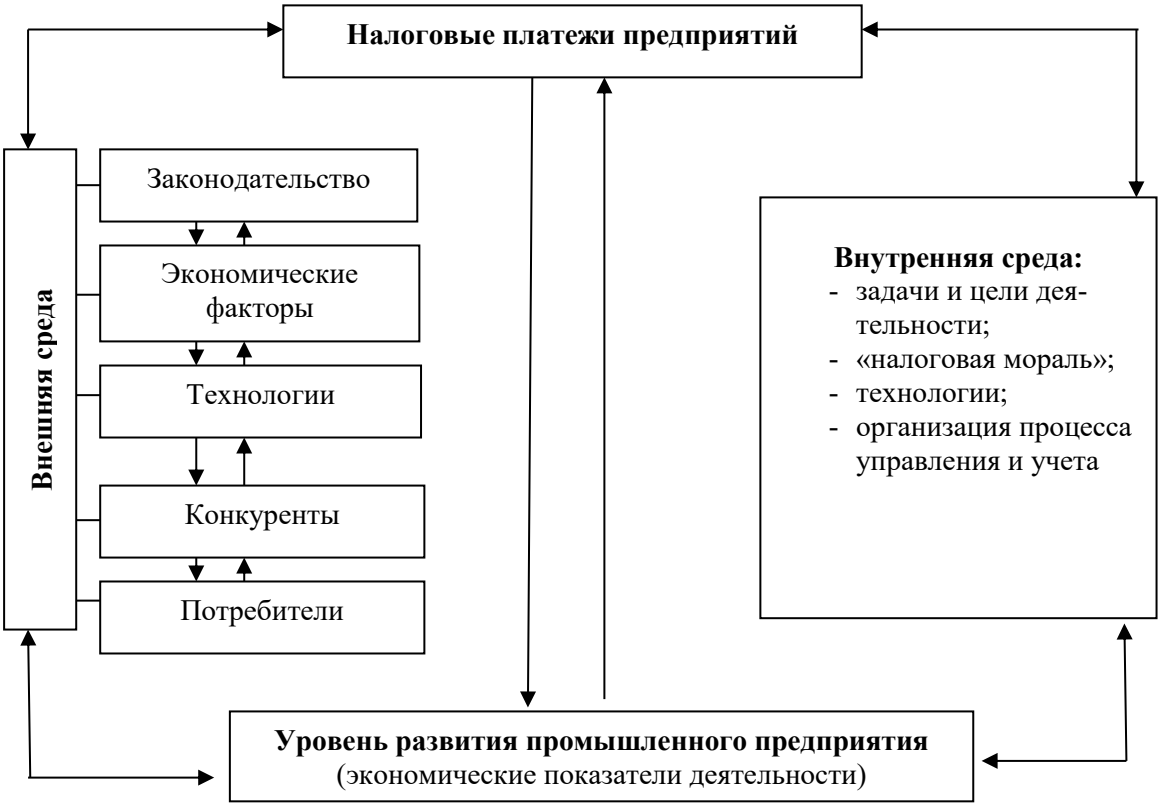


Рис. 1. Взаимное влияние налоговых платежей и показателей финансово-экономического развития предприятия
Fig. 1. Mutual influence of tax payments and indicators of financial and economic development of enterprise

Влияние факторов внешней среды связано прежде всего с тем, что, «... государство не может ввести неискажающих (паушальных налогов)… Все применяемые на практике налоги… вносят то или иные искажение в экономическое поведение» [15].

Проблемы связаны не столько с существованием чрезмерного налогового давления через высокие налоговые ставки, а прежде всего с неурегулированностью налогового законодательства, с существующей «налоговой моралью» и проблемами администрирования налогов.

Подытоживая результаты теоретического исследования влияния налогов на функционирование предприятий, можно утверждать, что налоги, бесспорно, влияют на функционирование предприятий. Это влияние является комплексным и зависит от многих внутренних и внешних факторов (вид налога, цель деятельности предприятия, система администрирования и прочее).

Таким образом, большое прикладное значение имеют принципы неоклассической теории и теории рационального выбора, согласно которой уменьшение отрицательных влияний налогов на функционирование предприятий может осуществляться за счет внутренних резервов в процессе рационального выбора.

Список источников

1. Смит А. Исследование в природе и причинах богатства народов. М.: Наука, 1993. 572 с.

2. Рикардо Д. Сочинения: В 3-т.: Пер. с англ. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1: Начала политической экономии и налогового обложения. 360 с.

3. Пушкарева В. М. История финансовой мысли и политики налогов: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М., 2015. 256 с.

4. Аткинсон Э. Б., Стиглиц Дж. Э. Лекции по экономической теории государственного сектора: Учебник / Пер. с англ. под ред. Л. Л. Любимова. М.: Аспект Пресс, 1995. 832 с.

5. Благих И. А., Суверина Е. В. Налоговые реформы в переходной экономике: из отечественного экономического опыта. Реформы М. Х. Рейтерна // Проблемы современной экономики. 2013. № 3. С. 255-258.

6. Diamond P., Mirrlees J. Optimal taxation and Public Productions // Public Finance. Worth Series in Outstanding Contributions. Ed. by A. Auerbach. - N. Y.: Worth Publisher. 2009. P. 53-105.

7. Стиглиц Дж. Экономика государственного сектора / Пер. с англ. под ред. Г. М. Куманина. М.: Изд-во МГУ: Инфра-М, 1997.

8. Онуфриева А. С. Институциональная экономика : учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2022. 160 с.

9. Алиева Э. Б., Ибрагимова З. Ш. Налоговое стимулирование предпринимательской активности // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Том 11. № 12. С. 2827-2836.

10. Белякова Е. И., Моденов А. К. Налоговое стимулирование как инструмент реализации налоговой политики // Петербургский экономический журнал. 2019. № 2. С. 134-142.

11. Володченко В. С., Ланцова Д. С. и др. Виды инструментов налогового стимулирования // Вопросы науки и образования. 2020. № 4. С. 48-53.

12. Мамбетова А. А., Евлахова А. А. Результативность налоговой политики Российской Федерации в современных условиях // Научный вектор. 2022.№ 4. С. 74-77.

13. Налоговая система Российской Федерации : учебник / под общей редакцией М. М. Шадурской. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. 254 с.

14. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 1999. 352 с.

15. Бурова Л.А. Уклонение от изъятия налогов: теория и практика // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2014. № 2. С. 95-99.

References

1. Smith A. *Research in the nature and causes of the wealth of nations*. Moscow: Nauka; 1993. 572 p. (In Russ.)

2. Ricardo D. *Essays: In 3 volumes*: Translated from English. Moscow: Gospolitizdat, 1955. Vol. 1: The beginnings of political economy and taxation. 360 p. (In Russ.)

3. Pushkareva V. M. *History of financial thought and tax policy*: Textbook. Moscow: INFRA-M; 2015. 256 p. (In Russ.)

4. Atkinson E. B., Stiglitz J. E. *Lectures on the economic theory of the public sector*: Textbook. Trans. from English. Edited by L.L. Lyubimov. Moscow: Aspect Press; 1995. 832 p. (In Russ.)

5. Blagikh I. A., Suverina E. V. Tax reforms in the transition economy: from the domestic economic experience. The reforms of M. H. Reutern. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of modern economics*. 2013;(3):255–258. (In Russ.)

6. Diamond P., Mirrlees J. Optimal taxation and social production. *State Finance. A worthy series of outstanding contributions.* Edited by A. Auerbach. New York: Worth Publisher; 2009:53–105.

7. Stiglitz J. *Public Sector Economics.* Transl. from English. Edited by G. M. Kumanin. Moscow: Publishing House of Moscow State University: Infra-M; 1997. (In Russ.)

8. Onufrieva A. S. *Institutional economics* : a textbook for universities. Moscow; 2022. 160 p. (In Russ.)

9. Alieva E. B., Ibragimova Z. S. Tax stimulation of entrepreneurial activity. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, Entrepreneurship and Law.* 2021;11(12):2827–2836. (In Russ.)

10. Belyakova E. I., Modenov A. K. Tax incentives as a tool for implementing tax policy. *Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal = St. Petersburg Economic Journal*. 2019;(2):134–142. (In Russ.)

11. Volodchenko V. S., Lantsova D. S. and others. Types of tax incentive instruments. *Voprosy nauki i obrazovaniya = Issues of science and education*. 2020;(4):48–53. (In Russ.)

12. Mambetova A. A., Evlakhova A. A. The effectiveness of the tax policy of the Russian Federation in modern conditions. *Nauchnyi vektor = Scientific vector.* 2022;(4):74–77. (In Russ.)

13. *The tax system of the Russian Federation* : textbook. Under the general editorship of M. M. Shadurskaya. Yekaterinburg: Ural University Publishing House; 2020. 254 p. (In Russ.)

14. Keynes J. M. *The general theory of employment, interest and money*. Moscow: Helios ARV; 1999. 352 p. (In Russ.)

15. Burova L. A. Tax evasion: theory and practice. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya = Bulletin of the Buryat State University. Philosophy.* 2014;(2):95–99. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. П. Пешкова – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, финансов и природопользования ЮРИУ РАНХиГС.
К. Г. Трубилин – магистрант ЮРИУ РАНХиГС.
И. Н. Гречкина – магистрант ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

E. P. Peshkova – Doctor of Economics, Professor of Department of Economics, Finance and Environmental Management of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.
K. G. Trubilin – Master's Student of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.
I. N. Grechkina – Master's Student of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.02.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 03.03.2023.
The article was submitted 18.02.2023; approved after reviewing 02.03.2023; accepted for publication 03.03.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 146–151
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):146–151

Проблемы экономики

Научная статья
УДК 338+332
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-146-151

ПРИМЕНЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Альберт Ильгизович Садыков[1], Надежда Валерьевна Капустина[2]

[1]Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия, albsadykov001@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-4740-5414
[2]Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, nvkapustina@fa.ru, https://orcid.org/0000-0002-5991-5200

Аннотация. В статье рассматривается, почему произошло изменение парадигмы исследований в сторону количественных методов в региональном развитии. Факторная оценка уже не отвечала современным требованиям развития рынков и отраслей. Однако оставались вопросы, было неясно, в какой степени теоретические результаты для стилизованных пространственных условий будут качественно и количественно обобщены для более реалистичных условий в теоретической и эмпирической литературе по новой региональной экономике. Количественные модели, которые чаще всего применяются в региональных исследованиях, смогли интегрировать три направления: пространственное развитие, учитывают множественность региональных процессов и все используемые параметры возможно идентифицировать.

Ключевые слова: регион, количественные методы, региональное развитие, пространственное развитие

Для цитирования: Садыков А. И., Капустина Н. В. Применение количественных моделей сбалансированности регионального развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 146–151. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-146-151

Problems of Economics

Original article

APPLICATION OF QUANTITATIVE MODELS OF REGIONAL DEVELOPMENT BALANCE

Albert I. Sadykov[1], Nadezhda V. Kapustina[2]

[1]Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia, albsadykov001@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-4740-5414
[2]Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, nvkapustina@fa.ru, https://orcid.org/0000-0002-5991-5200

Abstract. The article discusses why there has been a change in the research paradigm towards quantitative methods in regional development. Factor assessment no longer met modern requirements for the development of markets and industries. However, questions remained, it was not clear to what extent the theoretical results for stylized spatial conditions would be qualitatively and quantitatively generalized to more realistic conditions in the theoretical and empirical literature on the new regional economy. Quantitative models, which are most often used in regional studies, were able to integrate three directions: spatial development, take into account the multiplicity of regional processes, and all parameters used can be identified.

© Садыков А. И., Капустина Н. В., 2023

Keywords: region, quantitative methods, regional development, spatial development
For citation: Sadykov A. I., Kapustina N. V. Application of quantitative models of regional development balance. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):146–151. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-146-151

Введение

Исследования в области количественных характеристик сбалансированного регионального развития все более распространились за последние десятилетия, поскольку качественные данные и простота вычислений облегчили решение сложных вопросов [1]. В результате, в начале 50-х гг. прошлого столетия стала происходить смена парадигмы пространственного и регионального развития в виде количественной революции (quantitative revolution – QR). Количественная революция стремилась разработать более строгую и систематическую методологию для понимания географического, экономического, социального развития, которая бы лучше объясняла общую пространственную динамику производительных сил и производственных отношений. Количественная революция ознаменовала быстрое изменение методы экономических исследований в увеличении обоснования количественных характеристик происходящих процессов.

Изменение парадигмы исследования

В начале 1950-х годов стало расти ощущение, что существующая парадигма социально-экономических исследований неадекватна объяснению того, как физические, экономические, социальные и политические процессы пространственно организованы, экологически связаны, или как порожденные ими результаты являются свидетельством влияния фактов, времени и места [2]. Все большее число экономистов, занимающихся объяснение развития регионов, начали выражать свое недовольство традиционной парадигмой – описанием факторов развития регионов.

Поэтому, изменения, внесенные в 1950-х и 1960-х гг. под лозунгом привнесения большего «научного мышления» в оценку развития регионов. В обиход вошли: описательная статистика, логическая статистика, основные математические уравнения и модели, такие как регрессионный анализ, стохастические модели, использующие концепции вероятности, детерминированные модели (факторные и корреляционные).

Кроме этого, экономические кризисы, рецессии, прогнозы, которые представляют мировые банки, и экономическая литература содержали целый ряд ошибок, так как многие финансовые кризисы стали непредвиденными [3]. Поэтому ряд мировых экономистов стали высказываться, что сам капитализм является источником непредвиденных кризисов, поэтому экономические процессы необходимо контролировать, из чего следует, что рынки также требуют контроля [4]. Поэтому нужны были такие количественные модели, которые более точно оценивали причинно-следственные связи в сбалансированном экономическом развитии регионов.

Так как, согласно экономической теории, долгосрочные темпы роста увеличиваются, так как индустриализация и модернизация ускоряют процессы роста [5]. Но рост, это не всегда развитие, тем более что с ростом также надо справляться. Такой рост объясняли по-разному [6]. Например, модернизация – это технологическое и организационное совершенство, возрастающее с течением времени и, как следствие, усовершенствование операционных процессов промышленных производств.

Также, с расширением инфраструктуры различных регионов материальный и нематериальный капитал также расширяется и может быть использован с минимальными затратами в новых регионах. Поэтому, количественный рост региональной экономики должен всегда присутствовать в центре внимания экономического анализа [7].

Использование формальных математических понятий и выражений, а также применение статистических, оптимизационных и других количественных методов стали составлять наиболее распространенную характеристику исследований в области региональной науки в том виде, как она стала известна за последние тридцать лет (рис. 1).

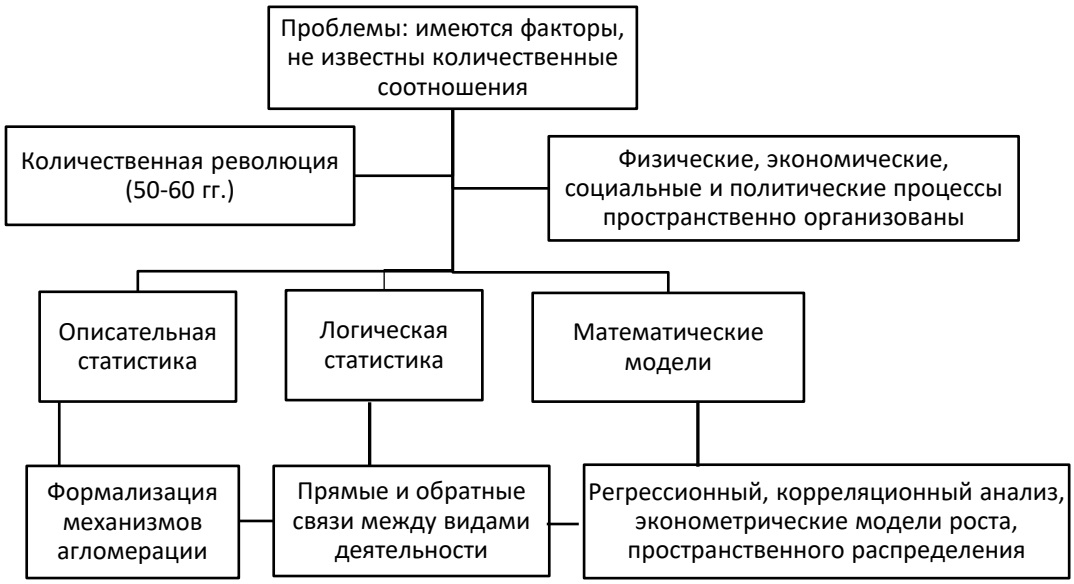


Рис. 1. Обоснование широкого использования количественных методов в региональном прогнозировании (составлено авторами)
Fig. 1. Justification of the widespread use of quantitative methods in regional forecasting (compiled by the authors)

Моделирование регионального пространства

Связи хозяйственных субъектов в теории региональной экономики предпочтительнее исследовать с помощью количественного моделирования, так как они дают возможность учитывать соотношения пространственных взаимодействий исследуемых субъектов. Такие количественные модели позволяют решать сразу несколько проблем. С помощью моделирования оценивается: большое количество предприятий, неоднородность производственных возможностей, учитывается логистика транспорта, транспортные и торговые затраты, и многое другое. Кроме этого, в такие количественные модели можно включать параметры миграции, спрос и предложение, количественные данные инфраструктуры, время поездок на работу. Одновременно, количественные модели достаточно легко подстраиваемые, чтобы с помощью этих данных оценивать эмпирически значимые параметры и прогнозировать сценарии развития хозяйствующих субъектов и целых регионов.

Однако, на первых порах, в теоретических моделях пространственные параметры ограничивались местоположениями предприятий, отсутствовали точные ресурсные данные. Из-за чего эмпирические количественные модели были нечеткими, а коэффициенты, которые получались при моделировании, могли содержать ошибочные данные.

В 1995 г. Роберт Лукас [8] получил Нобелевскую премию за разработку методики количественных моделей путем применения теории рациональных ожиданий и эконометрических гипотез, что изменило микроэкономический анализ. Лукас поставил под сомнение теорию Кейнса о макроэкономическом прогнозировании, доказав, что макроэкономика – это есть совокупность микроэкономических процессов. Лукас представил, что инфляция и безработица может измениться не по экономическим факторам, а по политическим, поэтому для макроэкономики важны микроэкономические показатели субъектов хозяйствования.

Дальнейшее уточнение в количественных моделях ввели Итон и Кортум [9], которые создали количественные модели международной торговли. В их моделях доказывалось, что агрегированные данные являются результатом эндогенных факторов. Их модели могли содержать множество ассиметричных данных, которые вмещали как различную производственную инфраструктуру, так и различные связи в инфраструктуре. Кроме этого, модели международной торговли могли включать множество секторов с использованием параметров разной интенсивности, спрос

и предложение, а также затраты и выпуск. Такие количественные модели могли содержать целые классы моделей регионов, что делало структуру моделирования более полной и устойчивой, а в статистических расчетах, благодаря этому, сокращались возмущения.

Создавались модели, по прогнозам, например, когда факторы являлись мобильными в разных местах снижения торговых издержек и по-разному влияли на пространственное распределение экономической активности в моделях постоянной и возрастающей отдачи от масштаба [10, 11, 12, 13], табл. 1.

Таблица 1 – Новые теории регионального исследования 70-х годов прошлого столетия и результаты применения[1]

Table 1 – New theories of regional research of the 70s of the last century and the results of application

Теории	Характеристика исследований	Результат
Фудзита М., Тисса Дж. Ф.	Теории организации промышленности, региональной экономики, экономике города, теории размещения	Учет разнообразных регионов
Лукас Р.	Теории рациональных ожиданий и эконометрических гипотез	Учет всех разнообразных данных регионального развития
Итона & Кортума	Дополнения к эндогенным характеристикам экзогенного влияния регионального развития	Модели регионов идентифицированы
Итон Дж., Кортум С., Крамарц Ф.	Эластичность торговли по торговым издержкам, эластичности замещения, дисперсия производительности регионального развития	Сопоставление наблюдаемых эндогенных переменных в регионах

Выводы

Отметим, что такая тесная связь между моделью и данными в количественном исследовании имеет ряд преимуществ (рис. 2).

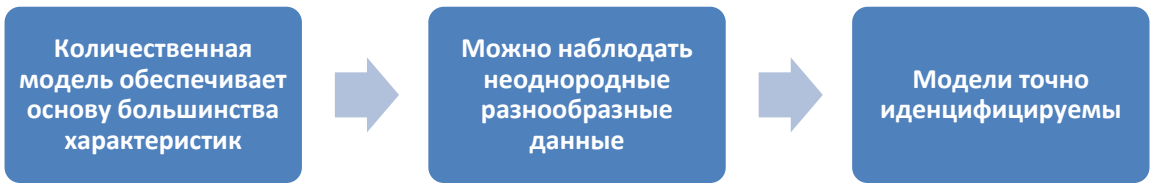


Рис. 2. Оценка точности и интерпретируемости применения количественных моделей в региональной экономике (составлено авторами)
Fig. 2. Assessment of the accuracy and interpretability of the application of quantitative models in the regional economy (compiled by the authors)

Во-первых, учитывая тот факт, что в России сосредоточено множество регионов, а также экономика хозяйствующих субъектов распределена на большие расстояния, это увеличивает торговые издержки, поэтому количественные модели обеспечивают основу для большинства измеряемых параметров.

Во-вторых, все российские регионы отличаются по ресурсам и производственным возможностям, человеческому капиталу, количественные модели представляют собой бесконечное разнообразие, которое зависит только от поставленных целей исследования и могут решать любые задачи.

В-третьих, параметры данных моделей точно идентифицированы, и поэтому сохраняется возможность получить взаимное сопоставление наблюдаемых данных эндогенных переменных,

[1] Составлено авторами по: [8; 10;14].

например, модель занятости (заработная плата и производительность, которые связаны со знаниями).

Таким образом, оценочные структурные основы количественных моделей, собранные на основании статистических данных, показывают наблюдаемое изменение данных. Конечно, такой анализ зависит от используемой количественной модели, и разные модели обычно подразумевают разные оценочные структурные данные и их распределение. Тем не менее, большим вкладом литературы количественных моделей являлось то, что такие модели обеспечивали точные эмпирические данные, где сохранялась возможность оценки больших и самых разнообразных данных по анализу экономической активности ресурсов, что обеспечивало получение аналитической статистики по регионам и участия инфраструктуры в их развитии.

Список источников

1. Коротаев А., Васькин И., Билюга С. Гипотеза Олсона-Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа // Социологическое обозрение. 2017. № 16(1). С. 9-49.

2. Блануца В. И. Проблемы развития социально-экономического районирования в эпоху «больших данных» // Региональные исследования. 2017. № 2. С. 4-11.

3. Кособуцкая А. Ю., Трещевский Ю. И., Праченко А. А. Высокая вариативность институциональной динамики – основа нестабильности региональных экономических систем // Теоретическая экономика. 2022. May 31;89(5):86.

4. Oomes N., Ohnsorge F. Money demand and inflation in dollarized economies: The case of Russia. Journal of Comparative Economics. 2005 Sep 1;33(3):462-483.

5. Debreu G. Economic theory in the mathematical mode. The American Economic Review. 1984 Jun 1;74(3):267-278.

6. Banerjee A., Duflo E, Qian N. «On the road: Access to transportation infrastructure and economic growth in China». Journal of Development Economics 145 (2020 г.): 102442. https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2020.102442

7. Седова Н. В., Придорожная Т. А. Структурный анализ капитальных вложений в системе инвестиционного планирования Российской Федерации // Финансы и кредит. 2018. Т. 24, вып. 10 (778). С. 2347–2358. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.3.12

8. Lucas Jr. R. Expectations and the Neutrality of Money. Journal of economic theory. 1972 Apr 1;4(2):103-124.

9. Redding S.J. The empirics of new economic geography. Journal of regional science. 2010 Feb;50(1):297-311.

10. Alvarez F, Lucas Jr RE. General equilibrium analysis of the Eaton–Kortum model of international trade. Journal of monetary Economics. 2007 Sep 1;54(6):1726-1768.

11. Fujita M, Thisse J.F. Economics of agglomeration. Journal of the Japanese and international economies. 1996 Dec 1;10(4):339-378.

12. Eaton J, Kortum S, Kramarz F. Dissecting trade: Firms, industries, and export destinations. American Economic Review. 2004 May;94(2):150-154.

13. Allen T, Arkolakis C. The welfare effects of transportation infrastructure improvements. National Bureau of Economic Research; 2019 Jan 28.

14. Lucas Jr RE. Asset prices in an exchange economy. Econometrica: journal of the Econometric Society. 1978, vol. 46, issue 6, 1429-1445.

References

1. Korotaev A., Vaskin I., Bilyuga S. The Olson-Huntington hypothesis of a curvilinear relationship between the level of economic development and socio-political destabilization: a quantitative analysis. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Sociological review.* 2017;16(1):9-49. (In Russ.)

2. Blanutsa V. I. Problems of development of socio-economic zoning in the era of "big data". *Regional'nye issledovaniya = Regional studies*. 2017(2):4-11. (In Russ.)

3. Kosobutskaya A. Yu., Treshchevsky Yu. I, Prachenko A. A. The high variability of institutional dynamics is the basis for the instability of regional economic systems. *Teoreticheskaya ekonomika = Theoretical economics.* 2022; May 31;89(5):86. (In Russ.)

4. Oomes N., Ohnsorge F. Money demand and inflation in dollarized economies: The case of Russia. *Journal of Comparative Economics.* 2005 Sep 1;33(3):462-483.

5. Debreu G. Economic theory in the mathematical mode. *The American Economic Review.* 1984 Jun 1;74(3):267-278.

6. Banerjee A., Duflo E, Qian N. "On the road: Access to transportation infrastructure and economic growth in China". *Journal of Development Economics*. 145 (2020): 102442. https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2020.102442

7. Sedova N.V., Pridorozhnaya T.A. Structural Analysis of Capital Investments in the System of Investment Planning of the Russian Federation. *Finance and Credit.* 2018; 24, no. 10 (778): 2347–58. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.3.12

8. Lucas Jr R. Expectations and the Neutrality of Money. *Journal of economic theory.* 1972 Apr 1;4(2): 103-124.

9. Redding S.J. The empirics of new economic geography. *Journal of Regional Science.* 2010. Feb;50(1):297-311.

10. Alvarez F., Lucas Jr. R. General equilibrium analysis of the Eaton–Kortum model of international trade. *Journal of Monetary Economics.* 2007 Sep 1;54(6):1726-68.

11. Fujita M., Thisse J.F. Economics of agglomeration. *Journal of the Japanese and international economies.* 1996 Dec 1;10(4):339-378.

12. Eaton J., Kortum S., Kramarz F. Dissecting trade: Firms, industries, and export destinations. *American Economic Review*. 2004 May;94(2):150-154.

13. Allen T., Arkolakis C. The welfare effects of transportation infrastructure improvements. *National Bureau of Economic Research*; 2019 Jan 28.

14. Lucas Jr RE. Asset prices in an exchange economy. *Econometrica: journal of the Econometric Society.* 1978, vol. 46, issue 6, 1429-1445.

Информация об авторах

А. И. Садыков – соискатель (Российский университет транспорта (МИИТ)).
Н. В. Капустина – доктор экономических наук, доцент, профессор Департамента экономической безопасности и управления рисками Факультета экономики и бизнеса (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации).

Information about the authors

A. I. Sadykov - the Applicant (Russian University of Transport (MIIT)).
N.V. Kapustina – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economic Security and Risk Management of the Faculty of Economics and Business (Financial University under the Government of the Russian Federation).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.12.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 11.01.2023.
The article was submitted 18.12.2022; approved after reviewing 10.01.2023; accepted for publication 11.01.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 152–156
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):152–156

Проблемы экономики

Научная статья
УДК 338.23
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-152-156

СТРАТЕГИЯ «УМНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ» РЕГИОНОВ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Казиахмед Тагирович Тагиров[1], Алина Владиславовна Глущенко[2], Евгений Александрович Довгань[3]

[1]Филиал Дагестанского государственного университета в г. Дербенте, Дербент, Россия, tagir57.05@mail.ru

[2]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, alina.glushchienko.1995@mail.ru

[3]Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Россия, dovghan_72@mail.ru

Аннотация. В статье дается анализ современных механизмов регионального инновационного развития. На основе основных положений реализации кластерной инновационной политики, авторами выдвинуто предположение о том, что современный период экономических преобразований должен перейти на стратегию «умной специализации», так как это позволит объединить наиболее эффективные методы регионального инновационного развития.

Ключевые слова: инвестиции, инновации, инновационная деятельность, кластерная политика, стратегия «умной специализации», СМАРТ-стратегия, экономика

Для цитирования: Тагиров К. Т., Глущенко А. В., Довгань Е. А. Стратегия «умной специализации» регионов как фактор инновационного развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 152–156. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-152-156

Problems of Economics

Original article

STRATEGY OF "SMART SPECIALIZATION" OF THE REGIONS AS A FACTOR OF INNOVATIVE DEVELOPMENT

Kaziakhmed T. Tagirov[1], Alina V. Glushchenko[2], Evgeny A. Dovgan[3]

[1]Branch of Dagestan State University in Derbent, Derbent, Russia, tagir57.05@mail.ru

[2]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, alina.glushchienko.1995@mail.ru

[3]Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russia, dovghan_72@mail.ru

Abstract. The article analyzes the modern mechanisms of regional innovative development. Based on the main provisions of the implementation of the cluster innovation policy, the authors put forward the assumption that the current period of economic transformation should switch to the strategy of "smart specialization", as this will combine the most effective methods of regional innovation development.

Keywords: investment, innovation, innovation activity, cluster policy, smart specialization strategy, SMART strategy; economy

For citation: Tagirov K. T., Glushchenko A. V., Dovgan E. A. Strategy of "SMART specialization" of the regions as a factor of innovative development. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):152–156. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-152-156

© Тагиров К. Т., Глущенко А. В., Довгань Е. А., 2023

В современных условия развития национальных экономик стало наблюдаться постепенное смещение акцентов инновационного развития с государственного на региональный уровень. Полагаем, что данный факт не вызывает никаких сомнений поскольку именно мезоэкономические системы на сегодняшний день выступают своеобразным проводником стратегических инициатив и модернизационных изменений.

Формирование и развитие инновационной деятельности определенной территории детерминирует необходимость анализа инновационного потенциала, который на территории Российской Федерации характеризуется значительной степенью дифференциации, и, как следствие, неравномерностью инновационного развития. Подобные обстоятельства являются объективным отражением особенностей российского государства, так как Россия обладает значительной территорией, разнообразными природно-климатическими условиями, географическим положением, преобладанием топливно-сырьевых ресурсов, сформировавшейся специализацией, а также историко-культурными традициями. Совокупность данных факторов, несомненно, оказывает влияние на инновационную деятельность территорий [1].

В настоящее время экономика российского государства и её региональные подсистемы испытывают кризисные проявления, которые выражены в экономических и финансовых аспектах, что вынуждает региональные структуры и федеральный центр искать новые направления развития, в том числе и на основе регионального стратегического планирования. Несмотря на то, что федеральные власти стараются оказывать меры поддержки для реализации региональных инициатив, на текущий момент так и не выработано единого подхода к реализации стратегических инновационных проектов.

Именно в условиях изменений и радикальных преобразований в экономической системе возрастает роль инновационной деятельности. По своей сути инновации ориентированы на определенную территорию и условия ее развития, поскольку реализации инновационной деятельности осуществляется в регионах, имеющих сравнительные преимущества и уникальные характеристики. На основе данного положения можно отметить, что успешность инновационного развития страны во многом опирается на инновационную деятельность на региональном и местном уровнях.

Полагаем, что в ближайшем будущем ключевым фактором конкурентоспособности регионов и национальной экономики будут являться именно инновации. Вследствие этого, переход к инновационно-ориентированной экономической модели является ответом на глобальные вызовы, а инновационная система страны, безусловно, должна опираться на региональные инновационные структуры.

Понимая важность и значимость развития инновационной деятельности, в регионах Российского государства сформирована кластерная стратегия инновационного развития. Курс на формирование и реализацию кластерной политики на территории России был взят в 2005 г., и именно с данного периода вопросы формирования кластеров становятся основными задачами как региональных, так и федеральных программ социально-экономического развития [2].

Несмотря на то, что гарантий успеха реализации кластерной политики как таковых не существует, после начала подобных преобразований стала наблюдаться цепная реакция, которая была обусловлена быстрым созданием и развитием кластеров на территории России. Однако успешное функционирование кластера во многом зависит от эффективности уже существующей системы нормативно-правового регулирования, заинтересованности граждан и инвесторов, наличия в регионе определенных благоприятных предпосылок для развития конкурентоспособных инновационных производств.

Применительно к региональному инновационному развитию проблема эффективной реализации инновационных кластеров обусловлена некоторыми объективными проблемами, а именно:

– методы определения эффективности кластерной политики должны содержать комплекс измерителей, на основе которых можно исчерпывающе судить об инновационном кластере. За достаточно длительный период функционирования кластеров в России комплексной системы измерителей инновационных кластеров так и не сформировано;

– пространственные границы кластера зачастую не совпадают с границами административных образований, что затрудняет аспекты организационного и нормативно-правового регулирования;

– кластеры имеют динамичный характер развития, а значит, требуют постоянного мониторинга, который не осуществляется на территории страны.

Вышеперечисленные аспекты и прошедший временной период не показали ожидаемого эффекта от реализации кластерной политики инновационного развития. Вследствие чего, считаем необходимым применить стратегию «умной специализации» или SMART-специализацию в целях минимизации существующих недостатков регионального инновационного развития.

Отдельно хотелось бы отметить, что кластерная стратегия и стратегия «умной специализации» не противоречат одна другой, они могут дополнять друг друга и реализовываться комплексно. Полагаем, что стратегия «умной специализации» выступает логическим и перспективным продолжением кластерного подхода, как в рамках национального, так и регионального развития [3].

Теоретико-методологические аспекты и концептуальная структура реализации модели «умной специализации» как инструмента инновационной политики широко представлены в научно-исследовательской литературе.

Первоначально концепция «умной специализации» была представлена экспертной группой ЕС в 2009 году как механизм повышения инвестиционной привлекательность для глобальных компаний в области НИОКР. Но лишь в 2020 году термин «умный» применили по отношению к росту и развитию в экономическом смысле. Данный термин употреблен в стратегии «Европа 2020», как ответ на значительные структурные преобразования и проблемы современности [4].

«Умная» или «SMART»-специализация является относительно новой концепцией, которая сочетает в себе учения Адама Смита о торговой специализации и разделении труда и эволюционной экономики. В основе умной специализации заложены принципы наращивания отдачи от инвестиционных вложений в науку, влиянии рыночных механизмов и барьеров рынка, а также возрастающей роли потока знаний. Концепция «умной специализации» частично содержит элементы неоклассической социальной экономики, теории гибкой специализации и промышленного развития. Умная специализация зачастую характеризуется как регионоцентричная модель экономического управления, так как отражает вклад государственной политики в стимулирование инновационного развития [5, с. 220].

Умная специализация предусматривает различные варианты диверсификации региональной экономики, предполагает осуществление постоянного мониторинга реализации и оценки инновационных проектов по заранее разработанным критериям, а также гибкость инновационного процесса, который обеспечивается на основе перераспределения ресурсов.

Согласно рассматриваемой концепции любой регион России может развиваться по инновационному сценарию, только данный путь будет особенным для каждой территории, в зависимости от потенциала и условий развития. В процессе осуществления «умной специализации» регион будет концентрироваться либо на традиционных отраслях с внедрением в них инновационных технологий для улучшения деятельности, либо будет выбирать путь формирования новых высокотехнологичных секторов экономики.

На основе реализации предложенного подхода региональная инновационная стратегия будет характеризоваться как эффективный и комплексный инструмент, который применяется для всех регионов страны, а не только для регионов-лидеров.

Возможность реализации концептуального подхода стратегии «умной специализации» была проанализирована на примере Ростовской области. Так, предполагаемый инструмент инновационной модернизации Донского региона поэтапно представлен на рис. 1.

На основе реализации данной стратегии регион получит следующие преимущества:

– комплексная поддержка всех видов экономической деятельности, а не только инновационно активных;

– улучшение инвестиционной привлекательности региона на основе формирования у заинтересованных лиц понимания того, какие отрасли и сферы наиболее инновационно-ориентированные, а какие еще стоит развивать;

– обеспечение коллегиальной разработки, принятия и реализации стратегических решений путем укрепления коммуникации между региональными заинтересованными сторонами.

Рис. 1. Модель реализации стратегии «умной специализации» на примере Ростовской области

Fig. 1. The model of implementation of the strategy of "smart specialization" on the example of the Rostov region

Таким образом, полагаем, что для комплексного инновационного развития региона следует осуществлять взаимодействие уникальных особенностей и характеристик региона с кластерной картой страны. Карта уникальных компетенций регионального развития позволит раскрыть приоритетные направления для каждого региона на основе реализации стратегии «умной специализации», сделает поиск партнеров и инвесторов более понятным и прозрачным, а также будет способствовать увеличению инновационной активности.

Список источников

1. Яшин С. Н., Яшина Н. И., Захарова Ю. В. Институциональная среда как фактор инновационного развития регионов РФ // Управленческий учет. 2021. № 11-2. С. 556–561.

2. Коротина Н. Ю. Методология «умной специализации» в преодолении пространственной асимметрии отношений экономического федерализма в России // Journal of New Economy. 2020. Т. 21. № 1.

3. Foray, D. (2017) The Economic Fundamentals of Smart Specialization Strategies. In book: Advances in the Theory and Practice of Smart Specialization. DOI: 10.1016/B978-0-12-804137-6.00002.

4. Абашкин В. Л., Гохберг Л. М., Еферин Я. Ю., Иванова Е. А., Куценко Е. С., Нечаева Е. Г., Тюрчев К. С. Атлас экономической специализации регионов России / под ред. Л. М. Гохберга, Е.С. Куценко. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021.

5. Шерстнева О. М., Яшева Г. А. Стратегия умной специализации регионов: теоретические аспекты и европейский опыт // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2022. № 1 (42). С. 214–228.

References

1. Yashin S. N., Yashina N. I., Zakharova Yu. V. Institutional environment as a factor of innovative development of the regions of the Russian Federation. *Upravlencheskii uchet = Managerial accounting.* 2021;(11-2):556–561. (In Russ.)

2. Korotina N. Y. Methodology of "smart specialization" in overcoming the spatial asymmetry of relations of economic federalism in Russia*. Journal of New Economy.* 2020;21(1). (In Russ.)

3. Foray, D. (2017) The Economic Fundamentals of Smart Specialization Strategies. In: *Advances in the Theory and Practice of Smart Specialization.* DOI: 10.1016/B978-0-12-804137-6.00002.

4. Abashkin V. L., Gokhberg L. M., Eferin Ya. Yu., Ivanova E. A., Kutsenko E. S., Nechaeva E. G., Tyurchev K. S. *Atlas of economic specialization of the regions of Russia.* Edited by L. M. Gokhberg, E.S. Kutsenko. Nats. research. Higher School of Economics, Moscow: HSE, 2021. (In Russ.)

5. Sherstneva O. M., Yasheva G. A. Strategy of smart Specialization of Regions: Theoretical aspects and European experience. *Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of the Vitebsk State Technological University*. 2022;1(42):214-228. (In Russ.)

Информация об авторах

К. Т. Тагиров – кандидат экономических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой экономических, естественных и математических дисциплин филиала Дагестанскогогосударственного университета в г. Дербенте.
А. В. Глущенко – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХиГС.
Е. А. Довгань – полковник полиции, заместитель начальника кафедры специальных дисциплин Волгодонского филиала РЮИ МВДРоссии.

Information about the authors

K. T. Tagirov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Acting Head of the Department of Economic, Natural and Mathematical Disciplines of branch of Dagestan State University in Derbent.
A. V. Glushchenko – lecturer of the Department of State and Municipal Administration of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.
E. A. Dovgan – Police Colonel, Deputy Head of the Department of Special Disciplines of Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.01.2023; одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 10.02.2023.
The article was submitted 22.01.2023; approved after reviewing 09.02.2023; accepted for publication 10.02.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 157–166
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):157–166
Проблемы экономики

Научная статья
УДК 336.114+336.13
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-157-166

ПОКАЗАТЕЛЬ ВЕРТИКАЛЬНОЙ НЕСБАЛАНСИРОВАННОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ДОЛГОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Евгений Николаевич Тимушев[1], Анна Александровна Михайлова[2]

[1, 2]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
[1]Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия, evgeny_timushev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5220-3841
[2]Автономная некоммерческая организация «Институт реформирования общественных финансов», Москва, Россия, aam@irof.ru, https://orcid.org/0000-0003-0831-2554

Аннотация. В статье рассматривается применимость показателя вертикальной фискальной несбалансированности и его компонентов при анализе долговой устойчивости регионов России. Концепция вертикальной несбалансированности Международного валютного фонда модифицируется с учетом разных видов межбюджетных трансфертов в бюджетной системе Российской Федерации. В качестве критерия группировки регионов используются данные о кредитных рейтингах от Аналитического кредитного рейтингового агентства «АКРА», осуществляется регрессионный анализ кредитного рейтинга. Установлено, что вертикальная несбалансированность может считаться одним из перспективных инструментов при анализе долговой устойчивости регионов. Найдена обратная взаимосвязь вертикальной несбалансированности и долговой устойчивости, оцениваемой через значение кредитного рейтинга. Выявлено, что увеличение дефицита и федеральных межбюджетных трансфертов в 2020 г. привело к росту вертикальной несбалансированности субъектов Российской Федерации. В регионах с большей долговой устойчивостью вертикальная несбалансированность увеличилась преимущественно за счет роста дефицита бюджета, в регионах с меньшей долговой устойчивостью – за счет внутрирегиональной централизации федеральных целевых межбюджетных трансфертов.

Ключевые слова: регионы России, межбюджетные трансферты, вертикальная фискальная несбалансированность, кредитные рейтинги, дополнительные налоговые доходы местных бюджетов

Финансирование: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных в рамках государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Тимушев Е. Н., Михайлова А. А. Показатель вертикальной несбалансированности как инструмент анализа долговой устойчивости регионов России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 157–166. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-157-166

Problems of Economics

Original article

VERTICAL FISCAL IMBALANCE AS A TOOL FOR ANALYZING THE DEBT SUSTAINABILITY OF RUSSIAN REGIONS

Evgeny N. Timushev[1], Anna A. Mikhaylova[2]

[1, 2]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
[1]Institute of Socio-Economic and Power Problems of the North, Federal research center Komi science center of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia, evgeny_timushev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5220-3841
[2]Institute for Public Finance Reform, Moscow, Russia, aam@irof.ru, https://orcid.org/0000-0003-0831-2554

© Тимушев Е. Н., Михайлова А. А., 2023

Abstract. The applicability of the indicator of vertical fiscal imbalance and its components in the analysis of debt sustainability of Russian regions is considered. The concept of vertical imbalance of the International Monetary Fund is modified to include different types of intergovernmental transfers in the budgetary system of Russia. The data on regional credit ratings from Analytical Credit Rating Agency "ACRA" are used as a criterion for grouping regions, a regression analysis of the credit rating is carried out. It is found that vertical imbalance can be considered one of the promising tools in the analysis of regional debt sustainability. The inverse relationship between vertical imbalance and debt sustainability with the latter estimated through the value of the credit rating, is found. Deficit and federal intergovernmental transfers in 2020 increased vertical imbalance and reduced debt sustainability of the subjects of the Russian Federation. Vertical imbalance in regions with greater debt sustainability increased mainly due to the growth of deficit, while in less sustainable regions – due to intraregional centralization of federal earmarked intergovernmental transfers.

Keywords: regions of Russia, intergovernmental fiscal transfers, vertical fiscal imbalance, credit ratings, additional tax revenues of local budgets

Financial Support*:* the article was prepared based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

For citation: Timushev E. N., Mikhaylova A. A. Vertical fiscal imbalance as a tool for analyzing the debt sustainability of Russian regions. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):157–166. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-157-166

Введение

В 2020 г. регионы России столкнулись с необходимостью роста расходов на фоне снижения налоговых доходов. Долг регионов вырос существенно, несмотря на увеличение федеральных межбюджетных трансфертов. Увеличение межбюджетных трансфертов хоть и частично компенсировало потребности в долговом финансировании, не могло не повлиять на фискальные стимулы органов власти регионов. Несмотря на передачу дополнительных полномочий, уровень бюджетной децентрализации в России не увеличился, так как параметры бюджетов субъектов стали еще сильнее зависеть от федеральных межбюджетных трансфертов, прежде всего целевых [1; 2]. В связи с этим тема методов и показателей оценки состояния межбюджетных отношений стала еще более актуальной. Увеличилась и важность понимания характера взаимосвязи системы межбюджетных отношений с долговой и в целом бюджетной устойчивостью.

Одним из инструментов диагностики межбюджетных отношений является показатель вертикальной фискальной несбалансированности (vertical fiscal imbalance, VFI). Его преимущество состоит в том, что он позволяет получить количественную характеристику вертикального распределения полномочий, и таким образом приблизиться к пониманию фискальных стимулов и вызывающих их институциональных условий. Насколько нам известно, данный показатель не применяется при анализе межбюджетных отношений в бюджетной системе Российской Федерации. Это обуславливает актуальность исследования концепции вертикальной фискальной несбалансированности, структуры данного показателя и характера его взаимосвязи с иными индикаторами межбюджетных отношений, особенно с индикаторами долговой устойчивости.

Проблема вертикальной несбалансированности, ее причин и последствий является частью общей проблемы оптимальной величины предложения общественных благ в экономической системе. Использование межбюджетных трансфертов направлено на повышение эффективности децентрализации [3], но одновременно снижает величину прямых федеральных расходов, то есть объем предоставляемых общефедеральных благ. В частности, выделение межбюджетных трансфертов уменьшает возможность перераспределения доходов населения через федеральный бюджет, что тормозит реализацию политики сокращения неравенства по частным доходам [4]. Более того, считается, что «потеря» прямых федеральных расходов превышает расширение субнациональных бюджетных расходов в стоимостном выражении [5]. Из-за этого тема эффективности политики межбюджетных отношений и распределения межбюджетных трансфертов не теряет актуальности.

Долговая устойчивость публично-правового образования приковывает к себе особое внимание в периоды резкого возрастания неопределенности. Под долговой устойчивостью понимается состояние, структура и сумма задолженности, определяющие возможности заемщика в полном объеме выполнять обязательства по погашению и обслуживанию долга без ущерба социально-экономическому развитию[1]. Одним из распространенных способов оценки долговой устойчивости является обработка комплекса количественных показателей, характеризующих различные аспекты возможности погашения долговых обязательств, и вынесение результирующего качественного показателя – кредитного рейтинга.

В рамках данной работы принимается, что значение кредитного рейтинга субъекта Российской Федерации является количественной оценкой уровня его долговой устойчивости. Значение кредитного рейтинга зависит от методологии его присвоения. Отечественные рейтинговые агентства (АКРА и ЭкспертРА) при вынесении рейтинга руководствуются в основном значениями количественных бюджетных индикаторов (уровень дотационности, сальдо текущих доходов и расходов, размер долга), в то время как международные (Fitch Ratings, S&P Global Ratings и Moody's Investors Service) – более разнообразными социально-экономическими индикаторами, а также трудно измеряемыми показателями состояния институциональной сферы [6].

В рамках количественного подхода к рейтингованию долговая устойчивость региона может быть смоделирована с использованием трех показателей – налоговых и неналоговых доходов, капитальных расходов и долга [7]. Однако взаимосвязь долговой устойчивости с показателем вертикальной фискальной несбалансированности остается малоизученной. Известно лишь, что вертикальная сбалансированность ниже в менее обеспеченных/более дотационных регионах России – с меньшим объемом капитальных расходов, бóльшим долгом и меньшим уровнем частных доходов [8].

Цель данной работы – сделать вывод о применимости показателя вертикальной фискальной несбалансированности при анализе межбюджетных отношений и оценке долговой устойчивости регионов России. Решаются следующие задачи:

1) осуществляется анализ компонентов показателя вертикальной несбалансированности;

2) дается оценка вертикальной несбалансированности разных групп субъектов Российской Федерации, сформированных на основе значения кредитного рейтинга;

3) с помощью показателя вертикальной несбалансированности и его компонентов анализируется изменение долговой устойчивости субъектов Российской Федерации в 2020 г.;

4) тестируется допустимость применения показателя вертикальной несбалансированности в модели долговой устойчивости, выраженной через кредитный рейтинг.

Методика

Вертикальная фискальная несбалансированность относится к числу основных показателей системы общественных финансов, применяемых Международным валютным фондом (МВФ). По определению, вертикальная фискальная несбалансированность оценивает достаточность собственных доходов для осуществления прямых расходов (1) [9]. Чем выше доля собственных доходов, тем ниже несбалансированность, то есть выше сбалансированность, и наоборот, чем выше доля межбюджетных трансфертов в доходах, тем ниже сбалансированность.

$$\mathrm{VFI} = 1 - \frac{\text{Доходырегиона} - \text{Входящиетрансферты}}{\text{Расходырегиона} - \text{Исходящиетрансферты}} \qquad (1)$$

В данной работе мы придерживаемся способа расчета, предлагаемого МВФ, но при этом учитываем особенности бюджетной системы Российской Федерации, в частности, роль субвенций – межбюджетных трансфертов, предназначенных для финансирования не собственных, а делегированных полномочий. Федеральные и региональные субвенции учитываются нами как прямые расходы донора и поэтому исключаются из расчета показателя вертикальной несбалансированности.

[1] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 29.11.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

Вертикальная несбалансированность – сложный показатель, состоящий из компонента сбалансированности бюджета (чем выше дефицит, тем ниже сбалансированность) и компонента вертикального баланса межбюджетных трансфертов (чем выше размер «входящих» трансфертов и ниже «исходящих», тем ниже сбалансированность). Таким образом, низкая вертикальная сбалансированность бюджета субъекта Российской Федерации может сформироваться в равной степени как за счет превышения расходов над доходами (дефицита бюджета), так и за счет превышения межбюджетных трансфертов, полученных из федерального бюджета, над межбюджетными трансфертами, выделенными в адрес бюджетов муниципальных образований.

В аналитических целях общий размер полученных и выделенных межбюджетных трансфертов можно разбить на виды. Это даст возможность оценить вклад различных видов финансовой помощи – формально нецелевых (дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности, дотации на сбалансированность) и целевых (субсидии и иные межбюджетные трансферты). К средствам, передаваемым из одного бюджета другому – межбюджетным трансфертам, – можно приравнять ресурсы, которые распределяются из бюджетов субъектов Российской Федерации местным бюджетам по нормативам отчислений, которые органы государственной власти регионов имеют право (статья 58 Бюджетного кодекса Российской Федерации, пункт 1) или обязанность (статья 58, пункт 3) устанавливать в дополнительно. Наибольший интерес представляют нормативы для четырех налогов – налога на доходы физических лиц, налога на прибыль организаций, налога на имущество организаций и налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения [10]. Такие виды «исходящих трансфертов» бюджетов субъектов Российской Федерации далее именуются «дополнительные налоговых доходы местных бюджетов».

Применимость показателя вертикальной несбалансированности в анализе межбюджетных отношений тестируется при помощи метода группировки, в основу которого кладется значение кредитного рейтинга региона России.

При анализе кредитных рейтингов субъектов Российской Федерации мы анализируем данные Аналитического кредитного рейтингового агентства «АКРА»[1] (табл. 1). Значения рейтинга весьма точно отражают деление регионов по уровню дотационности и бюджетной обеспеченности, поэтому кредитный рейтинг можно считать достаточно надежным критерием классификации субъектов Российской Федерации. При этом отождествление рейтинга с остальными индивидуальными статистическими показателями не совсем корректно – информированное внешнее мнение о кредитоспособности предполагает учет намного большего числа как количественных, так и качественных индикаторов. Поэтому кредитный рейтинг отражает большее число особенностей, чем просто дотационность и бюджетную обеспеченность. Это дает основания считать его перспективной основой для группировки субъектов Российской Федерации при анализе мало изученных взаимосвязей между показателями и интерпретации количественных значений индикаторов.

Таблица 1 – Кредитные рейтинги субъектов Российской Федерации от АКРА
Table 1 - ACRA Credit ratings of the subjects of the Russian Federation

Рейтинг	Состав группы
«AAA»	г. Москва, г. Санкт-Петербург, Респ. Татарстан, Ханты-Мансийский АО – Югра, Ямало-Ненецкий АО, Тюменская обл.
«AA»	Белгородская обл., Липецкая обл., Московская обл., Краснодарский край, Самарская обл., Челябинская обл., Красноярский край, Новосибирская обл.
«A»	Курская обл., Рязанская обл., Тверская обл., Респ. Коми, Мурманская обл., Оренбургская обл., Свердловская обл., Алтайский край, Кемеровская обл.
«BBB»	Костромская обл., Тамбовская обл., Новгородская обл., Пензенская обл., Томская обл., Магаданская обл.

Источник: АКРА, по данным на май – октябрь 2021 г.

[1] https://www.acra-ratings.ru/ (дата обращения: 11.04.2022)

Анализ применимости показателя вертикальной несбалансированности в моделировании долговой устойчивости осуществляется через оценку коэффициентов модели (2). В дополнение результатов [8] мы переводим рейтинговые шкалы в целые значения на основе подхода информационного портала Trading Economics[1], когда «100» присваивается ситуации наивысшей кредитоспособности («AAA»), и далее идет уменьшение на 5 пунктов вниз при снижении значения рейтинга. Следуя работе [11], мы так же предполагаем, что простой метод наименьших квадратов, несмотря на простоту, дает достоверные результаты.

$$\mathrm{CR} = \alpha_0 + \sum_{m=1}^{n} \alpha_m * \mathrm{X}_m + \varepsilon, \qquad (2)$$

где: CR – кредитный рейтинг, X – вектор вероятных факторов.

Результаты

Анализ в разрезе групп регионов России, сформированных по критерию значения кредитного рейтинга, показывает, что вертикальная сбалансированность выше у более устойчивых субъектов Российской Федерации (с бóльшим значением кредитного рейтинга) (рис. 1). Учет дополнительных налоговых доходов местных бюджетов заметно снижает оценки вертикальной несбалансированности, но не меняет саму динамику показателя, так как ежегодные значения налоговых доходов от нормативов отчислений сравнительно стабильны.

Относительный размер дополнительных налоговых доходов местных бюджетов, как видно из рис. 1, не зависит от степени устойчивости и значения рейтинга. В части видов межбюджетных трансфертов, регионы с наибольшей долговой устойчивостью в рамках межбюджетной политики широко используют субсидии и иные межбюджетные трансферты, и чуть меньше – дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности. Регионы с наименьшей долговой устойчивостью в существенной степени зависят от федеральных дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, а их бюджеты, как правило, исполняются с большим дефицитом даже в относительно благоприятные периоды.

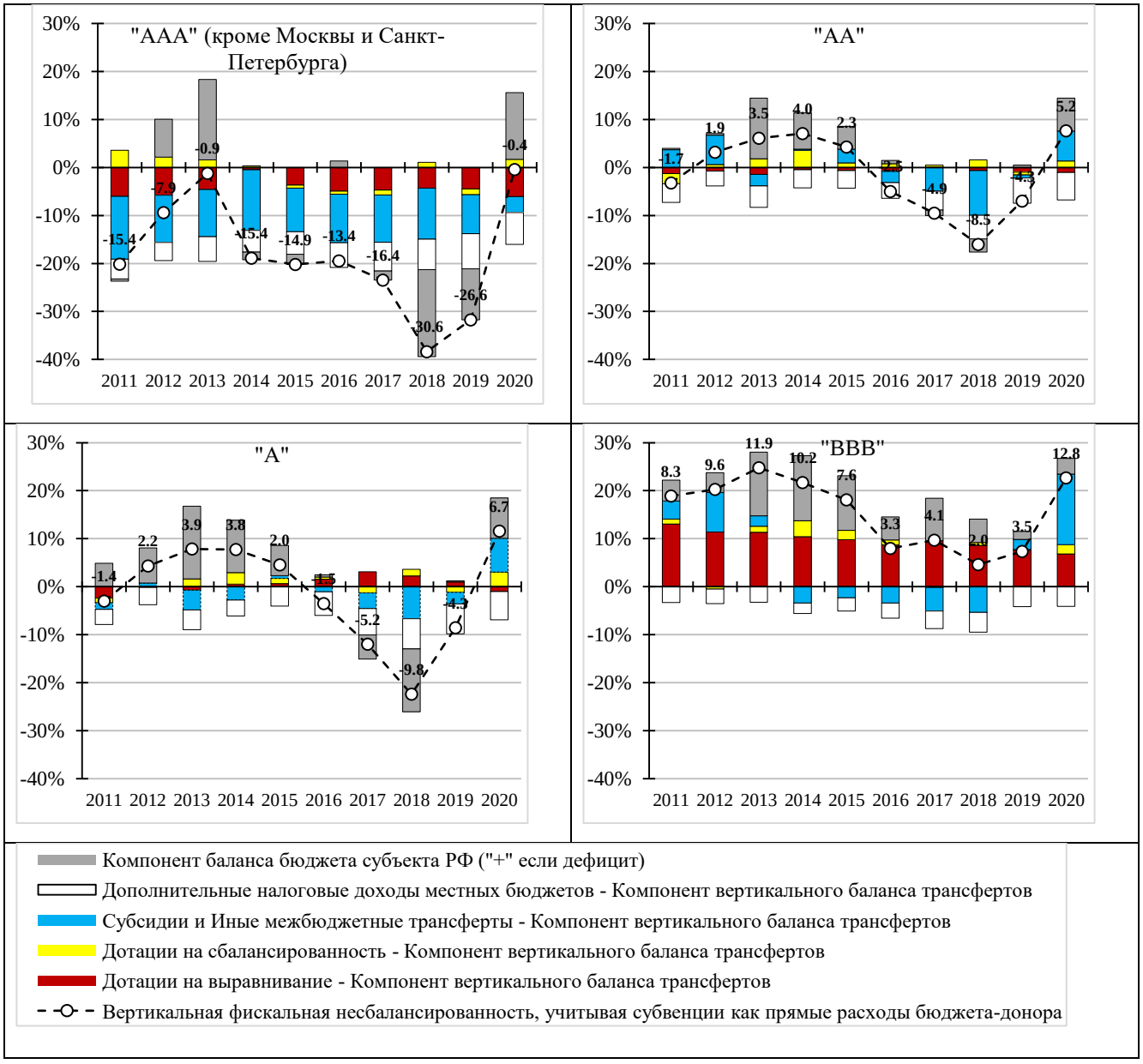
В 2020 г. вертикальная несбалансированность регионов России резко выросла вследствие как роста дефицита бюджетов субъектов, так и роста предоставления федеральных целевых межбюджетных трансфертов (субсидий и иных межбюджетных трансфертов). Это ярко демонстрирует применение метода группировки на основе критерия кредитного рейтинга (рис. 2).

Вертикальная несбалансированность выросла или, что то же самое, сбалансированность уменьшилась во всех группах регионов. Федеральные межбюджетные трансферты стали главным фактором вертикальной несбалансированности. Однако их значение для устойчивости было неодинаковым для разных групп регионов. Уменьшение сбалансированности за счет роста федеральных целевых межбюджетных трансфертов (субсидий и иных межбюджетных трансфертов) было наивысшим в наименее устойчивых субъектах. Напротив, субъекты с высоким кредитным рейтингом исполнили бюджет с наибольшим дефицитом, что так же уменьшило их вертикальную сбалансированность. В части нормативов отчислений, образующих дополнительные налоговые доходы местных бюджетов, сбалансированность увеличилась, то есть из средств бюджетов субъектов в адрес местных бюджетов выделялось больше средств, чем в среднем за 2011–2019 гг.

Можно отметить и положительные моменты в развитии межбюджетных отношений по итогам 2020 г. Например, в отличие от субсидий и иных межбюджетных трансфертов, сальдо дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности немного уменьшилось. То есть, регионы стали передавать больше нецелевых межбюджетных трансфертов своим муниципальным образованиям. В частности, наиболее устойчивые регионы увеличили предоставление дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности местным бюджетами и сократили объем целевых трансфертов, что благоприятно повлияло на самостоятельность соответствующих муниципалитетов.

Количественные расчеты подтверждают, что основным драйвером высокой вертикальной несбалансированности в 2020 г. стал именно компонент вертикального баланса межбюджетных трансфертов (табл. 2). Это отличает кризис 2020 г. от, например, кризиса 2013 г., когда именно дефицит бюджетов вырос более существенно. В структуре межбюджетных трансфертов наибольшее влияние на рост вертикальной несбалансированности субъектов Российской Федерации оказали субсидии и иные межбюджетные трансферты.

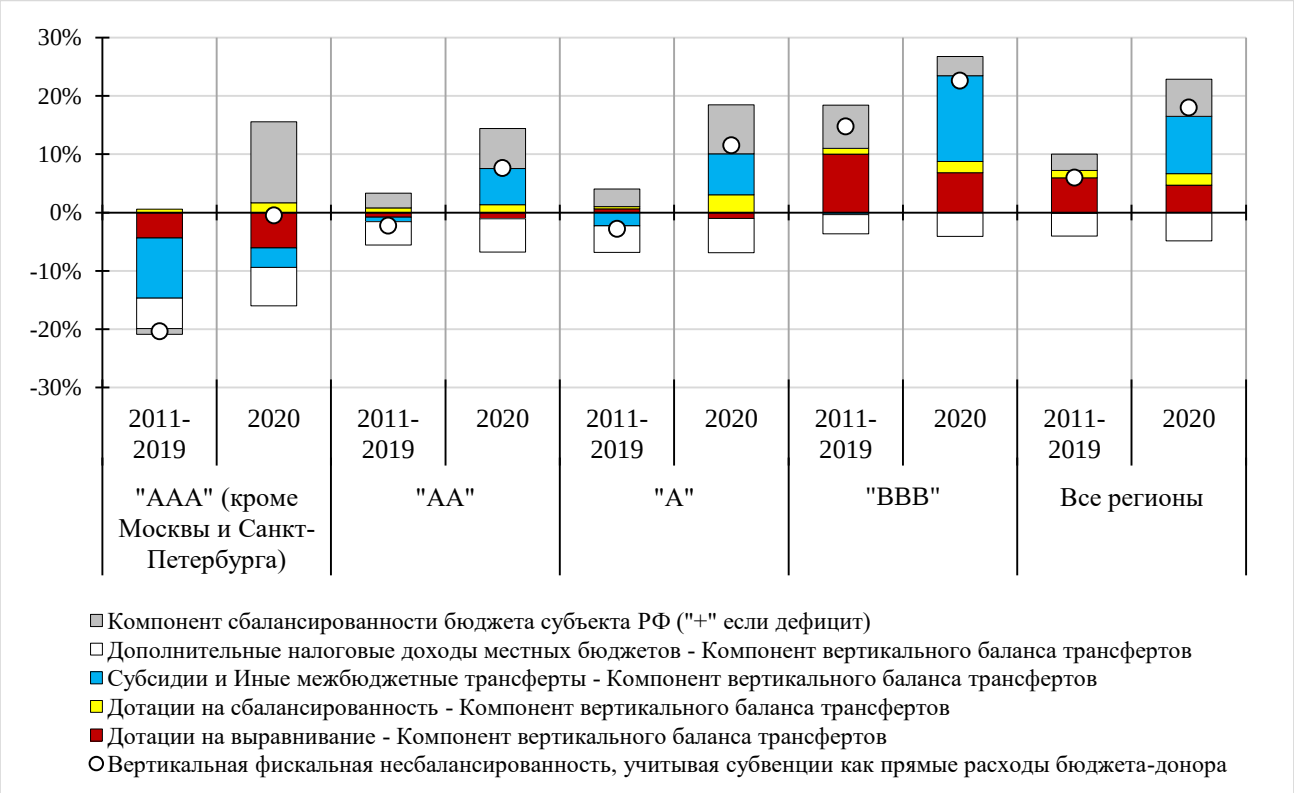
[1] URL: https://tradingeconomics.com/russia/rating (дата обращения: 18.04.2022).



Источник: расчеты авторов по данным Казначейства России, данные о кредитных рейтингах – АКРА (май – октябрь 2021 г.).

Рис. 1. Динамика и компоненты вертикальной фискальной несбалансированности субъектов Российской Федерации, с учетом дополнительных налоговых доходов местных бюджетов по нормативам отчислений

Fig. 1. Dynamics and components of the vertical fiscal imbalance of Russian regions, taking into account additional tax revenues of local budgets according to deduction standards



Источник: расчеты авторов по данным Казначейства России, данные о кредитных рейтингах – АКРА (май – октябрь 2021 г.).

Рис. 2. Компоненты вертикальной фискальной несбалансированности субъектов Российской Федерации

Fig. 2. Components of the vertical fiscal imbalance of the Russian regions

Таблица 2 – Прирост компонентов вертикальной несбалансированности в 2020 г. по сравнению с 2011–2019 гг., п.п.

Table 2 - Growth of vertical imbalance components in 2020 compared to 2011–2019, p.p.

Компонент	Все регионы	"ААА"	"АА"	"А"	"ВВВ"
Всего изменение вертикальной несбалансированности, субвенции приравнены к прямым расходам донора	12,0	19,9	9,9	14,3	7,8
в том числе по компонентам:					
компонент вертикального баланса межбюджетных трансфертов	9,4	6,4	7,3	10,3	12,8
в том числе:					
Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности	-1,3	-1,7	-0,3	-1,7	-3,2
Дотации на сбалансированность	0,7	1,1	0,6	2,6	0,9
Субсидии и Иные межбюджетные трансферты	10,0	7,0	7,0	9,3	15,1
компонент дополнительных налоговых доходов местных бюджетов	-0,9	-1,4	-1,7	-1,3	-0,8
компонент сбалансированности бюджета субъекта Российской Федерации ("+" если дефицит)	3,5	14,8	4,3	5,3	-4,2

Источник: расчеты авторов.

Таким образом, особенность экономического кризиса 2020 г. применительно к системе межбюджетных отношений состоит в централизации межбюджетных трансфертов на уровне региональных бюджетов на фоне роста их дефицита. Централизация затронула федеральные целевые трансферты (субсидии и иные межбюджетные трансферты), что было особенно выражено для регионов с наименьшей долговой устойчивостью.

Моделирование уровня долговой устойчивости региона в виде кредитного рейтинга указывает на правомерность замены показателя доли налоговых и неналоговых доходов бюджета на показатель вертикальной несбалансированности (табл. 3). Замена показателя меняет значения коэффициента регрессии и свободного члена, но объясняемая сила модели не меняется.

Таблица 3 – Оценки коэффициентов регрессий (зависимая переменная – кредитный рейтинг)
Table 3 – Estimates of regression coefficients (dependent variable – credit rating)

Переменные / Состав объясняющих переменных	С включением доли налоговых и неналоговых доходов в общих доходах	С включением вертикальной несбалансированности
Свободный член	-1,4*	1,8***
Доля налоговых и неналоговых доходов в общих доходах бюджета	0,4***	-
Вертикальная несбалансированность, субвенции приравнены к прямым расходам донора	-	-0,3***
Доля капитальных расходов в общих расходах бюджетов регионов	0,4***	0,5***
(Долг региона / Налоговые и неналоговые доходы бюджета)	-0,4***	-0,4***
R^2 adjusted	0,76	0,73
Кол-во наблюдений	29	29

Источник: расчеты авторов.

*Примечание: расчеты по методу наименьших квадратов. * – коэффициенты, значимые на уровне 10%; ** – на уровне 5%; *** – на уровне 1%. Данные о параметрах бюджетов – за 2019 г. Данные о кредитных рейтингах: май – октябрь 2021 г.*

Выводы

Таким образом, по итогам работы можно сделать вывод о больших перспективах показателя вертикальной фискальной несбалансированности как инструмента анализа межбюджетных отношений и долговой устойчивости на региональном уровне бюджетной системы. Были решены все поставленные задачи, что позволяет сформулировать основные результаты работы:

1. Показатель вертикальной несбалансированности состоит из двух компонентов – непосредственно компонента сбалансированности бюджета и компонента вертикального баланса межбюджетных трансфертов. Отсюда следует, что низкая вертикальная сбалансированность бюджета субъекта Российской Федерации формируется как за счет образования дефицита, так и за счет превышения федеральных межбюджетных трансфертов над региональными. Высокая сбалансированность бюджета образуется в случае отсутствия дефицита (образования профицита), низких объемов федеральных межбюджетных трансфертов и/или высоких значений региональных межбюджетных трансфертов в адрес муниципальных образований.

2. Анализ долговой устойчивости субъектов Российской Федерации с использованием группировки на основе кредитных рейтингов подтверждает обратную взаимосвязь вертикальной несбалансированности и долговой устойчивости, оцениваемой через значение рейтинга: чем выше кредитный рейтинг, тем ниже вертикальная несбалансированность, и наоборот. В данной взаимосвязи в равной степени важны оба компонента вертикальной несбалансированности: компонент сбалансированности бюджета (дефицит или профицит) и компонент вертикального баланса трансфертов.

3. Образование дефицита бюджетов субъектов Российской Федерации и увеличение федеральных межбюджетных трансфертов в 2020 г. привело к росту вертикальной несбалансированности (или, что то же самое, снижению сбалансированности). Динамика межбюджетных трансфертов оказала даже большее влияние на рост вертикальной несбалансированности, чем динамика дефицита, так как региональные межбюджетные трансферты остались примерно на прежнем уровне. Увеличение вертикальной несбалансированности (уменьшение сбалансированности) происходило по-разному в разных группах регионов. В регионах с *большей* долговой устойчивостью и высоким кредитным рейтингом она увеличилась решающим образом за счет роста дефицита бюджета. В регионах с *меньшей* долговой устойчивостью и низким кредитным рейтингом вертикальная несбалансированность увеличилась за счет внутрирегиональной централизации федеральных целевых межбюджетных трансфертов, то есть отказа органов власти регионов передавать их ниже на уровень местных бюджетов.

4. Так как показатель вертикальной несбалансированности состоит из показателей дефицита и сальдо входящих и исходящих межбюджетных трансфертов, он может выступать одной из детерминант долговой устойчивости. В таком случае формирование долговой устойчивости будет учитывать состояние межбюджетных отношений «по вертикали» бюджетной системы.

Список источников

1. Климанов В. В., Михайлова А. А. Бюджетная децентрализация в пандемию и постпандемийных условиях // Журнал НЭА. 2021. №3. С. 218–226.

2. Зубаревич Н.В. Возможности децентрализации в год пандемии: что показывает бюджетный анализ? // Региональные исследования. 2021. № 1(71). С. 46–57. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-1-4

3. Oates W.E. An Essay on Fiscal Federalism // Journal of Economic Literature. 1999. Vol. 37. No. 3. P. 1120–1149.

4. Bouton L., Gassner, M., Verardi V. Redistributing income under fiscal vertical imbalance // European Journal of Political Economy. 2008. No. 24 (2). P. 317–328. https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2008.01.003

5. Logan R. Fiscal Illusion and the Grantor Government // Journal of Political Economy. 1986. Vol. 94, No. 6. P. 1304–1318.

6. Михайлова А., Тимушев Е. Детерминанты кредитных рейтингов регионов России // Регионология. 2021. Том 29, №. 2 С. 355–379. https://doi.org/10.15507/2413-1407.115.029.202102.355-379.

7. Михайлова А., Тимушев Е. Кредитоспособность регионов России: на что обращать внимание // Финансовый журнал. 2020. № 6. С. 69–86. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-6-69-86.

8. Михайлова А., Тимушев Е. Концепция вертикальной несбалансированности при анализе бюджетной устойчивости на региональном уровне // Финансовый журнал. 2021. №. 6. С. 98–116. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-6-98-116.

9. Lledó V. Ncuti C., Kabanda M. et al. The IMF Fiscal Decentralization Dataset: A Primer. International Monetary Fund, 2018. December.

10. Дерюгин А., Филиппова И., Арлашкин И. Влияние внутрирегиональной налоговой децентрализации на развитие доходной базы регионов // Экономическая политика. 2021. № 2. С. 8–33.

11. Cantor R., Packer F. Determinants and Impact of Sovereign Credit Ratings // FRBNY Economic Policy Review. 1996. No. 2 (2). P. 37–54.

References

1. Klimanov V.V., Mikhaylova A.A. Budgetary decentralization in the pandemic and post-pandemic conditions. *ZHurnal NEA = Journal of NEA*. 2021; (3): 218-226. (In Russ.).

2. Zubarevich N.V. Possibilities of decentralization in the year of the pandemic: what does the budget analysis show? *Regional'nye issledovaniya = Regional studies*. 2021; (1(71)): 46–57. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-1-4 (In Russ.).

3. Oates W.E. An Essay on Fiscal Federalism. *Journal of Economic Literature*. 1999; 37 (3): 1120–1149.

4. Bouton L., Gassner, M., Verardi V. Redistributing income under fiscal vertical imbalance. *European Journal of Political Economy*. 2008; 24 (2) : 317–328. https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2008.01.003

5. Logan R. Fiscal Illusion and the Grantor Government. *Journal of Political Economy.* 1986; 94(6): 1304–1318.

6. Mikhaylova A., Timushev E. Determinants of credit ratings of Russian regions. *Regionologija = Regionology*. 2021; 29 (2): 355–379. https://doi.org/10.15507/2413-1407.115.029.202102.355-379. (In Russ.)

7. Mikhaylova A., Timushev E. Creditworthiness of Russian regions: what to pay attention to. *Finansovyj zhurnal = Financial journal*. 2020; (6): 69–86. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-6-69-86. (In Russ.).

8. Mikhaylova A., Timushev E. The concept of vertical imbalance in the analysis of budgetary sustainability at the regional level. *Finansovyj zhurnal = Financial journal*. 2021. (6): 98–116. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-6-98-116. (In Russ.).

9. Lledó V. Ncuti C., Kabanda M. et al. The IMF Fiscal Decentralization Dataset: A Primer. International Monetary Fund, 2018. December.

10. Deryugin A., Filippova I., Arlashkin I. Influence of intra-regional tax decentralization on the development of the income base of regions. *Ekonomicheskaya politika = Economic policy*. 2021; (2): 8–33. (In Russ.).

11. Cantor R., Packer, F. Determinants and Impact of Sovereign Credit Ratings. *FRBNY Economic Policy Review*. 1996. No. 2(2). P. 37–54.

Информация об авторах

Е. Н. Тимушев – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра региональной политики ИПЭИ РАНХиГС; старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

А. А. Михайлова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра региональной политики ИПЭИ РАНХиГС; начальник отдела прикладных экономических исследований АНО «Институт реформирования общественных финансов».

Information about the authors

E. N. Timushev – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Center for Regional Policy, Institute of Applied Economic Research of RANEPA; Senior Researcher of Institute of Socio-Economic and Power Problems of the North of Federal research center Komi science center of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences.

A. A. Mikhaylova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Center for Regional Policy, Institute of Applied Economic Research of RANEPA; Head of the Department of Applied Economic Research of Institute for Public Finance Reform.

Вклад авторов:

Тимушев Евгений Николаевич – разработка концепции и программы исследования; анализ современной литературы; сбор данных; представление результатов и формулирование выводов; подготовка текста.

Михайлова Анна Александровна – постановка проблемы, структурирование и анализ результатов; критический анализ первичных материалов; научная доработка текста.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

Evgeny N. Timushev – development of the research concept and program; analysis of literature; data collection; presentation of results and formulation of conclusions; preparation of the text.

Anna A. Mikhaylova – statement of problem, scientific guidance; structuring and analysis of results; critical analysis of primary materials; scientific revision of the text.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.05.2022; одобрена после рецензирования 17.10.2022; принята к публикации 14.01.2023.

The article was submitted 17.05.2022; approved after reviewing 17.10.2022; accepted for publication 14.01.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 167–173
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):167–173

Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 324
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-167-173

ЭЛЕКТОРАЛЬНО-ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЛЕГИТИМАЦИИ ЭЛИТНО-ЛИДЕРСКОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ

Давид Кромвелович Григорян[1, 2]

[1]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
davo-davo23@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9411-8418
[2]Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье анализируются электорально-избирательные технологии. Выявлено, что важнейшей составной частью механизма элитообразования, равно как и элитно-лидерского позиционирования являются социально-политические технологии. Заключено, что избирательные технологии лидерского-элитного позиционирования включают в себя: технологии демонстрации реальных возможностей, за которыми – публичное проявление интеллектуальной силы, политической зрелости и организаторских способностей; технологии формирования общественного мнения; технологии поддержки и сопровождения.

Ключевые слова*:* электорально-избирательные технологии, элитообразование, элитное позиционирование, легитимация, общественное мнение, избирательная кампания

Для цитирования: Григорян Д. К. Электорально-избирательные технологии как инструмент легитимации элитно-лидерского позиционирования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 167–173. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-167-173

Politology and Ethnopolitics

Original article

ELECTORAL-VOTING TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR LEGITIMIZING ELITE LEADERSHIP POSITIONING

David K. Grigoryan[1, 2]

[1]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia,
davo-davo23@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9411-8418
[2]Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article analyzes electoral-voting technologies. It is revealed that the most important component of the mechanism of elite formation, as well as elite-leadership positioning, are socio-political technologies. It is concluded that the electoral technologies of leadership-elite positioning include: technologies for demonstrating real opportunities, followed by a public manifestation of intellectual strength, political maturity and organizational abilities; technologies for forming public opinion; technologies for support and support.

© Григорян Д. К., 2023

Keywords: electoral-voting technologies, elite education, elite positioning, legitimization, public opinion, election campaign

For citation: Grigoryan D. K. Electoral-voting technologies as a tool for legitimizing elite leadership positioning. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):167–173. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-167-173

Сменяемость и обновляемость элит, продвижения их во власть и реализация обретенных властных полномочий в последующем – одна из самых непростых проблем как практики, так и теории элитообразования и элитно-лидерского позиционирования. Хорошо, если сменяемость обеспечивается естественным образом и в соответствии с установленными законом нормами обеспечивает рациональную преемственность и прочность позиционирования в политике и управлении.

В США преемственность обеспечивается глубинным государством, сложившимися традициями двухпартийной политической системы, достаточно устойчивыми технологиями закулисных отношений – через семейные кланы, олигархическое финансирование, свободных выборов. И так на протяжении нескольких столетий. В дореволюционной России преемственность обеспечивалась системой монархического самодержавия. В советские времена через избираемые советы народных депутатов, надгосударственную правящую партию и номенклатурную систему регулирования кадровых отношений снизу доверху. В современной России нет каких-то особых проблем сменяемости – все достаточно строго урегулировано конституционным правом и соответствующими кадровыми технологиями. А вот проблема преемственности, профессионализма и эффективности существует и на многих направлениях проявляет себя достаточно остро. Элитно-лидерскую преемственность пытаемся обеспечить посредством многопартийности, электорального регулирования и института избирательного права.

Важнейшей составной частью механизма элитообразования, равно как и элитно-лидерского позиционирования являются социально-политические технологии. Речь идет о технологиях как совокупности форм, методов и процедур, используемых для завоевания, закрепления и обеспечения легитимности статусных позиций, а в последующем на этой основе достижения запрограммированных целей. Набор такого рода технологий и инструментов – не случаен. Во многом он обусловлен конкретно-исторической ситуацией, уровнем правовой культуры и демократичности общества, сложившимися традициями, качеством правовой, профессиональной и нравственной зрелости политического класса. А вот, чтобы расширить замкнутый круг элитно-лидерского позиционирования, нужна очень серьезная мотивация, нужна конкуренция за власть - отсутствие публичной политической конкуренции и подмена ее внутриэлитной борьбой и межличностными интригами непременно ведет к деградации власти и расстройству управления, включаются механизмы «отрицательного отбора». Подтверждений справедливости такого тезиса великое множество, в том числе опыт последних президентских выборов в США.

Технологии такой конкуренции соответствующим образом систематизируются.

Мы остановимся лишь на некоторых из них: а) электорально-избирательных, б) информационно-коммуникативных и в) имиджевых. Причем в обязательном порядке с учетом особенностей социально-политического транзита в условиях постмодерна – «рефлексивного состояния общественной ментальности» (З. Бауман), разрушительной силы постценностей, постправды и постморали (Ф. Джеймисон), нарастающей нетерпимости к принципам гуманизма и историзма (М. О. Мнакацанян), что выводит «логику модернизма на уровень экстрима» (Д. Белл). А значит, вольно или невольно допускает господство насилия, страха и безысходности (А. П. Давыдов) – важнейшей составляющей постмодерна. Убедительные доказательства справедливости представленных положений находим в трудах В. Г. Бузина, Е. Й. Вятра, О. В. Гаман-Голутвиной, М. К. Горшкова, М. Дюверже, М. В. Ильина, А. И. Ковлера, С. А. Кислицына, Ю. К. Краснова, С. С. Курица, Я. А. Пляйса, Р. М. Романова, В. М. Соколова, Т. Я. Хабриевой, О. Ф. Шаброва, Б. С. Эбзеева. Свой вклад вносят политики, активно проявляющие себя депутаты, лидеры общественного мнения и политтехнологи.

Электорально-избирательные технологии можно представить как совокупность приемов, способов, средств и методов организации избирательного процесса, идеологического и социально-психологического воздействия на электорат, оказания заранее смоделированного управляющего

воздействия на электоральное поведение [1]. От их правовой и организационной обеспеченности в решающей степени зависят не только эффективность «избирательной формулы», но и качество полученного результата. А в последующем легитимность правящего политического класса на всех его уровнях и во всех его составляющих – на уровне президента, представительной власти, института губернаторства, местного самоуправления.

Избирательная кампания – особая форма целенаправленного взаимодействия кандидатов, политических партий и граждан-избирателей в расчете на победу в предвыборной гонке, на завоевание нужного большинства голосов и на получение в результате искомого мандата на власть. Сходные задачи в расширенном варианте решает институт позиционирования[2]. С учетом, конечно, того, что современные избирательные технологии разные. В разных странах и в разных исторических условиях они применяются по-разному в соответствии с национальной традицией и действующим избирательным правом. Имеется в виду право избирать – активное избирательное право и бить избранным на выборные должности в выборных органах публичной власти – пассивное избирательное право. В этом же ряду стоит право на участие в референдумах.

Избирательная система со всеми ее цензами, средствами и инструментарием (избирательное законодательство, избирательные ограничения, электоральные процедуры, установление границ избирательных округов, создание избирательных комиссий, регистрация избирателей, регистрация кандидатов и партий, отбор доверенных лиц, дебаты, митинги, интернет-акции, публикации в прессе, подсчет голосов, объявление результатов) призвана отобрать лучших и делегировать их во власть. Естественно, с последующим позиционированием в структуре соответствующего органа и на очередной срок легислатуры. С этой точки зрения демократически выстроенная в соответствии с законом избирательная система становится не только подсистемой «кадрового рекрутинга», но и «важнейшим фактором позитивного политического развития» общества в целом [3;4, с. 6, 16].

Многое зависит от правовой и нравственной культуры общества, профессионализма государственного аппарата и избирательных комиссий, сложившейся в стране расстановки политических сил, дееспособности политических институтов, оппозиционного сопротивления, конфигурации факторов внешнего влияния. Именно от этого зависит отношение общества к выборам и электоральная активность – уровень явки избирателей на избирательные участки, распределение голосов, электоральные предпочтения. Многое определяется харизматичностью лидера (или группы лидеров), его программой, авторитетом, политической волей.

Отсюда разные формы публичной презентации политических позиций, разнообразие способов воздействия на общественное сознание и политические институты. В том числе такие формально-бюрократические «мелочи», как формирование избирательных комиссий, пропагандистское и документальное насыщение избирательных участков, сбор подписей в поддержку кандидатов, предвыборные мероприятия. Не случайно избирательные технологи, если есть заинтересованность в том, чтобы гарантировать легитимность избирательной кампании и обеспечить нужное электоральное поведение, усиливают сильным научным сопровождением и грамотным политическим маркетингом [5–7]. Цель – обеспечить тесную связь кандидата со своим электоратом и добиться «достаточного числа необходимых для победы голосов». Обеспечивает успешность реализации такой цели высокопрофессиональная социология, непредвзятость оценки избирательной конъюнктуры, объективный анализ политических предпочтений избирателей, адекватное планирование избирательной кампании с учетом динамично меняющейся ситуации, грамотное использование имеющегося бюджета. Многое во всем этом определяется профессионализмом и порядочностью политтехнологов.

Избирательные технологии классифицируются по достаточно широкому кругу критериев. Подразделяются на:

– научно обоснованные, законные и прозрачные, основанные на публично-рациональном воздействии на сознание и поведение людей, нацелены на то, чтобы убедить избирателя в том, что программа их выдвиженца реальны, национально ориентированы и хорошо коррелируется с потребностям избирателя, в наибольшей степени соответствует представлениям о праве, справедливости и благе;

– манипулятивные, основаны на подтасовках, обмане и манипулировании. Отсюда недобросовестное использование фактора недовольства, подавленного психологического состояния и негативных эмоциональных вспышек человека. Особо эффектно такое воздействие, если оно накладывается на чувства тревожности и неуверенности в завтрашнем дне. Например, безработица, рост цен на потребительские товары, терроризм, национальный экстремизм, возможности военного конфликта и т.п.;

– деструктивные – технологии, которые заведомо ориентированы на негативно-разрушающее воздействие на общество и отдельные его подсистемы. Это технологии, которые заведомо и целенаправленно провоцируют деструкцию избирательного процесса. Основа и гарант такого замысла – нарушение закона, безнравственность и политическая аномия, т.е. «отсутствие, по Р. М. Макайверу, чувства принадлежности к обществу», нарушение системы социальной сплоченности. А далее ценностно-нормативный вакуум (Э. Дюргейм), политическая пассивность (В. Э. Бойков, С. А. Кравченко), скептицизм и деморализованность (Р. Мертон). Что понятно и бесспорно, ведь аномия – это патология нормальности, нарушающая «основы социального и психологического здоровья человеческого рода» (Э. Фромм).

Объектом, социальной средой и предметом избирательного маркетинга являются два типа рынков: а) рынок электоральных предпочтений и б) рынок политического «товара». В качестве товара выступают элиты, политические лидеры, депутаты, политические партии, политические объединения, организации, активисты протестных движений, блогеры, «диванные политики» и др. Товаром в политике являются также кандидаты на тот или иной пост в органах государственной власти – претенденты на государственные должности президентов, парламентариев, судей, губернаторов, глав местных администраций. При этом предназначенность технологических процедур избирательного процесса одна – успешность совершения операции обмена «политического товара» на максимально возможное количество голосов избирателей. Конечная цель – победа в конкурентной предвыборной борьбе и успешное вхождение во власть.

В демократических странах для того, чтобы выборы проходили в соответствии с установленным законом порядке, создаются соответствующие организационно-правовые условия, направленные на гарантированную реализацию гражданами своего пассивного и активного избирательного права. Избирательное законодательство определяет круг прав, обязанностей и ответственности участников избирательного процесса, определяет нормативную базу и организационно-технологические правила подготовки, проведения, подведения итогов и объявлений результатов выборов. Обязательно учитываются требования международного права. Прежде всего, принципы и нормы, которые закреплены во Всеобщей декларации прав человека (утверждена Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.), в которой на самом высоком международно-правовом уровне закреплено положение о том, что «каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или посредством свободно избранных представителей. Воля народа должна быть основой власти правительства, должна находить свое выражение в периодических и нефальсифицированных выборах при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования» без манипуляций и подтасовок.

Отсюда базовые принципы легитимности выборов: всеобщее, прямое и равное избирательное право; тайное голосование; честная состязательность кандидатов и их сторонников; предоставление гражданам реальных возможностей для политического участия и свободного без какой-либо дискриминации выбора; независимые наблюдатели на избирательных участках; свобода издательской деятельности и свободный доступ к средствам массовой информации. Нередко используются выборы косвенные (например, выборы президентов в США или сенаторов во Франции) или многостепенные, как выборы членов Всекитайского Собрания Народных Представителей в Китае.

В недемократических или странах, находящихся на начальном этапе демократического транзита, избирательные практики иные. В 2004 г. специалисты Международного института политической экспертизы (МИПЭ) совместно с аналитическим агентством «Нью Имидж» провели специальный экспертный опрос 40 российских политических консультантов, имеющих опыт работы за рубежом и участвующих в выборах за пределами своей страны. В центр внимания ученых была поставлена тематика, связанная с тем, по каким позициям и каким образом страновая специфика

влияет на выбор избирательных технологий, насколько применим опыт, приобретенный за пределами своей страны. В качестве основных политико-технологических инструментов было признано следующее: разработка концепции информационной и рекламно-пропагандистской кампании; создание «нужного» имиджа политика; организация встреч с избирателями; текстовки публичных выступлений; сбор подписей; составление наказов и анализ пожеланий избирателей; работа со СМИ и Интернетом – соответствующие публикации, в том числе дискредитирующие оппонента; мониторинг событий и контент-анализ публикаций; организация пикетов, шествий и митингов; составление психологических портретов конкурентов; изучение фокус-групп и проведение социологических опросов; составление рейтингов; разработка партийно-пропагандистской атрибутики и т.д., и т.п. [8, с. 2-3]. А далее главное, стремление как можно эффективнее использовать желания и настроения людей, а в условиях кризисного состояния – социальные трудности и обстановку недовольства, атмосферу безнадежности и неуверенности в будущем.

Широко используются также технологии «мягкой силы» – достижение поставленной политической цели с помощью средств массовой информации и НКО, образовательной системы и других сегментов интеллектуальной сферы. Хорошие условия представляют социальные сети Интернет. Это хорошее, по выражению Д. Ная, средство как для конструктивного воздействия, так и для «выкручивания мозгов» и одурманивания посредством «милого звука разговоров» и проникновенных рассуждений «о добре, духовности и о том, что нас спасет» [9, с. 610]. Тем более в сочетании с технологиями цветных революций, средствами информационно-психологического манипулирования и иных форм «демократической интервенции» и «мягкой силы». Это «майданные технологии», экстремистские массовые протестные шествия, провокации негативной реакции на действия правоохранительных органов. Этот перечень можно продолжить, особенно в части технологий, связанных с конъюнктурным использованием социальных сетей. В этом случае о легитимности не только выборов, но легитимности статусных позиций победителей говорить непросто.

Для заказчика и субъекта-организатора главное, чтобы человек оказался, как можно плотнее втянут в сферу внешнего политико-пропагандистского воздействия, чтобы он не принудительно, а, как ему кажется, добровольно воспринимал навязываемую ему матрицу мышления и действий. Примеров подобного великое множество – от многотысячных перестроечных протестных шествий и майданных акций до специально организованного социального неповиновения. «Научные основания» всего этого давно разработаны и изложены в многочисленных публикациях. В том числе в соответствующих трудах по технологиям «цветных революций» Джина Шарпа – американского политического деятеля, основателя Института имени А. Эйнштейна, разработчика «методов ненасильственных свержений политических режимов».

Сейчас избирательные задачи решаются иными способами в соответствии с нормами нового избирательного законодательства. Это федеральные законы от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», от 11 июля 2001 № 95-Ф «О политических партиях», от 20 декабря 2002 № 195-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», от 10 января 2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Как официально, так и на уровне научной сообщества признано, что «выборы в современной России стали механизмом, который закрепил лидирующее положение ныне действующего политического класса» [10, с. 134]и сформированной им правящей элиты. При этом все понимают и признают, что общество нуждается в принципиально иной профессиональной культуре политического и управленческого действия [11], что нужны новые принципы кадровой политики [12, с. 91]и во власти нужны менеджеры, соответствующие потребностям нынешнего времени. А значит, необходим приход во власть настоящих профессионалов-лидеров, способных действовать адекватно потребностям конструктивного решения возрастающей сложности и масштабности стоящих задач. Причем не с помощью западных кредитов и сомнительного политического

партнерства, а с опорой на собственные ресурсы, на индустриализацию и поддержку отечественного производителя [12, с. 91].

Современная электоральная культура российского общества может быть охарактеризована как сложная, глубоко фрагментированная, интегрирующая в себе немало различных электоральных субкультур. Отсюда ее конформность по отношению к «партии власти»; отсутствие должной системности; ориентированность не на политические интересы большинства граждан, а на сложившиеся в общественном сознании политические вкусы и приоритеты; активное участие граждан в выборных мероприятиях при слабом участии в политике в целом. Не исключаются факты фальсификаций и подтасовок. На такого рода обстоятельства обращает внимание профессор Ю. А. Нисневич, который в своем исследовании «Электоральная коррупция в России: политико-правовой анализ федеральных избирательных кампаний в 2003–2012 годах» пришел к выводу, что главная причина снижения интереса к выборам со стороны россиян в значительной степени обусловлена убежденностью людей в высокой степени политической коррупции [13, с. 4–5].

Таким образом, можно заключить, что избирательные технологии лидерского-элитного позиционирования включают в себя:

а) технологии демонстрации реальных возможностей, за которыми – публичное проявление интеллектуальной силы, политической зрелости и организаторских способностей;

б) технологии формирования общественного мнения;

в) технологии поддержки и сопровождения.

Выборы на альтернативной основе нужны не только и не столько для формирования нескольких конкурирующих элитных группировок, сколько для обновления кадрового состава действующей власти, для притока в ряды правящей элиты новых людей.

Список источников

1. Григорян Д. К., Крицкая А. А. Содержание и роль электорально-избирательных технологий лидерско-элитного позиционирования в различных структурах распределения власти // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Том 5. № 6А. С. 174-181.

2. Усова Ю.В. Технологии позиционирования современной российской политической элиты // Теория и практика общественного развития. 2013. № 7. С. 163-164.

3. Сулакшин С. С. Избирательная система и успешность государства. Материалы научного семинара. – М.: Научный эксперт, 2012. С. 16-17.

4. Сулакшин С.С. Избирательная система и успешность государства (тайное всегда становится явным). М.: Научный эксперт, 2013.

5. Ковлер А.И. Избирательные технологии: российский и зарубежный опыт. М.: Ин-т государства и права РАН, 1995. 115 с.

6. Ковлер А. И. Исторические формы демократии: Проблемы политико-правовой теории. М.: Наука, 1990. 254 с.

7. Морозова, Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М.: РОССПЭН, 1999. 247 с.

8. Анохина Н. В., Минченко Е. Н., Студеникин Н. В. Универсальные политические технологии и страновая специфика. М.: МИПЭ, 2004.

9. Давыдов А. П. Неполитический либерализм в России. Фонд «Либеральная миссия». М.: Мысль, 2012.

10. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. Монография. М.: Издатель А. В. Соловьев, 2003. 348 с.

11. Миронов С. М. Новая реальность и старые иллюзии // Независимая газета. 2015. 18 ноября.

12. Бузин В. Н. Системно-деятельностная гуманистическая модель управления российским медиапространством. Дисс. …докт. социол. наук. М.: МГИМО. 2019.

13. Нисневич Ю. А. Электоральная коррупция в России: политико-правовой анализ федеральных избирательных кампаний в 2003–2012 годах. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2014.

References

1. Grigoryan D. K., Kritskaya A. A. The content and role of electoral and electoral technologies of leadership-elite positioning in various structures of power distribution. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii = Theories and problems of political research.* 2016;5(6A):174-181. (In Russ.)

2. Usova Yu.V. Positioning technologies of the modern Russian political elite. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2013;(7):163-164. (In Russ.)

3. Sulakshin S. S. *The electoral system and the success of the state.* Materials of the scientific seminar. Moscow: Scientific Expert, 2012. (In Russ.)

4. Sulakshin S. S. *The electoral system and the success of the state (the secret always becomes clear).* Moscow: Scientific Expert; 2013. (In Russ.)

5. Kovler A. I. *Electoral technologies: Russian and foreign experience*. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 1995. 115 p. (In Russ.)

6. Kovler A. I. *Historical forms of democracy: Problems of Political and legal theory.* Moscow: Nauka, 1990. 254 p. (In Russ.)

7. Morozova E. G. *Political market and political marketing: concepts, models, technologies*. Moscow: ROSSPEN; 1999. 247 p. (In Russ.)

8. Anokhina N. V., Minchenko E. N., Studenikin N. V. *Universal political technologies and country specifics.* Moscow: MIPE, 2004. (In Russ.)

9. Davydov A. P. *Non-political liberalism in Russia. Foundation «Liberal Mission».* Moscow: Thought; 2012. (In Russ.)

10. Kryshtanovskaya O. V. *Anatomy of the Russian elite.* Monograph. Moscow; 2003. 348 p. (In Russ.)

11. Mironov S. M. New reality and old illusions. *Nezavisimaya gazeta = Independent newspaper.* 2015. November 18. (In Russ.)

12. Buzin V. N. *System-activity humanistic model of management of the Russian media space*. Diss. ...doct. social sciences. Moscow: MGIMO; 2019. (In Russ.)

10. Nisnevich, Yu.A. *Electoral corruption in Russia: Political and legal analysis of federal election campaigns in 2003-2012.* Moscow: Liberal Mission Foundation, 2014. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. К. Григорян – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС; доцент кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности РЮИ МВД России.

Information about the author

D. K. Grigoryan - Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA; Associate Professor of the Department of Criminalistics and Investigative Activities of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 21.02.2023; принята к публикации 22.02.2023.
The article was submitted 07.02.2023; approved after reviewing 21.02.2023; accepted for publication 22.02.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 174–182
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):174–182

Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 32
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-174-182

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Сергей Леонидович Катанандов[1], Андрей Андреевич Ковалев[2]

[1, 2]Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1]katanandov-sl@ranepa.ru
[2]kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. В XXI веке развитие технологии искусственного интеллекта (ИИ) полностью изменило сферу бытия человека и отныне определяет характер взаимодействия между обществом и государством. Сфера государственного управления, тем самым, как и многие другие сферы, трансформируется и развивается под воздействием искусственного интеллекта. Цель работы – исследовать зарубежный опыт в области изучения и практического внедрения технологии искусственного интеллекта. Существенной проблемой процесса внедрения технологии ИИ в систему государственного управления является упор только на технологические аспекты, тогда как этическим и правовым моментам зачастую уделяется неоправданно мало внимания, как в теоретических исследованиях, так и на практике. Именно поэтому с помощью ИИ необходимо проводить обновления в сфере государственного управления, опираясь на те его фундаментальные задачи, ради которых госуправление и подразумевалось изначально.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственное управление, автоматизация управления, проблемы и перспективы, цифровизация, технологическое развитие

Для цитирования: Катанандов С. Л., Ковалев А. А. Технологическое развитие современных государств: искусственный интеллект в государственном управлении // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 174–182. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-174-182

Politology and Ethnopolitics

Original article

TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF MODERN STATES: ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PUBLIC ADMINISTRATION

Sergey L. Katanandov[1], Andrey A. Kovalev[2]

[1, 2]Northwest Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia
[1]katanandov-sl@ranepa.ru
[2]kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. In the XXI century the development of artificial intelligence (AI) technology has completely changed the sphere of human existence and now defines the nature of interaction between society and the state. The sphere of public administration, thus, as well as many other spheres, is transformed and developed under the influence of artificial intelligence. The aim of the work is to investigate foreign experience in the field of research and practical implementation of artificial intelligence technology. A significant problem of the process of implementation of AI technology in public administration is the emphasis only on technological aspects, while the ethical and legal aspects are often given unjustifiably little attention, both in theoretical studies and in practice. That is why with the help of AI it is necessary to make updates in public administration, relying on those of its fundamental objectives, for which public administration was originally meant.

© Катанандов С. Л., Ковалев А. А., 2023

Keywords: artificial intelligence, public administration, management automation, problems and prospects, digitalization, technological development

For citation: Katanandov S. L., Kovalev A. A. Technological development of modern states: artificial intelligence in public administration. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):174–182. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-174-182

Изучение технологии искусственного интеллекта, ее теоретических и прикладных аспектов, в современном мире приобретает особую актуальность. На разработки в этой области тратятся серьезные ресурсы. Так, в 2026 году ожидаемые капиталовложения на мировом рынке ИИ оцениваются в сумму более 300 млрд долларов. А полученные разработки и готовые решения внедряются практически во всех областях жизнедеятельности государства и общества, в том числе и в государственном управлении.

Цель статьи – исследовать зарубежный опыт в области изучения и практического внедрения технологии искусственного интеллекта. Задачи: 1) рассмотреть процесс становления технологии искусственного интеллекта; 2) изучить значение искусственного интеллекта в деятельности правительств ведущих государств мира; 3) проанализировать роль искусственного интеллекта в процессе государственного управления.

В работе использовались следующие научные подходы и методы: аналитический подход, сравнительный метод. Исследование основывается на изучении актуальных зарубежных и отечественных статистических и аналитических данных на тему искусственного интеллекта и его практического применения в области государственного управления. Также за основу были взяты теоретические разработки ученых, занимающихся исследованием искусственного интеллекта, его перспектив и сложностей, связанных с его использованием в современных условиях.

Развитие искусственного интеллекта: история и современность

Первые исследования по развитию искусственного интеллекта начались в конце 1950-х гг. В 1966 г. группе исследователей из Стэнфордского университета в США удалось разработать систему идентификации химических соединений. В 1970 г. Северо-Западный университет (США, штат Иллинойс) уже начал применять искусственный интеллект в компьютерных шахматах с помощью серии программ, которые могли играть партии с людьми. И со временем результаты начали стремительно улучшаться. Так, в 1997 г. технологическая разработка компании IBM победила чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова [1].

Стоит отметить, что наиболее известные компании в сфере искусственного интеллекта представлены американскими корпорациями OpenAI (основатель предприниматель Илон Маск), Alphabet (торговая марка – Google), Microsoft (операционные системы Windows, офисные приложения, ноутбуки и планшетные компьютеры под брендом Surface, игровые консоли Xbox). Китай также занимает собственную нишу в данной сфере, хотя и в меньших масштабах, а его продукты в области искусственного интеллекта представлены такими производителями, как Baidu, Huawei и Inspur.

Среди специалистов в области гуманитарных наук существует общее мнение относительно влияния, которое искусственный интеллект окажет на будущее профессиональных управленцев и, в целом, на государственные органы управления [2]. Очевидно, что искусственный интеллект и другие производные от него технологии приводят к большим изменениям в мире, а их последствия приведут к глубоким и революционным изменениям в обществе. Несмотря на растущее количество исследований, связанных с искусственным интеллектом, его использование в общественной сфере началось относительно недавно. Этим обусловлено, в частности, отсутствие общего однородного определения искусственного интеллекта и некоторых его производных элементов.

Существует множество определений искусственного интеллекта. Так, для компьютерных инженеров искусственный интеллект означает разработку программ, которые отображают или имитируют разумное поведение. Это определение соответствует предложению американского информатика Джона Маккарти, одного из основателей концепции искусственного интеллекта, он определяет ИИ как науку и инженерию о создании интеллектуальных машин и программ [3]. То есть интеллект понимается как способность к достижению цели.

Подобные определения косвенно показывают, что искусственный интеллект – это, скорее, область исследования, чем что-то конкретное, что можно просто описать и визуализировать. Можно даже разделить его на различные области, например, робототехнику или Big Data (Большие данные). Робототехника – это междисциплинарная область инженерии, которая занимается созданием и эксплуатацией физических роботов [4, с. 1251]. В действительности искусственный интеллект и робототехника изначально являются двумя разными областями, но они переплетаются, когда, например, машинное обучение используется для обучения робота выполнению некоторых задач. Интеграция технологий искусственного интеллекта и робототехники стала темой, вызывающей растущий интерес для обеих областей.

Нечто подобное происходит и с Big Data (Большими данными). Этот термин используется для обозначения большого количества разнообразной информации, которая поступает в возрастающих объемах и с невероятной скоростью. Эти технологические изменения делают невозможным проведение правильного анализа человеком. Иными словами, человек не может выполнять такое количество задач, как компьютер. И только используя различные методы искусственного интеллекта, можно обработать все эти данные.

Между всеми этими областями существуют значительные взаимосвязи, несмотря на имеющиеся различия. Однако все они в целом совпадают с возможностями роботов, машин или систем выполнять задачи, которые традиционно выполнялись людьми, поскольку искусственный интеллект объединяет в себе различные навыки, такие как автономное обучение, рассуждение, решение проблем и даже восприятие и распознавание (и использование) естественного языка.

Значение искусственного интеллекта в деятельности правительств ведущих государств мира

Правительства во всем мире стремятся использовать преобразующую силу искусственного интеллекта для своей экономики, а также государственной деятельности. На сегодняшний день многие страны публично объявили о разработке стратегии в области искусственного интеллекта.

Правительство Канады в 2017 г. инвестировало 125 миллионов долларов в создание Панканадской стратегии в области искусственного интеллекта, продвигая различные инициативы: институты искусственного интеллекта, академические кафедры, программу по искусственному интеллекту и обществу и национальную программу искусственного интеллекта. Данная стратегия основана на партнерстве между Канадским институтом перспективных исследований (Торонто) и тремя центрами передового опыта: Институтом машинного интеллекта Альберты (Эдмонтон), Векторным институтом (Торонто) и Институтом алгоритмов обучения (Монреаль).

Государственный совет Китая 20 июля 2017 г. опубликовал документ под названием «План развития искусственного интеллекта следующего поколения (新一代人工智能发展规划)», в котором изложен план высокого уровня для инициативы страны по развитию искусственного интеллекта, ее приложений и целей на 2030 год. Стратегия предлагает систему государственных услуг на основе искусственного интеллекта от образования и здравоохранения до правосудия. Кроме того, предлагается, чтобы искусственный интеллект играл ключевую роль в формировании политики.

Объединенные Арабские Эмираты опубликовали национальную стратегию в области искусственного интеллекта на период до 2031 г. (الاستراتيجية الوطنية للذكاء الاصطناعي 2031), направленную на создание более умной и эффективной нации в будущем. Стратегия направлена на содействие инвестициям в технологии искусственного интеллекта и создание инструментов для повышения эффективности и результативности государственного управления. Предполагается, что это позволит сократить государственные расходы на 50% и увеличить национальный ВВП на 35%. ОАЭ – первая страна, назначившая министра по искусственному интеллекту в 2017 г.

Франция уже в 2018 г. внедрила цифровую стратегию в области искусственного интеллекта под названием «За осмысленный искусственный интеллект: На пути к французской и европейской стратегии». Подобно инициативе «Французские технологии», она направлена на выявление и объединение участников отрасли, у которых есть широкий спектр возможностей для прогресса и улучшения качества жизни всех граждан. Стратегия состоит из шести частей и цель ее заключается в том, чтобы подготовить Францию к будущему в интересах экономики и мирового влияния страны, поставив социальный прогресс во главу угла инициативы.

Южная Корея опубликовала документ под названием «Среднесрочный и долгосрочный генеральный план подготовки к интеллектуальному информационному обществу: управление четвертой промышленной революцией (지능정보사회를 대비한 중장기 마스터 플랜)». План, направленный на создание интеллектуального информационного общества, ориентированного на человека, делает граждан основными участниками новой эры.

Соединенные Штаты являются явным лидером с сильной экосистемой в области искусственного интеллекта, обильными финансовыми ресурсами, большим количеством компаний в этой области и значительным глобальным охватом. 40% мировых компаний, занимающихся искусственным интеллектом, находятся в этой стране. На втором месте Китай (около 11%), который объявил, что к 2030 году хочет стать ведущей страной в области искусственного интеллекта, как в теории, так и в технологиях и приложениях. Неудивительно, что это одна из стран, где больше всего специалистов в области искусственного интеллекта набирают на международном уровне.

Соединенное Королевство является еще одним лидером благодаря положению своего финансового центра, что позволяет ему особенно щедро спонсировать проекты в области искусственного интеллекта. Доля смежных компаний на рынке составляет 7%. В других странах, таких как Канада, Япония, Франция или Германия, число компаний, занимающихся искусственным интеллектом, меньше. Их доля от общего числа составляет от 3,1% до 3,8%.

Индия – еще одна страна, которая делает ставку на эту технологию как на ключевой элемент своего развития. При таком большом населении и такой обширной территории применение искусственного интеллекта варьируется от сельского хозяйства до здравоохранения. Индия внедряет цифровую стратегию, в рамках которой используются искусственный интеллект или машинное обучение[1].

Современная Российская Федерация также успешно развивается в области технологии искусственного интеллекта. Так, ведущую позицию в данном направлении развития занимает «Сбер». По мнению консалтингового агентства Brand Finance, российский «Сбер» вошел в тройку сильнейших брендов мира. Еще одной успешно развивающейся в области искусственного интеллекта компанией стал «Яндекс». Серьезным преимуществом этих организаций является вывод своей продукции в массы, а это существенно облегчает жизнь миллионам граждан, бизнесу, работникам компаний и т.д. Немалый успех в разработке и внедрении собственных ИИ-решений имеется и у других российских компаний («Ростелеком», «Северсталь» и пр.).

В 2019 г. была утверждена дорожная карта развития сквозной технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект»[2]. На 2018 год (период ее создания), согласно дорожной карте развития искусственного интеллекта, вклад российских компаний в мировое развитие этой технологии составил 0,2% (43 млн долл.), к 2020 г. – 0,5 %, а к 2023 г. – уже 1,5%[3]. В середине января 2023 г. правительство Российской Федерации согласовало с бизнесом новую дорожную карту в сфере ИИ и приступило к ее реализации[4].

При этом серьезной проблемой для современной России является отсутствие правовой основы по искусственному интеллекту. Также развитие отрасли нуждается в серьезной государственной поддержке, которая, хоть и медленно, но все же начинает развиваться (например, с помощью

---

[1] Artificial Intelligence Index Report 2022 // Stanford University*, 2022. (*07.04.2026 Организация внесена Министерством юстиции РФ в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации).

[2] Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [сайт]. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019ii.pdf (дата обращения: 13.02.2023).

[3] Буланцев Д. Что будет с искусственным интеллектом и роботами в России: новая реальность [Электронный ресурс] // RB.RU [сайт]. 23.09.2022. URL: https://rb.ru/opinion/AI-for-Russia/ (дата обращения: 13.02.2023).

[4] В Правительстве подписан финальный пакет соглашений о сотрудничестве по развитию высокотехнологичных направлений [Электронный ресурс] // Правительство России [сайт]. 16.01.2023. URL: http://government.ru/news/47551/ (дата обращения: 13.02.2023).

федерального проекта «Искусственный интеллект»[1], национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»[2]).

Очевидно, что явными лидерами ИИ-отрасли в мире являются США и КНР. При этом и Европа, как и Россия, не отстраняется от участия в данной сфере и развивается в ней в своем темпе.

Так, в 2018 г. 25 стран-членов Европейского союза подписали Декларацию о сотрудничестве в области искусственного интеллекта, в которой они обязались работать вместе для стимулирования потенциала и внедрения технологии искусственного интеллекта в Европе[3]. Документ подчеркивает социально-экономические проблемы и стремится гарантировать этические и правовые рамки для осуществления демократического контроля над глобальной гонкой за лидерство в искусственном интеллекте.

Действительно, в вопросах массового внедрения искусственного интеллекта необходимо решить ряд важнейших задач. Среди них можно выделить следующие: направлять возможности ИИ на решение социальных проблем; работать над повышением потенциала организаций с помощью внедрения ИИ; просчитывать возможные риски от использования этой технологии и минимизировать их; гарантировать справедливость рынка и безопасность путем снижения издержек и преград для инновационного развития; развивать законодательную базу в сфере ИИ; не пренебрегать технической экспертизой в процессе внедрения технологии ИИ [5, с. 7-9].

Искусственный интеллект в государственном управлении

Технологические достижения, основанные на искусственном интеллекте, и связанный с ними экономический потенциал приобретают все большее значение в контексте государственного управления. По оценкам экспертного сообщества, к 2030 году вклад искусственного интеллекта в мировую экономику составит 15,7 триллионов долларов[4]. Нет сомнений в том, что внедрение технологии искусственного интеллекта в государственной сфере окажет значительное влияние на общество. Представляется очевидным, что такие внедрения будут влиять на разработку и достижение государственных целей и политики. Внедрение таких технологий станет способом обеспечения эффективности государственных процессов и предоставленных государственных услуг в целом.

При этом важно осознавать роль человека в новой реальности, обусловленной массовым внедрением искусственного интеллекта. Ведь его функция не сводится только к технологической составляющей, важно в новых условиях не просто заменять человека, ускорять/упрощать его прежние задачи, а необходимо решать социальные, правовые, этические вопросы в данной области. Также следует исключить вытеснение самого человека из экономической и иных сфер жизнедеятельности, предотвращая тем самым формирование класса «ненужных» людей [6; 7; 8].

Технология, основанная на искусственном интеллекте, может автоматизировать рутинные бюрократические процессы в масштабах времени, не доступных для человека при выполнении эквивалентных когнитивных задач. Кроме того, в сфере современного госуправления может применяться технология когнитивного программирования, которая позволяет не просто перекладывать те или иные обязанности сотрудника на машину, но и повышать эффективность самого госуправленца в быстроменяющихся условиях [9]. Это неизбежно ведет к тому, что органы государственной власти будут внедрять инновации в свои традиционные методы в такой степени, чтобы добиться

[1] «Искусственный интеллект» [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [сайт]. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1046/ (дата обращения: 13.02.2023).

[2] «Цифровая экономика РФ» [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [сайт]. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/ (дата обращения: 13.02.2023).

[3] EU Member States sign up to cooperate on Artificial Intelligence [Электронный ресурс] // European Unian [сайт]. 10.04.2018. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/eu-member-states-sign-cooperate-artificial-intelligence (дата обращения: 13.02.2023).

[4] AI Will Add $15 Trillion To The World Economy By 2030 [Электронный ресурс] // Forbes [сайт]. 25.02.2019. URL: https://www.forbes.com/sites/greatspeculations/2019/02/25/ai-will-add-15-trillion-to-the-world-economy-by-2030/?sh=a26bf2d1852d (дата обращения: 14.02.2023).

не только большей эффективности своих услуг, но и большего участия граждан, лучшей подотчетности и постоянного взаимодействия между различными уровнями управления.

Так, Эстония уже сейчас считается европейской страной номер один по кибербезопасности [10]. Согласно официальным данным, 98% граждан имеют цифровые удостоверения личности (Digital ID), а 46,7% голосуют онлайн. В 1997 году в стране была принята модель цифровизации, в результате которой сегодня 99% государственных услуг переведены в цифровой формат, что делает Эстонию «самой цифровой страной» в мире[1]. Новые технологии являются частью национальной стратегии Эстонии в области искусственного интеллекта и развития того, что было названо «электронным государством».

Другие страны Европейского союза занимают менее активную позицию, хотя всегда идут в ногу со временем в вопросах внедрения искусственного интеллекта. Италия, например, разработала цифровую стратегию в контексте Европейского цифрового агентства. Страна понимает цифровую трансформацию государственного управления как стремление к экономическому росту, содействию занятости, повышению качества жизни и расширению демократического участия. В 2017 году был утвержден план, направленный на развитие «четырех столпов»: 1) цифровые экосистемы или области политики (например, цифровое гражданство, транспорт, туризм, образование); 2) нематериальные инфраструктуры (например, работа с государственными данными, такими как банковские данные, платежные системы); 3) физические инфраструктуры (например, центры обработки данных, облачные хранилища и т.д.); 4) кибербезопасность[2].

Такое стремление к цифровой трансформации Италии привело к появлению различных проектов государственной политики, таких как Электронная медицинская карта (цифровая медицинская карта); E-billing и PagoPA (электронная система выставления счетов и их оплаты в сфере государственных услуг); CERT-PA (Группа реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации (структура, отвечающая за решение вопросов безопасности в органах государственной власти)). Эти новые технологии, основанные на искусственном интеллекте, направлены на улучшение качества жизни итальянских граждан, позволяя повысить степень доступности государственных услуг, снизить стоимость некоторых из них, а также расходы на социальные нужды. Такая государственная политика часто преподносится таким образом, что автоматизация и управление на основе искусственного интеллекта предоставят гражданам возможность взаимодействовать с государством более быстрым и персонализированным способом.

Правительство Швеции и Совет министров Северных стран опубликовали в 2018 г. документ «Искусственный интеллект в Северо-Балтийском регионе (AI in the Nordic-Baltic region)», в котором говорится, что применение искусственного интеллекта при разработке и реализации государственной политики приведет к решению многих социальных проблем[3]. Одним из главных отличий этого документа от Декларации ЕС о сотрудничестве в области искусственного интеллекта является акцент на «высокой цифровой зрелости» стран Северной Европы и Балтийского региона, а также подчеркивается необходимость избегать излишнего регулирования, препятствующего преимуществам его развития. При этом часто подчеркивается, что данное заявление является довольно общей дорожной картой, которая не детализирует те или иные вопросы.

В глобальном контексте страны Северной Европы позиционируются как передовые в области цифровых технологий, о чем свидетельствует цифровая трансформация, происходящая в скандинавском бизнес-сообществе. Однако важно подчеркнуть, что при разработке и продвижении идеи цифровизации государственных услуг был использован подход, направленный на улучшение жизни жителей, а не на сокращение расходов. Цифровая инфраструктура здесь больше относится к региональному уровню, чем к уровню государства, с целью избежать технологического разрыва

[1] Estonia Digitised 99% of Its Public Services With the Aid of Blockchain [Электронный ресурс] // FINTECH BALTIC [сайт]. 12.03.2021. URL: https://fintechbaltic.com/4292/fintechestonia/estonia-leads-the-e-government-race-by-digitising-99-of-its-public-services/ (дата обращения: 14.02.2023).

[2] Italy AI Strategy Report [Электронный ресурс] // European Unian [сайт]. – URL: https://ai-watch.ec.europa.eu/countries/italy/italy-ai-strategy-report_en (дата обращения: 14.02.2023).

[3] AI in the Nordic-Baltic region [Электронный ресурс] // Regeringskansliet [сайт]. 14.05.2018. URL: https://www.regeringen.se/49a602/globalassets/regeringen/dokument/naringsdepartementet/20180514_nmr_deklaration-slutlig-webb.pdf (дата обращения: 14.02.2023).

и предотвратить неравенство между городом и деревней. Доказательством этого является разработка очень специфической идеи «Умных городов», где важна не сама технология, а сети сотрудничества и возможности разрешения конфликтов с помощью технологической реализации. Следовательно, цифровизация воспринималась как человеческий, а не технический процесс, который может улучшить взаимодействие и коммуникацию между гражданами и органами государственного управления.

В Норвегии коммуны (муниципалитеты) являются полуавтономными органами на управленческом уровне. В стране насчитывается 356 коммун разного размера. Они варьируются от самых маленьких, таких как Утсира с 188 жителями, до Осло с 673 469 жителями (данные на 1 сентября 2022 г.). Коммуны берут на себя такие обязанности, как управление и обслуживание местных систем образования или дорог общего пользования, а также другие основные социальные услуги. Такие услуги, как автоматизация дорожного движения, технологии социального обеспечения или обмен цифровой информацией, приобретают все большее значение для коммун.

В 2018 г. в практику норвежских коммун были внедрены три новых цифровых и автоматизированных инструмента: DigiSos (цифровая платформа для подачи заявления на получение финансовой социальной помощи), DigiHelse (система визуализации достигнутых соглашений и установления диалога с органами власти), Minside (информационная служба по вопросам, касающимся деятельности коммуны). Такой тип цифровизации сами норвежцы называют «высокой цифровой зрелостью», что в итоге позволит Норвегии в будущем совершить скачок в области искусственного интеллекта в государственном управлении [11].

По данным информационных ресурсов, технологии, которые наиболее распространены в норвежских коммунах, связаны с общением и взаимодействием с гражданами. 28,9% используют так называемые интеллектуальные агенты (чат-боты и другие типы интеллектуальных диалоговых агентов), 21,1% внедрили систему лингвистического (голосового) перевода в реальном времени (перевод с речи на речь или с речи в текст), а 15,7% автоматизировали обработку запросов и обработку данных[1]. Хотя это не очень большое число, общая ситуация свидетельствует о продолжающемся развитии внедрения технологии искусственного интеллекта в государственной сфере в таких областях, как здравоохранение, образование, информационная безопасность и т.д.

Все эти примеры свидетельствуют о потенциале искусственного интеллекта в государственном управлении, как с чисто экономической точки зрения (эффективность управления), так и с точки зрения политики благосостояния. Однако могут присутствовать и некоторые сложности. Хотя в целом использование интеллектуальных технологий может способствовать инновациям, устойчивости, конкурентоспособности.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что искусственный интеллект представляется скорее идеологией, чем технологическим аспектом. В таких условиях культура управленческого обновления с помощью искусственного интеллекта в государственном управлении предлагается с чрезмерно оптимистичной точки зрения, которая сводит проблемы управления к техническим аспектам.

Внедрение искусственного интеллекта в государственной сфере продвигается без предварительного упоминания о том, что лежит в основе модели государственного управления. Это обстоятельство, в лучшем случае, не позволяет правильно представить последствия использования искусственного интеллекта в сфере управления. В официальных документах, которые упоминались ранее, говорится лишь о технологических аспектах применения искусственного интеллекта, а это является однобоким подходом к рассматриваемому вопросу.

Несмотря на потенциал искусственного интеллекта для государственной сферы и растущее число стран, делающих ставку на этот путь в процессе собственной модернизации, искусственный интеллект для государственных нужд – это область исследований, в которой в настоящее время недостаточно всесторонних диагностик этических и правовых проблем, связанных с применением этих сложных технологий.

[1] The National Strategy for Artificial Intelligence [Электронный ресурс] // Goverтment.no [сайт]. URL: https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/nasjonal-strategi-for-kunstig-intelligens/id2685594/?ch=6 (дата обращения: 14.02.2023).

Список источников

1. Haenlein M., Kaplan A. A brief history of artificial intelligence: On the past, present, and future of artificial intelligence // California* management review. 2019. Vol. 61. No. 4. P. 5-14.

2. Young M. M., Bullock J. B., Lecy J. D. Artificial discretion as a tool of governance: a framework for understanding the impact of artificial intelligence on public administration // Perspectives on Public Management and Governance. 2019. Vol. 2. No. 4. P. 301-313.

3. Sutton R. S. John McCarthy's definition of intelligence // Journal of Artificial General Intelligence. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 66-67.

4. Vrontis D. et al. Artificial intelligence, robotics, advanced technologies and human resource management: a systematic review // The International Journal of Human Resource Management. 2022. Vol. 33. No. 6. P. 1237-1266.

5. Васин С. Г. Искусственный интеллект в управлении государством // Управление. 2017. № 3 (17). С. 5-10.

6. Логинов Е. Л., Шкута А. А. Искусственный интеллект в органах госуправления // Государственная служба. 2017. Т. 19. № 5 (109). С. 24–29.

7. Алиев И. М. Влияние технологий искусственного интеллекта на рынок труда в России // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 4. С. 7–12.

8. Бодров Е. Н. К вопросу применения компетентностного подхода в профессиональной подготовке технических специалистов для цифровой трансформации госуправления // Безопасность. Управление. Искусственный интеллект. 2022. Т. 3. № 3 (3). С. 45–50.

9. Логинов Е. Л., Эриашвили Н. Д., Борталевич В. Ю., Логинова В. Е. Когнитивное программирование поведенческих траекторий сотрудников госведомств для поддержки работы государственных институтов управления в сложных быстроменяющихся условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 250–256.

10. Khan S. U. et al. Artificial intelligence for cyber security: performance analysis of network intrusion detection // Explainable Artificial Intelligence for Cyber Security: Next Generation Artificial Intelligence. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 113-139.

11. Mikalef P., Fjørtoft S. O., Torvatn H. Y. Artificial Intelligence in the public sector: a study of challenges and opportunities for Norwegian municipalities // Digital Transformation for a Sustainable Society in the 21st Century: 18th IFIP WG 6.11 Conference on e-Business, e-Services, and e-Society, I3E 2019, Trondheim, Norway, September 18–20, 2019, Proceedings 18. – Springer International Publishing, 2019. P. 267-277.

References

1. Haenlein M., Kaplan A. A brief history of artificial intelligence: On the past, present, and future of artificial intelligence. *California** *management review.* 2019; 61(4); 5-14.

2. Young M. M., Bullock J. B., Lecy J. D. Artificial discretion as a tool of governance: a framework for understanding the impact of artificial intelligence on public administration. *Perspectives on Public Management and Governance.* 2019; 2(4); 301-313.

3. Sutton R. S. John McCarthy's definition of intelligence. *Journal of Artificial General Intelligence.* 2020;11(2):66-67.

4. Vrontis D. et al. Artificial intelligence, robotics, advanced technologies and human resource management: a systematic review. *The International Journal of Human Resource Management.* 2022;33(6):1237-1266.

5. Vasin S. G. Iskusstvennyj intellekt v upravlenii gosudarstvom. *Upravlenie = Management*. 2017;(3):5-10. (In Russ.)

6 Loginov E. L., Shkuta A. A. Iskusstvennyj intellekt v organah gosupravlenija. *Gosudarstvennaja sluzhba = Public service*. 2017;19(5):24-29. (In Russ.)

* 02.03.2026 Университет внесен Министерством юстиции РФ в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

** 02.03.2026 Университет внесен Министерством юстиции РФ в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

7. Aliev I. M. Vlijanie tehnologij iskusstvennogo intellekta na rynok truda v Rossii. *Zhurnal pravovyh i jekonomicheskih issledovanij = Journal of Legal and Economic Research*. 2019;(4):7–12. (In Russ.)

8. Bodrov E.N. K voprosu primenenija kompetentnostnogo podhoda v professional'noj podgotovke tehnicheskih specialistov dlja cifrovoj transformacii gosupravlenija. *Bezopasnost'. Upravlenie. Iskusstvennyj intellect = Safety. Management. Artificial intelligence*. 2022;3(3):45-50. (In Russ.)

9. Loginov E. L., Jeriashvili N. D., Bortalevich V. Ju., Loginova V. E. Kognitivnoe programmirovanie povedencheskih traektorij sotrudnikov gosvedomstv dlja podderzhki raboty gosudarstvennyh institutov upravlenija v slozhnyh bystromenjajushhihsja uslovijah. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;(5):250–256. (In Russ.)

10. Khan S. U. et al. Artificial intelligence for cyber security: performance analysis of network intrusion detection. Explainable Artificial Intelligence for Cyber Security: Next Generation Artificial Intelligence. Cham: Springer International Publishing, 2022:113–139.

11. Mikalef P., Fjørtoft S. O., Torvatn H. Y. Artificial Intelligence in the public sector: a study of challenges and opportunities for Norwegian municipalities. In: *Digital Transformation for a Sustainable Society in the 21st Century: 18th IFIP WG 6.11 Conference on e-Business, e-Services, and e-Society*, I3E 2019, Trondheim, Norway, September 18–20, 2019, Proceedings 18. – Springer International Publishing, 2019: 267–277.

Информация об авторах

С. Л. Катанандов – кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС.

А. А. Ковалев – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС.

Information about the authors

S. L. Katanandov – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Northwestern Institute of Management of the RANEPA.

A. A. Kovalev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Northwestern Institute of Management of the RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.
The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 183–190
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):183–190

Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 32+128
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-183-190

ТРАНСГУМАНИЗМ КАК СОВРЕМЕННЫЙ АНАЛОГ ГНОСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ: ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Владислав Алексеевич Лихотинский

Многофункциональный учебный центр «Evoland», Ростов-на-Дону, Россия, lva1000@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0211-2674

Аннотация. В статье исследуется трансгуманизм как современный и одновременно глубоко укоренённый в прошлом идеологический феномен. Отталкиваясь от подходов Л. Гумилёва и Э.Фромма, а также используя исторический материал, автор рассматривает генезис, суть и характеристики трансгуманизма как социально-антропологического и политического явления, созвучного древнему мировоззрению гностиков, а также его позднейшим историческим аналогам. В статье подчеркивается деструктивный характер трансгуманизма, его многообещающее и одновременно разрушительное воздействие на сложившиеся в эпоху модерна социальную структуру и политическую власть.

Ключевые слова: гностицизм, негативное мироощущение, негативное мировоззрение, антисистема, некрофилия, кибернетический человек, трансгуманизм, двухуровневое общество

Для цитирования: Лихотинский В. А. Трансгуманизм как современный аналог гностического мировоззрения: философско-политический аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 183–190. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-183-190

Politology and Ethnopolitics

Original article

TRANSHUMANISM AS A MODERN ANALOGUE OF THE GNOSTIC WORLDVIEW: PHILOSOPHICAL AND POLITICAL ASPECT

Vladislav A. Likhotinsky

Multifunctional training Center "Evoland", Rostov-on-Don, Russia, lva1000@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0211-2674

Abstract. The article examines transhumanism as a modern and at the same time deeply rooted in the past ideological phenomenon. Starting from the approaches of L.Gumilev and E. Fromm, as well as using historical material, the author examines the genesis, essence and characteristics of transhumanism as a socio-anthropological and political phenomenon consonant with the ancient Gnostic worldview, as well as its later historical analogues. The article emphasizes the destructive nature of transhumanism, its promising and at the same time destructive impact on the social structure and political power established in the modern era.

Keywords: gnosticism, negative attitude, negative worldview, antisystem, necrophilia, cybernetic man, transhumanism, two-level society

For citation: Likhotinsky V. A. Transhumanism as a modern analogue of the gnostic worldview: philosophical and political aspect. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):183–190. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-183-190

© Лихотинский В. А., 2023

Введение. Стремительные изменения, происходящие в современном мире, во многом обусловлены новейшими технологиями, меняющими условия и образ жизни людей. Трансформируются также взгляды людей на собственную природу и возможности ее совершенствования. В наше время все большее влияние приобретает трансгуманизм как система идей, предполагающая возможность преодоления человеческой природы с целью ее радикального «улучшения». Этот феномен сознания, по нашему мнению, уходит корнями к античной философии гностицизма, которая по своему радикализму и неприятию физического начала в человеке созвучна современному трансгуманизму.

Цель данной статьи – выявить историко-философские корни, психологические характеристики и возможные социально-политические последствия трансгуманизма как специфического современного аналога гностического мировоззрения.

Антисистема как источник негативного мировоззрения. Парадоксальным образом, для того чтобы лучше понять природу гностицизма, необходимо обратиться к теории этногенеза Л. Гумилёва. Согласно этой теории, возникновение специфических мировоззренческих систем, обладающих большой разрушительной силой часто бывает вызвано контактом этносов, с разным уровнем пассионарности. Здесь этнос с высоким уровнем пассионарности будет влиять на этнос с низким уровнем. Такой энергетический перепад порождает антисистему, т.е. целостность людей с негативным мироощущением. Это мироощущение становится основой для негативного мировоззрения. Кроме того, появление антисистемы и осуществление соответствующих ей разрушительных действий может быть вызвано неприятной для этноса окружающей средой.

Согласно Гумилёву, к негативному мировоззрению людей подталкивали тяжелейшие условия жизни, а то и просто скука обывательской жизни, невыносимая для пассионарного человека. Так или иначе негативные системы мировоззрения всегда оправдывали злодеяния.

С точки зрения негативного мировоззрения смерть является благом, так как спасает от царящего зла, несправедливости, страдания. В то же время антисистемы могут возникать как нормальные этносы, отличаясь лишь своеобразным ощущением жизни и специфическим мировоззрением. Отдельные представители обычных этносов также могут быть носителями негативного образа мышления, но здесь они всегда в меньшинстве [1, с. 492]. Среди представителей антисистем доминируют люди, всецело устремленные в будущее. Здесь будущее является единственно реальным, прошлое безвозвратно исчезнувшим, а настоящее расценивается как прелюдия к будущему. По этой причине воплощение целей антисистемы всегда связано, возможно, с недалеким, но всё-таки будущим.

Антисистема всегда противопоставляет себя этнической (религиозной) традиции, считая ее проявлением экзистенциального инфантилизма, «игрой в песочнице». Важной характеристикой антисистемы является ее экстерриториальность. Она безлика, если рассматривать ее как этнос. В силу негативного содержания своей идеологии (мировоззрения), антисистема деструктивно настроена по отношению к окружающему ее миру. Представитель нормального этноса ограничен требованиями совести. В антисистеме же он получает нравственную свободу, так как антисистема провозглашает отмену всех моральных норм. В целях самосохранения антисистема вынуждена использовать репрессивные меры по отношению к своим членам, ограничивая их свободу внешними средствами.

Европейская цивилизация (как в западной, так и в восточной её версиях) на протяжении многих веков опиралась на ортодоксально-христианское понимание человеческой природы. Однако параллельно с зарождением классической теологии во времена поздней античности возникла религиозно-философская парадигма, связанная с весьма непривычным для большинства современных людей толкованием истории грехопадения и явно обладавшая характером негативного мировоззрения [2, с. 36]. Речь идет о возникшем в I-II веках нашей эры в районе Ближнего Востока гностицизме – религиозно-философском движении, претендовавшем на знание особого тайного смысла Библии.

Гностицизм не являлся однородной религиозно-философской системой, это скорее был комплексом верований, включавшем в себя элементы иудаизма, христианства и языческих культов Несмотря на все разнообразие гностических сект, в основе их учений лежала общая идея.

Гностики верили, что материя создана низшим богом Иалдаваофом, который в Ветхом Завете упоминается как Яхве. Змий в райском саду должен был предупредить Еву, а через нее и Адама, о «ложных» наущениях творца ущербного, материального мира и посвятить первых людей в тайное знание. Это «низшее», с точки зрения гностиков, божество дало человеку десять заповедей. На протяжении длительного времени верховный Бог оставлял Иалдаваофу свободу действий, а потом послал своего сына - вселившегося в тело человека Иисуса. Он в свою очередь, якобы «избавил мир от ложного учения Моисея». Путем ко спасению от «злой» материи и средством возвращения к верховному Богу является, по мнению гностиков, не вера, а тайное, умозрительное знание и соответствующие магические практики [3, с. 113].

Материальный мир, в котором мы живем, согласно учению гностиков, противоположен верховному Богу и максимально от него удален, поэтому оценивался как зло. Если видимая реальность есть не более чем кошмарная иллюзия, то в мире людей нет ни лжи, ни правды, а милосердие бессмысленно, так как страдания призрачны. Носители гностицизма, погружаясь в мир ритуалов и заклинаний, твердо верили, что становятся хозяевами окружающей действительности.

Метафизический расизм и социальный элитаризм древних и современных гностиков. Гностицизм никогда не представлял собой единой стройной концепции, но при всем разнообразии его проявлений можно все-таки вычленить его основу, базовыми положениями которой, на наш взгляд, являются следующие.

Во-первых, это радикальное противопоставление двух миров: духовного по природе мира добра света и знания, с одной стороны, и материального мира зла тьмы и невежества – с другой. Мир света есть порождение безличного Первоначала (Верховного Бога) и включает в себя сомн духовных сил-эонов. Один из них – София, проявив своеволие, производит на свет творца материального мира – демиурга, существо ущербное в сравнении с эонами. Получается, что существование материального мира не более чем досадное недоразумение, а его создатель – метафизический источник зла. Человеческих дух здесь понимается как погруженная в материю частица божественной Плеромы, изначально совершенная и не несущая в себе никакого греха. Целью такой частицы является освобождение от оков материи и растворение в божественном бытии.

Во-вторых, путь к освобождению – это раскрытие человеком в себе божественной сущности, а именно, с помощью тайного знания – гнозиса, принесенного на землю Христом, как одним из эонов. Получается, что основополагающая дихотомия здесь не грех и добродетель, а невежество и знание. Причем знание оценивается как магическая сила, дающая безграничную власть.

В-третьих, идея онтологического и социального неравенства. Ее суть заключается в представлении об изначальной избранности тех, кто допущен до тайн гнозиса, что делит людей на своеобразные категории. Низшей из них являются «гилики» (hylikoi) – люди у которых отсутствует духовное начало как таковое. Они всегда разделяют массовые стереотипы и являются ведомыми, их разум спит. Выше находятся «психики» (psichikoi) – люди способные к познанию, но их духовное начало жизни тесно сплетено с материей.

Высшей категорией, с точки зрения гностицизма, являются так называемые «пневматики» (pneumaticoi) – «духовные» люди, своего рода маги, достигшие совершенства и обретшие гнозис. Таких встречается один на миллион. Пневматики, согласно гностическому учению, являются высшей категорией людей не в силу каких-либо заслуг, а только лишь благодаря врожденным качествам. Они не обязаны придерживаться какого-либо морального кодекса и могут жить как угодно. Спасутся они только лишь в силу того, что их души спустились в этот материальный мир из царства света и лишь они одни способны постигнуть тайное знание, дающее возможность вернуться обратно. Фактически речь идет о некоем «метафизическом расизме», возникшем в ходе глубинных социокультурных изменений поздней античности.

В-четвертых, создатель материального мира в верованиях гностиков выступает как низший бог-неудачник, творения которого ущербны. Из этого следует, что в отношении любого материального объекта допустимы какие угодно действия, включая убийство и самоубийство. Достигнуть высшей цели, то есть освободить свою духовную сущность, способны только «духовные люди» (пневматики), в то время как остальные «душевные» (психики) и «плотские» (гилики) не спасутся. Тайное знание постигается посредством «трансцендентного пробуждения» как эффекта магических

действий, особых психотехник, а не нравственного совершенствования человека. Обладатель тайного знания становится носителем сверхъестественной силы и бессмертия.

В-пятых, это нравственный индифферентизм, логически следующий из предыдущего положения. Зло коренится в материи, а не в человеческом духе. Дух не несёт за зло никакой ответственности и не оскверняется им. Поэтому для гностика не существует нравственных ориентиров и норм. Превыше всего – сила, проистекающая из знания, которое и является добром. Такой взгляд на вещи стал основой для разрушения социальных нравственно значимых запретов.

В-шестых, это сокрытие «высшего знания», предполагающее двойной стандарт: одни требования для «посвященных», другие – для всех остальных. Сознание какого-то долга утверждается лишь в отношении «избранных». В отношении прочих – циничная эксплуатация. В то же время дуализм присутствует и среди «посвященных». На вершине «иерархии» провозглашаются истины, противоречащие тому, о чем говорят ниже [4, с. 12-15].

Гностицизм, ушедший на периферию религиозной жизни Европы уже в поздней античности, вовсе не прекратил свое существование. В эпоху Средневековья он дал «всходы» в виде верований богомилов, катаров и тамплиеров. В IX-XII вв. похожих учений имелось много и распространены они были от Тибета до территории нынешней Франции [5, с. 85].

Основным хранителем гностических тайн в позднем Средневековье стал орден розенкрейцеров. Розенкрейцеры вынашивали план формирования всемирной власти «просвещенных». Основным ресурсом такой власти должна была стать экуменистическая, глобальная религия. Впоследствии идейными соратниками розенкрейцеров стали масоны, заявившие о своем существовании в начале XVIII века. Орден розенкрейцеров стал «лабораторией гностицизма» внутри масонства, лабораторией, работающей на разрушение христианства. На этом пути в Новейшее время масонство возвело теорию эволюции в религиозный догмат, не допускающий какой-либо научной критики.

Другим «научным» детищем масонства стала евгеника, оформившаяся параллельно с социальным дарвинизмом [4, с. 18-60]. Эпоха Просвещения, виднейшие деятели которой были масонами, в конечном итоге сделала Запад таким, каким мы его знаем сейчас – светским, рациональным, сциентистским. Во второй половине XIX века гностический образ мышления укоренился в сознании значительной части представителей политических элит Запада. На новом витке своего развития уже сциентистское общество, сформировавшиеся на основе негативного, антисистемного мировоззрения, приобрело еще больше возможностей для разрушения окружающего мира и самого себя. Первая и вторая мировые войны это прекрасно продемонстрировали.

Классик западной психологии Эрих Фромм, исследуя связанную с этими войнами злокачественную агрессию, говорит о ней как о некрофилии, то есть свойственном человеку резко выраженном стремлении ко всему мертвому, разрушающемуся, гниющему. Кроме того, для некрофилии характерно, по мнению психолога, стремление превратить все живое в неживое, тяга к разрушению ради разрушения, обостренный интерес к чисто механическому и техническому вообще. Фромм видит связь между техникой и человеческой агрессивностью. В качестве яркого примера некрофильского отношения к жизни он приводит взгляды родоначальника итальянского футуризма и сторонника фашизма Ф. Маринетти. В текстах Маринетти можно встретить обожествление механизмов и отношение к ним как к живым существам, восхваление войны, разрушение культуры, ненависть к женскому полу, понимание поэзии как оружия.

По мнению Фромма, техника, существовавшая уже в XX веке сделала деструктивность автоматической. Поэтому теряется сколько-нибудь объективное осознание того, что происходит. В итоге для деструктивности не остается препятствий, так как каждый индивид, будучи элементом системы, выполняет предписанную ему функцию в соответствии с коллективной целью. По словам исследователя, у некрофила одна цель – превратить все живое в неживое, разрушить все, не исключая самого себя.

Некрофильская культура, кибернетический человек и трансгуманизм. Говоря о формировании общности, которую Гумилёв называл антисистемой, Фромм отмечает, что в ситуации, когда паталогические процессы охватывают общество, они утрачивают свой индивидуальный характер. Больной индивид в компании себе подобных не чувствует своей ненормальности и тогда трансформируется вся культура в целом ради удовлетворения коллективной патологии.

Некрофильские личности, по словам Фромма, несут большую опасность для окружающих. Это поджигатели войн, расисты, убийцы всех мастей. Особенно опасными они бывают тогда, когда становятся политическими лидерами. Без них не может существовать ни один террористический режим. Некрофильские личности всегда выступают за их сохранение. Даже в ситуации, когда такие люди составляют меньшинство общества, они бывают достаточно сильны для того, чтобы захватить власть и прочно удерживать ее.

Для характеристики негативного, некрофильского мировоззрения Фромм вводит понятие «кибернетический человек». Такому индивиду присуще восприятие собственного тела как средства достижения успеха в обществе. В сознании кибернетического человека окружающая реальность превращается в совокупность артефактов. Для него не существует планов или жизненных целей, которые не подчинены логике технического прогресса. Кибернетический человек руководствуется только рациональными категориями. Фромм называет такого человека моноцеребральным, то есть человеком одного измерения. Отношение к окружающему миру у такого человека имеет исключительно разумно-познавательный характер. Он стремится узнать, как устроены объекты окружающего мира только для того, чтобы управлять ими. Моноцеребральной личности присущ нарциссизм, она полностью вписана в автоматизированные процессы. Механизмы, созданные руками человека, также становятся объектами нарциссического любования, так как между ними и человеком возникает симбиоз. В некотором смысле матерью человека здесь является уже не природа, а техносфера, которую он создал [6, с. 285–318].

На сегодняшний день скорость появления и количество новейших технологий и технологических разработок значительно опережает скорость осознания происходящих перемен общественностью и политическими элитами. Институты власти разных уровней, в обязанности которых входит минимизация негативных следствий распространения технологических инноваций, не справляются с этой задачей.

Древняя гностическая идея о несовершенстве сотворенной материи и сверхценности знания, как средства перестройки мира и человека, в XX веке сделала возможным возникновение трансгуманизма. Впервые этот термин был использован английским биологом Джулианом Хаксли еще в 1957 году [7, с. 174]. В настоящий момент трансгуманизм – это мировоззрение и комплексное прикладное направление научных исследований. Трансгуманисты трактуют эволюцию как процесс, направленный на трансформацию человеческой природы, на ее качественное изменение. В качестве средства такого изменения рассматривается использование НБИК-технологий (нанотехнологий, биологии, информатики и когнитивных наук). Важно, на наш взгляд, то, что трансгуманизм фактически означает самоуничтожение гуманизма, поскольку утверждает в качестве одного из человеческих прав право на суицид.

Приверженцы трансгуманизма наметили три базовых направления изменения человека: во-первых, создание генетически модифицированного человека, во-вторых создание человека-киборга (создание искусственных органов, вплоть до конструирования искусственного тела с пересаживанием в него натурального мозга), в третьих создание человекообразных роботов-андроидов. Трансгуманисты уверены, что человек будущего невозможен без «усовершенствования» посредством НБИК-технологий [8, с. 250]. Те же, кто откажется «улучшаться» станут «шимпанзе будущего». Медицинские технологии позволят улучшить здоровье, продлить жизнь, усилить интеллектуальные способности средствами, которые в XX веке считались фантастикой [9, p. 141].

Трансгуманистические технологии, получив достаточное распространение, способны менять не только отдельных людей, но и все общество. Постепенно может возникнуть ситуация конфликта между теми, кто является сторонниками происходящих перемен и их принципиальными противниками. В итоге может возникнуть более существенное неравенство, чем неравенство социальное. Приверженцы трансгуманизма получат преимущества благодаря новейшим медицинским технологиям, основанным на генной инженерии, в то время как люди, отказавшиеся от таких технологий или не получившие к ним доступ, будут этих преимуществ лишены [10, с. 194]. Скорее всего, многие люди не только не захотят «улучшаться», но и не будут иметь такой возможности из-за дороговизны необходимых для этого технологий. Это меньшинство получит возможности для превращения своей жизни в «гедонистический рай». Здесь будет возможно рождение

«дизайнерских младенцев» – детей с заранее заданными характеристиками, создание нескольких копий своего мозга, клонирование, крионирование и т.д. Вполне реальной, на наш взгляд, является угроза создания двухуровневого общества, разделённого на хозяев, властвующих над миром и покорных, всецело контролируемых нейророботов. Обычные, «натуральные» люди в этой системе могут оказаться лишними.

Трансгуманистические технологии и власть. В любом случае трансгуманистические и сопутствующие им технологии могут привести к серьёзнейшим политическим изменениям. Станет возможным предельное усиление власти на базе развивающихся средств тотального контроля и как следствие, свертывание демократических институтов. В будущем власть получит возможность знать о гражданах всё. Рядовые граждане окажутся в положении, когда вся информация об их «скелетах в шкафу» может стать известна третьим лицам. Технология Big Data может фиксировать, структурировать и анализировать любую информацию. Это позволяет создавать социальные конструкции любого уровня сложности, приравнивая людей к героям компьютерных игр. От внимания аналитических нейросетей ничто не ускользает. Возможна ли в таких условиях вообще политическая субъектность рядового гражданина? Ситуация осложняется тем, что с каждым годом роль человека как трудового ресурса, налогоплательщика и солдата снижается. В конце концов, человек может стать не хозяином прогресса, а рабом, «большими данными», которыми оперирует мощный искусственный интеллект [11, с. 343–344].

Одной из своих важнейших задач трансгуманисты считают создание искусственного интеллекта (ИИ), который сможет многократно превзойти все мыслимые возможности интеллекта человека. Создание такого суперкомпьютера, пожалуй, нанесет последний удар по антропоцентрическому мировоззрению. Идеалы эпохи Возрождения безвозвратно уйдут в прошлое. Человеческий вид перестанет быть самой разумной формой жизни на земле, да и сами представления о живом и неживом скорее всего будут серьезно пересмотрены. Момент истории, когда ИИ станет разумнее человека, будет поворотным и сделает возможным существование общества, основанного на принципиально новом порядке. Описание такого рода системы привычными для политической науки категориями представляется проблематичным. Ход событий здесь будет определяться уже нечеловеческим, «сверхразумным» субъектом.

На этом может закончиться наука, как сфера человеческой деятельности, ибо ИИ будет способен осуществлять научно-технический прогресс намного результативнее, чем это смогут сделать самые одаренные из людей. Люди, как носители научного знания будут излишни. В «дивном новом мире» трансгуманистов ИИ занимает центральное и высшее положение, обычному же человеку отводится самая низшая ступень новой иерархии. Пренебрежение к человеческой природе как таковой сочетается у трансгуманистов со стопроцентной уверенностью в том, что именно они будут постлюдьми – носителями «сверхразума». Далее, возможны два варианта развития ситуации. В первом варианте постлюди будут сосуществовать с людьми как «полубоги». Во втором – они сочтут существование людей нецелесообразным и примут меры к их ликвидации или по меньшей мере серьёзному сокращению их численности. Далее, постлюди смогут использовать Землю для осуществления любых технических проектов и/или заняться колонизацией других планет. Трансгуманист Ханс Моравек высказался по этому поводу совершенно определенно: «Неважно, что делают люди, они будут отброшены как вторая ступень ракеты… Судьба людей не будет представлять никакого интереса для сверхразумных роботов будущего. Людей будут рассматривать как неудавшийся эксперимент» [12, p. 12].

Трансгуманизм сегодня – это непросто интеллектуальное движение. Это стратегия той части правящих элит, которая открыто взяла курс на создание в мировом масштабе общества двух каст: касты «избранных» и касты «прислуги».

Проекты «научного трансгуманизма», основывающиеся на внедрении НБИК-конвергентных технологий, определяют сегодня ключевое направление научно-технических исследований, которое проводят и государственные структуры, и крупнейшие корпорации. В них заняты биологи, физики, неврологи, когнитологи, компьютерные специалисты, философы, социологи, научные фантасты, специалисты по военной стратегии, политики, законодатели и многие другие [13, с. 72].

Резюмируем сказанное выше. Специфические условия среды порождают человеческие общности, в этнологии называемые антисистемами. Их базовой, отличительной чертой является негативное мироощущение, которое побуждает отрицательно относиться к жизни. Одной из таких антисистем были общины гностиков, возникшие в Средиземноморье поздней античности. Важным элементом гностических верований было представление о знании как средстве спасения и магической силе, дающая безграничную власть, а также представление о духовном неравенстве людей. Гностические идеи оказали заметное влияние на развитие Западной Европы в Новое Время.

Во второй половине XIX века гностический образ мышления укоренился в сознании значительной части представителей политических элит Запада и сделал возможным формирование «кибернетического человека». В современном мире скорость появления и количество новейших технологий и технологических разработок значительно опережает скорость осознания происходящих перемен как общественностью, так и политическими элитами. Древняя гностическая идея о несовершенстве сотворенной материи и сверхценности знания как средства перестройки мира и человека сделала возможным в XX веке возникновение трансгуманизма. Последний в качестве средства совершенствования человека рассматривает использование НБИК-технологий (нано-технологий, биологии, информатики и когнитивных наук). В результате может возникнуть существенное социальное и политическое неравенство. Существует риск превращения человека в раба «больших данных», которыми оперирует мощный искусственный интеллект. Это чревато возникновением общества, основанного на принципиально новом порядке, где «улучшенные» трансгуманистическими технологиями «постлюди» будут господствовать над обычными людьми.

Список источников

1. Гумилёв Л., Этногенез и биосфера земли. М.: Айрис-пресс, 2011. 560 с.
2. Хёллер С., Гностицизм. М.: Клуб Касталия, 2013. 280с.
3. Современный философский словарь/ Под ред. В. Е. Кемерова. М., 1996. 608 с.
4. Четверикова О. Диктатура «просвещённых»: дух и цели трансгуманизма. СПб.: Издатель Геннадий Маркелов, 2018. 146с.
5. Гумилёв Л. От Руси до России. М.: АСТ МОСКВА, 2008. 559 с.
6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 447 с.
7. Рюриков Д. Времена зверя. Новый мировой порядок. Архитекторы расчеловечевания. М.: Книжный мир, 2018. 288 с.
8. Эстулин Д. Трансэволюция. Эпоха разрушения человека. М.: Книжный мир. 2015. 352 с.
9. Originally entitled 50 Ideas you really need to know: the Future. Chicago: Markham, 2012. 207 p.
10. Шваб К. Четвёртая промышленная революция. М.: Изд-во «Э». 2017. 270 с.
11. Диденко И. НеВенец Творения. М.: «Аргументы недели». 2021. 384 с.
12. Dickes J.-P. Lultime transgression. Refaconner Ihomme. Paris, Editions de Chire, 2012. 236p.
13. Четверикова О. Трансгуманизм в российском образовании, наши дети как товар. М.: Книжный мир. 2021. 416с.

References

1. Gumilev L., *Ethnogenesis and the biosphere of the earth.* Moscow: Iris-press, 2011. 560 p. (In Russ.)
2. Heller S., Gnosticism. Moscow: Castalia Club; 2013. 280 p. (In Russ.)
3. *Modern Philosophical Dictionary.* Edited by V. E. Kemerov. Moscow; 1996. 608 p. (In Russ.)
4. Chetverikova O. *The dictatorship of the "enlightened": the spirit and goals of transhumanism.* St. Petersburg: Publisher Gennady Markelov, 2018. 146 p. (In Russ.)
5. Gumilev L. *From Russia to Russia.* Moscow: Ast Moscow, 2008. 559 p. (In Russ.)
6. Fromm E. *Anatomy of human destructiveness*. Moscow: Republic; 1994. 447 p. (In Russ.)

7. Rurikov D. *The Times of the Beast. The new world order. Architects of dehumanization.* Moscow: Book World; 2018. 288 p. (In Russ.)

8. Estulin D. *Transevolution. The epoch of human destruction.* Moscow: Book World; 2015. 352 p. (In Russ.)

9. *Originally entitled 50 Ideas you Really need to know: the Future.* Chicago: Markham; 2012. 207 p.

10. Schwab K. *The fourth Industrial Revolution.* Moscow: Publishing House "E"; 2017. 270p. (In Russ.)

11. Didenko I. *Nevenets of Creation.* Moscow: "Arguments of the week"; 2021. 384 p. (In Russ.)

12. Dickes J.-P. *Lultime transgression. Refaconner Ihomme.* Paris, Editions de Chire; 2012. 236 p.

13. Chetverikova O. *Transhumanism in Russian education, our children as a commodity.* Moscow: Book World; 2021. 416 p. (In Russ.)

Информация об авторе

В. А. Лихотинский – кандидат политических наук, преподаватель, Многофункциональный учебный центр «Evoland».

Information about the author

V. A. Likhotinsky – Candidate of Political Sciences, tutor, Multifunctional training Center "Evoland".

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 13.02.2023; принята к публикации 14.02.2023.
The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 13.02.2023; accepted for publication 14.02.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 191–196
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):191–196

Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 32
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-191-196

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭКОСИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Екатерина Александровна Попова[1], Златаслава Сергеевна Мартемьянова[2]

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия
[1]directorcpk@yandex.ru,
[2]3lataslava@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются особенности цифрового взаимодействия в экосистеме политического пространства. Изучается влияние цифровых технологий на взаимодействие в политическом пространстве. Исследуется роль искусственного интеллекта в цифровом взаимодействии. На основе исследования особенностей цифрового взаимодействия в экосистеме политического пространства, были выявлены проблемы цифрового политического взаимодействия.

Ключевые слова: цифровое взаимодействие, политическое пространство, политическая экосистема, политические элиты, искусственный интеллект

Для цитирования: Попова Е. А., Мартемьянова З. С. Особенности цифрового взаимодействия в экосистеме политического пространства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 191–196. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-191-196

Politology and Ethnopolitics

Original article

FEATURES OF DIGITAL INTERACTION IN THE ECOSYSTEM OF THE POLITICAL SPACE

Ekaterina A. Popova[1], Zlataslava S. Martemyanova[2]

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
[1]directorcpk@yandex.ru,
[2]3lataslava@mail.ru

Abstract. The article reveals the features of digital interaction in the ecosystem of the political space. The influence of digital technologies on interaction in the political space is being studied. The role of artificial intelligence in digital interaction is explored. Based on the study of the features of digital interaction in the ecosystem of the political space, the problems of digital political interaction were identified.

Keywords: digital interaction, political space, political ecosystem, political elites, artificial intelligence, ChatGPT

For citation: Popova E. A., Martemyanova Z. S. Features of digital interaction in the ecosystem of the political space. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):191–196. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-191-196

© Попова Е. А., Мартемьянова З. С., 2023

В современной экосистеме политического пространства, трансформирующейся под влиянием использования цифровых технологий и платформ, вопросы взаимодействия власти и общества приобретают особый интерес.

В условиях развития цифровых технологий трансформация форматов политического взаимодействия формирует новые вызовы и задачи для исследования экосистемы политического пространства, процессы цифрового политического взаимодействия подвергаются влиянию различных факторов.

Для того чтобы оценить влияние цифровых технологий, целесообразно отметить этапы современной цифровизации. R. Katz, ученый в области компьютерных наук, исследуя цифровые процессы отметил наличие трех этапов цифровизации современных процессов. Первый этап включает в себя автоматизацию систем управления в коммерческих и государственных организациях, развитие системы удаленного цифрового взаимодействия. Вторая волна характеризуется развитием цифровых платформ, которые обеспечивают площадку для цифрового взаимодействия систем и граждан, а также развитием технологий облачных вычислений. Третий этап характеризуется внедрением цифровых технологий, направленных на ускорение обработки информации, преобразование решений и задач в хорошо работающий алгоритм [1].

Под цифровым взаимодействием в политической системе понимается процесс воздействия друг на друга политических акторов и участников, который порождает их взаимосвязь. Исследование цифрового взаимодействия реализуется в различных сферах общественных отношений. Можно отметить, что социолог Р. Мертон рассматривал цифровое взаимодействие как функциональное, дисфункциональное, открытое, скрытое [2]. Таким образом, цифровое взаимодействие в политическом пространстве может осуществляться для решения политических вопросов, для обеспечения информационной политики, для широкого и ограниченного круга лиц. Рассматривая цифровое взаимодействие в экосистеме политического пространства, можно выделить некоторые аспекты цифрового взаимодействия: наличие доступной цифровой площадки; компетентные политические акторы и участники в области использования цифровых платформ, обладающие знаниями цифровой коммуникации для взаимодействия в цифровой среде.

Экосистема политического пространства представляет собой ландшафт взаимодействия политических акторов и участников, а учитывая цифровую трансформацию, такое взаимодействие происходит в том числе при использовании цифровых инструментов, платформ, технологий. Экосистемный признак указывает на особое внимание к гибкому, мобильному, понятному, оперативному взаимодействию акторов и участников политического пространства, замкнутости системы, клиентоцентричности. Поэтому роль цифрового политического взаимодействия представляется целесообразной для детального рассмотрения. Цифровое взаимодействие в политическом пространстве можно рассматривать и как цифровую коммуникацию политических акторов и участников для представления своих политических интересов, управления массовым сознанием; в рамках электорального процесса. Если рассматривать особенности цифрового взаимодействия в процессе выборной деятельности, можно отметить появление дистанционного голосования в России.

В 2022 году введена статья 64.1 о дистанционном электронном голосовании в рамках ФЗ № 67 от 12.06.2002 "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации", которая обозначает нормы и правила голосования на выборах, референдумах[1]. Такое решение позволило внедрить единые правила проведения дистанционного электронного голосования. Важно отметить, что такой формат удаленного взаимодействия уже осуществлялся в России в 2019 г. на выборах депутатов в Московскую Государственную Думу, в 2020 году в рамках общероссийского голосования по принятию изменений в конституцию РФ, в процессе дополнительных выборов в государственную Думу[2].

[1] Федеральный закон № 67 от 12.06.2002 "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/fdebea4678f130de307054f0890585020a01556f/

[2] ТАСС. Дистанционное электронное голосование в России. История и особенности. Режим доступа: https://tass.ru/info/13533535

Можно отметить, что дистанционное цифровое голосование может стать следующим шагом развития дистанционного электронного голосования, которое существует сегодня. Использование цифровых технологий в электоральном процессе как инструментов цифрового взаимодействия возможно при наличии технических возможностей, сопряженными с законодательными основами, которые должны отражаться в рамках цифрового избирательного, законодательного права, кодекса цифровой этики во взаимодействии с помощью цифровых технологий.

Говоря о цифровом взаимодействии и цифровых технологиях важно отметить значение такой технологии как искусственный интеллект (ИИ). Для того, чтобы оценить влияние ИИ целесообразно отметить типы ИИ, которые выделяют ученые: слабый и сильный. Под слабым ИИ понимается цифровая технология, решающая задачи узкого профиля, выполнение одной задачи, которой она обучена, в заранее определенном диапазоне.

Под сильным ИИ понимается такая цифровая технология, которая не только обрабатывает информацию, но и выдает оригинальный результат деятельности. Механизм работы сильного ИИ подразумевает схожесть с человеческим интеллектом. Это все больше порождает высокую вовлеченность ученых не только технических наук, но и гуманитарных. Говоря о исследовании взаимодействия ИИ и человека, целесообразно подчеркнуть, что может возникнуть множество вопросов в области цифровой коммуникации. Так можно отметить некоторые исследования ученых в области взаимодействия человека с ИИ, например взять во внимание эмпирический тест Тьюринга. В рамках своего исследования ученый взял группу людей и предложил им пообщаться с собеседником через изолирующую систему. Испытуемые переписывались с ИИ и друг другом, и должны были определить, где их напарником был ИИ. В результате исследования было определено, что, если человек не распознает ИИ, то машина прошла тест Тьюринга и является сильной цифровой технологией. Такой эксперимент вызвал резонанс, и некоторые ученые продолжили исследование для того, чтобы выявить угрозы и возможности цифрового взаимодействия человека с ИИ. Американский профессор Дж. Р. Серл провел эксперимент, который заключался в том, что на китайском языке задавались вопросы человеку и искусственному интеллекту. В условия эксперимента было заложено, что испытуемые человек и ИИ не знают китайского, им были предоставлены три корзины с грамматикой языка. В ходе эксперимента было выявлено, что ИИ не справился с результатами, а значит не способен мыслить и отвечать верно на вопросы так, как это делает человек.

Важно отметить, что интерес к исследованиям с сфере ИИ повысился за последние несколько лет. Согласно докладу ЮНЕСКО исследования в сфере ИИ стали трендом, за 2018-2019 гг. было опубликовано более 275,7 тыс. научных трудов. В рамках исследования отношения Россиян к искусственному интеллекту, ВЦИОМ провел опрос в ходе которого было выявлено, что 48% граждан доверяют ИИ и 79 % считают, что государство должно сформировать условия для развития цифровой технологии искусственного интеллекта[1]. В 2021 г. исследовательский центр Superjob провел социологический опрос на тему замены профессий нейросетью. В ходе опроса было отмечено, что 53% пользователей проголосовало за нейросеть, как элемент представления интересов определенного слоя избирателей, заменив при этом депутатов, при этом 47 % не одобрили такое решение ввиду возможных угроз и не ясных форм контроля искусственного интеллекта[2].

В феврале 2023 г. крупнейший медиахолдинг России Rambler&Co на своих медиаресурсах организовал опрос пользователей при помощи чат-бота с искусственным интеллектом ChatGPT, который придумал вопросы пользователям о нейросетях. Можно отметить, что ChatGPT был основан в конце ноября 2022 г. и представляет собой чат-бот, который может создавать тексты, отвечать на сообщения, спорить.

В опросе участвовало более полумиллиона пользователей, среди которых 70 % мужчин и 30 % женщин. В ходе опроса было выявлено, что 50% пользователей считают, что ИИ может быть полезен в целом; в другой выборке 60% опрошенных считают, что технология ИИ позволит анализировать данный быстрее, 23 % считают, что ИИ будет способствовать автоматизации процессов,

[1] ВЦИОМ. Аналитический обзор. Искусственный интеллект: благо или угроза? Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-blago-ili-ugroza

[2] Газета. Ру. Нейросеть лучше: половина россиян хотела бы заменить депутатов искусственным интеллектом Режим доступа: https://www.gazeta.ru/tech/2021/06/11/13631072/ii_duma.shtml

13 % советуют использовать ИИ для прогнозирования, 4 % считают, что ИИ будет полезен в работе с персоналом[1].

В целом можно отметить позитивную оценку пользователями цифрового взаимодействия ИИ в различных сферах деятельности. Билл Гейтс высказал свое мнение по поводу искусственного интеллекта СМИ после основания чат-бота ChatGPT, по его мнению, внедрение ИИ можно приравнять к появлению интернета и это существенно изменит мир. В ответ на создание данной технологии копания Google сообщила о создании чат-бота для обучения детей с помощью диалогового ИИ сервиса, об этом написал генеральный директор Сундар Пичаи в своем блоге[2].

При исследовании цифровых технологий на цифровое политическое пространство, необходимо отметить современные разработки в общественной сфере деятельности в том числе. Необходимо отметить, что в России в 2020 г. в рамках национального проекта «Цифровая экономика» был создан проект «Искусственный интеллект». В 2021 г. более 430 отечественных разработчиков прошли акселерационные программы, к 2024 г. планируется увеличение грантового финансирования для масштабирования и акселерации проектов в области разработки искусственного интеллекта.

В настоящее время в России функционирует Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации, который создан для отбора эффективных решений в области искусственного интеллекта на период до 2030 г. Задачей Центра выступает обеспечение экспертно-аналитического сопровождения и развития ИИ в различных отраслях[3].

Искусственный интеллект является одной из цифровых технологий, которая может оказывать влияние на цифровое взаимодействие политических акторов и участников цифрового политического пространства, поэтому необходимо рассматривать ИИ не только как инструмент, но и участника цифрового взаимодействия. Использование слабого и сильного искусственного интеллекта в цифровом политическом пространстве можно рассматривать как с позиции возникновения потенциальных рисков при построении цифровой коммуникации политических акторов и участников. Среди таких рисков можно выделить следующие: возникновение фейковых новостей, киберпреступность, риск цифровой диктатуры, утечка данных, потеря доверия между политическими акторами и участниками. С другой стороны, инструменты ИИ могут оказать содействие в целях оптимизации рутинных процессов в рамках электорального процесса, стать помощником в вопросах взаимодействия в социальных сетях и на официальных сайтах.

Важно отметить, что роль искусственного интеллекта возрастает не только в общественной сфере деятельности, а также и в политическом пространстве. Анализ интересов к ИИ показывает, что цифровая технология будет все более востребована, поэтому для формирования эффективных механизмов работы ИИ в политическом пространстве необходимо учитывать не только возможности, но и угрозы для решения проблем в результате взаимодействия политических акторов и участников цифрового политического пространства с ИИ и другими цифровыми технологиями.

Можно отметить, что цифровое взаимодействие в политическом пространстве порождает некоторые проблемы:

- технические. В настоящее время отечественные цифровые технологии находят в стадии разработки, внедрения и не прошли достаточную апробацию для того, чтобы быть применимыми повсеместно для представления политических интересов, нет понимания какие цифровые технологии сегодня будут наиболее эффективны в рамках политической цифровой коммуникации;

- коммуникативные. Цифровая политическая коммуникация находит свой отклик через социальные цифровые площадки, что порождает слактивизм, который может выражаться в поверхностном изучении политических вопросов и решений, что может влиять на компетентность участников политического пространства;

[1] ТАСС. ChatGPT написал исследование об отношении россиян к ИИ за три минуты. Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/17032811

[2] Блог Google. An important next step on our AI journey. Режим доступа: https://blog.google/technology/ai/bard-google-ai-search-updates/

[3] Официальный сайт Национального центра развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации. Режим доступа: https://aicentre.hse.ru/

- образовательные. Фейковые политические новости могут сформировать подмену понятийного политологического аппарата у населения и подрывать желание к получению образования в сфере политологии. Целесообразно отметить, что и внедрение новых цифровых технологий в электоральный или иной политический процесс требует компетентных специалистов, что создает проблему квалифицированных кадров и необходимость для дополнительного обучения сотрудников;

- информационные. Дипфейки, клевета, порча имиджа могут влиять на политические процессы, подрывать доверие к политическим акторам.

- экономические. Большой объем данных может быть обработан с помощью цифровых технологий, в том числе с помощью ИИ, однако в настоящее время стоимость цифровых технологий, которые могут помочь в оптимизации различных данных, информации имеют высокую стоимость;

- законодательные. В условиях развития электронных и цифровых технологий трансформируются и усовершенствуются нормативно-правовые акты, что требует времени для узаконивания того или иного правового положения, в связи с этим могут быть задержки внедрения цифровых технологий;

- в области ответственности. Цифровые технологии могут иметь технические сбои, в случае потери данных или их искаженной обработки возникает проблема ответственности результата в случае, если это произойдет;

- в области кибербезопасности. Работа на цифровых площадках должна быть защищена от потери данных, однако акторы и участники политического процесса должны быть осведомлены о современных механизмах защиты персональных данных. Согласно опросу ВЦИОМ только 60 % граждан изучают условия работы с личными данными в сети[1].

При исследовании проблем цифрового политического взаимодействия целесообразно отметить возможности при применении цифровых технологий, которые будут благоприятствовать развитию цифрового политического пространства:

- развитие цифровой коммуникации в области политологии;

- оптимизация рутинных процессов обработки информации и данных;

- использование цифровых технологий как тренажер для обучения политическим технологиях, механизмам в рамках подготовки политологов;

- управление массовым сознанием с помощью цифровых технологий;

- сильная информационная политика;

- инструмент для организации различных вопросов, связанными с выборами, референдумами;

- технологическое развитие отечественных разработчиков;

- усовершенствованные нормативно-правовые акты;

- появление новых профессий в области цифровой политики;

- развитие образования и науки в сфере цифровизации политики, политических процессов, политического пространства.

Исследование цифрового взаимодействия в политическом пространстве представляет собой глубокий и серьезный процесс, требующий особой государственной поддержки для формирования условий развития цифровых технологий для применения их в экосистеме политического пространства, а также формирования адаптации для политических акторов и участников в использовании цифровых технологий для реализации своих функций в экосистеме политического пространства.

[1] ВЦИОМ. Аналитический обзор. Персональные данные в интернете: угроза утечки и как с ней бороться. Режим доступа:https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/personalnye-dannye-v-internete-ugroza-utechki-i-kak-s-nei-borotsja

Список источников

1. Сафонов С. А., Зандер Е. В. Оценка цифровой трансформации социальной сферы и региональные особенности цифровизации социальных услуг // Цифровая экономика. 2022. № 4 (20). С. 53–62.
2. Вдовина М. В. Проблемы развития цифрового взаимодействия // Горизонты гуманитарного знания. 2021. № 4. С. 71–85. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-tsifrovogo-vzaimodeystviya (дата обращения: 01.03.2023).

References

1. Safonov S. A., Zander E. V. Assessment of the digital transformation of the social sphere and regional features of the digitalization of social services. *Tsifrovaya ekonomika = Tsifrovaya ekonomika.* 2022; 4(20):53–62. (In Russ.)
2. Vdovina M. V. Problems of development of digital interaction. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya = Horizons of humanitarian knowledge*. 2021;(4):71–85. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-tsifrovogo-vzaimodeystviya [Accessed 01.03.2023]. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. А. Попова – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки ЮРИУ РАНХиГС.

З. С. Мартемьянова – старший преподаватель кафедры философии и методологии науки ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

E. A. Popova – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Z. S. Martemyanova – Senior lecturer of the Department of Philosophy and Methodology of Science of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 24.02.2023; одобрена после рецензирования 06.03.2022; принята к публикации 07.03.2023.
The article was submitted 24.02.2023; approved after reviewing 06.03.2022; accepted for publication 07.03.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 197–204
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):197–204

Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 32
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-197-204

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ КОММЕМОРАЦИЯ И РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: МОЖЕТ ЛИ НЕПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ БЫТЬ РАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИЕЙ?

Сергей Петрович Поцелуев[1], Алан Александрович Гаас[2], Александр Дмитриевич Яковлев[3]

[1, 2, 3]Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
[1]spotselu@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8562-6541
[2]alan-haas@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0265-9389
[3]Sasha.petrov.1911@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-2374-7049

Аннотация. Статья посвящена феномену «войны памятников» на Северном Кавказе в контексте российского нациестроительства. Авторы анализируют историческую динамику коммеморации на Северном Кавказе в зависимости от ее исторических этапов и политических акторов. Далее, в статье рассматриваются причины актуальной войны памятников на Северном Кавказе и формулируется ее суть. При этом ставится вопрос об оценке позиции властей относительно данной «войны» в терминах политики «непринятия решений» (согласно П. Бахраху и М. С. Барацу). В заключение авторы интерпретируют мемориальные конфликты на Северном Кавказе как запрос на модерновый (в духе Э. Ренана) концепт российской нации.

Ключевые слова: Северный Кавказ, коммеморация, мемориальные конфликты, Кавказская война, непринятие решений, мобилизация предвзятости, российская нация

Для цитирования: Поцелуев С. П., Гаас А. А., Яковлев А. Д. Монументальная коммеморация и российская идентичность на Северном Кавказе: может ли непринятие решений быть рациональной политической стратегией? // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 197–204. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-197-204

Politology and Ethnopolitics

Original article

MONUMENTAL COMMEMORATION AND RUSSIAN IDENTITY IN THE NORTH CAUCASUS: CAN NON-ACCEPTANCE OF DECISIONS BE A RATIONAL POLITICAL STRATEGY?

Sergey P. Potseluev[1], Alan A. Gaas[2], Alexander D. Yakovlev[3]

[1, 2, 3]Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
[1]spotselu@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8562-6541
[2]alan-haas@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0265-9389
[3]Sasha.petrov.1911@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-2374-7049

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of the "monument war" in the North Caucasus in the context of Russian nation-building. The authors analyze the historical dynamics of the commemoration in the North Caucasus, depending on its historical stages and political actors. Further, the article examines the causes of the actual 'war of monuments' in the North Caucasus and formulates its essence. At the same time, the question is raised about the assessment of the position of the authorities regarding this "war" in terms of the policy of "non-decision-making" (according to P. Bachrach and M. S. Baratz). In conclusion, the authors interpret the memorial conflicts in the North Caucasus as a request for a modern (in the spirit of E. Renan) concept of the Russian nation.

© Поцелуев С. П., Гаас А. А., Яковлев А. Д., 2023

Keywords: North Caucasus, commemoration, memorial conflicts, Caucasian war, non-acceptance of decisions, mobilization of bias, Russian nation

For citation: Potseluev S. P., Gaas A. A., Yakovlev A. D. Monumental commemoration and Russian identity in the North Caucasus: can non-acceptance of decisions be a rational political strategy? *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):197–204. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-197-204

Северный Кавказ – уникальный в некотором смысле регион Российской Федерации, в котором проживают десятки различных народностей. И, безусловно, между этими этническими группами время от времени происходят конфликты разной степени напряженности. Установка тех или иных памятных знаков зачастую вызывает споры в обществе, и одни из таких споров возникают по поводу установки или демонтажа памятников и монументов, посвящённых различным историческим событиям прошлого. Это, прежде всего, касается Кавказской войны (1763–1864) и Гражданской войны (1917–1922), а также личностей, знаковых для этих событий. Мемориальные конфликты часто обозначаются в научной литературе термином «войны памяти». Под ним подразумеваются споры и дискуссии в научном и в медиапространстве относительно трактовок событий прошлого, установки или демонтажа определённых монументов, а также кампании, направленные на продвижение заинтересованными сторонами их позиций и обеспечение соответствующих властных решений.

«Войны памяти» – это не отвлеченные споры историков или простых обывателей; это – текущая политика, поскольку «обсуждение прошлого служит символическим языком, с помощью которого люди иной раз предпочитают говорить о проблемах, затрагивающих болезненные сферы жизни общества» [1, с. 216]. И в устах даже честных (в научном плане) историков тезис о «войнах памяти» на постсоветском пространстве вообще и в постсоветской России, в частности, может сопровождаться отнюдь не только позитивной, но нейтральной или даже негативной оценкой перспектив укрепления российской национальной идентичности. Поэтому данный тезис нуждается в рефлексии политолога. Целью данной статьи является политологическая оценка исторической динамики и актуального состояния «войны памятников» на Северном Кавказе, а также вытекающая отсюда формулировка вопроса о возможности анализа мемориальных конфликтов на Северном Кавказе в терминах политической стратегии «непринятия решений».

Историческая динамика коммеморации на Северном Кавказе. Одним из важнейших механизмов формирования исторической памяти выступает коммеморация. Под ней подразумевается целенаправленная актуализация истории, то есть сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого различными символическими средствами (наименования улиц и площадей, монументы, литературные произведения, живопись и пр.) [2, с. 15].

Мемориальные объекты, сооруженные в контексте Кавказской войны, можно разделить на две большие группы. К первой группе относятся памятники, установленные по инициативе русских и казаков. Они представляют собой бюсты и статуи русским генералам, казачьим атаманам, героям времен Кавказской войны, памятные монументы в честь фортов и укреплений[1]. Вторая группа – это памятники, возведенные адыгскими и черкесскими общинами в честь своих предков, погибших во время Кавказской войны, а также памятники выдающимся деятелям, сражавшимся

[1] Перечислим некоторые памятники, относящиеся к первой группе: крест в честь битвы у Ольгинского кордона, установленный в 1869 (казачий отряд Льва Тиховского защитил ценой своих жизней две станицы от набега закубанских черкесов), памятник казакам, защитившим Липкинский мост и преградившим натухайцам путь на станицу (установлен в 1898, а в 1959 перенесён), памятники Архипу Осипову 1876 и 1881 гг. (взорвал пороховой погреб, тем самым уничтожив большое количество напавших горцев), монумент казакам Лабинского полка в городе Лабинске (1912, после разобран при советской власти и восстановлен в 1993), крест в честь форта Святого Николая (1999), монумент в честь Андрея Гречишкина (станица Тбилисская, 2014), памятник в честь солдат, казаков и офицеров – основателей крепости Майкоп (2012), памятник участникам Кавказской войны в городе Абинск (2004), бюст генерала Г. Х. Засса в Армавире (2003), бюст адмирала М.П. Лазарева в Лазаревском (1954 год), памятник наместнику Михаилу Романову (2010, Михайло-Архангельская пустынь), памятник Александру II (1881 на Мамрюк-Огой, станица Новосвободная и 2015 в Сочи), бюст генералу И.В. Гудовичу (Анапа, 2011), памятник крепости Святого Духа в Адлере (установлен и демонтирован в 2020 г.).

против российских войск (к примеру, Имаму Шамилю), памятные монументы в честь различных сражений[1].

Отметим один факт, касательно первой группы памятников – часть из них была возведена в дореволюционное время. Так, в 1888 г. в Грозном был установлен бюст генералу Алексею Ермолову. После Октябрьской революции некоторые из этих памятников была квалифицированы как «самодержавные» и демонтированы, либо перенесены на новые места (из-за строительства Краснодарского водохранилища). В 1920-1930-х гг. Кавказская война рассматривалась как сопротивление российскому колониализму, однако уже в 1940-1950-х гг. имам Шамиль воспринимался как агент влияния Британской империи [3, с. 111-112].

Еще одной проблемной точкой исторической памяти на Северном Кавказе стали события Гражданской войны. Как отмечает исследователь А. Н. Еремеева, мемориализация Белого движения началась уже в ходе Гражданской войны. Так, осенью 1918 г. было принято решение увековечить память погибшего генерала Льва Корнилова, на месте его гибели проводились памятные мероприятия. Имелись также планы по сооружению часовни на военном кладбище Екатеринодара в память о погибших солдатах и офицерах Добровольческой армии [4, с. 173]. Но после установления советской власти на Кубани и Северном Кавказе началась мемориализация участников Гражданской войны уже со стороны коммунистов. В 1923 году появились соответствующие монументы в Темрюке, Новороссийске, Геленджике и Славянске-на-Кубани. К примеру, в 1951 г. на Кубани был открыт памятник Ивану Кочубею [5, с. 111].

В современной России памятники, посвященные событиям Кавказской войны, стали массово появляться после распада СССР. Советская власть и наука мало интересовались тематикой Кавказской войны, рассматривая её зачастую лишь в контексте доброго сотрудничества между русскими и горцами или освобождению русскими горцев от османского владычества. Но уже в конце 1980 – начале 1990-х годов начинается возведение мемориалов противникам Российской империи. Так, в 1989 г. одним из жителей аула Али-Бердуковский в Хабезском районе Карачаево-Черкесии был сооружен памятник в честь черкесов, воевавших против России во время Кавказской войны. Примечательно, что в надписи на этом памятнике Кавказская война была названа «*Русско*-Кавказской войной 1764-1864 гг.»[2].

В 1990-е годы отношение российских властей к событиям Кавказской войны приобретает идеологически более продуманный (по сравнению с эпохой перестройки) характер. В своем обращении 1994 г. тогдашний президент РФ Б. Н. Ельцин отмечал, что не только Россия, но также Великобритания, Франция, Иран и Турция несут ответственность за судьбу народов Кавказа. Проблемы, созданные Кавказской войной, в частности репатриация кавказских переселенцев, должны решаться дипломатическим путём, а память об этой войне должна стать предостережением от трагедий в дальнейшем[3]. Государственный идеологический посыл чувствовался и в начавшейся после распада СССР мемориализации Белого движения. Яркий тому пример – открытый в Краснодаре в 1998 г. памятник «Примирение и согласие». Он изображал расположенные рядом буденовку и папаху, что символизировало примирение идеологических фронтов Гражданской войны [5, с. 113]. Впрочем, не все политические силы постсоветской России были готовы включиться в этот примирительный процесс. Когда в 2013 г. по инициативе кубанских казаков в Краснодаре был открыт памятник белому генералу Лавру Корнилову в качестве «еще одного шага к единству и миру

[1] Укажем на некоторые известные памятники из этой группы: памятник «Защитникам Черкессии» в ауле Понежукай (2010), памятник жертвам Кавказской войны в Нальчике (2004), памятник защитникам Черкессии в ауле Али-Бердуковский (1989 и 2009), памятник павшим в Кавказской войне адыгам в поселке Большой Кичмай (2008), беседка Шамиля в Верхнем Гунибе (1893, разрушена в 1995 и восстановлена в 2000), монумент Тугужоко Кызбечу в ауле Афипсип в Адыгее (2018), памятник жертвам Кавказской войны в Черкесске (2017), монумент Памяти и Единения «Очаг» в честь жертв Кавказской войны в Майкопе (2010) Отдельно стоит выделить памятник османским солдатам в Дагестане, установленный в 2018 году. Стоит сказать, что многие памятники были возведены по частной инициативе и на личные финансовые средства граждан.

[2] Памятник черкесам, погибшим во время Русско-Кавказской войны – Карачаево-Черкесия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruskompas.ru/news/2014/02/pamytnikch.shtml (Дата обращения: 12.01.2023).

[3] Обращение президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина к народам Кавказа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/1978317 (Дата обращения 17.01.2023).

в России»[1], это вызвало резкое неприятие со стороны российских неокоммунистов. В заявлении краснодарского горкома КПРФ по поводу установки памятника деятель Белого движения был назван «предателем России» и «ставленником российской буржуазии»[2].

Известным препятствием на пути символического (на уровне монументов) примирения противников прошлых войн в России, как и во многих других странах мира, выступает тенденция к фаворизации некогда «проигравших». В интересах же строительства нации более продуктивной представляется стратегия толкования прошлых войн как общей национальной трагедии и общей утраты. В пользу этого высказывается авторитетный немецкий историк А. Ассман, которая вслед за Э. Ренаном подчеркивает особую роль поражений и утрат в национальной исторической памяти [6, с. 66]. Поражения укрепляют сплочённость нации – ведь национальная идентичность во многом основана на жертвенности.

Причины и факторы актуальной «войны памятников» на Северном Кавказе. Но в чем, помимо незакрытых идеологических рвов из прошлого (как в случае с упомянутым памятником генералу Корнилову), заключаются причины войны памятников на Северном Кавказе? Перед тем, как ответить на этот вопрос, заметим, что не каждый памятник, установленный по тематике Кавказской войны, – причем не играет роли, кто его установил: черкесы или русские, сторонники «белых» или «красных», – может вызывать бурю негодования в медийном пространстве, заставлять активизироваться различных этнических националистов, осуществлять давление на органы власти посредством открытых писем, обращений, пикетов и т. п. К примеру, монументы, посвященные погибшим в Кавказской войне солдатам и мирным жителям с русской и черкесской стороны, умершим при переселении и депортации адыгам, или погибшим в войне казакам-защитникам станиц, практически не вызывают недовольства у представителей русского или черкесского этноса, как не вызывает негатива со стороны «белых» или «красных» памятник «Примирение и согласие» в Краснодаре.

Однако есть мемориальные объекты, связанные с персоналиями, которые вызывают возмущение со стороны определённой этнической группы. Те же бюсты Лазарева, Засса, проект памятника Евдокимову вызывают сильное недовольство черкесской интеллигенции. В свою очередь, представители русской общественности тоже реагируют негативно на сообщения о сносе монумента казакам или бюста русского генерала. И причины таких реакций кроются не столько в прошлых идеологических баталиях, сколько в актуальной политике. Собственно говоря, суть современных «войн памятников» на Северном Кавказе заключается, прежде всего, в разной политике памяти, которую транслируют разные политические акторы и в разных концептах российской истории. Следствием этого оказываются противостояния, ведущиеся в публичном (в том числе онлайн) пространстве по поводу установки и сноса памятников, причем с привлечением местной администрации, институтов гражданского общества и этно-религиозных групп, отстаивающих свои специфические интересы. Но несмотря на кажущуюся масштабность подобных противостояний, все они сводятся к редким и малочисленным пикетам около памятников, или попыткам добиться своего через административные механизмы. Поэтому в самом выражении «война памятников» есть момент фальшивой драматизации, искусственно раздуваемого ажиотажа, призванного символически повысить ставки участников политической игры.

В качестве примера приведем случай, произошедший в Адлере в 2020 году. Российское военно-историческое общество и Свято-Троицкая церковь, при поддержке местной администрации, установили монумент в честь крепости Святого Духа, основанной русскими солдатами в период Кавказской войны[3]. Об установке памятника был выпущен репортаж на федеральном телеканале «Россия 24». Но памятник простоял всего девять дней до 9 июля 2020 г., когда его убрали после

[1] В Краснодаре открылся памятник Белому генералу Лавру Корнилову. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2013/04/13/reg-ufo/general.html (Дата обращения 05.01.2023).

[2] Заявление краснодарского городского комитета КПРФ по поводу установления памятника генералу Корнилову в Краснодаре. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kprf.ru/party-live/regnews/117544.html (Дата обращения 06.01.2023)

[3] В Сочи на месте крепости Святого Духа установили памятник подвигу русских солдат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kuban24.tv/item/v-sochi-na-meste-kreposti-svyatogo-duha-ustanovili-pamyatnik-podvigu-russkih-soldat (дата обращения: 15.01.2023)

коллективной петиции черкесов и сочувствующих им граждан. Подписавших петицию было всего 55 человек, среди них имелись представители черкесской диаспоры за рубежом, а также не черкесы по национальности[1]. Снос этого памятника вызвал волну негодования, которую подхватили различные медиа и политические группы, в том числе правоконсервативной направленности. Апогеем стала публикация петиции сначала на сайте change.org, а затем на сайте российской общественной инициативы roi.ru[2], призывавшая местные власти к восстановлению памятника на прежнем месте (что также вызвало недовольство части черкесских активистов). Но несмотря на достаточно жаркие медийные баталии и дискуссии, которые могли создать впечатление всеобщего русского или черкесского недовольства, всё закончилось уже спустя год. Петиция не набрала нужного количества голосов (25 000 при 100 000 необходимых), а инициативная группа, созданная для реализации проекта возвращения памятника, не добилась сколь-нибудь значимых результатов. Вся их деятельность свелась к распространению информации в сети по поводу сноса памятника, расклейке агитационных листов с материалами по инциденту, одиночным пикетам и забрасыванию обращений к органам местной администрации и депутатам Государственной Думы РФ. В итоге, на 2021 год кажущимся «победителем» в этом локальном эпизоде «войны памятников» можно было признать черкесских активистов и тех, кто их поддерживал.

В данном противостоянии власть, конкретно Государственная Дума, не обратила внимание на факт демонтажа памятника, и на ее официальном уровне ни осуждения, ни одобрения, ни комментария по этому поводу высказано не было. Другими словами, власть не осудила, но и не поддержала демонтаж памятника. Такую позицию власти можно объяснить тем, что на государственном уровне еще не выработано позиции по данному вопросу, вследствие чего лучше вообще не акцентировать внимание на конфликтогенной теме, как бы не замечать ее в медиапространстве, чтобы лишний раз не провоцировать рост популярности идей черкесского национализма. Но критикам официальной политики такого рода случаи дают повод упрекнуть власти в непоследовательности по вопросу установки памятников, посвященных событиям периода Кавказской войны, да и не только.

Мемориальная политика как стратегия «непринятия решений». Однако можно ли сказать, что власть в упомянутом выше случае своей «нейтральной» позицией способствовала победе одной из сторон конфликта? – Однозначный ответ здесь отнюдь не очевиден. И прежде всего потому, что в «споре» памятников на Северном Кавказе власть допускает кажущуюся «победу» не только черкесской стороны; в качестве примера символической «победы» национально настроенных русских активистов можно привести демонтаж и последующее возвращение памятника М. П. Лазареву в микрорайоне Лазаревском (г. Сочи). Причем эта скульптура представляет собой достаточно редкий случай, когда царскому генералу, участвовавшему в Кавказской войне, поставили монумент в 1954 г., еще при советской власти. Несмотря на протесты черкесских активистов и демонтаж памятника, спустя несколько лет его все же вернули на прежнее место.

Упомянутое воздержание властей от обсуждения эпизодов «войны памятников» можно трактовать с позиции политики, которую социологи П. Бахрах и М. Барац выражали понятием «непринятия решений» (non decision-making). Под ним американские ученые подразумевали «практику ограничения сферы фактического принятия решений "безопасными" вопросами путем манипулирования доминирующими ценностями сообщества, мифами, политическими институтами и процедурами» [7, p. 632]. Важно, что такую практику Бахрах и Барац называют именно политикой (а не отказом от нее), считая ошибочным мнение, будто власть и ее корреляты активируются и могут наблюдаться только в ситуациях принятия решений.

---

[1] «…Требуем от местных властей Юга России незамедлительно приступить к демонтажу памятников, искажающих историческую действительность и сеющих межнациональную рознь». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zapravakbr.com/index.php/30-uncategorised/1496-trebuem-ot-mestnykh-vlastej-yuga-rossii-nezamedlitel-no-pristupit-k-demontazhu-pamyatnikov-iskazhayushchikh-istoricheskuyu-dejstvitel-nost-i-seyushchikh-mezhnatsional-nuyu-rozn (Дата обращения: 23.01.2023)

[2] Восстановить снесённый памятник русским солдатам в Адлере. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.roi.ru/70759/ (Дата обращения: 24.10.2023)

Непринятие решения – это не всегда нерешительность как промедление с действием (пускать дело на самотек) или решение не принимать решения из каких-то принципиальных соображений. В случае «войны памятников» так иногда и трактуют позицию российских властей, местных и/или федеральных: как дефицит воли к принятию решения (нерешительность) либо как сознательную позицию «нейтралитета» (и уже эту позицию критикуют как ложную). Но стратегия «непринятия решения» заключается совсем в другом, она сродни стратегии «недеяния» в древней даосской традиции: это стремление использовать ресурсы ситуации вокруг объекта управления в качестве средства предотвращения проблем, которые могут в будущем потребовать силового вмешательства.

Ситуация, в которой непринятие решения оказывается разумной политической стратегией, имеет место, «когда доминирующие ценности, принятые правила игры, существующие властные отношения между группами и инструменты силы, по отдельности или в сочетании, эффективно предотвращают перерастание определенных претензий в полноценные проблемы, требующие решений» [7, p. 641]. Принятие же властью конкретного решения в данной ситуации, в особенности, в форме силового принуждения либо пропагандистской манипуляции, может оказаться политически нерациональным. Для власти нетрудно снести какой-то памятник или морально дискредитировать его авторов в СМИ, но тут обнаруживается, что применение силы может приводить к потере власти, потому что «применение санкций часто вызывает радикальную перестройку ценностей внутри принуждаемого лица (а также у тех лиц, которые тесно идентифицируют себя с ним), тем самым подрывая ранее существовавшие властные отношения» [7, p. 636].

Одним из ключевых моментов в предлагаемом Бахрахом и Барацем понятии «nondecision-making», выступает понятие «мобилизации предвзятости» (the mobilization of bias), введенное в оборот Э. Шаттшнайдером. Под ним американский политолог подразумевал свойство всех форм политической организации обнаруживать «уклон в пользу эксплуатации одних видов конфликтов и подавления других» [8, p. 71]. Так, организация мобилизует предвзятое отношение к «войнам памяти», исключая их из актуальной повестки дня. В нашем случае – ситуация с установкой или демонтажом памятников. Сама проблема мемориальной политики от этого не исчезает, но мобилизация склонности не рассматривать эту проблему как значимую снижает риск эскалации данной проблемы. По крайней мере, до поры до времени, но за это время общая политическая ситуация в стране и мире может измениться, и необязательно в сторону обострения вопросов мемориальной политики в северокавказском регионе.

Хотя понятие «nondecision-making» получило за прошедшие полвека заметное развитие в западной политической науке, в отечественной политологии, насколько нам известно, оно еще не применялось к обсуждению проблем мемориальной политики. Здесь открывается интересная перспектива не только полевых, но прежде всего теоретических исследований. В частности, можно перевести в методологический аппарат научного анализа политики памяти важные концептуальные дистинкции, обсуждаемые в упомянутой статье Бахраха и Бараца. Речь идет о различии между понятием власти (power) и смежными концептами (феноменами): авторитетом (authority), влиянием (influence), манипуляцией (manipulation) и насилием (force). Особенно в такой тонкой материи, как историческая память, важно не забывать, что обладание инструментами власти еще не равносильно обладанию самой властью. Последняя реализуется только как отношение властвующих и подвластных, а потому ею нельзя владеть наподобие вещи. Как следствие, в идеологической сфере, как в никакой другой, далеко не все то, что кажется властью, является таковой на самом деле.

Заключение. Эпизоды «войны памятников» меньше всего должны склонять к выводу, что лучше вообще отказаться от памятников, посвященных прошлым войнам. Напротив, такие памятники нужны, но они должны объединять, а не дробить нации. В этой связи имеет смысл, по нашему мнению, спроектировать и установить памятник всем погибшим в Кавказской войне русским и адыгам, или солдатам и мирным людям, или памятник куначеству между адыгами и казаками. Такие монументы способствовали бы укреплению единства и мира на Северном Кавказе. На данный момент существует единичный памятник, который, хотя и не посвящен тематике Кавказской войны, но отвечает нашей идее, а именно, памятник Героям Первой Мировой войны – «Славным сынам Отечества казакам и горцам — героям Первой мировой войны», установленный в 2016 г.

в Краснодаре. Заметим, что этот монумент появился преимущественно благодаря личной инициативе скульпторов, народным пожертвованиям и скромной поддержке со стороны местной администрации.

Трезвомыслящие политики и профессиональные политологи (с которыми не следует путать политически «увлеченных» историков, этнографов, лингвистов и т. д.) следуют одному мудрому совету Э. Ренана. Последний, хотя и был историком, сформулировал в своей концепции нации исключительно политический (и как бы «антиисторический») тезис: «Забвение или, лучше сказать, историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации, и потому прогресс исторических исследований часто представляет опасность для национальности» [9, с. 93]. Французский ученый справедливо подчеркивает, что актуальное единство государств исторически зачастую создавалось насильственно, и любой историк может вытащить из прошлого множество реальных фактов такого насилия, а этнограф – бесчисленное множество культурных различий и конфликтов между этническими группами в составе данной нации. Но национальный патриотизм не может зависеть от очередной «более или менее парадоксальной диссертации», а границы государства – от «колебаний науки» [9, с. 98]. Нация есть прежде всего политический проект, предполагающий, что составляющие ее индивидуумы хотят совместно строить свое будущее. А для этого они должны быть способны многое позабыть из того, что их разделяло в историческом прошлом. Из вышесказанного вытекает необходимость разработки модернового концепта российской нации как базового элемента отечественной национальной политики. Критика данного концепта как «неоимперского» не только не уместна в научном и политическом плане; она скрывает этнонационалистические тенденции, реально угрожающие территориальной целостности РФ. В этом политическом контексте и следует оценивать как реальные «войны памяти» на Северном Кавказе, так и стратегию «непринятия решений» со стороны российских властей в сфере мемориальной политики.

Список источников

1. Шнирельман, В. А. Неудобная память // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 3. С. 216-221.

2. Кудаева С. Г. Монументальная политика как фактор формирования политики исторической памяти и поддержания этнической самоидентификации (на примере северокавказских народов) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Том 13. № 1. С. 13-20.

3. Урушадзе А. Т. Помнить-нельзя-забыть: Кавказская война в исторической памяти адыгов и российском пространстве коммеморации // Политическая наука. 2018. № 3. С. 106–128.

4. Еремеева А. Н. Практики мемориализации антисоветского движения на Юге России в годы Гражданской войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 2. С. 171–183.

5. Гаевская И. И. Памятники гражданской войны на территории Краснодарского края // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КубГТУ". 2019. № 3. С. 109-116.

6. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 325 с.

7. Bachrach P., Baratz M. S. Decisions and Nondecisions: An Analytical Framework // The American Political Science Review. 1963. Vol. 57. No. 3. P. 632-642.

8. Schattschneider E. E. The Semi- sovereign People: A Realist's View of Democracy in America. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1960. 147 p.

9. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти т. Пер. с французского под редакцией В. Н. Михайловского. Т. 6. Киев, 1902. С. 87-101.

References

1. Shnirelman V. A. Inconvenient memory. *The New Past*. 2018; 3: 216-221.

2. Kudaeva S. G. Monumental politics as a factor in shaping the policy of historical memory and maintaining ethnic identity (on the example of the North Caucasian peoples). *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of the Maikop State Technological University*. 2021;13 (1):13-20. (In Russ.)

3. Urushadze A. T. To remember-it-is-impossible-to forget: The Caucasian war in the historical memory of the Adygs and the Russian space of commemoration. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2018;(3):106–128 (In Russ.)

4. Eremeeva A. N. The practice of memorialization of the anti-Soviet movement in the South of Russia during the Civil War. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = *Bulletin of the Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relations*. 2021;26(2):171-183. (In Russ.)

5. Gaevskaya I. I. Monuments of the Civil War on the territory of the Krasnodar Territory. *Elektronnyi setevoi politematicheskii zhurnal "Nauchnye trudy KubGTU" = Scientific works of KubSTU*. 2019;(3):109–116. (In Russ.)

6. Assman A. *The Long Shadow of the Past: Memorial culture and historical politics.* Transl. from German. Boris Khlebnikov. Moscow: New Literary Review, 2014. 325 p. (In Russ.)

7. Bachrach P., Baratz M. S. Decisions and Nondecisions: An Analytical Framework. *The American Political Science Review*. 1963; 57 (3): 632-642.

8. Schattschneider E. E. *The Semi- sovereign People: A Realist's View of Democracy in America*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1960. 147 p.

9. Renan E. What is a nation? *Renan E. Collected works in 12 vol*. Translated from the French, ed. by V.N. Mikhailovsky. Vol. 6. Kiev, 1902: 87-101. (In Russ.)

Информация об авторах

С. П. Поцелуев – доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии ЮФУ.

А. А. Гаас – магистрант ЮФУ.

А. Д. Яковлев – магистрант ЮФУ.

Information about the authors

S. P. Potseluev – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science of Southern Federal University.

A. A. Gaas – Master's Student of Southern Federal University.

A. D. Yakovlev – Master's Student of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.
The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 205–210
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):205–210

Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 32.019.5
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-205-210

КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ ДОНБАССА: ФРЕЙМЫ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ И КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

Андрей Васильевич Тупаев[1], Роман Александрович Пупыкин[2]

[1, 2]Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

[1]avtupaev@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-0263-4053

[2]rapupykin@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-1981-9791

Аннотация. Современная геополитическая турбулентность, в которой находится наша страна, требует осмысления ряда ключевых тем и концептов, которые используются как основания для формирования российско-украинских отношений, одним из таких сложных концептов является Донбасс. В статье на основании совокупности теорий политической концептологии, когнитивных стратегий и фреймов анализируется специфика и образ Донбасса, определяются группы наиболее актуальных представлений об исторической особенности и современном состоянии концепта Донбасса. Авторы приходят к выводу о необходимости более глубокого погружения в философско-политический дискурс ключевых идей и ценностей современного противостояния.

Ключевые слова: Донбасс, политическая концептология, фреймы, когнитивные стратегии, идеология.

Для цитирования: Тупаев А. В., Пупыкин Р. А. Концептуальность Донбасса: фреймы идейно-политического содержания и когнитивные стратегии развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 205–210. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-205-210

Politology and Ethnopolitics

Original article

CONCEPTUALITY OF DONBASS: FRAMES OF IDEOLOGICAL AND POLITICAL CONTENT AND COGNITIVE OF DEVELOPMENT STRATEGIES

Andrey V. Tupaev[1], Roman A. Pupykin[2]

[1, 2]Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

[1]avtupaev@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-0263-4053

[2]rapupykin@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-1981-9791

Abstract. The current geopolitical turbulence, in which our country is located, requires comprehension of several key topics and concepts that are used as the basis for the formation for the formation of Russian-Ukrainian relations, one of such complex concepts is the Donbass. Based on the totality of the theory of political conceptology, cognitive strategies and frames, the article analyzes the specifics and vision of Donbass, identifies groups of the most relevant submissions about the historical features and the current state of the concept of Donbass. The authors come to the conclusion that it is necessary to dive deeper into the philosophical and political discourse of the key ideas and values of the modern confrontation.

Keywords: Donbass, political conceptology, frames, cognitive strategies, ideology

For citation: Tupaev A. V., Pupykin R. A. Conceptuality of Donbass: frames of ideological and political content and cognitive of development strategies. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1): 205–210. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-205-210

© Тупаев А. В., Пупыкин Р. А., 2023

Распад Советского Союза запустил процессы выхода отдельных территориально-национальных образований из состава бывшего единого государства, помимо образовавшихся пятнадцати стран, некоторые субъекты стремились обрести не просто автономию, а реальный суверенитет независимых государств. Запущенные преобразования растянулись на десятилетия, успешность достижения поставленных целей во многом зависела от роли и позиции третьей стороны (государства) в сецессионных процессах в ряде территорий на постсовестком пространстве. Возникшие в 2014 г. Донецкая и Луганская Народные Республики являются следствием российско-украинских отношений в контексте последствий распада СССР, имели достаточно слабые перспективы на обретение государственного суверенитета, так как не имели автономии до начала суверенизации. Сравнительный анализ сецессий на посткоммунистическом пространстве отводил проектам ДНР и ЛНР максимальное значение неуспеха в случае отсутствия поддержки от третьих стран [1, с. 106–107].

Современные российско-украинские отношения демонстрируют значительный спектр проблем, характерных для постсоветского пространства. Сюда можно отнести как взаимные территориальные претензии, так и борьбу за политику памяти в отношении общих исторических событий. В течение тридцати лет взаимно-создаваемые образы государств приобрели содержание, далекое от советской идиллии братских народов. Сейчас сложно настаивать на тезисе русского философа В. Зиньковского о том, что Киев «есть и Россия, и Украина в одно и то же время, есть живое воплощение их связи и их несоединенности, их единства и их разделения» [2, с. 276].

За последние десятилетия Украина прошла сложный и противоречивый путь формирования национального самосознания, отталкиваясь от отрицания одной из базовых ценностей для русского народа – общность имперского прошлого. История становления и конструирования украинской идентичности через призму развала Российской империи, Первой мировой и Гражданской войн описывается российским исследователем С. Беляковым [3–4]. Для его работ характерно детальное раскрытие исторического содержания ключевых нарративов, которые легли в основания украинской государственности и нации.

В самой примитивной схеме современная Украина есть поле столкновения русского имперского сознания с украинской национально-освободительной идентичностью, вокруг этого происходит формирование содержания политического дискурса и различных идеологических концепций, исторических мифов, конструктивистских нарративов и откровенных пропагандистских стратегий. В сложившемся хаосе проблематично не только рационально сформировать и придерживаться выверенной позиции, но и провести элементарный базовый анализ для выработки стратегии социального существования индивидов, находящихся в ситуации конфликта. Политический дискурс переполнен, охватить его невозможно, а, следовательно, акторы упрощают анализ происходящего до простой (есть верная точка зрения и абсолютная ложь) схемы восприятия и начинают руководствоваться ей. Такое отношение приводит к тотальному отрицанию противоположной позиции, нивелированию условий для диалога и взаимопонимания, создавая основания для усугубления противоречий.

Для российско-украинских взаимоотношений, особенно в последние восемь лет, Донбасс стал основным предметом дискурса, что обуславливает исследовательский интерес, который характеризуется сложившейся геополитической обстановкой вследствие противостояния России и Украины. Более того, Донбасс может выступить предметом исследования для ряда политологических теорий в сфере центр-периферийных отношений, этнической мобилизации, когнитивно-идеологических матриц, антропологии власти и т. д. Соответственно, цель данной статьи заключается в определении многообразия концептуальных фреймов Донбасса, более детально цель можно разделить на следующие блоки. Во-первых, через призму российско-украинских отношений определить, какими основными фреймами представлен концепт Донбасса. Во-вторых, выявить специфику Донбасса как концептуального понятия. В-третьих, наметить предпосылки для эксплицирования концепта Донбасса из существующего множества идеологических коннотаций.

Методологическая база статьи представлена политической концептологией, которая в нашем случае выражается в виде теории интеллектуально-политических мод, что позволяет эксплицировать фреймы Донбасса из всей совокупности научно-обывательского знания [5]. При помощи данного подхода можно продемонстрировать доминирующие шаблоны мысли, сформированные с учетом объективности знания конструирования реальности и убежденности

в управляемости социальными процессами. Второй методологический прием основывается на предложенной С. П. Поцелуевым структуре анализа «Черноморского диалога» [6, с. 31-32]. Он позволяет рассмотреть Донбасс через совокупность фреймов, имеющих когнитивную структуру, которая детерминирована нашим языком и знаниями. Фреймы понимаются как структуры данных (образы), сформированные вокруг концепта. Конструируя эти образы, индивид выбирает их из своей памяти, трансформируя и адаптируя для объяснения подавляющего числа явлений и процессов, связанных с концептом, формируя таким образом единицы интерпретаций для артикуляции различных ситуаций [7, с. 209]. Концептуальность заключается в анализе основной, стереотипной и потенциальной информации, которая ассоциирована с ключевым концептом, в нашем случае с Донбассом, и сформирована посредством научных, когнитивных, идеологических и политических стратегий в абстрактные модели-сценарии [8, с. 330].

Таким образом, концептуальный фрейм Донбасса является результатом реализации разных подходов осмысления прошлого, настоящего и будущего данной территории. В рамках данной работы ограничимся тремя группами фреймов, собранных в когнитивные стратегии, которые могут быть задействованы при анализе концепта Донбасса в массовом сознании и актуализируются в зависимости от необходимости объяснения социально-политических стратегий.

Первый набор фреймов касается исторически сложившейся идентичности Донецко-Криворожской республики, которая представляла собой пример выражения экономической самобытности края и являлась одним из провозглашенных государственных образований на постимперском пространстве. Количество публикаций на тему истории возникновения и функционирования ДКР просто несопоставимо с количеством работ об Украинской Народной Республики (УНР) или Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР), что косвенно свидетельствует об особом отношении как советской, так и украинской власти и историографии к данному историческому периоду Донбасса.

Примечателен и тот факт, что в сталинское время отечественная историография вообще почти не упоминала о существовании ДКР, только в 1964 году появляется статья о ДКР в исторической энциклопедии [9, с. 18]. Споры историков о том, была ли ДКР проектом большевиков или независимым государственным образованием, продолжаются до сих пор. Современный ракурс исследований находится в политико-идеологической точке зрения с позиции советских, украинских властей, республика своим существованием одновременно противоречила и проекту единого украинского государства, и ленинским принципам национальной политики. Возникшая в результате самоорганизации донецких и харьковских рабочих без легитимации Москвы и Киева ДКР имела мало шансов остаться не включенной в крупномасштабные проекты организации территорий бывшей Российской империи. Проводя национальную политику, Ленин решает оставить ДКР в составе советской Украины с целью усиления ее промышленного потенциала, что определяет историческое развитие территории. Для концептуального фрейма Донбасса история Донецко-Криворожской республики закладывает, по крайней мере, два фрейма – это идея автономности, которая могла реализоваться в рамках РСФСР или советской Украины, но не получила воплощения, и пробный проект ухода от формирования общегосударственных принципов украинской идентичности для формирования, в первую очередь, экономической независимости.

Второй набор фреймов заключается в отражении концепции региональной самобытности Донбасса. Один из таких проектов описан А. Мартыновым [10, с. 174], предложенный конгрессом гражданских инициатив «Донбасс молодой» и Центром политологического анализа и технологий, представляет интерес именно как инициатива, сложившаяся до 2014 г. В преамбуле делается акцент на региональной идентичности Донбасса, популяризации демократических ценностей и уникальности культурно-политической общности.

Историческая специфика Донбасса базируется на единении Донецкой и Луганской областей, сопричастности с восточнославянской цивилизацией (Русским миром), целым рядом исторических отсылок к взаимосвязи Донбасса с Россией. В третьей части речь идет об общественно-политических приоритетах, суть которых заключается в максимальном развитии системы местного самоуправления на принципах демократизации. Данный общественный проект демонстрирует набор нарративов, подавляющее большинство которых заключены в актуализации концептуального фрейма Донбасса как территории, сконструированной русской идентичностью.

Развивая идею концепта Донбасса как части «Русского мира», Т. В. Беспалова приводит данные, что идея актуальна только для 1/3 жителей региона и практически не востребована идентичность в рамках «российской цивилизации», так как регион развивался как индустриальная территория с сильной промышленностью, что способствует формированию неосоветской идентичности [11, с. 38-39]. Данные позиции, безусловно, могут создавать сложности в процессах интеграции Донбасса в общественно-политическое пространство России и требуют широкой дискуссии, в первую очередь, на идейно-философском уровне с привлечением политических элит, научного сообщества и общественных институтов. Реализовать такую дискуссию в современных условиях не представляется возможной, однако её актуализация после завершения горячей фазы конфликта неизбежна. Более того, существующие геополитические условия требуют изменения форм реализации и формирования внутренней государственной политики. По мнению Т. В. Беспаловой, для этого необходимо принятие и закрепление новой концепции патриотического воспитания, разделяемой большинством граждан, идеологическое обеспечение политики, формирование единой модели молодежной и национальной политики, а также системности подхода в реализации политики памяти и забвения [11]. Все это позволит создать необходимый привлекательный образ России, который должен быть связан с формированием масштабного цивилизационно-политического проекта, содержащего новые идеи и смыслы и позволяющего аккумулировать историческое прошлое, культурные и цивилизационные нарративы на постсоветском пространстве.

Третий набор фреймов характеризует Донбасс как место социальной катастрофы и одновременно квинтэссенцию идейного противостояния цивилизаций – философских позиций [12]. Конфликт, начавшийся в 2014 г., имеет многоуровневую и сложную конфигурацию участников, представленных как в явной форме, так и в теневой, однако основными акторами выступают Украина и Россия с 24 февраля, перерастая из конфликта элит, через прокси-группировки приобретает открытую форму военного противостояния.

Как отмечает И. Кононов, для украинских элит территориальная целостность страны утратила категорический императив [13, с. 154]. Усугубляется процесс тем, что Украина постоянно растягивается между региональными центрами: Донбасс-Галичина, что выражается в поиске поддержки у разных международных акторов, эскалация конфликта иллюстрирует это вхождением ЛНР и ДНР в состав России, интенсивными поставками вооружения и финансовой помощью Украине. Противостояние приобрело форму квазицивилизационного столкновения и полной антагонизацией, слабо коррелирующей с набором базовых социальных установок украинского и российского обществ. Мирное население Донбасса испытывает колоссальные экономические, социальные и моральные издержки, выступая главной пострадавшей стороной и инструментом в геополитическом противостоянии. Однако данный конфликт должен не только возбудить философские вопросы, но и сформировать образ новой идейно-философской реальности, конструирование которой происходит именно в столкновении различных цивилизационных точек зрения не только на Донбассе, но и на всей Украине.

Отечественный исследователь А. Ю. Коробов-Латынцев отмечает, что Донбасс стал вызовом для российского философского сообщества [13]. Ответы на этот вызов немногочисленные, так как катастрофически мало философских текстов о происходящей трагедии на Донбассе. С этой позицией можно вполне согласиться, но только лишь обладая представлениями о независимости философии и ее отличий от идеологии. Безусловно, философия должна осмыслить происходящую трагедию, но это осмысление должно заключаться не в формировании новых или актуализировании старых идеологических конструкций, а преимущественно в создании концептуально-языковых понятий для оценки происходящего конфликта.

В заключение отметим, что это далеко не полный набор фреймов, которые отражают концепт Донбасса, а представленные в данной статье могут не отражать полное эксплицирование сконструированных мнений, а значит возможна их более детальная проработка. Однако представленные методологические подходы для анализа фреймов Донбасса являются достаточно эффективным инструментом для анализа существующих когнитивных стратегий. Сложившаяся ситуация требует от нас осознания наиболее приемлемого образа будущего для развития данной территории с учетом ее специфики, исторически сложившихся социальных практик, идентичности и политических нарративов.

Список источников

1. Токарев А. А. Сравнительный анализ сецессий на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния. Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 106–117.

2. Зеньковский В. В. Пять месяцев у власти (Воспоминания) / под ред. М. А. Колеров. М.: REGNUM, 2011. 648 с.

3. Беляков С. С. Весна народов. Русские и украинцы между Булгаковым и Петлюрой. М.: АСТ, 2020. 749 с.

4. Беляков С. С. Тень Мазепы: украинская нация в эпоху Гоголя. М.: АСТ, 2020. 768 с.

5. Макаренко В. П. Научно-обывательское знание – интеллектуально-политические моды? // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2009. №2. С. 5-28.

6. Поцелуев С. П. Аргументативные игры вокруг «Черноморского диалога»: опыт политического дискурс-анализа // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012. № 2(5). С. 031-045.

7. Поцелуев С. П. Моральные фреймы политических идеологий: базовые понятия и методология исследования // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2012. № 3. С. 206-211.

8. Поцелуев С. П. «Черноморский диалог» в змеином клубке интересов: к анализу когнитивных стратегий / В сборнике: Россия – Украина: пересмотр или воспроизводство политических парадигм? Сер. «Труды совместной лаборатории теоретического россиеведения» Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону. 2016. С. 329–347.

9. Скворцова Л. А. Донецко-Криворожская Республика – политический проект большевиков или попытка создания государственности? // Вестник Донбасской национальной академии строительства и архитектуры. 2017. № 1(123). С. 18–24.

10. Проблемы региональной идентичности Донбасса: по инициативе Донецкой областной общественной организации «Конгресс гражданских инициатив» «Донбасс молодой» : сборник аналитических статей ; [авт. - сост.: Алексей Иванов, Алексей Мартынов]. Донецк: [б. и.]. 2011

11. Беспалова Т. В. Русский Донбасс: трансформация символического смысла региона после СВО. Русский Донбасс: политические рубежи и культурные фронтиры : материалы Всероссийской конференции / отв. ред. Р. А. Пупыкин. Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 9-10 декабря 2022 года. – Таганрог. 2022. С. 33-40.

12. Кононов И. Ф. Донбасс: лаборатория войны, место социальной катастрофы // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 152–163.

13. Коробов-Латынцев А. Ю. Философ и война. О русской военной философии. – 2-ое изд., испр. и доп. М.: Издательский Дом «Русская философия», 2022. 250 с.

References

1. Tokarev A. A. Comparative Analysis of the Post-Communist Secessions: The Prognostic Attempt of Quantification of the Factors` Impact on Secession. *Polis. Politicheskiye issledovaniya = Polis. Political Studies.* 2017;(4):106-117. (In Russ.).

2. Zenkovskiy V. V. *Five months in power (Memories).* Moscow: REGNUM; 2011. 276 p. (In Russ.).

3. Belyakov S. S. *Spring peoples. Russian and Ukrainian between Bulgakov and Petlyura.* Moscow: AST; 2020. 749 p. (In Russ.).

4. Belyakov S. S. *Shadow of Mazepa: Ukrainian Nation in the Era of Gogol.* Moscow: AST; 2020. 768 p. (In Russ.).

5. Makarenko V. P. Scientific and philistine knowledge – intellectual and political fashions? *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy = The political conceptology: journal of metadisciplinary research.* 2009;(2):5-28. (In Russ.).

6. Potseluev S. P. Argumentative games around the «Black Sea Dialogue»: experience of political discourse analysis. *Yuzhno-Rossiyskiy forum: ekonomika, sotsiologiya, politologiya, sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya = South Russian Forum: Economics, Sociology, Political Science, Socio-economic geography.* 2012;2(5):031-045. (In Russ.).

7. Potseluev S. P. The Black Sea dialogue" in the serpentine tangle of interests: to the analysis of cognitive strategies. *Trudy sovmestnoy laboratorii teoreticheskogo rossiyevedeniya = Proceedings of the Joint Laboratory of Theoretical Russian Studies. Southern Federal University.* Rostov-on-Don; 2016: 329-347. (In Russ.)

8. Potseluev S. P. Moral frames of political ideologies: basic concepts and research methodology. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy = The political conceptology: journal of metadisciplinary research.* 2012;(3):206-211. (In Russ.).

9. Skvortsova L. A. Donetsk-Krivoy Rog Republic - a political project of the Bolsheviks or an attempt to create statehood? *Vestnik Donbasskoy natsional'noy akademii stroitel'stva i arkhitektury = Bulletin of the Donbass National Academy of Construction and Architecture.* 2017;1(123):18-24. (In Russ.).

10. *Problems of regional identity of Donbass : on the initiative of the Donetsk regional public organization «Congress of Civil Initiatives» «Donbass young»*. Donetsk; 2011. 174 p. (In Russ.).

11 Bespalova T. V. Russian Donbass: Transformation of the symbolic meaning of the region after SMO. *Russkiy Donbass: politicheskiye rubezhi i kul'turnyye frontiry: materialy Vserossiyskoy konferentsii = Russian Donbass: political borders and cultural frontiers : materials of the All-Russian conference.* 2022: 33-40. (In Russ.)

12. Kononov I. F. Donbass: laboratory of the modern war and a place of social disaster. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2019;(7):152-163. (In Russ.).

13. Korobov-Latyntsev A. Y. *Philosopher and War. On Russian military philosophy.* Moscow: Publishing House of «Russian philosophy»; 2022. 250 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. В. Тупаев – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук ЮФУ.

Р. А. Пупыкин – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук ЮФУ.

Information about the authors

A. V. Tupaev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science of the Institute of Philosophy and Social and Political Studies of Southern Federal University.

R. A. Pupykin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science of Institute of Philosophy and Social and Political Studies of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.02.2023; одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 07.03.2023.

The article was submitted 22.02.2023; approved after reviewing 06.03.2022; accepted for publication 07.03.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 211–215
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):211–215

Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 321.01
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-211-215

ВЛИЯНИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ НА СОДЕРЖАНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Андрей Викторович Семенов

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия, kafedra213@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена специфике политической деятельности на современном этапе. Особое внимание уделено взаимосвязи политической деятельности и справедливости. В рамках соотношения этих понятий проанализирована проблема столкновения права на самоопределение и права территориальной целостности. Рассмотрен аспект соотношения политической деятельности и права.

Ключевые слова: политическая активность, политическая деятельность, справедливость, право, самоопределение, территориальная целостность

Для цитирования: Семенов А. В. Влияние принципа справедливости на содержание и современные стратегии политической деятельности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 211–215. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-211-215

Politology and Ethnopolitics

Original article

THE INFLUENCE OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE ON THE CONTENT AND MODERN STRATEGIES OF POLITICAL ACTIVITY

Andrey V. Semenov

Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia, kafedra213@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the specifics of political activity at the present stage. Special attention is paid to the relationship between political activity and justice. Within the framework of the correlation of these concepts, the problem of the collision of the people's right to self-determination and the right of territorial integrity is analyzed. The aspect of the correlation of political activity and law is considered.

Keywords: political activity, political activity, justice, law, self-determination, territorial integrity

For citation: Semenov A. V. The influence of the principle of justice on the content and modern strategies of political activity. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):211–215. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-211-215

Будучи формой политической активности, наряду с политическим поведением и политическим общением, политическая деятельность в своем основании имеет общность интересов и единство действий в достижении целей в политической сфере. В целом, политическая деятельность может быть индивидуальной и групповой, спонтанной или организованной, прямо или косвенно направленной на реализацию определенных социальных интересов и ценностей. Эта деятельность осуществляется либо в рамках действующих властеотношений, либо она направлена на их разрушение.

© Семенов А. В., 2023

Ярче всего политическая деятельность проявляется в условиях восстаний, революций и контрреволюционных переворотов. В рамках этих событий политическая деятельность может принимать как стихийные, так и организационно устойчивые формы, иметь как относительно мирные, так и вооруженные средства. Эти формы и средства политической деятельности нацелены как на активное изменение и обновление социальных систем, так и на поддержание достигнутого уровня в их развитии, планомерного функционирования государственного аппарата и хозяйственного механизма.

Главным в политической деятельности является овладение государственной властью и ее удержание, или хотя бы оказание существенного политического влияния на эту власть. Как писал один из российских политологов, Г. П. Предвечный, «…стратегическая цель (реализация интересов) осуществляется достижением цели-условия (поддержка населения, обеспечение социальной базы) и цели-воздействия на власть, вплоть до использования ее. Данные цели осмысливаются субъектом действия, выражаются в политике и формируют взаимные направления политической деятельности» [1, с. 254].

Необходимо особо подчеркнуть, что для достижения стратегических целей политической деятельности нельзя обойтись без поддержки широких народных масс. А чтобы получить эту поддержку надо убедить граждан, избирателей различные круги общественности в правильности выдвинутых целей и программ. И в этом процессе велика роль такого фактора, как ощущение народом справедливости или несправедливости существующего порядка.

Следует понимать, что идея справедливости глубоко укоренена в общественном сознании, всегда присутствует в менталитете общества, во внутреннем мире каждого индивида. Это, в свою очередь, влечет за собой тесную связь справедливости с правом, проявляющуюся в утвердившемся на уровне обыденного сознания мнении, что право должно быть справедливым. В частности, это проявилось в том, что Уставом ООН основанием мирового порядка признана справедливость. Всеобщая декларация прав человека и Международные пакты о правах подчеркивают непреходящее значение справедливости.

Справедливость имеет как положительную, так и отрицательную стороны. С одной стороны, каждый человек имеет право на деятельность и на приносимые ею блага. Но с другой, справедливость предусматривает наличие пределов, проистекающих из прав других людей. Столкновение этих прав неизбежно. В связи с этим справедливость должна получить закрепление в нормах права, регламентирующих права личности, и этот момент имеет особое значение.

Сами рядовые граждане и обыватели обычно не в состоянии выразить своё понимание справедливости и несправедливости того или иного властного акта. При этом у них есть своё понимание справедливости, с которым они сверяют акты и действия государственной власти. Это следует учитывать в политической деятельности. В целом в обществе существует осознание того, что, как писал Н. Н. Алексеев, «справедливость мыслится как некоторый порядок отношений, в которых каждому члену принадлежит свое место и каждому причитается то, что ему принадлежит» [2, с. 406].

Если в обществе наблюдается ощущение несправедливости существующего политического режима, то это свидетельствует о явном неблагополучии данного государственного строя. В сознании народных масс утверждается понимание необходимости восстановить справедливость в общественных отношениях, что приводит к актам протеста, нацеленным против государственной власти. В результате начинает действовать «эффект Токвиля», суть которого состоит в следующем: «Зло, которое переносилось терпеливо, как нечто неизбежное, кажется невыносимым при мысли, что от него можно избавиться. Тогда, сколько бы злоупотреблений не устранялось, - от этого как будто яснее выступают наружу оставшиеся злоупотребления, и чувство становиться более жгучим: зло, правда уменьшилось, но зато чувствительность возросла» [3, с. 197].

Подобного рода ситуация характеризуется как революция растущих ожиданий. И соответственно речь идёт не только о государстве, но и о праве, поскольку справедливость тесно связана не только с политикой, но и с правом. Если справедливость несёт в себе содержательную истину, то право придаёт ей юридические очертания. Воплощением справедливости в праве является законность. В частности, судебные решения будут справедливыми только при наличии строго

очерченной и тщательно разработанной системы права, соответствующей интересам гражданского общества.

Ориентация на справедливость должна присутствовать и в правотворчестве парламентариев, и в правоприменительной деятельности судей, и в юридической практике адвокатов и прокуроров и иных лиц, чья деятельность должна быть положительно воспринята общественным мнением. Из этого следует, что осуществление справедливости непосредственно связано с деятельностью государственных органов, которая в целом является политической. И наиболее оптимальным режимом для работы государственного аппарата является демократия, а одной из главных его характеристик является властвование. А властвование – это непременное условие развития всех форм общественной жизни. Оно обусловлено общностью и различиями интересов субъектов политической активности. Без единения разных воль не достичь общих целей. И осуществить это может сила, ответственная за достижение выше названных целей. Этой силой может быть только политическая власть. Однако ее деятельность невозможна без наличия авторитета, точнее легитимности. Это авторитет определенной группы лиц, реализующих волю народа.

Соответственно для носителей публичной власти, принимающих решения, оправдывающих и наказывающих, разрешающих и запрещающих справедливость приобретает особое значение. Именно им граждане не прощают несправедливость в первую очередь. Но справедливость является не только целью, но и процессом достижения цели. Цель не может оправдывать средства. Средства, нарушающие справедливость, способны уничтожить цель.

С древних времен справедливость мыслится как миропорядок, как основополагающий принцип. Древние греки увязывали справедливость с силой, властью и правосудием. Богиня справедливости – Дике – дочь Зевса и Фемиды. Она призвана обеспечивать порядок в обществе и государстве.

Если достижение результата осуществляется праведными средствами, то и цель является справедливой, то есть отвечает реальным потребностям общества, адекватно отражает и выражает как систему социальных, политических и экономических отношений, так и место в ней субъекта деятельности. Несправедливыми являются завышенные притязания и обусловленные ими цели.

Речь идет о ситуациях, возникающих в этнических, классовых, профессиональных отношениях. Сегодня несправедливость наблюдается и в межгосударственных отношениях. Конкретным примером является агрессивная политика США.

Несправедливость цели детерминирует весь процесс политической деятельности и влечет за собой использование неправедных средств. Таким образом, справедливость является оценкой результатов политической деятельности. Последнюю необходимо оценивать не по промежуточным, а по конечным итогам. Ценится не прокламируемая, а осуществленная справедливость.

Следует выделить три элемента, которые образуют содержание справедливости: во-первых, это ценности, лежащие в ее основании; во-вторых, это правила, в которых она выражается; в-третьих, это действия ее реализующие. И наиболее отчетливо эта триада проявляется в политической деятельности. Ярким примером является практика по реализации права народа на самоопределение, которое может реализовываться в виде сецессии.

Впервые акт сецессии состоялся в Нидерландах. Его результатом стало образование Республики семи провинций (Голландии), которая выделилась из состава испанской монархии. В 1783 г. образовались Соединенные Штаты Америки, освободившиеся от английской колониальной зависимости. Обе сецессии осуществились вооруженным путем. Однако сецессия может быть и мирной. Примерами мирных сецессий стали выход Финляндии из состава России, Сингапура из состава Малазийской федерации, разделение Чехословакии на чешское и словацкое независимые государства.

Особый случай – современная Украина. После государственного переворота 2014 г. ее руководство отказалось решать вопрос о самоопределении народов Крыма и Донбасса на путях автономизации или федерализации. Сецессия Крыма, а через восемь лет Донецка, Луганска, Запорожья и Херсона вылилась в их переход посредством референдумов в состав Российской Федерации. Относительно этих актов коллективный Запад перешел к политике двойных стандартов, полностью проигнорировав требования элементарной справедливости.

После гражданской войны в Югославии Запад признал независимость Косово без всякого референдума и изучения хода событий, имевших место быть в этом крае. И наоборот, Запад отказался признать право народов Крыма и Донбасса на самоопределение, проигнорировав развязанную Киевом гражданскую войну против населения Донбасса. Причем, на путь совершения террористических актов вступили невооруженные формирования обороны Донбасса, а армия Украины, которая на протяжении восьми лет обстреливала мирные города, захватывала гражданских лиц, как мужчин, так и женщин, и подвергала их жестоким пыткам, обрекая на мучительную смерть. В конечном итоге, акты геноцида против народа Донбасса вынудили Россию вооруженным путем защитить мирное население этого региона.

Возвращаясь теперь к праву на самоопределение, следует отметить, что оно оказалось в центре внимания лиц, осуществляющих активную политическую деятельность и претендующих на справедливость своих решений. При этом, непосредственно в международном праве вопрос о самоопределении народов и наций до конца не решен. Более того, этому праву противостоит принцип территориальной целостности государства. Этот принцип, ставший принципом международного права, гласит, что территория конкретного государства является неприкосновенной и не может подвергаться посягательству со стороны других государств путем применения военной силы или угрозы силой. Данный принцип объявляет недопустимой военную оккупацию, а также недопустимость силовых действий, направленных на приобретение территории другого государства. Однако, международно-правовые акты содержат указания на то, что принцип территориальной целостности неприменим к государствам, не обеспечивающим равноправие проживающих в нем народов. Кроме того, Декларация ООН о принципах международного права, принятая в 1970 г., запрещая непосредственно действия, ведущие к распаду государств, не запрещает признавать новые государства в одностороннем порядке, вышедшие из состава других государств.

Тем не менее, сегодня ряд западных исследователей считает, что после прекращения существования колониальной империи Португалии (она была последней) в середине 70-х гг. XX века право на самоопределение перестало быть абсолютной ценностью [4, p. 146].

Впервые о праве народа на самоопределение заявил в XVIII веке один из отцов-основателей США Т. Джефферсон, но до сих пор единый системный подход к этому праву в международно-правовой доктрине не разработан. В целом, в актах ООН наблюдается расширительное толкование права на самоопределение, что имело место при распаде Югославии на отдельные государства, при образовании Южного Судана и Эритреи.

Ряд специалистов считает, что реализация данного права будет вполне справедливым решением, если нарушаются права человека. А это как раз и наблюдалось в Донбассе, где стало ущемляться право пользования русским языком.

Развернувшаяся борьба на Украине наглядно показывает, что достижение стратегических целей политической деятельности невозможно без опоры на широкие слои населения. Все в мире политики осуществляется людьми, поэтому решающую роль играет интерес (индивидуальный или групповой), именно он обусловливает различие между личностно-групповым и личностно индивидуальным. То же самое относится к наличию единства или его отсутствию в действиях той или иной социальной группы. Будучи следствием общности интересов и целей, единство является основным условием успешной политической деятельности. При этом единство действий невозможно без организации и руководства, даже если оно возникло стихийно, в отличие от общности интересов и целей, которые как правило возникают спонтанно. Реализация данного аспекта политической деятельности как правило осуществляется такими политическими организациями как партии, движения, инициативные группы, но могут быть задействованы государственные институты и политические лидеры.

В организации и руководстве политической деятельностью можно выделить три направления: внутренняя работа, работа с исполнителями и работа с массами.

Внутренняя работа – это подготовка государства (или его органов), политической организации или движения к решению конкретных задач в ходе текущей политической борьбы и деятельности. Речь идет о прямом или косвенном воздействии как на законодательные, так и исполнительные структуры государства.

Работа с исполнителями – это работа по подбору и расстановке кадров политической деятельности, осуществление их подготовки и оснащение необходимыми средствами, руководство их работой с осуществлением необходимого контроля.

Работа с массами – это нацеливание их на достижение целей, выдвинутых государством или политической партией, или общественным движением. Эта работа предусматривает политическое влияние государственных органов или организаций гражданского общества на массы через СМИ или через прямые контакты политиков. Речь идет о формировании положительного или отрицательного общественного мнения относительно государства, его органов, лидеров или политической партии, а также к их политической активности. В целом это создание образа того или иного политического объекта и субъекта. Наконец, это работа по организации массовых акций для достижения политических, социальных и экономических целей.

Таким образом широкие народные массы и отдельные личности так же как государственные органы и организации гражданского общества являются участниками политической деятельности. Причем именно массы – главный субъект политической деятельности. Именно они способны оказать решающее воздействие на властные структуры для поддержки или изменения их политики. Воздействию масс присуща разная степень интенсивности.

Содержанием политической активности являются направления политических действий, цели, решения, меры по их реализации. Они свидетельствуют о значении политической деятельности и реализуются посредством совокупности определенных методов и форм.

Список источников

1. Предвечный Г. П. Избранные труды – Политология. Ростов н/Д., 2001.
2. Алексеев Н.Н. Идея справедливости // Русская философия права. Изд. 2-е, доп. СПб., 1999.
3. Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1996.
4. Cassese A. International Criminal Law. Oxford, 2005.

References

1. Predvechny G. P. *Selected works – Political Science*. Rostov-on-Don, 2001. (In Russ.)
2. Alekseev N. N. The Idea of Justice. In: *Russian Philosophy of Law.* 2nd edition. St. Petersburg; 1999. (In Russ.)
3. Tocqueville A. *Old Order and Revolution.* Moscow; 1996. (In Russ.)
4. Cassese A. *International Criminal Law.* Oxford; 2005. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Семенов – кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия.

Information about the author

A. V. Semenov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Rostov Branch of Russian State University of Justice.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 08.02.2023; принята к публикации 09.02.2023.
The article was submitted 23.01.2023; approved after reviewing 08.02.2023; accepted for publication 09.02.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 216–223
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):216–223

Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 321
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-216-223

РОЛЬ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ

Екатерина Олеговна Сонина

Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия, soninaeo@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0851-1011

Аннотация. В статье проанализированы современные концептуальные подходы, обосновывающие необходимость расширения участия населения в управлении делами государства. Автором систематизированы причины появления данных концепций: укрепление информационного типа общества, изменения в природе власти, вызовы реализации традиционных функций государства, кризис институтов представительной демократии. Обобщены современные модели государственного управления и предлагаемые в них подходы к практическому применению механизмов участия населения в управлении делами государства. Автором отмечается обоснованность необходимости дальнейшего развития данных механизмов и возможные его риски, связанные, в том числе, с самими концептуальными подходами к участию населения в управлении делами государства, имеющимися в них непроработанными отдельными вопросами.

Ключевые слова: власть, государство, участие населения, информационное общество, государственное управление

Для цитирования: Сонина Е. О. Роль участия населения в управлении делами государства на современном этапе: анализ основных концептуальных подходов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 216–223. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-216-223

Politology and Ethnopolitics

Original article

THE ROLE OF POPULATION PARTICIPATION IN THE MANAGEMENT OF STATE AFFAIRS AT THE PRESENT STAGE: ANALYSIS OF THE MAIN CONCEPTUAL APPROACHES

Ekaterina O. Sonina

Ural Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia,
soninaeo@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0851-1011

Abstract. The article analyzes modern conceptual approaches that justify the need to expand the participation of the population in the management of state affairs. The author systematizes the reasons for the appearance of these concepts: the strengthening of the information type of society, changes in the nature of power, challenges to the state as a political institution, the crisis of representative democracy institutions. The modern models of public administration and the approaches proposed in them to the practical application of the mechanisms of public participation in the management of state affairs

© Сонина Е. О., 2023

are generalized. The author notes the validity of the need for further development of these mechanisms and its risks associated, including, with the very conceptual approaches to the participation of the population in the management of state affairs, as well as the unresolved individual issues that they have.

Keywords: power, state, participation of the population, information society, public administration

For citation: Sonina E. O. The role of population participation in the management of state affairs at the present stage: analysis of the main conceptual approaches. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):216–223. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-216-223

Обеспечение широкого участия населения в решении социально-значимых вопросов является одним из ключевых и необходимых элементов современных подходов к государственному и муниципальному управлению, сложившихся в ответ на кризис традиционных институтов представительной демократии и наличие целого ряда проблем, связанных с функционированием публичных органов власти. В целях преодоления указанных проблем во многих странах мира была сделана ставка на расширение участия населения в публичном управлении.

Причин возросшего спроса как со стороны органов власти, так и со стороны населения на развитие институтов и механизмов участия населения в управлении делами государства несколько.

Во-первых, процессы активного распространения информационных технологий на этапе становления цифрового общества были спровоцированы, в первую очередь, глубинным структурными изменениями в самом обществе и поведением в ответ на эти изменения экономических агентов. Общество и экономические агенты, отвечающие на его запрос и старающиеся работать на опережение спроса, намного гибче и активнее государства осваивают информационные технологии, содействуя их более глубокому внедрению в разные сферы жизни общества. С точки зрения задач государства как института, выступающего гарантом обеспечения безопасности и порядка, вызовом является не сам факт широкого распространения цифровых технологий. Ключевыми субъектами данного распространения являются негосударственные институты, преимущественно, экономические агенты. Задавая тренды в процессах цифровизации, они решают не только задачу максимально оперативного удовлетворения спроса населения.

В условиях развития информационного общества и укрепления экономики знаний контроль за процессами распространения цифровых технологий дает возможность доступа к ресурсам, позволяющим влиять на процессы принятия политических решений: от манипулирования общественным мнением до обеспечения зависимости политических элит от элит экономических. Крупные экономические агенты, включаясь в процессы цифровизации, состязаются сегодня не просто за сохранение своих потребителей. Новые частные цифровые империи строятся для противостояния другим частным цифровым империям, приобретая характеристики, свойственные скорее государству, чем бизнес-компании [1, с. 260–261]. В результате, экономические агенты становятся участниками процессов, которые ранее были связаны исключительно с реализацией функций государства: от поддержки социально незащищенных слоев населения до обеспечения безопасности. Характерная для всех современных моделей государственного управления установка на его цифровизацию является не только технологическим обновлением системы государственного управления.

Включаясь в процессы цифровизации, государство ставит перед собой задачу обеспечения контроля за процессами, которые могут привести к рискам утраты им статуса как ключевого субъекта политического управления. Именно поэтому цифровизация оказывается в числе приоритетных национальных направлений развития во всех странах, претендующих на политическое и экономическое лидерство, а концептуальное оформление задач применения цифровых технологий в системе государственного управления произошло во всех его современных моделях.

Во-вторых, ускорение процессов внедрения изменений, цифровизация большинства сфер жизни общества, усиление позиций экономических элит в процессах принятия политических решений привели к тому, что контролировать воспроизводство и перераспределение власти становится все сложнее. Власть носит максимально дисперсный характер, легко сосредотачиваясь

в разных точках социального пространства в зависимости от разных, все более сложно прогнозируемых событий. В результате, в рамках государства существует не одна иерархия, посредством которой реализуется политическое управление, а совокупность различных иерархий. Ситуация «диффузии власти» приводит к тому, что идентифицировать реальных субъектов власти становится все сложнее [2, с. 258]. Политические предпочтения населения носят все менее предсказуемый характер. Информационные технологии, с одной стороны, позволяют конструировать и влиять на общественное мнение, а, с другой, – не исключают аккумулирование в общественном дискурсе альтернативных государственной точек зрения, контролировать которые становится все сложнее. И в этом отношении даже отсутствие внешнего противления власти не может однозначно свидетельствовать об полном принятии ее со стороны общества. Из-за ситуации «диффузии власти» государство не может быть однозначно уверено в социальной поддержке реализуемой им политики и поэтому государство вынуждено конкурировать с негосударственными агентами и институтами за обладание ресурсами, обеспечивающими его устойчивость. Главным ресурсом в этой конкурентной борьбе оказывается человек с его уникальной системой ценностей, предпочтений, знаний и способностей. Государство вынуждено индивидуализировать свой подход к управлению обществом, оперативно реагировать на происходящие изменения в системе общественных отношений, работать на предупреждение возможных конфликтов и угроз. Подобный подход существенно усложняет процесс государственного управления, которое на сегодня по своей сути становится все ближе к политическому управлению, выполняя в большей степени координирующие функции.

Наконец, развитие общества потребления при одновременном сокращении временных лагов для внедрения новых изменений привели к тому, что экономические агенты, стараясь сформировать перспективный спрос и влиять на потребителей, все чаще стали прибегать к эмоциональным способам воздействия на них. Активное распространение информационных технологий, возникающая на этом фоне множественность источников информации и одновременное аккумулирование в информационной повестке нескольких тем и точек зрения, зачастую противоречащих друг другу, приводят к тому, что данные источники со стороны общества все реже подвергаются верификации, в том числе, потому что провести указанную верификацию становится все сложнее. Эмоции стали одним из ключевых ресурсов экономической конкуренции и политической борьбы. Это тоже серьезный вызов для государства как института, деятельность которого направленна, наоборот, на максимальную рационализацию социального взаимодействия, обеспечение утверждения и реализацию общепризнанных правил, поддержание порядка.

Усложнение структуры общественных отношений, усиление конкуренции за влияние между государственными и негосударственными институтами, укоренившаяся тенденция опережающего в сравнении с государством освоения изменений обществом и дерационализация социального взаимодействия обуславливают возникновение в научном дискурсе критики классических моделей представительной демократии.

В последней четверти XX века в научном дискурсе укореняется мнение о том, что современные демократические режимы переживают кризис [3, 4, 5]. О кризисных тенденциях, согласно этому мнению, свидетельствует бюрократизация институтов представительной демократии, усиление тенденций к закрытости политической элиты, все большее ее слияние с элитой экономической, утверждение в ряде стран по итогам демократических выбор жестких авторитарных политических лидеров и режимов. Происходящие последние политические события только укоренили эту тенденцию, продемонстрировав углубление конфликта между частными и публичными интересами в принятии политических решений, крайне высокую степень влияния различных информационных ресурсов в формировании международного общественного мнения, порой даже вопреки ценностям обеспечения целостности и стабильности общества.

Указанные тенденции привели к появлению в научном и политическом дискурсе концепций делиберативной и партисипативной демократий, предлагающих подходы к усовершенствованию демократического режима, преодолению указанных проблем классической представительной демократии посредством обеспечения влияния демократической общественности на государственное развитие и определение приоритетов государственной политики.

Сторонники делибертивной концепции демократии предлагают анализировать не результат выбора и мнение, которые представляются как выбор или мнение большинства, а сосредоточиться на механизмах их достижения [6, 7, 8]. Делиберативный подход означает, что участие населения в управлении государством не должно ограничиваться только выборами и выдвижением представителей общественности в органы публичной власти.

Делиберативная демократия понимает население как активного и равноправного с органами публичной власти субъекта политического процесса. Поэтому важно сохранить с его стороны возможность влиять на процесс принятия значимых для населения политических решений на всех этапах, а также обеспечить общественный контроль за их исполнением. Во-вторых, концепция делиберативной демократии уделяет особое внимание понятию и механизмам выстраивания политической коммуникации. В основе делиберативных процедур должен лежать публичный диалог или дискурс, который предполагает максимально открытое обсуждение волнующих общество проблем, обеспечение равенства статусов различных групп интересов при определении общественно значимых ценностей и норм, возможность внести предложения по своему видению решения указанных проблем. Принятое по итогам таких обсуждений решение должно носить максимально консенсуальный и рациональный характер. В-третьих, представители делиберативного подхода к демократии обращают внимание, что включение делиберативных практик в процесс принятия политических решений позволяет не только учесть мнение населения при определении приоритетов государственного развития. Намного важнее, что применение делиберативных практик позволяет работать на предупреждение возможных конфликтов и сопротивления при реализации политических решений, содействует укреплению доверия в отношениях общества и власти, обеспечивает легитимность государственной политики и связанных с нею политических элит [9].

Партисипативная модель тоже ориентирована на обеспечение модернизации и совершенствование демократических институтов за счет расширения участия населения в управлении государством [10, 11]. Но несмотря на общую цель, партисипативная и делиберативная демократии предлагают разные механизмы ее достижения.

Партисипативная модель демократии заимствует многое из практик «менеджмента участия», получившего свое развитие в конце XX века и основанного на вовлечении сотрудников всех уровней организации в управление. Во-первых, в качестве обязательного требования для всех уровней власти в данной модели делается установка на максимальное обеспечение их информационной открытости. Поскольку, по мнению сторонников этой модели, многие конфликты в отношениях между политическим элитами и обществом связаны с отсутствием полной информации о деятельности органов власти, ее результатах и непониманием обществом целей и содержания государственной политики. Во-вторых, в партисипативной модели демократии большее внимание уделяется институтам местного («низового») самоуправления, которые делают возможным принятие решений напрямую теми, кого затрагивают решаемые вопросы, а потому обеспечивают максимально вовлеченное, ответственное общественное участие. В-третьих, партисипативная модель демократии акцентируется не столько на максимально широком обсуждении с обществом приоритетов государственного развития, а на их согласовании. Поэтому в данной модели демократии существенное значение имеют совещательные институты при органах публичной власти.

Попытка практического воплощения принципов делиберативной и партисипативной демократий была предпринята в новых моделях государственного управления и в ходе реализуемых в соответствии с ними масштабных административных реформ. С последней четверти XX века в большинстве стран (как развитых, так и развивающихся) активно происходят реформы системы государственного управления, предполагающие отказ от иерархичной бюрократичной модели государственного управления. Модель нового государственного управления (new public management), «хорошего» управления (good governance) и публичного управления (public governance) стали ответом на развитие информационного (цифрового, постиндустриального) общества, увеличившуюся скорость внедрения изменений, усиление конкуренции между государственными и негосударственными акторами за влияние на процессы принятия политических решений.

Перечисленные современные модели государственного управления предполагают разные подходы к реализации административных реформ, но общим для них является ориентация на обеспечение большей информационной открытости органов власти (в том числе, путем цифровизации) и расширение участия населения в государственном управлении.

Первой концептуальной альтернативой бюрократической модели государственного управления стало новое государственное управления. New public management определил, прежде всего, подходы к административным реформам в англосаксонских системах в 1980-90е гг.

Во второй половине 1990-х гг. Всемирный банк, Международный валютный фонд и Организация экономического сотрудничества и развития поддержали идею о неэффективности бюрократической модели государственного управления и рекомендовали реализовывать современные административные реформы в соответствии с принципами new public management [12]. Учитывая это, в конце XX в. новое государственное управление стало концептуальной основной модернизации систем государственного управления в большинстве стран.

В соответствии с принципами NPM-модели главная актуальная задача для государства – повышение его эффективности. Эффективность при этом понималась в экономическом смысле – как достижение поставленных целей с максимально возможной минимизацией затрат и формированием максимально возможной выгоды за счет этой минимизации [13, с. 106]. По мнению сторонников данной модели, такое понимание эффективности абсолютно применимо и к государству, позволит ему не просто адаптироваться к происходящим в обществе и экономике изменениям, а будет способствовать максимальному сокращению временных лагов для их освоения со стороны государственных институтов, обеспечит их работу на опережение возможных рисков, связанных с данными изменениями.

С точки зрения участия населения в управлении государством, модель нового государственного управления опиралась преимущественно на партисипативные практики, ориентируясь, в большей степени, не на широкий дискурс с населением при определении приоритетов государственного развития, а на согласование уже выработанных политических решений и понимание населения в большей степени не как равноправного партнера, а потребителя государственных услуг.

В начале 2000-х гг. менеджеральные подходы к организации государственного управления встречают серьезную критику из-за их чрезмерной рыночной ориентации. В ответ на эту критику возникает концепция «достойного управления» («good governance»). Данная модель предполагает иное понимание роли населения в государственном управлении. С позиций «достойного управления» критерии экономической эффективности к системе государственного управления не применимы, поскольку главная его задача – это поддержание справедливого порядка и обеспечение высокого качества жизни населения. Поэтому нельзя сводить роль населения только к потребителю государственных услуг, оно может и должно стать полноценным соучастником в государственном управлении [14, с. 52].

Максимальная информационная открытость, привлечение экспертного сообщества к формированию кадрового состава системы государственного управления, медиация конфликтов в отношениях общества и власти, установка на постоянное наращивание своей компетенции властью и обществом, поддержка и развитие институтов гражданского общества, равная ответственность всех участников процесса принятия государственных решений становятся главными принципами системы государственного управления, построенной в соответствии с моделью «good governance».

Дальнейшим развитием подходов «good governance» стала идея публичного управления («public governance») [15, с. 380]. Согласно идее публичного (объединенного) управления принятие определенной политики и программы, эффективно удовлетворяющей государственные потребности, невозможно без диалога государства, бизнеса и гражданского общества и достижения договоренности между ними относительно того, что является общественно значимыми ценностями. Public governance фокусируется на партнерских отношениях государства, бизнеса и гражданского общества и институализации диалога между ними.

Модели «good governance» и «public governance» в большей степени опираются на принципы делиберативной демократии, ориентируясь на качественное вовлечение населения в процесс принятия решений на разных уровнях государственного управления.

Анализ современных концепций государственного управления показывает, что общей для них является установка на обеспечение информационной открытости органов власти, их инициативность в разъяснении обществу основных направлений государственной политики, создание условий для расширения общественного участия в процессе принятия государственных решений. Современные модели государственного управления ориентированы на понимание того, что участие населения в управлении государством позволяет оперативнее реагировать ему на происходящие изменения и предупреждать возможные конфликты.

Несмотря на общую установку расширения участия населения в управлении делами государства, во многих современных политологических концепциях и современных моделях государственного управления, практика реализации механизмов такого участия показывает несколько затруднений и рисков.

Во-первых, достижение консенсуса ценностей и преодоление конфликтов в отношениях общества и власти при помощи делиберативных и партисипативных практик возможно, если есть реальная заинтересованность в диалоге и осознание значение данных практик для его развития со обеих сторон: и государственных, и общественных институтов. Если хотя бы одна из сторон такой заинтересованности не проявляет, то есть риск формализации данных практик и, наоборот, усиления недоверия между властью и обществом.

Во-вторых, активное внедрение механизмом участия населения в управлении делами государства не исключает, что учтено будет, в первую очередь, мнение наиболее активных групп интересов, что создает риски искажения мнения общества, реально волнующих его проблем при определении приоритетов государственного развития.

В-третьих, практика деятельности институтов общественного контроля, реализации согласительных процедур при принятии политических решений показывает, что общественные представители могут быть ангажированы отдельными группами интересами. И в этом отношении внедрение делиберативных и партисипативных практик в государственное управления далеко не всегда позволяет предупредить риски усиления роли экономических элит при определении приоритетов политики государства.

Наконец, стремление органов власти через внедрение делиберативных и партисипативных практик легитимировать свои решения может привести к укоренению популистских тенденций и подмены широкими общественными обсуждениями существа проблем, которые требуют решения с участием государства.

К сожалению, ни делиберативная, ни партисипативная модели демократии не предлагают подходы для преодоления перечисленных рисков, апеллируя только к еще большему расширению участия населения в управлении делами государства.

Тем не менее, в текущей ситуации, когда происходит резкое изменение приоритетов государственной политики из-за, в первую очередь, внешних вызовов, задача по обеспечению участия населения в процессах принятия политических решений не перестает быть актуальной, поскольку очень многое зависит от того, насколько общество и власть будут доверять друг другу и соучаствовать в преодолении новых угроз.

Список литературы

1. Дэвис У. Нервные государства. М.: Издательство АСТ, 2021. 352 с.

2. Катценшайн П. Понять, что существует диффузия власти и изменения происходят постепенно/ 22 идеи о том, как устроен мир: Беседы с выдающимся учеными. М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 222–240.

3. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за ее пределами. М.: Ладомир, 2004. 383 с.

4. Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 320 с.

5. Крауч К. Постдемократия. М., Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 192 с.

6. Зайцев А. В. Гражданское общество и делиберативная демократия в Китае // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1 (3). С. 35–46.

7. Линде А.Н. Делиберативная демократия как направление в современной теории демократии: анализ основных подходов// Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 8(1). С. 52–58.

8. Назарчук А.В. Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе// Полис. 2011. № 5. С. 99–103.

9. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука. 2001. 417 с.

10. Van Dijk Jan A. G. M. Digital Democracy: Vision and Reality // Innovation and the Public Sector. 2012. Vol. 19. P. 49–62.

11. Hacker K. L., Van Dijk Jan A. G. M. Digital Democracy: Issues of Theory and Practice. London, 2000. 190 p.

12. Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government: How the Entrerpreneurial Spirit Is Transforming The Public Sector. N.Y., 1993. 140 p.

13. Капогузов Е.А. Новый государственный менеджмент: теоретическая основа и проблемы импорта в России// Национальные приоритеты России. 2012. № 2 (7). С. 47–53.

14. Красильников Д.Г., Сивинцева О.В., Троицкая Е.А. Современные западные управленческие модели: синтез New Public Management и Good Governance// Ara Administrand: Искусство управления.2014. № 2. С. 45–62.

15. Ирхин Ю. В. Классические и цифровые подходы в государственном управлении в условиях пандемии коронавируса // Ars Administrandi: Искусство управления. 2020. Т. 12. № 3. С. 367–384.

References

1. Devis W. *Nervous state*. Moscow: AST Publishing House, 2021. 352 p. (In Russ.)

2. Katzenshine P. To understand that there is a diffusion of power and changes occur gradually. In: *22 ideas about how the world works: Conversations with an outstanding scientist.* Moscow: Moscow University Press; 2014. P. 222–240. (In Russ.)

3. Zakaria F. *The Future of Freedom: Illiberal Democracy in the US and Beyond*. Moscow: Ladomir; 2004. 383 p. (In Russ.)

4. Zolo D. *Democracy and complexity. realistic approach*. Moscow: State University Publishing House - Higher School of Economics; 2010. 320 p. (In Russ.)

5. Crouch K. *Postdemocracy.* Moscow: State University Publishing House - Higher School of Economics, 2010. 192 p. (In Russ.)

6. Zaitsev A. V. Civil society and deliberative democracy in China. *Mir russkogovoryashih stran = World of Russian-speaking countries.* 2020;1(3):35–46. (In Russ.)

7. Linde A.N. Deliberative democracy as a direction in the modern theory of democracy: analysis of the main approaches. *Kontury globalnyh transformacij: politika, ekonomika, pravo= Contours of global transformations: politics, economics, law.* 2015;8(1):52–58. (In Russ.)

8. Nazarchuk A.V. The concept of deliberative politics in the modern political process. *Polis=Polis*. 2011;(5):99–103. (In Russ.)

9. Habermas Yu. *Involvement of another. Essays on political theory*. St. Petersburg; Science. 2001. 417 p. (In Russ.)

10. Van Dijk Jan A. G. M. Digital Democracy: Vision and Reality. *Innovation and the Public Sector = Innovation and the Public Sector*. 2012;(19):49–62.

11. Hacker K. L., Van Dijk Jan A. G. M. *Digital Democracy: Issues of Theory and Practice*. London; 2000. 190 p.

12. Osborne D., Gaebler T. *Reinventing Government: How the Entrerpreneurial Spirit Is Transforming The Public Sector*. New York, 1993. 140 p.

13. Kapoguzov E. A. New public management: theoretical basis and problems of imports in Russia. *Natsionalnyye prioritety Rossii = National priorities of Russia.* 2012;2(7):102–122. (In Russ.)

14. Krasilnikov D. G., Sivintseva O. V., Troitskaya E. A. Modern Western Management Models: Synthesis of New Public Management and Good Governance. *Ara Administrand: Iskusstvo upravleniya = Ara Administrand: The Art of Management*. 2014;(2). P. 45–62. (In Russ).

15. Irkhin Yu. V. Classical and digital approaches in public administration in the context of the coronavirus pandemic. *Ars Administrandi: Iskusstvo upravleniya = Ars Administrandi: The Art of Management*. 2020;12(3):367–384. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. О. Сонина – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления РАНХиГС.

Information about author

E. O. Sonina – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Department of Public administration and political technologies of Ural Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 24.01.2023.
The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication 24.01.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 224–231
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):224–231

Проблемы социологии

Научная статья
УДК 316.4
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-224-231

НОВЫЙ ПАНОПТИКОН: ИМИДЖ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ДИСЦИПЛИНИРОВАНИЯ И КОНТРОЛЯ

Олег Олегович Антименко[1], Ольга Владимировна Дружба[2]

[1, 2]Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

[1]anti_men_co@mail.ru

[2]odruzhba@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу имиджа как одного из инструментов контроля и управления социальным поведением индивидов в современном обществе потребления. В условиях, когда утилитарная роль товаров в значительной мере отступила на второй план, на первый вышла символическая статусная реальность, материальными знаками которой они выступают. Имидж, не утрачивая до конца в отдельных частных случаях инструментальную функцию, в целом приобретает новую роль социально признанной, узаконенной с позиции внутреннего аппарата принуждения сепаратной фокусной точки, позволяющей интерсубъективно организовать внутренние опыты в рамках стабильного и предсказуемого функционирования и воспроизводства системы. Традиционный внешний аппарат принуждения во всей полноте его репрессивных и надзорных функций применяется, во-первых, к асоциальному поведению, носители которого руководствуются символами, лежащими за пределами требующей воспроизводства системы. Во-вторых, его действие распространяется также и на те социальные слои, которые по тем или иным причинам оказались выброшенными за пределы «потребительской гонки статусов». Но даже в этом последнем случае он также стремится к снижению прямого воздействия в пользу автономного самоконтроля.

Ключевые слова: имидж, статус, социальное управление, социальный контроль, конкуренция символов, Я-концепция.

Для цитирования: Антименко О. О., Дружба О. В. Новый паноптикон: имидж в системе социального дисциплинирования и контроля // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 224–231. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-224-231

Sociology Problems

Original article

NEW PANOPTICON: THE IMAGE IN THE SYSTEM OF SOCIAL DISCIPLINE AND CONTROL

Oleg O. Antimenko[1], Olga V. Druzhba[2]

[1, 2]Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

[1]anti_men_co@mail.ru

[2]odruzhba@yandex.ru

Abstract. The article deals with the image analysis as one of the instruments for monitoring and managing the social behaviour of people in the modern consumer society. Under the conditions when the utilitarian role of goods has largely fallen by the wayside, the symbolic status reality appeared for the first time, whose material signs are goods. The image without losing its full instrumental function

© Антименко О. О., Дружба О. В., 2023

in some particular cases usually acquires a new role commonly recognized and legalized from the position of the internal coercing apparatus in order to ensure the intersubjective organization of internal experience within the stable and predictable functioning and reproduction of the system. On the one hand, the traditional external coercing apparatus in its repressive and supervisory function is applied to the antisocial behaviour, its experiencers are oriented to the symbols outside the system requiring reproduction. Secondly, its effect also extends to those social strata that for one reason or another have dropped out of the "race for consumer status". But even in this latter case, it also tends to reduce the direct impact in favour of autonomous self-control.

Keywords: image, status, social management, social control, symbol competition, Self-concept

For citation: Antimenko O. O., Druzhba O. V. New panopticon: the image in the system of social discipline and control. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):224–231. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-224-231

Проблеме формирования имиджа и управления имиджем, мотивов, структуры, психологии и факторов его успешного применения уделяется значительное внимание в работах отечественных и зарубежных ученых. При этом все чаще такие понятия, как имидж, статус, престиж рассматриваются не только в функциональном аспекте, как инструмент и один из факторов достижения личного успеха в деловых и межличностных коммуникациях, но и как фактор социального управления, как инструмент регуляции межличностного взаимодействия, взаимодействия личности и социальной группы, межгрупповых отношений.

Признавая значительный вклад, который внесли в рассмотрение проблематики авторитетные отечественные и зарубежные ученые, мы предлагаем обратить внимание на все более возрастающую роль имиджа как одного из ключевых элементов социального кодирования индивидов. Актуальность такого смещения акцента, на наш взгляд, подтверждается тем, что, во-первых, в условиях открытости информационных потоков, роста социальной и географической мобильности значительных групп населения, более широкого горизонта возможностей включения в более высокие статусные группы для отдельного индивида, именно имидж, как внешнее выражение статуса, становится одним из определяющих условий социализации и адаптации в социальной среде. Во-вторых, в ситуации все большего размывания институциональных, социальных, профессиональных и т.п. границ, отсутствия единого обязательного авторитета, замененного разноголосым хором «экспертов», прежние методы политического контроля социального поведения индивидов через механизмы внешнего принуждения при помощи репрессивного аппарата в нормальной ситуации в значительной степени утрачивают свою роль, уступая ее «добровольному принуждению». В условиях, когда демонстративность потребления является определяющей формой демонстрации статуса (а такой постулат четко прослеживается в работах еще одного значимого апологета либерального общества потребления Ф. Фукуямы [1]) имидж, как знаковое воплощение последнего становится одним из ключевых регуляторов и индивидуального, и социального поведения, дисциплинирования и контроля.

Кроме того, хотя в нашей стране в силу ряда причин консьюмеризм не достиг такого распространения, как в развитых странах «первого мира», за последние тридцать лет в потребительскую гонку оказалось вовлечено значительное количество людей и, прежде всего, активной молодежи. Сегодня, когда прежняя модель консьюмеризма переживает очевидный кризис в том числе и на Западе, а контуры новой реальности только обретают свои очертания, понимание механизмов адаптации значимой части индивидов и социальных групп может оказаться полезным как с теоретической, так и практической стороны при анализе формирующейся системы отношений.

В своей работе мы опирались на значимые, с нашей точки зрения, работы отечественных и зарубежных авторов, как в области имиджелогии, так и при анализе общества потребления [2-15], а также на результаты, полученные в ходе опросов российскими социологами.

Политическая система, как и всякая иная, может существовать при условии, если она стабильна, организована и при любых девиациях способна поддерживать упорядоченную и предсказуемую, устойчивую связь между элементами, интегрируя их на основе постоянного воспроизводства

необходимых условий и способов реагирования. Собственно, именно в этом (в определении необходимых для стабильного существования системы параметров и удержании действий в задаваемых ими рамках) и заключается социальный контроль, главная цель которого – добиться предсказуемости поведения индивидов в каждом из возможных случаев.

Если отвлечься от «архитектурных изысков» конструкции утопического (или антиутопического) здания, приходится признать, что в своем Паноптиконе Иеремия Бентам одним из первых ясно определил и достаточно четко обозначил три ключевые функции власти в социально-политических системах: управление условиями, дисциплинирование и контроль [16].

Дисциплинирование (то есть программирование с целью гарантированного воспроизводства требуемого поведения, координация вероятных действий индивидов какими они могли бы быть, будь индивиды неподконтрольны с теми, которые необходимы) осуществляется при помощи постоянного контроля (надзора). Здесь возможны два варианта, также четко формулируемые Бентамом: предотвращение нежелательного поведения и стимулирование того поведения, которое признается желательным. Но и в первом и во втором случае это достигается за счет управления условиями, в которые помещены индивиды.

Социальный контроль – это всегда в первую очередь планирование и выстраивание соответствующих задаче условий. По большому счету главная задача власти – не внедрение идей, идеалов, верований, не забота о чувствах и мыслях людей, а правильная организация внешних связей и структуры взаимозависимостей, при этом при условии создания максимально простых и четко определенных условий выбора, как залог стабильности любой системы. Неопределенность с точки зрения внешнего наблюдателя – это всегда прерогатива власти. Поэтому и власть в любой сложно организованной системе – это, с одной стороны источник неопределенности, с другой контроль над источником неопределенности.

Большую часть истории индивиды были вынуждены действовать, находясь в жестких рамках изначально заданной или, даже если и выбранной, то фактически определенной раз и навсегда социальной страты: сословия, корпорации, цеха, трудового коллектива эпохи промышленной революции, развитого капитализма и социализма. Именно они создавали и жестко закрепляли условия, которых происходила социализация человека, определяли круг необходимых дисциплинирующих добродетелей и стандартов ожидаемого поведения, устанавливали обязательные авторитеты. И с их же помощью осуществлялся практически непрерывный контроль поведения, поощрение должного, наказание за отклонения и устранение их последствий.

Особенностью социальных конфликтов последних ста лет стало то, что фокус постепенно сместился с борьбы за права, свободы и через них опосредованно за власть в сторону улучшения материального благополучия. Дополнительно к этому кардинальные изменения претерпела и профессиональная сфера. В настоящий момент все чаще речь идет в первую очередь о функциональных различиях, что вынуждает одного и того же индивида взаимодействовать с многочисленными социальными группами и подсистемами и в свою очередь существенно облегчает его переход из одной социальной группы в другую. Одновременно с этим происходит размывание и дробление авторитетов на бесконечное число экспертов, выдвигаемых каждой социальной подсистемой, отстаивающих различающиеся социальные нормы и поведенческие установки.

Итогом отсутствия единой системы взаимоувязанных координат становится то, что решения, переносятся в сферу личного выбора и ответственности. Главным арбитром для многочисленных авторитетов и основанием для самоидентификации становится собственное «Я».

Вернемся к Паноптикону и отметим три главных взаимосвязанных, но при этом находящихся в асимметричных отношениях стороны его системы.

Во-первых, это заключенные, помещенные в определенные, не ими созданные условия и обязанные вести себя предписанным им внешним авторитетом образом. Во-вторых, это надзиратели, размещенные в центре условного здания, задача которых следить за надлежащим поведением заключенных и выполнением ими всех наложенных обязательств. В-третьих, это главный надзиратель, в свою очередь наблюдающий за исполнением обязанностей со стороны надзирателей.

Заключенные полностью зависят от надзирателей и подконтрольны им. Надзиратели, с одной стороны контролирующие заключенных, с другой в свою очередь подконтрольны главному

надзирателю. И только этот последний неподконтролен никому, кроме собственных интересов и целей. Именно так, через асимметрию знания, отличающую властвующих от подвластных (контролировать, будучи контролируемым и контролировать, не будучи контролируемым, быть видимым и видеть, не будучи видимым), и выстраивается, по мнению Фуко и Баумана, необходимая сеть внешнего давления и зависимостей, обеспечивается правильная организация и воспроизводство в социальных системах.

Выше мы отмечали, что в условиях современности социальный контроль принимает форму самоконтроля. При этом Паноптикон, как некое задающее условия внешнее поле для реализации такого самоконтроля фактически воспроизводится в так называемой «Я-концепции».

Здесь действуют те же самые, только иначе названные персонажи. «Реальное Я» в роли заключенного Паноптикона: индивид также изначально помещен в не им созданную внешнюю среду, которую интерпретирует через систему внешне заданных историческим, культурным и социальным окружением кодов. В значительной степени эти предзаданные коды определяют установки, в соответствии с которыми индивид воспринимает себя, свои способности, свое социальное положение и то, каков он «на самом деле» не только на ранних стадиях социализации.

«Зеркальное Я», выполняющее функции надзирателей Паноптикона, отражающее представление об индивиде социального окружения и выдвигающее требования, с которыми вынужден соотносить себя индивид.

И, наконец, главный надзиратель – «Идеальное Я», которое также предзадано социумом в качестве набора наиболее желаемых, правильных, приемлемых, и т.д. характеристик из которых индивид разве что волен выбирать некоторые и комбинировать их для себя в относительно произвольном порядке.

Структура власти-паноптикона никуда не делась, только теперь она воспроизводится на индивидуальном уровне. Внешнее давление заменено внутренним, принуждение перестает быть гетерономным и становится полностью автономным.

Как следствие, для значительного числа индивидов в настоящее время едва ли не единственным способом построения индивидуальной идентичности становится процесс и механизм соотнесения с требованиями референтных групп. Это подтверждается и данными исследований российских социологов, фиксирующих взаимоувязанность повышения позиций потребительского поведения в сторону большей престижности с аналогичными устремлениями других представителей социальной группы [17].

Как отмечает в своей диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук О. В. Степанов, в случае совпадения индивидуальных и социально одобряемых оценок престижа, ценности, принятые социальной группой, становятся индивидуальной морально-нравственной мотивацией поведения. Там же на примере фактического материала указывается, что в условиях современной России происходит рост значимости индивидуальных оценок и символьной стороны престижа, как регулятора социального поведения [18]. Не случайно, круг потребителей товаров люксового сегмента оказывается намного шире, чем это позволяет средний уровень реальных располагаемых доходов. Более того, оценивая результаты трансформации общественного устройства, связанные с распадом Советского Союза, такие результаты, как свобода слова и мысли, согласно исследованиям социологов, значительно уступают в качестве общепризнанного достижения возможности неограниченного роста материального благосостояния [19].

Еще один исследователь отмечает, что именно благодаря возможности обладать престижными вещами в сознании представителей низших и средне низших слоев не просто возникает ощущение собственной значимости, но и иллюзия принадлежности к более высокой статусной группе, к «избранным» [20]

А значит, можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что в условиях современной России, также, как несколькими десятилетиями ранее это происходило в «развитых цивилизациях Запада», внешний социальный контроль последовательно заменяется самоконтролем, индивидуальной способностью отслеживать и корректировать собственное поведение и построение собственной идентичности в процессе постоянного согласования и соотнесения с требованиями референтных групп, с которыми взаимодействует индивид.

Добавим к этому еще один общепризнанный (или, по крайней мере, признаваемый большинством исследователей) аспект современной реальности, определяемой проникшим во все без исключения сферы жизнедеятельности потребительским рынком, как вытеснение конкуренции между индивидами из сферы борьбы за ресурсы и профессиональные достижения в область конкуренции символов. Ресурсы и профессиональные достижения никуда не делись, тем более, что производство потребительских товаров и благ напрямую зависит от тех и других. Но они играют второстепенную, чисто вспомогательную роль инструментов, позволяющих достичь главного, что определяет жизнь индивида эпохи потребления – статусных ролей и различий между ними. Собственно, и успех сегодня – это символическое отличие, завоевываемое в рамках конкуренции статусных групп. Не случайно именно среди поколения Z, первого поколения, полностью выросшего и погруженного в потребительское общество, на первом месте стоят не профессиональные качества и навыки, а социальное признание как основной индикатор самореализации и успеха [21].

Так, данные социологических исследований старшеклассников Пензенской области, в ходе которых с 2009 по 2013 год было протестировано 1709 учащихся, отмечают склонность молодых людей ориентироваться при выборе профессии в первую очередь на ее престиж, выбор сверстников и советы родителей. Правда авторы оговариваются, что такой подход характерен по преимуществу для юношей, тогда как девушки больше склонны принимать в расчет размер заработной платы и перспективы карьерного роста [22]. Хотя что это, как не оборотная сторона того же престижа? По крайней мере, высокая оплата профессии, как решающий фактор ее престижности, отмечалась подавляющим большинством респондентов в другом исследовании, посвященном особенностям профессионального выбора молодежи [23].

Среди опрошенных в ходе одного из исследований автомобилистов, самыми желаемыми для большинства оказались модели и марки, относящиеся к представительскому классу и свидетельствующие о престиже и принадлежности владельца к «высшей» социальной страте. В разряд символов высокого социального статуса попали не только сами автомобили, но и «особые» регистрационные номера [24].

Все это говорит о том, что в сознании многих утилитарное значение предметов и отношений отступает на второй план, на первый выходит та символическая реальность, знаками которой они выступают, и не важно даже, если эти знаки приобретены в кредит и кроме долгов их обладатель не владеет ничем. Не только товары, сама реальность современности носит во многом символический характер, где знаки значат больше вещей, и где основная борьба ведется за обладание символами, позволяющими своему носителю не быть, а выглядеть в соответствии «с». Именно через такое соответствие приобретается социальное одобрение и осуществляется социальная интеграция.

В этой системе и «реальное Я», и «идеальное Я» также носят символический характер и выстраиваются посредством знаков и образов. «Я существующий» - это не более, чем серия визуальных сигналов, которые социальное окружение видит и интерпретирует в условной системе координат «свой – чужой».

И имидж, как бы мы его не определяли, а все определения включают в себя целенаправленно формируемые символическую, знаковую, образную и т.п. составляющие, не утрачивая до конца инструментальную в отдельных частных случаях инструментальную функцию, в целом приобретает новую роль социально признанной, узаконенной с позиции внутреннего аппарата принуждения сепаратной фокусной точки, позволяющей интерсубъективно организовать внутренние опыты в рамках стабильного и предсказуемого функционирования и воспроизводства системы.

Безусловно, внешний аппарат принуждения никуда не девается. Однако, в нормальных случаях, особой контролирующей роли не играет. Во всей полноте репрессивных и подавляющих функций он применяется к девиантному поведению, носители которого, различного рода криминальные, экстремистские группировки, представители преступного сообщества и т.п., руководствуются символами, лежащими за пределами требующей воспроизводства системы.

Распространяется его действие также и на те социальные слои, которые по тем или иным причинам оказались выброшенными за пределы «потребительской гонки статусов». Но в этом последнем случае он также стремится к автономному самоконтролю: получатели различного рода пособий и льгот самостоятельно должны не только подавать соответствующие заявки, но и следить за тем, чтобы их официальный доход не превысил установленных для таких случаев лимитов. Остальным достаточно внутреннего аппарата принуждения, полностью встроенного в структуру социальных отношений, которыми предписано все – отношение к работе, семейные ценности, время и форма отдыха, хобби.

Открытым остается вопрос, какие трансформации претерпит само потребительское общество и сформированные им механизмы социализации и регуляции поведения индивидов посредством символической конкуренции в рамках пространства демонстративного поведения в условиях надвигающейся мировой рецессии. В любом случае, учитывая, что идеология консьюмеризма активно используется, в том числе и в санкционной политике, актуальность дальнейших исследований в данном направлении становится особенно значимой в условиях коренной трансформации послевоенного мироустройства и формирования многополярного мирового порядка.

Список источников

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2010. 588 с.

2. Bauman Z. The Individualized Society. London: PolityPress, 2001, 272 p.

3. Bauman Z. Legislators and Interpreters: On Modernity, Post-Modernity and Intellectuals, London: PolityPress, 1987, 209 p.

4. Bauman Z. Memories of Class: Essays in Pre-History and After-Life of Class. London: Routledge & Kegan Paul, 1982, 223 p.

5. Bird P. Sell Yourself: Persuasive Tactics to Boost Your. Pearson Professional Education, 1994. 192 p.

6. Braun L. Your Public Best. New York: Newmarket press, 2002. 225 p.

7. Cavelty J.G. Apostles of the Self-Made Man. Chicago, University of Chicago Press, 1965. 279 p.

8. Esslin M. The Age of Television. San Francisco: W.H. Freeman, 1982. 138 p.

9. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. Knopf Doubleday Publishing Group, 2021. 272 p.

10. Williams R.H. Dream Worlds. Berkeley: University of California Press,* 1982, 451 p.

11. Климова Т.В. Имидж как технология социального управления. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Новосибирск, 2002. 243 с.

12. Котлер Ф., Рейн И., Хэмлин М., Столлер М. Персональный брендинг. М.: Издательский дом Гребенникова, 2008. 400 с.

13. Панасюк А.Ю. Вам нужен имиджмейкер? Или о том, как создавать свой имидж. М.: Дело, 1998. 240 с.

14. Почепцов Г. Г. Имиджелогия. М.: СмартБук, 2009. 575 с.

15. Шепель В. М. Имиджелогия: секреты личного обаяния. Феникс, 2005. 472 с.

16. Bentham J. Panopticon: or the Inspection-House Containing the Idea of a New Principle of Construction Applicable to Any Sort of Establishment, in Which Persons of Any Description are to be Kept Under Inspection and in Particular to Penitentiary-Houses, Prisons, Houses of Industry, Work-houses, Poor-houses, Manufactories, Mad-Houses, Lazarettos, Hospitals, and Schools with a Plan of Management Adapted to the Principle In a Series of Letters, Written in the Year 1787, from Crecheff in White Russia, to a Friend in England. Dublin: T. Payne, 1791, 140 p.

17. Эйдман И. В. Прорыв в будущее. Социология интернет-революции. М.: ОГИ, 2007. 384 с.

18. Степанов О. В. Престиж личности в условиях трансформации российского общества. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. Ростов-на-Дону, 2002. 39 с.

* 02.03.2026 Университет внесён Министерством юстиции РФ в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

19. Храпов С. Трансформация сознания постсоветского российского общества в контексте социально-экономической динамики потребления // Власть. 2010. № 2. С. 56–58.

20. Напсо М. Д. Мода как социальное явление // Философия и культура. 2017. № 3. С. 56–63.

21. Малетин С. С. Особенности потребительского поведения поколения Z // Российское предпринимательство. 2011. Том 18. № 21. С. 3347–3359.

22. Журавлева О.В. Особенности мотивации профессионального выбора старшеклассников. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2015. №1(33). С. 159–168.

23. Герасимова А.А. Престижность профессии как фактор профессионального выбора молодежи. // Вестник экономики, права и социологии. 2018. №1. С. 191–194.

24. Корниленко Ж.В. Автомобиль как символ социального статуса и престижа современного россиянина. // Вестник магистратуры. 2013. № 3(18). С. 56–58.

References

1. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man.* Moscow: AST, 2010, 588 p. (In Russ).

2. Bauman Z. *The Individualized Society.* London: PolityPress, 2001. 272 p.

3. Bauman Z. *Legislators and Interpreters: On Modernity, Post-Modernity and Intellectuals*, London: PolityPress, 1987, 209 p.

4. Bauman Z. *Memories of Class: Essays in Pre-History and After-Life of Class.* London: Routledge & Kegan Paul; 1982. 223 p.

5. Bird P. *Sell Yourself: Persuasive Tactics to Boost Your. Pearson Professional Education*; 1994. 192 p.

6. Braun L. *Your Public Best.* New York: Newmarket press;, 2002. 225 p.

7. Cavelty J.G. *Apostles of the Self-Made Man.* Chicago, University of Chicago Press; 1965. 279 p.

8. Esslin M. *The Age of Television.* San Francisco: W.H. Freeman, 1982. 138 p.

9. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. Knopf Doubleday Publishing Group; 2021. 272 p.

10. Williams R. H. *Dream Worlds.* Berkeley: University of California Press*, 1982. 451 p.

11. Klimova T. V. *Image as a technology of social management. Dissertation for the Degree of Candidate of Sociological Sciences*. Novosibirsk, 2002, 243 p. (In Russ).

12. Kotler F., Rejn I., Hjemlin M., Stoller M. *Personal Branding.* M.: Izdatel'skij dom Grebennikova, 2008/400 p. (In Russ).

13. Panasjuk A. Ju. *Do you need an image maker? Or about how to create your image.* Moscow: Delo, 1998, 240 p. (In Russ.)

14. Pochepcov G. G. *Imageology*. Moscow: SmartBuk; 2009. 575 p. (In Russ).

15. Shepel' V. M. *Imageology: secrets of personal charm.* Feniks; 2005. 472 p. (In Russ).

16. Bentham J. *Panopticon: or the Inspection-House Containing the Idea of a New Principle of Construction Applicable to Any Sort of Establishment, in Which Persons of Any Description are to be Kept Under Inspection and in Particular to Penitentiary-Houses, Prisons, Houses of Industry, Work-houses, Poor-houses, Manufactories, Mad-Houses, Lazarettos, Hospitals, and Schools with a Plan of Management Adapted to the Principle* In a Series of Letters, Written in the Year 1787, from Crecheff in White Russia, to a Friend in England. Dublin: T. Payne. 1791. 140 p.

17. Jejdman *I. V. Breakthrough into the future. Sociology of the internet revolution.* Moscow: OGI, 2007. 384 p. (In Russ).

18. Stepanov O. V. *The prestige of the individual in the context of the transformation of Russian society.* Dissertation Abstract for the Degree of Doctor of Sociological Sciences, Rostov-na-Donu, 2024. 39 p. (In Russ).

19. Hrapov S. *Transformation of Consciousness of Post-Soviet Russian Society in the Context of Socio-Economic Dynamics of Consumption. Power.* 2010; (2): 56–58. (In Russ).

20. Napso M.D. Fashion as a social phenomenon. *Philosophy and Culture*. 2017; (3):56–3. (In Russ).

* 02.03.2026 Университет внесён Министерством юстиции РФ в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

21. Maletin S. S. *Features of Generation Z Consumer Behavior.* Russian Entrepreneurship. 2011; (Vol.18); (21): 3347–3359. (In Russ).

22. Zhuravleva O. V. *Features of motivation of professional choice of high school students.* News of Higher Educational Institutions. Volga Region. 2015; (1):159–168. (In Russ.)

23. Gerasimova A. A. *Prestige of the profession as a factor of professional choice of young people. Bulletin of Economics, Law and Sociology. 20*18; (1): 191–194. (In Russ.)

24. Kornilenko Zh.V. A Car as a Symbol of the Social Status and Prestige of a Modern Russian. *Bulletin of the Magistracy.* 2013; (3): 56–58. (In Russ).

Информация об авторах

О.О. Антименко – преподаватель кафедры «Связи с общественностью» ДГТУ.

О.В. Дружба – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Связи с общественностью» ДГТУ.

Information about the authors

O. O. Antimenko – lecturer of the Department of "Public Relations" of Don State Technical University.

O. V. Druzhba – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of "Public Relations" of Don State Technical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023; одобрена после рецензирования 05.03.2023; принята к публикации 06.03.2023.
The article was submitted 20.02.2023; approved after reviewing 05.03.2023; accepted for publication 06.03.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 232–239
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):232–239
Проблемы социологии
Научная статья
УДК 316+311.2+316+681.324
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-232-239

РЕЛИГИЯ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: СРАВНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОНЛАЙН И ОФЛАЙН-ИССЛЕДОВАНИЙ

Ольга Владимировна Васильева[1], Дмитрий Олегович Труфанов[2]

[1, 2]Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
[1, 2]Центр социологических исследований «Мониторинг общественного мнения», Красноярск, Россия
[1]79232816007@ya.ru
[2]dtrufanov@sfu-kras.ru

Аннотация. В статье представлен опыт сопоставления результатов онлайн и офлайн-опросов, проведенных авторами в рамках исследования отношения молодежи Красноярского края к религиозным вопросам по единой методике в 2021 г. Выборочные совокупности онлайн и офлайн-опросов были приведены к идентичной структуре с помощью процедуры взвешивания по следующим социально-демографическим признакам: пол, возраст, город. В результате сравнительного анализа авторы приходят к выводу, что на наличие или отсутствие различий ответов онлайн и офлайн-выборок существенное влияние оказывает характер вопросов. Так, вопросы, предполагающие выявление личного эмоционального отношения респондента к какому-либо явлению, дают статистически значимые смещения в сторону более социально желательных оценок, а в вопросах, ориентированных на измерение внешней оценки респондентом какого-либо явления, статистически значимых различий в ответах в основном не наблюдается.

Ключевые слова: онлайн-опрос, офлайн-опрос, эффект интервьюера, молодежь, религиозные вопросы, молодежь, значимость различий

Для цитирования: Васильева О. В., Труфанов Д. О. Религия в восприятии современной молодежи: сравнение результатов онлайн и офлайн-исследований // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 232–239. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-232-239

Sociology Problems
Original article

RELIGION IN THE PERCEPTION OF MODERN YOUTH: COMPARISON OF ONLINE AND OFFLINE RESEARCH RESULTS

Olga V. Vasilyeva[1], Dmitry O. Trufanov[2]

[1, 2]Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
[1, 2]Center for Sociological Research «Monitoring of Public Opinion», Krasnoyarsk, Russia
[1]79232816007@ya.ru
[2]dtrufanov@sfu-kras.ru

Abstract. The article presents the experience of comparing the results of online and offline surveys conducted by the authors as part of a study of the attitude of youth of the Krasnoyarsk Territory to religious issues according to a single method in 2021. Sample aggregates of online and offline surveys were reduced to an identical structure by a weighting procedure by the following sociodemographic characteristics: gender, age, city. As a result of the comparative analysis, the authors conclude that the presence or absence of differences between online and offline samples is significantly influenced by the nature of the questions. Thus, questions involving the identification of the respondent's personal emotional attitude to any

© Васильева О. В., Труфанов Д. О., 2023

phenomenon provide statistically significant shifts towards more socially desirable assessments, and in questions focused on measuring the respondent's external assessment of any phenomenon, statistically significant differences in answers are mainly not observed.

***Keywords**:* online survey, offline survey, interviewer effect, youth, religious issues

For citation: Vasilyeva O. V., Trufanov D. O. Religion in the perception of modern youth: comparison of online and offline research results. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):232–239. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-232-239

Анализ литературы. Сравнение результатов онлайн и офлайн-опросов – актуальный вопрос методологии и методики современных социологических исследований. В исследовательской практике есть как примеры эквивалентности результатов онлайн и офлайн опросов, так и примеры обнаружения существенных различий между ними. В ходе многочисленных исследований по сопоставлению результатов онлайн- и офлайн-опросов ученые пришли к выводу, что на результат может оказывать влияние множество факторов: характеристики респондентов, попавших в онлайн и офлайн выборку, тема исследования, специфика формулировок вопросов, условия опроса. Так, на необходимости учета особенностей задач исследования при проведении онлайн и офлайн опросов настаивают И. Ф. Девятко и А. В. Быков и другие [1; 2]. На существование определенных особенностей онлайн-выборки, отличающих ее от офлайн-выборки, обращают внимание Т. Фаас, Д. В. Шкурин, В. И. Корсунова, Б. О. Соколов и другие [3; 4]. О влиянии на результат различий онлайн- и офлайн-выборок по иным социально-демографическим характеристикам, отличным от пола и возраста, сообщают В. И. Корсунова и Б. О. Соколов [5]. Таким образом, проблема сопоставления результатов онлайн и офлайн опросов сложна, имеет множество аспектов – теоретических, методических, организационных. Ключевая задача, которая возникает перед ученым-практиком при таком сравнении, состоит в поиске причин возможных различий, в стремлении минимизировать их искажающее влияние. На наш взгляд, следует выделить две группы факторов, которые могут оказывать влияние на результаты. Первая группа факторов состоит в том, что определенные особенности присущи *общностям* респондентов, доступных для онлайн- и офлайн-опросов. Вторая – что *поведение* респондентов, их ответы находятся под влиянием контекста, зависят от условий опроса. Полагаем, нельзя исключить оба фактора, при этом задачей исследователя для достижения точного результата является снижение вероятности искажающего влияния данных факторов – как в ситуации онлайн, так и в ситуации офлайн.

Проведенный нами анализ позволил выявить различия и сходства результатов онлайн и офлайн-опросов на примере исследования отношения молодежи Красноярского края к религиозным вопросам [6]. Ключевая идея сравнительного исследования состоит выявлении возможных различий в ответах респондентов, опрошенных онлайн и офлайн по идентичной тематике на идентичной выборке, а также в поиске причин этих различий.

Методика исследования. В 2021 году авторами было проведено социологическое исследование отношения молодежи Красноярского края к национальным и религиозным вопросам. Генеральная совокупность – городская молодежь Красноярского края (18-35 лет). Сбор данных осуществлен в 7 городах Красноярского края, где численность молодежи составляет более 10000 человек (Красноярск, Железногорск, Норильск, Ачинск, Канск, Лесосибирск, Минусинск). Объем выборки: 1000 респондентов, тип выборки – квотная, репрезентативная по полу, возрасту, городам проживания молодежи. Для сбора данных был применен метод анкетного опроса в двух форматах: офлайн и онлайн. Офлайн-формат предполагал прохождение респондентом опроса в формате интервью: респондента опрашивал интервьюер (с использованием электронного устройства – смартфона или планшета). Онлайн-формат опроса предполагал самостоятельное заполнение анкеты по ссылке: респондент проходил опрос без участия интервьюера, с использованием личного электронного устройства. Для анализа данных были использованы следующие методы: 1) взвешивание наблюдений по полу, возрасту, населенному пункту с целью получения полностью однородных по структуре выборок, 2) анализ линейного распределения ответов, 3) проверка статистической значимости различий с помощью критерия Хи-квадрат Пирсона.

Нами были проверены гипотезы о наличии статистически значимых различий между ответами респондентов, проходивших опрос онлайн и офлайн: H0: нет связи между показателями отношения молодежи Красноярского края к религиозным вопросам и форматом прохождения респондентами опроса; эти признаки независимы. H1: связь есть, признаки зависимы.

Результаты. Респонденты, проходившие опрос онлайн, чаще говорят о религии как о факторе влияния на доверие людям: о возможности такого влияния для себя сообщили 27% опрошенных онлайн (далее – онлайн-выборка) и 17% опрошенных офлайн (далее – офлайн-выборка), рис. 1. Различия значимы (табл. 1). Об этом свидетельствует значение $\chi2 = 10{,}070$ и величина асимптотической значимости $p = 0{,}002$ (табл. 1). Критическое значение критерия $\chi2$ при уровне значимости $p = 0{,}05$ и числе степеней свободы 1 равно 3,84. Поскольку $10{,}070 > 3{,}84$, связь между восприятием респондентом религии как фактора влияния на доверие людям и форматом прохождения респондентом опроса статистически значима.

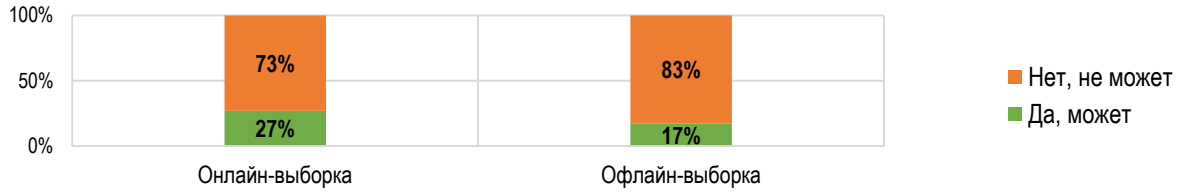


Рис. 1. «Может ли религия человека повлиять на Ваше доверие ему?»
Fig. 1. "Can a person's religion affect your trust in him?"

Респонденты онлайн-выборки несколько чаще выражают сомнение при определении своей религиозной идентичности, в то время как опрошенные офлайн несколько более религиозны (рис. 2). Однако, различия в ответах на данный вопрос не являются статистически значимыми (табл. 1).

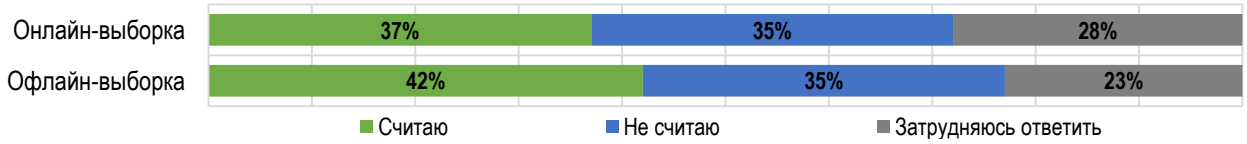


Рис. 2. «Считаете ли Вы себя верующим человеком?»
Fig. 2. "Do you consider yourself a believer?"

Линейное распределение ответов показывает, что респонденты офлайн-выборки чаще выражают доверие коллективистским проявлениям веры в сверхъестественное – вере в Бога, приметы. В свою очередь, онлайн-выборка более склонна выражать доверие индивидуалистским, приватным проявлениям веры в сверхъестественное – вере в колдовство, магию, гадания, предсказания (рис. 3). Значимые различия выявлены для веры в колдовство и магию (табл. 1), для остальных направлений веры принимаем нулевую гипотезу.

Рис. 3. «Во что из перечисленного Вы верите?»
Fig. 3. "Which of the above do you believe in?"

Значимые различия онлайн- и офлайн-выборок выявлены для следующих религиозных практик: участие в религиозных праздниках и мероприятиях, посещение храмов, исполнение религиозных обрядов, использование талисманов, оберегов, чтение религиозной литературы, общение со священнослужителями (рис. 4, табл. 1). При этом не выявлено значимых различий для следующих действий: молитва наедине с собой; разговоры и обсуждения, связанные с религией. Характерно, что группа действий, относительно которых различие выборок значимо, объединяет традиционные религиозные практики (обозначим их как собственно религиозные), в то время как группа действий, относительно которых различие не подтвердилось, – светские религиозные практики (обозначим их как не-собственно религиозные). Таким образом, представители офлайн-выборки значимо чаще говорят о совершении ими традиционных религиозных действий.

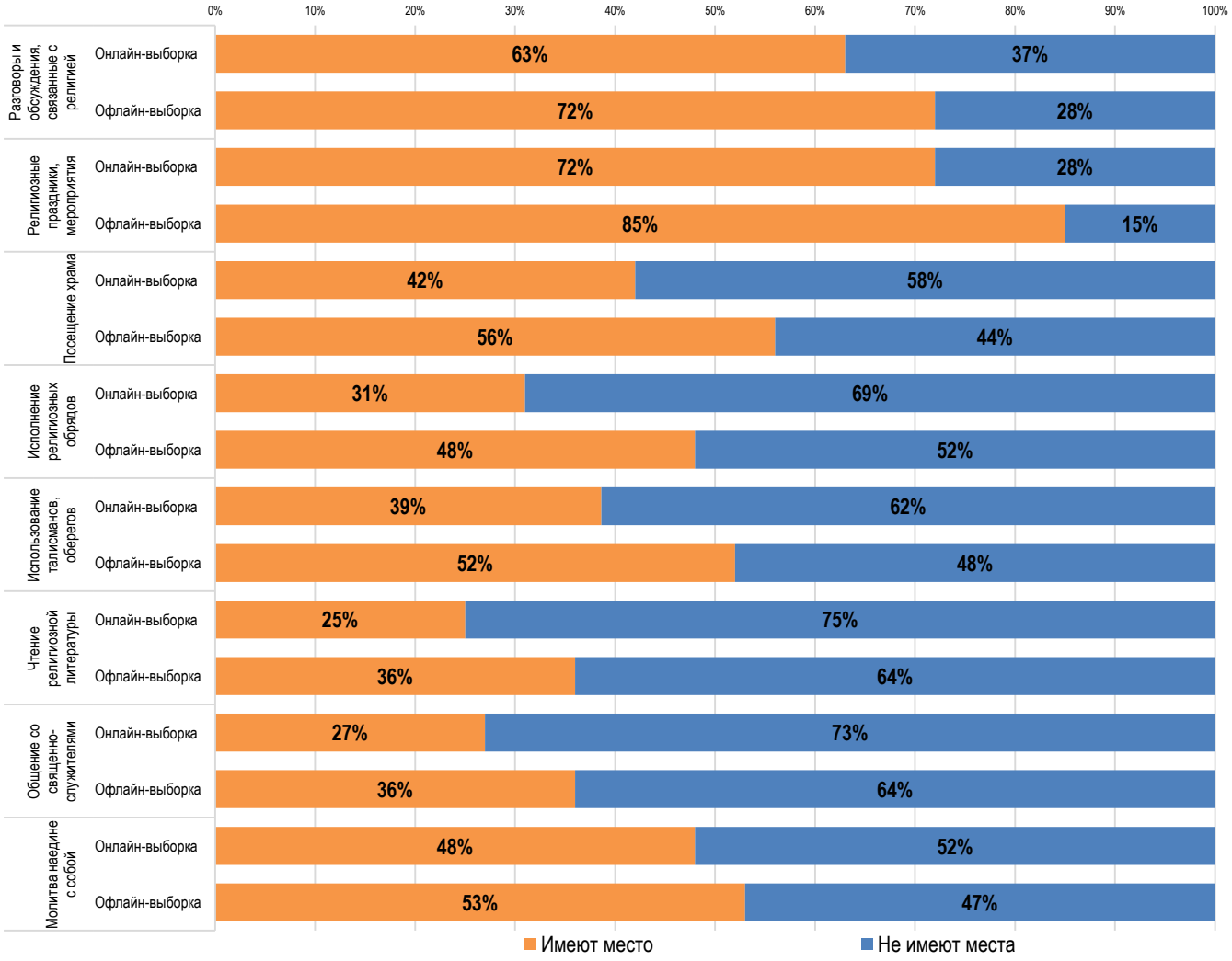


Рис. 4. «Отметьте, пожалуйста, имеют ли место в Вашей жизни следующие действия»

Fig. 4. "Please note whether the following actions take place in your life"

Уровень интереса онлайн-выборки к религиозным мероприятиям значимо ниже, по сравнению с офлайн-выборкой (рис. 5, табл. 1).

В онлайн-выборке несколько в меньшей степени проявляется религиозная идентичность, чем в офлайн-выборке (рис. 6), при этом значимость различия не подтвердилась (табл. 1).

Респонденты онлайн-выборки более негативно высказываются о строительстве новых храмов, о введении в школах уроков по истории религий, о религиозных праздниках, об ужесточении наказаний за пропаганду идей, разжигающих межнациональную и межконфессиональную рознь (рис. 7), различие значимо (табл. 1).

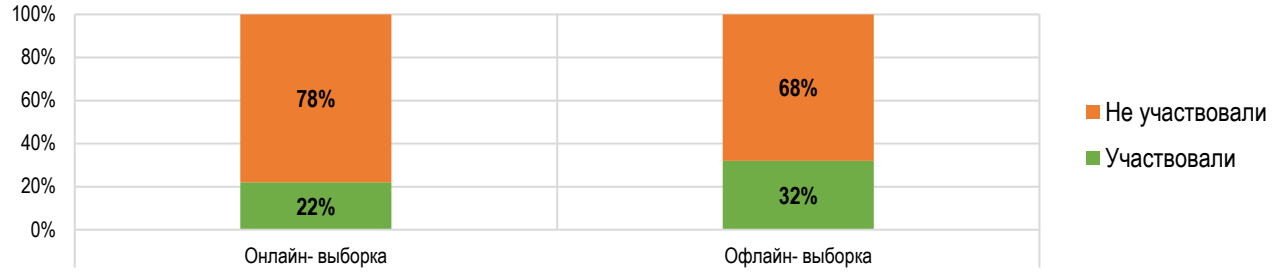


Рис. 5. «За последние три года принимали ли Вы участие в каких-либо религиозных мероприятиях и праздниках в Красноярском крае?»
Fig. 5. "Over the past three years, have you participated in any religious events and holidays in the Krasnoyarsk Territory?"

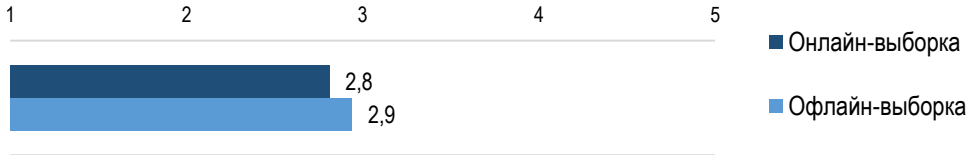


Рис. 6. «Насколько важно для Вас чувствовать себя приверженцем своей религии», средний балл оценки по 5-балльной шкале, где 5 – очень важно, 1 – совершенно не важно
Fig. 6. "How important is it for you to feel like a follower of your religion", the average score on a 5-point scale, where 5 is very important, 1 is absolutely not important

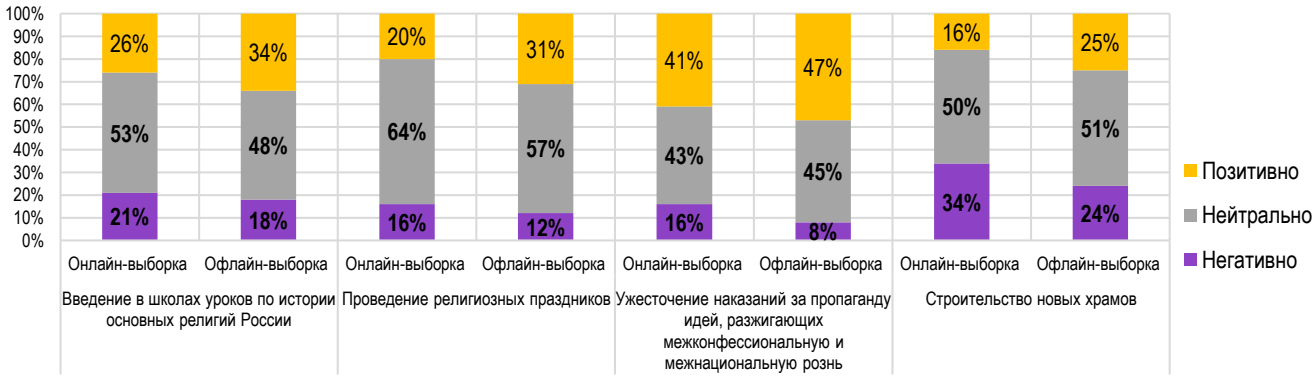


Рис. 7. «Как Вы относитесь к следующей деятельности, связанной с межрелигиозными отношениями в Вашем населенном пункте?»
Fig. 7. "How do you feel about the following activities related to interreligious relations in your locality?"

По признаку участия в обсуждениях по вопросам религии между онлайн- и офлайн-выборками различия отсутствуют (рис. 8, табл. 1).

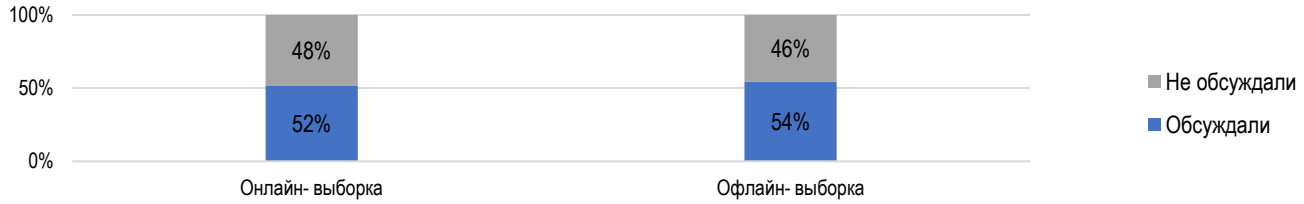


Рис. 8. «Пожалуйста вспомните, обсуждали ли Вы за последние три года какие-либо новости, события, связанные с темой религии?»
Fig. 8. "Please remember, have you discussed any news or events related to the topic of religion over the past three years?"

Таблица 1 – Оценка статистической значимости различий онлайн- и офлайн- выборок

Table 1 – Evaluation of the statistical significance of the differences between online and offline samples

		Хи-квадрат Пирсона	ст. св.	Асимпт. значимость (2-стор.)
Может ли религия человека повлиять на Ваше доверие ему?		**10,070**	**1**	**0,002**
Считаете ли Вы себя верующим человеком?		0,742	1	0,389
Во что из перечисленного Вы верите?	Бог	2,520	1	0,112
	Приметы	2,999	1	0,083
	Сглаз, порча	1,332	1	0,248
	Астрология, гороскопы	2,054	1	0,152
	Существование рая и ада	0,029	1	0,864
	Чудеса	0,163	1	0,687
	Гадания, предсказания	2,172	1	0,141
	Колдовство, магия	**6,033**	**1**	**0,014**
	В себя, в собственные силы	1,056	1	0,304
Отметьте, пожалуйста, имеют ли место в Вашей жизни следующие действия	Разговоры и обсуждения, связанные с религией	7,224	3	0,065
	Религиозные праздники, мероприятия	**22,645**	**3**	**0,000**
	Посещение храма	**27,760**	**3**	**0,000**
	Исполнение религиозных обрядов	**24,274**	**3**	**0,000**
	Использование талисманов, оберегов	**14,887**	**3**	**0,002**
	Чтение религиозной литературы	**9,986**	**3**	**0,019**
	Общение со священнослужителями	**8,504**	**3**	**0,037**
	Молитва наедине с собой	1,652	3	0,648
За последние три года принимали ли Вы участие в каких-либо религиозных мероприятиях и праздниках в Красноярском крае?		**10,618**	**2**	**0,005**
Насколько важно для Вас чувствовать себя приверженцем своей религии, оцените по 5-балльной шкале, где 5 - очень важно, 1 - совершенно неважно		7,224	3	0,065
Как Вы относитесь к следующей деятельности, связанной с межнациональными и межрелигиозными отношениями в Вашем населенном пункте?	**Введение в школах уроков по истории основных религий России**	**6,693**	**2**	**0,035**
	Проведение религиозных праздников	**13,229**	**2**	**0,001**
	Ужесточение наказаний за пропаганду идей, разжигающих межконфессиональную и межнациональную рознь	**10,720**	**2**	**0,005**
	Строительство новых храмов	**13,308**	**2**	**0,001**
Пожалуйста вспомните, обсуждали ли Вы за последние три года какие-либо новости, события, связанные с темой религии?		2,438	2	0,296

Выводы. Проведенный анализ показывает, что ответы респондентов, участвовавших в опросе онлайн и офлайн, имеют статистически значимые различия по ряду вопросов. Так, с одной стороны, среди проходивших опрос онлайн и офлайн зафиксирован сходный уровень интереса к обсуждению вопросов религии, сходный уровень религиозной идентичности, сходный процент респондентов, считающих себя верующими, сходный уровень веры в Бога, приметы, сглаз, астрологию, чудеса, гадания, а также в себя; также проходившие опрос онлайн и офлайн со сходной частотой обсуждают религиозные вопросы и практикуют молитву наедине с собой.

С другой стороны, в ситуации «онлайн» респонденты чаще говорят о том, что религия человека может повлиять на отношение к нему; чаще говорят о доверии магии и колдовству, но при этом реже высказываются за ужесточение наказаний за пропаганду интолерантных идей.

В ситуации «офлайн» респонденты значимо чаще говорят о совершении ими традиционных религиозных действий (религиозные праздники, мероприятия, посещение храма, исполнение обрядов, использование талисманов и оберегов, чтение религиозной литературы, общение со священнослужителями), а также об одобрении идеи православия как главной религии России. Различия в ответах опрошенных онлайн- и офлайн- прослеживаются прежде всего для вопросов, обращенных к эмоциональности респондента, к его персональному оценочному мнению. Результаты сравнения показывают, что в формате онлайн-опроса респонденты более критичны при ответе на такие вопросы, в то время как в формате офлайн-опроса, может наблюдаться смещение ответов в сторону мнений, более комплементарных социально желательной, традиционной точке зрения.

По нашему предположению, в случае настоящего исследования ключевым фактором различий результатов онлайн- и офлайн-анкетирования выступает тема опроса: с одной стороны, ряд вопросов о религии обладают субъективной значимостью для респондентов и затрагивают их персональную реальность, с другой – эти вопросы общественно значимые, порой дискуссионные (что способствуют более сильному проявлению сдержанности респондента в ситуации офлайн, в то время как ситуация онлайн может создавать для респондента более комфортные условия для выражения эмоций). Данное обстоятельство может выступать в качестве аргумента в пользу онлайн-опроса как метода, позволяющего снизить искажающее влияние эффекта стороннего наблюдателя при прохождении опроса. Полагаем, что данный эффект оказывает негативное влияние на качество результатов исследования, особенно когда темы опроса стоят остро и являются социально значимыми, а формулировки вопросов касаются непосредственно эмоций респондента.

Таким образом, на результат исследования существенное влияние оказывают формулировки вопросов, а именно – наличие или отсутствие в вопросе обращения к эмоциям, актуальным для респондента в текущий период. Так, вопросы анкеты в нашем исследовании можно условно разделить на две группы: вопросы, предполагающие обращение к эмоциям респондента («Может ли религия человека повлиять на Ваше доверие ему?»), и вопросы, не предполагающие такого обращения к эмоциям, а относящееся скорее к фактам («Пожалуйста вспомните, обсуждали ли Вы за последние 3 года какие-либо новости, события, связанные с темой религии?»). В ходе исследования установлено, что различия в ответах онлайн- и офлайн-выборок проявляются прежде всего для вопросов первого типа.

Дальнейшие перспективы исследования связаны в том числе с контролем показателя частоты использования интернета (периодичность и длительность нахождения респондента в сети). Измерение данного показателя и анализ его взаимосвязи с ответами респондентов на вопросы позволят сделать выводы о наличии или отсутствии связи между частотой использования интернета и различиями в поведении респондентов в ситуациях «онлайн» и «офлайн». Исследовательский вопрос состоит в том, обусловлены ли эти различия большей включенностью респондентов в интернет-коммуникации или это результат влияния ситуации онлайн-опроса, где снижен или практически отсутствует эффект интервьюера.

Список источников

1. Быков А.В. Метод факторных виньеток и шкала самооценки альтруизма: Сравнение онлайн- и офлайн-опросов // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 39. С. 62–98.

2. Девятко И.Ф. Новые данные, новая статистика: от кризиса воспроизводимости к новым требованиям к анализу и представлению данных в социальных науках // Социологические исследования. 2018. №. 12. С. 30–38.

3. Шкурин Д. В. Сравнительная оценка качества данных офлайн и онлайн-опросов // Дискуссия. 2015. №. 8 (60). С. 101–104.

4. Faas T. Online or Not Online? A Comparison of Offline and Online Surveys Conducted in the Context of the 2002 German Federal Election // Bulletin de méthodologie sociologique. Bulletin of sociological methodology. 2004. № 82. С. 42–57.

5. Корсунова В.И., Соколов Б.О. Ценностные установки россиян: сравнение результатов онлайн- и офлайн-опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. №3. С. 4–27.

6. Труфанов Д. О., Васильева О. В. Религиозное поведение взрослого населения Красноярского края / XVII Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения 1917-2017: уроки столетия. 2017. С. 282–290.

References

1. Bykov A. V. The method of factor vignettes and the scale of self-assessment of altruism: Comparison of online and offline surveys. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie = Sociology: methodology, methods, mathematical modeling.* 2014;(39):62–98. (In Russ.)

2. Devyatko I. F. New data, new statistics: from the crisis of reproducibility to new requirements for the analysis and presentation of data in the social sciences. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2018;(12):30–38. (In Russ.)

3. Shkurin D. V. Comparative assessment of the quality of offline and online survey data. *Diskussiya = Discussion*. 2015;8(60):101–104. (In Russ.)

4. Faas T. Online or not online? Comparison of offline and online polls conducted in the context of the federal elections in Germany in 2002. *Bulletin of Sociological Methodology. Bulletin of Sociological Methodology.* 2004;(82):42–57.

5. Korsunova V. I., Sokolov B. O. Value attitudes of Russians: comparison of online and offline survey results. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2022;(3):4–27. (In Russ.)

6. Trufanov D. O., O Vasilyeva. V. Religious behavior of the adult population of the Krasnoyarsk Territory. In: *XVII Krasnoyarsk Regional Christmas educational readings 1917-2017: lessons of the century.* 2017: 282–290. (In Russ.)

Информация об авторах

О. В. Васильева – ассистент кафедры социологии Сибирского федерального университета; исполнительный директор Центра социологических исследований «Мониторинг общественного мнения».

Д. О. Труфанов – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета; генеральный директор Центра социологических исследований «Мониторинг общественного мнения».

Information about the authors

O. V. Vasilyeva – Assistant of the Department of Sociology of Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology, Siberian Federal University; Executive Director of the Center for Sociological Research «Monitoring of Public Opinion».

D. O. Trufanov– Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology, Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology of Siberian Federal University; General Director of the Center for Sociological Research «Monitoring of Public Opinion».

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 19.12.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 26.01.2023.
The article was submitted 19.12.2022; approved after reviewing 25.01.2023; accepted for publication 26.01.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 240–245
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):240–245

Проблемы социологии

Научная статья
УДК 316
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-240-245

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Владимир Викентьевич Ковров[1], Иван Михайлович Вакула[2], Наталья Халиловна Гафиатулина[3]

[1]Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, lev23@list.ru
[2]Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия, imvakula@mail.ru
[3]Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, gafiatulina@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0002-7548-1350

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать теоретико-методологические основания стратификации в отношении социокультурной дифференциации российской молодежи. Исследование базируется на теории дифференциации Г. Спенсера и классической теории стратификации П. Сорокина. Рассматриваются специфические критерии дифференциации молодежи как социальной группы. Авторы приходят к выводу, что российская молодежь более дифференцирована, нежели интегрирована, ибо дифференцирующие факторы молодежи в российском обществе проявляются гораздо сильнее, нежели интегрирующие.

Ключевые слова: молодежь, российское общество, социокультурная дифференциация, теоретико-методологические основания, подход, субкультура, стратификация, социальная группа

Для цитирования: Ковров В. В., Вакула И. М., Гафиатулина Н. Х. Социокультурная дифференциация российской молодежи: теоретико-методологические основания // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 240–245. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-240-245

Sociology Problems

Original article

SOCIOCULTURAL DIFFERENTIATION OF RUSSIAN YOUTH: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL GROUNDS

Vladimir V. Kovrov[1], Ivan M. Vakula[2], Natalia Kh. Gafiatulina[3]

[1]Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, lev23@list.ru
[2]Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia, imvakula@mail.ru
[3]Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, gafiatulina@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0002-7548-1350

Abstract. The article attempts to analyze the theoretical and methodological foundations of stratification in relation to the socio-cultural differentiation of Russian youth. The study is based on G. Spencer's theory of differentiation and P. Sorokin's classical theory of stratification. Specific criteria for the differentiation of youth as a social group are considered. The authors come to the conclusion that the Russian youth is more differentiated than integrated, because the differentiating factors of youth in Russian society are much stronger than the integrating ones.

Keywords: youth, Russian society, sociocultural differentiation, theoretical and methodological foundations, an approach, subculture, stratification, social group

For citation: Kovrov V. V., Vakula I. M., Gafiatulina N. Kh. Sociocultural differentiation of Russian youth: theoretical and methodological grounds. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):240–245. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-240-245

© Ковров В. В., Вакула И. М., Гафиатулина Н. Х., 2023

Проблемы молодежи сегодня ставятся в ряд приоритетных социальных задач, решение которых способствует выделению инновационных тенденций развития молодежи, при этом молодежь как объект социокультурного воздействия, уже много лет представляет интерес для научных исследований. Это детерминировано тем, что данная социальная группа, будучи наиболее изменчивой, динамичной, креативной группой общества и «реальным потенциалом изменений, составляющих вектор развития всего общества, сама весьма зависит от изменения условий собственной интеграции в наличное состояние общества» [1, с. 4]. Как подчеркивает Ю.Ю. Мигунова, в настоящий момент назрела необходимость в теоретико-методологическом изучении «социокультурной дифференциации молодежи в системе социальной структуры общества» [2, с. 144].

Не представляется возможным отрицать тот факт, что молодежь играет существенную роль в социокультурном воспроизводстве, а также в социокультурном и духовно-нравственном обновлении социума. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров отмечают, что процесс взросления молодежи «сопровождается ее включением в социокультурный контекст общества и одновременно формированием собственных культурных образцов и практик взаимодействия. В результате многоуровневых связей молодых людей с культурой в целом, элементы которой ими одновременно наследуются и изменяются, а также с образцами субкультур, возникающих в пространстве внутригрупповых взаимодействий, т.е. в молодежных сообществах, формируется культурное пространство молодежи» [3, с. 165].

Появление в российском обществе различных субкультурных практик и динамики молодежных субкультур говорит в пользу богатства культуры и высокого уровня дифференциации молодежного сообщества. Именно богатство структуры господствующей культуры и динамика субкультурных течений, разнообразие ценностных ориентаций и социальных норм порождает потребность рефлексивного осмысления критериев, форм и способов социокультурной дифференциации.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что дифференцирующие факторы молодежи в российском обществе проявляются гораздо сильнее, нежели интегрирующие. Это становится очевидным в условиях кардинальных преобразований российского общества, когда в течение нескольких десятилетий происходят изменения его социальной структуры.

Впервые теория дифференциации была выдвинута социальным дарвинистом Г. Спенсером, двоюродным братом Ч. Дарвина, провозгласившим дифференциацию нормой эволюционного развития социума по принципу «от простого к сложному», проявляющемуся посредством разделения труда в обществе. При этом эволюционное развитие общества, по мнению Г. Спенсера, состоит в усилении его дифференциации, следствием которого является рост процессов общественной интеграции. Социальная (экономическая, профессиональная и политическая) дифференциация (или стратификация) общества, согласно теории Г. Спенсера, вступает в взаимопереплетение в процессе социокультурных отношений.

В рамках структурно-функционального подхода, пионерами которого являются Т. Парсонс и Р. Мертон, дифференциация анализируется, с одной стороны, как некое конкретное состояние социальной структуры; с другой – как реальный процесс, приводящий к возникновению различных видов деятельности и страт, реализующих специализированные функции, необходимые для самосохранения социума как системы.

Проблематика генезиса теоретико-методологических оснований в отношении социокультурной дифференциации населения в целом, и молодежи, в частности, затрагивалась исследователями уже с середины XIX века. Подходы, актуальные на сегодняшний день и имеющие с точки зрения научного знания теоретическую и методологическую значимость, по нашему мнению, это подходы, базирующиеся, как минимум на трех теоретико-методологических основаниях:

- во-первых, на основе «теории насилия» в рамках конфликтологической парадигмы, согласно которой основные причины социокультурной дифференциации кроются во властном порабощении сильными группами по отношению к группам, которые по их показателям являются более слабыми. Это сопровождается тем, что «слабейшие объединяются в некую группу, чтобы суметь совместно противостоять власти и насилию сильнейшего» [4, с. 263]. Однако, заметим, что данный теоретико-методологический подход утрачивает свою силу как результат инволюции научно-исследовательского интереса и уступает место двум нижеследующим основаниям социокультурной дифференциации социальных групп в целом, и молодежи, в частности.

- во-вторых, на основании дифференциации социальных групп (и молодежь здесь также не является исключением) по социально-психологическим качествам (возможностям, способностям, личностным характеристикам индивида и его т.н. жизненному сценарию), обусловленным природным генезисом и существованием важных для социальной мобильности качеств или отсутствием таковых.

Согласно выводам, к которым пришла Е. Ю. Мазур, социальная мобильность молодежи, будучи ее качеством, детерминирует, с одной стороны, – способность этой социальной группы изменять свои статусные позиции в культурной и социальной среде под воздействием целого ряда социально-психологических качеств личности, тем самым является «гарантом успешной адаптации личности». С другой стороны – современная социально-экономическая действительность способна блокировать социальную мобильность молодежи, оказывая отрицательное влияние «на социальные установки, ценностные ориентации, выбор социальных ролей, мотивацию молодежи, формируя отчуждение, депривацию и проектирование собственной жизни» [5, с. 106].

Кроме того, на основании дифференциации по социально-психологическим качествам молодежи как социальной группы, можно обозначить уровень развития способности к бриколажу (от франц. bricoleurs) как качеству, присущему индивидам-бриколерам, проявляющим разную степень особой изобретательности в придумывании для знакомых вещей неожиданное функциональное применение [6, с. 21].

- в-третьих, на основании институциональной теории (условно названной) как атрибутивной характеристики социокультурной деятельности в «широком понимании природы социокультурных практик» молодежи в социально-культурном пространстве российского общества [7, с. 27]. Данное теоретико-методологическое основание базируется на интеграции двух подходов: марксистском, основополагающемся на классовой теории, в рамках которой причинами социальной дифференциации являются частная собственность и разделение труда; а также теории социального действия М. Вебера, в соответствии с которой вероятность появления прогрессивных инноваций в обществе вступает в прямую зависимость от степени социокультурной дифференцированности социальных групп в обществе. При этом возникновение социокультурной дифференциации сопряжено с выделением жизненно необходимых для существования социума функций, и, как результат, социальных институтов, реализующих данную функцию.

Будучи базовым понятием структурно-функциональной теории, категория «дифференциация» стала важнейшим понятием социологического наследия П. А. Сорокина. В связи с этим, говоря о социокультурной дифференциации российской молодежи, необходимо остановиться на теоретико-методологических основаниях классической теории стратификации П. А. Сорокина, в числе ключевых признаков которой являются, помимо прочего, неравномерность распределения среди различных групп населения их прав и преференций, сферы обязательств и ответственности. В этой связи П. А. Сорокиным было предложено соответствующее стратификационное деление общества, включающее несколько слоев (страт) данного деления: от высшего (профессионально-административного) и технического уровня специализации до квалифицированного и неквалифицированного рабочего уровня. Такого рода стратификационное деление применимо и к молодежному сообществу, в том числе, и в отношении стратификации по образовательному уровню: от среднего профессионального образования до высшего профессионально-образовательного уровня и до получения ученой степени кандидата наук.

Методологические подходы к изучению социальной и культурной стратификации общества редуцируются к определению критериев выделения различных социальных групп в структуре общества и осуществлению исследовательских работ по обнаружению данных когорт. Причем одной из главных проблем является выбор критериев, в соответствии с которыми исследователь будет выделять определенные группы населения в качестве основания стратификации. Бесспорно, что особое влияние на результат научного исследования будут оказывать факторы, связанные с теоретико-методологическим видением того или иного исследователя о социокультурной дифференциации молодежи в конкретных общественно-исторических условиях и сформировавшихся в нем социокультурных взаимодействиях и взаимоотношениях.

Структура и интерпретация структуры молодежной культуры требует анализа различных теоретико-методологических подходов в этом направлении. В структуре молодежной культуры

могут встречаться различные комбинации элементов, однако есть три сегмента, которые в различных вариациях будут встречаться всегда:

- создающаяся крупными инвестициями в производство товаров и услуг для молодых людей старшим поколением культура молодых. В этом аспекте можно говорить, что в определенном смысле для молодежи «задаются определенные стандарты в одежде, поведении, аксессуарах, проведении досуга» [1, с. 15];

- вырабатывающаяся на основе определенных нормативно-ценностных инструментов самой молодежью субкультура. Поскольку формируется и развивается для собственного применения, определяет стиль жизни молодежи и ее поведенческие паттерны [9];

- также вырабатывающаяся самой молодежью, но с целью противостояния господствующей культуре. Отличается от субкультуры также тем, что проявляется «посредством антисоциальной деятельности молодежных объединений» [1, с. 15]. Концепция молодежной контркультуры редуцируется, по мнению С. С. Комиссаренко, к разновидности молодежных субкультур, дистанцируясь при этом от базовой культуры и «отвергая в принципе всякие нормативно-ценностные паттерны» [10, с. 24].

В своей монографии Ю. А. Зубок и В. И. Чупров ссылаются на принципиальные отличия двух типов культур (западной и восточной) по следующим основаниям:

- в отношении молодого индивида к истине: «а) истинно лишь то, что подвластно уму и воле человека; б) истина есть само бытие»;

- в оценке «познавательных и преобразовательных возможностей: а) антропоцентрическая матрица…; б) теоцентрическая традиция»;

- в «сущности и механизмах процесса познания» молодежью социальной реальности: а) через посредство познающей активности молодежи как субъекта познания; б) через призму духовного постижения;

- «во временной ориентации» поведенческих паттернов молодежи: а) направленность на перспективу; б) «ориентация на вечность»;

- «в ценностных ориентациях личности и общества: а) потребительски ориентированное бытие; духовно ориентированное бытие» [11, с. 32].

С. С. Комиссаренко подчеркивает, что для социокультурной дифференциации характерна дуалистическая природа, которая отражает «амбивалентность общественного развития», поскольку, с одной стороны, указывает на «многообразие субкультур, возникающих в массовой городской или сельской культуре», при этом порождение субкультур увеличивает многообразие субъектов социокультурных процессов, «охватывая всю вертикаль социокультурной стратификации». А с другой стороны, дифференциация субкультур способствует дезинтеграции российского общества, «нарушая тем самым культурное единство, что ослабляет воздействие базовой культуры и приводит к большей обособленности субкультур друг от друга» [10, с. 22].

Опираясь на особенности социокультурной дифференциации общества, представляется возможным выделить специфические критерии дифференциации молодежи как социальной группы.

О. В. Назарой в своей кандидатской диссертации описывает четыре группы факторов, указывающих на социальную дифференциацию различных социальных групп: антропологические, связанные с разделением этих групп на этносы, нации, национальности; демографические факторы, дифференцирующие группы по половозрастным признакам; профессионально-технологические факторы, указывающие на специализированное разделение труда в обществе; социально-экономические факторы, стратифицирующие группы по статусным позициям, уровню дохода и профессионального престижа, а также по досуговому неравенству как инновационной формы социокультурной дифференциации [12, с. 51–52].

При этом стоит отметить, что дифференциация молодежи по возрастным границам несколько размыта, ибо эти границы обусловлены, с одной стороны – спецификой регионального сообщества, а с другой, – теоретико-методологическими целями исследователя. К специфическим особенностям может относиться: общественно-политическая обстановка (как известно, в период обострения конфликтов и проведения военных действий, молодежь «взрослеет раньше»); особенности демографической структуры (мужья могут быть младше своих жен, т.к. мужчин в демографической

структуре общества меньше); религиозные мировоззрения (в странах Ближнего Востока девушки выходят замуж достаточно рано).

Молодежь может дифференцироваться не только по социокультурным основаниям, по функциям, по интересам, по культуре (согласно С. Норту), а также в результате «многообразных преобразований современного российского общества, культура молодежи динамично дифференцируется» [1, с. 25], т.е. еще и по социально-статусным, социально-территориальным основаниям.

Оригинальный подход к дифференциации молодежи был предложен С. Фрисом, рассматривавшим молодежь с точки зрения анализа состояния молодости как процесса: взрослея, молодежь повышает уровень своей независимости и ответственности – в противоположность зависимости и безответственности в детстве, что приводит к овладению ролевыми функциями [2]. Это справедливо и по отношению к российской молодежи.

Также основанием для социально-культурной дифференциации молодежи может выступать участие молодежных групп во всевозможных общественных движениях, политических партиях, творческих союзах, волонтерских объединениях. Т.е. факт включенности молодежи в такие референтные группы дифференцирует молодежь в качестве носителей социально-значимых характеристик, в совокупности составляющих целостность российского социума.

Таким образом, российская молодежь более дифференцирована, нежели интегрирована, ибо дифференцирующие факторы молодежи в российском обществе проявляются гораздо сильнее, нежели интегрирующие.

В заключении необходимо сказать, что рассмотренные нами подходы к теоретико-методологическим основаниям стратификации российской молодежи позволяют сделать вывод о том, что картина разработанности проблемы в категориях социокультурной дифференциации молодежи недостаточно полна и целостна. Таким образом, обозначается научная и социальная потребность в дальнейшем внимательном исследовании различных оснований социокультурной дифференциации молодежи в системе социальной структуры российского общества по социально-стратификационным, образовательно-профессиональным, культурным, ценностным, потребностно-мотивационным и конфессиональным образованиям, а также по характеру этнической, религиозной идентификации, региональным и локальным особенностям социализации различных молодежных групп.

Список источников

1. Герасимов Г. И. Молодежь в зеркале субкультурных практик: монография / отв. ред. Ю. Г. Волков, Ростов-н/Д., 2012. 128 с.

2. Мигунова Ю. Ю. Социокультурная дифференциация молодежи в республике Адыгея (исторический аспект) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 2. С. 143–152.

3. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164–186.

4. Вайбель Петер. Теории насилия: Беньямин, Фрейд, Шмитт, Деррида, Адорно // Философско-литературный журнал «Логос». 2018. Т. 28. № 1 (122). С. 261–279.

5. Мазур Е. Ю. Психологические аспекты социальной мобильности современной молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 5 (73). С. 102–106.

6. Организационная устойчивость (Серия «Harvard Business Review: 10 лучших статей») / Пер. с англ. М., 2022. 248 с.

7. Социально-культурная деятельность в современном гуманитарном дискурсе: Коллективная монография / Авторский коллектив: Н. Н. Ярошенко, К. И. Вайсеро, Л. Е. Востряков и др. М., 2021. 280 с.

8. Гафиатулина Н. Х. Социальное здоровье студенческой молодежи как индикатор социокультурной интеграции // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11. С. 255–261.

9. Комиссаренко С. С. Социокультурная дифференциация как базис порождения субкультур // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 1 (99). С. 16-25.

10. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности: монография. М., 2022. 304 с.

11. Назарой О. В. Социокультурная дифференциация молодежи в сфере досуга как основа создания современных молодежных центров (на примере г. Пскова): дисс. … канд. социол. н. СПб., 2014. 213 с.

References

1. Gerasimov G. I. *Youth in the mirror of subcultural practices*: monograph. Ed. Yu. G. Volkov. Rostov-on-Don; 2012. 128 p. (In Russ.)

2. Migunova Yu. Yu. Sociocultural differentiation of youth in the Republic of Adygea (historical aspect). *Vestnik Maikopskogo gosydarstvennogo technologicheskogo yniversiteta = Bulletin of the Maikop State Technological University.* 2019;(2):143–152. (In Russ.)

3. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Self-regulation of meaningful life values in the cultural space of youth *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2019;10(4):164–186. (In Russ.)

4. Weibel Peter Theories of Violence: Benjamin, Freud, Schmitt, Derrida, Adorno. *Filosofsko-literatyrnyj zhyrnal «Logos» = Philosophical and literary journal Logos.* 2018;28(1(122)):261-279. (In Russ.)

5. Mazur E. Yu. Psychological aspects of social mobility of modern youth. *Obschestvo: sociologiya, psichologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy.* 2020;5(73):102–106. (In Russ.)

6. Organizational sustainability (Series «Harvard Business Review: 10 best articles»). Transl. from English. Moscow; 2022. 248 p. (In Russ.)

7. *Socio-cultural activity in modern humanitarian discourse*: Collective monograph. N. N. Yaroshenko, K. I. Vaisero, L.E. Vostryakov et al. Moscow; 2021. 280 p. (In Russ.)

8. Gafiatulina N. Kh. Social health of student youth as an indicator of socio-cultural integration. *Socialnye I gymanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge.* 2013;(11):255–261. (In Russ.)

9. Komissarenko S. S. Sociocultural differentiation as a basis for the generation of subcultures. *Vestnik Moskovskogo gosydarstvennogo yniversiteta kyltyri I iskysstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts.* 2021;1(99):16–25. (In Russ.)

10.Zubok Yu. A., Chuprov V. I. *Youth in the cultural space: self-regulation of life:* monograph. Moscow; 2022. 304 p. (In Russ.)

11.Nazaroy O. V. *Sociocultural differentiation of youth in the field of leisure as the basis for the creation of modern youth centers (on the example of Pskov)*: diss. … cand. sociology, St. Petersburg; 2014. 213 p. (In Russ.)

Информация об авторах

В. В. Ковров – кандидат педагогических наук, доцент Севастопольского государственного университета.
И. М. Вакула – доктор философских наук, профессор РЮИ МВД России.
Н. Х. Гафиатулина – кандидат социологических наук, доцент, докторант ЮФУ.

Information about the authors

V. V. Kovrov – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Sevastopol State University.
I. M. Vakula - Doctor of Philosophy, Professor of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
N. Kh. Gafiatulina – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Doctoral Student of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 22.02.2023; одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 07.03.2023.
The article was submitted 22.02.2023; approved after reviewing 06.03.2023; accepted for publication 07.03.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 246–251
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):246–251

Проблемы социологии

Научная статья
УДК 316
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-246-251

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ КАПИТАЛОМ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Роман Константинович Овчаренко[1], Элеонора Викторовна Моргунова[2]

[1]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, alfa999@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-4974-4962

[2]Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города Москвы «Школа №2005», Москва, Россия, eleonora-morgunova@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-5612-9442

Аннотация. В современном мире на первый план выходит такой элемент конкурентоспособности предприятия как интеллектуальный капитал. Существует несколько подходов к управлению знаниями, но в рамках настоящей статьи рассмотрены два наиболее популярных: модель И. Нонака, Х. Такеучи и модель Х. Крмара, Дж. Рехойзера. В качестве основных методов исследования были использованы аналитический и системный подходы. В результате проведенного анализа автор статьи пришел к выводу о том, что интеллектуальный капитал организации представляет собой совокупность знаний, опыта и мыслительной деятельности работников компании, которые в результате различного рода трансформаций (организационных, технических и т.д.) преобразовались в новый продукт, приносящий прибыль.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, управление знаниями, организационное знание, трансформация знаний, источник знаний

Для цитирования: Овчаренко Р. К., Моргунова Э. В. Когнитивные модели управления интеллектуальным капиталом: социологический подход // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 246–251. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-246-251

Sociology Problems

Original article

COGNITIVE MODELS OF INTELLECTUAL CAPITAL MANAGEMENT: A SOCIOLOGICAL APPROACH

Roman K. Ovcharenko[1], Eleonora V. Morgunova[2]

[1]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia,
alfa999@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-4974-4962

[2]State budgetary educational institution of the city of Moscow "School № 2005", Moscow, Russia,
eleonora-morgunova@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-5612-9442

Abstract. In the modern world, such an element of the competitiveness of an enterprise as intellectual capital comes to the fore. There are several approaches to knowledge management, but in the framework of this article, two of the most popular are considered: the model of I. Nonak, H. Takeuchi and the model of H. Krmar, J. Reheuser. Analytical and systematic approaches were used as the main research methods. As a result of the analysis, the author of the article came to the conclusion that the intellectual

© Овчаренко Р. К., Моргунова Э. В., 2023

capital of an organization is a set of knowledge, experience and mental activity of the company's employees, which, as a result of various kinds of transformations (organizational, technical, etc.), have been transformed into a new product that brings profit.

Keywords: intellectual capital, knowledge management, organizational knowledge, knowledge transformation, knowledge source

For citation: Ovcharenko R. K., Morgunova E. V. Cognitive models of intellectual capital management: a sociological approach. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):246–251. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-246-251

В настоящее время в различных отраслях и сферах существует огромное количество предприятий, конкурентоспособность которых зачастую определяется имеющимся в их распоряжении интеллектуальным капиталом. Если обратиться к содержанию данного понятия, то помимо различных трактовок, можно встретить и сходные термины, часто используемые как синонимы к нему: «интеллектуальный потенциал», «активы знаний» и т.д.

По мнению одного из основоположников концепции интеллектуального капитала Т. Стюарта, «*интеллектуальный капитал* – это интеллектуальный материал, включающий в себя знания, опыт, информацию, интеллектуальную собственность и участвующий в создании ценностей. Это – коллективная умственная энергия. Ее трудно обнаружить, и еще труднее управлять ею. Но уж если Вы ее обнаружили и заставили служить себя, Вы – победитель» [1, с. 12].

Появление такого понятия, как «интеллектуальный капитал», позволяет определить насколько сильно изменилась структура капитала организации – если раньше основной капитал составляли основные фонды, то теперь знания и информация (интеллектуальный капитал).

В рамках анализа научной литературы можно встретить несколько моделей управления знаниями, в настоящей статье проанализируем две наиболее известные.

Модель 1. Создание организационного знания через взаимодействие неформализованного и формализованного знания И. Нонака, Х. Такеучи

Авторы указанной модели вложили в понятие «трансформация знаний» различные социальные процессы, осуществляемые в процессе взаимодействия между людьми. При этом способов такой «трансформации» было выделено четыре: социализация, экстернализация, комбинация, интернализация. Данные способы представляют собой различного рода взаимодействие между формализованными и неформализованными знаниями, что нашло свое отражение на рис. 1.

Можно заключить, что в рамках рассматриваемой модели, *организационное знание* представляет собой способность компании создавать новое знание путем трансформации знаний и опты отдельных сотрудников, а также его воплощения в жизнь путем создания нового продукта или услуги. Если вывести обмен знаниями за пределы одной организации и производить этот обмен с клиентами, поставщиками и иными лицами, то можно создать целую стратегическую бизнес-сеть. Соответственно, источники знаний организации могут быть как внутренними, так и внешними.

Модель 2. Фазы управления знаниями. Модель Х. Крмара и Дж. Рехойзера

В рамках указанной модели управление знаниями происходит в рамках как индивидуального, так и коллективного обучения. Авторы пришли к установлению пяти взаимосвязанных фаз управления знаниями, отраженных на рис. 2.

1. Управление источниками знаний и информационными источниками

Настоящая фаза направлена на поиск новых знаний. Стоит отметить, что для успешной реализации данной задачи необходима определенная мотивация сотрудников к ее выполнению. После «получения» нового знания сотрудник компании проводит работу в рамках его интерпретации и установления связей с уже имеющейся у компании информации.

2. Управление носителями знаний и информационными ресурсами

Для дальнейшего эффективного использования полученных знаний последние должны быть преобразованы в конкретизированные производственные ресурсы, т.е. структурированы и интегрированы в производственный процесс. К данному знанию сотрудники должны иметь доступ – как интеллектуальный, так и физический.

Рис. 1. Спираль знаний [2]
Fig. 1. The spiral of knowledge

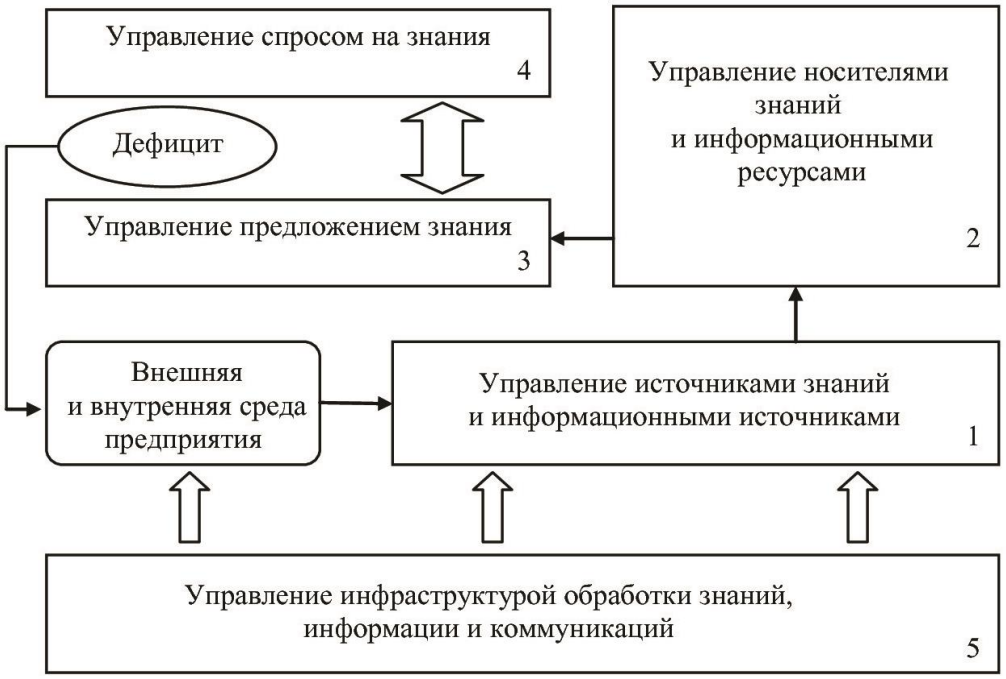


Рис. 2. Фазы управления знаниями [2]
Fig. 2. Phases of knowledge management

3. Управление предложением знаний

Для того, чтобы новое знание стало для предприятия эффективным оно должно приносить прибыль, т.е. должно стать основой для создания абсолютно нового продукта, который может быть востребован на рынке. При этом необходимо отметить, что от момента получения знания до получения конечного продукта на предприятии осуществляется длинная взаимосвязанная цепочка действий – начиная от проведения анализа потребности рынка в новом продукте, проведения ряда трансформаций знаний, решения возникающих в процессе производства трудностей и заканчивая получением итогового результата [3, с. 38].

4. Управление спросом на знания

Реализация данной фазы направлена на эффективную работу предприятия и выявления дефицита знаний в той или иной области определенными структурными подразделениями или отдельными сотрудниками. Определение такого дефицита основывается на сопоставлении уже имеющихся знаний и тех знаний, которые необходимы для получения конечного результата. В случае его выявления руководство предприятия принимает решение по его устранению наиболее оптимальными для этого способами.

5. Управление инфраструктурой обработки знаний, информации и коммуникаций

Вышеперечисленные четыре фазы управления знаниями невозможно реализовать без наличия на предприятии продуктивной инфраструктуры коммуникаций и обработки знаний. Последняя заключается в применении современных информационных технологий и грамотного управленческого состава организации.

К вопросу определения интеллектуального капитала в научной литературе также нет однозначного подхода. В настоящее статье опишем два отличных друг от друга подхода к указанному термину.

Первая из представленных моделей интеллектуального капитала была разработана К. Свейби и нашла свое отражение на рис. 3.

Рис. 3. Модель интеллектуального капитала К. Е. Свейби [2]
Fig. 3. K. E. Sweibi's intellectual capital model

К. Е. Свейби определил «структурные элементы» интеллектуального капитала следующим образом:

- персонал предприятия выступает в роли центральной фигуры и определяется профессионализмом, высокими умственными способностями и личными качествами сотрудников компании;

- внутренняя структура организации является непостоянным (переменным) элементом, поскольку может меняться в зависимости от ряда факторов – экономических, финансовых, личных целей владельца предприятия;

- внешняя структура – сформированное предприятием взаимодействие с партнерами, поставщиками, а также репутация компании.

Вторая из рассматриваемых моделей была сформулирована Л. Эдвинссоном и М. Мэлоуном, которые следующим образом определили «структурные элементы» интеллектуального капитала [4, с. 407], представленные на рис. 4:

- человеческий капитал (уровень профессионализма и личные качества сотрудников);

- организационный капитал (структура предприятия, техническое обеспечение и запатентованные результаты деятельности);

- потребительский капитал (клиентская база, обеспечивающая потребление производимых предприятием продуктов).

Рис. 4. Модель интеллектуального капитала Л. Эдвинссона и М. Мэлоуна [2]
Fig. 4. The model of intellectual capital by L. Edvinsson and M. Malone

Приведенные структуры позволяют определить причинно-следственную связь между человеческим и структурным капиталом – потеря первого приводит к обесцениванию второго и наоборот.

В результате проведенного анализа можно прийти к выводу о том, что интеллектуальный капитал организации представляет собой совокупность знаний, опыта и мыслительной деятельности работников компании, которые в результате различного рода трансформаций преобразовались в новый продукт.

Список источников

1. Стюарт, Т. А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организации / пер. с англ. М., 2007. 368 с.

2. Паникарова С. В., Власов М. В. Управление знаниями и интеллектуальным капиталом: учебное пособие. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. 140 с.

3. Иванова С. П., Мясоедов А. И. Новые подходы к моделям управления интеллектуальным капиталом // Экономика. Социология. Право. 2021. № 4 (24). С. 35–42.

4. Булатецкая А. Ю. Модели оценки и управления уровнем интеллектуального капитала компании // Московский экономический журнал. 2020. № 4. С. 405-416.

References

1. Stewart T. A. *Intellectual capital. A new source of wealth of the organization.* Trans. from English. Moscow; 2007. 368 p. (In Russ.)

2. Panikarova S. V., Vlasov M. V. *Knowledge management and intellectual capital:* a textbook. Yekaterinburg: Ural University Publishing House; 2015. 140 p. (In Russ.)

3. Ivanova S. P., Myasoedov A. I. New approaches to intellectual capital management models. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo = Economy. Sociology. Right.* 2021;4(24):35–42. (In Russ.)

4. Bulatetskaya A. Yu. Models of assessment and management of the level of intellectual capital of the company. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow Economic Journal.* 2020;(4):405–416. (In Russ.)

Информация об авторах

Р. К. Овчаренко – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии ЮРИУ РАНХиГС.

Э. В. Моргунова – методист ГБОУ Школа № 2005.

Information about the authors

R. K. Ovcharenko – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

E. V. Morgunova – Methodist of State budgetary educational institution of the city of Moscow "School No. 2005".

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 24.01.2023; одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 10.02.2023.

The article was submitted 24.01.2023; approved after reviewing 09.02.2023; accepted for publication 10.02.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 252–257
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):252–257

Проблемы социологии

Научная статья
УДК 316
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-252-257

РУССКОЕ ИСКУССТВО КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Елена Алексеевна Склярова[1, 2]

[1]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, Cklyarova2007@yandex.ru

[2]Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье показана специфика русской ментальности и русского искусства. Отмечается, что русское искусство как самобытный культурный феномен представляет собой отражение в сущностных чертах русской ментальности: стремления к сакральному, абсолютному, всеобщности, соборности, космизму, поиска социальной правды, жертвенности, иррациональности, обращенности к открытым «сердцем» истинам, справедливости, милосердию.

Ключевые слова: искусство, ментальность, русская ментальность, соборность, всеединство, космизм, цивилизация, «культура отмены», геополитическое противостояние

Для цитирования: Склярова Е. А. Русское искусство как отражение русской ментальности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 252–257. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-252-257

Sociology Problems

Original article

RUSSIAN ART AS A REFLECTION OF RUSSIAN MENTALITY

Elena A. Sklyarova[1, 2]

[1]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, Cklyarova2007@yandex.ru

[2]Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article shows the specifics of the Russian mentality and Russian art. It is noted that Russian art as an original cultural phenomenon is a reflection in the essential features of the Russian mentality: the desire for the sacred, the Absolute, universality, catholicity, cosmism, the search for social truth, sacrifice, irrationality, turning to open "heart" truths, justice, mercy.

Keywords: art, mentality, Russian mentality, catholicity, unity, cosmism, civilization, “cancellation culture”, geopolitical confrontation

For citation: Sklyarova E. A. Russian art as a reflection of the Russian mentality. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):252–257. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-252-257

Что есть искусство? Вид деятельности, мировоззренческая форма, манера отражения действительности, тип познания, результат творческой активности субъекта или, в дополнение к перечисленному – набор приемов, позволяющих человеку запечатлеть реальность в художественных образах и символах? В искусстве воплощаются мастерство, опыт, ловкость, сноровка (лат. experimentum). Тогда, в самых общих чертах, это один из способов преобразования мира, формирования культуры – искусственной среды, созданной человеком. Если мы обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, то найдем: «Искусство также противополагается

© Склярова Е. А., 2023

природе и тогда означает всякое дело рук человеческих» [1, с. 52], и здесь же: «Искусство половина святости, лицемерие, лукавство» [1, с. 52]. Родственные слова «искушать», «искусить» рассматриваются как в значении опытным путем убеждаться в образе мыслей, чувств, действий и поступков, так и в значении совращать с пути истины, блага.

Искусство как святость и лукавство в опытной деятельности человека! Этот парадокс является отражением противоречивости самого человека, с одной стороны, стремящегося воспроизвести, сохранить и транслировать посредством художественных форм объективность, в этом стремлении создать произведение, в котором были бы воплощены высшие этические идеалы, с другой, – зависимого от субъективности, «самости», «лукавого». Эти две природы (святость и лукавство) переплетены в русском искусстве и на различных этапах исторического развития обладают разной степенью своего выражения. Русское искусство периода Киевской Руси, Московского царства (иконопись, зодчество) ориентировано на воспроизведение высшего образца, священного образа художественными средствами. Сохранение иерархии: высокое/низкое – неотъемлемая черта классического искусства. Модерн разрушает иерархию, постмодерн располагает высокое/низкое на одной плоскости, и закономерное развитие событий постсовременности – выстраивание новой иерархии низкое/высокое, где в качестве образца могут выступать и внедряться пошлость, ложь (кривая гримаса «лукавого»).

Искусство как самый «чувствительный орган» человечества, мгновенно реагирует на мировоззренческие сдвиги, является отражением ментальности. Понятие ментальности было введено в философский дискурс основателями французской исторической школы «Анналы» Люсьеном Февром [2] и Марком Блоком [3], которые заимствовали его у Люсьена Леви-Брюля. Ментальность в их интерпретации – это умонастроение, склад ума, коллективная психология, определенное мировосприятие людей, принадлежащих одной культуре, истолкование своего природного и социального окружения, самих себя. В ментальности укоренены верования, ценности, политические убеждения, нравственные суждения, стиль мышления, человеческие настроения, особенности традиции, манера поведения, специфика образа жизни человека.

Современный мир многолик. Идея глобализации, подаваемая в ключе объединения человечества на основах западного либерализма, показала свою несостоятельность. Мы придерживаемся позиции, согласно которой в истории развития человеческого общества выделяются различные типы цивилизаций (культурно-исторические типы), характеризующихся специфическими чертами (П. Сорокин, О. Шпенглер, С. Хантингтон, В. В. Жириновский). Эти черты формируются в конкретном географическом и историческом пространстве, проявляются в национальном менталитете. По И. Гердеру: «характер представлений каждой нации глубоко запечатлелся потому, что он ей принадлежит, связан с ее небом и ее землею, возник из ее образа жизни, унаследован ею от отцов и дедов» [4, с. 231]. Национальный характер зависит от единства природы и образа мышления, культурной целостности (Н. А. Бердяев, Л. П. Карсавин, Г. Д. Гачев). Менталитет является смысловым фокусом цивилизации, а: «Поскольку существует самостоятельная российская цивилизация, то именно русский менталитет во многом определяет ее глубинный внутренний смысл» [5, с. 11].

Несомненно, русский менталитет – феномен многогранный. Выделим лишь некоторые, на наш взгляд, основные сущностные признаки, создающие его своеобразие и уникальность. Во-первых, – стремление к сакральному, Абсолютному; во-вторых, – всеобщность, соборность, космизм; в-третьих, – поиск социальной правды, жертвенность; в-четвертых, – иррациональность, обращенность к открытым «сердцем» истинам.

Слова Л. П. Карсавина о том, что «Идея культуры должна определяться через отношение к абсолютной истине, к абсолютному благу, бытию, красе» [6, с. 167] являются свидетельством направленности русской философской мысли, в которой укоренены чаяния, умонастроения русского народа в их поиске Абсолюта.

Отражением духовного поиска, обращенности к Высшему, стремления постигнуть тайну мира Горнего является русское искусство XIV–XVI вв.: икона, фреска, миниатюра. Иконопись на Руси почиталась как самое совершенное из искусств, считалось, что «хитрость иконная» [7, с. 103] дана самим Богом, в иконе запечатлены божественные образы, передающие миру дольнему знание о высшем этическом идеале.

С помощью каких художественных средств, применяемых иконописцами, достигается то мощное воздействие иконы на характер впечатлений человека, который оказывается перед ней «лицом к лицу»?

Одним из таких средств является обратная перспектива, с помощью которой достигается освобождение восприятия от субъективности взгляда из одной точки, неизбежно порождающего перспективу. Павел Флоренский отмечает, что изначальное непризнание власти перспективы существовало «*ради религиозной объективности и сверхличной метафизичности*» [8]. Нарушение перспективы, плоскостное изображение – это не наивность и «детскость» живописи, а сознательное следование особой системе изображения и восприятия действительности: «Да и психологически невозможно представить себе, чтобы, в течение многих веков, сильные и глубокие люди, строители своеобразной культуры, не сумели бы заметить такого элементарного, такого непреложного и, можно сказать, вопиющего о себе факта, как схождение параллелей к горизонту» [8].

В русской иконописи фигуры изображаются бесплотными, невещественными, облачение полностью скрывает тело, в лицах индивидуальные черты нивелированы, нет намека на портретные изображения, небо и земля представляются разными уровнями бытия.

Виктор Никитич Лазарев подчеркивает, что русская иконопись – искусство светлое и радостное, в нем нет суровой византийской созерцательности и западноевропейской готической экспрессивности: «Ее сияющие краски, сильные и яркие, ее ритмичные силуэты, певучие и мягкие, ее просветленные лики, ласковые и поэтичные, ее эпическое настроение, спокойное и сосредоточенное, – все это вызывает у зрителя ощущение какой-то внутренней легкости, когда все противоборствующие страсти приведены в согласие и когда возникает то особое чувство гармонии, которое рождается при звуках совершенной музыки» [9].

Иной лик (ирония и лукавство) ярко выражены в сюжетных линиях современного искусства. На примере творчества Гелия Коржева (1925 – 2012) мы видим обращение к библейским Адаму и Еве, представшими перед нами в образе Адама Андреевича и Евы Петровны. Лишенные «рая», потерянные на Земле люди постперестроечной эпохи, сбившиеся с пути истины, блага, но сохранившие достоинство (Коржев Гелий. Адам Андреевич и Ева Петровна. 1998. Дар Фонда поддержки Государственной Третьяковской галерее. 2017).

Идеи соборности, всеединства, космизма, которые получили свое обоснование в трудах Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, С. Л. Франка, И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, Е. Н. Трубецкого, С. Н. Булгакова, В. В. Розанова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, отражают глубоко укорененное в природе русского менталитета стремление единству, преодолению любых форм ограниченности, выходу за пределы рамок личности (индивидуализма), рамок материально-предметных (мира Земли). По Н. А. Бердяеву: «Углубленное сознание должно прийти к идее космической общественности, т.е. общественности, размыкающейся и вступающей в единение с мировым целым, с мировыми энергиями» [10, с. 129].

Единство и общность в различных формах проявления: Божественной Троицы – Отца, Сына, Святого Духа; Истины, Добра и Красоты, Мира Горнего и Мира Дольнего; Бога, Вселенной и Человека; религии, философии и науки; «я» и «ты».

Высший идеал нераздельности воплощен в образе «Троицы» Андрея Рублева (около 1360 – 17 октября 1428 или 29 января 1430, Москва). Павел Флоренский так описывает икону: «Нас умиляет, поражает и почти ожигает в произведении Рублева вовсе не сюжет, не число «три», не чаша за столом и не крила, а внезапно сдернутая пред нами завеса ноуменального мира, и нам, в порядке эстетическом, важно не то, какими средствами достиг иконописец этой обнаженности ноуменального и были ли в чьих-либо других руках те же краски и те же приемы, – а то, что он воистину передал нам узренное им откровение» [11].

В русском искусстве начала XX века мечтания о всемирной любви, стране благоденствия нашли своеобразное преломление в творчестве Николая Константиновича Рериха (1874 – 1947). В религиозно-философском учении Рерихов (Николая Константиновича и Елены Ивановны), названном Агни-йога или Живая этика, отчетливо прослеживается желание масштабных мировых преобразований на основе синтетической этической системы, вобравшей духовные ценности Востока и Запада. Академик РАН Яншин А. Л. на Международной общественно-научной конференции

1997 г. отмечал, что «Живая этика», возможно «станет Библией общей религии объединенного человечества [12].

Истина, Добро и Красота как ключевые категории «Живой этики» Рериха Н.К. в полной мере нашли свое воплощение в его живописи («Матерь Мира», «Синие храмы», «Полунощное», цикл картин, посвященных идеальной стране Востока Шамбале). Примечательны слова Джавахарлала Неру: «Картины его напоминают нам многое из нашей истории, нашего мышления, нашего культурного и духовного наследия, многое не только о прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном, и мы чувствуем, что мы в долгу у Николая Рериха, который выявил этот дух в своих великолепных полотнах» [13].

Поиск социальной правды, жертвенность, сострадательность – являются смыслообразующими признаками русской ментальности. Известно, что в русском языке есть разграничение слов истина/правда. Бердяев Н.А. отмечал: «Русский человек не очень ищет истины, он ищет правды, которую мыслит то религиозно, то морально, то социально, ищет спасения» [10, с. 77], также: «Новиков идеи равенства выводил из Евангелия, а не из естественного права» [14, с. 49].

Обличение социального неравенства становится центральной темой русской живописи XIX века. Картины нищенского существования народа, беспросветность и мрачность деревенской крепостнической жизни, женская доля запечатлены в работах В.Г. Перова («Проводы покойника», «Тройка. Ученики мастеровые везут воду», «Дети сироты на кладбище», «Старики-родители на могиле сына», «Дедушка и внучек»), И.Е. Репина («Бурлаки на Волге»), И.М. Прянишникова («Погорельцы», «Калики перехожие»), П.А. Федотова («Сватовство майора»), Н.Г. Шильдера («Сговор невесты»), Я.Ф. Капкова («Вдовушка»).

«Взгляд лукавого», воплощенный в деформациях социальной жизни, был также «схвачен» сюжетными линиями реалистического искусства XIX века: живописи И.Е. Репина («Крестный ход в Курской губернии»), В.Г. Перова («Сельский крестный ход на Пасхе»). На данных картинах выделяются фигуры священников, их сильно «уставшие» лица, участники процессии, далекие от состояния «благоговения».

На ироничных полотнах Федотова П. А («Завтрак аристократа», «Свежий кавалер или Утро чиновника, получившего первый крестик», «Все холера виновата», «Разборчивая невеста», «Женамодница») мы видим гордыню, тщеславие, алчность, лицемерие.

Склонность русского народа к чувственному созерцанию, душевности, следованию по пути «сердца» отражена в русских иконах, посвященных Божьей Матери. Среди них особое значение в православии имеет икона «Умиление», относящаяся к каноническому иконографическому типу «Елеуса» – «милостивая», в греческой традиции – «сладко любящая», «сладко лобзающая». Образ Богородицы как любящей, благодатной, всепрощающей и милостивой душеспасительнице отличается чувственностью, проникновенностью (Владимирская, Донская, Псково-Печерская иконы Божией Матери).

Характер русского человека противоречив. С одной стороны, в нем присутствуют человечность, доброта, всепрощение, сострадательность, мягкость, смирение, покорность, с другой, – крайняя жестокость, грубость, бунтарство, беспощадность. В «Пропущенной главе» повести «Капитанская дочка» А.С. Пушкин писал: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка» [15].

Тема «русского бунта» была центральной в творчестве Николая Дмитриева-Оренбургского («Стрелецкий бунт»), Эрнеста Лисспера («Соляной бунт», «Медный бунт», «Чумной бунт»), событиям восстания на броненосце «Потемкине» посвящены работы художников Петра Фомина («Вооруженное восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический»), Петра Страхова («Восстание на броненосце «Потемкин»), Леонида Мучника («Восставшие потемкинцы выносят на берег тело погибшего Григория Вакуленчука»).

Таким образом, мы полагаем, что русское искусство как самобытный культурный феномен представляет собой отражение в сущностных чертах русской ментальности. Понятия русский народ, русская ментальность, фиксирующие общность духовных оснований, языка, культуры, рассматриваются нами в цивилизационном контексте.

Ситуация жесткого цивилизационного геополитического противостояния, возникшая сегодня на мировой арене (Запад – Россия), нагнетается русофобскими настроениями, поддержкой «культуры отмены», остракизмом. Отменить все, что связано с именем России, ее культурой, искусством, вытеснить из исторической памяти народов российские достижения и победы, «исключить» Россию из всеобщей истории человечества – задачи, поступательная реализация которых становится мрачной реальностью. Однако в истории России есть многочисленные примеры достойного ответа внешним вызовам, способствовавшим кристаллизации цивилизационной уникальности и самобытности.

Список источников

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. Т. 2: И – О. М.: Рус. яз., 1999. 779 с.

2. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 232 с.

3. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 632 с.

4. Гердер И. Избранные сочинения. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 392 с.

5. Трофимов В. К. Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект): Автореф. дис. …докт. филос. наук. Екатеринбург, 2001. 43 с.

6. Карсавин Л. П. Философия истории. С.-Петербург: АО «Комплект», 1993. 351 с.

7. Дмитриев Ю. Н. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Т. IX. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 480 с.

8. Флоренский П. А. Обратная перспектива. Соч. в 4-х т. Т. 3 (1). М.: Мысль, 1999. С. 46-98 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://philologos.narod.ru/florensky/fl_persp.htm (дата обращения: 01.12.2022).

9. Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М.: Искусство, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.icon-art.info/book_contents.php?lng=ru&book_id=7&chap=4 (дата обращения: 01.12.2022).

10. Бердяев Н. А. Судьба России. Самопознание. Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 1997. 544 с.

11. Троица Андрея Рублева. Антология. Священник Павел Аркадьевич Флоренский. М.: Искусство, 1981 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://stsl.ru/news/all/troitsa-andreya-rubleva-antologiya-svyashchennik-pavel-arkadevich-florenskiy (дата обращения: 01.12.2022).

12. Яншин А. Л. Н. К. Рерих и В. И. Вернадский // Рериховские чтения. Материалы Международной общественно-научной конференции. 1997. М.: МЦР, 1999. С. 19-23 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://icr.su/rus/evolution/ethics/reviews/ (дата обращения: 04.12.2022).

13. Неру Д. Дань Рериху. – Нью-Дели. 1947 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://icr.su/rus/evolution/ethics/reviews/ (дата обращения: 01.12.2022).

14. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб: Азбука-классика, 2008. 320 с.

15. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: «Локид-Пресс», 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rus-wingwords-dict.slovaronline.com/ (дата обращения: 08.12.2022).

References

1. Dal V. I. *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*: in 4 volumes. T. 2: I - O. Moscow: Rus. yaz.; 1999. 779 p. (In Russ.)

2. Blok M. *Apology of history or the craft of a historian*. Moscow: Nauka; 1986. 232 p. (In Russ.)

3. Febvr L. *Fights for history.* Moscow: Nauka; 1991. 632 p. (In Russ.)

4. Herder I. *Selected works.* M.-L.: State publishing house of fiction; 1959. 392 p. (In Russ.)

5. Trofimov V. K. *Origins and essence of the Russian national mentality (social and philosophical aspect):* Abstract of the thesis. dis. … doc. philosophy sciences. Ekaterinburg; 2001. 43 p. (In Russ.)

6. Karsavin L. P. *Philosophy of history.* St. Petersburg: AO "Komplekt"; 1993. 351 p. (In Russ.)

7. Dmitriev Yu. N. Theory of art and views on art in the writing of ancient Rus'. In: *Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences.* T. IX. M.-L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1953. 480 p. (In Russ.)

8. Florensky P. A. *Reverse perspective.* Op. in 4 volumes. T. 3 (1). Moscow: Thought; 1999:46-98 [Electronic resource]. Available from: http://philologos.narod.ru/florensky/fl_persp.htm [Accessed 12.01.2022] (In Russ.)

9. Lazarev V. N. *Russian icon painting from the origins to the beginning of the 16th century*. Moscow: Art, 2000 [Electronic resource]. Available from: https://www.icon-art.info/book_contents.php?lng=en&book_id=7&chap=4 [Accessed 12.01.2022] (In Russ.)

10. Berdyaev N. A. *The fate of Russia. Self-knowledge*. Rostov-on-Don: publishing house "Phoenix"; 1997. 544 p. (In Russ.)

11. *Andrey Rublev's Trinity. Anthology. Priest Pavel Arkadyevich Florensky.* Moscow: Art; 1981 [Electronic resource]. Available from: https://stsl.ru/news/all/troitsa-andreya-rubleva-antologiya-svyashchennik-pavel-arkadevich-florenskiy [Accessed 12.01.2022] (In Russ.)

12. Yanshin A. L. N. K. Roerich and V. I. Vernadsky. In: *Roerich Readings. Materials of the International social-scientific conference.* 1997. Moscow: MCR; 1999:19-23 [Electronic resource]. Available from: https://icr.su/rus/evolution/ethics/reviews/ [Accessed 04.12.2022] (In Russ.)

13. Nehru D. *Tribute to Roerich.* - New Delhi. 1947 [Electronic resource]. Available from: https://icr.su/rus/evolution/ethics/reviews/ [Accessed 12.01.2022] (In Russ.)

14. Berdyaev N. A. *Russian idea*. St. Petersburg: Azbuka-klassika; 2008. 320 p. (In Russ.)

15. Serov V. *Encyclopedic dictionary of winged words and expressions.* Moscow: Locky-Press; 2003 [Electronic resource]. Available from: https://rus-wingwords-dict.slovaronline.com/ [Accessed 12.08.2022] (In Russ.)

Информация об авторе

Е. А. Склярова – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры «Философия и мировые религии» ДГТУ.

Information about the author

E. A. Sklyarova – Doctor of Philosophy, Professor of Department of Philosophy and Methodology of Science of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA; Professor of Department of "Philosophy and World Religions" of Don State Technical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.
The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 258–263
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):258–263

Проблемы социологии

Научная статья
УДК 316
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-258-263

ИНСТИТУТ НАСТАВНИЧЕСТВА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Татьяна Дмитриевна Скуднова

Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Таганрог, Россия, skudnovatd@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования в статье выступает наставничество как социальный институт и универсальная социальная технология помощи в формировании метакомпетенций, смыслов и ценностей молодежи в процессе социального партнерства. Для успешности реализации функций наставничества в современных условиях кризиса социума необходим пересмотр основных теоретико-методологических ориентиров института наставничества, основополагающих принципов и антропопрактик саморазвития в деятельности наставника. Показана роль наставника в студенческий период развития личности.

Ключевые слова: наставничество, социальный институт, метакомпетенции, антропопрактики, методологические ориентиры, принципы саморазвития.

Для цитирования: Скуднова Т. Д. Институт наставничества как социальный феномен // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 258–263. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-258-263

Sociology Problems

Original article

THE INSTITUTION OF MENTORING AS A SOCIAL PHENOMENON

Tatiana D. Skudnova

Taganrog Institute named after A. P. Chekhov (branch) of Rostov State University of Economics, Taganrog, Russia, skudnovatd@yandex.ru

Abstract. The subject of research in the article is mentoring as a social institution and a universal social technology of assistance in the formation of meta-competencies, meanings and values of young people in the process of social partnership. For the successful implementation of the functions of mentoring in the current conditions of the crisis of society, it is necessary to revise the main theoretical and methodological guidelines of the mentoring institute, the fundamental principles and anthropopraktics of self-development in the activities of the mentor. The role of the mentor in the student period of personality development is shown.

Keywords: mentoring, social institute of metacompetence, anthropotechnologies, methodological guidelines, principles of self-development

For citation: Skudnova T. D. The institution of mentoring as a social phenomenon. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):258–263. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-258-263

2023 год по указу Президента РФ объявлен Годом Педагога и Наставника. Феномен «наставничество» происходит от греческого имени Ментор – сына Одиссея и наставника Телемаха, что означает – мудрый советчик, наставник, обладающий способностью передать жизненный и профессиональный опыт, поддержать и направить. Античный философ Сократ считал главной миссией наставника оказание помощи в пробуждении внутренних потенций, духовных ресурсов

© Скуднова Т.Д., 2023

подопечного [1]. Во все времена жрецов и мудрецов уважали и считали особыми людьми. В современном понимании наставник – это педагог-воспитатель, профессионально подготовленный к высокой миссии обеспечения комплексной поддержки индивидуальности, профессионального самоопределения, духовно-нравственной поддержки, способствующей развитию и становлению личности [2].

Еще XVII веке выдающийся славянский педагог Я. А. Коменский в своей работе «Великая дидактика» подчеркивал: «Никто не может сделать людей нравственными или благочестивыми, кроме нравственного и благочестивого учителя-наставника» [3, с. 73–75]. По его мнению, в наставничестве главное – гуманистическая направленность личности, взаимодействие на основе доверительного общения, уважения и требовательности, справедливости, взаимопомощи и взаимопонимания.

Выдающийся российский педагог К.Д. Ушинский, 200-летний юбилей которого отмечается в 2023 году, писал, что человек есть предмет воспитания, главная ценность, решающий фактор и важнейшее условие создания «честного и дружного общества». «Дело воспитания, - подчеркивал он, - состоит именно в том, чтобы воспитать такого человека, который вошел бы самостоятельной единицей в цифру общества», и был способен к «самостоятельной жизни в обществе…Воспитатель не должен забывать, что он воспитывает не раба себе и другим, а свободного, самостоятельного человека, который со временем повиновался бы только своему разуму и совести и имел достаточно энергии, чтобы выполнять их требования и вообще достигать того, к чему стремится» [4]. К. Д. Ушинский в своем философско-педагогическом наследии уделял огромное внимание вопросу наставничества и воспитания детей и молодежи, считая, что наставничество в образовании – важнейшее средство профессионально-личностного становления подрастающего поколения; оно играет большую роль в ценностном и жизненном самоопределении молодежи [4].

Наставничество сегодня – и популярный тренд, и осознанная необходимость, серьезный, ответственный процесс, имеющий огромное значение в социальном воспитании и становлении социальной идентичности. Вместе с тем не стоит путать наставничество с тьюторством, столь популярной в наши дни формой психолого-педагогической деятельности. Наставничество – это процесс неформальной передачи опыта, знаний, умений и компетенций, психосоциальная поддержка профессионального развития; процесс неформального общения, продолжающийся в течение длительного времени, необходимый для мотивации и поддержки профессионального самоопределения и самореализации подопечного. Важно подчеркнуть, что в XX веке было широко распространено наставничество как форма воспитательной работы с подрастающим поколением, нацеленная на передачу профессионального и жизненного опыта. Наставники молодежи осуществляли подготовку профессиональных кадров, достойной смены в различных сферах культуры, науки, производства, способствуя тем самым социальной адаптации подрастающего поколения, эффективности профессиональной самореализации.

Анализ научной литературы показывает, что различные аспекты исследования проблемы наставничества нашли свое отражение в работах многих зарубежных авторов [5]. Так, например, исследователи П. А. Хэнсли и Дж.Л. Парсонс определяли работу наставника в качестве специфической формы межпоколенных взаимоотношений. При этом они отмечали, что у каждого человека есть потребность к «родительской заботе», готовность поддержать и помочь другому. Отмечается также, что потребность к наставничеству актуализируется в период социальных трансформаций и кризисов. Характеризуя специфику работы наставника, ученые указывают на общность интересов, увлеченность любимым делом, склонность к педагогической деятельности [6]. Так, Н. Гехке вводит паратермин «обмен дарами», что означает духовный и творческий взаимообмен опытом и способностями между подопечным и наставником [2].

В отечественной литературе представляют определенный интерес в контексте нашего исследования труды А. П. Беляевой, С. Г. Вершловского, С. Я. Батышева, Э. Ф. Зеера, Н. В. Кузьминой, О. А. Лапиной, Л. Н. Лесохиной, Н. Д. Машуковой, В. А. Сластенина, В. Г. Сухобской, В. А. Федорова и др., посвященные исследованиям проблем наставничества. В начале XXI века в связи с цивилизационными вызовами в нашей стране существенно повысился научный интерес к вопросам наставничества. В ситуации неопределенности, сложности и разнообразия в трансформирующемся социуме

наиболее востребованным считается специалист, обладающий не только профессиональными знаниями и умениями, но и новыми метакомпетенциями, готовностью к непрерывному саморазвитию, мобильностью, способностью к творческой самореализации, критическому мышлению, социальной и персональной ответственностью. Именно в последние два десятилетия текущего века вновь активизировалась идея развития института наставничества [7]. В настоящее время проблема наставничества в России в условиях новой реальности и серьезных трансформационных процессов в стране и в мире чрезвычайно актуальна, особенно в практике работы с молодежью.

Известно, что в декабре 2019 г. в рамках Национального проекта «Образование» вышло распоряжение Министерства просвещения РФ «Об утверждении методологии (целевой модели) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися». В качестве основной цели деятельности наставников сформулировано максимальное развитие креативного потенциала подопечных, содействие эффективности профессиональной самореализации, а также обеспечение комплексной поддержки индивидуальности и профессионального самоопределения молодежи нашей страны.

К числу первостепенных задач института наставничества относится подготовка подрастающего поколения к профессиональной социально ответственной деятельности в современном сложном, нестабильном, неопределенном, турбулентном мире, а также формирование комфортной среды для профессионально-личностного саморазвития и повышения уровня профессионального мастерства. Они ориентированы на обеспечение конкурентоспособности специалиста, воспитание социально ответственного социального субъекта на основе духовно-нравственных ценностей и культурно-национальных традиций. Эти задачи в настоящее время реализуются в многообразии социальных проектов: «Большая перемена», «Учитель будущего», «Молодые профессионалы», «Социальная активность», «Социальные лифты» и др. Предполагается, что к 2025 г. не менее 70 % педагогических кадров будут привлечены в институт наставничества для обеспечения социально-психологического сопровождения и комплексной поддержки процесса профессиональной самореализации и становления социальной идентичности современной молодежи.

Важную роль в ситуации глобального цивилизационного кризиса играет определение теоретико-методологических ориентиров института наставничества. Несмотря на достаточное количество научных исследований проблемы наставничества, целостного концепта методологического обоснования института наставничества, которое отвечало бы вызовам времени, пока нет. Методология наставничества – это система концептуальных положений, теорий, подходов, принципов и методов, разработанных в экспериментальных исследованиях и подтвержденных практическим опытом, позволяющая организовать процесс эффективного взаимодействия наставника и наставляемого. В основе этой методологии лежат основные методологические принципы наставничества:

* этический принцип «не навреди», выступающий основанием безопасности, благополучия и исключения социальных рисков;

* принцип инновационности, основанный на применении новейших антропотехнологий, технологий профессионального самосовершенствования и самореализации;

* системность и целостность как основа реализации инновационных программ наставничества;

*легитимность, понимаемая как соответствие российскому законодательству и правовым нормам;

* обязательный принцип конфиденциальности, входящий в этический кодекс социально-педагогической работы;

* принцип антропологизма, предполагающий обязательную опору на индивидуальные особенности, способности и потенциалы каждого подопечного;

* принцип субъектности, открывающий возможность самореализации, социальной активности и профессионально-творческого самовыражения.

Ключевым для теоретико-методологического обоснования наставничества является положение о том, что сферой деятельности наставника является создание развивающей образовательной среды для воспитуемых с целью выработки индивидуальной траектории развития. Результатом

субъект-субъектного взаимодействия в процессе наставничества является создание возможностей для индивидуализации на основе антропопрактик саморазвития и расширения горизонтов собственных возможностей, а также формирование личностной позиции и гражданской идентичности.

Психолог В. И. Слободчиков определяет личностную позицию как целостную характеристику развивающейся личности, отличающейся антропологическим мировоззрением, субъектностью. Субъектная позиция рассматривается им как способ реализации личностных ценностей в пространстве саморазвития [5]. Для личностной позиции наставника характерны две стороны:

– мировоззренческая, выражающаяся в осознании социальной роли наставника и гуманистической направленности личности;

– поведенческая, обнаруживающая себя в способности наставника принимать решения по разработке и сопровождению индивидуальной стратегии, формировать ответственное поведение, создавать необходимые условия для профессиональной самореализации в процессе совместной творческой деятельности.

Главным показателем гуманистической направленности личности является принцип равенства наставника и подопечного, субъект-субъектный характер межпоколенных отношений в процессе совместной деятельности, авторство своей жизни. Наставник подходит к решению профессиональных проблем компетентно, с позиций оптимистической гипотезы, веры в перспективы и возможности воспитуемого, высокой социальной активности, целеустремленности.

Философы, педагоги, психологи, социологи, политологи и культурологи единодушны в мнении, что необходимы «экзистенциальные навыки», новые компетенции, включающие готовность и способность к адаптации в изменяющемся мире и в новых условиях (преадаптация по А. Г. Асмолову). Однако окружающий мир так интенсивно меняется, что у молодежи не хватает опыта и личностных ресурсов самостоятельно открывать свое «Я», формулировать жизненные цели, ценностные ориентации, искать смыслы, без которых невозможен успех. Современное образование стремится к человекоцентрированной (антропоориентированной) модели, включающей постановку персональных целей для каждого обучаемого и поиск наиболее адекватной стратегии жизни для профессиональной самореализации своего предназначения, развития своих талантов и творческих способностей [4].

Таким образом, сущность наставничества как социальной технологии заключается в умении развивать антропологические навыки самопознания, саморазвития, самореализации и эмоционально-ценностного самоопределения человека в культуре и социуме, формируя новые метакомпетенции, отвечающие вызовам времени. Перечислим навыки и компетенции, необходимые в XXI веке (soft skills):

1. Креативность и открытость инновациям.
2. Критическое мышление (решение проблем и принятие решений).
3. Коммуникативные навыки.
4. Сотрудничество (работа в команде).
5. Медиакомпетентность и медиаграмотность.
6. Профессиональная компетентность.
7. Навыки самоопределения, саморазвития и самореализации.
8. Способность к творчеству.
9. Гибкость и преадаптивность.
10. Антихрупкость (устойчивость, способность к извлечению выгоды из неудач, потерь, ошибок).

В процессе социально-педагогического взаимодействия наставник неукоснительно должен соблюдать основные гуманистические установки, сформулированные основоположником гуманистической психологии Карлом Роджерсом:

- безоценочно позитивное принятие наставляемого воспитанника таким, каков он есть;
- эмпатическое понимание, основанное на доверительном общении на равных, умении слушать и слышать, вдохновлять, строить диалог равных партнеров.
- конгруэнтность (искренность, подлинность, самоидентичность, способность быть самим собой) [8].

Индивидуальное наставничество требует построения персонализированной программы саморазвития и профессионального самосовершенствования на основе применения антропопрактик. Групповое наставничество начинается с формирования группы, с которой работает педагог-наставник, проводя рефлексивные тренинги, направленные на развитие soft skills и ценностное самоопределение, а также работу со смыслами. Наставник помогает воспитанникам осознать свои потребности, возможности, потенциалы, жизненные цели, смыслы, систему ценностей. Параллельно идет диагностика имеющихся ограничений и психологических барьеров, которые мешают достижению жизненной и профессиональной цели. Работа наставника вдохновляет и мотивирует наставляемых, помогая сформировать уверенность в себе, настойчивость в достижении целей, разрабатывать индивидуальные стратегии и маршруты для их достижения. В формате форсайт-сессий, тренинговых занятий, мастер-классов, использования кейсов, электронных портфолио и реализации социокультурных и индивидуальных проектов педагог-наставник помогает в формировании новых метакомпетенций, так необходимых в любой профессии [4].

Особенно важна роль наставника в студенческий период становления личности для оказания помощи в адаптации студентов-первокурсников к вузовскому образу жизни, в том числе создания комфортного образовательного пространства, необходимого для профессионально-личностного саморазвития личности, формирования субъектной позиции, гражданской идентичности и социальной ответственности, передачи личного опыта смыслообразования, целеполагания, планирования, ответственности.

Формируя атмосферу творчества и самодисциплины, наставник оказывает комплексную помощь в развитии профессиональной субъектности, осуществляет социальную и психолого-педагогическую поддержку и сопровождение профессионального становления.

Таким образом, теоретико-методологический анализ проблемы возрождения института наставничества дает нам основание заключить, что эта особая форма межпоколенного взаимодействия позволяет эффективно решать ряд актуальных задач оказания помощи и комплексной поддержки молодому поколению в процессе адаптации к новой реальности, интенсивно изменяющемуся миру и непростым условиям жизни в наше сложное время.

Список источников

1. Ксенофонт. Сократические сочинения / перевод с древнегреческого / вступ. ст. и примеч. С. Соболевского. М.: Мир книги; Литература, 2007. С. 267–269.

2. Гехке Н. К определению наставничества [Электронный ресурс]. URL: http://dx.doi.org/10.1080/00405848809543350 (дата обращения: 12.11.2022)

3. Коменский Я. А. Пампедия. СПб., 2006.

4. Скуднова Т. Д. Психолого-педагогическая антропология К. Д. Ушинского и современное образование. Ростов-на-Дону, Фонд науки и образования, 2019. 182 с.

5. Слободчиков В. И., Филатова Е. В. Организация наставничества как формы социального партнерства в области профессионального образования // Вестник КемГУКИ. 2012. № 18.

6. Хэнсли П.А., Парсон Дж. Л. Творческое, интеллектуальное и психосоциальное развитие через наставничество: отношения и этапы // Молодежь и общество [Электронный ресурс] URL: https://dx.doi.org/10.1177/0044118X93025002002 (дата обращения 24.11.2022).

7. Скуднова Т. Д. Благотворительность в России и в Таганроге. Ростов-на-Дону, 2015. 118 с.

8. Роджерс К. Клиентоцентрированный/человекоцентрированный подход в психотерапии // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 48–58.

Reference

1. Xenophon. *Socratic writings* / translation from ancient Greek. Moscow: Mir knigi; Literature; 2007: 267–269. (Russ.)

2. Gekhke N. *Towards the Definition of Mentoring* [Elektronnyi resurs]. Available from: http://dx.doi.org/10.1080/00405848809543350 [Accessed 12.11.2022] (In Russ.)

3. Komenskii Y. A. *Pampedia.* Saint-Petersburg; 2006. (In Russ.)

4. Skudnova T. D. *Psychological and pedagogical anthropology of K.D. Ushinsky and modern education*. Rostov-on-Don, Foundation for Science and Education; 2019. 182 p. (In Russ.)

5. Slobodchikov V. I., Filatova E. V. Organization of mentoring as a form of social partnership in the field of professional education. *Vestnik KemGUKI = Vestnik KemGUKI.* 2012;(18). 198 p. (In Russ.)

6. Hansley P.A., Parson J. L. Creative, intellectual and psychosocial development through mentoring: relations and stages. *Youth and society* [Electronic resource]. Available from: https://dx.doi.org/10.1177/0044118X93025002002 [Accessed 24.11.2022] (In Russ.)

7. Skudnova T. D. *Charity in Russia and in Taganrog*. Rostov-on-Don; 2015 118 p. (In Russ.)

8. Rogers C. Client-centered/human-centered approach in psychotherapy. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*. 2001;(2):48–58.

Информация об авторе

Т. Д. Скуднова – доктор философских наук, профессор кафедры психологии Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ).

Information about the author

T. D. Skudnova – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Psychology of Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) of Rostov State University of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 10.02.2023.
The article was submitted 20.01.2023; approved after reviewing 09.02.2023; accepted for publication 10.02.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 264–270
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):264–270

Проблемы социологии

Научная статья
УДК 316.347(470.62)
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-264-270

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОЦЕНКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

Мадина Магомедкамиловна Шахбанова

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук,
Махачкала, Россия, madina2405@mail.ru

Аннотация. Состояние межэтнической сферы и протекающие внутри нее процессы являются индикаторами измерения социально-экономической, политической, духовной, идеологической картины социума в целом. В данном ракурсе важным является анализ степени влияния на межнациональную область внутренних и внешних факторов, нерешенность актуальных для населения проблем, которые могут сыграть деструктивную функцию и дестабилизировать общество. Авторская гипотеза об ошибочности мнения, что экономически развитые государства могут не опасаться возникновения на своей территории конфликтов (ибо невозможно обеспечить полное этническое равноправие и равный доступ к материальным благам всех народов, которые в нем проживают) подтверждается результатами исследования: опрошенная дагестанская молодежь природу конфликтов усматривает «в человеческой природе, поэтому конфликты неизбежны», хотя провоцировать противостояние разной природы могут и другие причины – территориальные споры и отсутствие взаимопонимания между народами. При этом дагестанская молодежь в целом позитивно оценивает межнациональную ситуацию с аргументацией существования «благоприятных взаимоотношений между представителями разных народов» и отсутствия межэтнического противостояния. Негативная оценка межэтнического положения на территории своего проживания характерна существенно меньшей части опрошенного молодого поколения дагестанцев и здесь можно выделить представителей этнических образований, которые находятся в состоянии внешне невыраженного этноконфликта с рядом проживающими народами.

Ключевые слова: дагестанская молодежь, межнациональная сфера, многонациональность, межнациональные отношения, межэтническое общение, межнациональный климат, этноконфликты, этнокультура, этнические установки

Для цитирования: Шахбанова М. М. Межнациональные отношения в современном дагестанском обществе: оценка и перспективы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 264–270. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-264-270

Sociology Problems

Original article

INTERETHNIC RELATIONS IN MODERN DAGESTAN SOCIETY: ASSESSMENT AND PROSPECTS

Madina M. Shakhbanova

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,
madina2405@mail.ru

Abstract. The state of the interethnic sphere and the processes taking place within it are indicators of measuring the socio-economic, political, spiritual, ideological picture of society as a whole. In this perspective, it is important to analyze the degree of influence of internal and external factors on the interethnic area, the unresolved problems that are relevant to the population, which can play a destructive function

© Шахбанова М. М., 2023

and destabilize society. The author's hypothesis about the fallacy of the opinion that economically developed states can not be afraid of conflicts on their territory (because it is impossible to ensure full ethnic equality and equal access to the material benefits of all the peoples who live in it) is confirmed by the results of the study: the interviewed Dagestani youth sees the nature of conflicts "in human nature, therefore conflicts are inevitable," although other reasons can provoke confrontation of different nature – territorial disputes and lack of mutual understanding between peoples. At the same time, Dagestani youth in general positively assesses the interethnic situation with the argumentation of the existence of "favorable relations between representatives of different peoples" and the absence of interethnic confrontation. A negative assessment of the interethnic situation in the territory of their residence is characteristic of a significantly smaller part of the young generation of Dagestanis surveyed, and here it is possible to distinguish representatives of ethnic formations who are in a state of apparently unexpressed ethnic conflict with a number of living peoples.

Keywords: youth, Dagestan, interethnic sphere, multinational, interethnic relations, interethnic communication, interethnic climate, ethnic conflicts, ethnoculture, ethnic attitudes

For citation: Shakhbanova M. M. Interethnic relations in modern Dagestan society: assessment and prospects. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):264–270. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-264-270

Введение. В 90-е гг. XX в. многие вопросы межнационального характера, воспитания уважительного отношения к другой этнокультуре, ее ценностям и символам были отодвинуты на второй план, но ситуация кардинально поменялась на фоне ухудшения межэтнического климата и появления новых вызовов практически во всех сферах российского общества. Несмотря, на сложную межнациональную ситуацию в России в целом, отсутствовали фундаментальные исследования, которые позволили бы прогнозировать вектор развития каждой социальной области, а имевшие носили поверхностный характер, осуществлялись без учета специфики конкретно взятого региона, что искажало реальную картину в межэтнической сфере. Огромный вклад в исследование межнациональной сферы внесли А. Л. Андреев [1], Л. М. Дробижева [2, 3], появились коллективные монографии [4–7].

В статье поставлена цель проанализировать состояние межнациональной сферы и показать существующие в общественном сознании молодого поколения дагестанцев установки. Прежде чем перейти к анализу полученной эмпирики необходимо привести мнение Л.Д. Гудкова, что от поколения, выросшего в постсоветский период ожидали, что «новое поколение, социализированное уже в других условиях, окажется носителем совершенно иных ценностей, будет характеризоваться другой этикой, мотивироваться иначе, чем их родители и деды» [8, с. 11]. Несмотря на то, что данные предположения в некоторой степени подтверждались данными соцопросов, однако они «оказались скорее набором иллюзий, а не прогнозами, основанными на теоретическом знании и анализе фактического материала. Разрушение прежних образцов не сопровождалось серьезной позитивной работой по пониманию природы советского общества и человека, выработкой других ориентиров и общественных идеалов» [8, с. 12]. На состояние межэтнической сферы и климата в полиэтническом регионе существенное влияние оказывает характер (положительный или отрицательный) межнациональных взаимоотношений.

В многонациональной среде появление этноконфликтов является закономерностью, если игнорируются этнические интересы, например, в обеспечении возможностей развития национального языка, культуры, сохранения самобытности каждого этнического образования. Следовательно, важнейшим направлением в национальной политике должно быть осуществление мер, которые не допустят возникновения противостояния, а также агрессии и враждебности в отношении других народов. В связи с этим, маркерами диагностики положения в межнациональной сфере являются: 1) существующие в массовом сознании оценки межэтнической ситуации на территориях своего проживания; 2) наличие или отсутствие интолерантности в отношении представителей другого этнического образования; 3) ориентированность на поддержание или игнорирование этноконтактов, готовность совместного проживания, делового взаимодействия, оценка смешанных брачных союзов; 4) социально-экономический компонент в сохранении стабильности социума.

Методы исследования. Социологический опрос по изучению этнической идентичности дагестанской молодежи проведен в 2022 г. в гг. Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Левашинском районах Республики Дагестан. N=543.

Результаты исследования. Исследователи при рассмотрении межнациональной сферы отмечают, что на нее самое непосредственное влияние оказывает экономический фактор: чем слабее в экономическом отношении регион, соответственно, ниже уровень материального благополучия, тем выше вероятность появления конфронтации, интолерантности, этноконфликтов. В этой связи, в рамках изучения этнической идентичности молодого поколения дагестанцев был задан вопрос «Как Вы оцениваете свое материальное положение в настоящее время?», раскрывающий их экономическое положение.

Прежде чем перейти к анализу полученного социологического материала, необходимо отметить, что, задавая этот вопрос, автор руководствовался гипотезой о влиянии уровня благосостояния человека на характеристику (позитивную/негативную) им межэтнической сферы и межнациональных взаимоотношений. Эмпирика констатирует, что подавляющая часть респондентов по всему массиву отмечает улучшение своего материального состояния (41,6 %).

Анализ по социально-демографическому срезу показывает, что разделяющих данное суждение, в сравнении, больше в интервале 26–30 лет (49,6 %), однако уменьшается с повышением возраста (29,7 % в разрезе 31–35 лет) и образовательного статуса опрошенных: с 48,1 % имеющих среднее образование до 32,2 % с высшим образованием. Далее, одна треть, как по всему массиву, так и в каждой подгруппе в разрезе образования и возраста подчеркивает стабильность собственного материального положения. При этом на ухудшение своего благосостояния указывает 16,4 % опрошенной дагестанской молодежи и обращает внимание, что доля придерживающихся данной позиции увеличивается с возрастом и образованием: 15,3 % в интервале 0–20 лет и 21,9 % в когорте 31–35 лет, 12,8 % со средним и 20,5 % с высшим образованием.

Таким образом, по результатам опроса, в целом, можно констатировать существование в общественном сознании молодого поколения дагестанцев позитивной оценки своего материального благосостояния. Ранее было отмечено авторское предположение об отражении материального состояния человека на оценке им межнациональной сферы, то есть чем больше или меньше степень неудовлетворенности материальным положением, тем выше отрицательное или положительное восприятие данной среды в массовом сознании. Что же показывают данные опроса, и какие установки превалируют в позициях дагестанской молодежи? Ответом являются результаты на вопрос «Как Вы оцениваете межнациональную ситуацию в Вашем населенном пункте?».

Верификация данных опроса показывает, что 64,6 % опрошенной дагестанской молодежи характеризует межнациональную сферу в своем населенном пункте положительно с аргументацией наличия в современном дагестанском обществе принципов толерантности. С существенным отрывом на второй позиции располагается суждение обозначающее отсутствие межнационального противостояния и открытой агрессии в отношении других народов (26,6 %). При этом каждый седьмой респондент по всей выборке указывает на обострение «время от времени» межнациональных взаимоотношений, но при этом их удается стабилизировать, не допуская увеличения его масштабов. В этническом разрезе данного суждения придерживаются почти равные доли в русской (27,4 %) и чеченской (27,3 %) подгруппах, в других национальных подмассивах их процент варьируется в пределах от 3,1 % опрошенных лакцев до 15,3 % кумыков.

Сравнительный анализ по месту проживания показывает, что в сельской местности наблюдается позитивная оценка состояния межнациональной ситуации на своей территории, по сравнению с городом, причем отличия между ними заметны – 70,0 % и 58,9 %, соответственно. Далее, процентные показатели по суждениям, характеризующим межнациональные взаимоотношения как напряженные, среди горожан больше (7,7 %), чем в подмассиве сельчан (3,7 %). Существование такой позиции в общественном сознании объясняется тем, что в латентной форме межнациональная нетерпимость имеет место больше в полиэтнических образованиях, каковыми естественно являются города.

Как взаимосвязаны между собой российская идентичность и толерантные установки? С целью получения ответа на данный вопрос был использован метод сопряженности и сопоставлены вопросы «Что Вас объединяет с россиянами?» и «Как бы Вы отнеслись к тому, что в Ваш населенный пункт поселили бы представителей другой национальности?». В общественном сознании опрошенной дагестанской молодежи превалирует безразличие к совместному проживанию с представителями инонациональной общности, но в подгруппе считающих маркером воспроизводства российской идентичности «общие государственные праздники» (41,2 %), «родная земля, общая территория проживания» (39,0 %), «общее государство» (35,4 %), «русский язык как язык межнационального общения» (32,9 %), «ответственность за страну» (32,3 %) отмечено положительное восприятие иноэтнической миграции. То есть подмассив, для которого важны параметры определения государственности демонстрирует толерантные установки в отношении представителей другой национальной принадлежности.

Как известно, в основе любого конфликта лежат определенные причины, которые при неблагоприятных условиях могут активизироваться. Здесь мы не останавливаемся на типах и формах конфликтов, ибо предметом исследования является межнациональное противостояние и этноконфликты. В рамках изучения этнической проблематики был задан вопрос «Каковы основные причины возникновения межнационального противостояния в Дагестане?» позволяющий выявить понимание респондентами природы данного явления.

По мнению 40,5 % опрошенной дагестанской молодежи, конфликты изначально присущи человеческому социуму, то есть в сознании людей могут существовать противоположные позиции и мнения, которые в любом случае, независимо от ситуации, способны спровоцировать как внутригрупповое, так и между социальными группами, этническими общностями противостояние.

Анализ по национальной принадлежности показывает, что разделяющих данную точку зрения больше в русской (72,7 %) и лезгинской (50,5 %) подгруппах и меньше среди даргинцев (31,4 %), в возрастном разрезе 21–25 лет (44,2 %), с разницей в сотые, в подмассивах со средним и высшим образованием – 42,9 % и 42,5 %, соответственно. Одна треть опрошенных по всему массиву усматривает природу конфликтов в территориальных спорах, справедливости ради необходимо отметить, что они чаще всего проявляются во взаимоотношениях дагестанских народов. Этот вопрос в большей степени, по сравнению с другими национальными образованиями Дагестана, волнует кумыкское население (42,4 %), которое неоднократно на республиканском уровне поднимало и поднимает вопрос о своем положении на равнинных районах Дагестана. Развитие отгонного животноводства на низменных территориях Дагестана имеет деструктивные последствия различного характера, начиная с ухудшения экологической обстановки до изменения этнической карты и структуры равнинных районов республики.

С возрастом и повышением образовательного уровня респондентов уменьшается доля считающих, что территориальный вопрос провоцирует этноконфликт: с 32,7 % в разрезе 20 лет включительно до 28,1 % в когорте 31–35 лет, с 38,3 % имеющих среднее образование до 28,8 % с высшим образованием. Нежелание представителей разных национальных образований поддерживать позитивный диалог и учитывать интересы друг друга, по мнению респондентов, также является одной из причин межэтнического противостояния (каждый четвертый опрошенный по всему массиву). По национальной принадлежности можно выделить представителей даргинского (35,7 %) и русского населения (36,4 %), которым ближе это суждение. С возрастом и уровнем образовательного статуса респондентов уменьшается доля разделяющих эту позицию: с 29,4 % в разрезе 0–20 лет до 10,9 % 31–35 лет, с 32,3 % имеющих среднее образование до 23,3 % с высшим образованием. Наряду с вышеперечисленными факторами, по мнению 19,2 % респондентов, отсутствие интернационального воспитания является еще одним фактором дестабилизации межнациональной сферы. По этнической принадлежности на него указывает одна треть кумыков, каждый четвертый из подгруппы русских, одна пятая часть даргинцев и чеченцев. С ростом образовательного уровня отмечается увеличение количества опрошенных, придерживающихся данной позиции (с 16,9 % имеющих среднее образование до 24,0 % с высшим образованием) при одновременном снижении значимости данного параметра с возрастом (16,0 % в разрезе 0–20 лет против 20,4 % 21–25 и 24,4 % 26–30 лет). В тесной увязке с интернациональным воспитанием находится и низкий уровень культуры межнациональной коммуникации (17,9 %).

Как известно, вместе с распадом Советского Союза из жизни ушли основополагающие принципы межэтнического взаимодействия, на волне либерально-демократических ценностей провозглашались лозунги толерантности, при этом из поля зрения были упущены ключевые для существования национального образования вопросы сохранения и развития национального языка, этнокультурной самобытности, обеспечения культурного, политического и социально-экономического развития.

Недостаточное внимание, порой и полное игнорирование национальной сферы и происходящих в ней в 90-е гг. прошлого столетия процессов, вылилось в открытые этноконфликты и формирование межэтнической нетерпимости, которые в совокупности отрицательно сказались на межнациональном климате, более того, угрожали целостности и национальной безопасности Российского государства.

Следует отметить, что свою негативную лепту в появление межнационального противостояния внесла деятельность политиков, а также так называемых этнических лидеров, которые под лозунгами защиты национальных интересов своего народа и, эксплуатируя национальную идею, делали политическую карьеру, активно участвовали в приватизации, присваивали государственное имущество, вокруг них появились группировки, занимавшиеся противоправной деятельностью. Поэтому констатация опрошенной дагестанской молодежью деструктивной деятельности политических и национальных лидеров вполне обоснованна. Среди отметивших данную позицию можно выделить даргинцев, лезгин, чеченцев, самую молодую возрастную подгруппу и респондентов со средним образованием.

Ранее была выдвинута гипотеза, что на появление межнациональной нетерпимости и ухудшение межэтнических отношений влияет экономический фактор. Результаты на вопрос «Каковы основные причины возникновения межнационального противостояния в Дагестане?» подтверждают авторское предположение, что низкий уровень социально-экономического положения дагестанцев является одним из факторов дестабилизации межнациональной ситуации в регионе. По этнической принадлежности данной позиции придерживаются 25,0 % лакцев, 22,9 % даргинцев и 18,2 % русских; по социально-демографическому разрезу число таковых больше в подгруппах 21–25 лет (17,7 %) и имеющих высшее образование (17,8 %).

Таким образом, эмпирический материал на вопрос «Каковы основные причины возникновения межнационального противостояния в Дагестане?» свидетельствует о том, что, по мнению дагестанской молодежи, основа межнационального противостояния кроется в том, что, во-первых, конфликты заложены в человеческой природе, во-вторых, их провоцируют территориальные споры, в-третьих, наблюдается ослабление интернационального воспитания. Следует отметить, что последнее суждение имеет право на существование, потому что в постсоветский период вообще игнорировалось или же интернациональному и патриотическому воспитанию уделялось недостаточное внимание.

Ситуация изменилась, и в настоящее время по объективным причинам проблема интернационального воспитания и укрепления межнациональных связей актуализирована в российском обществе, более того, возросла потребность в них, ибо наблюдается кризис в мировоззренческой и идеологической ориентации населения, в том числе и молодого поколения. Поэтому необходимо отойти от декларирования и перейти к обозначению и формулировке базовых положений национальной политики: эти тезисы должны стать основой формирования в многонациональном сообществе принципов толерантности, взаимоуважения, учета национальных интересов, более того, должны быть обозначены как ключевые в воспитательной сфере.

В рамках исследования межэтнических взаимоотношений необходимо установить отражение межнациональных установок на состояние межнациональной сферы в целом, а также на межличностные отношения, в частности. Существование в общественном сознании отрицательных этностереотипов, появление межнациональных интолерантных установок, открытой агрессии и враждебности естественно отражается на характере личностной и коллективной коммуникации. В этой связи вполне логичным является выявление существования/отсутствия в современном дагестанском обществе неприязни и дискриминации по национальной принадлежности.

В нашем исследовании респондентам был задан вопрос «Приходилось ли Вам лично испытывать ущемление своих прав или сталкиваться с ограничением своих возможностей из-за Вашей национальной принадлежности в Дагестане?», на который утвердительно ответили 20,2 % по всему массиву, среди них 54,5 % русских, 32,2 % кумыков, 24,7 % лезгин, 20,0 % аварцев, 18,2 % чеченцев и 12,5 % лакцев.

На отсутствие дискриминации в отношении себя указало 81,8 % опрошенного населения по всему массиву. Далее, при конкретизации вопроса «Если "да", то как часто?» процентные показатели выглядят следующим образом: статистически небольшая часть респондентов отметила варианты ответов «постоянно» и «иногда» – 2,8 % и 9,4 %, соответственно; при этом «очень редко», но столкнулись с проявлением неприязни 19,4 % по всему массиву, среди них 27,3 % опрошенных русских, 27,0 % аварцев, 24,2 % чеченцев, 23,7 % кумыков, 14,0 % лезгин, 9,4 % лакцев, 8,6 % даргинцев.

Заключение. Таким образом, несмотря в целом на благоприятную оценку межнациональной сферы, заметная часть респондентов указывает на существование в скрытой форме межэтнической напряженности. Имевшая место практика ущемления прав по национальной принадлежности, формирует в массовом сознании неприятие и агрессию в отношении представителей тех народов с кем опрошенные имели отрицательный опыт межличностного взаимодействия. Кроме того, на отрицательные оценки межнационального положения вполне могут влиять и средства массовой информации, которые не всегда объективно освещают те или иные события, особенно с национальным оттенком, а также межэтнический климат на конкретно взятой территории – видимость отсутствия этноконфликтов не всегда является свидетельством существования позитива во взаимодействиях представителей разных национальных групп. Многие конфликты могут иметь глубокие исторические корни, нежелание пойти на компромиссы способствует сохранению в латентной форме нетерпимости и потенциала для обострения ситуации.

Список источников

1. Андреев А. Л. Российское общество постсоветской эпохи: социальное самочувствие, историческая память, идеалы и ценности // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 16. М.: Новый Хронограф, 2018. DOI: 10.19181/ezheg.2018.14. С. 319–347.

2. Дробижева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.

3. Дробижева Л. М. Межэтнические отношения на российском пространстве в 2000-е годы: основные тренды в методологии изучения и социальной практике // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 16. М.: Новый Хронограф, 2018. С. 120–145.

4. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: [монография] / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2016. 400 с.

5. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты: [монография] / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 552 с.

6. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение / Под ред. чл.-корр. РАН М. К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2010. 256 с.

7. Социальные факторы межэтнической напряженности в России: монография / Отв. ред. Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 336 с.

8. Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008. 96 с.

References

1. Andreev A. L. Russian society of the post-Soviet era: social well-being, historical memory, ideals and values. *Russia is reforming. Yearbook*. Moscow: Novy Chronograph; 2018; 16: 319-347. DOI: 10.19181/ezheg.2018.14. (in Russ.)

2. Drobizheva L. M. *Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. Experience of 20 years*. Moscow: New Chronograph; 2013. (in Russ.)

3. Drobizheva L. M. Interethnic relations in the Russian space in the 2000 s: the main trends in the methodology of study and social practice. *Russia reforming. Yearbook*. Moscow: Novy Chronograph; 2018. 16: 120–145. (in Russ.)

4. *Interethnic consent as a resource for the consolidation of Russian society:* [monograph] ed. by L. M. Drobizheva. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2016. (in Russ.)

5. Interethnic consent in the All-Russian and regional dimension. Sociocultural and religious contexts: [monograph] ed. by L.M. Drobizheva. Moscow: FNISTC RAS; 2018. (in Russ.)

6. *Social factors of consolidation of Russian society: a sociological dimension.* Ed. by chl.-corr. RAS M. K. Gorshkova. Moscow: New Chronograph; 2010. (in Russ.)

7. *Social factors of interethnic tension in Russia:* monograph. Ed. by Yu. B. Epikhin, M. F. Chernysh. Moscow: FNISTC RAS; 2017. (in Russ.)

8. Gudkov L. D., Dubin B. V., Zorkaya N. A. *Post-Soviet man and civil society*. Moscow: Moscow School of Political Studies; 2008. (in Russ.)

Информация об авторе

М. М. Шахбанова – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Отделение кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу.

Information about the author

M. M. Shakhbanova – Doctor of Sociology, Leading Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Division of the UNESCO Chair for Comparative Studies of Spiritual Traditions, the Specificity of Their Cultures and Interreligious Dialogue in the North Caucasus.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 24.01.2023.
The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication 24.01.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 271–278
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):271–278
Young scientists
Original article

RESEARCH ON MANAGEMENT OF THE E-COMMERCE IN RURAL AREAS OF CHINA: STATUS AND DEVELOPMENT CONDITIONS

Zhang Chong
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, 1043168992@qq.com,
https://orcid.org/0000-0002-6065-2786

Abstract. In the context of China's rural renaissance, e-commerce may take on a whole new level and degree of use, opening up new opportunities for its development. The pandemic COVID-19 has had a significant impact on stimulating the use of electronic forms of trade. However, the development of e-commerce in China's rural areas still faces challenges. The article discusses the current development status of e-commerce in China's rural areas, including its conditions, degree, and development level for different regions, hoping to provide the basis for solving the problems in the management of rural e-commerce in China. The author's findings: a) relatively sound infrastructure, including network, logistics, information services and financial infrastructure; b) the rural e-commerce transactions scale increases year by year, but its growth rate slows down, although and is stable, and the difference in development between regions is still great; c) the e-commerce of agricultural products develops rapidly, but affected by the epidemic, and varies greatly among the regions.

Keywords: China's rural e-commerce management, e-commerce infrastructure, e-commerce of agricultural products, infrastructure gap, e-commerce transactions scale, rural revitalization in the PRC, e-commerce conditions, regional differences in e-commerce.

For citation: Zhang Chong. Research on management of the e-commerce in rural areas of China: status and development conditions. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(1):271–278. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-271-278

Слово молодым ученым
Научная статья
УДК 338.24
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-271-278

ИССЛЕДОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИЕЙ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ КИТАЯ: СОСТОЯНИЕ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ

Чжан Чун
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, 1043168992@qq.com,
https://orcid.org/0000-0002-6065-2786

Аннотация. В контексте возрождения сельских районов Китая электронная коммерция может приобрести совершенно новый уровень и степень использования, что открывает новые возможности для ее развития. Пандемия СОВИД-19 оказала существенное влияние на стимулирование использования электронных форм торговли. Однако развитие электронной коммерции в сельской местности Китая по-прежнему сталкивается с проблемами. В статье обсуждается текущее состояние развития электронной коммерции в сельских районах Китая, включая условия, степень и уровень развития различных регионов, в надежде создать основу для решения проблем управления сельской электронной коммерцией в Китае. Выводы автора: а) относительно надежная инфраструктура, включая сеть, логистику, информационные услуги и финансовую инфраструктуру;

© Чжан Чун, 2023

б) масштаб транзакций электронной коммерции в сельской местности увеличивается из года в год, но темпы ее роста замедляются, хотя и остаются стабильными, а разница в развитии между регионами все еще велика; в) электронная торговля сельскохозяйственной продукцией быстро развивается, но страдает от эпидемии и сильно различается по регионам.

Ключевые слова: управление электронной торговлей в сельской местности Китая, инфраструктура электронной торговли, электронная торговля сельскохозяйственной продукцией, разрывы в инфраструктуре, масштабы операций электронной торговли, возрождение сельских районов в КНР, условия электронной торговли, региональные различия в электронной торговле

Для цитирования: Чжан Чун. Исследование управления электронной коммерцией в сельских районах Китая: состояние и условия развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 271–278. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-271-278

1 Introduction

According to the country's № 1 Central document of 2021[1], the country has achieved the task of poverty alleviation, and now the focus of the country's work on agriculture, rural areas and farmers should shift to comprehensively promoting rural revitalization, in which rural e-commerce plays a crucial role. The e-commerce of rural areas, also called “rural e-commerce”, in a narrow sense, can be understood as selling more agricultural products to cities with the network platforms help, and bringing industrial products needed by farmers to rural areas, to build online trade activities of mutual product exchanges.

Rural e-commerce plays an important role in facilitating farmers' lives, innovating agricultural product trading modes, increasing farmers' income, guiding agricultural supply-side structural reform, and promoting rural revitalization. The COVID-19 pandemic has become normal in 2021, and the situation at home and abroad has become grim. These have led to changes in consumer behavior and habits, providing opportunities for the rural e-commerce development. It has important and realistic significance to carry out the research on the of rural e-commerce problems and its management and solutions.

Kshetri & Nir (2018) studied the development status and rural-urban divide of e-commerce in China from the perspective of the proportion of Internet users, the online spending, and the online purchases made on Alibaba’s e-marketplaces that were shipped [1]. Karine (2021) analyzed the development of rural e-commerce from the aspects of infrastructure construction, the development of e-commerce enterprises, government policies in rural areas and so on [2]. Chinese scholar Li (2022) used analytic hierarchy and systematic clustering method to evaluate the development level of rural e-commerce in China, taking infrastructure construction, e-commerce trading volume, the sale of agricultural products online and talent training as evaluation indicators [3].

Based on the above studies, this article will investigate the development status of China's rural e-commerce from the perspectives of infrastructure construction, the rural e-commerce transaction scale, and the status of agricultural e-commerce, hoping to make contributions to the follow-up analysis of the existing problems and put forward effective countermeasures and suggestions in the management of rural e-commerce.

2 Status of infrastructure construction

At present, China's rural areas have initially equipped with the software and hardware infrastructure required for the e-commerce development, including network, logistics, information service and financial infrastructures.

In terms of network infrastructure, China vigorously carries out rural Internet construction, and has preliminary built integration, safe, green broadband network environment. In 2021, China built a total of 1,425 million 5G base stations, the world's largest 5G network, covering more than 98 % of urban areas and 80 percent of rural areas[2]. By 2021, December the number of rural Internet users in China reached

[1] Opinions of the CPC Central Committee and The State Council on Comprehensively Promoting Rural Revitalization and Accelerating Agricultural and rural Modernization.

[2] Ministry of Industry and Information Technology. Interpretation of the 2021 Communication Industry Statistical Bulletin [Electronic resource] / Access mode:

284 million, accounting for 27,6 % of the total Internet users; the Internet penetration rate in rural areas was 57,6 %, an increase of 1,7 % year-on-year, and the difference in Internet penetration rate between urban and rural areas was reduced by 0,2 % compared with December 2020[1], as shown in Figure 1.

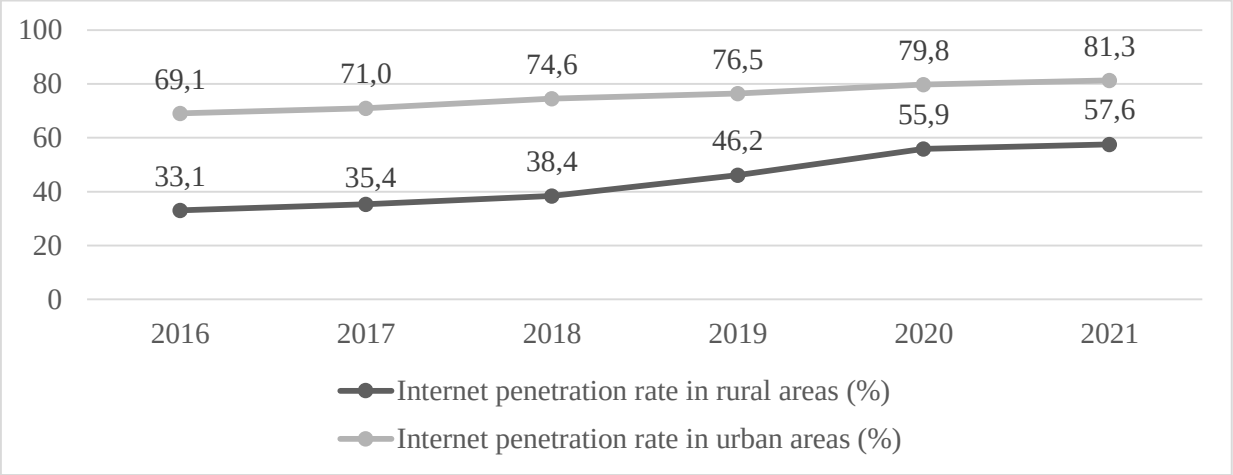


Fig. 1. Internet popularity rate in urban and rural areas of China, 2016-2021, %[2]

The threshold of rural residents' access to the Internet continues to decrease, which narrates the urban-rural digital divide, promotes the digital development of rural areas, and provides power for the rural e-commerce development.

In terms of logistics infrastructure, China has built complete rural roads and logistics network. According to the Ministry of Transport, the total length of rural roads increased from 596,000 kilometers in 1978 to 4,382 million kilometers in 2021, accounting for 84,3 % of the total road length, and 99,99 % of the country's rural areas have completed road construction[3].

The coverage rate of express delivery services in rural areas of China has been improving, and the postal express service has reached every village in the country at present. In 2021, the total number of express packages received and delivered in rural areas reached 37 billion, driving agricultural products from villages to cities and industrial products into villages by more than 1,85 trillion Chinese yuan[4].

According to the National Development and Reform Commission, by the end of 2021, China had renovated 1 212 county-level logistics and distribution centers, 148,0 K village-level e-commerce delivery service stations, and cold-chain facilities were built in more than 70 % of the country's wholesale markets for agricultural products [4]. In 2021, China's rural e-commerce logistics index maintains a steady growth trend and is higher than the e-commerce logistics index throughout the year, as shown in Figure 2.

https://www.miit.gov.cn/gxsj/tjfx/txy/art/2022/art_e2c784268cc74ba0bb19d9d7eeb 398bc.html (access date January, 25, 2022).

[1] China Internet Network Information Center. 49th Statistical Report on the Development of Internet in China [Electronic resource] / Access mode: http://www.cnnic.cn/gywm/xwzx/rdxw/20172017_7086/202202/t20220225_71724.htm (access date February, 25, 2022).

[2] China Internet Network Information Center. 49th Statistical Report on the Development of Internet in China [Electronic resource] / Access mode: http://www.cnnic.cn/gywm/xwzx/rdxw/20172017_7086/202202/t20220225_71724.htm (access date February, 25, 2022).

[3] China Federation of Logistics and Purchasing, China Rural E-commerce Logistics Development Report [Electronic resource] / Access mode: http://www.chinawuliu. com.cn/zixun/202005/25/505198.shtml (access date May, 25, 2025).

[4] State Post Bureau. By the end of 2021, the nationwide network coverage of express delivery service in villages and towns reached 98 percent [Electronic resource] / Access mode: http://tech.cnr.cn/ycbd/20220525/t20220525_525837282. shtml (access date May, 25, 2022).

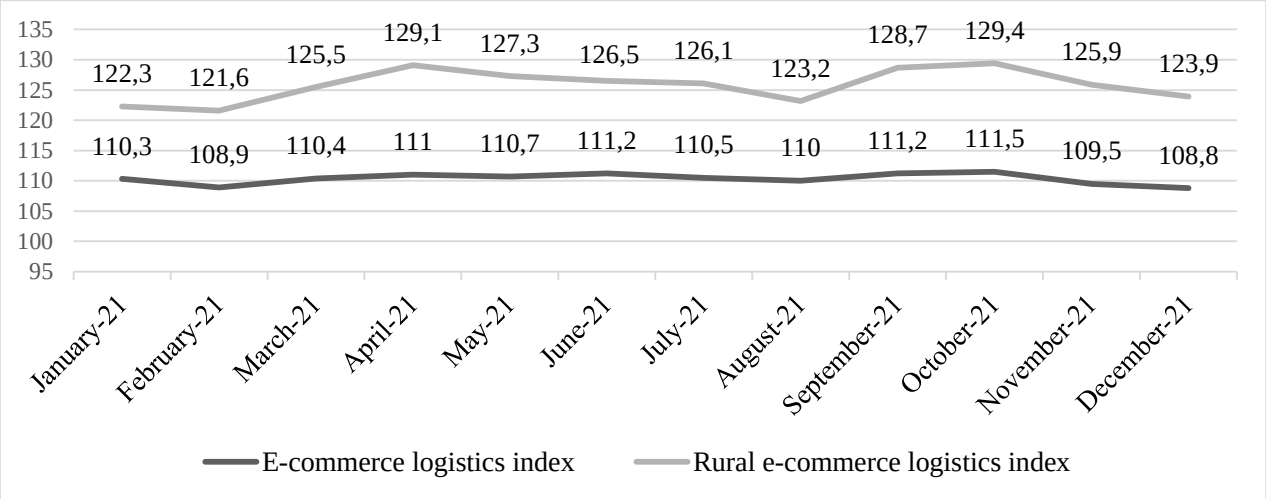


Fig. 2. E-commerce logistics index and rural e-commerce logistics Index in 2021[1]

In the rural e-commerce sphere, China has developed terminal service platforms for agricultural products, such as *Aliyun ET* agricultural brain, *JD Intelligent Agriculture Community* represented by enterprises, Nongxin Internet, Nongfa Group, supported by the state, etc.

In rural big data construction, the Digital Agriculture and Rural Development Plan (2019-2025) proposes to establish a rural basic data resource system and build a big data platform for agricultural natural resources, rural collective assets, farmers, and new agricultural business entities. Thus, the rural information service system is preliminarily improved, to bring help for the rural e-commerce development[2].

In terms of financial infrastructure, China has formed a multi-level rural financial system with Rural Commercial Bank[3] as a main body and various rural financial institutions developing together at present. With the rapid development of rural mobile payment, it has become the absolute dominant way of network payment. By December 2021, the usage rate of mobile payment among mobile Internet users in urban areas was 89,9 %, up 0,5 percentage points (pp) year on year. The usage rate in rural areas was 79,0 %, up 4,2 pp year-on-year. The gap in mobile payment usage between urban and rural areas was narrowed by 3,7 pp[4]. In terms of agriculture-related loans, the outstanding agriculture-related loans of banking financial institutions reached 43,21 trillion yuan, of which the outstanding inclusive agriculture-related loans reached 8,88 trillion yuan, up 17,48 % from the beginning of the year and 6,18 percentage points higher than the average growth rate of all loans[5].

[1] China Federation of Logistics and Purchasing, China Rural E-commerce Logistics Development Report [Electronic resource] / Access mode: http://www.chinawuliu. com.cn/zixun/202005/25/505198.shtml (access date May, 25, 2025).

[2] Ministry of Agriculture and Rural Affairs & Cyberspace Affairs Commission of the CPC Central Committee. Digital Agriculture and Rural Development Plan (2019-2025) [Electronic resource] / Access mode: http://www.moa.gov.cn/xw /zwdt/202001/t20200120_6336380.htm (access date January, 20, 2020).

[3] Rural Commercial Bank, also known as Rural Credit Cooperatives, the task is to raise idle rural funds to provide financial service for agriculture, farmers, and rural economic development. It has branches all over the country and operates independently, with different websites, such as, HENAN RURAL CREDIT UNION: https://www.hnnx.com/.

[4] China Internet Network Information Center. 49th Statistical Report on the Development of Internet in China [Electronic resource] / Access mode: http://www.cnnic.cn/gywm/xwzx/rdxw/20172017_7086/202202/t20220225_71724.htm (access date February, 25, 2022).

[5] China Banking Association. China Banking Services Report 2021. Accessed: 2022.03.15. https://finance.eastmoney.com/a/202203152310905176.html

3. Analysis of the rural e-commerce transaction scale

The transaction scale of rural e-commerce increases year by year. As shown in Figure 3, according to China's Ministry of Commerce data, in 2021, the online retail sales in rural areas of China reached 2,05 trillion yuan, an increase of 11,3% over the previous year, and the growth rate was 2,4 pp faster[1].

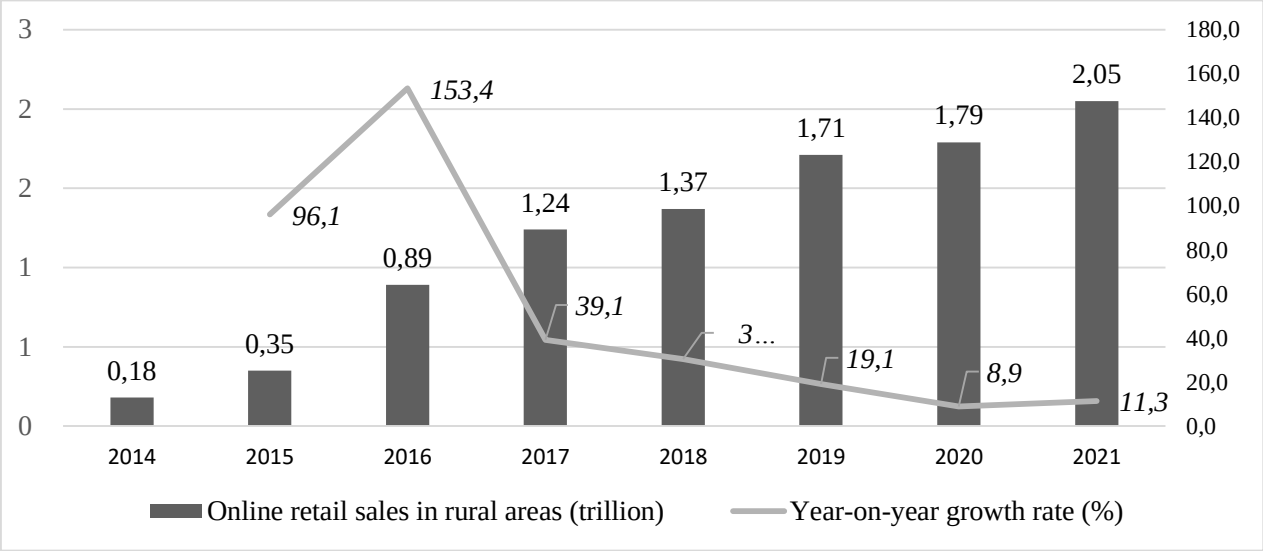


Fig. 3. Online retail sales in rural areas of China, 2014-2016[2]

From 2014 to 2021, rural online retail sales increased 11,4 times, from 0,18 trillion yuan to 2,05 trillion yuan. In terms of retail sales, rural online retail sales exceeded 1 trillion yuan in 2017 and then continued to grow: the growth rate of rural online retail sales peaked at 153,41% in 2016 and then stabilized.

Geographically, the eastern region is the key market of rural e-commerce in China. As shown in Figure 4, by region, in 2021, the rural online retail sales in eastern China accounted for 78,7 % of the national rural online retail sales, while the central, western, and northeastern regions accounted for 13,0 %, 6,5 % and 1,8 % respectively, showing a trend from strong to weak in eastern, central, western, and northeastern regions [5]. In 2019 and 2020, the same trend was observed.

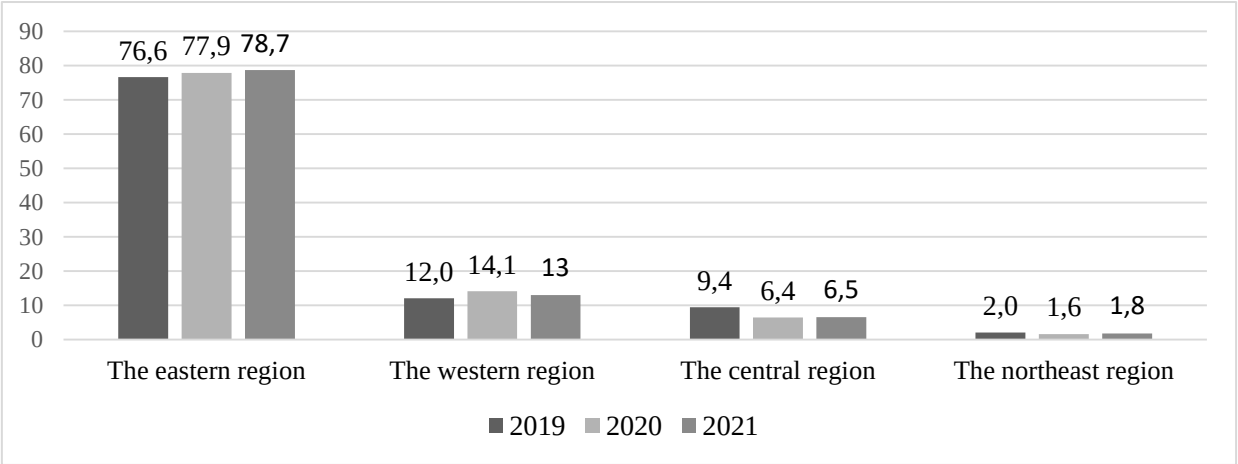


Fig. 4 Proportion of national online retail sales, 2019-2021, %[3]

[1] China Ministry of Commerce. China E-commerce Report (2020) [Electronic resource] / Access mode: https:// dzswgf.mofcom. gov.cn/ news/5/2021/9/16316980 18580.html (access date September, 15, 2021).
[2] Ibid.
[3] Ibid.

In terms of provinces, Zhejiang, Jiangsu, Fujian, Hebei, and Shandong ranked the top five in rural online retail sales, accounting for 74,0 % of the total rural online retail sales in China, and the top ten provinces accounted for 89,8 % of the total retail sales [5], as shown in Figure 5.

This phenomenon is related to regional geographical location, economic development level, technical system, talent pool, etc., which is not conducive to the coordinated development of rural e-commerce and regional economy.

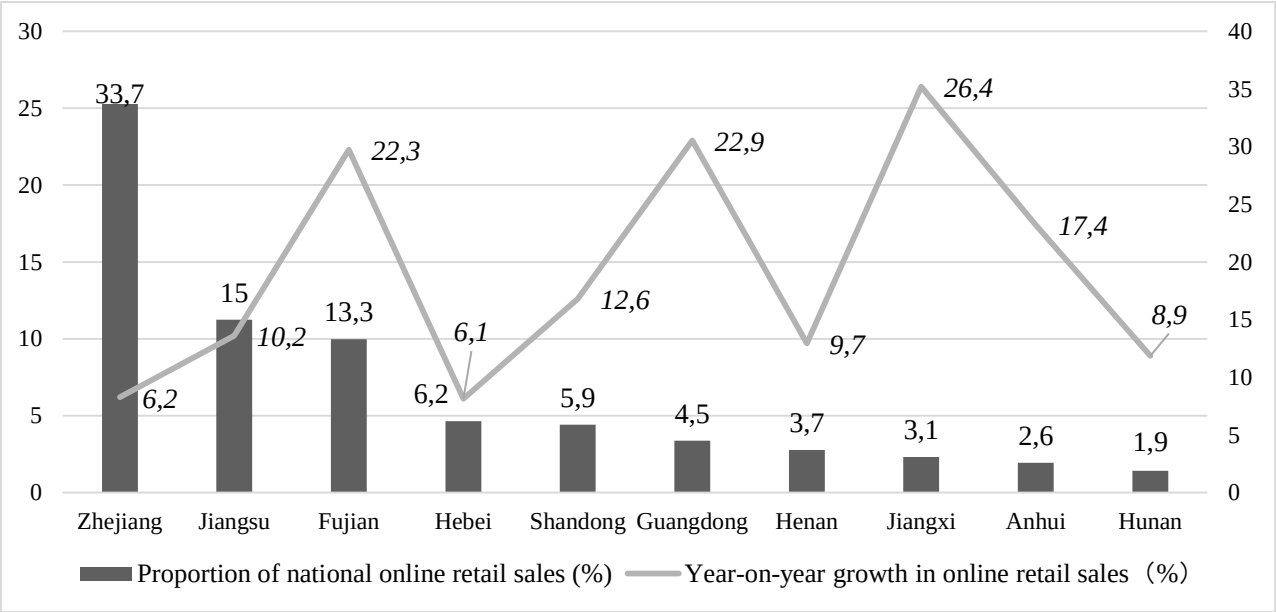


Fig. 5 China's top 10 provinces in rural online retail sales in 2021, %[1]

4 The status of e-commerce of agricultural products

As shown in Figure 6, in 2021, the online retail sales of agricultural products reached 422,1 billion yuan, up 2,8 % year on year, according to the China's ministry of commerce data. There are two reasons for the slowdown in the growth of online retail sales of agricultural products in 2021. First, the online consumption increased sharply during the COVID-19 pandemic and then recovered. Second, some new platforms and models have not been included in the existing statistical category.

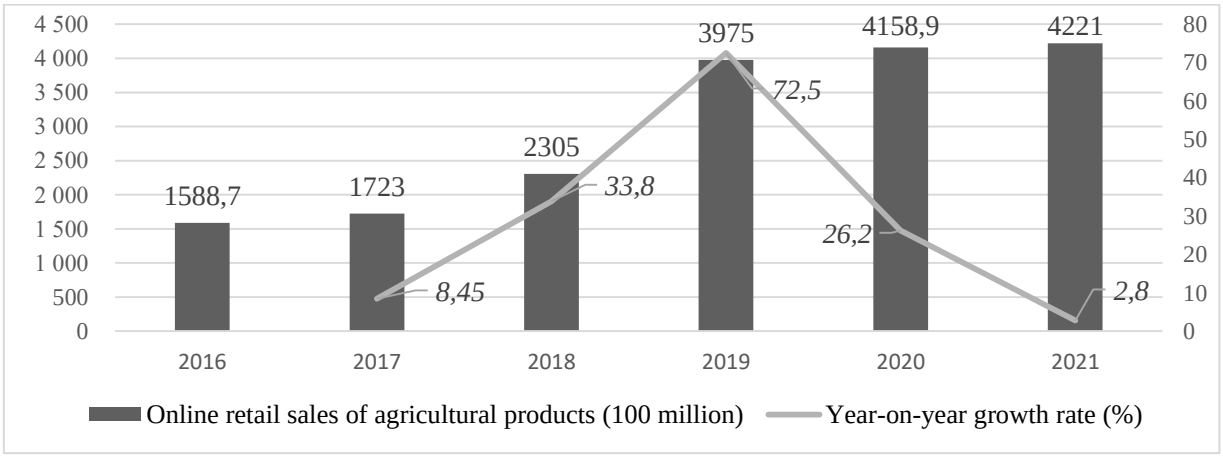


Fig. 6 Online retail sales of agricultural products of China, 2016-2021, %[2]

[1] China Ministry of Commerce. China E-commerce Report (2020) [Electronic resource] / Access mode: https:// dzswgf.mofcom. gov.cn/ news/5/2021/9/16316980 18580.html (access date September, 15, 2021).
[2] Ibid.

By regions, the online retail sales of agricultural products in eastern, central, western, and northeastern regions accounted for 64,7 %, 15,4 %, 14,4 % and 5,5 % of the national online retail sales of agricultural products, with year-on-year growth rates of 5,7 %, - 5,5 %, 1 % and - 0,7 % respectively in 2021, as shown in Figure 7.

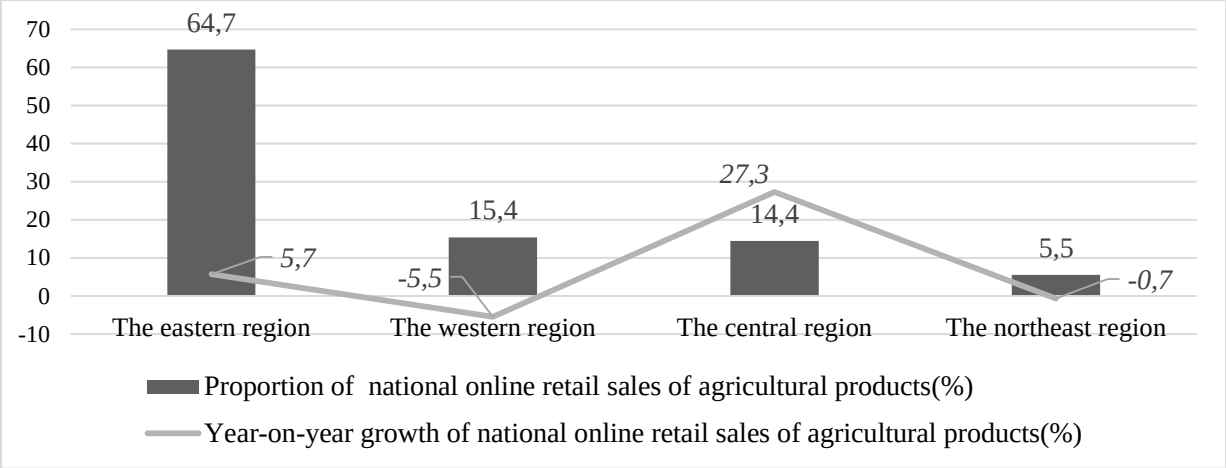


Fig. 7 Proportion of online retail sales of agricultural products by China's regions, 2021, %[1]

By province, Guangdong, Zhejiang, Shanghai, Beijing and Shandong ranked the top five in online retail sales of agricultural products, accounting for 48,9 % of the national online retail sales, and the top ten provinces accounted for 74,0 % of the national online retail sales of agricultural products, as shown in Figure 8.

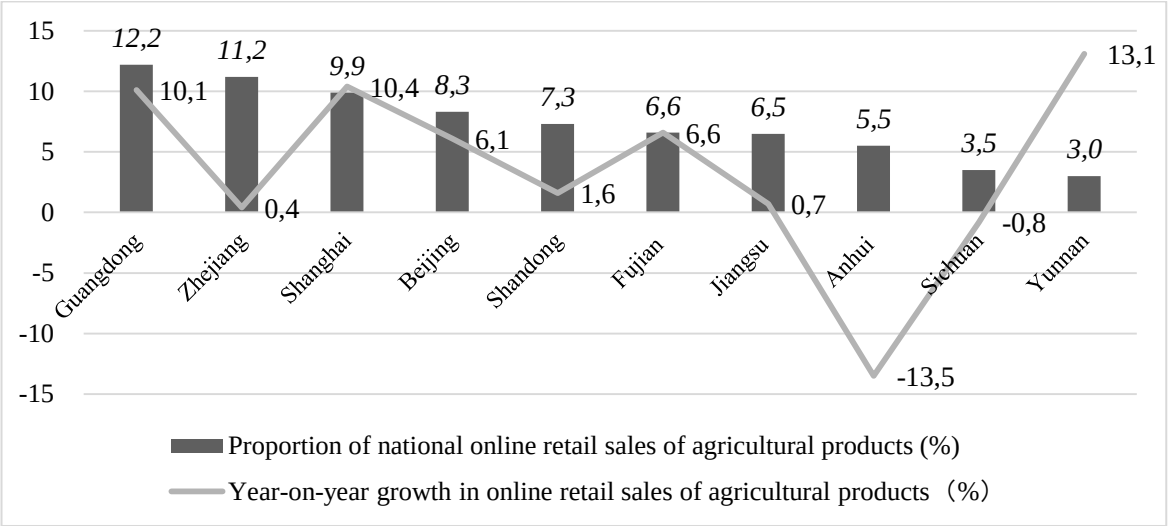


Fig. 8 China's top 10 provinces in rural online retail sales of agricultural products, 2021, %[2]

The average yearly (2021) level of national retail sales proportion of agricultural products is rather positive + 7,4 %, however, year-to-year growth is variable for analyzing provinces (3,47 %).

5 Conclusion

E-commerce can provide strong support for the economic development of rural areas, and its development can directly affect the economic and social development of rural areas. Therefore, to better play the role of e-commerce in rural development, this article investigates and analyzes the current development status of rural e-commerce in China from three aspects: infrastructure construction, transaction scale and e-commerce of agricultural products.

[1] China Ministry of Commerce. China E-commerce Report (2020) [Electronic resource] / Access mode: https:// dzswgf.mofcom. gov.cn/ news/5/2021/9/16316980 18580.html (access date September, 15, 2021).
[2] Ibid.

By analyzing the infrastructure construction of rural e-commerce from the four aspects of Internet, logistics, information service and financial infrastructure, this paper finds that the infrastructure construction of rural China is constantly improving, but there is still a big gap compared with urban and developed countries.

By analyzing the transaction scale of rural e-commerce and agricultural e-commerce, this article finds that the transaction scale of both increases year by year, but the growth rate of rural e-commerce slows down and tends to be stable. Since 2020, the growth rate of agricultural products e-commerce has decreased significantly. Both show obvious regional differences. In the eastern part of China, the development status is obviously better than that in the western, central, and northeast parts of China.

References

1. Kshetri & Nir (2018). Rural e-Commerce in Developing Countries. *IEEE IT Professional*. 2018; 20(2): 91-95.
2. Karine H. E-commerce development in rural and remote areas of BRICS countries. *Journal of Integrative Agriculture.* 2021; 20(4): 979-997.
3. Li X. Research on the Development Level of Rural E-Commerce in China Based on Analytic Hierarchy and Systematic Clustering Method. *Sustainability.* 2022; 14(14): 8816.
4. Wu Q. G. Cold Chain Logistics Development Status and Countermeasure Research in our country. *China Circulation Economy Editorial Department.* 2021;(2):24-28.
5. Zhao M. M. Discussion on the development practice of e-commerce under the background of rural revitalization. *Modernization of shopping malls*. 2022; 3 (3): 13-15.

Информация об авторе

Чжан Чун – аспирант факультета управления ЮФУ.

Information about the author

Zhang Chong – Postgraduate Student of the Faculty of Management of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.02.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 03.03.2023.
The article was submitted 18.02.2023; approved after reviewing 02.03.2023; accepted for publication 03.03.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 279–284
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):279–284

Слово молодым ученым

Научная статья
УДК 316.477
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-279-284

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНТОВ ЮГА РОССИИ

Руслан Темботович Алкесов

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, ruslan059305@mail.ru

Аннотация. Период обучения в вузе является одним из определяющих этапов формирования представлений молодежи о карьерном продвижении. В статье рассматриваются представления студенческой молодежи Юга России о профессиональной карьере. В качестве эмпирической базы анализа выступают материалы социологических опросов, проведенных в 2020 г. в Ростовской области, Ставропольском крае, Адыгее, Дагестане и Кабардино-Балкарии (всего опрошено 2670 студентов). В статье показано, что восприятие профессиональной карьеры различается по этнотерриториальным сегментам молодежи Юга России. В экономически более развитых субрегионах с преимущественным русским населением чаще проявляется индивидуализм и достигательность в профессиональном и карьерном продвижении, построение карьеры является более важным для студентов. В республиках Северного Кавказа молодежь чаще ориентирована на ресурсы и интересы семьи (патернализм), а также аскриптивные характеристики в профессиональной сфере и карьере, которая менее важна для студентов.

Ключевые слова: профессиональная карьера, студенческая молодежь, ценностные установки, Юг России, республики Северного Кавказа, полиэтничность, индивидуализм, патернализм

Для цитирования: Алкесов Р. Т. Профессиональная карьера в представлениях студентов Юга России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 279–284. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-279-284

Young scientists

Original article

PROFESSIONAL CAREER IN THE REPRESENTATIONS OF STUDENTS OF THE SOUTH OF RUSSIA

Ruslan T. Alkesov

Adyghe State University, Maykop, Russia, ruslan059305@mail.ru

Abstract. The period of study at a university is one of the defining stages in the formation of young people's ideas about career advancement. The article deals with the ideas of student youth of the South of Russia about a professional career. The empirical basis for the analysis is the materials of sociological surveys conducted in the winter of 2020 in the Rostov Region, Stavropol Territory, Adygea, Dagestan and Kabardino-Balkaria (a total of 2670 students were surveyed). The article shows that the perception of a professional career differs according to the ethno-territorial segments of the youth of the South of Russia. In economically more developed sub-regions with a predominantly Russian population, individualism and achievement in professional and career advancement are more often manifested, career building is more important for students. In the republics of the North Caucasus, young people are more often focused on the resources and interests of the family (paternalism), as well as ascriptive characteristics in the professional field and career, which is less important for students.

Keywords: professional career, student youth, values, the South of Russia, the republics of the North Caucasus, polyethnicity, individualism, paternalism

For citation: Alkesov R. T. Professional career in the representations of students of the South of Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(1):279–284. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-279-284

Введение. Профессиональная самореализация и карьерное продвижение является важной частью представлений о социальном успехе модернизированного социума. В общем виде карьера может трактоваться «как многомерный процесс, предполагающий развитие в профессиональном плане и в социальном плане» [1, с. 111]. На формирование представлений молодежи о карьере

© Алкесов Р. Т., 2023

влияют, как внешние социокультурные паттерны (распространенные в обществе в целом, а также в социально-профессиональной группе), так и внутренние, как правило, семейные, а также личностные установки и ценности индивида.

Отличительными особенностями характеризуется Юг России, на территории которого расположены субрегионы, различающиеся по этническому составу населения и уровню социально-экономического развития. Территории с преимущественно русскоязычным населением (например, Ростовская область, Краснодарский и Ставропольские края, Волгоградская область) характеризует модернизированная экономика и социальный уклад, тогда как в республиках Северного Кавказа более сильны этнические традиции в организации и регулировании социально-экономической жизни населения [2]. Поэтому целью настоящей статьи является анализ представлений студенческой молодежи о профессиональной карьере в условиях гетерогенного этнокультурного и экономического пространства Юга России.

Концепция и эмпирическая база исследования. Формирование и воспроизводство экономических ценностей в обществе во многом зависит от характера социально-экономического развития, который является контекстом первичной социализации индивидов [3]. Теоретическая модель известного социолога Г. Хофстеде предполагает, что индивидуалистские общества отличаются слабо выраженными коллективными связями, люди больше заботятся о себе, своем ближайшем окружении. В то время как в коллективистских типах социумов достаточно сильны связи между членами общности, социальная регуляция поведения индивида в большей степени связана с традициями группы [4].

В данном контексте в различных исследованиях, посвященных выбору профессии и особенностях карьерных установок молодежи, в качестве теоретической рамки анализа избирается шкала коллективизм-индивидуализм. Австралийские ученые на основе анализа научных публикаций за период с 1997 по 2018 гг. заключают, что представления о карьере у молодых людей, воспитанных в коллективистских культурах, в большинстве своем сложились под воздействием семейных ожиданий. Соответствие профессионального пути с делом родителей повышает уверенность в успехе. В индивидуалистических культурах основным фактором, который определяет образ будущей профессии и карьеры, выступают личные интересы. В таких социокультурных условиях молодежи присуща большая степень независимости при выборе карьеры [5].

Российский ученый В. Н. Титов на материалах массового опроса молодых работников приходит к выводу, что у молодежи «уже на старте формирования карьеры прослеживаются два подхода – специализированная карьерная траектория, характерная для индустриального общества, когда карьерный путь задается под влиянием семейных установок (…), и гибкая карьерная траектория, более типичная для постиндустриального этапа развития общества, при которой начало и дальнейшие виды трудовой деятельности могут непосредственно не соотносится с полученным профессиональным образованием» [6, с. 106].

В работах южно-российских социологов анализ экономических установок и поведения молодежи предполагает выделение коллективистских и индивидуально-профессиональных типов жизненных стратегий [2]. «Патерналистский тип стратегий характеризуется ориентацией на коллективизм и внешнюю поддержку (со стороны государственных структур, семьи, рода). Индивидуально-профессиональный тип отличается установками на достигательность, индивидуализм, принципы свободной конкуренции» [7, с. 178].

Говоря об особенностях полиэтничных регионов, необходимо отметить, что предиктором социально-экономических ценностей населения могут выступать коллективные этнические традиции [8; 9], когда ориентации на коллективизм проявляется в значимости интересов семьи, рода и этнической общности. Поэтому, исследуя особенности представлений о профессиональной карьере молодежи полиэтничных регионов, мы обращаем внимание на коллективистскую (патерналистскую) или индивидуалистическую (достигательную) доминанту социально-экономической регуляции.

В качестве эмпирической базы исследования используются материалы массового социологического опроса студентов из пяти субрегионов Юга России: Ростовской области (N=450), Ставропольского края (N=706), Адыгеи, (N=480), Дагестана (N=722), Кабардино-Балкарии (N=312). Опрос проводился по стандартизированной анкете в 2020 г. при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-011-00270/19).

Результаты исследования. Количественные результаты социологического исследования показывают, что в целом около трети студентов Юга России опираются на семейные ресурсы в процессе выбора профессии, вуза и последующего трудоустройства. Между тем, примерно столько же молодежи Ростовской области (РО), Ставропольского края (СК) и Адыгеи (РА) (от 30% до 33%) демонстрирует установки на полную самостоятельность профессионального самоопределения, тогда как в Дагестане (РД) и Кабардино-Балкарии (КБР) подобная самостоятельность характерна уже только для пятой доли опрошенных (20-21%). В этих двух республиках около 45% студентов ориентированы на семейные ресурсы, что примерно на 10% больше аналогичных показателей в других территориальных сегментах (рис. 1). Социальный капитал семьи открывает молодому человеку дополнительные возможности на рынке труда, так как в ближайшем окружении формируется сеть полезных контактов и ресурсов, необходимых для реализации карьерных траекторий.

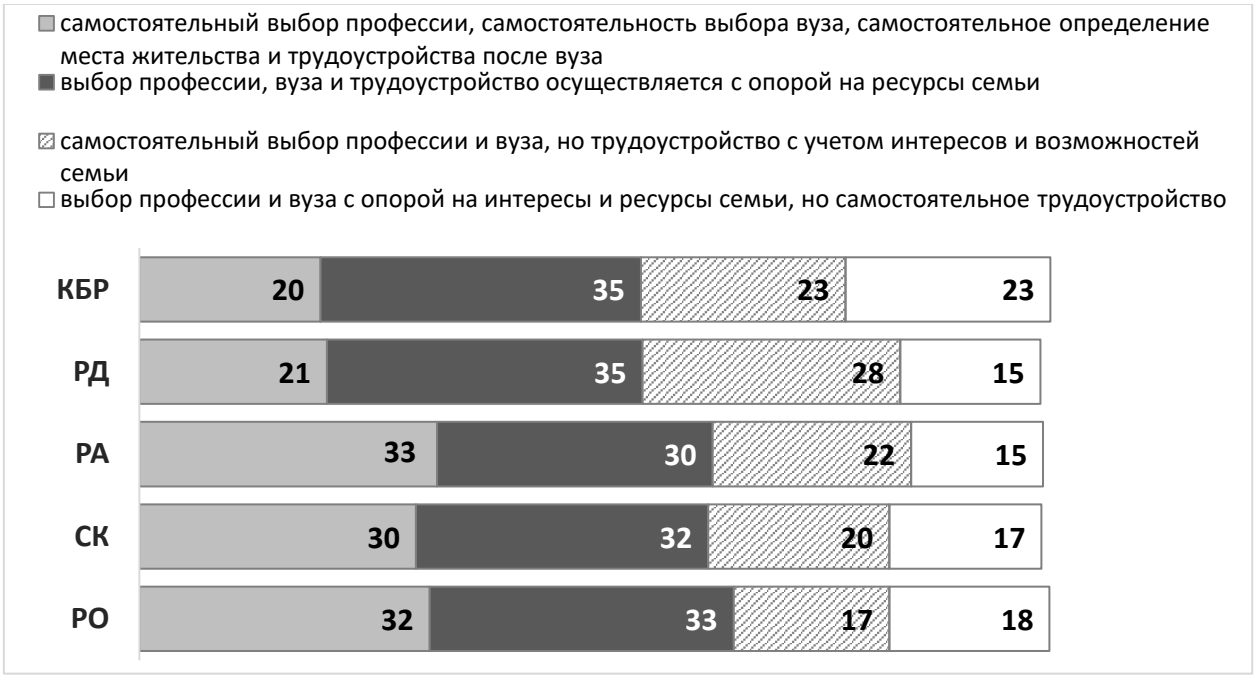


Рис. 1. «Как сегодня обычно происходит профессиональное становление молодежи вашего региона?» (в %) (составлено автором)
Fig. 1. "How does the professional formation of the youth of your region usually take place today?" (in %) (compiled by the author)

Профессиональная сфера входит в первую тройку ценностных приоритетов опрошенных студентов Юга России. На первом месте в рейтинге значимости у всех респондентов располагается семья. Для вузовской молодежи из Ростовской области первое место по важности также занимает интересная работа, а карьера располагается на четвертом месте (после самоуважения и уверенности в завтрашнем дне). Ставропольские студенты профессию ставят на второе место, а карьеру на шестое. В северокавказских республиках работа занимает третье место в рейтинге приоритетов после чувства достоинства и самоуважения. Карьерное продвижение собирает шестую позицию среди опрошенной вузовской молодежи Адыгеи и Дагестана и восьмую – Кабардино-Балкарии (рис. 2).

Материалы общероссийских социологических исследований, реализованных в 2009–2019 гг. учеными Института социологии РАН показывают, что с точки зрения молодежи условием успешного трудоустройства выступает, прежде всего, профессиональная квалификация, затем знакомства и связи, и потом уже трудолюбие и добросовестное отношение к делу. За исследуемый период уменьшилось число молодых людей, которые рассматривают социальные связи залогом получения хорошей работы. В то же время нарастает критичное отношение к значимости достигательных качеств (инициативность, предприимчивость, знания и квалификация) как фактора трудоустройства. Социологи считают, что подобный «пессимизм проистекает от невостребованности основной профессии как результата застоя экономики» [10, с. 396].

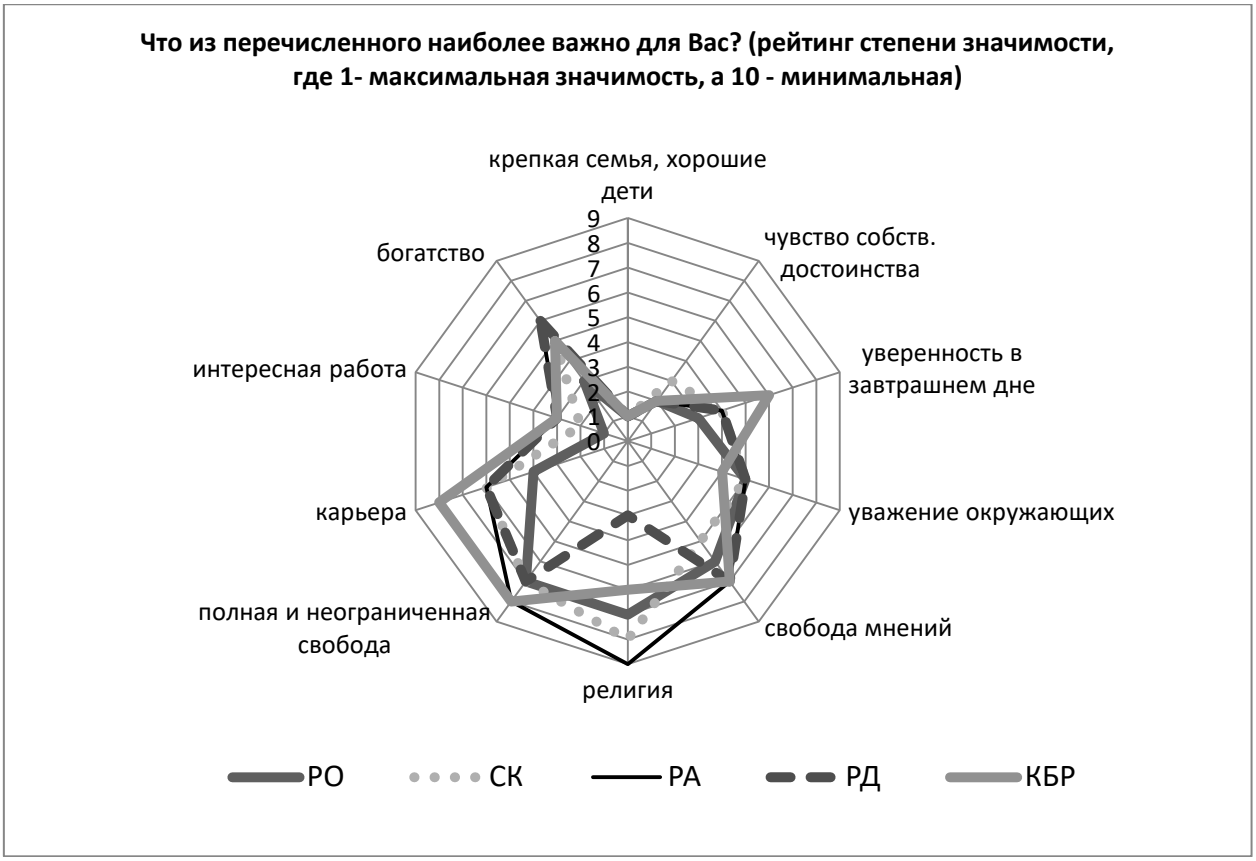


Рис. 2. Степень важности для молодежи Юга России различных параметров их жизнедеятельности (составлено автором)
Fig. 2. The degree of importance for the youth of the South of Russia of various parameters of their life activity (compiled by the author)

Результаты исследований среди молодежи Юга России показывают, что для большинства студентов в трудоустройстве важны такие достигательные характеристики, как опыт работы, трудолюбие, исполнительность (больше всего таких ответов в Кабардино-Балкарии и меньше – в Дагестане). Достигательные институциональные характеристики (профильный диплом, престиж и качество образования, повышение квалификации) отмечаются опрошенной молодежью во вторую очередь (чаще в КБР и реже в Ростовской области). Адаптивные качества (умение строить отношения с начальством, адаптивность, удачливость) более значимы с точки зрения ростовской, ставропольской и адыгской молодежи. Аскриптивные статусы и ресурсы семьи (пол, этничность, социальные связи) чаще указываются студентами Кабардино-Балкарии и Ставрополья (рис. 3).

Условием дальнейшего карьерного роста уже большее число южно-российских студентов называют достигательные характеристики (больше всего таких вариантов ответа в Ростовской области и менее всего – в Дагестане). Умение адаптироваться, коммуникативные качества собирают второе по числу ответов место в ростовском, ставропольском и адыгском сегментах респондентов, а достигательные институциональные характеристики – третье. Причем, для ростовской и ставропольской молодежи более значимы, по сравнению с другими подгруппами, качественное образование и постоянное повышение квалификации. Можно также увидеть, что больше всего студентов Кабардино-Балкарии указывают на важность аскриптивных параметров и ресурсов семьи как залога карьерного продвижения (рис. 4).

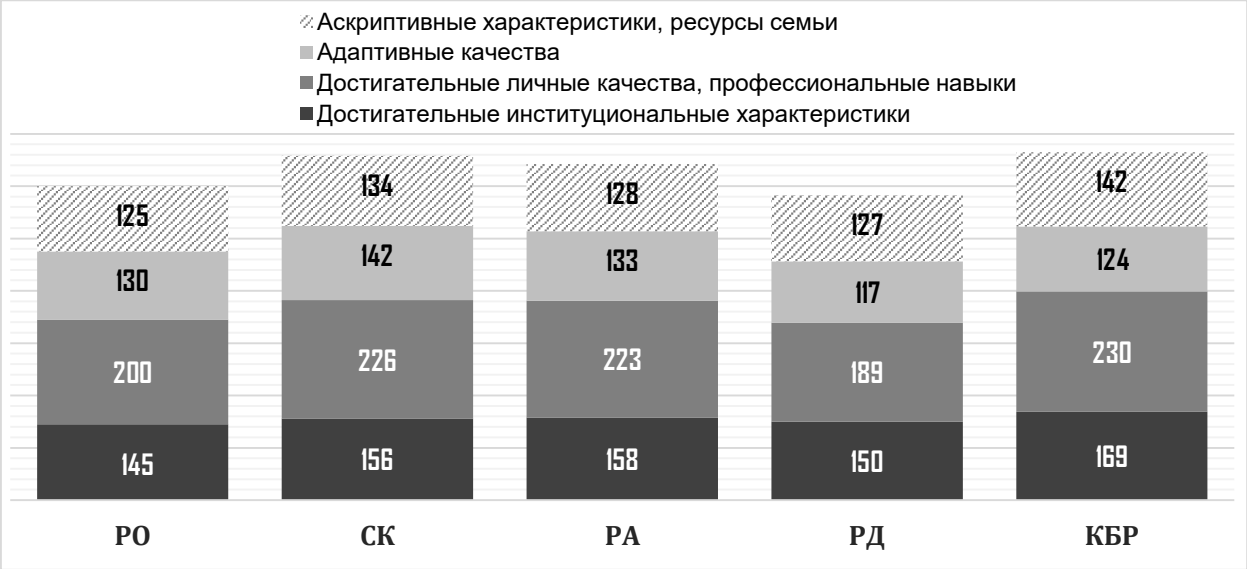


Рис. 3. «Что является основным условием успешного трудоустройства?»
(в %, выбор нескольких вариантов ответа)
Fig. 3. "What is the main condition for successful employment?" (in %, choice of several answer options)

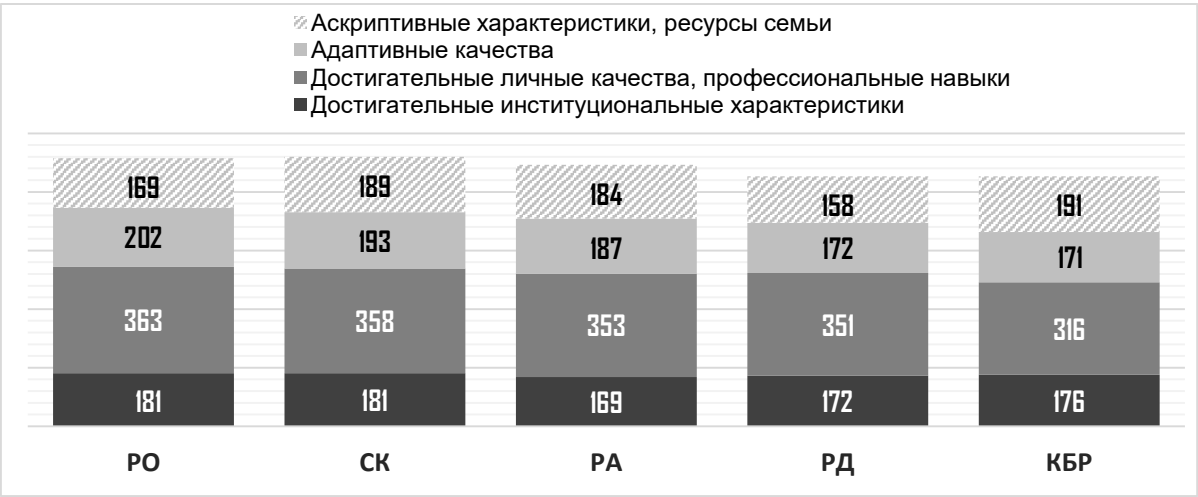


Рис. 4. «Что является условием для дальнейшего карьерного роста?»
(в %, выбор нескольких вариантов ответа)
Fig. 4. "What is the condition for further career growth?" (in %, choice of several answer options)

Выводы. Принятие решения о необходимости восхождения по карьерной лестнице напрямую зависит от тех профессиональных установок, которые складываются в период студенчества. Анализ эмпирических материалов социологического исследования показывает, что восприятие профессиональной карьеры различается по этнотерриториальным сегментам молодежи Юга России. На фоне общей значимости семейных ресурсов в выборе профессии, вуза и последующего трудоустройства прослеживается более выраженная ориентация молодежи субрегионов с преимущественно русским населением (Ростовская область и Ставропольский край) на самостоятельность, индивидуализм и достигательность в выборе профессии, устройстве на работу и карьерном продвижении. Карьера здесь более важный компонент жизненных приоритетов молодых людей. Студенты северокавказских республик (Дагестан и Кабардино-Балкария) чаще демонстрируют установки на значимость интересов и связей семьи (патернализм), аскриптивных статутов в карьерных траекториях. Молодежь Республики Адыгея занимает промежуточное положение по данным параметрам. Можно также фиксировать, что молодежь Юга России ориентирована на накопление профессиональной квалификации, но с построением карьеры это слабо связано, так как у значимой части студенчества макрорегиона не прослеживается отчетливое понимание стратегий трудоустройства и профессионального продвижения.

Список источников

1. Пахомова Е. В. Понятие «карьера»: анализ определений // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2013. № 2. С. 111–114.
2. Социетальное измелазареверение правовой культуры населения Юга России: коллективная монография / Л. В. Клименко, А. В. Ермишина, З. А Жаде, О. Ю. Посухова, П. В. Будаев. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2019. 120 с.
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
4. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations. Sage, 2001.
5. Akosah-Twumasi P., Emeto TI, Lindsay D., Tsey K., Malau-Aduli B. A Systematic Review of Factors That Influence Youths Career Choices – the Role of Culture // Frontiers in Education. 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/feduc.2018.00058/full
6. Титов В. Н. Социальные представления молодежи о карьере (по материалам глубинных интервью) // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 4. С. 102–116.
7. Студенческие практики конструирования стратегий и стилей жизни: социологические очерки: коллективная монография / Г. С. Денисова, Н. К. Бинеева, А. В. Денисова, Л. В. Клименко, Н. Р. Таирова, И. А. Петрулевич, Д. Ю. Чеботарева. Ростов-на-Дону: ИПО ЮФУ, 2013. 188 с.
8. Труд и экономическая жизнь в республиках Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: Монография / Под ред. Х. В. Дзуцева, отв. ред. Н. В. Корниенко. М.: ИСПИ РАН; Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2019. 237 с.
9. Клименко Л. В., Ермишина А. В., Будаев П. Е. Динамика экономических установок молодежи Юга России в контексте интеграции полиэтничного региона // Экономика: теория и практика. 2020. № 3. С. 27–32.
10. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: [монография]. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.

References

1. Pakhomova E. V. The concept of "career": analysis of definitions. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology*. 2013;(2):111–114. (In Russ.)
2. *Societal dimension of the legal culture of the population of the South of Russia: a collective monograph* / L. V. Klimenko, A. V. Ermishina, Z. A. Zhade, O. Yu. Posukhova, P. V. Budaev. Rostov-on-Don: Science and Education Fund, 2019; 120 p. (In Russ.)
3. Inglehart R., Welzel K. *Modernization, cultural change and democracy: the sequence of human development.* Moscow: New publishing house, 2011. 464 p. (In Russ.)
4. Hofstede G. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations*. Sage, 2001.
5. Akosah-Twumasi P., Emeto TI, Lindsay D., Tsey K., Malau-Aduli B. A Systematic Review of Factors That Influence Youths Career Choices – the Role of Culture. *Frontiers in Education.* 2018. [Electronic resource]. Available from: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/feduc.2018.00058/full.
6. Titov V.N. Social representations of youth about a career (based on in-depth interviews). *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki = Questions of Theoretical Economics*. 2020;(4):102–116. (In Russ.)
7. *Student practices of designing strategies and lifestyles: sociological essays*: a collective monograph / G. S. Denisova, N. K. Bineeva, A. V. Denisova, L. V. Klimenko, N. R. Tairova, I. A. Petrulevich, D. Yu. Chebotarev. Rostov-on-Don: IPO SFU, 2013. 188 p. (In Russ.)
8. *Labor and economic life in the republics of the North Caucasian Federal District of the Russian Federation*: Monograph / Ed. H. V. Dzutsev, responsible ed. N. V. Kornienko. Moscow: ISPI RAN; Vladikavkaz: CPI SOGU, 2019. 237 p. (In Russ.)
9. Klimenko L. V., Ermishina A. V., Budaev P. E. Dynamics of economic attitudes of the youth of the South of Russia in the context of the integration of a multi-ethnic region. *Ekonomika: teoriya i praktika = Economics: theory and practice*. 2020;(3):27–32. (In Russ.)
10. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. *The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research*: [monograph]. Moscow: FNISTS RAN; 2020. 688 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Р. Т. Алкесов – аспирант, Адыгейский государственный университет.

Information about the author

R. T. Alkesov – Graduate Student of Adyghe State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares that there is no conflict of interest.
Статья поступила в редакцию 14.01.2023; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 24.01.2023.
The article was submitted 14.01.2023; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication 24.01.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 285–292
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):285–292

Слово молодым ученым

Научная статья
УДК 338
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-285-292

ОПЫТ КИТАЯ В ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ СЧЕТА ОПЕРАЦИЙ С КАПИТАЛОМ ЧЕРЕЗ ПРОГРАММЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ

Евгений Александрович Васюков
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, vasyukov.e@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1131-7447

Аннотация. *Актуальность.* Китайская экономика является не только одной из самых крупных экономик мира, но и страной, которая на протяжении последних 10 лет показывает высокие темпы роста ВВП. Основой экономики после открытия рынков стали иностранные инвестиции. Несмотря на несколько глобальных периодов турбулентности, Китай смог накопить значительный опыт стимулирования притока долгосрочных финансовых потоков. Это стало возможным благодаря обширным государственным программам, направленным как на портфельные инвестиции, так и прямые иностранные инвестиции (ПИИ). В 2022 г. российская экономика столкнулась с ситуацией, когда в результате как санкций, так и ограничений на движение капитала, возможности иностранного инвестирования резко снизились.

Цель работы. Исследование практики и результатов использования различных программ привлечения инвестиций.

Методология. Основными методами стал системный и исторический подходы, с использованием которых удалось установить закономерности и выделить отличительные черты инвестиционных программ.

Выводы. Поскольку для развития экономики требовалось в короткие сроки создать и развить целые отрасли, приоритетом политики Китая по привлечению инвестиций, стали ПИИ. Став нетто-получателем инвестиций, вместе с накоплением лучших отраслевых практик, происходило развитие национальных производителей. Это стало особенно важно при переходе к модели роста, основанного на внутреннем спросе. Для углубления финансовых рынков, необходимых для дальнейшего развития национальных рынков создавались и последовательно вводились программы для инвесторов в фондовые рынки. Наличие жестких контролей за движением разного вида капитала позволяло, с одной стороны, снизить приток и отток спекулятивного капитала, но с другой – бюрократические процедуры и необходимость одобрений подрывали рост и развитие конкуренции. Постепенная либерализация контролей, разработка схем инвестирования и приход инвесторов позволили существенным образом улучшить качество функционирования фондового рынка, а правила по конвертации валюты позволяют гибко управлять давлением на валютный курс. Все это воплотилось в стабильном притоке инвестиций и низких рисках резкого оттока, что видно по динамике инвестиций в период торговых войн и пандемии.

Ключевые слова: привлечение прямых иностранных инвестиций, портфельные инвестиции, валютная политика Китая, финансовые рынки, движение капитала

Для цитирования: Васюков Е. А. Опыт Китая в либерализации счета операций с капиталом через программы стимулирования инвестиций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 285–292. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-285-292

Young scientists

Original article

CHINA'S EXPERIENCE IN CAPITAL ACCOUNT LIBERALIZATION THROUGH INVESTMENT PROGRAMS

Evgeniy A. Vasyukov
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, vasyukov.e@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1131-7447

© Васюков Е. А., 2022

Abstract. *Relevance.* The Chinese economy is not only one of the largest economies in the world, but also a country that has shown high GDP growth rates over the past 10 years. After opening the capital account, foreign investment became the basis of the economy. Despite several global periods of turbulence, China has been able to accumulate significant experience in stimulating the inflow of long-term financial flows. This was made possible by extensive government programs aimed at both portfolio investment and FDI.

Objective. Study the practice and results of using various foreign investment stimulation programs.

Methodology. The main methods were systemic and historical approaches, with the use of which it was possible to establish patterns and highlight the distinctive features of investment programs.

Findings. Since Chinese economy's growth required creation and development of entire industries in a short period of time, FDI became a priority. With achieving net recipient of investments status, along with the accumulation of the best industry practices, local national manufacturers developed significantly. This became especially important in the transition to a growth model based on domestic demand. To deepen the financial markets, special portfolio investment programs were introduced. The presence of strict controls over the movement of various types of capital made it possible, on the one hand, to reduce the inflow and outflow of speculative capital, but on the other hand, bureaucratic procedures and the need for approvals undermined the growth and development of competition. The gradual liberalization of controls, the development of investment schemes and the arrival of investors have made it possible to significantly improve the quality of the functioning of the stock market, and currency repatriation rules allow flexible management of exchange rate pressures. All this was embodied in a stable inflow of investments and low risks of a sudden outflows, which was illustrated trade wars and the pandemic.

Keywords: stimulation of foreign direct investment; portfolio investment, China's currency policy, financial markets, capital movement

For citation: Vasyukov E. A. China's experience in capital account liberalization through investment programs. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(1):285–292. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-285-292

Введение

Экономические успехи Китая в предыдущие десятилетия обязаны во многом развитию широкой промышленной базы, что было бы невозможно без иностранных инвестиций. Поэтому с конца 80-х годов Китайские власти работали над увеличением привлекательности национальной экономики. Тем не менее, процесс либерализации счета операций с капиталом двигался очень медленно, а строгий контроль до сих пор применяется к большинству подобных операций. Также перед страной особенно остро стоит важная задача, связанная с интернационализации валюты. Китай преследует сразу несколько целей, в т.ч. уход от расчетов в долларах, расширение использования юаня в регионе, развитие собственных платежных систем и др. Стимулом к реформам и увеличению конвертируемости валюты стало активное восстановление мировых экономик после мирового финансового кризиса 2008 года и выросший интерес к Китаю. Для ограниченного круга банков были выданы разрешения открывать счета в юанях во вне китайских юрисдикциях, облегчены процессы получения финансирования в юанях через Гонконг, а также открыты клиринговые центры в ключевых финансовых центрах мира [1].

В связи с этим целью данной работы представляется исследование практики и результатов использования различных программ привлечения инвестиций в Китае. Для этого были поставлены задачи рассмотреть программы стимулирования в зависимости от типов инвестиций, а также результирующую динамику показателей, что позволит определить эффективность тех или иных методов. С 2010 по 2015 гг. Китай предпринял ряд мер по ослаблению ограничений на трансграничные потоки капитала. Эти шаги были направлены на достижение определенных внешних целей – поощрение международного использования юаня, обеспечение возможности присоединения валюты к корзине специальных прав заимствования МВФ и включение китайских индексов в глобальные индексы акций и облигаций [2].

Поскольку основной спрос на юань вне Китая требуется для финансирования инвестиций и торговых операций, основной фокус в реформах делается на крупных инвесторов. А имеющиеся ограничения не позволяют получить широкий доступ к мировым финансовым рынкам для большинства розничных китайских инвесторов, которые по замыслу должны инвестировать исключительно внутри страны [3].

Применение подобных ограничений возможно при наличии сильного внутреннего спроса на государственный долг. Китайские инвесторы всегда высоко ценили надежность государственных облигаций, что выразилось в высокой доле владения богатым населением (ок. 80% объема). Поскольку такие инвесторы имеют широкие возможности по перемещению активов, снятие ограничений вызовет существенный отток капитала из страны. Полное открытие счета движения капитала приведет к существенному оттоку портфельных инвестиций без предпосылок по возвращению этого капитала обратно. При этом накапливание валюты населением будет расти быстрее, чем возможность Народного Банка Китая (НБК) по противодействию через интервенции, что вызовет риск долларизации экономики [4].

ПИИ

Прямые иностранные инвестиции играют важную роль в развитии экономики Китая, во многом благодаря тому, что Китай долгое время являлся одним из самых привлекательных направлений для инвестиций в мире. Отсюда возникала необходимость в жестком регулировании и стимулирования притока инвестиций в проблемные сектора. Китай расширял спектр деятельности, доступной исключительно для иностранных инвестиций без необходимости в китайском партнере. Основные проблемы законодательства того времени сводились к слабой защищенности интеллектуальной собственности, медленными процессами получения необходимых разрешений и высокие пошлины на ввоз оборудования [5].

Неэффективность действовавших механизмов активно проявлялась в периоды глобальной волатильности. Например, в 2015–2017, когда на фоне девальвационных настроений, многие инвесторы стали сокращать инвестиции, а отток капитала превысил приток (см. рис.1).

Похожая ситуация произошла в 2018 г. в ответ на негативную риторику со стороны США и начало торговых войн, снизив сальдо притока инвестиций до 50 млрд долл (в 4 раза ниже 2011 г.). Все это стимулировали Китайские власти к разработке новых стимулов для привлечения инвесторов. Одним из таких шагов стало разработка нового законодательства.

Рис. 1. Чистый отток ПИИ, млрд долл США. Источник: данные Всемирного Банка
Fig.1 – Net FDI outflow, bln USD. Source: World Bank data

В 2020 г. начал действовать новый Закон об иностранных инвестициях, устанавливающим основные принципы продвижения, защиты и доступа на рынок иностранных инвестиций. ПИИ попрежнему запрещены и ограничены в ряде областей посредством использования так называемого «негативного списка», а инвестиции из «рекомендуемого списка» получают различную поддержку от государства [5].

Запрещенные виды деятельности включают ВПК, продажу табака, производство фильмов, образование (обязательное) и др. Ограниченные виды деятельности включают производство автомобилей, телекоммуникационные услуги, транспорт, энергетику, коммунальные услуги,

банки и финансовые учреждения, сельское хозяйство и др. В тех случаях, когда деятельность ограничена, разрешение находится на усмотрении компетентных органов. В любом случае для компании потребуется китайский партнер, часто с контрольным пакетом акций у китайской стороны. В рекомендуемые сферы входят разведение сортов винограда, аквакультура, разведка и добыча углеводородов, легкая промышленность и т. д. Государственные стимулы включают, например, налоговые льготы и беспошлинный ввоз производственного оборудования, снижение арендной платы.

В декабре 2020 г. произошло обновление списков: в результате 123 сектора закрыты для частного капитала, поощряемых секторов- 1234. К ним относятся передовое технологическое производство (например, новые материалы, защита окружающей среды), трансграничная электронная коммерция, онлайн-образование, а также пищевая промышленность, туризм, медицинское оборудование и доставка [6].

Несмотря на наличие ограничений, новое законодательство было позитивно воспринято инвесторами, уже в 2020 г. сальдо притока ПИИ выросло в 2 раза и достигло 100 млрд долл, активное реформирование было приостановлено из-за пандемии. Были запущены крупные инвестиционные проекты в автомобильной и химической отраслях. Также, проекты, начатые в период активного реформирования после мирового финансового кризиса, вовсю показывали результаты. Как показал пример автомобильной отрасли, создание качественного бизнес-климата и приход иностранных компаний позволили развиться и национальным автопроизводителям. Передача лучших технологий и практик вместе с созданием совместных предприятий для разработок сделали китайскую автомобильную промышленность одной из самых быстроразвивающихся и крупных в мире. Общий объем производства за 10 лет вырос почти в 2 раза, а доля национальных производителей на внутреннем рынке составила 45 %. Благодаря дополнительным стимулам, принятым во время пандемии (снижение количества процедур для регистрации входящих ПИИ, расширение списка приоритетных отраслей). Приток ПИИ продолжал увеличиваться и в 2021, достигнув 334 млрд долл., особенно в сферы новых технологий и ИТ [7].

В рейтинге удобства ведения бизнеса Всемирного Банка, Китай поднялся на 31 место по сравнению с 89 местом в 2010 г. Важным аспектом стимулирования инвестиций стало не только поощрение непосредственно потоков капитала, но и создание бизнес-среды для реализации проектов, что включало улучшение процедур открытия бизнеса, доступа к коммунальным услугам и получению различных разрешений. Упрощение и цифровизация нормативно-правовой базы для инвесторов позволила перейти к относительно простой форме подачи заявок для инвестиционных проектов через интернет. Тем не менее, у страны остаются проблемы, связанные с прозрачностью работы государственных органов, защитой интеллектуальной собственности и коррупция. Поскольку наибольший интерес со стороны государства представляют новые технологии, то именно в этих секторах произошло наибольшее количество позитивных изменений [8].

В периоды глобальной волатильности и снижения доступа компаний к рынкам капитала (и низкими оценками иностранных активов), китайские компании активно осуществляли ПИИ. В дополнение к этому в 2013 г. была запущена программа «Один пояс и один путь», которая стала одним из крупнейших инвестиционных пакетов в мировой экономике с предлагаемым объем в 21 трлн долл. [9] Для реализации этой и других инициатив в Китае принимались дополнительные меры либерализации процесса осуществления инвестиций. С 2014 г. была введена система регистрации проектов ПИИ стоимостью менее 1 млрд долл. США. С тех пор подобные инвестиции не требуют утверждения и подлежат только соблюдение требований, связанных с отчетностью для государственных аудиторов [10].

Для реализации исходящих инвестиций, в первую очередь, были улучшены процессы организации специальных компаний в Гонконге, через которые капитал отправлялся получателям инвестиций. Около 60 % исходящих ПИИ из материкового Китая проходят через специализированные инвестиционные программы, разработанные специально для Гонконга.

После реализации этих мер произошел скачок исходящих ПИИ, а в 2016 г. достиг 170,1 млрд долл, что на 44,1 % больше, чем в 2015 г. В 2017 г. китайскому правительству пришлось ввести определенные ограничения, в т.ч. по аналогии с входящими инвестициями разделить отрасли исходящих ПИИ на запрещенные, ограниченные и рекомендуемые [11].

В 2019–2021 гг. возобновился процесс либерализации, который включал в том числе стимулирование китайских предприятий увеличить кредитование своих зарубежных дочерних обществ [5].

Дальнейший объем исходящих инвестиции будет во многом зависеть от состояния внутреннего рынка Китая. Политика Китая по борьбе с COVID-19 и снижение перспектив роста сократили программы капитальных затрат. Также продолжающийся переход модели экономики от стимулирования экспортных отраслей к внутреннему потреблению, возможно потребует мобилизации ресурсов на внутренние проекты.

Рост и развитие экономики Китая неизбежно привели к росту заработных плат и потере части конкурентных преимуществ (в части производств с высокой долей низкоквалифицированного труда), а логистические проблемы, возникшие в период пандемии остаются нерешенными. Данные риски затрагивают в основном новые проекты, т.к. имеющиеся производственные цепочки невозможно перестроить в короткие сроки. В подтверждение этому большинство крупных транснациональных корпораций предприняли серьезные шаги по усилению локализации своих предприятий в Китае, поэтому даже несмотря на пандемию, происходит продолжение реализации инвестиционных планов. Так, во второй половине 2022 г. было объявлено о строительстве крупных фабрик в автомобильной и химической промышленности: завод и центр разработок Volkswagen за 3 млрд долл, нефтехимическое производство за 1.5 млрд долл от INEOS и др. [12]

Тем не менее, рецессия в развитых странах накладывает серьезные ограничения на инвесторов из-за необходимости аллоцировать меньший объем доступных средств для расширения производств. Без дополнительных реформ и стимулов со стороны Правительства Китая общее замедление мировой экономики еще сильнее замедлит темпы роста экономики без дополнительного проса как на китайскую продукцию и активы.

Портфельные инвестиции

При вступлении в ВТО в 2001 г. Китай обещал открыть свои финансовые рынки для иностранных компаний. Но китайские регулирующие органы установили высокие требования к капиталу для каждого банка, что ограничило их возможности для расширения и привлечения долгового капитала. В 2006 г. была предложена программа Квалифицированных внутренних институциональных инвесторов (Qualified Domestic Institutional Investor programme, QDII), которая позволяла в рамках квот покупать иностранные ценные бумаги ограниченному кругу китайских финансовых учреждений. Это стало важной отправной точкой для осуществления портфельных инвестиций и привлечения капитала для китайских компаний.

В 2013 г. Китай начал выдавать лицензии глобальным управляющим активами в рамках программы Квалифицированных внутренних партнерств (Qualified Domestic Limited Partnership, QLDP) в Шанхае. Эти компании могли привлекать инвестиции (в течение 6 месяцев) на внутреннем рынке Китая для последующих инвестиций за рубеж (ок. 50 млн долл.). В 2014 г. аналогичная QLDP программа запустилась в Шэньчжэнь [13].

Народный Банк Китая начал снижать объем выданных квот, после обвала фондового рынка в 2015 г. для сохранения контроля над исходящими потоками. Несколько факторов способствовали рыночному спаду, в том числе чрезмерные маржинальные позиции китайских брокерских компаний.

В 2018 г. возобновилась выдача квот в рамках программ QDLP и QDII. Китайские регуляторы внесли несколько изменений в программы (ограничение на размер активов в рамках программы QDII – 8%, лимит инвестиций перед получением новых разрешений и тп). К концу года общий размер квот увеличился до 99 млрд долл. Эти изменения показали настрой надзорных органов не допустить повторения резких оттоков в 2015 г. за счет меньшего объема допустимых инвестиций. [14]. В 2020 и 2021 гг. было внесено несколько изменений в обе программы (увеличился размер квоты QDLP на 1 компанию, расширился список городов-участников). В результате, на конец 2021 г. этого общая сумма квот QDII превысила 150 млрд долл., а квоты QDLP более 50 млрд долл., а объем иностранных портфельных активов вырос до 645 млрд долл. [15]

Для входящих потоков в 2002 г. была создана программа Квалифицированных иностранных институциональных инвесторов (Qualified Foreign Institutional Investor program, QFII), в рамках которой иностранным финансовым институтам разрешалось приобретать акции или облигации

ограниченного круга китайских компаний в рамках квот (ок. 14 млрд долл.). Китайское правительство использовало эти квоты для регулирования сумм, которую лицензированные иностранные инвесторы могли инвестировать в фондовый рынок Китая. Высокие требования к потенциальным инвесторам также ограничивали круг компаний, которые были способны инвестировать. Например, фондовые управляющие должны были иметь не менее пяти лет опыта управления активами и не менее 5 млрд долларов активов под управлением. Обязательным требованием была конвертация в юани иностранной валюты. В результате реформ после мирового финансового кризиса и расширения квот, данная программа обеспечила существенный спрос на активы [16]. Это стало важным шагом для либерализации счета операций с капиталом и укрепило позиции Китая как нетто-получателя портфельных инвестиций, достигнув рекордного на тот момент показателя в 82 млрд долл. чистого притока (см. рис. 2).

Рис. 2. Чистый отток портфельных инвестиций, млрд долл. США. Источник: данные Всемирного Банка
Fig. 2. Net portfolio investment outflow, bln USD. Source: World Bank data

С целью расширить список инвесторов и инструментов для инвестиций, в 2011 была введена программа Квалифицированных иностранных инвесторов в юань (Renminbi Qualified Foreign Institutional Investor, RQFII), которая позволяла иностранным дочерним компаниям китайских компаний инвестировать в рынок ценных бумаг материкового Китая напрямую, без обязательной конвертации валюты. Первоначально квота в размере 20 млрд юаней постепенно увеличивалась вплоть до конца 2019 г. После чего была отменена [17]. Как результат чистый приток портфельных инвестиций вырос до 96 млрд долл уже в 2020 г. Дерегулирование QFII и RQFII происходило по мере того, как все больше представителей финансового рынка, публикующих свои индексы, таких как MSCI, FTSE Russell и S&P Dow Jones Indices, добавляли китайские акции и облигации в свои корзины.

После отмены QFII и RQFII в мае 2020 г. появилась единая программа Квалифицированных иностранных инвесторов (QFI). Были упрощены процедуры получения лицензии, расширен список инструментов (добавлены товарные фьючерсы, опционы и др) [18]. Обновленные правила обеспечили приток ок. 180 новых кандидатов, в 2021 г. более 600 компаний имели статус квалифицированного инвестора [19].

Для упрощения доступа на фондовые рынки были также созданы программы Stock Connect и Bond Connect.

Stock Connect была запущена в ноябре 2014 г. между Шанхайской и Гонконгской биржами и была расширена в конце 2016 г., чтобы охватить рынок Шэньчжэня. Программа позволяла инвесторам из материкового Китая покупать гонконгские и китайские акции компании, котирующиеся в Гонконге. А иностранным инвесторам после прохождения процедур регистрации давала возможность покупать через Гонконгскую биржу акции компаний, зарегистрированных на биржах Шанхая и Шэньчжэня с меньшими ограничениями, чем раньше. Вся торговля осуществлялась в юанях [20].

Торговля шла в рамках квот в зависимости от направления инвестиций (рассчитывались от оборота трансграничных сделок за день и за год). Совокупные квоты в северном направлении были установлены в размере 300 млрд юаней, а в южном направлении – в 250 млрд юаней; дневные находились на уровне 13 и 10 млрд юаней. Квоты рассчитываются на взаимозачетной основе в конце каждого торгового дня. Совокупные квоты были отменены с 16 августа 2016 г. Дневная квоты сохранялись, ограничивая максимальную чистую стоимость покупки трансграничных сделок [21].

В 2018 г. текущие дневные квоты в северном направлении были увеличены до 52 млрд юаней, а дневные квоты в южном направлении установлены на уровне 42 млрд юаней [22]. Программа позволила повысить общую устойчивость рынков капитала материкового Китая за счет притока инвесторов из Гонконга [20].

Bond Connect – инвестиционный канал, который с 2017 г. дает доступ к рынкам с фиксированным доходностью в материковом Китае через торговую инфраструктуру в Гонконге. С момента запуска активы иностранных инвесторов с фиксированным доходом в Китае выросли с 880 млрд юаней до более 2 трлн. [23]

Данные схемы позволили создать объединенный китайский фондовый рынок, который по размеру входит в топ-3 крупнейших по общей капитализации. Совместный эффект от этих инициатив с другими программами позволил увеличить объемы торгов на китайских биржах почти в 6 раз за 10 лет. Создание единого рынка было также важно с позиции усиления глубины рынка и развития инструментов в т.ч. валютного хеджирования, которое было необходимым элементом дальнейшей успешной валютной стабилизации.

Вывод

Таким образом, за последние 30 лет Китай прошел путь от полностью закрытого счета операций с капиталом до одного из крупнейших получателей иностранных инвестиций. Либерализация входящих потоков от нерезидентов и оттоков резидентов происходила с помощью различных специальных схем для портфельных инвестиции и ПИИ. Совместный эффект от этих инициатив позволил привлечь рекордные объемы инвестиций, а также усилить гибкость курсообразования юаня, углубить финансовые рынки и стимулировать реформы в процентной политике.

Важным моментом успешной политики стала постепенность открытия счета операций с капиталом в зависимости от типа инвестиций, что можно проследить на примере степени оттоков в особенно турбулентные периоды: так в период 2015-2016 гг. отток портфельных инвестиций произошел быстрее чем у ПИИ, при этом данный опыт был учтен в дальнейшем в ходе ужесточения требования к инвесторам, что не привело к таким последствиям уже во время кризиса 2020 г. Осторожность, с которой правительство Китая шел на любое ослабление контроля оправдана высоким объемом спекулятивных потоков, от чего в разные периоды страдали большинство финансовых рынков развивающихся стран.

Также у регуляторов возникали опасения по поводу рисков долларизации экономики за счет увеличения конвертируемости валюты и соответственно оттока капитала в развитые страны. Высокая норма сбережений вместе с положительным сальдо текущего счета создавало серьезное ревальвационное давление на юань, что невозможно было допустить в рамках модели стимулирования экспорта. В процессе же перехода к новой модели роста, основанной на внутреннем потреблении и с учетом полученного опыта и лучших производственных практик, возник качественный промышленный фундамент, а у экономики – потребность использования капитала в том числе на иностранных рынках, что и было достигнуто за счет налаживания канала передачи финансовых потоков через Гонконг в другие страны.

Список источников / References

1. Wang B, Sun T. How Effective are Macroprudential Policies in China? *IMF Working Paper.* 2013; 1–59.

2. Prasad E. Gaining Currency: The Rise of the Renminbi. *Cato Journal.* 2017.

3. Morrison WM, Labonte M. China's currency policy: An analysis of the economic issues. *Congressional Research Service publication*. 2013.

4. Bayoumi T, Franziska O. Do Inflows or Outflows Dominate? Global Implications of Capital Account Liberalization in China. *IMF Working Paper*. 2013; 32 p.

5. Liu W. Foreign direct investment in China. *Pinsent Masons publication*. 2022; 12 p.
6. Lu L. China: FDI restrictions continue to be relaxed. *International tax review*. 2021.
7. United Nations Trade I and ID. Foreign direct investment trends and outlook in Asia and the Pacific 2021/2022. *Asia-Pacific Trade and Investment Trends.* 2021; 1–46.
8. World Bank. Economy Profile of China. Doing Business. *World Bank.* 2021; 172 p.
9. Campbell C. Xi Jinping's Third Term Is a Tipping Point Beyond China. *Time Magazine.* 2022; 2–12.
10. Devonshire-Ellis C. Chasing China's Outbound Direct Investment. *China Briefing publications*. 2016
11. Cicenia A. China's Inbound and Outbound FDI Goals. *Dezan Shira & Associates publications.* 2017: 3–5.
12. Fan X. European Chamber Advocates for Beijing's Return to Reform Agenda. *Europeam Chamber of Commerce publication.* 2022: 1–37.
13. Reuters. China revives QDLP outbound investment scheme in boost for foreign funds. *Reuters.* 2018.
14. Reuters. China revives QDII outbound investment scheme. *Reuters.* 2018.
15. State Administration of Foreign Exchange. Qualified Domestic Institutional Investors. *State Administration of Foreign Exchange.* 2022.
16. Asia Securities Industry & Financial Markets Association. Foreign Investment in China. *Asia Securities Industry & Financial Markets Association*. 2021.
17. Central Bank of Malaysia. Renminbi Qualified Foreign Institutional Investor (RQFII) Licence Open for Application. *Central Bank of Malaysia*. 2015.
18. Clifford Chance. China combines QFII and RQFII regimes and expands investment scope. *Clifford Chance*. 2020.
19. BNP Paribas. How to invest in China: navigating the market access schemes. *BNP Paribas.* 2021.
20. Lau K, Moe T, Liu C. China Strategy SH-HK Connect: New regime, unprecedented opportunity. *Goldman Sachs research*. 2014; 33 p.
21. Richardson D. Guide to China – Hong Kong Stock Connect. *Dorsey Guides*. 2016.
22. Reuters. China to sharply boost daily stock connect quotas. *Reuters*. 2018.
23. UBS. China fixed income: what is Bond Connect? *UBS research paper*. 2020

Информация об авторе

Е. А. Васюков – аспирант экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Information about the author

E. A. Vasyukov – Postgraduate Student of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 26.02.2023.
The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 25.02.2023; accepted for publication 26.02.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 293–296
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):293–296

Слово молодым ученым

Научная статья
УДК 32+343.326
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-293-296

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Игорь Геннадьевич Веренич

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, verenigor@yandex.ru

Аннотация. Информационная эпоха открыла широкие возможности для воздействия на общественное сознание масс, однако фактор расширения киберпространства и каналов социальных коммуникаций дал в руки терроризму новые возможности распространения насилия. Доказано: а) государственная политика противодействия терроризму должна носить опережающий характер блокирования террористической деятельности в киберпространстве; б) цифровые технологии составляют в настоящее время такой же властный и силовой ресурс, как и традиционные институты образования и религии. Предлагаются меры преодоления медийного деструктивного воздействия терроризма в информационном пространстве.

Ключевые слова: терроризм, информационное пространство, антитеррористическая политика, противодействие терроризму, киберпространство

Для цитирования: Веренич И. Г. Противодействие терроризму в информационном пространстве // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 293–296. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-293-296

Young scientists

Original article

COUNTERING TERRORISM IN THE INFORMATION SPACE

Igor G. Verenich[1]

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, verenigor@yandex.ru

Abstract. The information age has opened up wide opportunities for influencing the public consciousness of the masses, but the expansion of cyberspace and social communication channels has given terrorism new opportunities to spread violence. It has been proven: a) the state policy of countering terrorism should be of a proactive nature of blocking terrorist activities in cyberspace; b) digital technologies currently constitute the same power and power resource as traditional institutions of education and religion. Measures are proposed to overcome the destructive media impact of terrorism in the information space.

Keywords: terrorism, information space, anti-terrorist policy, counter-terrorism, cyberspace

For citation: Verenich I. G. Countering terrorism in the information space. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(1):293–296. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-293-296

Современному миру характерны глобальные изменения во всех сферах жизнедеятельности – экономической, политической, военной, культурной, социальной, – благодаря открытию и распространению информационно-коммуникационных технологий, он приобрел название «информационной эпохи». Действительно, глобальная цифровизация жизни людей и сообществ внесла существенные позитивные качества и удобства в быт и профессиональную сферу людей. Но она же существенно увеличила риски деструктивного влияния со стороны такого общественно опасного явления, как терроризм. Терроризм угрожает не только жизни отдельных граждан, сообществ и государств, но и миру в целом.

© Веренич И. Г., 2023

Террористы в полном объеме используют возможности информационного общества. Терроризм своей политической целью имеет достижение власти путем нагнетания страха на человеческие сообщества, а предоставляемые всемирной сетью технологические возможности делают методы шантажа и давления со стороны террористов глобальными. Сеть Интернет используется террористами для манипуляции сознанием населения. Задачей террористов с помощью информации, распространяемой в электронных средствах массовой информации (далее – СМИ), является получение сильного эмоционального взрыва страха у населения, а у своих сторонников – одобрения.

Общеизвестно, что СМИ обладают способностью воздействовать на сознание читателей: событие существует, когда оно есть в новостной ленте, и наоборот. Психологически читатель находится под властью медиа, которые интерпретируют события как общепризнанную «правду». Официальные сайты подают информацию в нейтральном ключе («бандиты задержаны, нейтрализованы»)[1], но обыватели любят «жареные», скандальные интерпретации, что используют и представляют как факты, экстремистские и террористические источники в своих интернет-каналах. Таким образом производится идеологическое воздействие на сознание населения, подмена понятий, интерпретация в нужном идеологам терроризма ключе, внушается негативная информация вроде той, что «правоохранители нарушают закон». Что ставит под сомнение позицию правоохранительных органов и сознательного общества относительно того, что граждане должны проявлять гражданственность и помогать силовым органам бороться с террористами [1].

Анализ сообщений по антитеррористическим операциям показывает, насколько оппозиционные и асоциальные СМИ хорошо овладели методами подачи откровенной лжи, полулжи, недостоверной информации, таким образом манипулируя сознанием обывателей, дискредитируя власть и правоохранительные органы, защищающие их от террористов.

Террористы стремятся совершать акты против тех объектов и событий, которые имеют важную символическую, и не только, ценность для граждан – школы, детские сады, памятники истории, массовые празднества по поводу значимых для страны событий. И чем более широкой аудитории донесут СМИ картины трагедии о гибели невинных, гражданских, людей, тем ближе к цели будут террористы. А так как цивилизованные люди гибель людей, массовое насилие считают противоестественным, анормальным, преступным деянием, то и реакцией на теракт будет страх, неуверенность в будущем и другие подобные чувства, что соответствует замыслу террористов. Общественный резонанс, вызванный терактом, порождает недоверие к власти, к ее силовым структурам, не сумевшим защитить своих граждан, общественную нестабильность, что также является достижением поставленных террористическими организациями целей.

Исходя из приведенных положений, можно сделать вывод, что у террористических организаций существует определенная стратегия в области информационных коммуникаций общества, в отличие от диверсионной или партизанской тактики борьбы с государственной властью. Создаваемый террористами эффект зависит от таких факторов, как уровень развития информационных технологий в стране, наличия социальных сетей, определенной свободы слова (или вседозволенности), позволяющей террористам использовать СМИ для широкого освещения совершенного преступного деяния, уровня контроля со стороны государственных структур над криминальными террористическими элементами.

Терроризму также требуется мировой масштаб освещения совершенных насильственных актов. Они прекрасно освоили постановочные эффекты и первым делом при своих акциях требуют телекамеры, присутствия журналистов. Одной из наиболее ярко представленных миру казней, совершенных террористами, стали шокирующие кадры убийства 15 февраля 2015 г. 21-го коптахристианина в Ливии боевиками Исламского государства (ИГ) (запрещенная в России террористическая группировка), где за рядом одетых в ярко-оранжевые одежды жертв стояли боевики

[1] В ходе спецоперации в Дагестане органами безопасности нейтрализовано двое главарей бандгрупп // Сайт НАК. 14.04.2016. http://nac.gov.ru/kontrterroristicheskie-operacii/v-hodespecoperaciy-v-dagestane-organami.html (дата обращения 07.01.2023); Связанные с ИГИЛ бандиты готовили СВУ для совершения терактов // Сайт НАК. 17.03.2016. URL: http://nac.gov.ru/kontrterroristicheskie-operacii/cvyazannye-s-igil-bandity-gotovili-svudlya.html (дата обращения 07.01.2023)

в черном[1]. Внушение ужаса и шока – средство воздействия на общество с целью обращения шока в гнев против своих правительств. Прозрачность государственных границ для информационных потоков расширила возможности террористов в процессах манипулирования массовым сознанием в нужном для террористов направлении. Низкий образовательный и культурный уровень большой части масс не позволяет людям, особенно молодым, оценить опасность терроризма, когда они начинают интересоваться экстремистскими идеями насилия как способом повысить свою значимость, удовлетворить имеющиеся нереализованные амбиции. Большие задачи в этой области стоят не только перед правоохранительными органами, но и перед сферой образования и религии как ответственными перед обществом за духовное, нравственное воспитание молодых поколений.

Арсенал террористов насчитывает сотни способов манипулирования общественным сознанием – используются и межличностные, и родственные связи, и межгрупповые, и такое воздействие носит настолько изощренный и скрытый характер, что людям, особенно молодым, с не оформившимся еще мировоззрением трудно ему противостоять. Тем более, что методы террористического информационного влияния постоянно совершенствуются. Появление интернета обеспечило безопасное расстояние для «ловцов душ», которые могут находиться в любой точке мира, пропаганда насилия через социальные сети относительна дешева, проста и доступна для любых категорий людей.

Терроризм вышел в киберпространство и развязал настоящие информационные войны с целью пропаганды своей идеологии, используя так называемые «независимые» ячейки, как ягоды в виноградной кисти, которые самостоятельно ведут разрушительную работу, анонимно распространяя фейковые пропагандистские материалы в социальных сетях и находя своих сторонников. Работа такой сети получила название «сетевой войны» (netwar).

Такая деятельность показывает существование растущей информационной угрозы национальной безопасности Российской Федерации, о чем указано в Стратегии национальной безопасности РФ, принятой 2 июля 2021 г.[2] В Разделе IV, подразделе «Информационная безопасность», в п. 52 обозначены, в числе прочих, террористические угрозы в информационном пространстве: «В целях дестабилизации общественно-политической ситуации в Российской Федерации распространяется недостоверная информация, в том числе заведомо ложные сообщения об угрозе совершения террористических актов. В информационно-телекоммуникационной сети «Интернет" размещаются материалы террористических и экстремистских организаций…»[3].

Обострившаяся опасная обстановка в информационном поле, сложившаяся с введением Специальной военной операции, показала, что информационная война, ведущаяся против России, требует резкого наращивания мобилизационных усилий в области информационного противостояния противнику.

Законодательно категория «информационная война» применительно к терроризму не получила еще четкого закрепления. Так, например, в Федеральном законе «О противодействии терроризму» в Ст. 11 «Правовой режим контртеррористической операции» предусмотрено применение: в п.4 «ведение контроля телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем, а также осуществление поиска на каналах электрической связи и в почтовых отправлениях в целях выявления информации об обстоятельствах совершения террористического акта, о лицах, его подготовивших и совершивших, и в целях предупреждения совершения других террористических актов» и в п. 7 «приостановление оказания услуг связи юридическим и физическим лицам или ограничение использования сетей связи и средств связи»[4]. Такое положение, когда не прописана предупреждающая террористические атаки деятельность, создает преимущественные условия для террористов.

---

[1] Кашицын И. Казнь 21 копта боевиками ИГИЛ: плод «арабской весны» в Ливии // Православие.ru. 25 февраля 2015 г. URL: https://pravoslavie.ru/77502.html (дата обращения 06.01.2023)

[2] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» URL: https://base.garant.ru/401425792/ (дата обращения 06.01.2023)

[3] Там же.

[4] Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии терроризму» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/6e2f32c576ae5160ecf8b27d143a1700727e727b/ (дата обращения 06.01.2023)

Таким образом, можно утверждать, что противодействие терроризму в информационном пространстве является комплексом мероприятий, взаимосвязанных между собой и находящихся в культурной, образовательной, информационной, правовой, экономической и политической сферах жизнедеятельности российского государства. Необходимо создание собственных кибер-войск для отражения террористических угроз и атак, защиты духовных ценностей нашего многонационального народа от разрушительных, деструктивных идеологий, проповедующих насилие, ксенофобию, религиозный фанатизм, несущих с собою смерть – физическую и духовную, что угрожает национальной безопасности Российской Федерации [2].

Государственная политика противодействия террористическим угрозам в информационной сфере должна быть направлена на координацию совместных усилий субъектов борьбы с терроризмом не только путем проведения контртеррористических операций, но и опережающей деятельности в области защиты морального и психологического состояния граждан от негативного воздействия террористов через средства массовой информации. Необходимо осознавать, что цифровые технологии составляют в настоящее время такой же властный и силовой ресурс, как и традиционные институты образования и религии.

Список источников

1. Седых Н. С. Медиадискурс о терроризме в контексте информационной и социальной безопасности // Национальная безопасность / nota bene. 2017. № 2(49).
URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-o-terrorizme-v-kontekste-informatsionnoy-i-sotsialnoy-bezopasnosti (дата обращения 05.01.2023)

2. Кузина С. И., Мякинченко Д. И. Информационное насилие: аспекты национальной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 205–209.

References

1. Sedykh N.S. Media discourse on terrorism in the context of information and social security. *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. = National Security / nota bene.* 2017;2(49). Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-o-terrorizme-v-kontekste-informatsionnoy-i-sotsialnoy-bezopasnosti [Accessed 05 January 2023[. (In Russ.)

2. Kuzina S. I., Myakinchenko D. I. Information violence: aspects of national security. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski SKAGS. = State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2015;(3):205–209. (In Russ.)

Информация об авторе

И. Г. Веренич – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

I. G. Verenich – Postgraduate Student of the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.01.2023; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 24.01.2023.
The article was submitted 13.01.2023; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication 24.01.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 297–302
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):297–302

Слово молодым ученым

Научная статья
УДК 338
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-297-302

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНЕДРЕНИЯ НАИЛУЧШИХ ДОСТУПНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ВАЖНОГО КОМПОНЕНТА ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКИ НА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Константин Александрович Власенко

Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия, vlasenk0konstantin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы финансирования наилучших доступных технологий (НДТ) на российских предприятиях, актуальность внедрения которых повышается с каждым годом, особенно на фоне процессов экологизации экономики, а также необходимости достижения страной технологического суверенитета. Грамотный подбор источников финансирования для модернизации производственных процессов на базе новых технологий является одной из важнейших задач финансовых стратегий отечественных предприятий на данном этапе, но не менее важным является выработка корректного механизма финансирования, что обуславливает необходимость его детализации с учетом специфических особенностей процесса внедрения НДТ и идентификации источников финансирования в зависимости от того воспринимается ли финансирование НДТ как дополнительный объект капитальных вложений или рассматривается как инновационный проект, соответствующий критериям «зеленого» инвестиционного проекта. Автор обосновывает, что формирование системы финансового обеспечения НДТ является фундаментом для оптимизации финансовой стратегии предприятия, которая в последующем будет способствовать более быстрому переходу на экономику замкнутого цикла.

Ключевые слова: финансовое обеспечение наилучших доступных технологий, циркулярная экономика, «зеленое» финансирование, инвестиционный проект, источники финансирования

Для цитирования: Власенко К. А. Особенности финансового обеспечения внедрения наилучших доступных технологий как важного компонента циркулярной экономики на производственных предприятиях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 297–302. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-297-302

Young scientists

Original article

FEATURES OF FINANCIAL SUPPORT FOR THE INTRODUCTION OF BAT AS AN IMPORTANT COMPONENT OF THE CIRCULAR ECONOMY AT MANUFACTURING ENTERPRISES

Konstantin A. Vlasenko

K. L. Khetagurov North Ossetia State University, Vladikavkaz, Russia, vlasenk0konstantin@yandex.ru

Abstract. The article discusses the issues of financing the best available technologies (BAT) at Russian enterprises, the relevance of the introduction of which is increasing every year, especially against the background of the processes of greening the economy, as well as the need for the country to achieve technological sovereignty. The competent selection of sources of financing for the modernization of production processes based on new technologies is one of the most important tasks of the financial strategies of domestic enterprises at this stage, but no less important is the development of a correct financing mechanism, which necessitates its detailing, taking into account the specific features of the process of introducing BAT and identifying sources of financing, depending on whether the financing of BAT is

© Власенко К. А., 2023

perceived as an additional object of capital investments or is considered as an innovative project, meets the criteria of a "green" investment project. The author substantiates that the formation of a financial support system for BAT is the foundation for optimizing the financial strategy of the enterprise, which in the future will contribute to a faster transition to a closed-cycle economy.

Keywords: financial provision of the best available technologies, circular economy, "green" financing, investment project, sources of financing

For citation: Vlasenko K. A. Features of financial support for the introduction of bat as an important component of the circular economy at manufacturing enterprises. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(1):297–302. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-297-302

Несмотря на то, что на сегодняшний день наилучшие доступные технологии уже никак нельзя назвать инновационным инструментом повышения экономической и экологической эффективности работы производственных предприятий, концепция перехода к НДТ до сих пор не обрела соответствующего научно-методологического обоснования, которое бы могло стимулировать предприятия на осознанное и инициативное инвестирование в модернизацию производственных фондов и разработку/внедрение технологий, соответствующих критериям НДТ. То же самое касается и процедур организации финансирования их внедрения, – изучение научной литературы, законодательных актов, связанных с подготовкой отраслевых справочников и внедрением НДТ, показывает, что на данный момент не существует какой-либо схемы или алгоритма, который мог бы охарактеризовать специфичность механизма финансирования НДТ, определить порядок действий для предприятия, находящегося на начальных этапах их внедрения, а также идентифицировать всю совокупность доступных в этой ситуации источников финансирования.

В связи с этим нами предпринята попытка разработки алгоритма (рис. 1), который бы описывал последовательность этапов финансового обеспечения процесса разработки и внедрения наилучших доступных технологий исходя из их целевых характеристик и идентификации данного процесса для предприятия либо уже как привычного направления осуществления инвестиционной деятельности (если речь идет о предприятии уже активно внедряющем НДТ или другие технологии, схожие с ними по характеристикам), либо как нового инвестиционного проекта компании (в этом случае компании придется столкнуться с трудностями привлечения дополнительных объемов финансирования, и, скорее всего, из новых, еще не апробированных для себя источников), либо же, как инновационного проекта, соответствующего критериям «зеленого» инвестиционного проекта (в этом случае компания должна рассматривать данное направление инвестирования как сопровождающееся более высоким риском, но вместе с тем, благодаря своему соответствию «зеленым» критериям, претендующее на расширение источников финансирования за счет использования специальных программ государственной поддержки, предназначенных для поддержки проектов, направленных на внедрение НДТ и повышение экологичности производства).

Таким образом, с нашей точки зрения, на первом этапе разработки системы финансового обеспечения в целях внедрения НДТ должно быть уяснено само восприятие процедуры разработки/внедрения НДТ, так как в одном случае, применяемые наилучшие доступные технологии могут быть новыми только для самого предприятия, но при этом иметь достаточно высокий уровень апробации на рынке и доказанную эффективность, а в другом – являться уникальной разработкой самой компании, что обуславливает не только совершенно иные объемы финансирования, но и срок окупаемости и рискованности проекта.

Так, например, в рамках реализации задачи по снижению выбросов, челябинский «Завод ТЕХНО», обнаружил, что для его специфики производства готовых НДТ-решений ни на отечественном, ни на зарубежном рынке просто не существует, поэтому предприятие стало пионером в области разработки НДТ для своей отрасли, при этом предварительно затратив несколько лет только на изучение существующих методов, поиск оборудования, проведение НИКОР, первые из которых не дали положительных результатов [1, с. 14]. Таким образом, мы видим, что для ряда предприятий внедрение НДТ становится не только направлением инвестиционных вложений (иногда весьма масштабных), но и процессом, полностью соответствующим критериям инновационности, что следует учитывать при подборе источников финансирования.

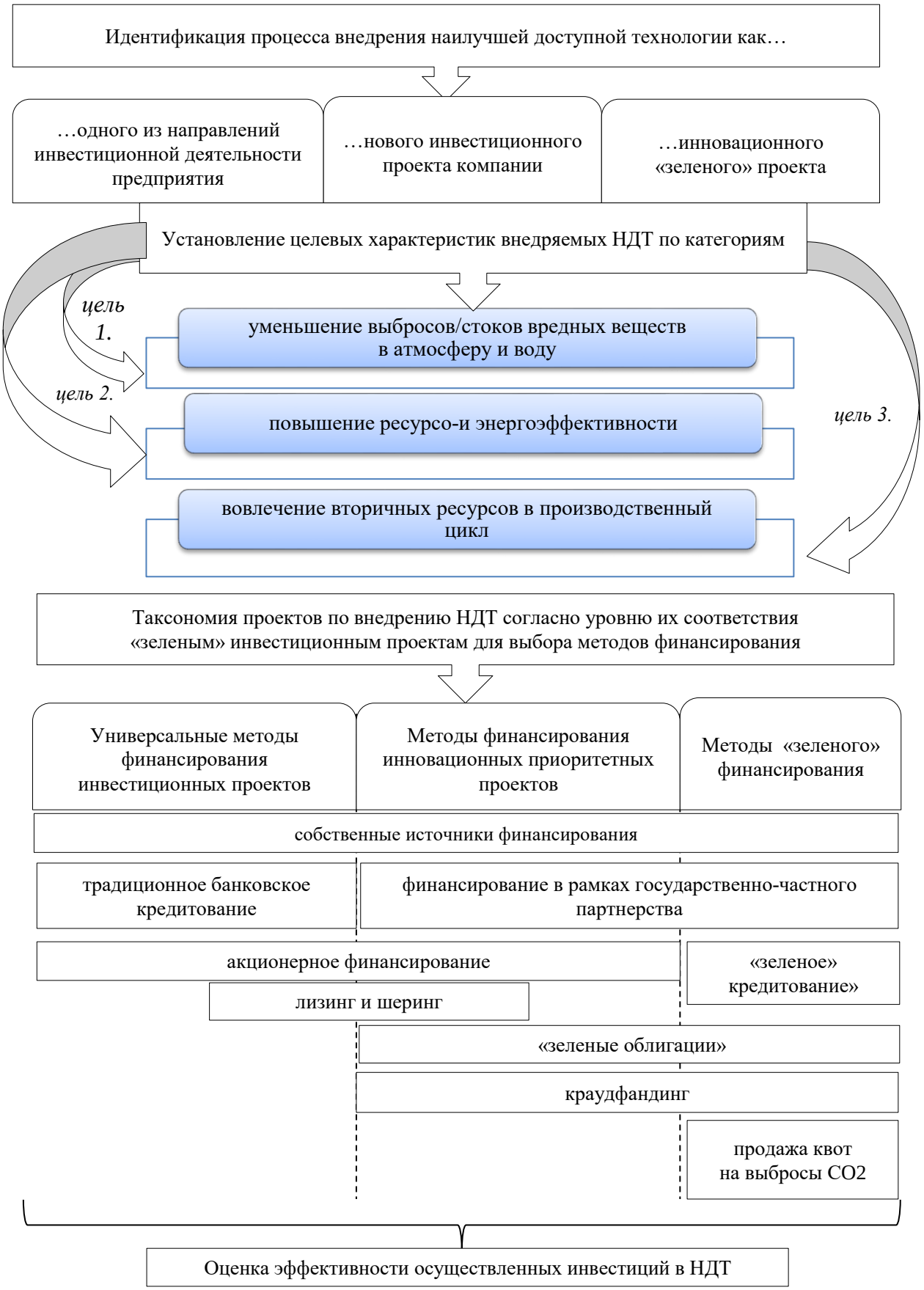


Рис. 1. Алгоритм финансового обеспечения внедрения наилучших доступных технологий
Fig 1. The algorithm of financial support for the introduction of the best available technologies

В качестве еще одного примера можно привести опыт компании «Эгида», производящей пенополиуретан, которой также пришлось разрабатывать собственную технологию рециклинга поролона, - тем самым внедряемое НДТ заложило основу для перехода предприятия к использованию базовых принципов экономики замкнутого цикла. В то время как в России уже существует опыт механической переработки промышленных обрезков, данная компания предлагает глубокую химическую переработку вторсырья. При этом изначально в этих целях планировалось купить уже существующую немецкую технологию, но оказалось, что полученный при использовании такой технологии материал не соответствует высоким требованиям качества, предъявляемым Эгидой к своей продукции, полученной из вторсырья. В связи с этим было принято решение о реализации инновационного проекта по разработке и внедрению таких НДТ, которые позволили в ходе рециклинга получить пенополиуретан высокого качества, подходящий для использования в мягкой мебели, акустических панелях и т.д.

Так как мы уже упоминали достаточно масштабные инвестиции, которые требуются компаниям для реализации НДТ, особенно пилотных, укажем, что покупка готовой технологи в этом случае обошлась бы данной компании в 3 млн евро, а производство собственной - оценивается в 5 млн евро, кроме того, для налаживания процесса переработки требуется от 5 до 10 лет [2]. Естественно, что для реализации таких проектов традиционное финансирование если и может быть привлечено, то в весьма ограниченном объеме, в то время как у предприятия есть возможность использовать специфические источники финансового обеспечения, применение которых доступно только для компаний, внедряющих НДТ или «зеленые» инвестиционные проекты, которые в подавляющем большинстве случаев также могут выступать как наилучшие доступные технологии.

Вторым этапом алгоритма разработки системы финансового обеспечения НДТ, с нашей точки зрения, должно стать установление целевых характеристик внедряемых НДТ по категориям, то есть определение тех основных целей, ради которых осуществляется их разработка и внедрение. Мы выделили три основных категории;

- при внедрении технологий, направленных на уменьшение выбросов/стоков вредных веществ в атмосферу и воду, основной целью является соответствие требованиям экологического законодательства и «экологизация» производства (цель 1), поэтому предприятие может рассчитывать на привлечение всего спектра источников финансирования, предусмотренных для поддержки «зеленых» проектов («зеленое» банковское кредитование, субсидии федерального и регионального бюджетов, продажа квот на выброс CO_2 и т.д.);

- при внедрении технологий, направленных на повышение ресурсо-и энергоэффективности, кроме задач экологизации производства, на первом месте находятся задачи снижения себестоимости продукции, экономии на издержках, более эффективном вовлечении ресурсов в хозяйственный оборот, - фактически полноценная реализация этих мероприятий и приводит к формированию основы для построения экономики замкнутого цикла. Достижение данной цели способствует устойчивому развитию предприятия за счет сбалансированной реализации как экономических, так и экологических интересов предприятия, а поэтому позволяет привлечь широкий спектр самых разных источников финансирования, а реализуемые проекты не обязательно требуют масштабных капиталовложений и долгой окупаемости, что повышает привлекательность таких проектов в глазах инвесторов. При этом основной целью реализации данных мероприятий (цель 2) является повышение экономической эффективности производства и рост сопутствующих финансово-экономических показателей – рентабельности, деловой активности, фондоотдачи и т.д.;

- вовлечение вторичных ресурсов в производственный цикл можно считать продолжением реализации цели по ресурсосбережению, но уже на более высоком уровне (цель 3). Методами финансирования в этом случае могут выступить как традиционные, так и специфические методы, велика также вероятность привлечения государственного финансирования, в том числе и на основе государственно-частного партнерства (ГЧП), так как сейчас достаточно большое количество проектов по переработке ТКО и использовании вторсырья в производственном процессе, пользуются весьма масштабной государственной поддержкой. Сбор и переработка вторсырья за счет использования НДТ подпадает под действие программ господдержки как в рамках стимулирования внедрения НДТ, так и в рамках поддержки «зеленых» инвестиционных проектов.

На основе приведенной нами классификации НДТ-проектов по целям осуществляется следующий важный этап предлагаемого алгоритма – таксономия проектов по внедрению НДТ согласно уровню их соответствия «зеленым» инвестиционным проектам для выбора методов финансирования и соответствующих им источников финансового обеспечения. При этом для каждого проекта, направленного на разработку и внедрение НДТ, действует широкий спектр мер государственного стимулирования: налоговые льготы; заключение специальных инвестиционных контрактов; предоставление льгот, связанных с внесением платежей за негативное воздействие на окружающую среду; прямое финансирование из бюджета [3].

Однако следует учитывать, что сама концепция НДТ предусматривает от внедрения новых технологий для самого предприятия получение экологического эффекта, но не в ущерб экономическому, поэтому приоритет в финансовом обеспечении данного процесса, согласно Паспорту федерального проекта «Внедрение наилучших доступных технологий», отдается внебюджетным источникам финансирования, - до 2024 года финансирование из федерального бюджета предусмотрено на уровне 27 300 млн руб., в то время как внебюджетные источники должны составить 2 400 000 млн руб., то есть доля бюджетного финансирования составляет немногим более 1%[1]. Из этого следует, что получить такое финансирование смогут далеко не все проекты, а только те, которые пройдут достаточно жесткий отбор соответствия количественным и качественным критериям таксономии НДТ-проектов[2].

На четвертом этапе реализации предложенного на рис. 1 алгоритма осуществляется выбор конкретных источников финансирования. Как мы видим, предложенный перечень намного шире традиционного перечня собственных, заемных и привлеченных источников финансирования инвестиционных проектов, так как при внедрении НДТ у предприятий появляется возможность использовать специальные финансовые инструменты, например, «зеленое» кредитование, в основе предоставления которого уже учитывается возможный инновационный характер реализуемого проекта, а также целевой характер направления средств – на модернизацию и повышение эффективности производства для получения экономического, социального и экологического эффекта. При этом важно обозначить проблему контроля эффективности выделяемого финансирования под реализацию НДТ-проектов, вне зависимости от того, предоставляется оно банком, государством или частным инвестором, что связано, во-первых, с недостаточным накоплением практики внедрения НДТ на российских предприятиях и лучших практик, а во-вторых, с отсутствием систематизации статистических данных, отражающих не только результаты внедрения НДТ, а хотя бы объемы их финансирования, количество внедренных и разработанных инноваций в этом направлении и т.д. [5, с. 112]**.** В целом, информация о реализации НДТ-проектов носит очень разрозненный характер, а количественная оценка реализации или внедрения НДТ на данный момент отсутствует.

В связи с этим последним этапом реализации алгоритма финансового обеспечения НДТ является оценка эффективности произведенных капиталовложений. Ввиду отсутствия статистической информации, сейчас невозможно провести такой анализ в целом для всех российских предприятий или в отраслевом разрезе, но в рамках одного предприятия, такая задача является вполне реализуемой. В основу такой оценки должно быть заложено ограниченное число показателей, которые характеризовали бы успешность реализации предприятием экономических целей при достижении адекватного экологического эффекта.

Список источников

1. Кобер П. НДТ пробивают зеленый потолок// Эксперт-Урал. 2022. № 1-3. С. 12-16.
2. Огородников Е. Глобальный НДС, или «Зеленый» передел//Эксперт.2020. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://expert.ru/expert/2020/36/globalnyij-nds-ili-zelenyij-peredel/ Дата обращения: 28.02.2023

[1] Паспорт Федерального проекта «Внедрение наилучших доступных технологий» на период 01.10.2018 - 31.12.2024 // СПС Гарант. С. 10.
[2] Там же. С. 11.

3. Донченко В. Наилучшие доступные технологии (НДТ): внедрение и развитие [Электронный ресурс] Режим доступа: https://journal.ecostandardgroup.ru/eco/kontekst/nailuchshie-dostupnye-tekhnologii-ndt-vnedrenie-i-razvitie/ Дата обращения: 26.02.2023.

4. Скобелев Д.О., Федосеев С.В. Применение справочников по наилучшим доступным технологиям для дофинансовой оценки проектов зеленого финансирования // Вестник евразийской науки. 2021. №2. С. 1-18.

5. Просвирина И. И., Довбий Н. С. Выбор источников традиционного и «зеленого» финансирования наилучших доступных технологий // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 4. С. 101–116.

References

1. Kober P. NDT punch the green ceiling. *Expert-Ural*. 2022;(1-3):12-16. (In Russ.)

2. Ogorodnikov E. Global VAT, or "Green" redistribution. *Expert*. 2020. [Electronic resource]. Available from: https://expert.ru/expert/2020/36/globalnyij-nds-ili-zelenyij-peredel/ [Accessed 28.02.2023].

3. Donchenko V. *The best available technologies (BAT): implementation and development* [Electronic resource]. Access mode: https://journal.ecostandardgroup.ru/eco/kontekst/nailuchshie-dostupnye-tekhnologii-ndt-vnedrenie-i-razvitie/ [Accessed 26.02.2023].

4. Skobelev D. O., Fedoseev S. V. Application of reference books on the best available technologies for pre-financial evaluation of green finance projects. *Vestnik evraziiskoi nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2021;(2):1-18. (In Russ.)

5. Prosvirina I. I., Dovbiy N. S. The choice of sources of traditional and "green" financing of the best available technologies. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*. 2020;12(4):101–116. (In Russ.).

Информация об авторе

К. А. Власенко – аспирант, Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова.

Information about the author

K. A. Vlasenko – Postgraduate Student of the K. L. Khetagurov North Ossetia State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.02.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 10.03.2023.
The article was submitted 28.02.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 10.03.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 303–306
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):303–306
Слово молодым ученым

Научная статья
УДК 33
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-303-306

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ КООПЕРАЦИИ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА

Анна Александровна Караваева

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, karavaeva111@icloud.com

Аннотация. Современная ситуация, сложившаяся в мировой и отечественной экономике, предопределяет необходимость обращения к теоретическому наследию кооперативной мысли, переосмыслению идей прошлого и их адаптации к быстро меняющимся условиям. Автор рассматривает теоретические концепты, обосновывающие формирование кооперативной организации, через призму понятий «провалы» рынка и «провалы» государства. Современные подходы к изучению природы экономических кризисов позволяют утверждать о необходимости интеграции в теорию и практику новых хозяйственных инструментов и рычагов. В работе определены закономерности возникновения государственно-частного партнерства (ГЧП) в качестве механизма, синтезирующего общественные интересы, регуляции публичной власти и мобильность рынка. Автор обосновывает актуальность изучения теории ГЧП в контексте представлений экономических теорий и школ о роли и месте государства в современной экономике. В статье представлено актуальное прочтение теории кооперации для совершенствования российского хозяйственного механизма.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, мобилизация резервов, «провалы» рынка, «провалы» государства, интеграционная платформа, социальный вектор, кооперация, кооперативное движение, устойчивое развитие, эмерджентность

Для цитирования: Караваева А. А. Теория государственно-частного партнерства в контексте теорий кооперации государства и бизнеса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 303–306. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-303-306

Young scientists

Original article

THE THEORY OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE CONTEXT OF THE THEORIES OF COOPERATION BETWEEN THE STATE AND BUSINESS

Anna A. Karavaeva

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, karavaeva111@icloud.com

Abstract. The current situation in the world and domestic economy predetermines the need to turn to the theoretical heritage of cooperative thought, rethink the ideas of the past and adapt them to rapidly changing conditions. The author examines the theoretical concepts that justify the formation of a cooperative organization through the prism of the concepts of «failures» of the market and «failures» of the state. Modern approaches to the study of the nature of economic crises allow us to assert the need to integrate new economic tools and levers into theory and practice. The paper defines the patterns of emergence of public-private partnership (PPP) as a mechanism that synthesizes public interests, regulation of public authority and market mobility. The author substantiates the relevance of studying the PPP theory in the context of the ideas of economic theories and schools about the role and place of the state in modern economics. The article presents an actual reading of the theory of cooperation for the improvement of the Russian economic mechanism.

© Караваева А. А., 2023

Keywords: public-private partnership, mobilization of reserves, «failures» of the market, «failures» of the state, integration platform, social vector, cooperation, cooperative movement, sustainable development, emergence

For citation: Karavaeva A. A. The theory of public-private partnership in the context of the theories of cooperation between the state and business. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(1):303–306. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-303-306

Введение

Новая реальность подстегивает к переосмыслению подходов к управлению экономикой. Анализ трендов развития мировых хозяйственных систем позволяет резюмировать, что темпы экономического роста утрачивают свою положительную динамику. В период глубоких трансформационных процессов отечественной экономике для устойчивого развития необходим инструмент мобилизации внутренних резервов, поиска «точек роста» и адаптации к условиям критической динамики. Одним из таких механизмов является государственно-частное партнерство. Органический синтез интересов и ресурсов частного и публичного партнеров, грамотное распределение рисковой нагрузки позволяют создавать и развивать социально значимые объекты инфраструктуры в условиях «перекоса» государственных расходов и дефицита бюджета.

Активная имплементация ГЧП в национальную хозяйственную систему невозможна без всестороннего комплексного теоретического осмысления этого феномена. Государственно-частное партнерство – продукт внедрения кооперативных концептов в современное экономическое знание. Изучение основ ГЧП в контексте нового витка теорий кооперации обусловлено конкурентоспособностью и эффективностью данного механизма в российской экономике.

Результаты исследования

Кооперативные теории являются концептуальным развитием основных направлений и школ экономической мысли, в фокусе внимания которых сосредоточены вопросы государственного участия в хозяйственной жизни общества.

Мировая практика не знает примеров эффективно функционирующей, свободной от государственного вмешательства, экономики. Мыслители разных эпох отмечали особую роль и место государства в системе общественных отношений.

Плеяда отечественных и зарубежных экономистов (Пол Э. Самуэльсон, Вильям Д. Нордхауз, Дж. Ю. Стиглиц, Л.И. Якобсон и др.) видят необходимость государственных регуляций в купировании «фиаско» рынка (табл. 1). В свою очередь, адепты либерального течения (А. Смит, Ф. Хайек, Дж. Бьюкенен и др.) выступают за ограничение государственного присутствия в экономике. Критикуя регулирующее воздействие государства за высокие трансакционные издержки, а также ограничение экономических свобод, акторы либерализма формулируют категорию «провалы государства» (табл. 1).

Таблица 1 – Концептуальное содержание категорий «провалы рынка» и «провалы государства»

Table 1 – Conceptual content of the categories "market failures" and "state failures"

«Провалы рынка»	«Провалы государства»
Экстерналии	Ограничение конкуренции
Асимметрия информации	Налоговое дестимулирование
Избыточная концентрация и монополизация производства	Парето-неэффективное распределение богатства
Безразличие к проблеме социальной справедливости	Деформация общественного выбора
Невозможность осуществления прорыва в области фундаментальной науки и техники, а также глубокой структурной перестройки национальной экономики	Бюрократизм
Недопроизводство общественных благ	Информационная асимметрия
Отсутствие возможности создания правовых условий	Разрастание «теневой» экономики
Макроэкономическая нестабильность	Ограниченность бюджетных ресурсов

Источник: составлено автором на основе теоретического анализа содержательных аспектов двух категорий.

Известные несовершенства рыночной системы влекут за собой «провалы» государства, которые «накладываются» на первые и порождают целый «шлейф» неэффективных регуляторных решений [1]. Рынок и государство не должны заменять друг друга в случае «провалов» одного из сторон. Две, на первый взгляд, полярные категории являются предпосылкой создания некой интеграционной платформы, квинтэссенцией функционирования которой должно стать масштабирование доли общественного сектора в национальной экономике [2, с. 84]. Однако для обеспечения устойчивых темпов развития хозяйственной системы необходимо синтезировать интересы трех участников экономических отношений: государства, предпринимательства и общества. Очевидно, ни один из трех секторов не в силе самостоятельно нивелировать все экономические проблемы. Именно кооперация интересов трех субъектов позволяет обеспечить гармонизацию хозяйственных взаимосвязей и придать им социальный вектор развития.

Преимущества кооперативных форм для преобразования общественно-экономических отношений и установления «социального мира» осознавались многими российскими и зарубежными представителями экономической мысли (Ш. Фурье, Р. Оуэн, А. Н. Анцыферов, В. Ф. Тотомианц, М. И. Туган-Барановский и др.). Кооперативный феномен объяснялся идеями от сглаживания социальных конфликтов до коренного переустройства общества.

Ретроспектива поступательного развития кооперативного движения в теории и практике свидетельствует о высокой востребованности и научной обоснованности нового прочтения концепта кооперации, не только в связи с современными трендами цивилизационного развития, но и в силу сущностной трансформации самой кооперативной формы, адаптирующейся к семантике социально-экономического процесса [3]. Кооперативная теория не является сугубо узкоэкономической [4]. Она отражает форму экономических отношений и в тоже время нацелена на достижение социального идеала: решение социальных проблем, достижение социальной справедливости, повышения общественного благосостояния.

Одним из механизмов достижения названной выше цели выступает государственно-частное партнерство. Именно ГЧП позволяет развивать кооперативные отношения государства и бизнеса в процессе поиска экономического и социального консенсуса [5]. Сочетая мобильность рынка и финансово-правовые регуляции государства в целях реализации совместных инфраструктурных проектов, ГЧП образует новую, специфичную систему, не сводящуюся к сумме элементов объединяемых подсистем (свойство эмерджентности). Эмпирический анализ опыта применения инструментов государственно-частного партнерства демонстрирует, что при грамотном структурировании проекта и успешной его реализации, использование ГЧП взаимовыгодно для публичной власти, предпринимательства и населения.

Заключение

1. Ретроспектива воззрений идеологов исследовательских парадигм ведущих экономических школ и течений позволяет утверждать о необходимости интеграции государственных регуляций в систему общественно-экономических отношений.

2. Для устойчивого развития экономики необходимо обеспечить кооперацию ресурсов и интересов трех секторов: государства, бизнеса и общества, создав интеграционную платформу. Материалы данного исследования подтверждают, что партнерство трех участников хозяйственных отношений позволяет упредить как «провалы» рынка, так и «провалы» государства.

3. Неустойчивость национальной экономики к глобализационным процессам усиливает необходимость нового прочтения кооперативной теории. Кооперация показала способность стать переходной формой, смягчающей движение к принципиально новым условиям хозяйствования.

4. Кооперативный сектор – «цивилизатор» экономики. Государственно-частное партнерство как новый виток кооперативного движения позволяет найти экономический и социальный консенсус.

Список источников

1. Бондаренко И. А., Асланова О. А. Экономическое развитие и «провалы» государства // Вестник Академии знаний. 2020. № 36(1). С. 30–35.

2. Кузнецов А. С., Подоляко Д. А. «Провалы рынка» и «провалы государства» как предпосылки для взаимодействия государства и бизнеса // Вектор экономики. 2020. № 5(47).

3. Егоров В. Г. Кооперация в экономической теории и современных трендах хозяйственного развития // Инновации и инвестиции. 2014. № 4. С. 54–59.

4. Ватлина Л. В. Эволюция взглядов на кооперацию в русской экономической мысли // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2014. № 4 (11). С. 3–12.

5. Безгина О. А. Кооперативное движение в России: теория и история: учеб. пособие. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2012. 187 с.: обл.

References

1. Bondarenko I. A., Aslanova O. A. Economic development and "failures" of the state*. Vestnik Akademii znanii = Bulletin of the Academy of Knowledge.* 2020;36(1):30–35. (In Russ.)

2. Kuznetsov A. S., Podolyako D. A. "Market failures" and "state failures" as prerequisites for interaction between the state and business. *Vektor ekonomiki = Vector of Economics*. 2020;5(47). (In Russ.)

3. Egorov V. G. Cooperation in economic theory and modern trends of economic development. *Innovatsii i investitsii = Innovation and investment*. 2014;(4):54–59. (In Russ.)

4. Vatlina L. V. Evolution of views on cooperation in Russian economic thought. *Vestnik Sibirskogo universiteta potrebitel'skoi kooperatsii = Bulletin of the Siberian University of Consumer Cooperation*. 2014; 4(11):3–12. (In Russ.)

5. Bezgina O. A. *Cooperative movement in Russia: theory and history:* textbook. stipend. Togliatti: Publishing House of TSU; 2012. 187 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Караваева – аспирант кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. A. Karavaeva – Postgraduate Student of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 10.02.2023.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 09.02.2023; accepted for publication 10.02.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 307–312
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):307–312

Слово молодым ученым

Научная статья
УДК 316.422.42
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-307-312

РОЛЬ СОВЕТА СУДЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМОЙ

Анастасия Владимировна Макарова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, anastasiamakarova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу профессиональной общности российского судейского корпуса. Выделены основные периоды деятельности Совета судей Российской Федерации – институции, трансформировавшей кадровый корпус судей в профессиональную корпорацию. Охарактеризованы практики профессионализации судейского корпуса с конца 1980-гг. по настоящий период в ракурсе общественно-политических изменений и перехода страны к новой государственности. Проанализированы меры, предпринимаемые Советом судей Российской Федерации в течение тридцати лет его существования по совершенствованию управления судебной системой, сохранению единого правового поля, обеспечению социального порядка и стабильности государственности. Обозначены перспективы развития судейского профессионального сообщества, а также основные векторы дальнейшей работы Совета судей в свете актуальных изменений внутренней и международной повестки.

Ключевые слова: суд, профессиональная общность, Совет судей, судебная система, управление, эффективность

Для цитирования: Макарова А. В. Роль Совета судей Российской Федерации как профессионального сообщества в процессе совершенствования управления судебной системой // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 307–312. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-307-312

Young scientists

Original article

THE ROLE OF THE COUNCIL OF JUDGES OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A PROFESSIONAL COMMUNITY IN THE PROCESS OF IMPROVING THE MANAGEMENT OF THE JUDICIAL SYSTEM

Anastasia V. Makarova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, anastasiamakarova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the sociological analysis of the professional community of the Russian judicial corps. The main periods of activity of the Council of Judges of the Russian Federation, an institution that transformed the cadre of judges into a professional corporation, are highlighted. The practices of professionalization of the judiciary from the late 1980s to the present period are characterized from the perspective of socio-political changes and the country's transition to a new statehood. The measures taken by the Council of Judges of the Russian Federation during the thirty years of its existence to improve the management of the judicial system, preserve a unified legal field, ensure social order and stability of statehood are analyzed. The prospects for the development of the judicial professional community are outlined, as well as the main vectors of further work of the Council of Judges in the light of current changes in the domestic and international agenda.

© Макарова А. В., 2023

Keywords: court, professional community, Council of Judges, judicial system, management, efficiency

For citation: Makarova A. V. The role of the Council of judges of the Russian Federation as a professional community in the process of improving the management of the judicial system. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(1):307–312. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-307-312

Стабильное функционирование и благополучное развитие общества невозможно без наличия гармоничного сочетания социального и правового порядков, которые обеспечиваются деятельностью важнейших социальных и правовых институтов – прежде всего, деятельностью независимого и беспристрастного суда, обеспечивающего социальную справедливость и доверие граждан к государству.

Унифицированная и эффективная система судебных организаций – важнейшая часть социальной структуры, стабилизирующая общественный организм, а судейский профессиональный корпус – это слой высокостатусных специалистов, с одной стороны, – осуществляющих функционал регуляции общественных отношений, а с другой стороны, – являющихся опорой государства, представляющих собой лояльную социальную общность.

Юридическая профессия является одной из «традиционных», исторически первых профессий в «чистом» виде, предполагающих монополию селекции и автономию существования, а также на перманентный процесс профессионализации, посредством которого должность влечет претензию на статус и, следовательно, вознаграждение и привилегии профессии [1, с. 104].

Профессия является способом объединения людей на основе одинаковых или схожих функций деятельности. Профессиональная общность – это социальная целостность, характеризуемая единой системой ценностных установок, сходством мотивации, осознанием идентичности, аналогичными чертами образа жизни [2, с. 14–15].

За последние тридцать лет становления и развития новой российской государственности, судейский корпус качественно изменил свои характеристики и стал настоящим профессиональным сообществом, способным оказывать влияние на системообразующие процессы в сфере правоохранительной и правоприменительной деятельности.

Еще классик социологической мысли – Эмиль Дюркгейм отмечал, что профессиональная деятельность может регламентироваться только группой достаточно близкой к самой профессии, чтобы чувствовать все ее потребности и иметь возможность следить за всеми их изменениями [3, с. 9]. Любое профессиональное сообщество стремится четко определить и легитимизировать профессионально-должностные статусы своих членов, особенно в ситуации серьезных трансформационных процессов, происходящих в обществе.

Так, в августе 1989 г. в перестроечный период, характеризовавшийся «парадом суверенитетов», переходом к новым формам экономической деятельности, забастовочным движением, дифференциацией и последующей конфронтацией политических сил, увеличением эмиграционных потоков, был принят Закон «О статусе судей в СССР», закрепивший высокое звание, независимость, неприкосновенность как ключевые характеристики их должностного статуса. Помимо этого, пятый раздел данного правового акта содержал нормы, устанавливающие основы судейских профессиональных объединений и регулирующие деятельность конференций и квалификационных коллегий судей.

Конференции предполагали совместную работу судей, представляющих все административно-территориальные единицы страны. На этих мероприятиях предполагалось обсуждение текущих вопросов судебной практики, применения действующего законодательства, формирование коллективных предложений с целью обращения в высшие инстанции для получения комментариев и другие аспекты правосудия. Однако, уже в скором времени, конференции превратились в платформу дискурса по вопросам ресурсообеспеченности судопроизводства, социальной защиты судей, межведомственного взаимодействия. По сути, участники этих мероприятий начали самоорганизовываться в профессиональное сообщество.

В октябре 1991 г. в сложной социально-политической обстановке состоялся I Всероссийский съезд судей. В ходе его заседания было сформировано решение о создании постоянно действующей

институции, представляющей интересы судей в иных органах государственной власти только что появившейся Российской Федерации, а также выступающей активным проводником необходимой судебной реформы. Эта институция имела сетевой характер, представляя с одной стороны все административно-территориальные единицы государства, а с другой стороны – поддерживала через представителя постоянную связь с профессиональными сообществами судей в регионах.

Весной 1992 г. появился и первый состав Совета судей, основной задачей которого было – обеспечить состоятельность судебной власти, в том числе, и через решение вопросов о внутренних потребностях судейского сообщества. Ведь к этому моменту, российская судебная система находилась в кризисном состоянии, в том числе по причине кадрового голода по всем регионам прошла волна увольнений, а желающих занять освободившиеся вакансии не было.

Поэтому первым шагом Совета судей стала успешная попытка полностью определить правовой и профессионально-должностной статус судей. В трехмесячный срок был подготовлен проект закона «О статусе судей в Российской Федерации», который значительно отличался по своему идейному характеру от версии, разработанной Министерством юстиции. Он содержал ключевую характеристику – независимость и давал соответствующие гарантии. О том, что независимость – это основной побудительный мотив к занятию профессией судьи, свидетельствуют и данные социологических опросов того периода, согласно которым около половины судей считают независимость и самостоятельность одним из важных условий общественного авторитета судьи, а треть отдают этим условиям предпочтение перед всеми иными [4, с. 30].

В период становления новой российской государственности с 1993 по 1996 год Совет судей приобретает интегрирующую роль, объединяя в себя судей судов не только всех субъектов, но и всех уровней и всех юрисдикций, что подчеркивает признание этой институции со стороны профессионалов и стремление к активной вовлеченности в ее деятельность. Это отразилось в принятии Кодекса чести судьи Российской Федерации, документа, который полностью отразил ценностные ориентации – важность и авторитетность профессии, компетентность, беспристрастность, личное достоинство профессионала. Важно отметить, что принятие Кодекса происходило в сложных социально-экономических условиях и нужно отдать должное, что Совет не концентрировался в те времена на решении сугубо материальных вопросов, связанных с денежным содержанием, сохранением имеющихся или введением новых привилегий и льгот.

Еще одним важным свидетельством осознания себя общностью, способной к серьезным совместным действиям, стала в тот период работа над законом «О судебной системе в Российской Федерации». Именно тогда произошло фактическое отделение от исполнительной ветви власти через переход от подчинения Министерству юстиции к органу подотчетному самому судейскому корпусу – Судебному департаменту. Таким образом, самые чувствительные вопросы – ресурсообеспеченность, организационная и кадровая составляющая – перешли в зону влияния и управления самого профессионального сообщества, что обеспечило единый правовой статус всех его участников на территории такого большого государства, требующей сохранения и единого правового пространства.

Вторая половина девяностых годов характеризовалась работой Совета над появлением новых институтов и акторов, дополняющих судебную систему – службы судебных приставов, обеспечивающих безопасность судей, и мировых судей, деятельность которых во многом помогла оптимизировать служебную нагрузку. Принятие разработанного ранее закона о судебной системе позволило в это время закрепить еще и финансовую сторону независимости сообщества, ведь Совет судей получил полномочия по формированию бюджета судебной системы, отделившись еще больше от исполнительной власти в лице уже Министерства финансов.

В первое пятилетие нулевых годов судейское сообщество оказалось в эпицентре общественных дискуссий, участниками которых были политические деятели, ученые-правоведы, журналисты, все они касались статуса судьи, в части его ограничения. Сообщество смогло отстоять свои социально-правовые позиции и одновременно сделало успешную попытку отрегулировать вопросы взаимодействия со средствами массовой информации, не редуцировав при этом принципы гласности и публичности правосудия. Совет концептуализировал информационную политику судебной системы, инициировал проведение конкурса на лучший материал в СМИ о деятельности судов, а также создал по сути собственное СМИ – научно-аналитический журнал «Судья». Все эти меры

позволили выйти на качественно другую модель связей с общественностью – двусторонне-симметричную, предполагающую, что сообщество может публично не только выразить свою позицию, но и отстоять ее.

Во второй половине нулевых работа Совета была сконцентрирована на аспектах социальной защиты судейского корпуса в части необходимости психологического обеспечения служебной деятельности, использования научного подхода при определении норм служебной нагрузки, обеспечения жильем и улучшения жилищных условий, медицинского и санаторно-курортного обслуживания самих судей и членов их семей. Принятые меры способствовали как укреплению профессионального статуса, так и повышению престижности и привлекательности профессии.

Кроме того сообщество отреагировало и на развитие информационных технологий, приложив серьезные усилия для создания государственной автоматизированной системы «Правосудие», по сути – своего единого информационного поля, обеспечивающего и целостность поля правового.

Однако техническое обеспечение работы с информацией стало не единственным достижением описываемого периода. Были предприняты шаги по оптимизации взаимодействия с населением и в рамках разработки методических рекомендаций по размещению информации на официальных интернет-ресурсов судов, а также отрегулированы формы реагирования судей на обращения граждан.

Следующее десятилетие нового века было отмечено работой сообщества в отношении совершенствования механизмов карьерных траекторий через совершенствование таких практик профессионализации как процедура присвоения квалификационных классов судьям, дифференциация и увеличение их количества с корреляцией денежного вознаграждения, процедура квалификационного экзамена. Внимание впервые было обращено и к вопросам повышения уровня оплаты труда аппаратным работникам судов: помощникам и секретарям.

В 2012 г. на восьмом Всероссийском съезде судей Президент РФ В. В. Путин отметил важность открытости судебной системы и высокого уровня доверия населения к этому социальному институту. Безусловно, поскольку система правосудия представляет собой сложную институциональную среду, включающую полицию, суды, прокуратуру, тюрьмы, то потенциальные доверительные отношения в отношении системы правосудия также предлагают сложную картину, поскольку они могут перемещаться между разными социальными субъектами в разных направлениях [5]. Выделяют доверие населения к институтам правосудия; доверие системы правосудия к людям; доверие внутри системы правосудия, между ее учреждениями и участниками [6].

На конец января текущего года, по данным ВЦИОМ, судебную систему одобряли 38 % граждан, не одобряли – 30,1 %. Позитивная динамика присутствует. В 2012 г. число лиц, оценивающих положительно деятельность судов и судей согласно ФОМ составляло 24 %, а отрицательно – 40 %[1].

Также серьезным пластом работы Совета в эти годы стала интеграция в российскую судебную систему судейского сообщества вновь присоединенных субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя.

Велась работа и по предотвращению коррупционных проявлений в деятельности судей, причем как аналитического характера, – для Администрации Президента был подготовлен доклад о практике применения проверок соблюдения судьями антикоррупционного законодательства, так и практического – для Верховного суда были подготовлены предложения по совершенствованию порядка предотвращения и урегулирования конфликта интересов. Эти и другие наработки стали основой для становления международного сотрудничества в целях обмена опытом в отношении борьбы с коррупцией, как например участие в мероприятиях международной организации ГРЕКО.

Международное сотрудничество ведется и в рамках дискуссии и обмена опытом относительно нормативно-правового регулирования правосудия с Китайской Народной Республикой, Республикой Кипр, Турецкой Республикой и Республикой Беларусь

2020 год ознаменовался широким использованием дистанционных технологий работы в судах в связи с ограничениями в период пандемии вируса COVID-19. Актуальными вопросами работы Совета стала выработка рекомендаций, а затем и инструментов регулирования следующих

[1] https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-obshchestvennykh-institutov/; https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/13239

технологических решений: оцифровка судебного процесса, безопасное использование онлайн-сервисов, проведение заседаний судов с использованием режима видеоконференцсвязи, аудиопротоколирования и биометрической системой идентификации участников.

2022 год – год тридцатилетнего юбилея Совета судей, на сегодняшний день он из профессионального сообщества превратился в зрелое институциональное образование судейского самоуправления и самоорганизации, способствующее позитивным изменениям судебной системы страны.

Каковы перспективы развития этой уникальной формы объединения профессионалов?

Очевидно, что усилия профессионального сообщества будут концентрироваться на уже ведущейся работе по усовершенствованию и более широкому применению цифровых судебных сервисов с целью повышения доступности для граждан. Кроме того, развитие электронного документооборота, механизмов дистанционного участия в судебных заседаниях, отказ от письменного протоколирования в пользу аудиопротоколирования будут способствовать снижению нагрузки на судебную систему и оптимизации рабочего времени судей и аппаратных работников.

Вопросы служебной этики, социальной защиты и ресурсообеспеченности также не потеряют актуальность в связи с потенциальным расширением правового пространства нашего государства на новые регионы.

Продолжится и работа по совершенствованию судоустройства, например в части развития Суда по интеллектуальным правам, конечно, развиваться будет оптимизация процессов судопроизводства, что позволит повысить качество правосудия и уровень институционального доверия граждан.

Очевидно, что усилят свое значение медиакоммуникационная составляющая, научно-аналитическое направление работы, международное сотрудничество с дружественными странами.

Таким образом, мы можем сделать выводы о том, что за три десятилетия, полных серьезных трансформационных изменений в общественной сфере, в государственном управлении, профессиональная общность судей смогла осознать себя как созидательную силу, выработать четкие идентификационные маркеры, заявить о себе не только как о профессиональном объединении, отстаивающем свои персональные интересы, но и как о мощной экспертной платформе, генерирующей работающие нормативно-правовые акты, обеспечивающие развитие судебной системы России, сохранения единства ее правового поля, обеспечения социального порядка и стабильности государственности.

Этот пример в полном смысле слова может быть признан уникальным, хрестоматийным, а его тиражирование на другие крупные профессиональные корпорации, чей труд является жизненно важным для российского общества, как например: гражданские служащие, медики, педагоги, – позволит добиться солидаризации профессионалов и нового уровня качества общественных услуг.

Список источников

1. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 2 (П-Я): Пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 1999. – 528 с.

2. Зинченко Я.Г. Профессионализация государственной гражданской службы. Монография. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2011. – 136 с.

3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда Метод социологии. М., 1991.

4. Радутная Н.В. Избранное. М.: Издательство Российской академии правосудия, 2010. 349 с.

5. Y. Zinchenko, A. Makarova, V. Provotorova. The Institution of the Court in Modern Russian Society: The Problem of Public Trust // Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference «Current problems of social and labour relations» (ISPC-CPSLR 2020). P. 762-767.

6. Boda, Zsolt. Trust in Justice. Heiko, Prange-Gstöhl (szerk.) Trust at Risk: Implications for EU Policies and Institutions Brussels, Belgium : European Commission, (2017) pp. 152-166 // http://publications.europa.eu/resource/cellar/e512c11b-e922-11e6-ad7c-01aa75ed71a1.0001.01/DOC_1

References

1. *Dictionary of Sociology (Collins).* Vol. 2 (P-YA): Transl. from Eng. Moscow: Veche, ACT; 1999. 528 p. (In Russ.)

2. Zinchenko Ya. G. *Professionalization of the civil service*. Monograph. Rostov-on-Don: SKAGS; 2011. 136 p. (In Russ.)

3. Durkheim E. *Division of Labour in Society. Method of sociology.* Moscow; 1991. (In Russ.)

4. Radutnaya N. V. *Select.* Moskva: Izdatel'stvo Rossijskoj akademii pravosudiya; 2010. 349 p. (In Russ.)

5. Y. Zinchenko, A. Makarova, V. Provotorova. The Institution of the Court in Modern Russian Society: The Problem of Public Trust. In: *Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference «Current problems of social and labour relations»* (ISPC-CPSLR 2020). P. 762-767.

6. Boda, Zsolt. *Trust in Justice.* Heiko, Prange-Gstöhl (szerk.) Trust at Risk: Implications for EU Policies and Institutions Brussels, Belgium : European Commission, (2017) pp. 152-166 // http://publications.europa.eu/resource/cellar/e512c11b-e922-11e6-ad7c-01aa75ed71a1.0001.01/DOC_1

Информация об авторе

А. В. Макарова – аспирант кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

A. V. Makarova – Postgraduate Student of the Department of Sociology of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.02.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 10.03.2023.
The article was submitted 22.02.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 10.03.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 313–318
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):313–318

Слово молодым ученым

Научная статья
УДК 316.43
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-313-318

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Валерия Владимировна Провоторова

Южно-Российский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, lera.provotorova@list.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу изменений российского законотворческого процесса через призму изменений социальной структуры общества. На примере актуального законодательства Российской Федерации, регулирующего социальное обслуживание граждан, предложена методологическая конструкция исследования социальной обусловленности современного законотворческого процесса через определение и оценку социальных факторов, субъектности, форм участия граждан, обращения к экспертному и общественному мнению, научно-аналитическое обоснование. Делаются выводы относительно необходимости социологического обеспечения законотворческого процесса, возможностях применения социологической методологии для его совершенствования в сторону социальной направленности через организацию форм широкого общественного обсуждения для обеспечения цивилизованного диалога государства и общества, а также достижения общественного согласия.

Ключевые слова: законотворческий процесс, социально-демографические факторы, социальная структура общества, социальный механизм, общественный запрос

Для цитирования: Провоторова В. В. Социальная обусловленность современного российского законотворческого процесса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 313–318. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-313-318

Young scientists

Original article

SOCIAL CONDITIONING OF MODERN RUSSIAN LEGISLATIVE PROCESS

Valeria V. Provotorova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, lera.provotorova@list.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of changes in the Russian legislative process through the prism of changes in the social structure of society. Using the example of the current legislation of the Russian Federation regulating social services for citizens, the methodological design of the study of the social conditionality of the modern legislative process through the definition and assessment of social factors, subjectivity, forms of citizen participation, appeals to expert and public opinion, scientific and analytical justification is proposed. Conclusions are drawn regarding the need for sociological support of the legislative process, the possibilities of using sociological methodology to improve it towards a social orientation through the organization of forms of broad public discussion to ensure a civilized dialogue between the state and society, as well as the achievement of public consent.

Keywords: legislative process, socio-demographic factors, social structure of society, social mechanism, public inquiry

For citation: Provotorova V. V. Social conditioning of modern Russian legislative process. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(1):313–318. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-313-318

© Провоторова В. В., 2023

Законотворческий процесс – это подлинно социальная деятельность, в которой на равных началах принимают участие как государство, так и общество, совместной задачей которых является образование, оперативная, в соответствии с общественным запросом, коррекция, а также совершенствование законодательства. Законотворчество по сути своей представляет процесс принятия решений и содержит в себе социальный механизм, а также систему организационных действий.

Исследовать законотворческий процесс необходимо через анализ пути формирования нормы права, а именно необходимы: выявление субъекта, инициирующего решение; выделение ключевых характеристик процесса и акторов принятия решения; прогнозирование трансформации решения; оценка эффективности принятого в виде правовой нормы решения, поскольку речь идет о формировании общезначимых правил поведения.

Методологическая конструкция принятия решения должна выстраиваться через логику соотношения социальных факторов, оказывающих влияние на социальную структуру и процессы, необходимостью является оценка направленности – позитивной, либо негативной и степени влияния каждого на проведение в жизнь нормы права.

Значение имеет и исследование субъектности законотворческого процесса. Работающее решение как правило является результатом широкой вовлеченности населения в его принятие. Условиями такой вовлеченности являются: степень совпадения персонального интереса с общественным и государственным; степень признания и готовности законодателя привлечь к участию в нормотворчестве экспертного сообщества и широких масс населения; содержательность и социальная значимость принимаемого акта; наличие публичных платформ для дискуссий; гражданская солидарность и социальная сплоченность, единое представление о горизонтах планирования.

Формы этого соучастия могут быть самыми разнообразными. Самая очевидная – делегирование населением через механизмы представительной демократии депутатам законодательных органов власти соответствующих полномочий, что не отменяет участия граждан через депутатский наказ и отчет в формировании решения, когда речь идет о законодательных актах, принимаемых на основе конституционных гарантий.

Формы непосредственной демократии могут сформировать решение как общего характера, и, по этой причине не являются часто используемыми, так и решение местного значения, но каким бы ни был охват – оно будет являться обязательным для исполнения государственным органом.

Общественные объединения и их обращения, использование механизмов открытого правительства – обсуждения на электронных площадках субъектов, инициирующих решение – еще одна из форм соучастия, которые активно развиваются в наши дни.

Регулярный анализ общественного мнения, причем мнения, претендующего на компетентность и на выражение его в публичных аналитических отчетах квалифицированными организациями, проводящими прикладные социологические исследования на регулярной основе – важная составляющая как этапа подготовки решения, так и этапа его реализации [1, с. 116].

При гибком сочетании разнообразных форм совместного принятия решения открывается реальная возможность повысить качество законодательства, достичь гражданского согласия и эффективной реализации правовых норм, а в конечном счете – укрепить единое правовое поле государства и обеспечить социальный порядок на длительную перспективу.

Законотворческий процесс проявляется в форме деятельности юридической, содержательный же его аспект – социальный, поэтому социологический анализ законотворчества будет коррелировать с основными его этапами, которые определяются государством, но обращаться он будет каждый раз к актуальным событиям общественной жизни.

Схему социологического анализа законотворческого процесса можно представить тремя последовательно предопределяемыми социальными блоками:

- артикуляция проблемы;
- формирование решения;
- реализация решения [2, с. 86].

Процесс законотворчества запускается с получения от экспертной или квалифицированной широкой общественности информации о блоке социально-значимой проблематики, требующей разработки механизмов преодоления всех проблемных вопросов.

Формирование решения связано с адекватным определением целезадачного блока, выделением направлений реализации задач и их ресурсообеспеченности, сроков и ситуационных факторов: социальных, технологических, экономических и политических для минимизации потенциальных издержек и достижения максимальной эффективности.

Реализация решения возможна только при доведении до сознания обывателя новых образцов поведения. В этой части необходимо широкое информирование населения о законодательном оформлении решения и его народные обсуждения.

Такая модель социологического анализа, концентрирующегося на социальной обусловленности принимаемых решений, хорошо накладывается на сугубо юридическую схему принятия законодательных актов, которая состоит из следующих этапов:

- подготовка субъектом права законодательной инициативы текста законопроекта;
- обсуждение законопроекта;
- внесение законопроекта в Государственную Думу;
- предварительное рассмотрение;
- рассмотрение в чтениях;
- прохождение закона в Совете Федерации;
- прохождение закона у Президента РФ;
- опубликование закона.

Проведем социологический анализ законотворческого процесса на примере принятого в 2013 г. федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».

Инициатором принятия этого решения выступил Президент страны – Д. А. Медведев. 25 октября 2010 г., выступая на заседании президиума Государственного совета, Дмитрий Анатольевич счел необходимым обсудить подготовку нового закона о социальном обслуживании, уточнив, что он может касаться не только людей пожилого возраста, но и всего населения страны. Президент подчеркнул, что тема заботы о людях пожилого возраста – не та тема, которая является предметом общественного внимания, и по этой причине основой для формирования решений было избрано обобщение лучших региональных практик[1].

Таким образом, упомянутый выше закон стал пионерским в отношении формирования содержания – на основе лучших отечественных практик и с привлечением широкого обсуждения.

30 марта 2013 г. законопроект № 249303-6 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» был зарегистрирован и направлен Председателю Государственной Думы. Субъектом права законодательной инициативы выступило Правительство РФ, а первичными субъектами обсуждения – комитеты Государственной Думы по труду, социальной политике и делам ветеранов; по охране здоровья; по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления; по вопросам семьи, женщин и детей.

Проблемное поле было очерчено инициатором в объеме 34 млн чел., интересантами нового акта были обозначены пожилые граждане, инвалиды, семьи с детьми, лица, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации[2]. Основными проблемными вопросами были обозначены: региональные различия в объемах социального обслуживания, доступность, качество, очередность предоставления социальных услуг. В течение двух лет, пока велась подготовка этого правового акта, законопроект проходил процедуру общественного обсуждения, организованную Минздравсоцразвития России. 5 сентября 2011 г. состоялась пресс-конференция, на которой был представлен законопроект

[1] Стенографический отчет о заседании президиума Государственного совета о социальной политике в отношении граждан пожилого возраста и повышении качества их жизни // http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/9332

[2] Распоряжение Правительства РФ от 29 марта 2013 г. № 1717п-П12 «О внесении проекта федерального закона «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации»» // https://sozd.duma.gov.ru/bill/249303-6#bh_histras

и далее, в течение 1 месяца любое заинтересованное лицо могло высказать свое мнение по поводу предлагаемых положений. Кроме того, законопроект неоднократно рассматривался органами государственной власти субъектов Российской Федерации [3, с. 142].

Основная идея этого акта – обеспечение социальной справедливости в части выравнивания объема получения социальных услуг в регионах. Этому способствует изменение источника финансирования. По прежнему законодательству середины девяностых годов, финансирование социального обслуживания было возложено на бюджеты субъектов Федерации, в новом законе в качестве основного источника финансирования прописаны средства федерального бюджета. Несомненно, это важный шаг со стороны центральной власти, свидетельствующий о накопленном к тому времени социально-экономическом потенциале и о готовности взять серьезный объём ответственности, а также нового организационного и контрольного функционала.

Кроме того, законодатель по сути выстроил новую модель организации социального обслуживания с вовлечением новых субъектов. Для этого были осуществлены изменения в содержании основных понятий. Ключевое понятие «социальное обслуживание» стало толковаться расширительно, чтобы не ограничивать субъектность, варианты предоставления услуг, а также расширить их перечень.

Помимо уточнения уже имеющихся, были введены и новые понятия, отражающие изменения в парадигме государственной социальной политики, например, «поставщик социальной услуги», «получатель социальной услуги». Введение понятия «поставщик» позволило расширить рынок социальных услуг, интегрируя туда коммерческие и некоммерческие организации, индивидуальных предпринимателей. Формулировка «получатель» заменила предыдущую, не слишком вписывающуюся идейно в систему российских социокодов – «клиент», ведь социальная работа – это, прежде всего помогающая профессия, требующая особого призвания, а не просто профессиональное занятие, служащее источником средств к существованию.

Возвращаясь к новой модели социального обслуживания, необходимо отметить и нормы, которые не только расширили список участников этого рынка услуг, но и интегрировали со временем новые механизмы – инновационные подходы предоставления социальных выплат и услуг в системе «социального казначейства» – в проактивном режиме; определение объема услуги через ее стандарт, социальный заказ, независимую оценку качества социального обслуживания через, в том числе, опрос граждан.

Еще одним важным акцентом стало определение круга лиц, имеющих право на предоставление бесплатных социальных услуг. По сравнению с предыдущим законодательством, категория безработных граждан была исключена из этого списка, что указывает на стремление законодателя строить государственную социальную политику без культивирования иждивенческих и потребительских моделей поведения у социально уязвимых слоев населения.

Однако необходимо отметить, что, начиная с 2020 г., а также весьма активно в 2022 г. (в условиях пандемии и антироссийских санкций), граждане терявшие работу пользовались оперативными мерами поддержки федерального Правительства, которые вводились в практику, как правило, правительственными распоряжениями [4, с. 16].

Блок формирования решения, таким образом, состоял в определении системы социального обслуживания, перечней услуг и полномочий органов публичной власти, порядков получения услуг и расчетов платы за них, а также стандартизацию услуги.

Принятие данного законопроекта активизировало и изменения других нормативных актов. Прежде всего, они коснулись национальных стандартов социального обслуживания и стандартов социальных услуг, которые частично были актуализированы или разработаны вновь.

Это было связано с необходимостью легитимации новой модели социального обслуживания, которая предполагала во-первых, – необходимость обеспечения в полном объеме потребности населения в социальных услугах на местах; во-вторых, – возможность формирования негосударственного сектора социального обслуживания с условием равного доступа на этот рынок; в-третьих – обеспечение прежде всего социальной эффективности и качества предоставляемых услуг.

Таким образом, центральным смысловым элементом модели стала сама социальная услуга как общественный запрос, а не организация-монополист, ее предоставляющая и получающая определенный объем финансирования из бюджета и отчитывающаяся самостоятельно по показателям качества и эффективности, которые были определены для самой этой организации. То есть акцент был смещен на услугу, именно к ней привязано теперь и финансирование, и показатели эффективности и качества, что позволяет государству управлять процессом оказания социальных услуг, контролируя ее исполнение.

И, хотя, социальная эффективность является приоритетной, данная модель позволяет оптимизировать объем ресурсов, прогнозируя потребности в услугах и осуществляя расчеты через подушевые нормативы, и, в конечном счете, – формировать адекватный объем государственного задания, выставляемый на конкурсной основе на торги, с целью достижения экономической эффективности в равной степени.

Блок реализации решения прежде всего связан с продвижением общественного контроля и привлечением к этой деятельности заинтересованных организаций. Необходимо отметить, что нормы закона, касающиеся независимой оценки качества условий оказания услуг организациями социального обслуживания, были сформулированы при активном участии представителей общественных организаций в ходе общественных обсуждений законопроекта. В соответствии с этими нормами, на сегодняшний день, все организации, предоставляющие социальные услуги прошли процедуры независимой оценки, которые проводили общественные советы. При этом на руководителей этих организаций была возложена персональная ответственность за непринятие мер по устранению недостатков, выявленных в ходе указанных процедур. Кроме того, качество социального обслуживания – важный параметр деятельности руководителей регионов.

В развитие данного начинания, Министерство труда и социального развития инициировало еще одну меру, позволяющую отслеживать удовлетворенность населения в отношении качества предоставления социальных услуг – это регулярный опрос граждан, интегрированный в структуру официального сайта ведомства, позволяющий любому гражданину высказаться о конкретной организации-поставщике услуги. По итогам обобщения эмпирических данных готовятся рекомендации для поставщиков услуг по улучшению их работы.

Организационно-правовая сторона законотворческого процесса в нашем примере выглядела следующим образом: после рассмотрения профильным комитетом и получения заключения Общественной палаты Российской Федерации, законопроект дорабатывался в рамках трех чтений, получил поддержку Парламента Кабардино-Балкарской Республики, и прошел успешное голосование в Государственной Думе (только в рамках первого чтения 89 депутатов проголосовало против принятия законопроекта, в последующих двух чтениях против голосовали 3 и 1 человек соответственно), далее законопроект успешно прошел рассмотрение Советом Федерации и Президентом. Всего этот цикл занял восемь месяцев.

Стоит отметить, что рассматриваемый закон меняется в соответствии с требованиями времени и общественно-политической повесткой, а также социально-экономическими трендами по сей день, последние изменения в него были внесены в конце декабря прошлого года. Очевидно, что и в текущем году нормы могут измениться в свете очередного Послания Президента Федеральному Собранию[1], в рамках которого Президент предложил создать специальный государственный фонд, задачей которого станет адресная, персональная помощь семьям погибших бойцов и ветеранам специальной военной операции с отделениями во всех регионах. Кроме того, можно прогнозировать и появление целого комплекса нормативно-правовых актов, регулирующих предложение Президента уже относительно закрепления персональных социальных работников за семьями участников специальной военной операции.

Безусловно, эти меры еще в большей степени трансформируют законотворческий процесс, преломляя его в сторону социальной направленности и актуализируя его междисциплинарное научное обоснование. В этой связи, по нашему мнению, будет особенно востребована работа по созданию единого Социального кодекса, который аккумулирует в себе все нормы, обеспечивающие реализацию

[1] Послание Президента Федеральному Собранию 21.02.2023 // http://kremlin.ru/events/president/news/70565

социальных прав граждан, и упростит как работу органов публичной власти, курирующих социальную поддержку и защиту, так и повысит информированность, а в перспективе – правую грамотность граждан. Подобные примеры уже существуют в ряде регионов страны, их оценка и тиражирование, а также развитие до полноценного текста потребуют как методологического обоснования, причем не только с точки зрения юридической науки, так и широкого общественного обсуждения, что в перспективе упрочит практику цивилизованного диалога государства и общества и будет способствовать достижению общественного согласия.

Список источников

1. Иванов А. В., Новоженина О. П. Социальные детерминанты обеспечения эффективности государственного управленческого решения / Эффективность государственных управленческих решений в условиях цифровизации : монография / отв. ред. С. М. Зубарев. М.: Проспект, 2023. С. 113–142.

2. Зинченко Г. П., Зинченко Я. Г. Управление поселениями и организациями. Монография. Ростов н/Д., 2017. 192 с.

3. Фирсов М.В., Лельчицкий И.Д., Черникова А.А., Ивлева С.А. Основные тенденции развития социальной работы в период постмодернизации: динамика с 2004-го по 2019 гг. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2022. № 4 (61). С. 141–150.

4. Вдовина М.В., Фирсов М.В., Карпунина А.В., Черникова А. Адаптация к изменениям труда в организациях социального обслуживания в условиях covid-19: результаты социологического опроса // Теория и практика общественного развития. 2022. № 10 (176). С. 14-22.

References

1. Ivanov A. V., Novozhenina O. P. Social determinants of ensuring the effectiveness of state management decisions. In: *Efficiency of state management decisions in the conditions of digitalization* : monograph. S. M. Zubarev (ed.). Moscow: Prospect; 2023. С. 113–142.

2. Zinchenko G. P., Zinchenko Ya. G. *Management of settlements and organizations*. Monograph. Rostov-on-Don; 2017. 192 p. (In Russ.)

3. Firsov M. V., Lelchitsky I. D., Chernikova A. A., Ivleva S. A. The main trends in the development of social work in the period of postmodernization: dynamics from 2004 to 2019. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya = Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology*. 2022;4(61):141–150. (In Russ.)

4. Vdovina M. V., Firsov M. V., Karpunina A. V., Chernikova A. Adaptation to labor changes in social service organizations under covid-19 conditions: results of a sociological survey. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2022;10(176):14–22. (In Russ.)

Информация об авторе

В. В. Провоторова – аспирант кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

V. V. Provotorova – Postgraduate Student of the Department of Sociology of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 09.03.23 принята к публикации 10.03.2023.

The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 10.03.2023.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии, социологии.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07–21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 1 0 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе/Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15). Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержимое.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: *Гончаров В.И.* Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: *Змияк С.С., Игнатова Т.В., Хашева И.А.* Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 4. С. 30–40).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Научные статьи предоставляются по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Тел. 8(863) 203-63-89; e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru; http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1. 2023

Выход в свет 30.03.2023. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8.
Офсетная печать. Бумага офсетная. Объем 20 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 3082.1

Адрес издателя:
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, 84.
Адрес редакции:
Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Принт». 246035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.
Тел.: 8 (3412) 56-95-53